

ВЫПУСК 2

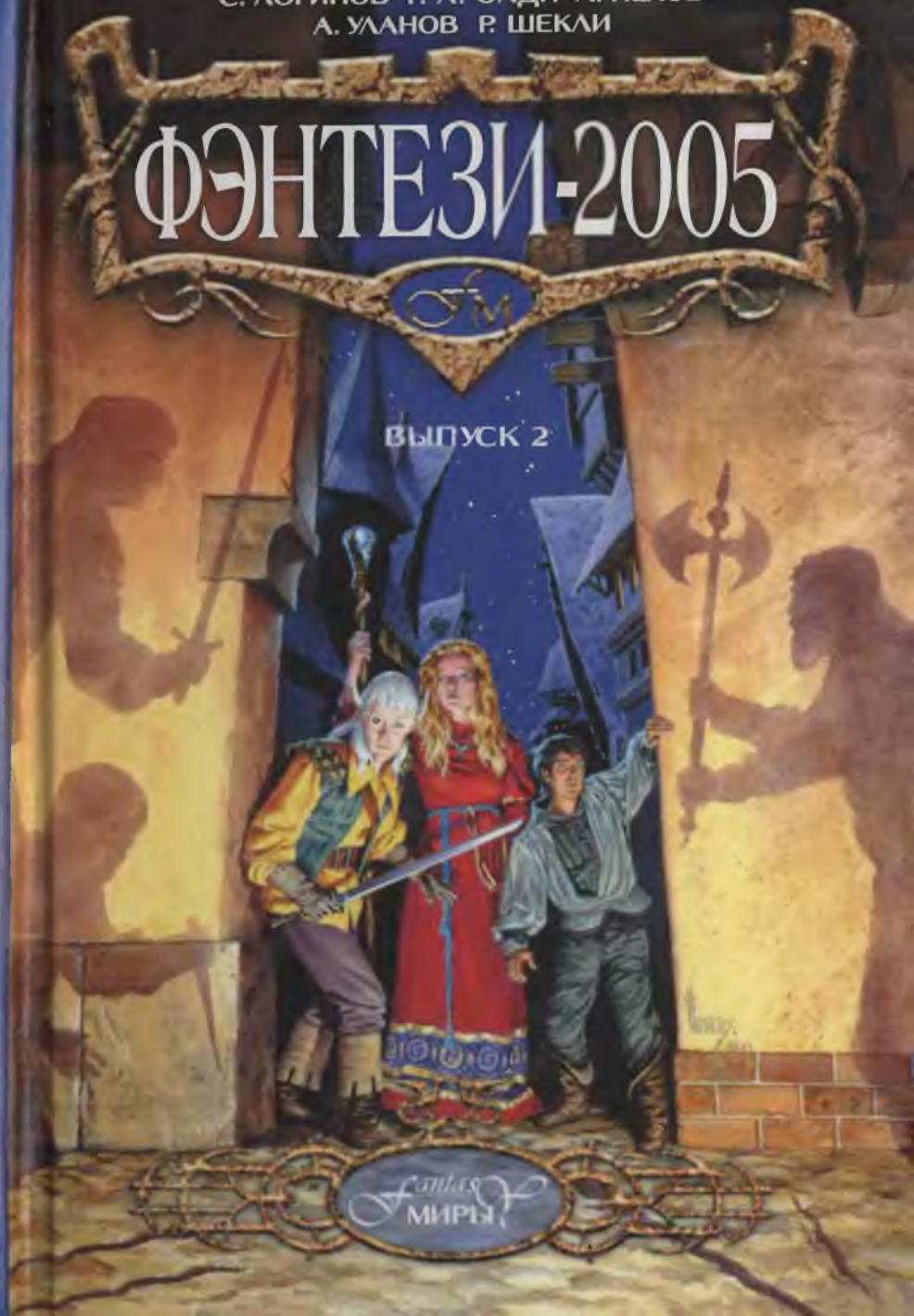
ФЭНТЕЗИ-2005

К. БЕНЕДИКТОВ В. КАМША А. ЗОРИЧ
С. ЛОГИНОВ Г. А. ОЛДИ А. ПЕХОВ
А. УЛАНОВ Р. ШЕКЛИ

ФЭНТЕЗИ-2005

ВЫПУСК 2

Фантазия
МИРА

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ
РОМАН АФАНАСЬЕВ
КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ
АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ
АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ
ВЕРА КАМША
ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ИГОРЬ ПРОНИН
АНДРЕЙ УЛАНОВ
РОБЕРТ ШЕКЛИ
ДЭН ШОРИН

ФЭНТЕЗИ-2005

ВЫПУСК 2

МОСКВА

2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ф 98

Составитель *В. Мельник*

Оформление серии художника *А. Степнова*

Серия основана в 2003 году

Ф 98 **Фэнтези-2005, выпуск 2: Фантастические произведения.** —
М.: Изд-во Эксмо, 2005. — 576 с. — (Миры fantasy).

ISBN 5-699-12544-2

Знаете ли вы, как стать героем и отстоять честь воина, преодолеть проклятие любви, победить в битве магов и обуздать духов нижнего царства? Ведущие писатели, работающие в жанре фэнтези, в очередной раз представляют свои новые произведения, которые распахнут для вас двери в иные миры и экзотические королевства, населенные причудливыми существами.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Аренев В., Афанасьев А., Бенедиктов К.,
Бессонов А., Зорич А., Камша А., Кудрявцев Л.,
Логинов С., Олди Г.Л., Остапенко Ю., Пехов А.,
Пронин И., Уланов А., Шорин Д., 2005
© 2003 by Robert Sheckley
© Перевод. В. Милянин, 2005
© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-12544-2

БИТВЫ МАГОВ

ИГОРЬ ПРОНИН

Куклы всадника Лойоди

В сумерках подъезжая к Риглаву, странствующий всадник Витто Лойоди оказался вовлечен в довольно забавное приключение. Дело в том, что дорога вилась вдоль берега одной из местных речушек, мутной и быстрой, что объяснялось узостью русла. Река протекала через предместья Риглава, и в этот поздний час, когда горожане обильно снабжали ее объедками, помоями и просто нечистотами, отнюдь не благоухала. Пользуясь вечерней безлюдностью дороги, Лойоди держался левой стороны и, если бы не крики бредущих впереди косарей, вовсе не заметил бы попавшего в беду человека. Однако крестьяне вдруг бросились к берегу, принялись размахивать своим опасным инструментом, а потом повернулись и побежали навстречу всаднику, что в других обстоятельствах могло бы его немало встревожить.

«Добро какое-то плывет», — предположил Лойоди, направляя коня к реке.

Кочевая жизнь приучает всадника совать нос всюду, где риск остаться без этой части тела не превышает стоимости возможного выигрыша. Не слишком пока интересуясь плывущим предметом — золото не плавает! — Лойоди спешил и присел на берегу, всматриваясь в бурлящие воды. Река не заставила всадника ждать и тут же похвасталась своим приобретением: это оказался всего-навсего человек. Однако Церковь, какое учение ни возьми, всегда предписывает помогать утопающим.

К чести всадника, он действовал куда ловчее, чем сиволупые косари.левой рукой крепко вцепившись в корни, Лойоди свесился над бурлящим потоком и мгновенно выхватил то, что

только и умеет быстро выхватывать человек его профессии, — меч. Именно в этот миг незнакомец скрылся под водой, будто река убоялась остаться без добычи. Несомненно, ей бы удалось провести кого-нибудь робкого, привыкшего во всем сомневаться, но не всадника. Лойоди погрузил меч в пучину и победил, то есть — попал.

Кряхтя от натуги, всадник еще с минуту поборолся с рекой, но сумел-таки одной рукой и удержать улов, и подвести его ближе к берегу, и приподнять, чтобы увидеть, куда именно угодил клинок. Крестьяне были уже рядом, но времени, чтобы стряхнуть с меча покойника и развести руками, у Лойоди имелось достаточно. Само по себе возможное убийство всадника не тревожило: на Горнем Суде он легко сумеет доказать, что пытался лишь спасти несчастного. Но помимо Горнего имеется суд и обычный, к племени свободных меченосцев обычно весьма пристрастный.

Опасения оказались напрасными: меч прошел у утопающего между рукой и телом и запутался в тяжелых складках мокрой одежды, а розовый цвет воде придавала кровь из неглубоких царапин. Несколько расстроили Лойоди лишь личность спасенного, мужского пола и весьма преклонных годов, и его же поведение, то есть неподвижность и, похоже, бездыханность.

Подбежавшие косари, рискуя обрушить в реку кусок берега, всей толпой бросились на помощь и вытащили на дорогу обоих. Пока всадник, отойдя в сторону, украдкой вытирал меч о траву, крестьяне давили старику на живот, с маху лупили по хребту, хлестали по щекам, поднимали за ноги и вообще проделывали с трупом все то, чего избегают обычно умершие при других обстоятельствах. Лойоди, даже в сумерках успевший оценить богатство наряда, мельком пожалел, что не стал единственным наледником карманов утопленника, но и только. Что мужикам попало — то пропало. Он уже вдевал ногу в стремя, когда народные целители опять заголосили хором, сменив ругань на хвалы Небу.

— Жив! Жив!

Всадник задержался. Глупо уезжать, не узнав даже, кого спас. Мошенник это, сброшенный с моста разъяренной толпой, или домовладелец, спасавшийся таким образом от грабителей? Лойоди имел достаточно денег для ночлега, но всегда лучше заполучить кров бесплатно. Он подошел ближе и склонился над стариком.

— Это он тебя-вас спас! — тут же сообщил рыжеватый мужик,

державший голову изрыгавшего воду старика на коленях. — И поранил тоже он!

Старик поднял глаза, и Лойоди как-то сразу догадался, что его запомнили навсегда. Он еще раз оглядел наряд спасенного и заметил толстую цепь на оголенной теперь груди. Цепь определенно была золотая... Да уж, с такими купаться не ходят.

— Надо развести огонь, — сказал Лойоди. — Господину необходимо высушить платье.

Крестьяне, которые заметили цепь куда раньше всадника, отнеслись к распоряжению с воодушевлением. Одни забегали по дороге, ломая редкие кусты, другие даже забрались на склон горы в поисках хвороста. Не прошло и пяти минут, как ярко запылал костер, а косари занялись сушкой одежды незнакомца, навесив ее на свой инструмент и поднеся к самому огню. Старик сидел у костра совершенно голый, если не считать той самой цепи, на которой, кстати сказать, болтался немалых размеров изумруд в оправе из белого металла. При виде этого амулета последние сомнения отпали: в реке оказался маг.

Лойоди не слишком любил представителей этой профессии, но не любить еще не значит не уважать. Он достал из седельной сумки одеяло и укутал худое бледное тело старика даже прежде, чем принес бальзам и старое белье для перевязки. Одеяло, честно говоря, тоже было старое и давно нуждалось в замене, такое не страшно и запачкать.

— Это ты меня?... — хрипло заговорил маг, рассматривая длинные царапины на боку. — Впрочем, пустяки. Меч не причинит мне вреда. Благодарю тебя за спасение, всадник.

— Я должен был поступить так, следуя заветам Церкви, — солидно заметил Лойоди.

— Конечно! Ты верный сын Ее. И вам я весьма благодарен за заботу, друзья крестьяне. Полагаю, вам давно пора домой, к женам и детям, отдыхать после трудного дня. Примите же скромное вознаграждение и ступайте. О моей одежде не беспокойтесь, я сам о ней позабочусь.

В кривых пальцах мага откуда-то возник кошель, из которого каждый крестьянин по очереди получил монету. Насколько мог судить Лойоди по округлившимся глазам косарей и их же дрожащим губам, речь шла не менее чем о дукате. Низко кланяясь, мужики сложили все еще сырое платье в аккуратную стопку и поспешили удалиться. Всадник, скромно ожидая своей награды, присел на корточки у костра и с равнодушным видом протянул к нему руки.

— Холодает, — скрипучим голосом заметил маг. — Как твое имя?

— Витто Лойоди. Четвертый сын горожанина, посвящен во всадники князем Брасежи. Важно ли другое?

— Нет, достаточно было твоего имени. Впрочем, и его я мог бы узнать сам. Каково твое прошлое, видно сразу. Но куда ты направляешься, Витто Лойоди?

— В Риглав. Война за Северное Наследство кончилась, толком не начавшись, полки распушены, и я почел за лучшее сразу убраться подальше. На севере сейчас...

— Полно таких, как ты, — перебил маг. — Верное решение, тем более что местный властитель, кажется, собрался проучить вассалов. Тебе будет нетрудно поступить к нему на службу, хотя конь твой стар, а доспехи помяты.

— О всадниках судят по лицам, а не по доспехам, — заметил Лойоди, вовсе не собиравшийся терпеть издевательства.

— Да, шрамы — это хорошо при твоём занятии, — кивнул старик. — Однако они не превратили тебя в закаленного вояку. Лицо, да, лицо... У тебя лицо горожанина с шрамами от драк в пивных. Так же, впрочем, как и у большинства молодых всадников. Четвертые сыновья, пятые сыновья, десятые сыновья... Хорошо ли ты владеешь оружием?

Прежде чем ответить, Лойоди вытянул ноги, расположившись поудобнее. Как бы объяснить этому старику, что единственное, чего от него хочет всадник, — получить немного денег и расстаться навсегда? Между тем маг затеял такой допрос, что того и гляди предложит принять в ученики. Пусть ищет дурака среди крестьян!

— А могу ли я узнать, почтенный господин, ваше имя?

— Я — Персех. Поскольку ты уже догадался о моем занятии, то должен понимать, что при рождении я получил другое имя. Однако оно давно забыто... Я — Персех.

Старик так надулся от важности, что даже жиденькая бородака встопорщилась. Пряча ухмылку, Лойоди отвернулся к костру.

— Как же вы, господин Персех...

— К магам обращаются просто. Такова традиция, и в ней истинная вежливость.

— Не знал... Как же, Персех, ты оказался в воде? Прости мне мое любопытство.

— И у магов есть враги.

— Но тогда, должно быть, эти враги — очень могущественные маги?

Персех возмущенно запыхтел. Всадник улыбался, высматривая в костре огненных ящерок. Да, может быть, Витто Лойоди и не абы какой боец, и не прославлен подвигами, и вообще не знает, что будет с ним завтра, но он — настоящий, честный всадник. Эта профессия не располагает к себе мошенников, тогда как магия... Изображают из себя повелителей теней, а сами только и делают, что попрошайничают. Грозят карами сильным мира сего, а оказываются в реке, среди помоев.

— Да, всадник Лойоди, мои враги — могущественные маги. Обманом и подлостью им почти удалось меня погубить... Но теперь я закрою брешь в своей защите. Впрочем, это сложно и неинтересно для тебя, ведь жизнь мага так далека от жизни простого человека. Ты, наверное, ждешь награды? Что ж, ты получишь ее. Но с моей стороны было бы неблагодарно дать тебе денег. Ты не крестьянин, ты заслуживаешь большего.

— Может, омолодите моего коня? — буркнул Лойоди.

Он предпочел бы именно деньги. Желательно побольше, чтобы хватило не только на нового коня, но и на доспехи, оружие. На хлеб, вино и женщину, в конце концов. Последний пункт особенно волновал Лойоди, потому что, когда идут войны, вокруг полно не только охочих до женщин всадников, но и попов. А они, как известно, обязаны оберегать войско от падших душ, в чем церковникам помогают и князья, больше, правда, думающие не о душевных, а о телесных болезнях. Когда шлюх мало, они становятся дороги, так дороги, что думаешь уже не о болезнях, а как бы зарубить врага побогаче. Увы, Лойоди и правда не отличался ратным умением, и проклятые шрамы свидетельствовали как раз об этом. К тому же не красавец и завести роман с горожанкой, как это удавалось некоторым, не умел... Деньги, деньги!

— Зачем тебе омоложенный конь? Лучше купи другого.

— Другой стоит немало.

— Хорошо бы, чтобы деньги не переводились, а, всадник? Чтобы их хватало. Неплохо бы также, чтобы в бою везло, везение в бою вещь весьма полезная. И не только в бою... Помогите мне одеться, будь так любезен.

Всадник со вздохом поднялся. Что задумал старый мерзавец? Сказки сочиняют, чтобы детей пугать, но ведь в них намек: связываться с магом — не к добру. Если мошенник, то проведет, а если нет, так еще хуже. Одежда, к немалому удивлению Лойоди, оказалась сухой и даже... Чистой? Выглаженной? Всадник почувствовал аромат каких-то трав, который не мог иметь отношения к купанию в помойной речке.

— Благодарю тебя, — сказал старик, влезая в подштанники перед отвернувшимся скорее от омерзения, чем от скромности Витто. — Итак, судьба преподнесла тебе подарок, ты спас Персеха. От этого имени содрогаются многие, уж поверь. Среди своих братьев я славен, но что тебе до этого? Ты хочешь прожить жизнь прямо, пройти по лучу Света от начала до конца, как учит старуха Церковь, верно? Ни к чему тебе сворачивать в темные закоулки, где чистую душу подстерегает так много опасностей... Что ж, так и поступай. Но дар есть дар. Благое дело должно быть вознаграждено.

— Вы меня смущаете... — проворчал крайне недовольный такой прелюдией Лойоди. — Пустяки. Я мог бы обойтись и немногим, я лишь всадник... Ой!

Он обернулся и увидел перед собой уже одетого в длинные пышные одежды мага, державшего двумя пальцами вырванный у всадника волос.

— У тебя еще много осталось, не убудет, — гаденько усмехнулся волшебник. — Дай руку.

— Но...

Персех сам завладел кистью своего спасителя и мгновенно проколол его палец длинной золотой иглой, непонятно как оказавшейся в руке. Лойоди снова ойкнул и вырвался, но Персех успел подхватить пальцем капельку крови и смочил в ней добытый прежде волос.

— Не бойся, ты же всадник! Тем более что самое трудное еще впереди.

— Да что ты делаешь?!

— Собираюсь отблагодарить тебя как следует. А деньги... Что — деньги? Возьми!

Тяжелый кошель ударился в грудь Лойоди и упал в траву. Всадник быстро поднял его, взвесил. Немало. Пожалуй, хватит.

— Спасибо тебе, Персех!

— А ты небось думал, я из тех бездарей, что умеют получать золото лишь из чужих рук? — захохотал маг. — Мальчик, золото — ерунда! Есть вещи куда важнее. Для тех, кто их видит.

— Я не мальчик, — заметил Лойоди. — Мне двадцать семь лет. И про вещи важнее золота я знаю, водила мама в храм, заповеди помню. Еще раз спасибо тебе, и... Мне, пожалуй, пора.

— Что ты будешь делать в городе ночью? Ворота-то уже закрыты! — продолжал веселиться Персех. — Конечно, можно сунуть стражникам монетку. Но не боишься ли ты, что в кошельке

окажутся сухие листья, а? Мне это, честно говоря, не трудно. Оставь в покое коня, вернись.

Лойоди, уже почти отвязавший своего пожилого скакуна от куста, помедлил. В самом деле, не весело получится, если обиженный Персех сыграет с ним такую шутку. Бесчестно! Но какая честь у магов? Грехов они не боятся, у них свои счеты и со Светом и с Тьмой.

— Персех, я надеюсь, что мы с тобой в добрых отношениях.

— Верно. Я желаю тебе лишь добра. Вернись, мальчик, вернись. Ты ведь не знаешь, что ждет тебя впереди, а мне это открыто... Я хочу спасти тебя и помочь. Клянусь, что это не затронет твою душу.

— Ничто не может ее затронуть, — мрачно заметил Лойоди. — Душу может погубить только сам человек. Смерти же я не боюсь, я всадник.

— Ты прав! Но если ты не боишься ни за душу, ни за тело, то почему не хочешь остаться? Витто, если бы ты спас хорошего сапожника, он сшил бы тебе славные сапоги. Если бы ты спас кузнеца, он выковал бы тебе меч. Богатый отец выдал бы за тебя дочь. Девушка подарила бы невинность. Чем богаты, понимаешь? А я маг. Я тоже подарю тебе кое-что.

Персех вроде и не двинулся, а почему-то оказался прямо перед всадником. Ночь, пустынная дорога, никакого жилья поблизости. Лойоди представил себе, что мог бы теперь сидеть в самом дешевом кабаке Риглава, проигрывать в кости остатки жалованья... Мерзкий запах капусты... В желудке заурчало.

— Я подарю тебе власть над собой самим. Ведь что такое судьба человеческая? Игра случая. Иногда везет, а иногда нет. Почему одним везет чаще, а другим никогда? Даже старушка Церковь признает, что от самого человека это не зависит, будь он хоть праведник из праведников. Сын Света бьется с Сыном Тьмы, во все стороны летят искры от их мечей. Но есть некоторые способы прикрыться от неожиданностей... Маги знают их.

— Зачем же прикрываться от благодати? — сглотнув, возразил Лойоди. — Я открыт Свету.

— И благодать обжигает. Всем известно, что некстати пришедшее добро хуже зла, даже поговорка такая есть. Благодать благодати рознь... Ты сможешь выбирать сам, только и всего. Выбирать время, выбирать форму. Впрочем, многого не обещаю, — остановил сам себя маг. — Ты ведь только всадник и обращаться со сложными вещами не умеешь. Я подарю тебе просто... игрушку. Только сперва ее надо создать. Кое-что я уже получил, теперь

врагам будет трудно выпускать из тебя кровь, да и волосы с твоей головы не упадут однажды по капризу земного владыки. Однако нужны еще два пустяка, чтобы подарок был достоин и тебя, и меня, дарителя. Дай мне золотой.

— Что?

— Золотой. Дукаты из кошель не годятся. Золота нет? Ну хорошо, дай любую монетку.

Лойоди покашлял. С одной стороны, маг наконец-то повел себя как нормальный человек — пытается выцыганить деньги. С другой... Да пусть забирает! Пусть в подаренном кошельке свинец, только бы уже расстаться с этим сумасшедшим.

— Вот молодец, теперь мы сможем влиять на твое финансовое положение, — улыбнулся Персех, принимая медяк. — Остался пустяк, но очень важный. Без него мы не сможем помочь тебе еще с одним делом, важным для молодого мужчины... Потребуется твое семя.

Всадник снова сглотнул. Маг отошел от костра куда-то в темноту, к реке, и продолжил уже оттуда:

— Я понимаю твое замешательство, Витто! Но стесняться нечего, все мы были детьми, а грех этот, как тебе известно, невелик. В конце концов, можно пожертвовать немного денег Церкви, вот и все...

— Я не понимаю, чего ты от меня хочешь, — проговорил Лойоди. Колени у всадника подрагивали. — Что еще за колдовство?

— Ты спас меня, чего же боишься? — прокричал от берега маг, видимо, занятый какой-то работой. — Да, колдовство. Это работа мага, в конце концов. Мы заговариваем доспехи и даже целые крепостные стены. Мы наделяем силой талисманы, и людям после этого везет в любви, везет в игре, везет в бою или в делах... Но талисман постепенно теряет свои способности, растрчивает их. Кроме того, они имеют кое-какие побочные эффекты. А я задумал применить мало известное в наших краях умение, тебе понравится! Ты станешь хозяином себе. Давай, всадник, сделай это! Я же сказал: мой подарок обеспечит тебя деньгами и защитит от врагов. Неужели ты не хочешь дополнить его еще одним свойством?

«Талисман?.. — растерянно подумал Лойоди. — Нет, он сказал, что не талисман. А вообще талисман неплохо бы, никакого греха тут нет. Подарок, да и все. Поносил и продал. И есть талисманы для удачи в любви, как раз с семенем, только, кажется, висельников, мне же Алессо рассказывал...»

— Ну? — несколько устало спросил Персех.

— И я... Я смогу... — всаднику тяжело давались некоторые слова. — Я смогу влюблять в себя?

— Мальчик, да не стремись же в рабство к вещам! — рассердился маг. — Добро, пришедшее не ко времени, хуже зла! Я все сделаю куда лучше, это не твоя забота. Будешь хозяином себе, и все у тебя устроится. Только поторопись, потому что я не могу торчать тут и уговаривать тебя всю ночь!

Оглядевшись по сторонам, что не слишком-то умно на пустой дороге ночью, Лойоди отошел за кусты. Глупо как-то и стыдно... Но стыд глаза не ест, а подарок вроде бы очень даже полезный. Не врал бы только маг. Но с какой стати ему делать вред собственному спасителю? В любом случае душа остается чистой, грех и в самом деле пустяковый. Уж меньший, чем свидания со шлюхами! Витто вспомнил, как отчаянно и, как правило, безуспешно торговался с ними в последние месяцы. Стыд какой. Деньги, деньги... А кое-кто безо всяких денег женится на дочках старых богатых рыцарей. Удача, слепая удача... И талисманы, если ребята не врут.

Волнение не помешало всаднику — длительное воздержание оказалось куда сильнее. Держа в руке запятнанный лист лопуха, Витто почувствовал себя полным кретином, но только на миг, потому что откуда-то появилась тощая рука мага и вырвала результат недолгих трудов.

«Что я творю? — Лойоди будто отрезвел неожиданно, его пошатывало. — Один, тут, с мерзким старым чудачком... Почему не уехал? Плевать на его обещания, ведь ясно же, что не к добру это все!»

Всадник, лихорадочно застегивая штаны, повернулся к коню. Он сразу понял, что дело плохо: Вьез стоял совершенно неподвижно, даже ночной ветерок не тревожил поредевший хвост. Конь не интересовался травой, не переступал ногами... И — напуганный ужасом глаз, косящийся на хозяина.

— Ты что, ты что?.. — зашептал Лойоди, подошел, потрепал по холке. Конь не пошевелился. — Все в порядке, Вьез, мы уедем. Прямо сейчас...

Может быть, так всадник и поступил бы, но маг вернулся к костру.

— Готово, мой мальчик! Подойди полюбуйся на мою работу.

— Я не мальчик... — Лойоди все гладил коня. — Что ты сделал с Вьезем?

— Не хотел, чтобы он нам мешал. Животные должны ждать, когда разговаривают люди. Ну, иди же! Смотри, какая прелесть.

Лойоди приблизился к костру, который, будучи никем не подкармливаем, отчего-то до сих пор ярко пылал. В руках старика оказалась глиняная кукла самого грубого и неприглядного вида. Даже, пожалуй, непристойного, потому что мужской пол куклы был обозначен задиристо торчащим отростком.

— Ну вот, это и есть твой подарок!

— Странно как все... — поежился всадник. — Это талисман?

— Нет. Это — ворота твоей удачи. Как я уже говорил, специалистов по этому виду колдовства в здешних краях немного, тебе повезло... На, рассмотри как следует. Только осторожно: с куклой ничего не должно случиться!

Всадник принял подарок и едва не выронил: глина была тверда и горяча, словно ее только что обожгли в гончарной печи.

«Глины, допустим, на берегу полно... Но когда он успел? И костер, и конь... И я! Я сам! О Небо, да узнает кто — позор один!»

— Так вот, слушай, мой мальчик. — Колдун уже уселся возле огня, перебирая четки. — Слушай, какой подарок ты получил! В эту игрушку переселился твой дух. Не душа, а дух. Не будем вникать в тонкости... Что случится с куклой, то, очень скоро, случится и с тобой. Если отрубишь ей голову — жди, когда придут за твоей головой. Отрубишь руку — останешься без той же руки. Это не значит, что тебе ее отрубят, может быть, она попадет в колесо или сгниет сама... Все понятно?

— Ничего не понятно.

Сперва кукла никакого интереса в Лойоди не вызвала. Мерзкая рожа ничуть не походила на Витто, даже шрамов не имелось. Голова непропорционально большая, половой член, если разобратся, скорее подошел бы соразмерному игрушечному всаднику коню, а ручки и ножки короткие, беспальные, торчащие во все стороны. Зато на груди Лойоди разглядел какие-то буквы и наклонился к огню, чтобы прочесть их.

— Проклятье! Тут мое имя!

— Это очень важно. Сотрешь — тоже погибнешь, только безымянным. Сгинеешь, говоря по-простому, неизвестно куда. Не советую это делать... Уж лучше сразу голову.

— Чушь какая-то!

Лойоди с омерзением протянул куклу магу, держа ее, впрочем, весьма бережно.

— Это тебе, подарок. — Персех отстранился. — Ты не понимаешь еще своего счастья, мальчик...

— Я не мальчик.

— Кукла не простая, и не только беды от нее могут происходить. Сшей ей кафтанчик. Уж извини, но я не стал этим заниматься, недосуг. В карман или просто за пазуху положи монету, да не скупись, лучше золото. Мои дукаты сгодятся. Пока золото будет у куклы — будет и у тебя. Не так чтобы очень много... Но много золота — много печали. Всаднику надо, чтобы в кармане всегда звенело, разве не так? Считай, что этой беды для тебя больше не существует.

— Да при чем тут я?!

— При том, что дело сделано. В кукле есть твой волос и твоя кровь, твое семя и твое золото. Четыре нити связывают вас. Их могло бы быть больше, много больше, но... Ты ведь только всадник и не собираешься сворачивать с луча Света, верно? — Персех мягко, один за другим, сомкнул пальцы Лойоди на кукле. — Держи ее крепко, но нежно. Беды от власть имущих тебе не грозят, волос обережет тебя от немилости, пока кукла цела. Кровь связывает ваши тела, тебя не убьют в бою, а если и ранят, ты быстро оправишься. Правда, сильно задираться я бы тебе не советовал, мало ли у кого какие талисманы окажутся... Магия соперничает с магией. Не рискуй зря, ведь это — самоубийство, смертный грех, так в Книгах сказано.

Лойоди наконец понял, что произошло. Если кукла и в самом деле все это умеет, то... То она — сокровище!

— Береги ее. Не скупись на тряпочки, оборачивай. И, конечно, не показывай никому, — продолжал поучать Персех.

— Спасибо, — вырвалось у Витто. — Но постой... А...

— Семя? Не надо быть мудрецом, чтобы догадаться! — Маг довольно мерзко захихикал и поднял с земли еще одну, прежде не замеченную всадником фигурку. — Вот, над ней тоже прочтены заклинания, береги. Она символизирует женщину.

Этого Персех мог и не говорить, символизировала вторая кукла на редкость откровенно. Глаза занимали половину лица, как у детских творений, но главные символы, конечно, располагались ниже. Груды торчали далеко вперед и даже имели соски, между ног — глубокая дырка.

— Как призывать любовь, догадался? — Маг, продолжая хихикать, показал процесс на пальцах. — Не ленись, поиграй иногда в куколки! А результат себя ждать не заставит.

— То есть я должен... — Лойоди наморщил лоб. — Написать имя женщины, да?

— Вот дурачок! Не становись рабом вещей. Заклинание произнесено, твои надписи ничего не изменят. Это — просто жен-

щина. А откуда она придет, как ее будут звать, будет она шлюхой или княгиней — твоя судьба. В том и цена моего подарка, он не мешает тебе, не сталкивает с луча Света. Цени же! И вот еще: в жизни всадника бывают времена, когда деньги не имеют цены. Там, где прошли армии, дороже всего хлеб. Итак, если захочешь перекусить — помажь губы куклы любым съестным. Так что не забывай, храни в кармане хоть крошку. То же и с водой.

— Здорово. — Витто зачарованно рассматривал свою куклу, она начинала ему нравиться. — Значит, я останусь всадником, как и прежде, просто буду всегда иметь в сумке свою удачу?

— Именно так. Испытай ее прямо сейчас.

Всадник посмотрел на лежащую у его колена куклу женщины, но маг снова мерзко захихикал.

— Потом! Проверь пока вещи, которые, поверь, важнее! Начни с еды.

— Ну... — Витто достал из кармана обернутый тряпочкой сухарь — завел привычку посасывать в пути, как и многие всадники. — Вот.

— Делай. Это просто.

В желудке снова заурчало. Лойоди размотал тряпку и провел сухарем по губам куклы.

«Зачем мне сухари? Горячего бы. И потом... Ну ладно, проверим».

Ничего не произошло. Маг спокойно перебирал четки, глядя в негаснувший огонь. Витто повторил фокус с сухарем еще раз, потом убрал еду обратно в карман. Маг молчал, молчал и всадник, конь продолжал изображать собственное извращение. Где-то в горах шумел ветер, похоже, собиралась гроза.

— Мне пора, — вдруг сказал Персех и быстро посмотрел на всадника. — У тебя все получится, увидишь.

— Я верю, — вежливо ответил Витто.

— Да хоть не верь, все равно получится. Я уйду, но скоро мы увидимся.

Лойоди чрезвычайно не понравилась улыбка старика, да так, что захотелось изрубить его в куски. Желание было настолько же сильным, насколько и неожиданным, и чтобы справиться с собой, всадник опустил на миг веки, а когда снова поднял их, маг уже исчез. Просто исчез.

— Персех!

Вместо мага ответил Вьеж: он заржал и принялся рваться с привязи. Всадник вскочил, огляделся. Горы, река, дорога — и никого. Хотя проклятый старик мог прятаться совсем рядом,

ведь догорающий костер давал совсем немного света, и с каждым мгновением все меньше. Волшебство кончилось.

— Спокойно, старина! — прикрикнул всадник на всхрапывающего Вьежа и принялся, уже в полной темноте, шарить у ног. — Сейчас, я только прихвачу кое-что...

Обе куклы были здесь, нашлось и одеяло. Лойоди осторожно завернул подарки, отнес к Вьежу и запихнул поглубже в суму. Коню, видать, и вправду пришлось нелегко, будь он помоложе — наверняка вырвал бы куст и умчался в темноту.

— Порядок... — Лойоди забрался на пританцовывающее, дрожащее животное. — Едем, все кончено.

Вьеж так и рвался вперед, и всадник тоже с удовольствием убрался бы со стоянки побыстрее, но облака закрыли все, даже самые яркие звезды. Справа река, слева — склон горы, на котором полно камней, в них старый измученный конь запросто переломает ноги. Нет, только шагом, прислушиваясь к журчанию воды и редкому громуханию где-то за горой. И мысли не так чтобы очень далеко — в седельной суме.

«Куклы. Неужели все так просто? Впрочем, главное — заклинание, а мне до него и дела нет, не мой грех. От сути колдовских штук надо держаться подальше, это не на луче Света, это где-то в самом темном углу бытия... Может, освятить кукол? Надо будет подумать. Хотя о чем я, о чем?! Сухарей мне вроде бы никто не везет. Может быть, все — обман?»

Лойоди нашупал кошель с дукатами, растянул зубами узел и зубами же достал один кругляш на пробу, прикусил. Вроде бы золото... Хотя как знать, наверняка только меняла на рынке скажет.

Дорога сделала еще один поворот, следуя руслу реки, и впереди показались огни. Вьеж не испугался, наоборот, вытянул к кострам морду. Вскоре и всадник различил тени пасущихся рядом с палатками коней.

— Кто здесь?! — гаркнул невидимый часовой, и люди у костра поднялись на ноги.

— Всадник Витто Лойоди, одинокий путник, — честно сообщил Витто, которому, как и Вьежу, захотелось оказаться среди сородичей. — Еду в Риглав, не позволите присесть у вашего огня?

Часовой молча взял коня под уздцы и повел к палаткам. Навстречу шли, размахивая горящими головнями, вооруженные люди. Лойоди разглядел большой котел и даже узнал запах вареной баранины.

— Присоединяйся к нам на всю ночь, всадник, — распорядил-

ся старший охраны, когда разглядел гостя получше. — Риглав еще далеко, вот-вот начнется гроза. Зачем тебе мокнуть на дороге до утра? Мы хорошим людям рады, сами всадники. Я — Моркен из Тольгиза. Голоден?

— Сытый всадник — плохой всадник, — улыбнулся Лойоди, прыгивая с коня. — Охраняете кого-то?

— Да, брат, караван сопровождаем. Из Тольгиза опять же прямо сюда. Проходи в палатку, потому что жрать будем там. Хорошо еще, сварить успели до грозы. Только учти, что купцы хотят встать до рассвета и прибыть в Риглав к открытию рынков. Если, конечно, погода позволит...

Славно было вновь оказаться среди своих. Всадники есть всадники, они всегда могут понять друг друга, а вот никто другой их до конца не поймет. Сегодня вместе будут пить и закусывать, а завтра, быть может, сойдутся в сече под разными стягами. Что ж, для чего-то ведь Небо создало младших сыновей?

Лойоди едва не забыл про свой подарок и, только дойдя до палатки, вдруг вспомнил о содержимом сумы. Он бегом вернулся, принес ее на кошму.

— Это зачем? — удивился Моркен. — Что-то ценное?

— Да нет, просто... Одеяло там, и ремешок подлатать бы надо, — неловко соврал Лойоди.

— Это верно, — хмыкнул старший охраны. — Мы, всадники, не любим, когда ремешки не в порядке... И одеяло можем спереть. Все свое держи при себе, парень, это верно.

Больше расспросов не было, зато была еда и пара чарок крепкого вина. Сытый Витто устроился в уголке, согрелся и слушал, как дробно стучат по войлоку палатки капли, как грохочет гром. Иногда совсем рядом била молния, и тогда на миг становилось светло. Продолжавшие пить всадники хохотали, показывали друг на друга пальцами...

— Всадник!

Лойоди подскочил, но нигде не увидел старого мага, голос которого только что слышал.

— Я здесь, снаружи.

— Что тебе нужно?

— Ты уже понял, что мой подарок прекрасно справляется?

— При чем здесь... — Витто потер глаза, прогоняя сон. Опять загрохотало, и у него было время на раздумья. — Ты хочешь сказать, что без куклы я не встретил бы купцов? Но караван стоял здесь, еще когда ты плыл по реке!

— Если бы здесь не стоял караван, ты встретил бы других лю-

дей. Важно другое: тебя не прогнали, а пригласили к огню и накормили.

— Я сам попросился... — буркнул Лойоди. Он ни в чем не был уверен.

— Жаль, я думал, что ты успеешь все понять и серьезно отнестись ко второй части моих поучений... Тем не менее у меня мало времени. Выходи, переговорим.

— Ты же говорил, что спешишь, даже попрощался!

— А теперь вернулся, как обещал, потому что успел сделать кое-какие дела. Выходи, мальчик мой, выходи, — в голосе мага появились знакомые гаденькие нотки. — Выходи, я расскажу тебе о твоём подарке.

Лойоди хотел брякнуть нечто вроде «да заведи его себе!», но передумал. Если Персех привязался всерьез, то стоит хотя бы выслушать. С тяжелым сердцем всадник накинул на голову куртку и шагнул под ливень. Старик сидел прямо на земле.

— Может, отойдем к лошадям, под деревья? — предложил было Витто, но осекся, заметив, что одежда на Персехе совершенно сухая.

— Ближе, а то промокнешь. Ты, надеюсь, не сомневаешься в моих способностях?

— Нет, — признался Лойоди, с опаской поглядывая вверх, в темноту, откуда не падало ни капли. Вокруг них дождь стоял стеной. — Я оставил кукол внутри.

— Пусть лежат. Послушай, всадник, еще кое-что о моем подарке. Все, что я сказал прежде, — правда, и у тебя будет время насладиться плодами моего искусства. Однако это не все.

— Что еще?

— Кстати, никогда не пытайся меня убить, — скрюченный палец Персех указал на рукоять меча, которую бессознательно стискивал Лойоди. — Это совершенно невозможно. Имей против меня силу сталь, разве стали бы враги доверять мою смерть воде? Так вот, что касается глиняной куклы. Если ты будешь ее беречь, то с тобой ничего не случится. Ты не только не заболеешь, ты даже стареть не будешь. Прекрасно, а?

Маг сделал паузу, чтобы посмеяться. Всадник молчал, твердо решив хотя бы выглядеть достойно.

— Да, прекрасно. Мечта. Только вот такая штука: кукла не даст тебе умереть с голода, но и не сделает богатым. Ты просто не сможешь стать богатым, мой мальчик...

— Я не мальчик.

— Так произнесено заклятие. Разве можно меня в этом ви-

нить? Дареному коню в зубы не смотрят. У тебя будет столько женщин, сколько ты пожелаешь, но семье тебе не создать и даже детей не завести. Извини, так произнесено заклятие. Ты будешь на хорошем счету, но никогда князь не сделает тебя своим военачальником.

— Старик, зачем это все? — спросил Лойоди, едва сдерживая ярость. — Ты обманул меня. Ты не рассказал всего, но всучил свой подарок, вдобавок... Заколдовал меня!

— Нет, заклятие действует, только если твой дух не сопротивляется вселению в куклу. Ты не сопротивлялся, а я не лгал, просто не все сказал. Но ты не спросил, ты тоже виноват. Может быть, я немного повлиял на твоё настроение... — Маг хихикнул. — Может быть. Но — в пределах правил. У магов есть свои правила, как и у всадников. Даже более строгие, потому что, когда мы их нарушаем, магия рассыпается... Итак, ты обречен быть всадником, вечным скитальцем.

— Да я разобью эту дрянь прямо сейчас!

— А вот этого тебе делать нельзя... Душа, мой мальчик. Мы наконец-то добрались до самых важных и интересных мне тем. Ты знаешь, что смерть куклы — твоя смерть. Значит, убив ее, ты совершишь самоубийство. Смертный грех, Витто.

Всадник протянул к горлу мага руку, и Персех сразу оказался на два шага дальше. Непроницаемый для дождя круг переместился вслед за ним, и холодные струи потекли за шиворот несчастного Витто.

— Слушай, слушай! Ты не можешь оставить фигурку в поле, потому что знаешь: в ее гибели твоя смерть. Это тоже самоубийство, Горний Суд не обмануть. Ты обязан заботиться о ней так же, как Небо заповедовало верным себе заботиться о теле. А из этого выходит что? — Персех выдержал паузу, но Лойоди не поддался. — Зайди в круг, не мокни. Все равно не заболеешь, кукла-то в тепле! Так вот: ты обречен стать вечным всадником, ведь глина прочнее тела, если, конечно, ее не разбить. Ты будешь скитаться сотни лет и молить Небо послать тебе вора, который польстится на глиняную безделушку, или еще какую-нибудь случайность. Сам ты не сможешь приложить к ней руку, потому что все, что не случайно, погубит твою душу.

— А если я не против пожить долго и счастливо?

— Всадником? Даже сытый и удачливый всадник сойдет с ума через сотню лет. Я же сказал: тебе не стать ни богачом, ни мужем, ни вельможей. Попробуй представить это однообразие... Хотя времени у тебя достаточно, развивай фантазию.

— Я пойду в храм и попрошу помощи там.

— Если ты хоть кому-то расскажешь о фигурке, будешь осужден! — осклабился маг. — Можешь не верить мне... Что ж, если глуп, расскажи. Что произойдет? Тот, кто захочет тебе помочь, похитит фигурку и разобьет ее. Ты можешь надеяться только на это, а значит, ты — самоубийца. Да еще и душегуб, потому что пожалевший тебя сам станет грешен, это — убийство безоружного, убийство из-за угла.

— Злодеев, продавших души Сыну Тьмы, предостаточно! — упрямо ответил Лойоди.

— Да, но твою собственную душу это не спасет. Хоть продай сначала, что ли... Тогда в качестве платы можешь потребовать освобождение от моего заклятия, но мне кажется, ты забыл, чего желаешь. Ты ведь хотел пройти по лучу Света от начала до конца, сохранив душу в чистоте, не нарушая заповедей? Иди, я не мешаю. Только дорога выйдет безумно длинной, как бы тебе не передумать, ведь времени на размышления, как я уже сказал, достаточно. Не спеши.

Всадник шагнул к магу, присел рядом и заглянул в злые глаза.

— Чего ты хочешь, Персех?

— Службы, — просто ответил маг.

— Зря я вытащил тебя из воды.

— Возможно. Хотя если разобраться, мой подарок вовсе не плох. Недостаток-то всего один: от этой благодати трудно избавиться.

— А если я найду другого мага? Ты сам сказал, что у меня много времени, а у тебя — могущественные враги.

— Найди хоть сотню. Только они не помогут, чужие чары не всегда возможно снять... Скорее они похитят куклу и заставят тебя служить себе. Это ведь просто — достаточно потыкать иголкой тебе в ноги, например... Вряд ли ты вынесешь такую жизнь. Ну, а если вынесешь и не согласишься на службу, они убьют тебя. И Горний Суд отдаст твою душу Сыну Тьмы, потому что ты рассказал о фигурке, зная о последствиях. Поверь, уж я-то знаю о грядущем Суде все, что только может знать человек, это мой прямой интерес. Витто, хватит пустых разговоров. Лучше просто спроси меня, что делать.

— Что? — Всадник всерьез подумывал все же попробовать обезглавить старика. Нужно только поймать момент, когда он будет говорить и одновременно опустит глаза. — Скажи наконец.

— Так вот, мой мальчик, мне нужна твоя служба. Короткая. Потом отпущу тебя, расколдую куклу. Хотя служба не простая...

— Чем же я, всадник, могу быть полезен такому могущественному магу?

— Я уже говорил тебе, что маги живут иными интересами... — Персех не отводил взгляда. — Но, сойдя с луча Света, трудно не заплутать. В юности мы совершаем ошибки... А пытаюсь исправить их, заводим врагов. Могущественных врагов, к которым опасно даже приблизиться. А знаешь, кто настоящий враг?

— Кто? — Лойоди старался выглядеть спокойно, но сердце гнало кровь тяжелыми толчками.

— Тот, кто хочет только погубить тебя — и ничего больше. У настоящего врага не купить спасения. Ты можешь предлагать очень много, весь мир, но он не продаст. Скверно, если в его руках твоя душа.

Всадник не смог сдержать короткого, почти истерического смеха.

— Ты продал душу, маг! Ты продал душу!

— Разве это смешно?

— Ты в дураках! Сын Тьмы не вернет тебе ее!

— Ох, всадник, всадник. Мальчик... Ты ничего не понимаешь. Сыну Тьмы чрезвычайно нужны души, это правда, иначе ему не выиграть в Великом Споре, породившем этот мир. Но если есть спрос, развивается и рынок. Люди тоже скупают души, Витто. Они выступают посредниками между Им и пропащими, формируют большие пакеты, а оптом иногда дороже... Хотя игра опасна: Сын Тьмы не любит переплачивать, ему это оскорбительно, а маги знают, какова настоящая цена. Торговля часто продолжается веками... Ты меня слышишь?

— Ага. — Витто захлопнул рот. — Я просто не знал, что...

— Да тебе и не нужно этого знать! Забудь, как только закончим дело. Ты сделаешь кое-что для меня, а я дам тебе заклинание, которое расколдует куклу, когда ты сам этого захочешь.

Всадник протянул руку, подставил ее под струи дождя. Сказка, глупая, но довольно страшная сказка. Попал кур в ошип. И не понять толком, правду ли говорит Персех. Ясно только одно: надо было бежать без оглядки... Но жизнь назад не поверотишь. И все же лучше его убить: судя по сказкам, часто колдовство мага рассыпается после его смерти. Но бывают другие сказки, там все иначе. С кем бы посоветоваться? Магам верить нельзя, а попы сразу замолкают, как только дело касается волшбы. «Не сходи с луча Света, сын мой, пройди его от положенного тебе на-

чала до положенного тебе конца, и душа твоя будет в безопасности на Горнем Суде». А как Витто быть теперь?

— Слышал, что я сказал?

— Ты обманешь. Ты все время меня обманываешь. Я тебе не верю.

— Фалес. Его зовут Фалес. Ему сейчас принадлежат права на мою душу и еще на многие души. Он живет в Азирете, это на востоке, далеко.

— Никогда не слышал.

Всадник стряхнул с руки капли, сел вполоборота к магу. Ножи за вытанутой левой ногой.

— Времени достаточно. Фалес отчаянно торгуется со слугами Сына Тьмы, и, насколько я знаю, сделка состоится не скоро. Ты бессмертен, если только не соберешься убить себя и отправить душу прямиком во Тьму. Наслаждайся, живи жизнью счастливого всадника. Я дал тебе хороший подарок. Только помни, что... — Персех усмехнулся, глядя на четки. — Однажды тебе это смертельно надоест.

Лойоди сидя выхватил клинок, стараясь первым же движением достать до шеи мага. Сверху ударила вода, больно хлестнула прямо по глазам. Всадник вскочил на колени, широкими взмахами разрезал ливень, насколько достал... Бесполезно. Где-то в стороне залиvisto хохотал Персех. Чтобы отыскать его, Витто пришлось побродить вокруг палатки.

— Мальчик мой, я ведь маг.

— Я не мальчик... — устало буркнул всадник. — Ненавижу тебя, Персех.

— Издержки нашей профессии. Ну что, пора расставаться? Запомни: Фалес из Азирета. Свитки с договорами находятся в комнате над библиотекой, это на самом верху башни. Один из договоров очень меня интересует... Время есть, но и медлить десятилетиями я тебе не советую. Вдруг Фалес покинет свою башню? Вдруг они сторгуются с Тьмой? Поспешай не торопясь, всадник, и береги куклу. Душу погубить легко.

— Уж кому знать, как не тебе! — вскипел Витто, но мага уже не было.

Когда он, мокрый насквозь, вернулся в шатер, бодрствовавшие всадники так захохотали, что на шум прибежали купцы. Все решили, что жирная баранина оказалась слишком тяжелым испытанием для желудка Лойоди, и он не стал спорить. Просто лег на кошму, положил голову на суму и сразу же уснул.

К утру дождь прекратился. Купцы, как и планировали, снялись затемно, но Лойоди остался. На рассвете всадник достал куклы и «поиграл» с ними, не забыв и о сухарях. Потом забрался на сонного Вьежа и не спеша отправился в Риглав. На первой же улице конь споткнулся. Лойоди качнулся в седле, едва не вывалился, и этим до слез рассмешил горожанку с коромыслом. Разговор завязался сам собой, и очень скоро выяснилось, что муж женщины по каким-то причинам остро интересуется итогами короткой войны за Северное Наследство.

А потом был плотный завтрак с вином, перешедший в еще более плотный обед, и был громко храпящий пьяный мужчина, и была обнимавшая Витто женщина, и была ночь, когда всадник сунул руки в суму и ощупал подарки Персеха. На душе легкость сменяла тяжесть, снова уступала, но победила, и уснул Лойоди с улыбкой.

Он нанялся к местному князю и прослужил у него полтора года. Между походами дружина квартировала в городе, и хотя жалование платили не слишком регулярно, у Лойоди немного денег имелось всегда. Всегда, сколько бы он ни проигрывал. Товарищи уважали его за отвагу в бою, а еще больше — за холодную выскомерность, с которой Лойоди вызывал всякого, кто пытался задеть его честь всадника. За все время службы Витто не получил ни царапины, только дважды падал, когда стрелы бунтовщиков убивали под ним коня. Начальники любили Лойоди, и каждый раз, обходя его с повышением, извинялись: «Ты еще молод, ни одного седого волоса. Да и кто поведет за собой сотню, если ранят командира?»

Лойоди покинул Риглав, когда его хороший приятель, Глошич, женился на дочке трактирщика. Тоска, время от времени прерывавшая лихие загулы, накатила с новой силой, и город стал неприятен. Многие всадники осели здесь, счастливые младшие сыновья, нашедшие в службе не смерть, а счастье. Лойоди не грозило ни то, ни другое, он вообще ничего не искал. Он больше не был простым всадником, он превратился в персонаж сказки, рассказываемой бедняками детям вместо ужина зимней порой.

Город за городом. Служба вовсе не нужна, если в кармане не переводятся монеты. Постепенно Лойоди стал объезжать крупные поселения стороной. Разбойников, бунтовщиков, еретиков и прочей нечисти, отдавшей душу Тьме, всадник окончательно перестал опасаться. Пока никто не знал о кукле, никто не мог причинить ему заметного вреда.

Не раз его заставляли за «играми», тогда Лойоди улыбался той печальной улыбкой, которую все принимали за смущение. Что ж, мало ли какие причуды бывают у всадников? Никто не пытался выкрасть уродливые глиняные безделушки. А оставить их без присмотра... Лойоди еще в Риглаве часто заводил разговоры о грядущем Горнем Суде, о доводах, которые будут там приводиться. Увы, и пьяные философы в кабаках, и церковные чины в храмах, и даже попы-расстриги на сельских дорогах сходились в одном: если человек делает что-то, зная, что может тем самым причинить себе смерть, а к его служебным обязанностям или защите Церкви или же целости душ и жизней ближних это отношения не имеет... Нет, никто не сможет оправдать такую душу на Суде.

Лойоди несколько раз порывался рассказать о куклах, о Персехе, но, как ни напивался, ни разу не сумел. Погубить душу — что может быть хуже?

Шли годы. Он еще несколько раз нанимался, участвовал в войнах, потом совсем забросил профессию. Ничего не менялось. Деньги приходили то от игры, то от крестьян, просивших защиты. Его кормили, поили, ублажали, все получалось как-то само собой.

Всадник не раз прятал кукол в горах, старался обойтись без них. Что ж, получалось и голодать, и бедствовать, все блага исчезали, кроме одного: безопасности. Жизнь становилась совсем уж скучной, невыносимо тягостной, и Лойоди возвращался к тайнику, чтобы достать свои проклятые сокровища.

Своему идолу всадник сшил кожаную курточку с большим карманом на животе, куда влезал золотой дукат. Куколке-женщине досталось платье — как-то неудобно было оставлять ее голой. «Играть» платье не мешало, как и курточка. Лойоди завел привычку вечерами, усевшись у костра или в комнате на постоялом дворе, ставить перед собой обе фигурки и подолгу беседовать с ними шепотом. Он жаловался на судьбу и проклинал мага-обманщика, которому придется поверить еще раз. Не века прошли, годы, а все успело наскучить.

Мало-помалу, иногда сознательно, а иногда лишь по прихоти судьбы бродячего всадника Лойоди перемещался на восток. Именно здесь пылали войны и бунты, бродили шайки тьмопоклонников, уничтожать которые Витто полагал своей святой обязанностью. Через двенадцать лет после встречи с Персехом всадник случайно услышал в трактире о городе Азирет и понял, что время пришло.

Город оказался совсем крохотным, и о Фалесе не пришлось даже расспрашивать. Ему сразу же, в первом кабаке, рассказали и о зловещей Безымянной башне, возле которой никто не смеет селиться, и о маге, что сумел победить демонов места. Теперь Фалес уже сто лет живет в башне, а демоны — снаружи и разрывают всякого, кто осмелится подойти без спроса.

— Туда, наверное, никто и не ходит? — усмехнулся Лойоди, болтая кости в стаканчике.

— Ходят! — усмехнулся собутыльник. — Еще как ходят. У Фалеса много врагов. Он — настоящий маг, не из тех мошенников, что сидят на площадях. Кстати, ты заметил, что в Азирете их совсем нет? Так вот, враги Фалеса, тоже маги, пытаются добраться до него. Но это бесполезно, их посланцы гибнут и гибнут, никакие амулеты не помогают.

«Сколько из них послал Персех? Бедняги!» — подумал Лойоди, кидая кости. Выиграл, ведь в кармане почти ничего не осталось.

— Что же маги сами не нападут?

— Фалес заколдовал башню так, что там действуют только его чары. Все остальные становятся там... Просто людьми, понимаешь? — Проигравший вздохнул и полез за деньгами. — Позволь удвоить, всадник?

— Давай. Не верю я этим слухам. Сплетни.

— Сплетни, — сразу согласился азиретец. — Есть, скажем, такая сплетня, что в верхней комнате башни горит Святой Огонь. У мага — Святой Огонь! Ну не глупость?

— Конечно, глупость.

— Вот и я думаю: почему про других магов таких глупостей не рассказывают? Однако я опять проиграл.

— Ставь поменьше, — посоветовал всадник.

И конечно же, совет оказался хорош. Чары Персеа не предполагали наличия в карманах Лойоди слишком уж больших сумм. Можно бросить играть, и тогда поблизости окажется ловкий карманник, а можно продолжить и уйти с небольшой прибылью.

Славив наконец счастливо отдувавшегося противника, Лойоди направился напрямик к башне. Локтей пятидесяти в высоту, без единого окошка, Безымянная действительно производила мрачное впечатление, но замусоренный пустырь вокруг нее не походил на обитель кровожадных демонов. Как отличить правдивые слухи от лживых?

«О чем я думаю? Мне все равно не справиться с магом. Зато и самоубийством это не назвать — я, наоборот, пытаюсь спасти свою

душу. И даже, если разобраться, душу Персеха... — Всадник, поднатеревший в мыслях о грядущем Суде, почесал затылок. — С другой стороны, попробовать-то я должен всерьез. Кукла — вот мое оружие. Может быть, колдовство Персеха, весьма редкое, если ему верить, окажется сильнее чар Фалеса? Что ж, пытаться, так сейчас. Ночью время Тьмы...»

На необычном душевном подъеме Лойоди вернулся к гостинице, поднялся в комнату и вытащил из сумы кукол. Вообще-то говоря, его сейчас интересовала только одна, но не бросать же Глазастика? Все-таки привязался, не простой кусок глины. Всадник бережно обернул кукол тряпочками и понес прочь. Если твоя смерть в кукле, следует спрятать ее подальше.

«Сказка, да и только! — качал головой Витто, шагая к скалам у озера. — Может быть, записать ее? Пусть найдут в комнате и помнят о всаднике Лойоди! Впрочем, пустое. Сказок и без того достаточно, а времени с моим-то почерком уйдет немало».

Выждав некоторое время, чтобы убедиться в отсутствии слежки, всадник запрятал сверток в скальную расщелину и присыпал галькой. Теперь с Лойоди ничего не должно случиться даже в башне Фалеса — если, конечно, Персех правильно все рассчитал. Ну, а если нет... Пусть все произойдет быстрее.

Снова оказавшись на пустыре, всадник улегся в кустах и стал наблюдать за башней. Лезть напролом — самоубийство, так что придется ждать. Хоть до ночи, хоть до утра, хоть неделю. Лойоди сунул в рот травинку подлиннее и уставился на тяжелую низкую дверь, ведущую в логово Фалеса. Интересно, как он ее закрывает? Наверняка чарами. Если не получится войти сразу, придется вернуться в гостиницу и думать. А можно начать думать прямо сейчас...

Фалес не дал ему такой возможности. Дверь распахнулась, и маг, чуть более грузный, чем Персех, но с такой же жидкой бородашкой, выглянул наружу. Осторожно выйдя, волшебник извлек из кармана большой золотой ключ и запер свое жилище на три оборота, потом не спеша обошел башню кругом. Выглядело это довольно глупо, и Лойоди тихонько засмеялся в своем укрытии. Засмеялся, как не смеялся уже давно. Скоро, скоро все кончится!

Наконец маг убрался куда-то в сторону города. Выждав еще немного, всадник поднялся и с обнаженным мечом пошел к башне.

— Ну, где же вы, демоны? Попробуйте убить человека, чей дух живет в кукле!

Никого. Лойоди подергал за железную ручку двери, налег на

нее плечом. Замок, и вроде бы даже не слишком прочный... Но наверняка зачарованный. Все же всадник просунул меч в щель между створками, нажал — и с руганью повалился на спину, когда язычок замка из белого металла выломал кусок старой древесины. Вот и все.

Замок зачарованный, а дверь — нет?

Лойоди поднялся на ноги и осторожно заглянул в башню. Вверх уходила темная узкая лестница.

— Вряд ли я отсюда выйду, Персех, если уж так легко вошел, — сказал Лойоди далекому магу. — Но ведь это ты послал меня сюда и обнадёжил своими чарами? Я обезопасил себя как мог. На Горнем Суде ты не сможешь лжесвидетельствовать.

Он поднимался в крошечной тьме — как-то не пришло в голову днем захватить с собой факел. Да и не надеялся он так просто войти, думал, что короткая схватка произойдет сразу, внизу. Шаря руками по стене, Лойоди ждал, что вот-вот сработает какая-нибудь ловушка, но попадались лишь двери, много дверей. Он не пытался войти, его комната — самая верхняя.

В конце лестницы обнаружилась крохотная площадка. А вот и она, дверь. Она отворилась сразу и беззвучно, стоило Лойоди слегка толкнуть. Внутри светло от пылающего в очаге огня. Огня, который ни с чем не спутаешь — переливающегося всеми цветами радуги Святого Огня. Прежде всадник видел его лишь в храмах во время больших праздников. Откуда это чудо Света в камерке колдуна, в обычном очаге?

Слева от входа — заставленный колбами непрозрачного толстого стекла стол, рядом тяжелый стул. Справа очаг, а прямо напротив двери шкаф, на полках которого пылятся сотни или даже тысячи свитков.

— Так просто, Персех?

На негнувшихся ногах всадник подошел к шкафу, провел рукой по пергаментам. Взял наугад: «...Передаю все права на свою душу...» Порыжевшая от времени подпись. Сколько их! Чего же хочет просить Фалес у Сына Тьмы в обмен на эти проданные и перепроданные души, собранные здесь? Лойоди поежился и попытался сообразить, что теперь делать. Искать пергамент с подписью Персеха? Слишком долго. Он заметил под столом сумку, набитую книгами, с трудом вытащил ее на середину комнаты и принялся швырять фолианты на пол. Надо попытаться унести все, это дело угодно Свету, да и проще так. Он почти успел освободить сумку.

— Дурак ты.

Лойоди замер с толстым томом в руках, медленно повернул голову. За столом сидел Фалес и поигрывал глиняной куклой. Жалобно зазвенев, покатился по полу выпавший из кармана курточки дукал.

— Персех тоже дурак, но в чем его глупость? Вот это мне не ясно... Что он тебе приказал?

— Украсть его договор.

Медленно разогнувшись, всадник перевел дух, готовясь к последней атаке.

— Здесь действуют только мои чары. Зато действуют очень хорошо. Попробуй достать меч.

Лойоди попробовал. Клинок и ножны стали одним целым, да еще и сами ножны будто приросли кончиком к каменному полу.

— Вот-вот, — кивнул Фалес. — Итак, в чем же дело? Не мог Персех не знать, что я сразу почувствую тебя в городе. Не мог надеяться, что не разберусь, в чем тут дело и где находится твой дух.

— Значит, он просто попробовал, — робко заметил Лойоди. — А ты можешь снять его чары с куклы, маг? Освободи меня.

Фалес поиграл куклой, даже слегка постучал ею по столу. У всадника загудело в голове.

— Мне это ни к чему. У меня достаточно слуг, и потом, если бы мне был нужен слуга, я не стал бы снимать чар. Все готово, прекрасно работает... Ох, Персех, старый выдумщик! — Маг принялся с невинным видом ковыряться в своем заросшем ухе отроском куклы. Лойоди закатил глаза. Как же это отзовется в его жизни? — Но постой: на что он рассчитывал? Я уже отвык от столь глупых попыток. Персех предвидел, что ты спрячешь куклу, предвидел, что я ее найду... Не понимаю. Вспоминай, всадник, что он еще говорил. Тогда умрешь легко и быстро, цени предложение.

— Он говорил... — Лойоди искренне пытался вспомнить. — Говорил про договора, про «оптом дороже», про...

— Не то, не то. Это все не твое дело. Что ты должен был сделать? Войти в башню, пробраться сюда... Вот почему, интересно, он не приказал тебе сразу спалить все договора в Святом Огне? Это проще, быстрее, надежнее... — Фалес держал куклу двумя пальцами над каменным полом и задумчиво смотрел на всадника. — Думай, всадник, а то я для начала что-нибудь отобью у этой фигурки.

Лойоди показалось, что складки тяжелых одежд мага чуть ше-

вельнулись. И вот еще раз — уже отчетливо, будто там копошилась крыса. Впрочем, чему удивляться?

— Я думаю. Подожди, Фалес. Он ничего особенного не приказывал, только обещал, что избавит меня от чар, если я принесу ему договор.

— Ну, обещать мы все мастера! — Маг захихикал совсем как Персех. — Первое, чему нас учат! Думай еще.

Глазастик. Под столом она добралась до шкафа и скрылась за ним. Лойоди почувствовал, как вслед за коленями у него задрожали губы.

— Не расклеивайся, пожалуйста, ты же всадник! — пристыдил его Фалес. — Думай, мальчик мой, время истекает.

— Я не мальчик...

— Скоро не будешь, верно. Но думай, прокляни тебя Тьма! Кукла... Не великий мастер Персех их мастерить, я имею в виду — с художественной точки зрения. К чему это похабство, расскажи.

— Ну, дело в том, что...

Лойоди сделал паузу. Что сейчас делает Глазастик? Ищет договор на полках? Но там тысяча пергаментов, Фалес заметит ее, услышит шорох...

— Дело в том...

Скрежешущий, тонкий смех. Всадник обернулся и увидел куклу, стоящую в очаге, у самого пламени. Она хохотала: на крошечном лице раскрылся жабий рот, щеки уродливо сморщились.

— Голем!!! — Фалес, несмотря на возраст и комплекцию, молнией кинулся к очагу. Слишком поздно, Глазастик шагнула прямо в пламя. — Ты не сказал, что привез две куклы, всадник! В тайнике была лишь одна...

Маг поднял руку с куклой Лойоди, явно собираясь разбить ее об пол. Всадник схватился за вместилище своего духа, попытался вырвать.

— Голем... — Пальцы Фалеса сами разжались.

Из Святого Огня, который нестерпим для всего живого, вышла Глазастик. Она покрылась копотью, от нарядного платья не осталось и следа. Но сам голем чувствовал себя прекрасно.

— Вот и все, Фалес! — в коротких ручках Глазастик сжимала длинную тонкую иглу. — Вот и все!

Она опять засмеялась, игла выгнулась.

— Не надо, Персех, я заплачу любую цену!.. — проблеял маг.

— Враг — это тот, кто хочет погубить тебя, а не продать! — сообщил голем. — Встретишься с Персехом на Горнем Суде!

С тихим звоном игла сломалась. Лойоди едва не упал, потому что ножны вдруг отклеились от пола — маг умер, и наведенные чары рассеялись. Возле очага лежал старик, почти незаметный в ворохе богатых одежд.

— А вот и я!

Всадник почти не удивился, увидев входящего Персеха, а маг и вовсе не обратил на Витто внимания. Он быстро прошел к шкафу, провел вдоль полок рукой.

— Вот он! — Персех выхватил один из свитков, быстро прочитал. — Теперь все, Фалес! Теперь все! — Задев плечом Лойоди, маг прошел к очагу и швырнул свой договор в Святой Огонь. — Все!

— Ай-ай-ай... — Еще одна фигура появилась в углу комнаты. Вокруг нее будто сгустилась тьма, не позволяя рассмотреть толком нового гостя. — Персех, а сможешь ли ты выбраться из башни? Я заключал с Фалесом немало сделок, он покупал знания, и войти сюда куда легче, чем выйти. Запрет на чужую магию смерть хозяина не отменила, это моя работа.

— Главное, что ты не посмеешь ко мне притронуться! — засмеялся Персех. — Ну, а как я выйду — мое дело.

Маг подтянул к себе почти опустошенную Лойоди сумку, выкинул из нее оставшиеся книги и стал не спеша, аккуратно приминать, складывать в нее свитки. Фигура в углу спокойно наблюдала за ним.

— Персех... — позвал всадник.

— Потом! — бросил через плечо маг. — С тобой потом. А ты, Слуга, не слишком сюда спешил, верно? Опоздал на самую интересную часть представления. Я его провел! Провел, как ребенка! Он сам принес сюда голема и даже не почувствовал этого, потому что рассматривал другую куклу!

— Я действительно не спешил, — медленно произнес гость из Тьмы, продолжая следить за действиями Персеха. — Надо было еще кое-куда заскочить.

— Неужели там больше душ, а? — Маг ногой придавил пергаменты, чтобы все влезли в сумку. — Не может быть, у Фалеса был самый большой пакет. Теперь он соединится с моим и станет еще больше. Поторгусь?

— Боюсь, что нет.

Маг сгреб с полки последние договора, уже медленнее, что-то соображая, впихнул их в сумку и застегнул бронзовые замочки.

— Так где ты был, Слуга?

— У наследника.

Слуга Сына Тьмы подошел ближе, и Лойоди увидел наконец его лицо. Мертвенно бледное, но вполне человеческое. Только чуть мерцающее, будто пляшет перед ним горячий воздух. Сердце всадника сжалось в крохотный, готовый разорваться комочек.

— У наследника Фалеса. Ты не знал, что Фалес имеет родственников? А это так. По всем законам и эта башня, и все ее содержимое принадлежат им. Я, к прискорбию, не успел защитить все имущество покойного, но эти договора забрать тебе не дам. Отстаивая справедливость, я имею право на вмешательство...

— И чьи же они теперь? — хрипло спросил Персех. — Какого-нибудь юнца, понятия не имеющего, чей он праправнук?

— Не важно, потому что сделка состоялась. — Слуга показал магу еще один пергамент, на котором Лойоди различил только алую с подтеками подпись. — Вот почему я не спешил. Да, юнец, он и проснуться-то толком не успел, но все подписал и получил кое-какие пустяки. Как видишь, я успел многое, пропустив представление. Ну, а теперь — удачно тебе выйти из башни. Ты бессилен здесь, помнишь?

Старик лихорадочно перебирал четки, что-то бормотал. Посланец Тьмы усмехнулся и легко подхватил сумку.

— Прощай, Персех. Сдается мне, до Суда не увидимся...

Маг бормотал свои заклинания все громче, но ничего не происходило. Темный нарочито не спеша шел в угол, из которого появился.

Кто-то подергал Лойоди за ножны. Всадник опустил глаза и увидел Глазастика, протягивавшую к нему уродливые ручки, ну просто как ребенок. Витто послушно поднял голема, и к его уху тут же прижались горячие глиняные губы.

— Убей же его! В башне он бессилен! Убей!

Словно во сне Лойоди снова опустил голема, рядом положил другую свою куклу. Меч легко выскользнул из ножен и еще легче перерубил тонкую шею старика, выкрикивавшего проклятия вслед Слуге Сына Тьмы.

Слуга сразу же остановился.

— Договор сгорел? — спросил он, не обращая внимания ни на падающее тело, ни на катящуюся под стол голову.

— Только обуглился, — ответила Глазастик. — Лежит там, где прежде хранилась игла, я забрала его почти сразу.

— Чтобы достать пергамент, его придется снова пронести через Святой Огонь. Выдержит ли?

— Выдержит, уж очень старая, грязная душонка! — Голем засмеялся. — Но я хочу договор по всей форме.

— Я не готов платить много, — прошипел Слуга, наклоняясь ниже. — Да и что тебе может быть нужно?

— Пара пустяков. Я хочу, чтобы ты вынес нас из башни. И я хочу, чтобы ты освободил моего Витто от всадника.

— От всадника? — Слуга перевел взгляд на неподвижную куклу. Секунду он размышлял, потом выхватил прямо из воздуха пергамент. — Текст готов. В качестве продавца я указал единственного, кто здесь имеет право на подпись.

Лойоди принял документ то ли из руки, то ли из когтистой лапы и кое-как разобрал пляшущие перед глазами буквы.

— Подписывай, — поторопила Глазастик. — Продай душу Персеа, которую я сейчас достану из очага, и больше никогда не увидишь нас с Витто. Да и мы тебя, уж очень надоел. Хотя... Спасибо за платице, мне его немного жаль.

Не прошло и часа, как всадник Витто Лойоди вернулся на луч Света, с которого уже не сворачивал до положенного ему от роду конца.

Сказки о глиняных куклах, живущих в горах возле Риглава, знает там каждый ребенок.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

Конрад фон Шмуц,
обер-квизитор
Бдительного Приказа
(Из книги «Приют героев»)

Caput I

**«А в этом отеле на мягкой постели
заснешь — и не встать поутру...»**

Позвольте вашу ручку! Вашу драгоценную! Сюда, сюда, на подушечку...

— Держите. Пальцы распарились?

— Чудные пальчики! Дивные! Как ноготок делаем? Лопаткой, копыцем?

— Гусиным яичком. Кутикулу не удалять, сдвинуть кипарисовым шпателем. И край ногтя по ободку — белым лаком.

— О, ваш вкус, как всегда, безукоризнен! Основной лак — «Палевый жемчуг»?

— Нет, «Жемчужный иней».

— Великолепно! Приступим, приступим...

Пока опытный цирюльник-ноготарь трудился над его пальцами, барон Конрад фон Шмуц внимательно, чтобы не сказать придирчиво, следил за вторым цирюльником — стригунцом, обслуживающим служебный парик барона. Мастер, покончив с завивкой буклей, легко укрепил косу на золотой проволоке и сейчас, умело орудуя заколками и обручем, придавал парику форму. Рядом ждали своего часа пудреница, помада для волос, сваренная из медвежьего жира с гелиотропом, и серебряная брошь — самка грифона распростерла крылья над гнездовьем.

Строгий взгляд барона потеплел и смягчился.

Цирюльня «Иридхар Чиллал», основанная беглым одноимен-

ным куафером из Ла-Ланга, приговоренным на родине к змеиной яме пожизненно за искажение облика царствующей особы, славилась по всей Реттии. Трудились здесь виртуозы, большей частью нелегалы. Хозяин, воспитанный в восточной строгости, регулярно напоминал работникам о прелестях змеиных ям и вечной правоте клиентов, так что жаловаться не приходилось.

А какое здесь водилось огуречное молочко!

А каких пиявок ставили к вискам и на запястья!

Мысль о пиявках по странной прихоти напомнила барону Конраду о назначенной на сегодня дуэли с наглым корнетишкой Лефевром, приемным сыном полка конных прашников. Юнец, молоко на губах, жидкие усишки, а туда же! Вслух в офицерском собрании рассуждать о достоинствах и недостатках сотрудников Бдительного Приказа, умаляя первые и превознося вторые... Кроме того, нахал изволил с пренебрежением отозваться о раскрытии «Дела мокрого ублюдка», за которое Конрад, обер-квизитор огульно бранимого Приказа, получил первый ранг и благодарность от прокуратора Вильгельма Цимбала. Дескать, буйного полудемона, задержанного с поличным, при оказании сопротивления зарубит каждый дурак, а если ты не дурак, как большинство Блящих, то изволь задержать живьем да препроводить в кутузку! Рубить мы все горазды...

И корнет многозначительно опустил ладонь на эфес сабли.

«Молодой человек! — сказал ему барон, не обращая внимания на шум собрания, частью разделяющего смехотворные взгляды юнца. Падение нравов давно не удивляло Конрада фон Шмунца. — Когда в следующий раз я буду брать полудемона, я непременно обращусь к вам за советом. Поскольку сам в теории не силен, предпочитая сухую практику. Вам же, равно как и вашим сослуживцам, коих прошлой осенью изрядно отмузузили ятричанские кожевники, я бы рекомендовал пореже рассуждать о чужой компетентности...»

Жаль, дальнейшие пассажи, истинные перлы красноречия, так и не прозвучали. Корнет побагровел, запустил в голову барона кружкой с грогом, промахнулся и довел дело до дуэли. А поскольку нанесение телесных повреждений сотрудникам Бдительного Приказа каралось смертной казнью через замораживание, барону пришлось отправить посыльного в спецарсенал — заказать «секундантов». Сабли-болтушки, единственное оружие, с которым

квизиторам всех рангов разрешалось выходить на поединки чести, без предварительного заказа на руки не выдавались.

«Завтра вечером, молодой человек, — тоном, способным заморозить выскочку без суда и следствия, бросил обер-квизитор. — В час Сурка, на закате; возле обители Веселых Братьев. И прошу не опаздывать, я вам не девица на выданье...»

Корнет ждать до завтрашнего вечера не хотел, но его, связав и бросив в угол, уговорили более разумные сослуживцы. Вряд ли семье Лефевра было бы приятно хранить в родовом склепе ледяную статую мальчишки, ежедневно следя, чтоб не растаяла...

— К вам курьер, ваша светлость!

Голос цирюльника вывел Конрада из задумчивости. Есть народная примета: курьер в выходной день — к неприятностям. А народ, он зря не скажет.

— Деша? Устное послание? — осведомился барон с явным раздражением.

— Деша, ваша светлость.

— Пусть войдет и зачитает.

— Вслух?

— Разумеется, вслух.

— А если там служебные тайны? — Ногтять разволновался и даже причинил барону легкую боль, дернув шпателем.

К счастью, шпатель не царапнул служебный стигмат, выколотый в ложбинке между большим и указательным пальцами правой руки Конрада. Разумеется, к счастью не для самого барона, а для растяпы-цирюльника. Топор в связке розог, право карать и казнить, — эмблема Бдительного Приказа была из тех изображений, которые вполне способны сами постоять за себя. Зная это и памятуя о наследственной вспыльчивости фон Шмуцев, бедняга ногтять побелел как мел.

— Простите великодушно, ваша светлость! Мы — люди маленькие...

В душе Конрад простил цирюльника за докучливость. Будь обер-квизитор на месте гражданского реттица, а тем паче беженца-нелегала, он тоже никак не захотел бы оказаться свидетелем тайн Приказа. Но брать дешу в распаренные руки, ломать печать, портя все удовольствие от посещения цирюльни... Мельком Конрад заметил, что мастер-стригунец приостановил работу над париком и ждет, напряженно морщась. Из-за шторы, отделявшей зал от лаборатории шиньонов, блеснул карий глаз вла-

дельца цирюльни. В глазу явственно отражалась память о змеиных ямах и непостоянстве знатных особ.

— Ладно, — смилостивился барон, пойдя на компромисс. — Пускай курьер войдет, развернет депешу и поднесет к моему лицу. Я сам прочитаю. Без оглашения, значит, тайн.

Бравый курьер возник как по мановению волшебной палочки. Сургуч печати хрустнул, лист пергамента развернулся с насмешливым шуршанием.

«...Немедленно прибыть... — разбирал Конрад знакомый витиеватый почерк, мрачно понимая, что выходной день закончился, не начавшись, — к месту происшествия... переулок Усекновения Главы, дом четыре, гостиница «Приют героев»... следственный наряд в составе дюжины ликторов выслан... провести осмотр с тщанием... сим заверяю...»

И подпись.

Вильгельм Цимбал, прокуратор Бдительного Приказа.

Перед уходом в качестве утешения барон приобрел у раболепствующего Иридхара новый набор для маникюра. В гнездах экзотической шкатулки лежали пилочки ногтевые и полировальные, палочка для заусенцев, палочка из апельсинового дерева для отодвигания кутикулы, малые ножницы и пять флаконов с лаком.

Обер-квизитор первого ранга согласно Уставу должен служить примером для подражания. А посещение цирюльни, сами видите, не всегда возможно довести до логического конца.

Конрад фон Шмуц презирал суеверия. И потому лишь смеялся, когда ему говорили, что стричь ногти в субботу — предзнаменование либо грядущих потерь, либо прихода возлюбленного. Но сейчас, в шестой день недели, гоня вороную кобылу к переулку Усекновения Главы, он был склонен признать наличие в суевериях зерна истины.

Хорошее настроение барон уже потерял.

Оставался приход возлюбленного.

* * *

Гостиницу заблаговременно оцепили ликторы, разогнав зевак, немногочисленных здесь, на окраине, в столь ранний час. Осадив кобылу на углу, Конрад разглядывал место происшествия издали.

Фасад и парадный подъезд «Приюта героев» не производили впечатления сцены, где завершился последний акт трагедии. С каштанов, росших вдоль переулка, мирно осыпались плоды — твердые, словно изготовленные из обожженной глины. Вот один каштанчик треснул ближайшего ликтора-охранника по макушке: бедняга снял кивер, желая вытереть рукавом вспотевший лоб, и теперь обиженно вертел головой. В лазоревом мундире, подпоясан алым кушаком, дородный, румяный и потный от трудов праведных, ликтор чудесно дополнял картину ранней осени. Осень... желтые, багряные, темно-зеленые листья... Ликторский кивер — темно-синяя лопасть из сукна, обшитая ярко-красным галуном, плюмаж из рыжих петушиных перьев, латунная кокарда. Палитра щедрого живописца. Ага, вот и первая несообразность.

Гостиница категорически не вписывалась в пейзаж.

Она была строго черно-белой.

Фонари у входа: слева — черный, с обвившейся вокруг столба змеей, справа — белый, увенчанный оптимистическим голубем. Створки входной двери: правая выкрашена свинцовыми белилами, левая — казенной тушью, какая идет для отчетов и рапортов. Левая часть здания от окошек цокольного этажа до черепицы на крыше — цвета расплавленной, пышущей жаром смолы; правая от входа в погреб-ледник, где хранилось съестное, до каминной трубы, торчавшей наверху, — снежная целина, девственная, не тронутая даже галочьими следами. И лепнина на стенах: голуби, горностаи, агнцы, единороги и зебры-альбиносы мигрировали на восток, зато запад прочно оккупировали аспиды, вороны, зем-бийские пантеры и чупакабры, сосущие кровь из домашней птицы.

Крылось в этой двуцветности что-то неприятное, вызывающее душевное отвращение.

Конрад попытался вспомнить сплетни или слухи, связанные с «Приютом героев» и в итоге остался с носом: память отказывала. Какая-то ерунда, игры золотой великосветской молодежи... или нет, не игры, а проведение редкого обряда, интересного только узкому кругу посвященных...

— Здравия желаем, господин обер-квизитор!

Спешившись, барон кинул поводья подбежавшему ликтору, кивком ответил на приветствие и двинулся к гостинице. Сзади цокали копыта лошади и топали сапоги детины. Сам ликтор по-малкивал, ожидая вопросов. Видимо, знал барона в лицо и помнил, что тот не любит болтунов.

Еще Конрад фон Шмуц не любил людей выше его ростом. К сожалению, таких получалось несомненное, отвратительное большинство. Посему обер-квизитор носил обувь на высоких каблуках и часто предавался мизантропии.

— Что случилось? — не оборачиваясь, поинтересовался барон.

— Осмелюсь доложить, ваша светлость, побоище. Брань с отягчающими.

— Когда?

— По всем приметам, в полночь. Шестеро постояльцев сгинули, как не бывало. В Белой зале разгром. Со стороны IV тупика — следы вооруженного сопротивления.

— Сопротивления? Кого и кому?

— Не могу знать! Полагаю, что постояльцев этим... злодеям, пожелавшим остаться неизвестными!

— Тела погибших? Раненые?

— Отсутствуют, ваша светлость! Либо вывезены, либо того... магическим путем!

— Соседей опросили?

— Осмелюсь доложить, тут соседей — с гулькин хвост. Какие есть, тех опросили с тщанием...

— Ну?

— Не видели, не слышали. Заперлись ночью на все замки и тряслись от страха. Я спрашиваю: отчего, мол, тряслись, если не видели и не слышали? — пожимают плечами. Мы, говорят, всегда трясемся. По поводу и без.

— Выброс маны зафиксирован? Уровень?

— Не могу знать! Нам приказали до вашего появления не докладывать о происшествии в Тихий Трибунал!

Сняв форменную треуголку, Конрад за косу приподнял парик и осторожно почесал затылок. Пожалуй, верно. Прокуратор Вильгельм, опытный интриган и хитрая бестия, случайных приказов не отдает. О конфронтации между Бдящими и магами Тихого Трибунала в Реттии знал каждый соплик, торгующий пирожками вразнос. Обе службы втайне полагали, что чудесно справятся с делами любого профиля; особенно если Его Величество Эдвард II расформирует конкурентов за ненадобностью, переведя часть уволенных бездельников в безусловное подчинение оставшейся службе. Так, на всякий случай, в качестве временных консултантов и мальчиков на побегушках.

Барон был достаточно неглуп, чтобы умом не разделять подобных заблуждений.

Но ведь сердцу не прикажешь!

Тем временем они подошли ко входу в гостиницу. Навстречу, нюхом учуяв высокое начальство, вылетел хозяин «Приюта героев»: узкоплечий, носатый коротыш с кучей бороденкой, похожий на норного вельштерьера. Барон испытал разочарование: он втайне ожидал увидеть шута горохового в двуцветном, черно-белом трико. А увидел скандального бюргера, потерпевшего непредвиденный убыток и готового обвинить власти во всех смертных грехах.

За хозяином тащился частный стряпчий, с пером и бумагой в руках.

— Скандал! Безобразие! — хозяин кипятился, брызжа слюной. Щеки его покрылись красными прожилками, кончик носа также покраснел, выдавая пагубную страсть к элю и бальзаму «Сбитень». — Сударь офицер, я честный содержатель гостиницы! Я почетный член Гильдии Отельеров! Это происки завистников! Желают опорочить! отбить клиентов! ввести в разорение! Я требую возмещения от казны и долю в имуществе пойманных злоумышленников...

— Согласно «Закону о правах потерпевших», — сухо заметил стряпчий, не прекращая на ходу делать записи. — Статья шестая, параграф второй.

И в задумчивости пощекотал ухо кончиком пера.

— Барон фон Шмуц, — представился Конрад, с раздражением дернув углом рта. Нервный тик приходил на помощь вовремя, когда требовалось поставить зарвавшегося собеседника на место. — Обер-квизитор первого ранга, кавалер медали «За рвение». С кем имею честь?

На свое счастье, хозяин имел рост еще меньший, чем барон, что слегка примиряло обер-квизитора со вздорностью ситуации.

— Э-э... Трепчик. Амадей Вольфганг Трепчик-младший, к услугам вашей светлости.

— Каких именно, сударь Трепчик, завистников вы желаете обвинить в происшествии? Имена, фамилии? Чины? Звания?

Хозяин прикусил язычок. Вряд ли кто-то из реттгийских держателей гостиниц завидовал ему настолько, чтобы, преследуя цели компрометации, организовать ночное побоище с вывозом раненых и мертвецов. Тайный голос подсказывал барону: здесь

дело не в простой драке подвыпивших гостей. Высших офицеров Бдительного Приказа не срывают в выходные дни судить да рядить бытовые скандалы. И следственный наряд в составе дюжины ликторов на всякие пустяки не высылают.

— Успокойтесь, сударь Трепчик. Заверяю вас, я сделаю все возможное, дабы ваша репутация не пострадала. А сейчас дайте мне пройти и следуйте за мной.

Барон вздохнул и вошел в «Приют героев».

* * *

Шутовской стиль, раздражавший обер-квизитора, сохранялся и внутри гостиницы. Единственным исключением был крохотный холл, сплошь, включая пол и потолок, выкрашенный в пыльно-серый цвет. Видимо, чтобы настоящая пыль и паутина не так бросались в глаза. В холле имелась одинокая конторка, на которой лежала книга для записи постояльцев.

Конрад решил, что ознакомится с книгой позднее, и продолжил осмотр.

В левое крыло здания вела аккуратно прикрытая аспидно-черная дверь. А вот правая — судя по извращенной логике здешней архитектуры, белая — отсутствовала напрочь. Косяк, кстати, изрублен вдребезги. Судя по характеру повреждений, боевыми топорами.

Обломки обнаружили шагах в пяти, в коридоре, бесстыдно открытом взгляду. Там же валялся массивный засов, вывороченный, что называется, «с мясом». Барон прикинул, с какой силой терзали мученицу-дверь, и нахмурился.

— Ремонт давно делали? — спросил он, не успев подавить в душе коварный порыв сострадания.

— Этим летом! — возрыдал хозяин.

— Ну и зря...

Стараясь не наступать на изуродованные картины, опавшие со стен, словно листья с деревьев, барон прошел в глубь крыла. Каблук так и норовил отметить если не на треснувшей раме, то на рваном холсте. Лица участников баталий, во множестве изображенные на полотнах, с осуждением глядели на обер-квизитора снизу вверх.

«За что?» — безмолвно интересовались герои.

Слепяще-белый коридор выводил к лестнице, застланной ворсистым ковром, похожим на снежную дорогу. Ступени уходили

наверх — в жилые покои для гостей, — и вниз, в таверну, размещенную, если верить плачу хозяина, в цокольном этаже. Заканчивался коридор еще одним раскуроченным проемом.

— Что там?

— Каминная зала, ваша светлость...

Внутри залы царил полный разгром. При первом взгляде на кресла, разнесенные в щепы, колченогий столик, до половины забитый в пасть камина, драную обивку дивана, опрокинутые шандалы и торчащие из стен арбалетные болты, барон испытал приступ злорадного удовлетворения. Потому как не должна захудалая гостиница на окраине сверкать чистотой, будто военный госпиталь имени королевы Якобины в дни визита августейшей покровительницы! Не должна, и все тут.

А так — совсем другое дело.

Полное соответствие канону «после драки».

Барон знаком велел хозяину оставаться в коридоре. Ушлый стряпчий сделал вид, что распоряжение его не касается, но оберквизитор мигом пресек чужое самовольство.

— На ваш век, голубчик, убытков хватит. Хватило бы чернил... Извольте не мельтешить.

Брезгливым шелчком сбив с плеча случайную пылинку, Конрад хрустнул тонкими пальцами и вошел в залу. Да-с, брань тво-рилась нешуточная. Неведомые злодеи брали гостей «в клещи», атакуя через окно и со стороны центрального входа. Любопытно, а черный ход здесь тоже черно-белый? Барон поднял с пола осколок стекла, оплавленный и потемневший. Следы гари на стенах, каминный барельеф весь в копоти... От зажигательных стрел или «чусского огня» последствия были бы иными. Начнись реальный пожар, от гостиницы к утру остались бы дымящиеся развалины. Значит, отягчающее применение боевой магии.

Ведомство Тихого Трибунала.

Но, с другой стороны, — стрелы, топоры...

И приказ Вильгельма Цимбала: не спешить с докладом в Трибунал.

Гоня прочь дурное предчувствие, Конрад задержался у чудом уцелевшего зеркала, поправил съехавший набок парик и продолжил осмотр. Возле дивана он был вынужден присесть на корточ-ки. На раздавленной свече, прилипшей к доске паркета, четко отпечатался рубчатый след. В мелкую «елочку». Первая зацепка?

Шагнув к окну, барон кликнул ликтора, наказав прихватить холщовые мешочки для сбора улик.

В коридоре нарочито громко шептались хозяин со стряпчим:

— ...Представить скрупулезнейшую опись...

— Совершенно с вами согласен, любезный сударь Тэрц! Я представляю им такой счет...

— Но опись надо составить незамедлительно! По горячим следам!

— Вот и скажите об этом господину обер-квизитору. Скажите! Вы — лицо официальное и имеете полное право... бить официальные лица по лицу не дозволено никому, даже Бдящим...

— Посторонись!

В дверь протиснулся ушибленный каштаном служака, неся в руках целый ворох мешков разной емкости. Барон поморщился: усердие должно иметь свои пределы. Иначе оно граничит с глупостью и становится поводом для насмешек. А он терпеть не мог, когда посторонние насмехались над сотрудниками Бдительного Приказа.

В спецарсенале Конраду однажды пригрозили, что перестанут выдавать «секундантов» для дуэлей.

— Подойдите сюда. Вдоль стены, аккуратно! Ничего не трогайте, кроме того, что я вам укажу. Упакуйте вот это... и вот это... и еще...

— Ваша светлость! Я обязан включить эти предметы в опись! Дабы вчинить иск согласно параграфу...

Честно говоря, стряпчий надоед хуже горькой редьки. Кому он собирается вчинять иск? Неизвестным злоумышленникам? Гильдии Отельеров?! Но с точки зрения закона он прав, и ничего страшного не случится, если сударь... как его? Тэрц? — внесет в опись изымаемые улики.

— Извольте.

— Премного благодарен за содействие, господин обер-квизитор.

Завершив первичный осмотр и указав ликтору, что из улик следует забрать с собой, барон направился к выходу из залы.

— Хвала Вечному Страннику! Вы закончили! Сударь Тэрц, приступайте. Я уже послал за столяром, и как только вы управитесь...

— Не спешите, голубчик. Если стряпчего я еще готов терпеть здесь — разумеется, в присутствии ликторов! — то со столяром вам придется повременить.

— Почему, ваша светлость? Как же так?! Вы ведь закончили?

— Нет, — сухо бросил Конрад и проследовал из каминной залы в холл, сопровождаемый по пятам возбужденным хозяином.

По дороге он думал, что внешняя комиссия ликтората должна отбирать в слуги закона не дубоватых верзил, ловко управляющихся с табельными топорами, а судейских крючков, вроде настырного стряпчего, или приставучих Трепчиков-младших. Ну, хотя бы треть личного состава. Эти землю носом взроют, а ни одной оброненной пуговицы, ни одного свечного огарочка не пропустят. Из природной вьедливости, которая, если задуматься, сама по себе изрядный талант. А пообещай им премию...

— Ваша светлость!

— У меня есть вопросы лично к вам, сударь Трепчик. Попрошу отвечать коротко и честно. Это в ваших же интересах. Я доступно выразился?

— Куда уж доступней, ваша светлость...

— Отлично. Итак, известно ли вам, что именно произошло ночью в вашей гостинице?

— Да! То есть нет...

— Извольте выражаться яснее, сударь! Да или нет?

Барон нахмурился, глядя Трепчику-младшему в переносицу: словно гвоздь вбивал. Под его взглядом хозяин съежился, сделавшись похож на побитую собаку и мокрую курицу одновременно, если в природе возможен такой монстр.

— Я... я слышал. Но не видел.

— Что именно вы слышали? В какое время?

— Около полуночи. Я в гостинице ночевал. В свободной комнате.

— Вы спали? Вас что-то разбудило?

Трепчик замялся, топчась на месте.

— Я... не спал, ваша светлость.

— Почему? — фон Шмуц картинно приподнял бровь. Обычно это убивало свидетелей наповал.

— Я... я был не один.

— И, естественно, не с супругой.

— Ваша светлость! Умоляю! Виолетта меня убьет! Вы ее не знаете!

Кажется, гуляющий отельер хотел упасть барону в ноги, но побоялся. И правильно. Фон Шмуц подобных выходов не жаловал.

И, уж конечно, был рад, что не знаком с ревнивой Виолеттой Трепчик.

— А это зависит от вас, сударь мой. От вашей откровенности и желания помочь дознанию. Итак, что за особу вы осчастливили своей благосклонностью?

— Повариху, ваша светлость.

— Ее я допрошу позже.

— Осмелюсь заметить, ваша светлость: Ганечка... повариха то есть — она немая. Ее допросить затруднительно выйдет.

— Но вы-то разговорчивы за двоих. Рассказывайте, что слышали.

— Ох, слышал! Упаси Вечный Странник такое дважды услышать! Сперва орать стали. Орут и орут, а слов не разобрать. Потом гром ударил с чистого неба. Ударил, значит, упал и давай кататься у нас под окнами! Треск, грохот, стекла, слышу, бьются — а они знаете какие дорогие?! Стекольщик Дорфман три шкуры дерет, гадюка, я уж с ним и торгуюсь, и по матушке...

— Стекольщика оставим в покое. Что еще слышали?

— Железо звенело. Ругань, крики; и выл кто-то. Жутко, словно на покойника... И еще они смеялись.

— Кто — они?

— Не знаю, ваша светлость. Гром, треск, брань, а они смеются. Аж мороз по хребту... После замолчали. Не до смеха стало, выходит.

— Что вы делали в это время?

— Все б вам насмеяться, ваша светлость! Что ж тут сделаешь, когда эдакие страсти! Заперлись мы с Ганечкой на засов и от страху тряслись! Она хоть немая, а все слышит...

— Хорошо. Дальше что было?

— Дальше? Все. То есть ничего. Стихло дальше. Еще вроде телега от гостиницы отъехала. Может, и не одна. Я до утра подождал, а как рассвело, выбрался посмотреть. Нижняя Мама! Погром и кромешный ужас!.. Да вы сами видели, ваша светлость. Ну, я сразу мальчишку в Бдительный Приказ отправил: доложить о происшествии. Стряпчего вызвал: убытки описывать. Скорби мои и беды, значит...

Барон смерил Трепчика взглядом с ног до головы и решил от уточняющих вопросов воздержаться. Успеется при необходимости.

— Как мне сообщили, пропали шесть ваших постояльцев. Это верно?

— Чистая правда, ваша светлость. Все, кто был, и пропали.

— В каком смысле — все?

— Ну, все, кто в гостинице жил. Подчистую.

Вспомнив размеры гостиницы, Конрад подумал, что в «Приюте героев» свободно разместилась бы полурота драгун. При желании, вместе с лошадьми. Однако от лишних вопросов барон и на сей раз отказался. В конце концов, какое ему дело, процветает Амадей Вольфганг Трепчик или, напротив, близок к разорению?

— Постояльцы записаны в книгу?

— Разумеется, ваша светлость! У нас с регистрацией полный ажур. Прошу вас... здесь картинки, изволите заметить, валяются... умоляю не топтать, картинки денег стоят...

Смотреть книгу записей, пухлую и набитую сведениями, как чердак — старым хламом, барон начал с первой страницы. Эта его дотошность, чтоб не сказать въедливость, многих раздражала, временами приводя к очередным дуэлям. Возможно, именно поэтому Конрад до сих пор был холост. Одним из редких мудрецов, кого радовали упомянутые качества обер-квизитора — обстоятельность и свобода, — был прокуратор Цимбал. Но вслух прокуратор ничего не говорил: считал, что озвученная похвала идет сотрудникам Приказа во вред.

Судя по содержанию книги, «Приют героев» и впрямь пользовался отменной популярностью. Барон для уточнения затребовал данные за прошлый год, потом за позапрошлый, доведя хозяина до сердечного приступа. М-да, еще одна загадка. Год за годом гостевые покои битком набиты, блудливая повариха Ганечка небось трудится с рассвета до заката, а потом — с заката до рассвета, постояльцы кишмя кишат, получая извращенное удовольствие от здешнего декора, а недели полторы назад, с начала листованчика-месяца, — как отрезало.

Жалкая шестерка заселившихся, и никого больше!

Оставалось предположить либо наличие таинственного суеверия, объяснявшего «мертвый сезон», либо крайнюю скандальность шестерых гостей, жить рядом с которыми не захотел никто. А вдруг они из-за дурного характера повздорили вечерком в каминной зале да и перебили друг дружку? А трупы вывез сам хозяин, желая скрыть следы во благо репутации отеля...

Других версий на ум не приходило.

Имена, значившиеся в книге последними, также ничего не говорили барону. Агнешка Малая, уроженка Глухой Пуши, гуртовщица, совершеннолетняя... Лайза Вертенна, вольная метательница, лицензия найма действительна до... Джеймс Ривердейл, виконт де Треццо... Кристофер Форзац, маг... Санчес Панчоха, эксперт по запорным устройствам... Герман фон Шмуц, из Мизельских Шмуцев...

Овал Небес!

Постоялец «Приюта героев», сгинувший без вести Герман фон Шмуц, приходился барону родным племянником.

* * *

Кое-кто из сослуживцев или, допустим, из каторжан Тинжерских каменоломен, среди которых встречались бывшие клиенты барона, могли бы подтвердить: да, Конрад Зануда умеет держать удары судьбы. И лишь очень зоркий наблюдатель успеваешь заметить, как твердеют на мгновение черты лица, как вздуваются, чтобы сразу опасть, желваки на скулах; и складка между бровями, очень вредная, если вы заботитесь об отсутствии морщин, наливаясь кровью, делаясь похожей на каллиграфически выписанную букву «швах».

К счастью, зорких наблюдателей, равно как сослуживцев и каторжан, рядом не оказалось. А мигом позже лицо фон Шмуца приняло обычное замкнуто-брюзгливое выражение. Он отложил список и задумался, временно потеряв всякий интерес к окружающему.

Судя по всему, в момент нападения великолепная шестерка находилась в Белой зале. Откуда гости исчезли — живые или мертвые. Если отвергнуть версию «внутренней» драки, возникает иной вариант: у постояльцев имелось некое общее дело, какое, мягко говоря, пришлось не по нраву таинственным злодеям. Но представить себе дело, способное объединить столь разношерстную компанию? И логика, и воображение отказывали категоричней, чем невинная девица — коварному соблазнителю. Ну, скажите на милость, что общего между совершеннолетней гуртовщицей, виконтом де Треццо, экспертом по запорам и племянником обер-квизитора, дипломированным стратегом-универсалом?!

— Все они — рыцари Ордена Зари, господин барон. Квесторы этого сезона.

Барон обернулся так резко, что воздух вокруг него, казалось, завертелся маленьким смерчем.

— Кто пропустил?!

Задавая вопрос, Конрад демонстративно смотрел мимо стройной дамы средних лет, проникшей в гостиницу явно недозволенным, чтобы не сказать, преступным путем. Мало того, что какой-то растяпа из ликторов проморгал гостью; мало того, что эта особа имеет наглость прерывать чужие размышления; так она еще и выше барона на целых полголовы! Несмотря на каблуки и горделивую осанку фон Шмуца! Правда, замшевые башмачки незнакомки также имели весьма солидный каблучок, а шляпка — тулью в форме башенки, но разве это имело значение? Кто-то сейчас поплатится за ротозейство! И обер-квизитор даже знает, кто именно: вон, мнется в дверях, балбес, потеет от страха.

— Прошу вас, не сердитесь. У ликторов не было выбора.

— Вот как, сударыня? Не было выбора?!

Яростный взгляд пропал втуне: дама улыбалась без вызова, но с достоинством.

— Разумеется, ваша светлость. Разрешите представиться: Генриэтта Куколь, м. в. к. вигилла Тихого Трибунала.

Она сняла нитяную перчатку, протянув барону изящную ручку. С весьма посредственным, заметим, маникюром. И лак из дешевых. Целовать нахалке руку, тем более неухоженную, барон не собирался, а обмениваться с дамой, пусть даже магической высшей квалификации, рукопожатием — дурной тон. Увы, для процедуры верификации полномочий не существует ни мужчин, ни женщин.

— Конрад фон Шмуц. Бдительный Приказ, обер-квизитор первого ранга.

Ладонь у вигиллы оказалась неожиданно жесткой — и при этом теплой, почти горячей. Мана через край хлещет? Барон знал, что сейчас должна ощутить Генриэтта в качестве гарантии подлинности чина и ранга собеседника. Легкий, похожий на укус крапивы, ожог пучка розог и тройной укол вложенного в них топорика. Квизиторские стигматы — не самая приятная в мире верительная грамота, зато подделка исключена. А стигмат сотрудникам высших рангов накалывался под наблюдением одного из трех знаменитых «колачей», королевских кобников-графологов:

Геронима Баска, Жан-Поля Индейки и Петруччио Бригелло, авторов совместного шрифтового триптиха «Корабль тощих в гавани Арнольфани».

Ага, сработало. Поморщилась.

В ответ на левой щеке вигиллы проступило невидимое раньше клеймо: две стилизованные буквы «Т», скрещенные особым образом. Знак Тихого Трибунала. Считалось, что сочетание двух «Т» образует устремленное вверх острие меча и под ним — крест. Символ карающего оружия и перекрестка людских судеб. Барон же, увы, ничего подобного в клейме разглядеть не мог, как ни пытался (а пытался он неоднократно). Крест, с его точки зрения, выходил убогий; на перекресток судеб никак не тянул. Да и верхний уголок с острием меча не ассоциировался. Максимум — двускатная крыша домика, как ее рисуют дети.

Что они о себе думают, эти *виги*, Неусыпно Бодрствующие? Напустили туману, высосали из пальца уйму скрытых смыслов простых двух букв — а на самом деле... Спать больше надо! Если верить медикусам, для здравого рассудка очень полезно.

— Рад знакомству, коллега.

Короткий официальный поклон: строго по Уставу, ни на волос ниже.

— Взаимно, коллега.

Сухой усеченный реверанс: точная копия поклона в дамском варианте.

«И все-таки почему ликторам велели не сообщать о происшествии в Трибунал? Хотели выиграть время? С какой целью?!»

— Вы задержались, коллега. Позвольте спросить: отчего? След стынет, сами понимаете...

— Разделяю вашу обеспокоенность, коллега. Но сезонные возмущения в Вышних Эмпиреях не позволили волхвам-локаторам сразу зафиксировать критический выброс маны. Пока картина прояснилась, пока локализовали место...

Барон с удовлетворением кивнул:

— Значит, выброс маны все же имел место. Еще и критический. Я так и думал.

— Могу вас заверить: имел. Уровень я сейчас уточняю. В любом случае это означает, что данное дело подлежит ведению Тихого Трибунала как преступление с отягчающим применением магии. Не проводите ли вы меня непосредственно на место происшествия, коллега? После чего...

— С удовольствием, коллега. Дабы вы могли убедиться: кроме выброса маны, здесь имела место целая баталия с применением стрелкового и холодного оружия. Я, кстати, допускаю, что маги использовали не злоумышленники, а потерпевшие в рамках самообороны. Что снимает вопрос об «отягчающем применении». Значит, сей случай находится в компетенции Бдительного Приказа, который я имею честь представлять.

Не будь Конрад в точности уверен, что дуэль назначена на завтра, он мог бы решить, что поединок уже начался. Забавно: обычно маги Тихого Трибунала — тихие, серые человечки, слова клешами не вытащишь. А тут просто светская львица! Нет, нам львицы ни к чему, у нас дознание, а не охота...

— Ваша версия, коллега, весьма любопытна. — Вигилла иронически прищурилась, поправляя выбившийся из-под шляпки пепельный локон. — Жаль только...

Заливистая трель певчего дрозда помешала ей закончить фразу.

— Прошу прощения. Меня вызывают.

Генриэтта Куколь извлекла из сумочки изящную пудреницу, украшенную эмалью, резьбой и насечками. В крышку пудреницы изнутри было встроено зеркальце, куда вигилла и устремила взгляд. Барон тактично отошел, искоса наблюдая за «коллегой». С минуту Генриэтта молча внимала чему-то, слышимому ей одной, потом беззвучно зашевелила губами. Пудра сразу пришла в движение, легкой струйкой взмыв в воздух и изгибаясь на манер змеи. Вигилла цокнула языком, словно девчонка, и пудра мигом улеглась на место.

Тихо шелкнула крышка.

— Кажется, наши ведомства нашли общий язык, — сообщила Генриэтта, оборачиваясь к барону. — Нам с вами предписывается вести это дело вместе. Можете проверить: прокуратор Цимбал выдал письменное распоряжение.

Конрад позволил себе улыбку:

— Никогда не сомневался в мудрости начальства. Разрешите взглянуть на вашу пудреницу? Благодарю... О, старинная работа! Замечательная вещь! Где такие делают?

— Служебный артефакт. К счастью, его можно использовать не только для рапид-коннекса.

— А я, — не удержался барон, — приобрел сегодня чудный мажикюрный набор.

Впервые дама поглядела на собеседника с искренним интересом.

— Он у вас с собой? Позвольте, в свою очередь... Какая прелесть! Где вы его купили, если не секрет?

— Ну какие теперь между нами секреты? В «Иридхар Чиллал».

— Но у них все так дорого! — невольно вырвалось у вигиллы.

— Красота требует жертв! — В голосе барона скользнули нотки самодовольства, и Конрад мысленно выбралил себя за несдержанность. — Так что вы говорили насчет Ордена Зари? Это имеет отношение к делу?

— Самое прямое.

Caput II

**«Они бились день, они бились два —
в головах трава, по степи молва...»**

Пудреница вигиллы оказалась выше всяческих похвал. Приступая к осмотру комнат исчезнувших — не хотелось думать, что погибших, — квесторов, барон слегка завидовал возможностям Тихого Трибунала. Надо подать рапорт о необходимости внедрения достижений...

Отвлекаясь на минутку, он вызвал двоих ликторов и отправил с поручениями. Первого — к «топтунам», второго — к «стоякам»: так квесторы презрительно именовали меж собой обе ветви столичной стражи, патрульной и воротной. Пусть выяснят, не было ли замечено на улицах и на выездах из города подозрительных телег. Конрад понимал, что опоздал, — с полуночи до утра из легкомысленной Реттии можно вывезти всех покойников оптом и в розницу! — но порядок есть порядок.

Внизу Генриэтта ходила по каминной зале, измеряя уровень, спектр и прочие составляющие выброса маны. Отчего по «Приюту героев» гуляли сквозняки и в нос шибало грозой.

— Ваша светлость! Если какие ценности, так вы сверху оставьте!.. Чтoб сразу видно...

— Имуущество гостей, не произведших окончательный и полный расчет с хозяином, частично принадлежит владельцу отеля... Кодекс Споров, раздел «О неуплате», статья третья-прим...

— Сударь Трепчик! Заберите вашего стряпчего, пока я не выбросил его в окно!

— Покушение на адвоката, нотариуса и стряпчего при исполнении...

— Второй этаж, ваша светлость... невысоко там...

— Убирайтесь! Оба!

Осмотр барон начал с комнаты племянника. Изучая одежду, висящую в громоздком комоде, перебирая личные вещи, насколько листая забытые на кровати «Стратегемы», «Нечто из ничего» и «Рецепт случайной победы», он никак не мог сосредоточиться на следствии. Записанный в «Книге родов», как прямой фон Шмуц, с префиксом «достопочтенный» и титулом «Ваша светлость», Конрад не был особенно близок с молодым родственником, числившимся по линии Шмуц-Мизелей, с более низким префиксом «благородный». Они и встречались-то раз-два в год в родовом замке на семейных торжествах, которых барону, пленнику долга, не удавалось избежать... Ах нет, еще в Литтерне, на водах, где юный стратег-студиозус применял знания на практике, мороча головы сразу дюжине пылких сударушек! Но, несмотря на шалости, присущие юности, несмотря на случайность их встреч, мальчик вызывал у строгого обер-квизитора необъяснимую симпатию, даря в ответ искреннюю привязанность к блестящему столичному дяде.

Это, должно быть, потому, что Хальдрик Разбойник, папаша Германа и младший брат Конрада, вызывал у обоих одинаковые чувства. Иногда барон жалел, что в отрочестве, переехав в столицу, с согласия отца подписал отказ от земельных претензий в пользу Хальдрига. И часто спорил со своим духовником, утверждавшим, что братоубийство — тяжкий грех.

Вне сомнений, отцовский нрав и толкнул юношу на скользкий путь Рыцаря Зари. Если ты рано потерял мать, тихую и запуганную женщину, если тебя всю жизнь упрекают в слюнтяйстве, если рядом буянит косматый и бородатый варвар, единственный смысл жизни которого — распутство, обжорство, пьянство и разбой на дорогах, к вящей радости соседей, таких же любителей проломить кому-нибудь голову!.. Волей-неволей либо сам погрязнешь в зловонном болоте провинции, либо насквозь проникнешься случайной идеей, возвышенной и бестолковой. Когда б не вмешательство обер-квизитора, приехавшего в Шмуц для бдения в отцовской гробнице — эту скорбную обязанность братец Хальдрик превращал в мучение! — молодой Герман ни за что не получил бы разрешения уехать в Бравалль.

— Университет? — спросил, а скорее рыгнул Хальдрик, маясь с похмелья. — В нашем роду хватит одного умника! Хотя даже одного многовато, как по мне... Эй, Конни, а давай-ка развлечемся на дубинках?

Конрад сперва отказался, а потом вдруг передумал. Братья развлекались на дубинках, и обер-квизитор не оставлял этого занятия до тех пор, пока Хальдрик не подписал письменного дозволения на отъезд сына. Впрочем, пришлось еще потрудиться сверхурочно, но зато Герману была выделена стипендия с доходов баронства.

Страхнув воспоминания, обер-квизитор бросил «Стратagemы» обратно на кровать, опечатал комнату племянника и двинулся дальше. Симпатия к Герману удивительным образом распространилась и на остальных бедолаг-квесторов. Небось у всех были трения с родителями, а возможно, и со сверстниками, если детей занесло в ряды пресловутого Ордена. Представить благополучного человека, рискующего жизнью в поисках Пупа Земли и тем самым поддерживающего существование цивилизации, безразличной к спасителю, Конрад не мог.

Наверное, именно поэтому он любил слушать баллады заезжих трубадуров.

Восполнял недостаток фантазии.

— Ваша светлость, а вам не нужен умелый стряпчий? Имущественные споры, иски за клевету? Завещание? Восстановление доброго имени?

— Сударь Тэрц, подите вон...

Спустя час барон опустился в кресло, стоявшее у окна комнаты Джеймса Ривердейла, и задумался. Составлять опись вещей не было смысла. Камзолы, чулки, куртки, сапоги и шляпы мужчин. Платья, туфельки, шляпки и, извините, ночные сорочки женщин. У Ривердейла нашелся палаш доброй стали, в деревянных ножнах, метательный кинжал с клеймом «волка» и дага под левую руку. У Санчеса Панчохи, эксперта по запорным устройствам, — три набора отмычек и монета, остро заточенная по ребру. У Лайзы Вертенны — короткий лук с двумя сменными тетивами и колчан со стрелами, оперенными на особый, неизвестный барону манер. У Агнешки Малой — два флакона со снадобьями. Судя по перламутровому отливу, печально известная «нероужа», каковую спрашивают у аптекаря шепотом и стыдливо потупляя взор.

В комнате Кристофера Форзаца не нашлось практически ничего.

Маги не любят оставлять имущество, пропитанное маной владельца, без присмотра.

Ни одной зацепки, утверждала логика. Здесь что-то не так, вмешивалось чутье. Вещи очень много говорят о владельцах. Но бывают вещи немые, вещи с вырванным языком, и они способны насплетничать внимательному слушателю гораздо больше, чем самая болтливая улика. Надо будет вернуться сюда позднее и дольше посидеть наедине с вещами квесторов. Помолчать вместе с ними. Обождать, пока тишина оформится в подсказку.

А Трепчика-младшего гнать от этих комнат пинками. Пусть хоть все стряпчие мира начнут единогласно скандировать статьи «Кодекса о неуплате». Если хозяин позаимствует из имущества гостей хотя бы флакон совершеннолетней гуртовщицы для любимой поварахи Ганечки, — слово чести, Гильдия Отельеров лишится своего почетного члена...

— Кидай! Кидай, дурила!

— Пентюх!

— Сам пентюх!

Вопли со стороны IV тупика, куда выходило окно покоев Ривердейла, отвлекли барона. Раздраженный, он вскочил, до половины высунулся наружу, желая облегчить душу проклятиями. И застыл соляным столбом, потрясен открывшимся зрелищем.

Внизу свора трущобных крысят играла в мяч чьей-то отрубленной головой.

* * *

Прыгать со второго этажа барон раздумал. Несмотря на памятные заверения Трепчика-младшего, что, дескать, здесь невысоко. Это стряпчих выкидывать невысоко, а обер-квизиторам скакать очень даже не с руки. То есть не с ноги.

Мы и по лестнице — вихрем.

Куда они денутся, крысята, из тупика...

Когда бежишь, несешься, прыгаешь через ступеньку, сшибая по дороге замешкавшегося хозяина и не трата драгоценные секунды на извинения, — как ни странно, успеваешь подумать о многом. Например, о тупиках. О сволочах-крысятах, которые, вполне возможно, чудесно денутся, и с собаками не сыскать, куда денутся, — ведь как-то они попали в треклятый тупик, минуя

оцепление! Эти гаденыши с окраин все ходы-выходы... через забор, в тайный лаз, подземным ходом... Наверное, поэтому и не крикнул ликторам прямо из окна: сюда, мол! держи! хватай! Крикнешь в горячке, а крысята врассыпную, с чужой головой подмышкой... Жуткое зрелище даже для привычного человека. Черт, лица не разобрать, слипшиеся волосы, сплошная корка бурой крови. Ловкие пальцы хватают «мяч» без малейшего трепета, перебрасывая гогочущему дружку... Почему ликторы проморгали?! Почему не нашли при осмотре тупика?! Самим головы поотрываю, ротозеям!.. и играть заставлю, на жалованье...

Отлетела латунная спица, которой крепился между ступенями белый ковер.

Отлетела вторая спица.

В мозгу стучит «Сарабанда» Баруха Доуленда. Ранний вариант, запрещенный в Южном Анхуэсе за «вульгарность и презрение должной скромности» — под тамбурин, кастаньеты, с лихими выкриками танцоров...

Хрустнул под каблуком обломок картинной рамы.

В ужасе взвизгнула дверь гостиницы, едва не слетев с петель.

За угол, скорее за угол...

В этом забеге Тихий Трибунал выиграл у Бдительного Приказа. Не заботясь приличиями, вигилла Генриэтта — должно быть, и у нее сердце плясало знакомую, запрещенную ханжами «Сарабанду»! — выскочила за вещественной уликой прямым из окна каминной залы. Лишь взметнулись облаком нижние юбки, да мелькнули, открывшись случайному взгляду, изящные шиколотки. Ну конечно, бельэтаж — это вам не второй, тут и захочешь, а ног не поломаешь... что, господин обер-квизитор, стыдно?... да, стыдно...

Обоим должно быть стыдно.

Потому что первым к крысятам успел нудный стряпчий Тэрц.

— Порча чужого имущества, взятого без спросу!.. статья «О самовольном непотребстве», параграф...

— Да пошел ты, козлиная...

— Ай! Дядька, ай! Ну ай же, кому кричу...

— Братва! Шустрим! Сморчки на хвосте!

Остановившись и восстанавливая дыхание, Конрад с удовольствием любовался, как стряпчий ловко держит за ухо здорового крысюка, вожака стаи. И выговаривает за дурные манеры, через слово поминая кодексы, статьи и параграфы. Крысюк со-

глашался и вопил. Такие деточки днем в мяч подобранной головой играют, а по ночам с кистеньком выходят помочь семье на мели безденежья. Кстати, ухо — не та часть тела, за которую можно у них держаться безнаказанно. Ты его за ухо, а он согнется в три погибели и тебе самому кое-какой артефакт отгрызет.

Или стряпчим они не отгрызают?

IV тупик, как и предполагалось, оказался тупиком только по названию. Шайка недорослей прыснула в стороны и растворилась быстрее ложки меда в крутом кипятке. Помочь дружку, угловившему в лапы правосудия, никто и не подумал: взаимовыручка здесь была не в чести. Раз сморчки на хвосте, значит, нос в дыру, хвосты в щели...

— Дядька, ну пусти... оторвешь же, клешнястый...

Стряпчий закончил выговор, сдал подоспевшим ликторам унылого крысюка — тот всхлипывал и сверкал распухшим ухом, — после чего обернулся к барону с вигиллой.

— Надеюсь, ваша светлость, вы позволите мне присовокупить к описи *это*?

Сейчас было ясно видно: голова — никакая не голова. Шар, сплошь покрытый грязно-бурой коростой, лишь издали похожей на запекшуюся кровь. А волосы — трава с обочины, налипшая поверх корки. Шар при изготовлении мастер-резчик поукрасил сложной резьбой: в углубления набилась земля, кое-где застряли мелкие прутики.

— Не слишком ли вас много, сударь Тэрц? Куда ни сунуть...

— Вы неизменно ставите мне препоны, ваша светлость! А в королевстве творятся ужасные вещи! И если не принять меры без промедления и робости...

— Извольте не говорить намеками!

— Да какие здесь намеки!

Стряпчий наклонился вперед, весь напрягся, как перед броском. Конрад словно впервые увидел его лицо, ясно-ясно: впалые щеки, сеть морщинок в уголках глаз, горбатый нос с трепещущими крыльями.

— Сами видите, кругом воры и жулье, воры и жулье! Небось в курсе, ваша светлость, как ворюге Михалю Ловчику в Бадандене руку публично рубили? Честь по чести, с зачитанием списка вин, на эшафоте! Отрубили, факелом прижгли и погнали взащей... А рука, значит, возьми и вырасти заново через неделю. А все почему?

Честно говоря, барон не нашелся ответить: почему?

Чушь какая-то... ахинея...

— А все потому, что у воруги Михаля тень особая была! — стряпчий торжествуяще ткнул пальцем в небо, при этом ловко перехватив шар под мышку. — С четырьмя руками. Про запас, понимаете? А к такой тени и имя особенное полагается. К добру ли? Нет, не к добру, заверяю вас! В народе шепчутся, а в народе зря шептаться не станут!..

— Вы сошли с ума, сударь?

— Ничуть, ваша светлость. Просто когда власти безмолвствуют, народу только и остается, что громогласно шептать... Глядишь, услышат, кому надо!

— Даже если так, при чем здесь Бдительный Приказ? Это ведомство Тихого Трибунала! — Барон с ужасом почувствовал, как его втягивает в склочную воронку скандала, бессмысленного и кошмарного. — Руки, тени, имена...

Тут, кстати, и вмешался Тихий Трибунал:

— Судари мои, извольте прекратить! Оба!

Вигилла резко протянула руку вперед, скрючив пальцы довольно страшненьким образом. Рука сделалась до ужаса похожа на лапу неясны-брадачихи: так крылатый хищник пикирует на зазевавшуюся мышь. И плохой маникюр не помеха: глянешь и вздрогнешь — ишь, когтищи... Но куда любопытней оказалась ответная дрожь шара. Находка затряслась, запрыгала в ладонях стряпчего, уподобясь пойманной жабе. Тэрц, выказав чудесную прыть при задержании крысюка, к изумлению барона, не сумел удержать буйный шар.

— Овал Н-не... бес!

Тоненько вскрикнув, стряпчий с воплем отпустил *«это»* на свободу.

Отвратительная «голова» вспорхнула в воздух, отряхнув на ловца часть грязи, и живенько улетела к Генриэтте.

— Вне сомнений, обсервер, — определила вигилла, перехватывая добычу. — Личный, ограниченного действия, с самонаведением на ману владельца. Мы зовем их «манками». В наличии ряд сильных повреждений. Думаю, ему в суматохе досталось не только от этих... бодрых отроков. И сталью приложились, и каблуками, и остаточными бранными эманациями... Ставлю бабочку-капустницу против ловчей выдры, это шар Кристофера Форзаца.

Барон пари не поддержал. Генриэтта явно знала свое дело. Та-

кие шары на улицах не валяются, а среди квесторов, если верить гостиничным записям, был всего один маг — упомянутый Кристофер.

— Если наш шарик окажется с вживленной «самопиской»... — Цокнув языком, дама рассмеялась безосновательной надежде, этой пагубе сыскарей, и спрятала шар в сумочку, с которой, похоже, не расставалась даже в купальне. — Ваша светлость, скажите честно: вы везунчик?

На взгляд Конрада, в сумочку не поместились бы и наливное яблочко с расписным блюдечком. Пора, пора подавать рапорт о внедрении!.. И вигиллу поставить на место тоже давно пора.

— Нет. Я не везунчик. И хотел бы получить от вас официальное заверение в том, что при получении дополнительных сведений, связанных с находкой, вы поделитесь ими с сотрудниками Бдительного Приказа.

Внезапно Генриэтта Куколь оказалась совсем рядом. Барон ощутил аромат ее духов — слабый, еле заметный, с пряными тонами вербены. Распахнулись большие небесно-голубые глаза. Дрогнул тонко очерченный рот:

— С вами, барон. Только с вами. Наедине. Остальные сотрудники Приказа, поверьте, будут вам завидовать...

Конрад не отстранился.

— Браво, сударыня. Хорошо работаете. Мастерски. Буду ждать извещения. Знаете, я слышал, что люди вашего ведомства всегда работают по трое. Вас прислали одну из каких-то особых соображений?

— Ах, ваша светлость! Это в арест-командах мы работаем тройцами. Или числом, кратным трем, если арест предстоит сложный. Уж поверьте на слово — едва дело дойдет до задержания, я не останусь в одиночестве...

Когда хохочущая вигилла уходила, барон еще с минуту провожал ее взглядом. Хитра, бестия, ничего не скажешь! Только со вкусом беда: вербена ей совсем не идет. В определенном возрасте следует переходить к элегантным тонам шалфея, клементина и лаванды, на фоне, скажем, зеленого лимона.

При следующей встрече надо будет посоветовать.

Ликторам барон приказал вразумить задержанного крысюка путем умеренного рукоприкладства и гнать взащей. Не к лицу фон Шмуцам ловить всякую шваль!

— С завтрашнего дня! — кричал вслед расхрабрившийся хозяин. Призрак убытков, бродя по гостинице и около, сводил Трепчика-младшего с ума, вынуждая утратить последние крохи осторожности. — Завтра же начну пускать в отель постояльцев! С двойной оплатой! За возможность безнаказанно пожить на месте преступления!

— Совершенно верно, сударь! — вторил ему наглый стряпчий Тэрц, размахивая описью, будто воин — мечом. — Привилегии Гильдии ОТЕЛЬЕРОВ незыблемы! Статья «О частном постое», параграфы с пятого по тридцать шестой...

— И оцепление извольте снять! К вечеру! Я свои права знаю, ваша светлость! Нечего мне гостей ликторами отпугивать!

— Истинная правда, сударь! Вы свои права знаете! А каких не знаете, так я разъясню...

— Квест закончился! Квесторы съехали! Я свободен от обязательств перед Орденом!

— На четыре следующих года! Сударь Трепчик, я лично отпишу в орденскую канцелярию...

«Надо же! — удивился Конрад, садясь в седло. — У этих чернобелых идеалистов еще и канцелярия есть... А говорили: борьба чистых начал, тайный фундамент цивилизации! Я вот всегда полагал, что именно канцелярии и есть тайный фундамент цивилизации...»

* * *

Вернувшись в Приказ, скрипя сердцем, свежечиненным пером и рассохшимся креслом (давно пора потребовать замену!), барон принялся за рапорт. Однако против ожидания процесс бумагомарания оказал на ум и нервы вполне благотворное воздействие. Ставя последнюю точку и размышляя, что скорее здесь было бы уместно многоточие, жирное и задумчивое, Конрад вернул рассудку былую ясность. Все-таки это слишком много для одного утра: знакомство с экстравагантной вигиллой, уникальным стряпчим и блудливым отельером. О судьбе племянника Германа и вовсе думать не хотелось...

Краем глаза он отметил некое движение в окне, открытом настежь по причине неслыханной для этого сезона жары. В следующий миг прямо на стол с легким шорохом опустился бумажный «аистенок», каких любят делать дети, загадывая желание.

Птичка сварливо каркнула и развернулась в записку.

«Его светлости Конраду фон Шмуцу лично в руки

Достопочтенный коллега!

Сим извещаю Вас, что расшифровка записей шара-обсервера, найденного на месте сегодняшнего происшествия, прошла в достаточной мере успешно. Приглашаю Вас в палаты Тихого Трибунала для совместного просмотра с трех до четырех часов пополудни. Данная записка является официальным пропуском.

Искренне Ваша, вигилла Генриэтта Куколь, м. в. к.

Р. С. Я знаю, что вам больше нравится клементин и лаванда, но предпочитаю вербену. Впрочем, готова поспорить в приватной обстановке».

И радужная печать со знакомыми перекрещенными «Т».

Часы на башне Большого Консенсуса пробили три раза. До палат Тихого Трибунала пешком — четверть часа. Барон набросал еще две депеши и вручил их курьеру. В первой он подавал запрос в архивы Приказа на пропавших без вести квесторов. Честно сказать, Конрад мало надеялся что-то узнать о совершеннолетней гуртовщице или эксперте по запорам, но родовитость викарета Треццо или лицензия вольной метательницы давали шансы. Вторую же депешу он велел отнести в свой дом. В кратком послании он поручал камердинеру Любеку собрать средний походный набор личных вещей господина и доставить в гостиницу «Приют героев».

А если хозяин отеля начнет приставать с вопросами — молчать в ответ и хмуриться.

* * *

— Я полагаю, уважаемый Ипсиус, в простоте древности есть своя прелесть. В частности, эта загадка о существе с разным количеством ног в разные периоды его существования... Согласитесь, века придают классике особый шарм!

— Разумеется, дражайший Оффициум! Но мысль, как горячий скакун, не должна стоять на месте. Теория загадок далеко шагнула за последние два тысячелетия, и мы не вправе отказываться от передовых находок...

— Вы о втором принципе аллегорий?

— И о нем тоже...

— Прошу прощения, милейший Ипсиус, но этот господин, кажется, ко мне.

— Разумеется, превосходный Оффициум! Служба — превыше всего!

Подведя итог беседе, Ипсиус, левый из двух мраморных сфинксов, охранявших вход в палаты Тихого Трибунала, с достоинством окаменел и впал в сторожевую спячку. Оффициум же, правый сфинкс, напротив, повернул голову к гостю.

— Доброго здоровья, господин обер-квизитор! Что вам угодно?

В Трибунале барону доводилось бывать неоднократно, так что разговорчивость статуй не произвела на него особого впечатления. Как не удивило и то, что ступени, ведущие ко входу в здание, упирались в глухую стену, сложенную из циклопических грубо обтесанных плит гранита.

— Вигилла Куколь пригласила меня на деловую встречу.

— Извольте предъявить пропуск.

Барон протянул «аистенка» в развернутом виде.

— Все верно. Прошу вас. Второй этаж, направо, седьмой кабинет. При выходе не забудьте, пожалуйста, сдать пропуск.

Гранит дрогнул, в стене объявилась высокая дверь: створки мореного дуба, ярко начищенные ручки из бронзы в виде вставших на дыбы саламандр. Под рукой неугодного посетителя — ухитрись он проскользнуть мимо бдительных сфинксов, что само по себе чудо из чудес! — саламандры раскалялись докрасна, вторя воплю пострадавшего завываниями тревоги. К счастью, пропуск действовал, и вскоре дверь бесшумно закрылась за Конрадом.

Изнутри створки были прозрачней стекла. Сквозь них замечательно просматривалась улица.

— А может, загадочку? — заискивающе осведомился сфинкс Ипсиус, спиной почуяв, что гость задержался в холле. — Нет? Ну, как хотите...

На миг остановившись возле зеркала, барон оценил свой внешний вид и, не найдя особых изъянов, отправился на второй этаж.

— Зеркалу не верьте! — басом проорал снаружи Оффициум. — Льстивое брехло!

Испортил настроение, скотина...

У кабинета номер семь Конрад одернул камзол, проверил, нет ли складок вокруг талии, и деликатно постучал.

— Входите! Я вас жду...

Кабинет вигиллы оказался чуть меньше обер-квизиторского. Обстановкой он скорее напоминал поместье дамского будуара и лаборатории волхва-изыскателя, нежели апартаменты государственного чиновника. Под потолком разбросаны игривые гротески — сей вид орнаментики считался одним из самых изысканных, но и из самых опасных, способных наслать видения. Резные панели темного ореха; не сразу и сообразишь, что это дверцы многочисленных шкафов. На подвесных полках слева хранились манускрипты в переплетах из лильской кожи со скрепами мерзкого вида; справа — склянки с зельями и экстрактами. В ряде склянок что-то явственно шевелилось. Один из двух массивных столов имел относительно привычный для глаза вид. Столешницу его оккупировали груда свитков, мраморное пресс-папье, похожее на инструмент палача, и чернильница в виде злобного камелопарда.

«Макать перо в рогатую башку верблюда, должно быть, занято...» — оценил Конрад вкус сударыни Куколь.

Второй стол занимала дивная конструкция — ряд зеркал, установленных под совершенно неожиданными углами друг к другу, пара свечей на паучьих ножках и тончайшая серебряная сеть, опутавшая сооружение. В центре композиции на треножнике покоился шар-обсервер.

Над ним сейчас ворожила хозяйка кабинета.

— Присаживайтесь, коллега. Я уже заканчиваю. Устала, как гений на побегушках. Шарик в придачу к повреждениям оказался закриптован. Кое-что, к сожалению, утеряно, остальное раздрано, как мой начальник перед высочайшей аудиенцией. Но сам факт нахождения обсервера при осмотре места — редкая удача. В моей практике был всего один случай...

Поскольку в практике барона подобных находок не случалось вообще, он счел за благо промолчать.

— Уси-пуси, мой сладенький...

Вигилла нежно огладила обсервер ладонью — и шар тускло вспыхнул. Конраду послышалось глумливое хихиканье. Обе свечи отбежали в сторонку, семена ножками, внутри серебряной паутины возник опалесцирующий туман. Быстро отойдя ко второму креслу, Генриэтта заняла место рядом с обер-квизитором — словно в ложе оперы перед началом «Психеи». Туман тем временем сгустился овсяным киселем, рождая хлопья-тени. Протянув руку знакомым жестом хищницы, вигилла неожиданно раздума-

да, выпрямила скрюченные пальцы и пощекотала воздух перед собой. Туман мурлыкнул от счастья; картинка прояснилась. Правда, она оказалась черно-белой. Не такой, как офорты знаменитого графика Олафа Дальтоника, а иначе: цветное изначально полотно поблекло с годами, и лишь местами проступает намек на былое буйство красок.

Барон наклонился вперед, чувствуя накатывающий азарт.

Знакомая зала гостиницы. Белые кресла, столы, стены, лепнина над камином сливаются в сплошную круговерть снега. Деталей не разглядеть. Зато на фоне зимнего пейзажа отчетливо выделяются фигуры людей. Вот они, пропавшие без вести квесторы. Миловидная, но излишне развязная девица без малейшего стеснения устроилась на коленях у кудрявого красавчика; парень по-хозяйски обнял ее за талию. Рыцари Утренней Зари, значит. Светочи Абсолютного Добра. Идеалисты.

Ханжой барон никогда не был, но досуг адептов Света представлял себе несколько иначе.

Картину заслонила ладонь гиганта, плавным движением омыла шар. Изображение мигнуло, исказилось — и заплясало памятную «Сарабанду». Обер-квизитор и без пояснений догадался: кто-то, по всей видимости, Кристофер Форзац, изменил характер работы шара. Фигуры забегали как ошпаренные. Пронесся из угла в угол племянник Герман; вскочил и снова упал в кресло квестор, сидевший к шару спиной; в дальнем углу нервно разминала запястья молодая женщина со строгим, можно даже сказать, суровым лицом; мелькнул край хламиды — и сразу за тем племянник барона возник посреди залы. Кажется, он что-то выговаривал бесстыднице, но слов слышно не было.

— Я привлеку чтецов по губам, — тихо заметила вигилла. — Жаль, время торопит...

Словно в ответ, туман дрогнул и поспешил взорваться.

Кроме грохота, Конраду удалось расслышать отдаленный вскрик и звон бьющегося стекла. Полыхнула слепящая вспышка; барон зажмурился. Когда зрение вернулось, глаза начали отчаянно слезиться. Моргая, он успел заметить: ритм смены картин стал рваным, мозаичным. «Сарабанда» превратилась в безумную пляску менад. Зеленоватые капли пламени отделились от рук человека в хламиде, веером уйдя во тьму за окном. Миг — и чародей мешком осел на пол. В дверях залы рубился один из

квесторов, ухитрившись задержать на пороге целую шайку атакующих. Два клинка, длинный и короткий, разили без устали.

Барон оценил мастерство рыцаря. Да и маг явно был не из последних.

Отсюда сам собой возникал вопрос: кто рискнул напасть на таких опытных бойцов?

Или иначе — кто сумел с ними справиться?!

Смазанным пятном мелькнула тень: волк? собака? — сшибла другую тень, вломившуюся в окно. Обе катятся по полу. Спокохи, мрак, блики. Разнесенное в щепы кресло. Крупно: опрокинутый шандал. Арбалетный болт глубоко вонзился в стену. Бесвольная рука на белом ковре; одна рука — не поймешь, отрублена или тело просто не попало в «зеницу» обсервера. На пороге упал рыцарь-защитник; топча его, смутные фигуры врываются в залу. Лиц никак не разобрать. У обер-квизитора невольно вырвался вздох разочарования. Суматоха в углу. Это женщина со строгим лицом. Должно быть, Лайза Вертенна, вольная метельница с лицензией. Ее руки с нечеловеческой быстротой снуют взад-вперед: два челнока в новомодном ткацком станке. Что-то летит, поражает, промахивается... Сбоку от Лайзы возникает угловатый силуэт.

Короткий взмах.

Словно подчиняясь приказу, женщина падает на колени.

Пламя выхватывает из темноты лицо. Это Герман. Злые выверки стали. Двое танцуют танец смерти, стремительно приближаясь к шару-обсерверу; их тела закрывают весь обзор. Мелькание теней. Покрывало, сотканное из мглы, рушится, течет по поверхности шара, застит взор.

Конец.

Нёт! Барону почудилось, что он сам ощутил удар. Внутри се-ребристой паутины жалобно застонали. Взвихрилась черно-белая круговерть. Наверное, шар выпал за окно — или его выбросили, желая разбить. Если выбросили, значит, это сделал не чужой маг. Маг прихватил бы полезную и опасную вещь с собой.

Наконец кружение останавливается.

Темные потеки (кровь? кровь *Германа*?!) залили большую часть шара. Лишь справа сверху остался фрагмент изображения. Колесо повозки. Кучка людей споро грузит тела...

Убитые? Раненые? Пленные?!

Рядом болезненно охнула Генриэтта Куколь. Конрад обернул-

ся к вигилле и в первое мгновение растерялся, что случилось с ним нечасто. Лицо вигиллы — восковое, с голубыми ручейками вен на висках — застыло посмертной маской. Глаза закатились, руки безвольно упали на подлокотники кресла.

— Вам плохо?! Сударыня! Эй, кто-нибудь, скорее...

— Не надо...

Женщина глубоко вздохнула, приходя в себя. Ресницы ее затрепетали, взгляд обрел осмысленность.

— Спасибо за беспокойство, барон. Звать никого не надо. Мне уже лучше. Просто не рассчитала сил. Там уже все?

Конрад мельком бросил взгляд в сторону конструкции на столе. Туманная сфера исчезла, обсервер погас, а свечи тряслись от страха на краешке столешницы.

Тоненько звенели склянки на полках.

— Все. Вам действительно лучше? Может, кликнуть лекаря или кого-то из ваших коллег?

— Не беспокойтесь. Я рискнула считать остаточные эманации ауры. Обсервер частично вплетает их в структуру изображения.

— И что вы выяснили?

— Там были мертвые. В повозке. Только мертвые. Одни мертвецы... — Голос вигиллы дрогнул. — Злоумышленники грузили трупы.

— Ошибка исключена?

— Исключена.

* * *

— Я отправил своих людей для опроса стражи на всех выездах из Реттии. Мы наверняка опоздали, но кто-то мог заметить подозрительные телеги...

— Я начала анализ следовой маны по векторам убывания. Надеюсь составить «Розу шагов»...

— У меня есть след.

— На чем?

— На раздавленной свече.

— Не годится. Его нельзя высушить в печи — воск расплавится.

— Среди нападавших был маг. По меньшей мере один. Полагаю, он оставался вне гостиницы...

— Есть шанс установить его личность по чаровому отпечатку мана-фактуры. Обращусь в Большой Гаруспициум — у меня есть друзья среди прорицателей...

— Затребую сыскарей с собаками... если в городе есть хотя бы один псоглавец — привлеку к розыску...

— Псоглавцы никогда не идут на сотрудничество в таких делах.

— У меня свои методы. Пойдут как миленькие. Бегом побегут.

— Привлеку эксперта по некроэманациям. После убийства они держатся до двух суток, время еще есть...

— Повторно осмотрю место происшествия, вещи квесторов...

— Вы не можете держать оцепление вокруг гостиницы больше суток. Хозяин подымет вой, дойдет до суда... Гильдия Отельеров весьма влиятельна.

— Ничего. Я найду способ.

Слова наждаком драли горло. Потеря племянника из допущения сделалась реальным событием. Редко встречались, часто — какая разница? Холостой, бездетный, давно махнув рукой на семейный уют, Конрад видел в Германе следующего барона фон Шмуца и радовался этому, как если бы оставлял титул собственному сыну.

— У вас есть версия, барон?

— Есть. Рыцари Зари собирались в квест громить... Кого они собирались громить и где?

— Черного Аспида, временного лорда Черно-Белого Майората. Это у них, в Ордене, такая забава, раз в четыре года: то Аспид, то Белый Голубь, а противная сторона начинает квест в посрамление...

— Аспид, значит? Вы уверены, что он просто сидит и ждет, пока его начнут громить?

— Нарушение орденского Завета и «Пакта о нейтралитете»? Впервые за все время?

— Все когда-то случается впервые. Допустим, этот Аспид энергичней своих предшественников. Допустим, у него особые взгляды на игры. И еще допустим, что он был очень заинтересован в гибели именно этих квесторов.

— Вы правы. Даже одного из трех допущений вполне достаточно. Мотив налицо. Хотя... Лорд-временщик Майората должен предвидеть, что подозрение падет в первую очередь на него.

— Уверен, квесторов убрали руками наемников, нанятых через подставных лиц.

— Значит, надо искать исполнителей.

— И брать живыми!

— Не обязательно. Мертвые куда разговорчивее. И не убегают.

* * *

Конрад любил глядеть из окна кареты на открывающиеся виды — будь то сельская буколика, кривые улочки местечек или площади столиц. Себя он обычно убеждал, что таким образом упражняет наблюдательность. На самом же деле ему просто доставляло радость умиротворенное созерцание картин, проплывающих мимо. Однако сейчас шторы на окнах нанятой кареты были задернуты наглухо: барон желал уединения.

— Приехали, сударь!

Как и распорядился клиент, агитатор остановил карету на перекрестке, за два квартала до переулка Усекновения Главы. Далее обер-квизитор намеревался пройти пешком. За право именоваться «агитатором» («возница благородных» на старорефтинском) любой извозчик рангом пониже, не задумываясь, жертвовал бы личной бляхой, бородой и пятью годами жизни. Однако в Гильдию Агитаторов принимали исключительно каретных кучеров, да и то с разбором. Стоили услуги агитатора втрое-вчетверо по отношению к прочему извозу. Удобство кареты, мягкая езда, запрет на лихачество и гарантия своевременного прибытия именно туда, куда ты собирался прибыть, по мнению барона, с лихвой окупали расходы.

— Благодарю, голубчик...

Бросив агитатору серебряный бинар и не дожидаясь сдачи, фон Шмуц двинулся в сторону гостиницы. Рассудок наконец-то очистился, став похожим на бассейн, куда из различных труб беспрепятственно вливались и выливались не замутненные личными оценками впечатления дня. Оставалось ждать, пока бассейн наполнится.

— Добрый вечер, ваша светлость! Вы никак снова в гостиницу? Уж и солнце скоро сядет, а вы все на службе?

Барон споткнулся на ровном месте и едва не выругался, хоть и не любил вульгарной брани. Откуда на его голову взялся этот стряпчий?!

— Добрый вечер, сударь. Вы на редкость проницательны. Я на службе круглосуточно. И направляюсь именно в «Приют героев».

— Как я вас понимаю! Вот извольте видеть: только что вчинил иск Ордену Зари по всей форме. — Стряпчий продемонстрировал барону пухлый кожаный планшет для бумаг. — А ведь это не муха начихала: исковое заявление двух свитках, заказное письмо с оглашением претензий, выплата королевской пошлины...

— Вы не в курсе, сударь Тэрц: кухня в «Приюте героев» сносная?

— Сам ранее не столовался, ваша светлость, но отзывы слышал исключительно похвальные. Тамошняя повариха свое дело знает.

«Какое именно?» — хотел ядовито поинтересоваться Конрад, но вовремя сдержался. Все-таки обещал Трепчику не распространяться. А слово чести надо держать, даже если дал его простолюдину.

— Кстати, о поварихах! — Идти молча стряпчий был не способен категорически. — Довелось мне недавно регистрировать одну жалобу. К нашему с вами делу она жалоба касательства не имеет...

Барон и здесь сдержался, поражаясь собственной снисходительности.

— ...но попутно выяснилось: молочницу Анну-Батисту Колодзябчик муж регулярно поколачивает. Причиняет, значит, тяжкие телесные, большей частью — сапогами в живот. Бедная женщина... Но я, собственно, не об этом. Он ее бьет — а она ему детей рождает! Он бьет — а она рождает! Дюжину отпрысков извергу родила, и все — здоровехоньки. И сама молочница румяна и дородна на диво. Несмотря на и даже вопреки. А почему так, знаете?

Барон почувствовал, что былой кошмар возвращается.

— А я вам отвечу, ваша светлость, почему! Потому что тень у Анны-Батисты Колодзябчик, урожденной Монтень, — особенная. С двойным, извините за народное словцо, пузом. Потому-то муж ей первое чрево хоть напрочь отбей — нипочем выйдет. И с именем у молочницы хитрые кренделя — бывало, муж с утра и не вспомнит, как жену зовут и по какому поводу ее с вечера сапогами пинал... Не к добру это, уж поверьте Фернану Тэрцу, не к добру!.. И на улицах шепчутся: грядет, мол, большое лихо...

Отчаявшись отделаться от стряпчего, Конрад терпел, стиснув зубы. Он и себя, право слово, чувствовал героем. Мог ведь и пришибить болтуна.

* * *

— ...Ваша светлость, я еще раз со всей решительностью заявляю: с завтрашнего утра я начинаю вновь пускать постояльцев! Для покрытия причиненных убытков! Вы знаете, сколько столяр

Дубка запросил за ремонт? А штукатур Анастасий Рензит?! Грабеж и разорение, грабеж и разорение...

— Не беспокойтесь, любезный сударь Трепчик. Я вчинил иск по всей форме, и не будь я Фернан Тэрц, если нам... то есть вам, не возместят убытки до последнего мона!

— Благодарю вас, дорогой сударь Тэрц. Что бы я без вас делал?! Да, кстати, ваша светлость: полюбуйте на этого балбеса. Утверждает, что его прислали вы, но крайне, крайне подозрителен! Выгрузил прорву разных вещей, уходить не желает, объясниться отказывается! И брови супит, знаете ли...

Барон посмотрел в указанном хозяином направлении — и не отказал себе в удовольствии долго изучать взглядом собственно камердинера, которого заметил сразу при входе. Любек, как обычно, имел такой вид, словно ему известны все тайны Мироздания, от Вышних Эмпиреев до ярусов геенны, — но ни крупицей оных тайн он ни за что ни с кем не поделится.

Люди, носящие желтые чулки и модные подвязки крест-накрест, отличаются гранитной твердостью характера. Это известно каждому образованному человеку.

— Ты пунктуален, Любек, — нарушил Конрад затянувшуюся паузу. — Хвалю. Только я просил тебя привезти средний походный набор. А не большой или, упаси Вечный Странник, *полный*.

— Ну д-да, ну д-да, — заговорив, Любек утратил толику высокомерной загадочности. Он слегка заикался, и почему-то в основном на букве «д». Постороннему слушателю казалось, что камердинер куд-кудахчет, будто курица над яйцом. — Разумеется, сред-д-д-д... Средний. А потом выяснится, что нашей светлости требуются носки собачьей шерсти, поскольку резко похолодало, любимый вязаный плед-д и бутылочка золотого рома «Претиозо». Из фамильных погребов, д-д-двенад-д-дцати лет выдержки. Или наметится д-дальняя д-дорога, где никак не обойтись без саквояжа и набора притираний от мэтра Д-дефлио...

— Мой камердинер Любек Люпузано, прошу любить и жаловать.

— Ваш камердинер?!

— Да. Он доставил сюда мои личные вещи.

— А... зачем, ваша светлость, позвольте поинтересоваться?

Вид сбитого с толку Трепчика-младшего доставил барону минуточку чистой радости.

— Вы же собирались вновь открыть «Приют героев» для постояльцев? С завтрашнего утра, если не ошибаюсь? Так к чему

откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Я — ваш первый постоялец, сударь. Вы счастливы?

Вместо счастья на лице почетного члена Гильдии Отельеров отразилось смятение чувств. Но, к чести хозяина, Трепчик справился с ним на удивление быстро.

— Милости просим, ваша светлость! Останетесь премного довольны!

— Не сомневаюсь...

— Какой номер желаете?

— Лучший, разумеется.

— К вашим услугам. Смею только заметить, что на белой половине с завтрашнего дня ремонт...

— Меня устроит черная половина. Я не суеверен. Надеюсь, ваши черные э-э... клиенты не придерживаются крайнего аскетизма?

— Ни в коей мере! Строго между нами, номера Вечерней Зари существенно комфортабельней... Будьте уверены! Вот, прошу, запишитесь в книге...

Барон обмакнул гушиное перо в чернильницу.

— Те апартаменты, где жили пропавшие без вести квесторы, также зарегистрируйте на меня. Я оплачу полную стоимость.

— Д-д-да как же?.. Д-да что же... — Хозяин вдруг стал заикаться наподобие камердинера.

— Во избежание. Вы хорошо поняли, сударь Трепчик? И все — подчеркиваю, *все* ключи от этих комнат должны быть у меня.

— Понял, ваша светлость! Предоставлю немедленно! Осмелюсь лишь попросить вашу светлость...

— Да? — Барон слегка приподнял левую бровь.

— Ежели другие постояльцы объявятся, вы им не рассказывайте лишнего, хорошо? — Трепчик просительно заглянул в лицо барону снизу вверх, чем надолго снискал расположение Конрада. — Отвадите мне народ, а я и так потерпел убытки сверх всякой меры...

— Неужели вы думаете, сударь, что я стану с первым встречным обсуждать вопросы, касающиеся моих прямых служебных обязанностей? Вопросы, могущие нарушить тайну следствия?

От тона обер-квизитора Трепчика явственно мороз продрал по коже. Хозяин даже не успел сообразить, что ответ, в сущности, полностью соответствует его чаяниям. К счастью, как раз в этот момент у входа послышался шум. Дверь распахнулась, и в холл сломя голову влетел благообразный старичок, едва не упав. В последний миг он чудом успел схватиться за край конторки и лишь

потому удержался на ногах. Зато шляпа и старомодный парик с «львиными» локонами свалились на пол, и старичок мигом наступил на них башмаками, довольно-таки грязными.

Более всего визитер напоминал профессора из университета в провинции. Румяный и кругленький, как наливное яблоко; клинышек седой бородки, лицо гладкое, почти без морщин. Зауженный кафтан-жюстокор украшен на плечах пучками лент и подпоясан широким шарфом с бахромой. Верхние стеганые штаны, панталоны с бантиками в два ряда. Старомодный фрак в летах из метрополии приехал в столицу потратить на удовольствия некоторую сумму — без лишнего шика, но и не очень стесняясь в средствах.

— Э-э... прошу прощения, господа. Моя проклятая неуклюжесть... У вас слишком высокие порожки, господа. Скажите, это ли гостиница «Приют... м-м... героев»? Кажется, героев, если я ничего не путаю. Понимаете, я забыл взглянуть на вывеску...

— Вы совершенно правы, сударь! — раскланялся Трепчик, излучая радушие.

— Благодарю, голубчик! Вы хозяин?

— О да!

— Могу ли я снять у вас номер?

— Разумеется! Правда, на белой половине у нас ремонт... Спешу заверить, сударь: апартаменты черной половины отличаются исключительно цветом! Удобства везде самые замечательные... Вот, господин барон может подтвердить, он здесь досмотр провёл... в смысле, осмотр...

Старичок отмахнулся, сбив чернильницу с конторки.

— С моим зрением мне абсолютно все равно: черные, белые... О-о, мой парик!.. моя шляпа... у вас слишком едкие чернила, голубчик!.. Ну ничего, позже вычищу...

Вернув письменный прибор обратно на конторку и по дороге забрызгав край баронского плаща — «О-о... ради Вечного Странника, простите!.. У вас слишком длинный плащ, мой великодушный сударь...», — гость принялся записываться в книге. Рядом суетился хозяин, готовый простить случайному клиенту, первой ласточке трепчиковой весны, сотню опрокинутых чернильниц.

Конрад проникся к старичку легкой завистью: ему самому отельер радовался не так искренне. По квизиторской привычке он заглянул неуклюжему гостю через плечо: «Эрнест Ривердейл, граф ле Бреттэн... срок проживания — по усмотрению...»

Овал Небес!

— Простите, ваше сиятельство... Вы случайно не родственник квестору Джеймсу Ривердейлу?

— Э-э... великодушно прошу... А почему, собственно, вас это интересует, сударь?

— Разрешите представиться, граф. Барон фон Шмуц к вашим услугам.

Близорукие глазки старичка моргнули.

— Ага, вот, значит, как... Это все меняет... Вы — отец квестора Германа, полагаю?

— Нет.

— Неужели? А я был уверен...

— Я не отец Германа. Я его дядя.

— Ах, барон! Ну конечно же... А я — дедушка Джеймса.

Он так и сказал — «дедушка».

Caput III

**«Берегись, пескарь, на хвосте сыскарь —
лихо под мостом повилать хвостом...»**

Роли благодарного слушателя «Повести о доме Ривердейлов» Конрад удостоился через пять минут беседы с престарелым графом. Внимая героической саге о былых подвигах, барон к концу заскучал и с любопытством принялся разглядывать интерьер гостиничной харчевни, где им в мгновение ока был накрыт стол на двоих.

Как и весь «Приют», харчевня делилась на две половины: черную и белую. Никаких перегородок или хотя бы ширм не наблюдалось: Свет и Тьму разделял лишь цветовой фронтир. Кроме набивших оскомину картин борьбы двух чистых начал (слева побеждала Тьма, справа — Свет), стены украшал целый арсенал оружия, целого и сломанного в боях, а также детали доспехов. «Бутафория, — определил обер-квизитор наметанным глазом. — Засохшая кровь на клинках — ржавчина пополам с турристанской охрой. Хотя среди лат есть любопытные экземпляры...»

Вот, к примеру, черный лакированный шлем. Судя по надписи, принадлежал Аспиду Второму. Вранье: кто позволит вывешивать реликвию перед жующими обывателями?! Тем не менее глянцево-блестящий, с широкими «закрылками», призванными

защищать шею, с глубокими провалами «глазниц», где, казалось, теплились адские огоньки, с узким и тупым зарешеченным «рылом», шлем производил впечатление.

Для Аспида под любым порядковым номером — в самый раз.

На белой стороне к панели были прибиты снежно-серебристые крылья изрядного размаха. Кто-то из рыцарей Утренней Зари отловил живьем ангела и оторвал ему крылья? Вряд ли. Скорее оригинальная часть доспеха, придающая квестору ангельский вид для устрашения злобного врага. «В конном бою сойдет, — прикинул Конрад. — Но пеший ангелок далеко не улетит...»

Под крыльями стоял огромный щит, низ которого загигбался горизонтальной ступенькой. По кромке ступень имела пилообразную заточку.

— Выглядит устрашающе. На самом же деле... — проследил за взглядом барона Эрнест Ривердейл, закончив повествование. — Доспешному кнехту с крепкими поножами эта пила — что несвезлоху дротик. А если сей оригинальный выступ с усилием пнуть, щитоносец получает нижним краем щита по ногам, теряя равновесие, и верхним — по лицу. Даже при наличии шлема, поверьте, весьма болезненно. Я бы с удовольствием приобшил этот щит к своей коллекции. Восхитительно бестолковая конструкция. Надо будет переговорить с хозяином...

Граф умолк и щедро посолил сырную запеканку с миндалем. К счастью, большая часть соли попала за обшлаг рукава старичка, почти не испортив вкус блюда. Нет, столь виртуозно притворяться невозможно! Он такой на самом деле: неуклюжий и рассеянный. Но рассказ о воинственной семье? Заподозрить благородного аристократа во лжи не было никаких оснований.

Или все намного проще?

Граф ле Бреттэн — теоретик. Чистый теоретик! И другу детства помогал именно в этом качестве. Например, тактика ближнего боя, знание каковой он чудесно проявил на примере щита с пилой. Даже в Ложе Бранных магов есть свои теоретики, знатоки веерного молниеметания, неспособные зажечь огарок свечи. Все это хорошо, но...

Почему граф объявился в «Приюте героев»?

Почему сразу после трагедии, опоздав едва ли на сутки?!

Обер-квизитор осторожно покосился на собеседника. Граф пребывал в задумчивости, лицо его выглядело печальным. Увы,

болтун Трепчик уже успел сообщить старику о ночном побоище, разукрасив дело самыми мрачными красками. А ведь просил барона хранить молчание! Начинать скользкую тему не слишком тактично, но за время ужина между мужчинами установилось некое подобие доверительных отношений, как у людей с общим горем.

Конрад решил рискнуть.

— Простите, граф, что отрываю вас от размышлений... Что привело вас в столицу и в эту гостиницу?

— Как — что? Разумеется, то же, что и вас. Письмо.

«Какое письмо?!» — едва не вырвалось у барона.

Повисла опасная пауза. Ривердейл, моргая, с недоумением смотрел на обер-квизитора, словно ожидал, что тот сейчас рассмеется и сознается в глупой шутке. Под близоруким взглядом старика Конрад чувствовал себя последним мерзавцем. Честно признаться, что никакого письма он не получал? Увильнуть от ответа и обиняками выяснить, что за удивительные письма выборочно рассылались по кое-каким адресам?..

— Осмелюсь доложить, ваша светлость! Вам депеша! А также дуэльный комплект, заказанный вашей светлостью в спецарсенале!

Хвала Вечному Страннику, хранящему нас в бедах!

Курьер объявился на пороге как нельзя вовремя.

— Извините, ваше сиятельство, служба. Служба и долг чести. Я вынужден вас покинуть.

— Разумеется, барон! Ни в коей мере не смею вас задерживать! Желаю удачи... о-о... эти тарелки слишком хрупкие!..

— Благодарю вас, граф.

Церемонно раскланявшись, барон поспешно ретировался.

В пакете обнаружился результат запроса: скудные архивные данные на погибших квесторов. Времени до заката оставалось мало, и Конрад отложил бумаги на потом. Когда он уже покидал свои новые, аспидно-черные покои, в открытое окно влетел знакомый «аистенок» — точная копия дневного посланца.

Сообщение вигиллы.

«Его светлости Конраду фон Шмуцу лично в руки.

Достопочтенный коллега!

Довожу до Вашего сведения, что в процессе дальнейшего изучения шара-обсервера мною установлено: после известных событий

прошлой ночи, но еще до попадания обсервера в палаты Тихого Трибунала с шара была снята копия. Определить личность снимавшего доступными мне методами не представляется возможным.

Искренне Ваша, вигилла Генриэтта Куколь, м. в. к.».

* * *

Овал Небес медленно поворачивался на ребро, сбрасывая солнце во владения Нижней Мамы, на ночлег. Солнце краснело, как рак в кипящем пиве, вертелось капризным дитятей в колыбельке и катиться спать не торопилось. Вполне понятная медлительность, даже если учесть, что пора бы и привыкнуть. День сменяется ночью, ночь — днем, кружит ветер, спешит река, и никому это мудрости не добавляет, вопреки заверениям пророков древности.

Конрад вздохнул и огляделся.

Место за обителью Веселых Братьев, этих унылых обжор, мрачных пьяниц и скучных развратников, издавна облюбовали дуэлянты всех мастей. Во-первых, здесь нет лишних глаз, а иноки проявляли к забиякам исключительное, временами обидное безразличие. Во-вторых, тут красиво, особенно ранней осенью. Обожженные шутником-листвянчиком, в преддверии грустного часа, когда начнется неумолимый месяц-падень, деревья полыхали гигантскими факелами. Трава на лугу сделалась жесткой, но до сих пор хранила зеленый цвет лета. Стены обители, сплошь в трещинах и выступях, напоминали кожу могучей виверны, чешуистую, в извилистых потеках крови, — листья ядовитого плюща, струившегося по стенам, полностью обрели багряный оттенок. От ручья тянуло зябким холодком; протекая ниже, в лошине, ручей сильно облегчал работу лекаря по окончании схватки.

Впрочем, сегодня лекарь не понадобится.

Разве что корнета от вспыльчивости удар хватит.

— Опоздываете, милостивый государь! А я ведь предупреждал...

— Прошу прощения. — Тон извинения и, главное, пламенный взор юного Лефевра придавали словам совершенно противоположное значение. Того и гляди не дождется, в глотку вцепится. — Задержался, уговаривая секундантов. Труссы! Мелкие душонки! Отказывались, ссылались на презренные обстоятельства... только самые близкие друзья, самые верные...

— Вы привели секундантов?! Вам что, никто не удосужился объяснить...

— Я не нуждаюсь в объяснениях, сударь! Тем паче накануне поединка чести!

«Самые верные» — двое прапорщиков, явно произведенные в чин буквально на днях, — гордо подбоченились. Сбитые на плечо ментики, короткие, в шнурах, галунах и лентах, едва не свалились в траву. Конрад вздохнул еще раз. Ну конечно, нашему петушку никто не объяснил, а если и пытались, то петушок не слушал, а кукарекал...

— Во время дуэли с сотрудником Бдительного Приказа, если стороны отказываются решить дело миром, секундантов, молодой человек, не полагается. Дуэльный Кодекс, статья «О частных случаях», параграф тридцать второй. — Барон вспомнил занудострапчего и скривился, как от зубной боли. — Вот наши «секунданты», единственные и неповторимые.

Он кивнул на две сабли в ножнах, мирно дремлющие на камне. Эти сабли час назад доставил курьер из спецарсенала вместе с распиской о выдаче, заверенной суперинтендантом Марком Храпунцом — человеком, рядом с которым дотошность барона выглядела разгильдяйством чистой воды.

Рядом с камнем, прямо на траве, лежал восковый таблетон и стилос-самописец, остро заточенный на манер шпаги.

— Вы издеваетесь, сударь? Ну хорошо, вам недолго осталось!

— Ничуть, юноша. Ваши старшие товарищи, зная Дуэльный Кодекс лучше вас, благоразумно отказались потакать глупостям пылкого корнета. И правильно сделали. Во время дуэли с квизиторами лучше обойтись без лишних свидетелей. От позора это не спасает, но хотя бы уменьшает его размеры... Впрочем, как вам будет угодно. Мы увлеклись. Приступим.

Аккуратно убрав сабли в сторону, барон принялся раздеваться. Не торопясь, свернул плащ с капюшоном; поверх сложил камзол, следя, чтоб не помялись разрезные, снабженные застежками рукава. Горку украсили кушак, треуголка и парик. Сразу стало прохладно. Правда, спину согревал взгляд корнета, пылавший яростью. Сам Лефевр, нимало не заботясь о сохранности имущества, набросал одежду вульгарной кучей. Оставшись в батистовой рубашке с кружевным воротом, он картинно разминал плечи, взмахивая то правой рукой, то левой.

Прапорщики аплодировали.

Похоже, корнет был любимцем полковой молодежи.

— Долго мне ждать, сударь?

— Идиот, — констатировала сабля, которую барон как раз извлек из ножен. — Еще и торопыга. Конни, опозорь дурака, и пошли отсюда. В арсенале вечеринка, мы с Брюнхильдой не хотим опоздать.

На лицо корнета снизошла задумчивость. Он сделал глубокий выпад, продемонстрировав, что и раструбы сапожных голенищ тоже обшиты у него кружевами, потом выпрямился и осторожно взял в руки вторую саблю.

Подержал.

Потянул клинок наружу.

— Давай, давай, — подбодрила Лефевра сабля, сверкнув муаровым узором. — Или не помнишь, за какой конец меня держат?

Аплодисменты прапорщиков выродились в осторожное хлопывание. Казалось, у господ офицеров озябли ладони. Вот, мол, греемся, как умеем.

— Смотрите, молодой человек... Чтoб после не говорили, буд-то я вас не предупредил. Надеюсь, вы помните, чем карается нанесение телесных повреждений сотруднику Бдительного Приказа? Нам даже самоубийство совершить нельзя — с того света вернут и накажут по всей строгости закона...

Резко взмахнув саблей, барон наискосок рубанул себя по предплечью. Корнет дернулся, хотел было вскрикнуть, но поперхнулся и закашлялся. Вместо раны, крови и прочих ужасов раздался нелепый, смешной звук. «Ляп!» или «хлюп!..», что-то вроде этого.

— Изрядно ляпнуто, — хихикнула корнетова сабля-болтушка. — Кримхильда, признайся: тебе понравилось?

Кримхильда отмолчалась. Зато дрогнул лежащий на траве стилос, подполз к таблетону, коснулся воска острием и замер, дожидаясь приказа. Прапорщики, как по команде, бросили хлопать, с опаской косясь на болтливые сабли и бодрый стилос. Пожалуй, офицеры начали раскаиваться в опрометчивом решении секундировать другу.

— Вот таким образом, — подытожил барон, становясь в позицию. — Но не беспокойтесь, ваша честь получит полное и окончательное удовлетворение. Без опасений подвергнуться наказанию от властей. Начнем?

— Начнем! — взвился корнет, теряя остатки хладнокровия. —

Если вы думаете, что чин вкупе с этими дурацкими саблями помогут вам...

Не тратя времени на разведку, он кинулся вперед, молотя саблей, как цепом. Барон отступал, держа дистанцию. Всего дважды он принял клинок на клинок, уводя атаку в сторону. Звон металла, а также посыпавшиеся от столкновения искры еще больше раззадорили юного Лефевра. Корнет решил, что весь предыдущий спектакль был розыгрышем с целью заморочить ему голову и принудить к отказу от дуэли с этим маленьким фанфароном. Ничего, сейчас мы покажем, кто здесь мыльный пузырь, паршивая ищейка, а кто — гордость легкой кавалерии...

Вот, значит, вам, сударь, с размаху — «голубь садится на правое плечо».

А вот, значит, вам, сударь, «голубь садится на левое плечо».

А вот, сударь, «мама целует в лобик». Коротко, от локтя.

С «лобиком» вышла неувязка. Когда корнетовым «голубкам» не удалось изгадить плечи барона, Конрад сделал короткий шаг назад и вбок, переводя саблю по дуге острием к земле. У Кримхильды на крестовине изнутри крепился «палюх» — плоское кольцо из металла, защищающее большой палец, для чего «палюх» был раскован в шиток. Эта конструкция позволяла ловчей удерживать оружие и с большим успехом использовать инерцию увесистого клинка при закручивании удара. Как, например, сейчас.

— Ляпсус! — с удовольствием изрекла сабля, смачно припечатав снизу запястье корнета. — Имеем честь сообщить о неоспоримом факте. Овидий, записывай: наша светлость опозорила корнета Франца Лефевра один раз!

Стилос быстро застрочил по таблетону. Письмена, возникая на воске, вспыхивали темным пламенем и исчезали неведомо куда, оставляя чистую поверхность.

Прапорщики дружно попятись, делая знак от сглаза.

— Достаточно? — спросил барон, недоумевая, откуда сабля знает имя вспыльчивого корнета. Осведомленность спецарсенала в самых разных вопросах давно была темой для разговоров в среде квизиторов. — Предлагаю считать дуэль законченной...

— Никогда! — выдохнул Лефевр и ринулся в бой.

На краю луга с акаций облетали рябые листья, безразличные к дуэлянтам.

* * *

Карету барон перед началом дуэли отпустил, о чем теперь весьма сожалел. На окраине не то что агитатора — обычного извозчика не поймать. А до «Приюта героев» с полчаса топтать придется.

В наступающей темноте.

По колдобинам.

День выдался тяжелым. Обер-квизитор устал, как гончая, загнавшая дюжину лис. С той лишь разницей, что он еще никого не загнал. Ну, разве что семь раз опозорил нахального корнета против одного-единственного косвенного позора в голень. Изловчился-таки, шенок. Ну и ладно. Идеалы недостижимы, не стоит терзать печень понапрасну.

Хотелось добраться до гостиницы, упасть в постель и провалиться в сон.

— Прочь, хамье! Лучше укажите мне дорогу в отель, и я готов буду вам заплатить...

Знакомый голос. Дребезжащий, высокий тенорок. Кажется, возьмет и начнет излагать «Повесть о доме Ривердейлов» по новой, с самого начала.

Ответом графу ле Бреттэн послужило молодецкое ржание в три глотки.

— Проводники в столице дороги, дедуля. Мончиков хватит? А ну, покажь!

— Вы забываетесь, сударь!

Резко прибавив шагу, Конрад возник из-за угла исключительно вовремя, словно Добрый Гений в финале трагедии Томаса Биннори «Заря». Как раз в этот момент один представитель «хамья» ухватил возмущенного графа за шиворот, а другой отвесил старику затрещину. Из уважения к преклонным годам легкую, для острстки. Дело происходило под масляным фонарем; вся сцена предстала перед обер-квизитором как на ладони. Двоих громил барон видел впервые. Третий, мелкий крысук с ухом, распухшим до размеров олады, был знакомый.

Жертва стряпчего Тэрца, он лез с ножом к поясу Эрнеста Ривердейла, намереваясь срезать кошелек.

«Зря я велел отпустить мерзавца...» — задним числом попенял себе Конрад.

— Бдительный Приказ! Всем стоять! Имена, фамилии, сословия?

Если устал и неохота возиться с задержанием, кричи именно

это. В грабителях сразу просыпается чувство противоречия: им — «стоять!», они — наутек. Молча и проворно. Но бойкая троица то ли растерялась, то ли дурная удал в голову треснула. Старого графа они, правда, отпустили и теперь шурились, вглядываясь в темноту.

— Здравсьте-пожалста! — осклабился мастер затрешин, когда обер-квизитор возник в круге желтого света. — Герой-недоме-рок? Витязь в ослиной шкуре?!

— Эй, полурослик! — поддержал приятеля знаток чужих ши-воротов. — Чеши отсюда!

А крысюк осклабился и хихикнул.

Очень хорошо, что троица не убежала. Просто очень хорошо. Замечательно.

Две сабли с визгом покинули ножны, а ножны полетели в го-ловы хамов. Кипя гневом, барон совершенно забыл, что под мыш-кой у него — не боевое оружие, а дуэльные болтушки, смирив-шиеся с утратой вечеринки в арсенале. Впрочем, с первым ударом обе сабли поняли, что вечеринка — так или иначе, там или здесь — удалась.

— Теофиль Стомачек, он же Гвоздила, он же Куцепердый! — радостно возопила Брюнхильда. — Ляпсус! Опозорен один раз, в область ключицы! Пиши, Овидий!

— Сыка Пайдар, он же Фрегат, он же Яцек Малява! — поддер-жала товарку Кримхильда. — Два позора, щека и левый бок! Ови-дий, чего спишь?!

В планшете, брошенном под фонарь, старательно зашуршал стилос. Отблески темного пламени пробились наружу, окутав планшет. Теофиль по кличке Гвоздила в ужасе попятился, хвата-ясь за грудь и ожидая, что руки его сейчас обагрятся кровью. Од-нако крови не было, что навело грабителя на самые жуткие по-дозрения.

— Колду-у-у-ун!!! — отчаянно взвыл он, получив Кримхиль-дой по шее.

— Мотаем! — с готовностью отозвался напарник, опозорен-ный дополнительно наотмашь по темечку.

Крысюк с распухшим ухом выронил графский кошелек.

— Теофиль Стомачек, он же Михаль Ловчик, беглец-нелегал из Бадандена!.. дом номер 8 по улице Второго Помилования, со-жительница — Брыхта Яловая, воровка на доверии... опозорен дважды... трижды!.. четырежды!.. Записывай!

— Юный бездельник Феликс Шахрай по кличке Гнилой Вьюн опозорен один раз!.. Два раза! Овидий, шевелись!

— Дядька, не на-да-а-а!!!

— Опозорен! Опозорен!

— Позор в ягодицу! Дважды!

Клинки молниями сверкали в тусклом свете фонаря, разя без устали. Старенький граф, проявив неожиданную прыть, успел прижаться к стене, стараясь не мешать. Весьма разумно с его стороны, ибо обер-квизитор разошелся не на шутку. Зрелище орущих и до смерти перепуганных грабителей доставило ему куда большее удовлетворение, чем мог бы доставить вид изрубленных в куски тел. Шагов сорок барон гнал вопящую троицу по переулку, вдохновенно исполняя «мотыльковый веер Сет-Рабби» и полосуя беглецов по филейным частям. Затем горе-грабители ото-рвались от преследователя и скрылись в темноте.

Малость запыхавшийся Конрад повернул назад.

— Премного благодарен вам, барон! Если бы не ваши отвага и доблесть...

— Полно, граф! Любой честный человек на моем месте...

— Честный и мужественный, барон! Мужественный! А это в наши времена не столь уж частое сочетание, к сожалению.

— Вы мне льстите... — Конрад, как и большинство его современников, был весьма чувствителен к фимиаму лести. Но тем не менее постарался перевести разговор на другую тему. — Кстати, граф... Что привело вас в эти трущобы на ночь глядя?

— Вы не поверите, друг мой! Я заблудился! Вышел прогуляться перед сном — и не смог найти дороги обратно. У вас в столице слишком запутанная планировка. Особенно на окраинах. И слишком наглые разбойники. В моем графстве всякое отребье не рискует нападать на людей благородного сословия.

В последних словах Ривердейла обер-квизитор усмотрел намек на плохую работу Бдительного Приказа. И снова поспешил сменить тему:

— Давайте я провожу вас до гостиницы, граф. Нам по пути.

— Зовите меня просто, без церемоний — Эрнест. Я перед вами в долгу. И не спорьте, пожалуйста! О-о, извините, я наступил на ваш планшет...

— Хорошо, не спорю, — шутливо поднял руки барон. — Но тогда и вы зовите меня Конрадом.

— Идемте, мой друг Конрад. Без вас я бы, наверное, до утра

искал дорогу. Кстати, как ваша дуэль? Надеюсь, все прошло благополучно?

Конрад позволил себе усмехнуться:

— Вполне. Не хуже, чем в переулке.

— От души поздравляю! Кстати, «веер Сет-Рабби» в вашем исполнении был превосходен! Учтите: это не комплимент, а оценка знатока. Хотя с левой... Вам полезно слегка расслабить плечо. А кисть при оттяжке, наоборот, закреплять жестче. Это позволит сократить амплитуду без потери силы. В остальном — чудесно! Хоть в учебник помешай.

Слушая рассуждения графа, барон время от времени согласно кивал, ибо находил замечания Ривердейла справедливыми. Да, странно выслушивать подобные сентенции от чудаковатого старика, только что спасенного из лап грабителей. Но отмеченная несообразность лишней раз подтверждала правильность выводов. Граф ле Бреттэн — выдающийся теоретик ратного дела.

Что же касается практики, то не всем быть универсалами.

* * *

— ...Это называется гостиница?! Это называется столица?! Мне, пожилой женщине, жить в угольном ящике?! Да там же черным-черно, как у дракона в заднице! И за этот склеп — полбинара в день?! Что? Еда? Я еще посмотрю, что у вас за еда! Еще понюхаю! Попробую на вкус! Небось помои такие, что и свиньи побрезгуют!

У конторки, за которой прятался съездившийся Трепчик-младший, разорялась старая карга. Более всего карга походила на пирата в юбке. Вернее, во многих юбках, ворохом торчащих одна из-под другой. Голова повязана кроваво-красным платком, но не по-женски, а с узлом на затылке и двумя хвостами, упавшими на широченные плечи; седые космы торчат наружу. Лицо черепахи, сплошь в морщинах, нос крючком. Левый глаз закрыт повязкой, правый хищно сверкает из глубокой глазницы. Рукава вязаной кофты закатаны по локоть; пальцы на жилистых руках шевелятся вразнобой.

И голос хриплый, как у голодной вороны.

— Не извольте беспокоиться, сударыня! Сейчас зажжем вам свечи! За счет заведения! И кормят у нас превосходно, не сомневайтесь! Вот их сиятельство с их светлостью — добрый вечер, господа! — подтвердят. Я вас самолично провожу, чтоб не споткнулись, не приведи Вечный Странник! Вот, я уже и канделябр

взял... Что ж вы на ночь глядя приехали, сударыня? Вы б с утра, засветло...

— Когда надо, тогда и приехала! — каркнула бабка. — Утром ему, костоеду! Может, вообще не приезжать надо было? И прочих дураков отвадить?! Так я могу...

Здоровый ее глаз с подозрением косился на «сиятельство со светлостью», вошедших в холл. «Небось прощелыги залетные!» — читалось во взгляде.

— Что вы! Как можно! Я не то хотел сказать... позвольте, я услужу...

Трепчик не сомневался в умении гостии отвадить кого угодно. Такая Вечного Странника с неба сживет. Ухватив один из узлов карги, хозяин крикнул от натуги. Но справился и, еле удерживая канделябр с тремя свечами, бросился ко входу на черную половину отеля. В этот момент граф, к удивлению Конрада, решительно направился к карге. Почти не споткнувшись и ничего не опрокинув, остановился в паре шагов.

С достоинством поклонился:

— Разрешите представиться, сударыня. Эрнест Ривердейл, граф де Бреттэн. Мы, видимо, будем соседями.

Карга вытаращилась на графа и вдруг относительно ловко изобразила реверанс.

— Аглая Вертенна. Из нетитулованных нобилитов Альгамбры, твое сиятельство.

— Барон фон Шмуц, — мгновенно оказался рядом Конрад. — Простите мой интерес, сударыня... Не родственница ли вы Лайзе Вертенне?

— Внучка она моя... А почему вы спрашиваете? Вы ее знаете, Лайзочку?

— К сожалению, не имеем чести, — граф перехватил инициативу. — Но, думается, всех нас привели сюда сходные обстоятельства. Вы, сударыня, тоже получили письмо?

— А вы откуда знаете?

Барон двусмысленно развел руками.

Наилучший ответ в его положении.

В номере Конрада ждала депеша. Глава Бдительного Приказа, прокуратор Вильгельм Цимбал, звал барона завтра к восьми утра на чашку горячего молока. И не в Приказ, а на личную загород-

ную виллу. Карету должны были подать ко входу в гостиницу в начале восьмого.

«Вот тебе, бабушка, и выходной день!» — подумал барон, не попадая вспомнив сударыню Аглаю Вертенну.

* * *

Вилла прокуратора Цимбала была выстроена в стиле эклектицизма. Знатоки восхищались, эстеты цокали языком (во всех смыслах), доброжелатели подсчитывали, сколько бинаров из государственной казны... Но подсчитывали втихомолку: Вильгельм Цимбал не поощрял внимание общества к своей частной жизни. Вопросы, начинающиеся сакраментальным «А может ли честный человек...», должны учитывать главный аргумент: если второго короля подряд устраивает прокураторское представление о чести и возможностях человека, значит, так тому и быть.

Дальше — тишина.

Колеса кареты зашелестели по гравию дорожки. Объехав газон, над которым третий век подряд трудились лучшие стригали Реттии — виллу Цимбал перекупил у разорившегося вельможи Гнея Лукулла Хрипунца во многом ради этого газона, — агитатор осадил лошадей у парадного подъезда.

— Приехали, ваша светлость!

Тротуар окаймляли кусты самшита и розмарина. От цветника, разбитого перед криптопортиком, доносился аромат поздних фиалок. В сопровождении дворецкого, изысканного, как витые башни Чуриха, и загадочного ничуть не менее, Конрад поднялся по мраморным ступеням, миновал простой, со вкусом обставленный атриум и двинулся по круглому, опоясывавшему виллу коридору. Справа коридор огораживала колоннада. Тройные пучки тонких гладкоствольных колонн со скульптурными капителями, откуда росли нервюры подпружных арок и распалубок полуциркульных сводов перекрытия, всегда вызывали у барона восхищение. Нет, не великолепие здешней архитектуры, а собственным трудолюбием — раскрытие знаменитого «Дела о зодчем Труцидаторе и кровавом шнурке» во многом было обязано часам, проведенным в скрипториях Лиги Махинаторов. Тошнило от всех этих пилонов, пилястров и архивольтов, а «кайма зубчатая прорезная орнаментальная» вызывала душевное содрогание.

— Сюда, прошу вас...

Дворецкий указал на вход в термы, размещенные в пристрой-

ке — отдельном здании с куполом наверху. Войти в термы можно было и снаружи, но, видимо, сегодняшнее утро располагало к конспирации. Хотя о какой конспирации идет речь на вилле прокуратора, где лишние глаза давно закрылись навеки?.. Или иначе: о какой конспирации можно говорить в блистательной Реттии, где любой чих становится достоянием масс раньше, чем человек утрется платком?

Так и живем, в единстве противоположностей.

— Господин прокуратор ждет. Вы соизволите раздеться?

Входить в термы одетым? В собрании лодыжек, ягодиц, животов и спин являть собой символ чопорности? Нет, Конрад решительно не желал выставляться на посмешище. Кто бы ни собрался ранним утром в гостях у Вильгельма Цимбала, желая окунуться в бассейн и сомлеть в парилке, — эти люди знали, что делают и зачем. Даже если им просто взбрело в голову устроить час дружеского разоблачения.

Жестом отослав дворецкого и отказавшись от помощи слуг, барон разделся в тесном аподитерии, обернул чресла махровым полотенцем и бестрепетно шагнул на прием к начальству.

— С легким паром, господи!

— Конни! Как я рад тебя видеть! — Хозяин дома всех встречал этой излюбленной фразой. Даже государственных преступников, приведенных на допрос в кандалах. — Хочешь вина? Мне привезли дивный аморетийский трокенберг...

— Увы, Виль. — Обер-квизитор сразу принял предложенный тон. Умение тонкими фибрами души ощутить настроение вышестоящей особы и подхватить его на лету есть залог карьеры. Цинично? Да, но не слишком. Особенно если в частных беседах ты и прокуратор Цимбал давно оставили казенное титулование. — Ты же знаешь, я с утра не пью. Разве что ежевеловый морс...

— А сердце не загонишь?

— На мое сердце еще не вырос достаточно колющий ежевельник. Какие наши годы?

Вильгельм Цимбал расхохотался в ответ. Он был ровесником барона, но выглядел много старше. Рано располнев и облысев, с лицом, морщинистым, как печеное яблоко, отрастив из остатков волос на затылке жиденький хвостик и неизменно забирая его в черный мешочек из шелка, прокуратор напоминал шуструю обезьянку. Таких безобидных зверьков носят на плече бродячие шар-

жеры, предлагая желающим совместный портрет: «Дабы оттенить сим уродством природную красоту заказчика!»

И во всей Реттии с трудом сыскался бы десяток драконов опасней, чем обезьянка, возглавившая Вдительный Приказ.

— Эй, кто там! Морсу моему другу!

Бокал с морсом возник на столике перед бароном из ниоткуда. Материализовался, запотевший и с голубоватым отливом. Сверху плавала сморщенная ягодка. Если верить аптекарям, ягоды ежевельника избавляли от одышки — и потому в шутку рекомендовались сотрудникам Бдительного Приказа. Барон давно принял эту шутку и полюбил морс со своеобразным вкусом. Тем более что морс улучшал аппетит.

— Благодарю, сударь Кольраун.

Боевой маг трона Просперо Кольраун, нежившийся в бассейне с лечебной грязью — это он откликнулся движением брови на призыв «эй, кто там!» — еще раз двинул бровью. Мол, не стоит благодарности. Свой люди, сочтемся. Я вам бокал морсу, вы мне кого-нибудь арестуете. Этот атлет, как и все последователи Нихоновой школы, большую часть жизни проводил в праздности, избегая лишних движений. Зато редкие вспышки его активности, как правило, сопровождалась катаклизмами, стихийными бедствиями и сокращением числа населения.

Присев за столик и отхлебнув морса, барон подумал, что собрание в термах напоминает ему другое собрание в сходной обстановке. Помнится, это привело к знаменитой дуэли, куда более масштабной, нежели дурацкий поединок с корнетишкой. Семь лет назад Конрад фон Шмуц и прокуратор Цимбал нежились в термах Кара-Каллы, когда Просперо Кольраун повздорил со своим другом, капитаном лейб-стражи Рудольфом Штернбладом. Сейчас капитан лежал на топчане лицом вниз, отдав тшешушное тело во власть массажиста, глухого как пень — чтобы был равнодушен к стонам подопечного и не вникал в беседы знатных особ.

Тот, кто видел Штернблада под Вернской цитаделью, мог бы подтвердить: капитан точно так же блаженно охал у Совиных ворот, закалывая шестого подряд тролля-привратника.

И Антонин Тератолог, коронный друнгарий Департамента Монаршей Безопасности — в народе, если шепотом, «дамба», — тоже присутствовал тогда в Кара-Калле. Великий Слепец, прозванный так за безразличие к любым делам и занятиям, кроме

ограждения царствующей особы от посягательств злоумышленников, — в данный момент Антонин равнодушно строгал яблоко миниатюрным ножичком и складывал ломтики на блюде, вперемишку с изюминками.

Получался красивый орнамент в стиле «делирий».

Зато лейб-малефактора, престарелого Серафима Нексуса, не было в банях во время событий семилетней давности. Кавалер ордена «Вредитель Божьей Милостью» с розами и бантами, Серафим дремал в кресле, сопя и причмокивая. Видимо, ночь выдалась бурной, и часы без сна сказывались на самых пожилых людях. Так бы подумал любой, кто не был на короткой ноге с сударем лейб-малефактором, а кто был с ним на короткой ноге, тот ничего не думал и давно хромал.

— Доброго здоровья, барон! — сидя на бортике, помахал рукой голый толстяк, милейший и обаятельнейший волхв Месроп Сэркис, председатель Тихого Трибунала, в прошлом — некромант, почетный доктор столоверчения.

— И вам не хворать, почтенный Месроп!

Лишь одного человека из присутствующих барон не знал. Ничем внешне не примечательного человека, целиком завернутого на восточный манер в простыню с красной каймой. Узнавать его без соответствующего распоряжения было бы дурным тоном.

Ничем не примечательный человек понимающе улыбнулся.

И слегка повернул голову в адрес прокуратора.

— Конни, позволь представить тебе кое-кого из моих гостей! Его величество, ныне и вовеки здравствующий Эдвард II инкогнито!

Барон решил ограничиться вставанием и поклоном — церемонным, но в меру. Раз инкогнито, значит, инкогнито. Кто он такой, чтобы противоречить желаниям короля?

Знатность рода фон Шмуцев, сражавшихся под древними знаменами Хьёрта Основателя, чин и ранг Конрада, а также близкое знакомство с прокуратором Цимбалом вполне оправдывали приглашение в столь высокопоставленную компанию. Даже если принять во внимание обманчивую легкомысленность ситуации. Учителя фехтования отмечают, что трудней всего биться без штанов, а обнаженному — и вовсе на грани подвига. Здесь, в термах, все были без штанов, нагие и расслабленные, дружелюбные и усмешливые. Но терпкий аромат боя витал в воздухе.

Хотя странно, что трагедия в «Приюте героев» вызвала реакцию, сравнимую с попыткой государственного переворота.

— Не будем ходить вокруг да около, барон! — Король отлично понял мысли обер-квизитора и еще раз улыбнулся, ободряя нового гостя. — Ночь и без того утомила нас... Скажите, у вас есть версия исчезновения квесторов?

— Гибели, ваше величество, — деликатно, но твердо поправил Конрад. — Полагаю, что председатель Тихого...

— Конни!

В голосе прокуратора Цимбала тайлся мягкий укор. Дескать, тон был предложен и принят. Менять его теперь на казенный в самовольном порядке — излишне.

— Простите, ваше величество. Я имел в виду, что почтенный Месроп, скорее всего, успел сообщить вам о записях, обнаруженных в шаре-обсервере. И о считывании остаточных эманаций ауры, героически предпринятом вигиллой Куколь в моем присутствии.

Толстяк Месроп комично вздернул плечи.

— О, барон, вы просто режете меня без ножа... Сознаюсь, я не изучил рапорт госпожи Куколь в должной степени — меня отвлекли иные дела. Генриэтта рискнула без подготовки считать эманации?!

— Да.

— Это заслуживает награды. И что?

— В повозках, уехавших от «Приюта героев» после схватки, лежали мертвецы. Только мертвецы. Так сказала вигилла, а у меня нет оснований ей не доверять.

— Значит, квесторы погибли... — тихо, одними губами, шепнул боевой маг Просперо. — Мы рассматривали и этот вариант. Но, честно говоря, я надеялся...

Король жестом прервал мага.

— Версия, барон! У вас она есть?

— У меня она была, ваше величество. Сразу после просмотра данных обсервера в палатах Тихого Трибунала.

— Какая именно?

Это было в характере Эдварда II: брать быка за рога. Придворные лизоблюды за голову хватались: как можно в должной мере восхвалить его величество, если неутомонное величество требует сразу перейти к делу? А дела-то, помимо восхвалений, может, и нет вовсе...

— Нарушение орденского Завета и «Пакта о нейтралитете». Чрезмерная активность Черного Аспида. Выход нелепой игры для возвышенной молодежи за пределы отведенной для игр территории.

— Что я вам говорил, господа! — Эдвард просиял, хотя это плохо сочеталось с известием о гибели шестерых человек. Такие смены настроения также были присущи его величеству: выигрыш партии в «декольте» мог отвлечь владыку от мятежа гарнизона в Андоррене. — Единственная версия, претендующая на правдоподобие! Благодарю вас, барон!

— Не за что, ваше величество. Абсолютно не за что.

— Что вы имеете в виду?

— Конни сказал, — прокуратор Цимбал зажег сандаловую палочку и с наслаждением вдохнул ароматный дым, — что у него *была* версия. Значит, с недавних пор появилась другая. Или возникли обстоятельства, не вписывающиеся в первую версию. Я верно тебя понял, Конни?

— Да.

— Что за обстоятельства?

— Заселение в гостиницу «Приют героев» двух новых постояльцев.

— Первый — это ты, Конни, — с пониманием сощурился Цимбал. — Очень, очень разумное решение. И оригинальное. Нам и впрямь нежелательно закрывать гостиницу, привлекая лишнее внимание. А так наш сотрудник в частном порядке...

— Ты ошибаешься, Виль. Я говорил не о себе.

— О ком же?

— В гостиницу заселились Эрнест Ривердейл и Аглая Вертенна. Дед квестора Джеймса Ривердейла и бабка квестора Лайзы Вертенны. В сочетании с поселением некоего Конрада фон Шмуца, дяди квестора Германа...

Никто не успел заметить, как капитан Штернблад вывернулся из-под пальцев массажиста и сперва сел, а потом встал и шагнул к столику барона. Сам массажист секунду-другую разминал пустоту, после чего ошалело уставился на топчан, где теперь никто не лежал.

Крохотные, почти детские ступни капитана были в мыльной пене, что ничуть не мешало Штернбладу двигаться по скользким плиткам пола.

— Ты меня удивляешь, Конрад. — Старый приятель еще по

службе в полку кавалергардов, сорвиголов и похитителей девичьей чести, капитан мог позволить себе такое обращение и вне прокураторских терм. — Узнав о беде, постигшей молодежь, старшие родственники вполне естественно спешат в столицу...

— Конечно, Рудольф. Просто удивительно спешат. Узнав о беде, постигшей внука, — кстати, ответь мне: каким образом узнав-то? — Эрнест Ривердейл меньше чем за сутки успевает добраться в Реттию от границы Бирнамского леса. Ясное дело, пустяк. Рукой подать. Неделя скачки на сменных лошадях — за восемнадцать часов. Я уже не говорю об этой старухе, которая «вполне естественно» еле ходит...

— Интересное дело. — Глазки Штернблада сверкнули. — Выходит, они узнали заранее? Их кто-то предупредил?

— Ты прав. Граф ле Бреттэн упоминал о каком-то письме. Старик уверен, что я получил точно такое же.

— А вы не получали письма, барон? — вмешался председатель Месроп.

— Нет. Но предполагаю, что таинственный отправитель направил соответствующее послание в адрес отца Германа, моего брата Хальдрига.

— И мы можем в скором времени ждать прибытия вашего брата в столицу?

— Вряд ли. Скорее всего, получив письмо, где говорилось о Германе, мой брат спустил его в нужник. Извините за вульгарность, господа. Отношения отца с сыном далеко не всегда безоблачны.

Отвечая, Конрад отчетливо представил брата. Бранясь и проклиная все на свете, минутой ранее порезавшись при бритье охотничьим ножом, Хальдриг комкал в кулачище распечатанный конверт. Нужник в картине не фигурировал, но, вне сомнений, находился где-то поблизости, алкая добычи. Сыну, о ком шла речь в послании от неведомого доброжелателя, предлагалось провалиться в ад и не вынуждать благородного отца разбирать эти каракули, от которых у настоящего дворянина голова идет кругом, а в руках появляется неприличная дрожь. Такие сыновья — позор родителей, они могут связываться хоть с ростовщиками, хоть с Орденом Зари, хоть с некромантами Чуриха, хоть с Нижней Мамой — семья и пальцем не шевельнет...

Барон был уверен: обратиться он к Просперо Кольрауну или к Месропу Сэркису с просьбой показать магическим путем эту сце-

ну, каковой она произошла в реальности, — зрелище не изменится ни на йоту.

Ну почему письмо не пришло на адрес обер-квизитора?

Почему судьба так безразлична к Герману?!

— Письма, письма... — Король плотнее запахнулся в простыню и с истинно монаршим величием прошелся от бассейна к топчану. — Вы, барон, конечно же, не знаете, кто отправитель? Каково содержание этих злополучных писем?

— Нет, ваше величество. Я не хотел признаться, что не получал письма. Это вызвало бы подозрения у Эрнеста Ривердейла и Аглаи Вертенны. Кроме того, я не исключаю прибытия и других родственников.

— Гувальд, скажите... Письма — ваша работа?

Сдержанность и осторожность, прозвучав в голосе короля, удивили Конрада. Но еще больше удивил ответ. Массажист, повернувшись к его величеству, качнул крупной, наголо обритой головой. «Да он ничуть не глух!» — догадался барон.

— Я не могу ответить на ваш вопрос, сир. Ни да, ни нет. Прошу истолковать мою скрытность правильно. И не настаивать на ответе.

Король разразился зычным хохотом. Отсмеявшись, Эдвард повернулся к обер-квизитору:

— Позвольте вам представить, барон... Гувальд Мотлох, верховный архивариус Надзора Семерых. Человек честный, умный, но совершенно невыносимый.

Массажист, а вернее, один из лидеров таинственного ордена-невидимки, контролирующего злоупотребления магией, вежливо поклонился Конраду и жестом пригласил на топчан.

Дескать, спинку размять не желаете?

Caput IV

**«То не шум за стеной, то не тень
за спиной — то удача идет стороной...»**

Заданный тон позволял как принять, так и вежливо отклонить безмолвное приглашение. Конрад колебался лишь мгновение. Когда еще член капитула Надзора Семерых предложит сделать массаж обер-квизитору Бдительного Приказа в присутствии царствующей особы?!

Надо пользоваться случаем.

— Благодарю. Вы очень любезны.

Барон улегся на топчан лицом вниз — как до него капитан Штернблад — и постарался расслабиться. Но вскоре продолжил разговор, ибо король ожидающе молчал:

— Разумеется, господа, я постараюсь выяснить содержание этих злополучных писем. Не исключено, что они вписываются в изначальную версию, согласно которой борьба чистых начал вышла за пределы Черно-Белого Майората. Но также не исключено, что содержание писем коренным образом изменит картину преступления.

Пауза. Руки массажиста-архивариуса, умашенные маслом репейника, ловко скользят по спине, разогревая, размятчая тело. Чувствуется хватка мастера! Похоже, в прошлом наш член капитула работал с борцами... уж больно пальцы сильные...

— Мы надеемся на вас, барон. — Мягкая вкрадчивость в голос Эдварда ни на миг не обманула обер-квизитора. — Нам необходимо точно знать: кто виновен в случившемся? Если это действительно Черный Аспид...

— Ну и что мы сможем предпринять в этом случае, ваше величество? Согласно «Пакту о нейтралитете», Майорат обладает экстерриториальностью. Квесторы погибли, квест завершился, не начавшись. Черный Аспид останется на троне еще на четыре года. Учитывая обстоятельства, свои владения он вряд ли покинет. На добровольную сдачу я бы тоже не рассчитывал. А военное вторжение или магическое вмешательство с нашей стороны нарушит «Пакт о нейтралитете» и вряд ли будет одобрено сопредельными державами. Мы можем разве что оцепить Майорат кордонами, чтобы мышь не проскользнула. Но карантин потребует слишком много людей и средств. Замечу, что граничит Майорат не только с Реттией...

Мышцы приятно ныли, отзываясь сладостной болью. Да! Да... вот тут, пониже, в области поясницы! Казалось, Гувальд читает мысли подопечного, хотя магом-сенслегером он быть никак не мог. Наверное, под влиянием массажа в голову Конрада закралось странное подозрение. Кто его знает, это Равновесие, эту борьбу чистых начал! С виду — дурь дурью наподобие «борьбы ла-лангских мальчиков», когда шут гороховый напяливает специальный костюм и начинает бороться сам с собой. А пойдут нарушения, личные инициативы этих... Голубей с Аспидами, потом

мы займемся кордонами и карантинном, потом отменим экстерриториальность... Возьмет и лопнет какая-нибудь связь времен. Разорвется шут гороховый на две половинки, пойдут клочки гулять по закоулочкам. Хорошо бы остаться в рамках на всякий случай...

— Мне кажется, вы все усложняете, друг мой...

Обер-квизитор не сразу понял, что это заговорил дремавший в кресле Серафим Нексус.

— Знаете, мне приснился дивный сон. Как мы вместе с коллегой Просперо, а также с вами, дорогой Рудольф, и еще с рядом достойнейших людей, подаем совместное прошение о принятии нас в Орден Зари. Из большой и чистой любви к большим и чистым началам. И наше прошение, как это ни странно, удовлетворяется. А через четыре года мы надеваем красивые, но непрактичные белые одежды и отправляемся в квест. По всем правилам Ордена. Далее мы аккуратно — или не очень аккуратно, это уже по обстоятельствам! — разбираем цитадель по камешку... У вас, дорогой Просперо, есть немалый опыт в этом благородном деле! Разбираем, значит, и извлекаем под Овал Небес нашего энергичного приятеля, Черного Аспида. Для передачи в руки правосудия. Ах, да, кого-то надо будет оставить на троне Майората... Барон, хотите послужить Белым Голубем? Годика четыре? С сохранением жалованья и выслуги лет?

Конрад надеялся, что последняя фраза лейб-малефактора — безобидная шутка. Но его невольно передернуло, как, наверное, передернуло бы от любой шутки «Вредителя Божьей милостью», услышанной в свой адрес.

Даже архивариус-массажист из Надзора Семерых запнулся.

— Это было бы любопытно, сударь, — с изрядным усилием выдавил обер-квизитор. — Но вряд ли совместимо с выполнением моих служебных обязанностей. Я искренне надеюсь, что прокуратор Цимбал не согласится с вашим предложением.

— Кстати, о служебных обязанностях. — Король, как всегда, двигался к цели наиболее прямым путем. — Теперь вы понимаете, барон: нам нужно точно знать, замешан Черный Аспид в убийстве квесторов или нет. Время на сбор доказательств у вас есть: если Аспид виновен, раньше чем через четыре года нам его не достать.

«И все-таки достопочтенные судари чего-то не договаривают... Раз дело важное — почему задержали уведомление Тихого

Трибунала? Дали мне «фору»? Из-за соперничества ведомств и застарелой неприязни? Вряд ли. В делах подобного уровня о неприязни забывают. Почему гибель шестерки рыцарей дурацкого Ордена Зари так волнует лучших людей Реттии?! Человеколюбие? Чистое начало в сердце наступало? Не смешите мои ботфорты...»

— Я понимаю вас, любезный барон. На вашем месте я бы тоже недоумевал, отчего данному происшествию придается столь большое значение.

Просперо Кольраун вполне мог читать мысли. С него станет: прочтет и не почешется. Чтоб лишних сил не тратить.

— Это пре-це-дент, друг мой. Вернее, это может быть прецедент, если за случившимся и впрямь стоит Черный Аспид. Выход ритуализированной военной игры за пределы отведенных границ. Из экстерриториального Майората — на территорию Реттии. Если оставить сей прецедент безнаказанным — последствия не заставят себя ждать. Проблема борьбы чистых начал, перейдя из области философии, мифологии и забав молодежи в сферу государственных интересов... Не хотелось бы, честное слово. Возможно, вы недооцениваете угрозу, но Абсолютным Злу и Добру место в резервации, а никак не в нашем с вами мире, где абсолюты существуют лишь в виде теоретических абстракций...

«Кто б спорил... Идеал, вырвавшись из темницы абстракций, хуже демона, освободившегося из «лебединой звезды»... или как там боевые маги именуют ловушки-пентакли?.. Интересно, а другие причины, менее «философского» характера, мне изложат? Ох, хорошо... это плохо, что хорошо, это усыпляет...»

Верховный архивариус добрался до баронского позвоночника. Сменил масло для растирки: повеяло мятой и кардамоном.

— Прошу вас, расслабьтесь... Глубокий вдох... выдох... задержите дыхание...

Ладони Гувальда Мотлоха упали с неба, распластали, лишили остатков воздуха.

Слушая восхитительный хруст, кто-то хихикнул. Кажется, лейб-малефактор Нексус, добрая душа.

— Чудненько! Теперь еще разок, для гарантий...

От «гарантий» с чресел Конрада свалилось полотенце. Так уходит поредевшая в бою рота заграждения, оголяя фронт. С минуты барон размышлял, удобно ли сверкать ягодицами в присутствии августейшей особы и цвета общества. Потом вспомнил ка-

питана Штернблада, разгуливающего нагишом, и мысленно махнул рукой на приличия. А то его величество чужих задниц не видел...

— Задача ясна, барон?

— Да, ваше величество.

— Тогда не отстранить ли нам нашего приятеля Конни от расследования?

Такого подвоха со стороны прокуратора Цимбала барон никак не ожидал! Зря расслабился! Надо было прикрыться. Во всех смыслах.

— На каком основании?

Еще один сюрприз! Кто бы мог подумать, что на помощь придет глава Тихого Трибунала Месроп Сэркис?! Чудеса в решете...

— На основании близкого родства с одним из погибших квесторов.

— Вы считаете это целесообразным, коллега?

— Да. Официально.

Единственное слово все расставило по своим местам. Конрад сразу успокоился. Кажется, хитрец Виль что-то придумал.

— А неофициально?

— Ну мы же не в силах уследить за действиями частных лиц, огорченных ужасной потерей родственников? Я, например, который год подаю прошение на высочайшее имя, умоляя расширить личный состав Приказа... И что? Всемиловитейший монарх неизменно отказывает, ссылаясь на скудость казны! Как тут прикажете следить за отдельными случаями самосуда? Кстати, о самосуде и частных следствиях: Конни, если тебе потребуется поддержка...

Прокуратор выдержал многозначительную паузу.

— Как я понимаю, — вмешался председатель Месроп, — официально расследование продолжит вигилла Куколь. Вы согласны, коллега?

— Да.

— Она же обеспечит циркуляцию сведений между нами и бароном. «Pegasus charteus cursus» — метод проверен, надежен и защищен от незаконного вскрытия. Ваше величество, вы не возражаете?

— Ни в коей мере, господа. Целиком полагаюсь на ваш опыт в делах подобного рода. И жду результатов.

* * *

На перекрестке Дегтярников и Высокопарной выступали жонглер с танцовщицей.

Жонглер с отрешенным, слегка застенчивым лицом держал в воздухе пять булав. Он вышел из поры цветущей молодости, но телом был по-прежнему сухошав и ловок. Одетый в двуцветное трико — по счастью, не черно-белое, а красно-синее, — жонглер изредка переступал с ноги на ногу, но в целом оставался недвижим, и лишь руки жили отдельной, особой, внимательной жизнью. Булавы описывали замысловатые петли, легко касаясь друг друга. На них смотрела кучка ранних зевак. От лавки снадобий за представлением наблюдал плечистый, крепко сбитый мужчина в куртке, да еще вертелась туда-сюда крохотная горбунья-цветочница, напористо предлагая фиалки и астры.

Один из ротозеев сообщил, что он сам жонглировал бы не хуже, когда б не достоинство благородного человека и нехватка свободного времени.

Прятели вяло согласились, продолжая смотреть. Их больше интересовала танцовщица — молоденькая девушка, стройная и высокая. Плывя по кругу, она держала за кончики яркую шаль, и та летела за хозяйкой корабельным парусом. Неестественно прямая, с гордым аристократическим разворотом головы, девушка несла в себе какой-то сумасшедший ритм. Без музыки, без сопровождения: сама. Так несут чашу с кипятком, боясь расплескать. Мимо воли зеваки притопывали, прихлопывали, цокали языками и шелкали пальцами. Это распространялось быстрой эпидемией.

— Задержись-ка, дружок!

Агитатор остановил карету у тротуара. Приоткрыв дверцу, чтобы было лучше видно, Конрад улыбнулся. Многие сочли бы его легкомысленным чудаком. После событий безумного утра, после беседы с людьми, за чей взгляд, мимолетный и случайный, три четверти Реттии готовы отдать все, что ни попросишь; после тайн, секретов и решений — глазеть на уличных паяцев. Тратить драгоценное время на пустяки. Когда надо тщательно перебирать крупницы сведений, выискивая мелкий жемчуг, размышлять о недомолвках и намеках, делать далеко идущие выводы из хруста пальцев и дрожи левой коленки собеседника, что само по себе есть великий признак; прикидывать так и этак...

Это тоже входило в метод обер-квизитора. По окончании важ-

ной встречи или сбора сведений он занимал себя разной ерундой. Шел в цирюльню или ароматорий, на турнир вагантов-передвижников или выставку живописца Адольфа Пёльшлера, бродил по улицам без цели и смысла, собирал опавшие листья в Буальском парке, где недавно воздвигли памятник Нихону Седовласцу — великий маг напоминал обиженного борца, из-за интриг судей сдавшего первенство столицы без боя. Монумент собирались переделать, да все как-то...

После сытного обеда надо дать пище усвоиться.

Не терзать душу, не мучить разум, вторгаясь с ланцетом наплевес: подрезать, вскрыть заново, рассечь опять... Глупо, и толку не будет.

Жонглер сменил булавы на кольца, танцовщица ускорила шаг. Зеваки ушли, в шляпе, стоящей на мостовой возле артистов, бренчала жалкая мелочь. Тосковала горбунья: ее цветы остались без внимания. У ног жонглера распласталась тень: черный силуэт с дюжиной рук.

Конрад вздрогнул.

«А все потому, что у ворюги Михаля тень особая была! С четырьмя руками. Про запас, понимаете? А к такой тени и имя особенное полагается. К добру ли? Нет, не к добру, заверяю вас!..»

Жаркий шепот стряпчего накатил — и унесся прочь. Чушь, бред! Ты переутомился, почтенный барон. Придаешь значение ерунде, возможно, упуская при этом важные детали. Тень жонглера, болтовня нудного сударя Тэрца... И все-таки: почему всплыло именно сейчас?

— А крыша от сглаза у вас имеется?

Тень как тень. Жонглер как жонглер. И танцовщица: обычной некуда. Только жонглер поймал кольца и стоит, растерянно моргая, а танцовщица закуталась в шаль и отступила ближе к партнеру. «Они похожи! — сообразил Конрад. — Одно лицо... повадки, эта прямая спина... Отец и дочь? Пожалуй...» Сейчас отец и дочь не вызывали желания любоваться ими. Испуг и недоумение — зрелище не из лучших.

Перед артистами выкобенивался старый знакомый: крысюк с распухшим ухом.

«Слишком его много, паскудника... пора сократить...»

— Ну-у, шлэндрь!.. Сшибаете, значит, малиновый звон, а крыши глазной нет? В башке жуки дыру проели? Значитца, так: ста-

нете мне десятину отдавать, и будь спок! Никто вас не сглазит: тут меня каждая сволочь как облупленного...

— Зачем нас глазить? — тихо спросил жонглер. — Мы бедные люди. Мы никому не делаем зла.

— Зачем? Ну, брат, ты совсем трюха... Людишки, оне злые. По жизни злые, понял. Увидят, плюнут, хлоп — и сглазили. Нутро болеть станет. Или девка твоя спортится. Не-а, без крыши тебе никак.

— Мы бедные, — повторил жонглер, бледнея. — Мы...

— Я ближе к обеду заскочу, — не слушая артиста, подвел итог вымогатель. — Отстегнешь... Иначе жди беды, трюха. У меня глаз — алмаз, стекло режет. Уяснил? Не жмись, тебе же лучше...

Конрад собрался было вмешаться, но его опередил крепкий мужчина в куртке.

— Что вы сказали, сударь? Крыша? От сглаза?

— Ну! — оскалился «сударь». Неприятности вчерашнего дня озлобили гаденыша, превратив из банального мелкотравчатого шпаненка в существо непредсказуемое, мерзкое и хищное.

Любопытствующий подошел к шляпе. Наклонился и не бросил, а положил полбинара. У крысюка загорелись глазки.

— Вы уверены, сударь, что способны защитить своих... э-э-э... подопечных? Я с вами полностью согласен: бедных артистов всякий обидеть норовит.

— Ну!

— А какой, позвольте спросить, метод вы предпочитаете, возводя глазную крышу? «Выше стропила, плотники!»? «Золотой горшок»? «Скрипач на крыше»? «Домик Карла Карлсена»? Поверьте, это не пустой интерес...

— Ну ты, дядька...

Крысюк сунул руку за пазуху.

«Там у него нож. С цепи сорвался, паскудник... средь бела дня!..»

Конрад выпрыгнул из кареты на тротуар, но опоздал.

— Лично я предпочитаю класть с правой, — доверительно сообщил мужчина в куртке.

И положил. Верней, неторопливо размахнулся и припечатал крысюка внушительным кулаком. С правой, как и обещал, точно в глаз. Эффект был поразителен. Гаденыша унесло к цветочнице, развернуло винтом, снеся по дороге три горшочка с астрами,

ахнуло о стену дома и вернуло обратно в сильно поврежденном состоянии.

Мужчина в куртке удовлетворенно кивнул.

— Чудесный метод. Простой в обращении, доступный даже новичкам. И, главное, очень действенный. Метод с левой немного уступает ему в конечном результате, но тоже неплох. Желаете испробовать, сударь?

— Он не желает, — за крысюка ответил Конрад. — Ведь правда, Феликс Шахрай по кличке Гнилой Вьюн? Ты больше не желаешь? Или я ошибся?

В здоровом глазу крысюка полыхнул суеверный ужас. Мерзавец замахал руками, пятась от ужасного, вездесущего обер-квизитора, взвизгнул недорезанным поросенком, и — только пятки засверкали. Дождавшись, пока крысюка и след простынет, барон бросил в шляпу артистов целый бинар. Наклоняться и аккуратно класть не стал, зато превысил гонорар мужчины в куртке вдвое.

— Ваш метод великолепен, сударь. Примите мое восхищение. Разрешите представиться: барон фон Шмуц, обер-квизитор Бдительного Приказа.

Защитник жонглеров поклонился в ответ:

— Андреа Мускулюс, магистр Высокой Науки. Действительный член лейб-малефициума к вашим услугам.

Он нагнулся и провел ладонью по мостовой. «Берет след! — догадался барон. — Магистр, значит... с диссертатом...» Не надо было объяснять, чей след берет сударь малефик и зачем. Когда Андреа Мускулюс легонько подул себе на ладонь, а потом сощурился вслед дуновению, барон внезапно пожалел неудачливого крысюка.

Сегодня Феликсу Шахраю не пофартило куда больше, чем вчера.

* * *

«Приют героев» встретил обер-квизитора бодрым стуком молотков, визгом пилы-лобзалки и веселой бранью мастеров. Какофония неслась из Белой каминной залы, где ремонт ликвидировал память о ночном побоище. В итоге барон направился в прямо противоположную сторону, на Черную половину, взыскав тишины. Подняться в свои апартаменты? Уснуть вряд ли удастся...

Конрад решил заглянуть в Черную залу, где еще не был.

Если бы не солнце, игривое солнце полудня, бьющее в окна,

интерьер Черной залы напомнил бы убранство роскошного катафалка-исполина. А так благодаря легкомыслию зайчиков, отплясывающих джигу на смоляных стенах и аспидном потолке, катафалк выглядел несуразно. Словно в его утробе собрались справлять праздник.

Не бодрые покойнички, а вполне живые люди.

Граф Ле Бреттэн собственной рассеянной персоной. Одноглазая карга Аглая Вертенна. Незнакомая дама, ровесница вигиллы Куколь, жгучая брюнетка в изысканном платье с накидкой. «Гиацин-виолетт», анхуэсский крой, обшивка фалбалой», — оценил барон. Сам он предпочитал стоячие воротнички из кружев и сборчатые вертугадены, но, будучи человеком широких взглядов, принимал и новшества. Во всех отношениях приятная дама, что и говорить. У ног хозяйки спал лобастый пес неизвестной Конраду породы. Еще в зале, разумеется, присутствовал стряпчий Фернан Тэрц. При виде его барону страстно захотелось вскрикнуть: «Ах, извините, ошибся дверью!» — и поскорее ретироваться.

Но было поздно.

— Добрый день, ваша светлость! Как мы все рады вас видеть! — сам того не зная, стряпчий повторил любимое приветствие прокуратора Цимбала. — Сударыня, разрешите представить вам барона фон Шмуца, родного дядю квестора Германа...

— Фон Шмуц? — Дама слегка повела бровью.

— ...овер-квизитора первого ранга! Следствие по делу, известному нам всем, поручено именно ему! И я уверяю, что нет более достойного человека! Ваша светлость, позвольте представить вам мистрис Марию Форзац, мать нашего незабвенного, трагически сгинувшего без вести Кристофера Форзаца.

С тактичностью сударь Тэрц явно не дружил.

Но барона заинтересовало другое. Мистрис? Чародейка? Такое обращение — «мастер» женского рода, — редкое, но вполне общепринятое, употреблялось по отношению к мастерицам Высокой Науки. Не вульгарным ведьмам, а образованным, с дипломами, научными трудами, зачастую с диссертатами, но по какой-то причине скрывающим истинный уровень и квалификацию. Ладно, поручим Генриэтте разобраться. А пока отметим, что родственники квесторов продолжают собираться в «Приюте».

Остались еще двое.

Барон отвесил даме галантный поклон, та ответила легким кивком. Пес поднял голову, похожую на дыню, и широко зев-

нул, вывалив черно-синий язык. Пасть собаки напоминала пасть «водяного жеребца», но желтые, слегка загнутые назад клыки говорили отнюдь не о растительной диете. В крохотных глазах тлела нелюбовь к человечеству в целом и к сотрудникам Бдительного Приказа в частности.

— Лю, прошу тебя, без эксцессов...

Пес скосил кровавый глаз на хозяйку, на барона — и демонстративно заснул опять. Храпел кобель громче пьяницы-мясника, когда тот дрыхнет дома после гулянки в пивной. В воздухе повисла натянутая пауза, которой не замедлил воспользоваться пройдох-стряпчий:

— А я тут, ваша светлость, желая отвлечь господ от грустных мыслей, начал рассказывать одну историю. Послушайте и вы. Сей случай имел место около месяца назад, и поведал мне о нем мой коллега, стряпчий Тлумач. Впрочем, это к делу не относится. Итак...

«Почему они его терпят? — вяло удивлялся Конрад, поудобней устраиваясь в кресле. Бронзовая табличка на подлокотнике утверждала, что кресло обтянуто шкурой натуральной реликтовой либитинии. Вопреки здравому смыслу и данным исторических хроник, которые хором утверждали: последние либитинии сожрали друг дружку еще в Эру Мыльных Пузырей. Сохранись кошмарный хищник до нынешних времен, шкура твари стоила бы целое состояние. — Ну ладно, граф и дама-чародейка. Допустим, им деликатность не позволяет выставить Тэрца вон. А старуха почему его терпит? И главное, почему терплю я?!»

— ...королевский скороход Йован Сенянин. В сумерках остушился на выбоине, упал и вывихнул лодыжку! Не иначе, сглазили... Но тем не менее, дамы и господа! Скороход с вывихнутой ногой сумел доставить любовное послание его величества по назначению, точнехонько к рассвету, в дом фаворитки Юлии Марабу. И через неделю благополучно участвовал в Мемориальном забеге, где взял золотой кубок! А все почему, спросите вы? Потому, что тень у Йована была шестиногая! Как мифический конь Слепень, являющийся по вызову Вечного Странника! Не к добру это, скажу я вам. Ждите беды и светотрясения. Да, вот еще случай...

Пес Марии Форзац выразительно чихнул.

— Извините, что прерываю вас, сударь. — Конрад был благодарен собаке за вмешательство. — Но я хотел бы обратиться к

присутствующим с просьбой оказать помощь следствию. В гостинице остались личные вещи квесторов. Ключи от комнат, где они хранятся, находятся у меня. Надеюсь, вы согласитесь податься со мной на Белую половину и внимательно осмотреть имущество своих родственников?

— На кой? — сварливо осведомилась карга, шевеля пальцами.

— Не пропало ли что приметное? Нет ли чего необычного, что бросилось бы в глаза? — Барон чуть не брякнул «в глаз», имея в виду увечье Аглаи Вертенны и памятный метод малефика Андреа Мускулюса. — Граф, прошу вас!

— Разумеется, барон! Уверен, дамы также не возражают...

Снег коридоров и комнат на Белой половине угнетал не меньше, чем смола и уголь — на Черной. Кровати, казалось, накрыли погребальными саванами. На фоне однообразной и вездесущей белизны не только пожитки квесторов, но и люди, явившиеся для досмотра, выглядели неуместно. А пес Марии Форзац, жутко складчатый, словно ему в гардеробе выдали по ошибке шкуру сфинкса, — особенно.

Раньше Конрад не ощущал этого в полной мере.

— Не стану вам мешать. Оставайтесь в комнатах ваших родственников на полчаса. А потом обсудим, есть ли какие-то странности и несоответствия.

Это была хорошая идея. Барона с самого начала что-то смущало в вещах квесторов — но он никак не мог понять, что именно. Возможно, родственники сумеют подсказать ответ. А даже если не сумеют... Конрад намеревался с пользой потратить эти полчаса. Идея формально отстранить его от дела, чтобы обер-квизитор как частное лицо и собрат по несчастью мог легче войти в доверие к родственникам погибших, имела один-единственный изъян.

Злополучные письма.

Конраду и его высоким покровителям позарез нужно знать их содержание. Но не обратишься же в лоб: «Любезный граф, разрешите взглянуть на полученное вами письмецо?» А Ривердейл в ответ: «Позвольте, дорогой барон! Вы ведь сами получили точно такое же! Или не получили?» Правда сразу сведет на нет все преимущества «частного лица и собрата по несчастью». Граф — человек наивный, доверчивый, и тем не менее... «Ах, вы не получали письма? Выходит, таинственный доброжелатель не хотел вашего

присутствия здесь? Не счел, значит, нужным... Так с какой стати нам делиться с вами?..»

Заявить честно и прямо, что письмо, скорее всего, пришло к Хальдригу, отцу Германа? Провальная затея. Эти люди с братцем Хальдригом не знакомы. И спишут любые объяснения на банальную вражду двух братьев, столь частую не только в балладах, но и в жизни. Доведись им выбирать между далеким Хальдригом с письмом и близким Конрадом без письма...

Барон трезво смотрел на вещи, не преувеличивая симпатию всех без исключения сословий к сотрудникам Бдительного Приказа. Рано или поздно возникнет ситуация, когда выяснится: обер-квизитор — не белый рыцарь, а «белая ворона».

Никем не замечен (вездесущий стряпчий, к счастью, ушел обедать), барон решительно прокрался на Черную половину. Можно было позаимствовать у хозяина запасные ключи под расписку о неразглашении... Но Трепчик-младший — король болтунов. Распиской его не удержать. Замки на дверях пустячные, а у всякого честного квизитора всегда при себе набор отмычек. Отмычкой барон владел не хуже, чем саблей. Даже брал призы на ведомственных турнирах им. Арнольда Шнифера.

Итак, до чьего письма легче добраться?

Граф? Он, скорее всего, носит послание с собой: обшлага рукавов, накладные карманы кафтана, кошелек — есть куда положить. Значит, граф отпадает. На самом же деле барону просто не хотелось шарить в апартаментах Ривердейла. Он проникся к старику искренней симпатией. С точки зрения закона все равно, чью дверь взломать, но рыться в вещах рассеянного, добродушного аристократа много старше тебя годами и выше происхождением... Закон и польза, честь и необходимость вступили в шумный, малопрятный спор. Хорошо профосам Надзора Семерых — их такие противоречия не беспокоят!

А вот у Аглаи Вертенны никаких карманов точно нет.

И узлы карга оставила в покое.

Номера апартаментов, где остановились граф и старуха, обер-квизитор помнил прекрасно. Номер Марии Форзац выяснил, проходя через холл и заглянув в лежавшую на конторке книгу. Однако в комнату предполагаемой чародейки благоразумно решил не соваться.

В тених коридора Черной половины он не чувствовал себя лишним, как в Белом крыле гостиницы. Тем не менее ощущался

легкий дискомфорт. В Майорате рыцари Ордена, надо полагать, годами живут в подобных условиях. Да еще и ведут себя соответственно. Так недолго и умом повредиться. Доброволец Ордена Зари, по мнению Конрада, априори являлся чудаком со странностями. Прав боевой маг Кольраун: идеальным Добру и Злу место в области абстракций или в резервации.

Иначе все мы поселимся в большом «Приюте героев».

Он наскоро огляделся, прежде чем присесть на корточки перед нужной дверью. Коридор был пуст. Перебрав связку, Конрад безошибочно выбрал нужную отмычку. Мельком пожалел о новом маникюрном наборе, оставленном в собственных апартаментах барона: полировальная пилочка подошла бы лучше. Ну да ладно... Узкая полоска стали скользнула в замочную скважину. Хитрая нарезка вцепилась замку в потроха. Теперь дожать... четверть оборота вправо... глубже... и вправо до упора.

Есть!

С легким шелчком замок открылся.

На всякий случай оглянувшись еще раз и никого не заметив, обер-квизитор мышкой юркнул в покои старухи.

* * *

Обиталище Аглаи Вертенны выглядело скромнее баронского. Впрочем, гордыня сейчас была чужда фон Шмуцу. Его взгляд буквально ошупывал комнату, запоминая точное расположение всех предметов — дабы восстановить «равновесие» по окончании негласного обыска. Именно так звали в Бдительном Приказе проникновение без ордера прокуратора.

Спустя минуту обер-квизитор принялся, выражаясь южноретийским воровским жаргоном, «нышпорить по шухлядах». На счастье барона, карга успела распаковать свои обильные пожитки и разложить-развесить все, что считала нужным, в образцовом порядке. Удивительно для вредной скандалистки, но облегчает работу сыщика. Ну-с, что мы имеем из имущества прелестной бабуси?

Дюжина пузырьков и баночек с разноцветными жидкостями и мазями.

Две большие шкатулки ручной работы с идентичными наборами веретён в каждой.

Два свернутых в кольцо ремня мягкой кожи без пряжек и застежек, с утолщениями посередине.

Три кошель с мраморными шариками для игры в «шибздик». Мешочек с булавками, нитками, иголками и прочей дребеде-нью.

Старинный роговой гребень; позолота стерлась от времени.

И, наконец, в потайном кармашке дряхлой котомки — лист плотной бумаги, сложенный вчетверо.

В сортах бумаги Конрад разбирался хорошо и потому сразу определил: желтизна листа — отнюдь не признак ветхости или скверного качества. Сорт «Верже Алехандро» с благородным отливом в желток стоил дорого, приобрести такую бумагу можно было лишь в лавках Цеха Каллиграфов.

Обер-квизитор тщательно ликвидировал следы изысканий — и развернул листок.

«Почтенная госпожа Аглая!

Сим спешу довести до Вашего сведения, что любимая внучка Ва-ша, Лайза Вертенна, не только опрометчиво вступила в Орден Ры-царей Зари, что Вам, по-видимому, известно, но также была заме-чена в...»

Шум в коридоре Конрад услышал за миг до того, как дверь в комнату с грохотом распахнулась. За отпущенный ему краткий срок обер-квизитор успел сунуть письмо на место, захлопнуть стеной шкаф, где стояла котомка, и отпрыгнуть к окну. «Увидел, что дверь приоткрыта, решил заглянуть — вдруг воришка забрал-ся?..» Объяснение натянутое, но в целом приемлемое. Старуха, правда, недоверчива...

— Собака! Там собака! Большая! Огромная!

В комнату ворвалась бешеная радуга. Взъерошенный, рыжий, веснушчатый, совершенно незнакомый барону детина принялся лихорадочно запирать дверь на щеколду. В алой блузе, подпоя-санной лазурным кушаком, в шароварах густо-болотного цвета, он потрясал воображение. Швырнув на кровать грязную суму, гость трясся от испуга. Видимо, боялся, что «огромная собака» вломится следом. Дверь открывалась наружу, собака никак не могла ворваться сюда, но детине было не до логических умозак-лючений.

Щеколда плясала и выворачивалась из толстых пальцев.

На миг прервав судороги, детина обернулся к Конраду.

— Во-о-от такенная собака! — Он отчаянно развел руки. Судя по размаху, собака уродилась размером со стог сена. Трус выгля-

дел лет на тридцать — тридцать пять, но конопатое лицо коверкал страх маленького ребенка.

Конрад подошел и помог несчастному разобраться со шеколкой.

Счастливо отдуваясь, повеселев, детина рукавом отер со лба пот. И вдруг с недоумением уставился на барона, словно впервые его увидел.

— Что вы делаете в моей комнате, сударь?

Несмотря на шекотливость ситуации, барона начал разбирать истерический смех.

— Вы уверены, что это ваша комната?

— А чья же еще?

Решив не уточнять, в чьей именно комнате они оба находятся, Конрад продолжил игру «вопрос на вопрос».

— Вы живете в этой гостинице, сударь?

— Да!

— В каких апартаментах?

— В этих!

По правилам игры, ответивший вместо вопроса утверждением — проигрывал. Но рыжий проигравшим себя не считал.

— Цифра на дверях ваших апартаментов какая?

— Цифра? Н-не знаю... — Детина моментально растерял недавнюю уверенность. — А-а, цифра!

Он просиял, звонко хлопнув ладонью по лбу. Слово комара пришиб.

— Хозяин сказал: номер одиннадцать на Черной стороне. Это Черная сторона?

— Черная. Только номер не одиннадцатый, а восьмой.

— Ох, простите! Виноват! Выходит, я к вам вломился... Беда-то какая! Что же мне теперь делать?

— Наверное, идти искать свой номер, — пожал плечами барон.

— Ну да! А собака?!

— Вы уверены, что она вас ждет? Хорошо, я пойду первым.

Отодвигая шеколку, Конрад чувствовал себя участником дурацкого фарса. Рыцарь Утренней Зари вызывает жертву из лап Черного Аспида... Овал Небес! Предчувствия его не обманули. Аспид во плоти действительно поджидал в коридоре!

У стены, заложив руки за спину, стоял стряпчий Фернан Тэрц.

Из всех возможных свидетелей негласного обыска — самый нежелательный.

— Что здесь происходит? — риторически спросил Тэрц.

— Это я во всем виноват! — радостно гаркнул рыжий, вываливаясь в коридор. Котомку детина успел опять водрузить на могучее плечо. — Собака! Тут была злая собака! А я вломился в чужой номер! А этот добрый господин меня спас! А собака убежала...

Стряпчий шагнул вперед, готовясь к длительному общению, но с лестницы донеслось:

— Немедленно! Где здесь барон фон Шмуц?! Я хочу видеть этого человека!

Скажи Конраду кто-нибудь еще вчера, что он будет рад появлению буйного корнета Лефевра — ни за что бы не поверил!

* * *

— Я требую объяснений, сударь!

Сегодня корнет был сам на себя непохож. Пылкий, оскорбленный, чего-то требующий — все, как обычно. Но присутствовал в конном прашнике Франце Лефевре некий надлом. Томила тайная червоточина. Ел поедом злобный хорек сомнений. Лицо осунулось, выправка увяла. И страстный огонь во взоре гнусно коптил.

Даже султан на кивере, возвышаясь над помпоном, скорбно качал пучком китового уса.

— Как вы мне надоели, сударь! — честно вздохнул барон, чувствуя, что мимо воли проникается сочувствием к мальчишке, переживающему тяжелый период крушения иллюзий. — От второй дуэли я категорически отказываюсь, имейте в виду. Меня в спецарсенале запрут на веки вечные... Слушайте, зачем вы меня преследуете? Сехтовать не с кем?!

— Вы!.. Вы... — корнет задохнулся. Кровь бросилась ему в лицо и сразу отхлынула. Юноша был невменяем. — Идемте! Да, да, сударь! Идите за мной!

Схватив барона за руку, он потащил добычу на улицу. Конрад не сопротивлялся.

— Вот! Смотрите!

На фонеаре, обвитом змеей, белело объявление. Прямоугольный листок бумаги, приклеенный с тщательностью сумасшедшего: ни уголка не торчало, ни краешка. Неживой, твердый почерк, ровные ряды предложений, словно пехота на плацу — все это было хорошо знакомо барону. Если ты записной дуэлянт и служишь

в Бдительном Приказе, такие штуки выучиваешь наизусть и узнаешь с первого взгляда.

— Читайте, сударь!

— Корнет полка конных прашников, — зачитал барон скучным тоном, заранее зная содержание листовки, — Франц Лефевр в итоге дуэли с бароном фон Шмуцем, обер-квизитором...

— Дальше! Читайте дальше! Это уже по всему городу висит!

Подобные резюме — в рамках «Дуэльного кодекса», статья «Поощрение и наказание» — учредил высочайшим указом Ромуальд Грозный, прадед Эдварда II. Поскольку дуэль на саблях-болтушках не приводила к телесным повреждениям, заметным для населения, а потому радостным для победителя и позорным для побежденного, синклиту магов-консультантов вменялась разработка соответствующего эрзац-заменителя. Конкурс выиграл волхв-радетель Джошуа Магарыч, очаровав стилос и восковый таблетон особо извращенным образом. Во время дуэли все сведения о результатах горели под стилосом темным пламенем и нечувствительно переносились в канцелярию Приказа, где размножались методом «*librogrum impressio*». Прикормленные гении-табеллариусы разносили листовки по Реттии и расклеивали на столбах в достаточном количестве.

Таким образом, любой, желающий получить законное удовлетворение от господ квизиторов, рисковал не шкурой, но репутацией.

— ...был опозорен семь раз против одного косвенного позора...

— Вы издеваетесь? Дальше!

— Теофиль Стомачек, он же Гвоздила... опозорен шестнадцать раз...

— Дальше, сударь! Извольте не останавливаться!

— Сыка Пайдар, он же Яцек Малява... дюжина прямых позоров и три косвенных... бездельник Феликс Шахрай... опозорен восемь раз...

Волосы на голове Конрада встали дыбом. Он совершенно забыл, что данные о расправе над подлыми грабителями отправятся в канцелярию тем же вневещественным путем, что и сведения о дуэли с Лефевром. Где будут зафиксированы, размножены и отправлены в народ. Неодушевленный метод «*librogrum impressio*» в текст не вникает, а гениям-табеллариусам объявления читать недосуг. Разнесли, расклеили, и баста.

А Кримхильда с Брюнхильдой?! Вот же стервы!

Хоть бы напомнили, болтушки...

— Вот!.. — Восклицательные знаки в речи корнета поникли, изогнулись от горя наподобие вопросительных. — Вот, сударь... не ожидал от вас, право слово, не ожидал... А еще честный человек, первый ранг заслужили...

— Простите, Лефевр! Ради Вечного Странника, простите! Это в переулке... они измывались над беспомощным стариком... я не мог пройти мимо...

— Я вам верю, сударь. И тем не менее...

Корнет отчетливо всхлипнул.

— Руки не подают... смеются!.. Говорят, будто я вас испугался. Со страху и привел на дуэль компаньонов... бандитов... чтобы вас, сударь, целой шайкой убивать! А мои секунданты бранятся... грозятся шею мне... намылить!

— За что?!

— В полку теперь думают, что это — они...

— Кто — они?!

— Эти ваши... Гвоздила, Малява... под псевдонимами, значит, явились... в драку полезли... честь офицера позорят... Прапорщика Роцека Малявой задразнили! Полковник Фраух назначил служебное расследование... Помогите, сударь!.. Честью заклинаю, помогите... пропаду ведь...

Барон пинком распахнул двери «Приюта героев»:

— Хозяин! Лист бумаги, перо, чернила! Живо!

Полковник Рихард Фраух был добрым знакомым Конрада. Они временами спорили о париках: барон предпочитал малый, с буклями и косицей, а полковник любил старомодные и громоздкие «лябинеты». Эти разногласия лишь улучшали отношения. Личного письма вполне хватит, чтобы уладить дело безвинно пострадавшего корнета.

Хотя, как говорит прокуратор Цимбал, наказаний без вины не бывает.

Caput V

«Эй, в поход, друзья убогие, колчерукие, безногие, — глупый будет атаман...»

Уронив бумаги на стол, барон откинулся на спинку кресла.

Чернота апартаментов вселяла меланхолию и дурное расположение духа. Краткие биографии квесторов ни на шаг не приближали к разгадке. Опрос стражи ничего не дал, о чем сообщалось

в отдельном рапорте. Телеги с телами квесторов будто дракон хвостом смахнул. Магическими способами трупы не уничтожались и не перебрасывались в пространстве: такой выброс маны волхвы-локаторы Тихого Трибунала засекали бы мгновенно. Ставая закавыка: «Нет трупа — нет дела». Если бы не случайная находка обсервера с записями; если бы не героический поступок вигиллы, рискнувшей считать остаточные эманации ауры... Квесторов объявили бы пропавшими без вести, убийство сочли недоказанным, а значит, и следствие велось бы спустя рукава.

На что злоумышленники и рассчитывали, увозя тела убитых.

Барон зажмурился. Темнота под веками успокаивала в отличие от комнаты-чернильницы. Инфернальная гармония сфер в личном пользовании. Генеральный психот Приказа, милейший Джакомо Паванца, в частных душевспасительных беседах с квесторами называл это «тоской по утробе», рекомендуя длительный отпуск на водах.

Или краткий, но горький запой.

Барон открыл глаза и вздохнул. Отпуск, запой... Пустые мечты о прекрасном. Машинально перебирая бумаги, он наткнулся на еще один конверт, которого раньше не заметил. Адрес, прямой или обратный, на конверте отсутствовал. На лицевой стороне в красном сургуче красовался отпечаток печати: грифон сердито разинул клюв. Символ для человека знающего более чем ясный: опасность. Плюс слегка фамильярное предостережение: «Не шелкай клювом!»

В Бдительном Приказе пакеты всегда подписывали. Намеки и аллюзии здесь не поощрялись. Генриэтта весточку прислала? Ладно, поглядим...

Плотный желтоватый лист бумаги, сложенный вчетверо. «Верже Алехандро» с отливом в желток. Буквально час назад барон держал в руках его брата-близнеца. Почерк тоже оказался знакомым.

«Барону Конраду фон Шмуцу лично в руки

Ваша светлость!

Сим спешу довести до Вашего сведения, что Ваш брат Хальдрик является чертовым болваном, позорно равнодушным к судьбе собственного сына. Последнее, впрочем, Вам наверняка известно. Посему переадресую это послание Вам. Я знаю, Вам уже известно, что Герман опрометчиво вступил в пресловутый Орден Рыцарей Зари,

встав на путь трагической гибели. Однако, как близкому родственнику погибшего, а также как обер-квизитору Бдительного Приказа, Вам будет небезынтересно узнать дополнительные обстоятельства, имеющие касательство к данному делу...»

— Эй, светлость!

Барон поднял голову. Хотя больше хотелось поднять что-нибудь тяжелое и запустить в гостя. Второй раз подряд оборвать чтение заветного письма — это слишком даже для кроткого аскета.

— Светлость, слышь, чего скажу... Там наши собрались. Только тебя и ждут.

В дверях, загородив весь проем, а макушкой упираясь в приголоу, торчал рыжий дурак-кинофоб. Оскалив крепкие, белоснежные — и чуждые на Черной половине! — зубы, он приветливо улыбался. Из-под ворота алой блузы детина выпростал массивное ожерелье, сделанное из ярких камешков и речных раковин-перламутриц. Вот, дескать, что у меня есть! Завидуйте...

Конрад тоскливо вздохнул. Бессмысленно объяснять этому красавцу разницу между «Эй, светлость!» и «Ваша светлость!» или даже «Простите, ваша светлость, за беспокойство...» Удивит-ся, моргнет пушистыми ресницами, тряхнет ожерельем, на том образование и закончится.

— Заждались наши, говорю. Меня отрядили: звать...

— Сударь, вы уверены, что у нас с вами есть какие-то общие «наши»? Или вы про огромных и злых собак? Защита от домашних животных не входит в обязанности Бдительного Приказа...

Не удержался. Полез в свиной ряд с бархатным сарказмом и золоченой иронией. Не жалуйся теперь, если богатство измажется в навозе.

— Зря, — словно подслушав мысли барона, вдруг сказал детина.

Шагнул за порог. Видимо, был суеверным: передавать друг другу вещи, деньги и даже просто слова через порог считалось дурной приметой.

— Зря обижаешь, светлость. Есть у нас с тобой и наши, и не наши. И беда есть, одна на всех. Идешь или как?

Он по-прежнему улыбался: спокойно, беззлобно.

— Как вас зовут, сударь?

— Это тебя зовут, светлость, — бодро отрапортовал рыжий дурень. — Не въехал? Это бывает, с устатку... Может, кликнуть хозяина? Пусть рассольчику спроворит...

— Вот я, например, барон фон Шмуц, — внятно, по складам, как ребенку, разъяснил Конрад, для убедительности ткнув себя в грудь пальцем. — А ты кто?

Конопатая рожа детины расплылась еще шире.

— Ух ты! Барон! Настоящий! А они мне: ты, Кош, говори ему «светлость», не то по шее наkostenяет! А ты никакая не светлость, ты цельный барон!

Уже легче. Значит, зовут болвана Кошем.

— Да, я барон. А ты, Кош, кто?

— А я не барон! Не-а, не барон я, мамой клянусь...

— Слушай, малый, ты мне уже всю печенку...

— Во! Точно! А откуда ты, светлость, вызнал, что я Малый? Только у нас, в Глухой Пуше, говорят не Малый, а Малой. Кош я Малой, за сестренкой сюда бегом бежал. А наши говорят: нет твоей сестренки. Пропала Агнешка, сгинула...

Детина пригорюнился, без цели играя ожерельем. Веснушки побледнели, на скулах выперлись желваки. Барон смотрел на старшего брата Агнешки-квестора, и в мозгу кубарем вертелся обрывок скудных архивных сведений: «Из оседлых хомолюпусов Глухой Пуши». Эхом, вдалеке, вторил крик рыжего: «Там собака! Большая! Огромная!»

Этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда.

Оборотень боится собак?! Сын Стояна Малого, участника собачьих боев?! Или после трагической гибели отца у юноши-хомолюпуса возник стойкий ужас... Чуть! Это песье племя, если не считать специально обученных бойцов, оборотней за версту обходит. А вдруг сцена в покоях старухи Вертенны была ловким представлением? Сделал вид, что испугался пса-невидимки, вломился, наврал с три короба...

Зачем?!

В юности Конрада, когда он служил младшим товарищем квестора Лепуна, человека строгого, но отходчивого, король Эдвард I принял к рассмотрению челобитную трех стайных вожakov, иначе «волчьих князей», — Дрэвца Кэлдераря, Лексы Мануша и дряхлого деда Вайды. Нижайше припадая к стопам его величества, вожаки оборотней умоляли очертить для их стай «рубеж оседлости» с дальнейшим предоставлением реттийского гражданства. Вверяют, значит, судьбы, клянутся в верности и законности; обязуются при кормлении в лес не глядеть. Король снизошел к мольбам оборотней. Он вообще был просвещенным

монархом: писал стихи, изучал труды философов, хотел отменить смертную казнь, но после «Дела о Майтракском людоеде» передумал. Короче, западная часть Глухой Пуши, Влижные Луговцы и Шнарант, граничащий с Филькиным бором, королевским указом отошли для расселения оседлых хомолюпусов.

Так их стали звать в отличие от хомолюпусов диких, внесловных, гражданства лишенных, а посему доступных к облавам и гонам по лицензии Департамента Ловитвы.

Лет через десять, при Эдварде II, оседлые хомолюпусы добились почетного права службы в армии, а кое-кто из «волчьих князей» получил дворянство. Например, Лекса Мануш, под Вернской цитаделью возглавлявший «эскадрон смерти», сформированный из соплеменников Мануша. Сей заградотряд больше двух часов удерживал прорыв «оловянных солдатиков», пока капитан Штернблад не пробился сквозь ряды мертвецов-гвардейцев, которые не погибали и не сдавались, и не зарубил собственоручно мага-ренегата Юшика Бренбоу. Мерзавец даже за миг до гибели продолжал лить олово в формочки и слать големов в бой.

Капитана его величество лично расцеловали в обе щеки, а Лекса обрел грамоту на дворянство и заветный постфикс «эск», то есть эскавайр.

— Что ж ты от собак шарахаешься, Кош Малой? Не стыдно?

Детина потупился. Дернул ожерелье, чуть не разорвал.

— Стыдно... — На щеках оборотня вспыхнул густо-свекольный румянец. — Шибко стыдно, светлость. Да в семье не без урода. Я вот он и есть, урод...

— Ладно, пошли, раз наши ждут. Заболтались мы с тобой...

Барон сунул заветный листок за обшлаг рукава. Теперь, при наличии письма — кто бы его ни подбросил, друг или враг, — можно было спокойно «вписываться» в компанию съехавшихся родичей.

Свой среди своих.

Вышагивая по коридору и гордо неся доверенный ему канделябр, чудной хомолюпус Кош внезапно хлопнул себя рукой по лбу. К счастью, не той рукой, в которой был подсвечник, иначе жди беды.

— О! Башка дырявая! Спасибо тебе, светлость, забыл сказать!

— За что? — не понял барон. — За спасение от злой собаки?

— Не-а! Собака эта гадская, она сама ушла... С хорошим человеком ты меня познакомил! Меня мамка учила: кто тебя, Кошик

ты мой, умница, с хорошим человеком сведет, ты тому в ножки кланяйся! Хороший человек лучше мешка золота!

В душу обер-квизитора закралось страшное подозрение.

— И кто же этот хороший человек?

— Стряпчий! Такие штуки рассказывает — обалдеть! Про молочницу одну... как ее?... А-а, Колодзябчик!.. Хо-хо-хо, смешно...

Пол под ногами закачался. Гадюка-стряпчий бросил ядовитое семя в благодатную землю. Урожай драконьих клыков не заставил себя ждать.

— Стряпчий сказал: померла она на днях, молочница...

«Хвала Вечному Страннику!» — едва не подвел итог фон Шмуц, меньше всего желая повторения истории о многородящей молочнице Колодзябчик.

— А на похоронах, значит, возьми покойница и восстань из гроба. Хо-хо-хо! Ее зарывают, а она встает. Потеха! Народишко врассыпную, кто посмелее, осину на колья рубит... Ничего, обошлось. Она не мертвенькая была, Колодзябчик. — Детина выговаривал фамилию треклятой молочницы со вкусом, по-детски присвистывая на середине. — Спала она, и всех дел!

Канделябром он размахивал в такт рассказу, нисколько не заботясь о горячем воске, брызжущем со свеч. С картин, развешанных по стенам, на Коша угрюмо любовались всяческие черные силы, с оружием в руках отстаивая идеалы Абсолютного Зла. Видимо, чуяли родственную душу.

— У ней эта была... литра... лепра... литургия, во!

— Летаргия, — поправил барон. — Долгий сон, похожий на смерть.

— Точно! Очухалась баба, и домой! А дома муж пьяница, на похороны не пошел... Женка на порог, а он, дурила, женку не узнает! Забыл! Как звать, не помнит, сколько лет, не помнит... И про детей забыл, которых она ему, пьянчуге, нарожала. Старший сын батьке в рожу двинул — нет, все равно не помнит. Вконец ум пропил. Стряпчий сказал: не к добру это. Жди, значит, конца света.

Детина напрягся, пустил ветры и с печалью развел руками.

Барон еле-еле успел увернуться от канделябра.

— Светлость, ты когда увидишь стряпчего, ты спроси, ладно? Пусть он тебе тоже расскажет.

— Непременно, братец! — согласился Конрад.

И вошел в каминную залу за Кошем Малым.

* * *

— Как вы и просили, барон, мы осмотрели вещи. Ключи на столике у входа. Апартаменты мы, разумеется, заперли.

— Ценю вашу помощь!

Конрад поклонился и легким движением переправил ключи со столика в собственный карман. Заодно оценил предусмотрительность графа: Ривердейл уселся в самое массивное кресло на безопасном удалении ото всех бьющихся предметов, имевшихся в зале.

— С любезным Кошем вы, барон, как я понимаю, уже знакомы? Остался еще один — и мы будем в полном сборе. Не подскажите, как звали шестого квестора?

— Санчес Панчоха. Думаю, граф, шестого родича мы не дождемся.

— Почему?

— Я навел ряд справок. Санчес Панчоха — вор. Если угодно, вор-идеалист. Отец неизвестен, теперешнее местонахождение матери — тоже. Честно говоря, вряд ли сюда явится кто-нибудь из лидеров Синдиката Маландринов. В этой среде особые представления о чести и взаимовыручке. Особенно — в отношении идеалистов.

— Ваши напитки, господа!

В зале объявился Амадей Вольфганг Трепчик с подносом в руках. Хозяин ловко балансировал заказом — кружка пива с пенной шапкой, оловянный кубок, над которым курился парок, но само содержимое оставалось загадкой, узкий стеклянный бокал с красным вином, и еще один бокал, приземистый и пузатый, с жидкостью янтарного цвета.

Конрад с первого взгляда опознал золотой ром.

Не дожидаясь, пока хозяин разнесет напитки, Кош Малой кинулся навстречу, ухватил кружку с пивом и блаженно приник к ней. Над верхней губой детины образовались замечательные «усы» из пены.

— А мне, значит, неуважение? Стилое питье приволок?! — злобно скрипнула из угла Аглая Вертенна. — Велела стоеросу: горячее подавай! Так нет же: стилое тащит! Формидонт те навстречу и крысий хвост в печенку!

Ругаясь, старуха жестикулировала странным образом. Левой рукой она кругами поглаживала себя по животу, а правой — стучала по подлокотнику кресла. Ритм получался рваный, слож-

ный, вызывающий раздражение. Зато круги выходили плавные и успокаивающие. Барон вздрогнул и отвернулся. Несмотря на долгие годы службы, он не уставал поражаться беспричинной вредности человеческой. Не пробуя, увериться, что хозяин несет «стывое»? Когда из кубка явственно идет пар?!

Природная склонность причин не ищет.

— Виноват, сударыня! Сей момент вскипятим! И корички, розмаринчику... А вы чего изволите, ваша светлость?

— Ром «Претиозо». Доставленный сюда моим камердинером.

— Как и его сиятельству, — с удовлетворением кивнул Трепчик.

И, поймав удивленный взгляд барона, пояснил:

— У меня, ваша светлость, и без чужих камердинеров погреба битком набиты. Могли бы и не беспокоиться зря...

Раздав напитки, он выкатился из залы с одиноким старухиным кубком на подносе.

— Итак, дамы и господа, приступим. Прошу вас, граф.

Ривердейл задумчиво огладил бородку, собираясь с мыслями.

— Знаете, барон, ничего особо примечательного в вещах внука я не обнаружил. Кроме одного пустяка. Два клинка, палаш и дага показались мне... как бы это точнее выразиться?.. Поверьте, Джеймс чудесно разбирается в оружии. А эти клинки... флорингеннская сталь, участки несошлифованной окалины... узор «криптомерия»... Могу лишь предположить, что внук изрядно поиздержался на пути Добра, если решился приобрести подобное... э-э-э... оружие. Ох, простите, хозяин принес слишком полный бокал!

— Благодарю вас. Мистрис Форзац? Вы ничего не хотите сказать?

Брюнетка словно очнулась. Отсутствующее выражение на миг покинуло ее красивое, но малоподвижное лицо.

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

И мистрис Форзац опять потеряла всякий интерес к происходящему.

— Благодарю вас. Отрицательный результат — тоже результат.

Конрад старательно хранил вежливую невозмутимость. Хотя беседа с этой дамой — удовольствие из сомнительных. А обращаться к старухе и вовсе не хотелось. Увы, жизнь соткана не из одних радостей.

— Что скажете вы, сударыня?

— Что скажу, что скажу!.. Нельзя перед походом новые покупать. Примета дурная. Говорила Лайзочке! — Старуха всхлипнула басом. — Ненадеванное у ней все, вот что я вам скажу!..

Барон не считал себя знатоком женских туалетов, но отличить новую вещь от ношенной был в состоянии. Он хорошо помнил, что в гардеробе Лайзы Вертенны имелись отнюдь не только новые вещи. Тем не менее уличать Аглаю Вертенну во лжи, случайной или намеренной, раздумал. Во избежание скандала.

— Примите мои благодарности. За добровольную помощь следствию.

— А я?!

Про рыжего детину Конрад, признаться, успел забыть — и, как выяснилось, напрасно.

— Слышь, светлость... А как же я?! Я помочь хочу! А вдруг из Агнешкиных тряпок чего поперли? Я глазастый! Ты не молчи, светлость, а? Ты ключ давай...

Обиженный хомолупус вышел на охоту. Теперь не отстанет. Порывшись в кармане, барон отыскал нужный ключ и швырнул его Кошу.

— Белая сторона, шестой номер. Дверь не перепутай, глазастый!

Следующие пять минут они провели в молчании.

Это время обер-квизитор потратил, размышляя о письме, спрятанном за обшлагом рукава. Получалось, что в отсутствие барона кто-то проник в его покои и оставил там письмо. Замки, как Конрад успел убедиться, в гостинице хлипкие. Впрочем, неизвестный мог и через окошко взлезть. Осведомленность доброжелателя потрясала:

«...опрометчиво вступил в пресловутый Орден Рыцарей Зари, встав на путь трагической гибели. Однако Вам, как близкому родственнику погибшего...»

Таинственный гость знал, что квесторы погибли. Не ранены, похищены, пропали без вести — погибли. Если исключить версию, что письмо подброшено сообщником ночных злоумышленников, что остается? Автор письма был в курсе содержимого шара-обсервера. Значит, маг. *«...С шара снята копия; определить личность снимавшего доступными мне методами не представляется возможным»*. Хотя... Он мог получить закрытые сведения и

другим, более прозаическим способом. От информированных лиц. От вигиллы или от высокопоставленных особ, проводящих досуг в термах прокуратора Цимбала.

Смутная тень незнакомца возникла в воображении. Мягким, кошачьим шагом прошла из угла в угол, заложив руки за спину.

Месроп Сэркис, председатель Тихого Трибунала?

Тень попыталась слиться с фигурой голого толстяка, сидящего на бортике бассейна. Получилось плохо, чтобы не сказать — никак.

Вильгельм Цимбал?

Результат совмещения снова не удовлетворил.

Его величество?

Тень поспешила ретироваться, забившись в чулан сознания.

Гувальд Мотлох? Рудольф Штернблад? Генриэтта?

Тень молча пряталась в чулане.

Кто ты, доброжелатель, умеющий снимать копии с магических шаров и считывать остаточные эманации ауры? Хозяин гостиной? Любвеобильная повариха? Стряпчий? Кто-то из соседей? Из приехавших родичей? Мистрис Мария Форзац?.. Нет, мать Кристофера приехала позже... Один из уличных крысюков?

Маска, откройся!

Ты рядом. За спиной.

Я чувствую твоё дыхание.

* * *

И вдруг, судари мои, как и положено в балладах, случилась катавасия.

Слово «катавасия» означает на древнемалабрийском: «схождение». Если угодно, символическое схождение Запада и Востока, которым в остальных случаях не сойтись никак. На вечерних службах в храмах Вечного Странника так назывался припев, исполняемый двумя хорами одновременно. Трубадуры на турнирах, в свою очередь, не брезговали катавасией, разворачивая припевы в многолосье. А поскольку в самой чудесной компании один бездарен, другой не в голосе, третьему дракон на ухо наступил, четвертый пьян, как сапожник, пятый задумался о бабах...

Вот и творилась катавасия.

Оратория не впопад.

«Приют героев» был зданием солидным, а Черная зала — далека от места развернувшихся событий. В смысле идеалов можно

сказать: абсолютно далека. Но голос первого солиста, пронзительный фальцет, вступив мощным крещендо со второго этажа Белой половины, барон узнал безошибочно.

— Откройте! Немедленно откройте! Грабеж среди бела дня, статья... параграф!..

Стряпчий Тэрц стоял на посту.

Второй голос, утробный бас, подхвативший вступление Тэрца, опознать не удалось.

— И-э-э-эх! Х-хы-ы!

Зато он прозвучал в сопровождении оркестра: грохот и треск. По аранжировке увертюры оставалось предположить, что в финале хозяину отеля придется оплатить починку лишней двери. Кстати, вот и наш друг: стенания Трепчика-младшего пошли из холла по коридорам и лестницам мощной волной скорбного vibrato.

Трепчик дал отмашку целому хору певчих, только и ждавших команды:

— Держи!

— Держи вора!

Судя по нижним регистрам, располагался хор в противоположной, Белой зале. Яркая, экспрессивная секста в минорной гармонии, зазвучав одновременно с квинтовым тоном двери, выломанной вместе с косяком и притолокой, взвихрила острый диссонанс. Так в трагедии «Заря» открывается знаменитая «фанфара ужаса», контрастно предвосхищая будущую тему радости.

Позднее Конрад не раз задумывался: действительно ли он все это услышал, в мелочах и подробностях, или только уловил общую тональность чуткой квизиторской душой? А сейчас он просто кинулся прочь из Черной залы, сопровождаемый дополнительным дуэтом стариков, и понесся, помчался...

Думаете, на второй этаж? В эпицентр катавасии?!

Неверно думаете.

Вылетев из парадного входа на улицу, барон побежал вдоль светлой половины «Приюта», огибая здание, к IV тупику, куда выходили окна квесторских покоев. Интуиция мчалась рядом, одобрительно кивая. Интуиция знала: бежать надо не туда, где ломают, а туда, где бьют.

Она оказалась крутом права.

— Бей ворюгу! Ишь, зараза...

— Под дых ему!

— До печенок!

— Н-на!

Трудовая артель мастеров, ремонтирующих Белую залу, прыгала в окно, сведя на нет усилия многих часов работы. Теперь они, сгрудившись в тупике, дружно мутузили пойманного сударя. Видимо, за время ремонта насквозь проникшись идеалами добра, мастера только и ждали возможности воплотить их в жизнь.

Пойманный сударь был одет ремесленником, соблюдая запрет на брыжи, буфы и перья; даже фартук на нем оказался таким же, как и на большинстве трудяг. Сей факт лишь удваивал возмездие.

— Оборотень!

— Честных людей позорить?

— Честных людей грабить?

— Н-на!

— Пр-р-рекратить! Бдительный Приказ! Отставить самосуд!

Тяжко дыша, мстители расступились, дав барону пройти к задержанному. Все было ясней ясного. Прикинувшись работником, мерзавец приставил к стене стремянку и втихую забрался в открытое окно. Конрад задрал голову: к Герману лез, скотина! Сташил на пол покрывало, накидал вещичек... «Стратегемы» и те взял, позарился на дорогой переплет. А как спугнули, так и сиганул с добычей через подоконник. Ишь, вцепился в узел: не отодрать. Чуть до смерти не забили, впору молиться, о блаженном пристанище! — нет, молчит и держит мертвой хваткой...

Книга племянника, выпавшая из узла и растоптанная башмаками, окончательно лишила барона хладнокровия.

— Встать! Встать, мерзавец!

— Не могу, — угрюмо буркнул мерзавец. — Ногу сломал. Шиш бы эти, сервы драные, меня догнали, когда б не нога...

Вор поднял разбитое лицо, и Конрад узнал негодяя.

— Теофиль Стомачек? Он же Гвоздила, он же этот... как тебя?.. Беглец-нелегал из Бадандена!

— А то забыл? — Из-за выбитых зубов вор шепелявил. — Фартит тебе, хорт... Ничё, даст Нижняя Мамка, сочтемся...

Из окна ограбленных покоев высунулась сладкая парочка: стряпчий Тэрц и Кош Малой.

— Светлость! Вели хозяину не браниться! Ну, за дверь...

— Я вас предупреждал, ваша светлость! Не к добру!..

— Я злодея ловил! Он заперся, а я ловил... ну и дверь, значит...

— Помяните мое слово!

Глядя на раскрасневшуюся, полную охотничьего азарта физиономию Фернана Тэрца, барон вспомнил дурацкий рассказ стряпчего: «...Ворюге в Бадандене руку публично рубили... А рука возьми и вырасти заново через неделю. У ворюги тень особая была!.. С четырьмя руками, про запас...» Чувствуя себя деревянным болваном, Конрад внимательно посмотрел на вора-неудачника. Солнце светило ярко, тень беглеца-нелегала горбилась у ног, стараясь помочь, не дать отнять узел с добычей...

Овал Небес!

Обер-квизитор решил, что зрение играет с ним глупые шутки.

У тени вора было три руки.

Облачко набежало на диск светила. Барон моргнул и обнаружил, что тень превратилась в бесформенное пятно.словно неизвестный доброжелатель, желая сохранить рассудок Конрада в добром здравии, смял тень в кулаке, будто комок мягкой глины.

— Пошлите за ликторами. — Усталость одолевала, но надо было держаться. — И проследите, чтоб злодей не сбежал. Нет, бить больше не надо... хватит с него...

* * *

Мальчишка-служба, посланный в ликторат, вернулся быстро. Ликтор-курьер встретился ему в четырех кварталах от гостиницы, а уличный патруль — возле рыбной лавки «Тридцать три пескаря». Стражники любезничали с пухлой торговкой карпами и угрями. Конрад передал задержанного в цепкие руки правосудия, правосудие уложило вора на носилки, собранные из двух алебард и одного плаща, и унесло в кутузку.

Правосудие не отбрасывало странных теней, и с количеством рук у него все было в лучшем виде.

Временное недоразумение вышло с оформлением задержания. Записав краткие показания свидетелей, барон вдруг обнаружил, что не в состоянии вспомнить имя вора. Вылетело из памяти шустрым воробышком. Чик-чирик... Теофрад... э-э... Тофиль Сточек, он же Михель Ловчила... нет, как-то иначе... чик... чирик... Спасение графа ле Бреттэн, битва под фонарем — воспоминания начали мерцать, обнаруживая провалы, белые пятна... Грабителей было двое: крысюк и Сыка Пайдар... Нет, трое!

Конечно, трое! Вот этот сукин сын и был с ними, Трюфель Гнездила, он же...

Это от утомления. Бывает.

— Вам пакет из канцелярии Приказа, ваша светлость!

— Давай сюда. — Барон шагнул к ликтору, заранее зная, что скрывается в принесенном пакете. Внезапно память опомнилась, воробышек вернулся, шустро взявшись клевать крошку за крошкой. — Проклятье! Теофиль Стомачек, он же Гвоздила, он же Михаль Ловчик из Бадандена! Вспомнил!

Ликтор, заискивающе улыбаясь, кивал обер-квизитору.

Дескать, вспомнили, вспомнили, чего кричать-то?..

А Конрад не мог отделаться от ощущения, что за углом, куда уволокли Гвоздилу, прячется трехрукая тень — и крутит, хохоча, целых шесть кукишей.

Вернувшись в залу, он схватил бокал рома, заблаговременно принесенный хозяином. Залпом выпил крепкий, отдающий ванилью «Претиозо»; упав в кресло, попытался расслабиться. На счастье барона, внимание честной компании занял Кош Малой: детина хвастался своей выдающейся ролью в поимке злоумышленника. Вынесенная дверь покоев в его изложении превращалась в ворота вражьей крепости, а стряпчий Фернан Тэрц, первым услышавший подозрительный шорох, — в трубача, который поднял спящий гарнизон на битву.

Граф восхищался, старуха Вертенна саркастически хмыкала, мистрис Форзац молчала.

— А я!.. Флакон под мышку, и айда воевать!.. — в сотый раз начал Кош, но спохватился: — Светлость! Слышь, светлость! Я нашел! Нашел!

Светясь от гордости, он водрузил на столик флакон с перламутровой жидкостью.

— Вот! Нерожуха!

Вежливый граф сделал вид, что ничего не заметил. Карга хрипло расхохоталась. На каменном лице дамы возник слабый насмешливый интерес.

— Вижу, — вздохнул Конрад. — Ну и что?

— Ну и то! Какого рожна сестренке эту пакость таскать?

— Сударыня Вертенна, или вы, мистрис... Не соблаговолите ли разъяснить сударю Малому, зачем совершеннолетние гуртовщицы таскают с собой некоторые снадобья?

— Ну, ты, светлость, совсем меня за щенка держишь! — оби-

делся Кош. — Небось знаю, как бабы чрево травят, не маленький! Ты мне другое скажи: Агнешке-то зачем всякая дрянь сдалась?!

«Похотлива, но без последствий», — вспомнил барон характеристику гуртовщика Енца Хромого.

— Я не хотел бы обсуждать добродетели вашей семьи, сударь... Особенно в присутствии дам. Но полагаю, ваша сестра, ведя достаточно свободный образ жизни, таким образом... Вы меня понимаете?

— Не-а, светлость. Не понимаю. Агнешка из хомолюпусов, у ней течка. Раз в год, зимой. Течет и пахнет до двух недель. — Детина нисколько не смущался, излагая пикантные подробности, словно говорил об устройстве простенькой игрушки. — Во время течки сеструха кобелей на дух не подпускает. Горло порвет! Венке Ряпику, помнится, штёр откусила... А в остальное время ей не зачать! Вот и говорю: нерожуха Агнешке — как стене яйца...

— Молодой человек прав, — вмешался Эрнест Ривердейл. — Очевидная странность.

— Спасибо, сударь, — со всей искренностью сказал Конрад. — За ценные сведения. Я полагал, что знаю про оборотней достаточно, но оказалось... Без вас, клянусь Добряком Сусуном, в жизни бы не догадался.

Детина расплылся в смущенной улыбке.

— Да мы что... мы всегда... понадобится, только кликните...

Глядя на рыжего, барон напомнил себе, что жемчужина прячется в склизкой плоти моллюска. Что урок можно получить от случайного прохожего. Что философы древности во многом правы... В чем именно правы философы древности, он размышлять не стал, целиком сосредоточась на трех китах сегодняшнего осмотра.

У квестора Джеймса Ривердейла слишком дешевое оружие.

У квестора Лайзы Вертенны слишком новый гардероб.

У квестора Агнешки Малой слишком бесполезные снадобья.

Где-то рядом вертелся четвертый кит, вопреки традиционной космологии. Конрад откинулся на спинку кресла, позволяя мыслям течь свободно. Трехрукая тень, мастера бьют вора... под ногами валяются «Стратегемы» Германа... «Стратегемы», «Нечто из ничего» и «Рецепт случайной победы»... если память в очередной раз не подводит, это учебные пособия бакалавратуры факультета фунстрата... На водах в Литтерне племянник в перерывах между легкими флиртами бранился, что издания давно устарели, что в

свете последних достижений стратегии... племянник, стратег-универсал с высшим образованием... магистратуру окончил с отличием...

Четвертый кит выгнул спину и ударил хвостом.

У квестора Германа слишком старые книги.

Оставалось ждать, не торопя событий, пока на четверке удивительных китов образуется твердь понимания.

— И чего теперь делать станем?

— Думаю, Бдительный Приказ принял меры для отыскания пропавших. — Особой уверенности в голосе графа не чувствовалось. — Я прав, барон?

Конрад скрипнул зубами. Они не знают. Они надеются. Роль дурного вестника — из проигрышных, после которой не уйти под аплодисменты. Сейчас пришлось бы кстати второй бокал рому, однако подлец-хозяин куда-то запропастился.

Обер-квизитор встал. Громко хрустнул пальцами, собираясь с духом. Прошелся по зале, остановился возле камина.

— Я не вправе разглашать служебные сведения. Но... С приговором должен сообщить... Короче, лично я не рассчитывал бы увидеть наших близких живыми.

— Вы... вы уверены?!

Лицо графа побледнело, румянец сбежал со щек. Кожа натянулась, заостряя скулы. Такого Ривердейла барон еще не видел. Даже в переулке, где старика грабили и оскорбляли.

В углу тихо плакала Аглая Вертенна.

— Убили?! — хрипло выдохнул Кош Малой, подавшись вперед. — Убили сеструху?!

Ожерелье на шее дитины лопнуло от рывка, камешки и раковины заскакали по полу.

Барон молчал. Он не мог оторвать взгляда от графа. Казалось, старика вот-вот хватит удар. Или начнется приступ падучей. На лбу выступили бисеринки пота, левое веко подергивалось, тело сотрясала мелкая дрожь. Однако Ривердейл справился. Создалось странное впечатление, что падучая действительно имела место, но граф подавил начинающийся приступ неимоверным усилием воли. Слышать о подобном умении барону не доводилось.

— Деточек наших убивать? Ни за что ни про что? Нет, не прощу...

Старуха перестала плакать. Единственный глаз Аглаи Вертен-

ны буравил собравшихся, стараясь достать до нутра, до сердцевины.

— Сами найдем!

— Из-под земли достанем. И в землю закопаем.

— Я с вами.

Это все, что сказала Мария Форзац.

— А ты, светлость?

— Как же, светлость, один наш свет в окошке... — буркнула злобная карга. — Мы с края света, выходит, едем, торопимся, а здесь такая шишка при исполнении... И ехать никуда не надо. Нет чтоб предупредить деток, осадить, образумить... светоч дражный...

— Любезный Кош, дорогая Аглая, оставьте барона в покое. Он находится в двойственном положении. С одной стороны, его постигло несчастье, как и нас всех. С другой — он сотрудник Бдительного Приказа при исполнении. Независимо от личных симпатий он обязан расценить наши самостоятельные действия как противозаконные. И принять соответствующие меры. Я прав, барон?

— Не совсем, граф. Вы были бы правы, если б не одно важное обстоятельство. Позвольте, я зачитаю вслух...

Конрад взял доставленный ликтором пакет и сломал печать.

* * *

«Приказ № 352/4

В связи с фактом близкого родства обер-квизитора первого ранга Конрада фон Шмуца с пропавшим без вести Германом, рыцарем Ордена Утренней Зари, приказываю:

Отстранить обер-квизитора первого ранга Конрада фон Шмуца от дознания по делу № 572/90 и отправить в оплачиваемый отпуск до востребования.

Вильгельм Цимбал, прокуратор Бдительного Приказа».

Барон выдержал короткую паузу.

— Находясь в отпуске и отстраненный от дознания, в частном порядке, учитывая важность полученного всеми нами письма... — Конрад извлек из-за обшлага недочитанное послание и помахал им в воздухе.

— Так ты с нами, светлость?! Ну, тогда мы их, гадюк, точно... Нашла! Она меня нашла! Выследила! Светлость, спасай! Сожрет!

Едва не снеся барона с ног, детина опрометью ломанулся к камину и попытался забиться внутрь. К счастью, камин не топился, иначе не миновать беды. В дверях Черной залы, склонив лобастую голову набок, наблюдал за происходящим складчатый пес Марии Форзац.

Псу было скучно.

— Лю, место! Не бойтесь, он вас не тронет. Вы, надеюсь, не некроб?

Слово «некроб» смутило рыжего. Обер-квизитора — тоже. Однако переспрашивать никто не стал. Пока пес чинно шествовал к креслу хозяйки, демонстрируя полное безразличие к окружающим, Кош старательно вжимался в камин, согнувшись в три погибели. Сам же барон на минуту словно выпал из происходящего. Виной помрачению рассудка явилось злополучное письмо.

Последние строки, которые обер-квизитору лишь сейчас удалось прочесть.

«...Довожу до Вашего сведения, что Ваш племянник вместе с другими квесторами сезона был замечен в тайных встречах с членами Высшего Совета Некромантов небезызвестного Чуриха. Думается, сие обстоятельство Вам надлежит знать.

С заверениями в глубочайшем к Вам почтении,

Некто».

Стройная версия о Черном Аспиде, чересчур притком и не обремененном излишним уважением к «Пакту о нейтралитете», рассыпалась на глазах, как Башня Тайнств под напором заклинаний Просперо Кольрауна. Но обломки уже шевелились, отращивали юркие ножки и бежали друг к другу, складываясь в мозаику версии новой — где находилось место и приткому Аспиду, и некромантам Чуриха, и порочащим связям квесторов...

— Доброго... утра? Дня? Мне хозяй... говорить: мне идти на вы. Сюда. Да?

В дверь бочком протиснулся незнакомый субъект, одетый под стать обстановке: во все черное, от мягких башмаков до широкополой шляпы. Реттийский язык был для гостя явно не родным. Конрад машинально принялся составлять словесный портрет: лицо одутловатое, ручки пухлые, глазки бегают. Вислые седые усы контрастируют с густыми темными бровищами, сросшимися над

переносицей в одну линию. Мешковатый плащ-балахон скрывает телосложение. Возраст...

Под шестьдесят?

Старше?!

Тем временем иноземец в черном по стеночке, по стеночке, как паук, шустро отбежал в дальний угол залы. Где посрамил Коша, ухитрившись забиться в щель между камином и шкафчиком с посудой. Двигался гость так, будто ему жали ботинки, вынуждая мелко-мелко семенить. Создавалось впечатление, что он боится оторваться от стены. Когда он втиснулся в свое новое убежище, ладонь правой руки незнакомца, вцепившись в каминный барельеф, киселем растеклась по лепнине, заполняя собой малейшее углубление.

— Не соблаговолите ли представиться? — быть может, излишне резко обратился Конрад к пришельцу.

— Да, да, я... представлять! Икер Панчоха-Тирулега есть, двойной... двойной юрод... двойной юрод-дед... дедушок маленький шалун Санчес!

— Двоюродный дедушка Санчеса Панчохи?

— Да, да! Правильно есть! — радостно закивал из угла шестой родич.

Теперь все были в сборе.

ДЭН ШОРИН

Амулет

Среди шума и суеты восточного базара этот молодой торговец, безусловно, был белой вороной. Он молча сидел на мягких подушках и отрешенно смотрел в небо. Сошедшие зазывалы благополучно уводили у него клиентов, но торговец словно не замечал этого. Казалось, он думает о чем-то возвышенном, недоступном простому обывателю. Я машинально отмахнулся от назойливого паренька, предлагавшего какую-то бижутерию, и подошел к заинтересовавшему меня торговцу. Перед ним аккуратно были разложены магические жезлы. Или, по крайней мере, то, что он хотел выдать за магические жезлы.

— Что продаешь? — лениво спросил я.

— Магические жезлы, амулеты, талисманы, — безучастно ответил торговец.

— Лэп хааромс кэр?¹ — спросил я. Торговец магической утварью, который не знает ланийского, наверняка мошенник.

— Лэрс хааромс кэр!² — невозмутимо поправил меня торговец.

То, что он владел ланийским, еще ничего не значило. Сейчас такое время, что сотни проходимцев владеют ланийским, не то что в древности, когда знание этого языка было уделом избранных. Однако этот торговец меня уже заинтересовал. Истинные магические жезлы встречаются не так уж и часто, чтобы просто пройти мимо.

— Расскажи мне о них, — попросил я.

¹ Настоящие магические жезлы? (*ланийск.*)

² Истинные магические жезлы! (*ланийск.*)

— Вот этот жезл принадлежал великому магу многомирья Лерику. В тот день, когда он пошёл на предвечного дракона, он взял его с собой. Дракон убил Лерика, но сам был настолько измотан, что стал легкой добычей рыцаря поднебесья Мирера. Жезл же упал в пропасть, где его и нашёл много лет спустя гном Патрик.

— Насколько я знаю, — поправил я торговца, — в этой битве жезл Лерика был сломан у самой рукояти.

— Патрик починил его в подземельях гномов.

— Даже гномы не способны второй раз вдохнуть жизнь в артефакты такой силы. Хлынувшая из разлома энергия уничтожит всякого, кто решит применить этот жезл в бою.

— Несомненно, господин. — Во взгляде торговца появились уважение и заинтересованность. — Я продаю этот жезл не как боевое оружие, а как сувенир.

— И у тебя повернулся язык назвать этот жезл истинным?

— Жезл, при помощи которого был сокрушен предвечный дракон, является истинным, даже если после этого он не сможет вобрать в себя ни искры магии. — Я услышал стальные нотки в голосе торговца.

— Хорошо, расскажи мне про боевые истинные жезлы.

— Обратите внимание вот на этот жезл. Он был создан в значительную эпоху мастерами Бронзового ордена и закален в башне Халиира. Именно этот жезл согласно пророчеству сможет сокрушить великого Посейдонуса в последнее время.

— А до последнего времени этот жезл просто деревяшка, обитая кусками бронзы. Жизнь в него вдохнет извержение потухшего вулкана Куарро, которое произойдет в тот момент, когда Посейдонус будет в зените славы. И по самым грубым прикидкам до этого времени еще не меньше пяти миллионов лет.

— Господин знает все! — уважительно произнес торговец.

— У меня был хороший учитель, — невозмутимо ответил я.

— Несомненно, господин, — улыбнулся торговец. — Еще у меня есть амулет силы воли. Его владелец в бою способен творить чудеса храбрости.

— Слышал о таком. Насколько я припоминаю, с каждым чудом храбрости он тяжелеет, и так до тех пор, пока своим весом не опрокинет владельца на землю. До сих пор не нашлось ни одного героя, отважившегося взять его в серьезную битву. — Я поморщился. — Есть ли у тебя хоть что-нибудь, что не имеет теневых сторон?

— Каждая вещь имеет свою теневую сторону. Даже Луна, ночное светило, призванное разгонять мрак в темное время суток, иногда бросает на нас свою тень. И тогда случается затмение Солнца. У каждой вещи есть свои недостатки; суть могущества заключается в том, чтобы они с лихвой перекрывались нашими достоинствами, господин.

— Ерунду говоришь, торговец! Даже дети знают, что во время затмения великий черный дракон Алибу пытается съесть солнце. Но оно обжигает ему желудок, и дракон выплевывает солнце, чтобы проглотить его в следующий раз. У великих астрологов есть специальные таблицы, по которым они вычисляют, как скоро у Алибу заживет желудок.

— Как скажете, господин.

Вроде разумный человек, а сам как ребенок. Про какую-то тень от луны выдумал. Какая может быть тень у источника света? Только сейчас я осознал, что этот торговец вряд ли сможет предложить мне что-нибудь ценное. Я повернулся и медленным шагом направился дальше вдоль торгового ряда. А в мыслях зрело какое-то нехорошее чувство. Что я пропустил что-то важное. Очень важное.

Медленно, очень медленно я оглянулся назад и понял, что меня так беспокоило все это время.

Воры.

На всяком уважающем себя базаре тьма-тьмушая всяких воров и жуликов. А у торговца магическая атрибутика разложена слишком небрежно. Я не верю в альтруизм торговцев. А это означает одно. Существует какой-то вид магической защиты, которая оберегает эти самые жезлы от чужих рук. И, скорее всего, эта защита не активная, а пассивная. Какой-нибудь амулет или оберег.

Я развернулся и медленным шагом подошел к торговцу. Так и есть. На шее у него я заметил цепочку, уходящую под балахон.

— А это что у тебя за амулет? — спросил я требовательно.

Торговец машинально поправил воротник, пытаясь скрыть растерянность.

— Он господину без надобности.

— Почему? — Его наглость начинала меня раздражать. — Каковы свойства этого амулета?

— Это амулет удачи магического торговца. Но у него есть одна очень важная теневая сторона. Если у вас есть призвание, наде-

вать его не следует. Он разрушает призвание человека, господин. Если вы его наденете, то до конца жизни будете магическим торговцем.

Призвание. Каждый человек обладает им в той или иной мере. Я еще не встречал людей, не обладающих своим уникальным призванием. Другой вопрос, правду ли говорит торговец. Разрушение призвания — это высшая магия. Это вам не сглаз какой-нибудь, на который способна даже самая темная ведьма. Во всяком случае, ни один из ныне живущих магов на такое не способен.

— Я не верю в призвание! — заявил я. — И я хочу купить у тебя этот амулет. Сколько он стоит?

— Пятьсот два динара, господин.

Вот те на. Он думает, что за такую цену я не куплю действующий амулет. Я внимательно исследовал свой кошелек. Ровно пятьсот два динара. А амулет-то работает!

— Я покупаю его. — Я бросил кошелек торговцу и усмехнулся. — Держи!

Торговец как-то странно посмотрел на меня и неуверенно улыбнулся. Неловким движением он снял с шеи амулет и протянул мне. И расхохотался.

Подозрительная слабость вдруг охватила меня. В ту же минуту я понял, что никуда не смогу уйти отсюда, что мое призвание (нет, не призвание — предназначение) сидеть здесь и продавать эти магические жезлы, а вся предыдущая жизнь была лишь призраком ускользающего сновиденья.

— Спасибо тебе, олух, что сделал меня свободным! Двести лет я находился под проклятием амулета. Двести лет я был вынужден торчать здесь наедине с жезлами и самим собой. И вот я свободен! Мое призвание ушло к тебе. Свобода! Это слово обжигает легкие, как глоток свежего воздуха в высокогорье. Тебе не понять, что такое одиночество. Одиночество среди шумного многолюдного базара. О, нет, ты очень скоро это поймешь, я же забыл, что тебя теперь ждет! Поймешь и возненавидишь. Как говорят ланийцы — лэрс зир ааберилл!¹ Ты останешься сидеть здесь, когда время будет перерисовывать карту земли, определяя ход истории. Сидеть и ожидать того дня, когда такой же вот олух приобретет у тебя этот амулет, чтобы стать тобой. Чтобы обрести

¹Истинные желания недостижимы! (ланийск.)

твое проклятие, — проклятие амулета! Что ж, прощай, торговец. Надеюсь, мы больше не свидимся.

Бывший торговец магической атрибутикой широко улыбнулся и исчез в глубине базара. Я же задумался.

Предназначение. Нечто, что заставляет человека свернуть направо, когда он хочет идти налево. Что властвует над судьбой человека, заставляя его делать глупости. Маленькие, если предназначение маленькое, и глобальные, если предназначение большое, становящиеся для человека смыслом жизни. Разрушить предназначение очень сложно. Можно сказать, практически невозможно. Даже по стандартам нашего века, не говоря уже о возможностях двухвековой давности. Гораздо проще поменяться предназначениями. Одно время это было очень модно. Настолько модно, что увлечение поразило всю магическую элиту. Уходили короли и целые династии, а безумие смены предназначения все еще владело человечеством. Очень похоже, что амулет именно из тех времен. А это значит, что бывший торговец обрел мое предназначение...

Последние двести лет наука не стояла на месте. Появились новые предназначения, ранее неведомые. Фантазия магов безгранична. Именно поэтому в мир вернулся порядок. Кто же согласится принять чужое предназначение, если оно может оказаться бомбой замедленного действия? Например, предназначением императорского смертника. Или раба. Но незадачливый торговец очень скоро узнает, что то, на что он променял свое тихое место на базаре, гораздо хуже всего того, что мог бы придумать самый изворотливый чародей. Я уселся на подушки и мечтательно посмотрел на облака. Тяжелее всего не иметь своего места под солнцем, быть лишним в этом большом и жестоком мире. В один прекрасный миг торговец поймет, что у меня не было никакого предназначения. Но будет слишком поздно. А пока я был от души благодарен ему. Тому, кто вернул мне смысл жизни.

ЧЕСТЬ ВОИНА

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

Цена свободы

Кнофер хорохорился до последнего. Говорил, что у него есть влиятельные друзья и стражники во главе с комендантом будут ползать перед ним на коленях, вымаливая прощение. Мол, выпустят, никуда не денутся, а нет, так он живо научит скотов вежливости.

Обычная болтовня маленького человека. Быть может, у него и были могущественные покровители, но за те два дня, что я здесь находился, никто не вытащил старину Кнофера. Однако малый по-прежнему отказывался верить, что влип так же крепко, как и остальные. Так продолжалось до той поры, пока не заскрипела отворяемая решетка и в полутемный подвал не вошли вооруженные стражники.

— Подъем, висельники! Тошая вдова заждалась! — крикнул один из них.

Кнофер тут же рухнул на колени, завопив, что это ошибка, он не виноват, у него есть друзья, которые вот-вот вытащат его отсюда. Он рыдал, кашлял, размазывал по лицу сопли и слезы, а затем пополз в самый дальний угол. Встреча с Тошей вдовой не самое радостное событие в жизни.

— Вот и пришло наше времечко, — вздохнул Старый Ог.

— Что-то рано, — сказал я. — Обычно они так с утреча развлекаются.

— Хрен их поймешь. По мне, так закат ничуть не хуже рассвета.

— Не скажи, — подал голос здоровенный парень, имени которого я так и не удосужился узнать. — Могли бы пожить чуть-чуть дольше.

— А ну, заткнулись там! На выход, покойнички!

Спорить и сопротивляться себе дороже. Пятеро заключенных против двадцати хорошо вооруженных солдат не имеют шансов на успех.

Все, кроме Кнофера, вышли в тюремный коридор.

— Эй! — крикнул стражник. — Вылезай, крыса! Слышишь?!

Несчастный рыдал и выл, без остановки повторяя, что никто не имеет права так поступать с людьми, и они все очень-очень пожалеют. Командир отряда потерял терпение, и больше с упрямцем никто не церемонился. Его выволокли из камеры за ноги, врезав по ходу дела по зубам, чтобы перестал брыкаться.

Нам связали руки за спиной, стянув веревку так, что я поморщился.

— Двинулись! И без глупостей у меня!

— А как насчет последнего желания? — поинтересовался Старый Ог.

— Вот попадешь в Счастливые сады, там хоть обжелейся. Двинулись, я сказал!

Кнофер совсем ошалел от страха, и его пришлось тащить. Это обстоятельство настроения стражи не улучшило.

Мы прошли длинным коридором, дождались, пока отомкнут внешнюю решетку, затем поднялись по широкой лестнице на первый ярус тюрьмы. Еще один переход, мимо караулки, мрачных солдат с алебардами, множества чадающих факелов, и вот она, последняя дверь.

Тюремщик зазвенел ключами, отомкнул замок, и нас, шурящихся с не привычки от дневного света, вывели в небольшой тюремный двор. Здесь был помощник коменданта, чиновники из городского совета, лекарь, писец, служитель Мелота, ну и палач с двумя помощниками.

Стоящая в центре двора виселица, казалось, смотрела на нас. Впечатление она производила неприятное — два вкопанных в землю столба с перекладиной. И четыре петли. Четыре. Не пять. Кому-то из нас придется ожидать своей очереди.

Увидев Тошую вдову, Кнофер обделался, кто-то из солдат грязно выругался. Один из чиновников брезгливо поморщился.

— Пошевеливайтесь, покойнички. Вас уже заждались.

Стражник подтолкнул меня вперед. Вот и пожил, забери меня тьма. Я, сплунув, последовал за Старым Огом.

— Ты! Светловолосый! Стой. Чуч, Март, вначале этого. Пусть на веревке брыкается.

Кнофер попытался сопротивляться, но бедолагу быстренько утихомирили. Я смотрел, как его вместо меня ташат на виселицу. Не могу сказать, что очень уж сожалел, что уступил свое место другому. Скорее наоборот.

— Повезло тебе, парень, — один из стражников усмехнулся по-доброму.

Я пожал плечами.

— Неужели не рад?

— Чему радоваться? Я от нее все равно не убегу. Рано или поздно буду висеть со всеми.

— Что? Не боишься умирать? — спросил другой.

— Привык.

Я и вправду не боялся. Когда из года в год отправляешься на прогулку по Сандону, да еще и четырежды встречаешься с рыжими Высокоублюдками из Дома Бабочки, то быстро привыкаешь к тому, что Смерть стоит за левым плечом. Умирать, конечно же, не хочется, но вот бояться... Разучился, наверное.

Сейчас учиться заново поздно. Хотя можно умереть и не в петле. По крайней мере трое арбалетчиков не спускают с меня глаз. Бежать, а тем паче сопротивляться бесполезно, но вот вынудить их стрелять можно запросто. Я прикинул варианты и отказался от этого поступка. Болт в животе гораздо неприятнее петли на шее.

Между тем все было готово. Какой-то тип зачитал приговоры и обвинения, писец все прилежно занес в свитки, служитель Мелота прочитал короткую молитву. Стоявшие рядом со мной солдаты стали делать ставки, кто протанцует с Тошей вдовой больше других. Все считали, что Кнофер уж слишком крепко цепляется за жизнь — ему и выигрывать. Из рук в руки стали переходить сорены.

Помощник коменданта отдал приказ, и палач прошел вдоль виселицы, выбивая из-под ног приговоренных опору. К вящему разочарованию игроков, дольше всех за жизнь цеплялся Старый Ог. Я усмехнулся. Мысленно ставил именно на старика. Он был крепким малым, так что полностью оправдал возложенное на него доверие. Интересно, сколько мне отпустит петля до того момента, как придется умереть?

Казненные мирно покачивались на веревках, люди разговаривали между собой, помощник коменданта мило беседовал с жирдаем-горожанином, и я стал подумывать, что обо мне забыли. Но нет.

— Эй! Снимите крайнего, — распорядился командир. — У нас тут еще один висельник.

Помощники палача засуетились, пытаясь избавить петлю от тощей шеи Кнофера.

— Двигай.

Я мрачно посмотрел на стражника. Торопыга.

— Не вынуждай тащить тебя.

Я прошел половину дороги, когда через внешние ворота вбежал толстый запыхавшийся мужчина. Все присутствующие с удивлением воззрились на коменданта. У этого красномордого пожилого человека не было привычки бегать куда бы то ни было. Скорее наоборот.

— Слава Мелоту. Успел, — отдышавшись, сказал он и посмотрел на меня так, словно я был его самым лучшим другом.

До сегодняшнего дня я не верил в чудеса и благоволение богов. Тем сильнее было мое удивление, когда раздосадованные отменой казни стражники разрезали веревки у меня на руках и повели следом за спешащим комендантом. Я бросил последний взгляд на виселицу. Избежать знакомства с Тошей вдовой удалось самым счастливым образом. Весь вопрос — надолго ли?

Топая под конвоем, я не переставал думать о причинах отсрочки моей казни. Раньше ребята с расправой не слишком мешкали и в подробности преступлений не вдавались. Раз виновен, то вперед, в петлю. Или на рудники. В пограничных городках нет времени заниматься ерундой вроде выяснения причин того или иного убийства. Когда у тебя под боком Сандон, не до глупостей...

Что им могло от меня понадобиться?

Мы пересекли внешний тюремный двор, подошли к невысокому зданию. Комендант спешил так, словно от этого зависела его жизнь. Наконец он остановился перед дубовой дверью, поспешно распахнул ее.

— Милорд, тот человек, которого вы искали, здесь. Вам оставить охрану? Хорошо, если что, мы будем за дверью. Заходи!

В комнате находились двое. Первый был уже немолод, с густыми неопрятными усами и глубоко посаженными маленькими глазками. Лицо грубое, нос большой, но обращение «милорд», которым воспользовался комендант, заслуживало внимания. На этот раз со мной собирались говорить не имперские дознаватели. Большая шишка. Незнакомец восседал за столом и с мрач-

ным интересом изучал мою физиономию. От таких людей ничего хорошего не жди.

Второй, невысокий и всего лишь на несколько лет старше меня, сложив руки на груди, стоял у окна. Этого я знал. Как-никак пять лет провел под его началом. Эгрэн Туа, командир «Стрелков Майбурга». Точнее, мой бывший командир. В тот момент, когда я оказался за решеткой, меня сочли паршивой черной овцой и продали городским со всеми потрохами. В одно мгновение я стал чужим, точно и не было тех лет, боев и невзгод, что мы провели бок о бок.

Солдаты своих не бросают. Я рассмеюсь в лицо тому, кто скажет это в следующий раз. Быть может, в других местах как-то иначе, но среди «Стрелков Майбурга» и их вшивого капитанчика иные порядки. На мой взгляд, Эгрена не оправдывает даже то, что я действительно был виновен. Нельзя так выбрасывать тех, кто плечом к плечу отражал с тобой набег Дома Бабочки. Я вновь почувствовал злость на этого хоряка. С радостью бы двинул ему в зубы, но не уверен, что это сейчас разумный поступок.

— Это он? — спросил у Эгрена незнакомец.

— Да, милорд Ожон.

Усатый хмуро посмотрел на меня.

— Нет времени ходить вокруг да около. Я рассказываю, ты слушаешь. Потом говоришь, согласен или нет. Понятно?

— Понятно.

— Сегодня мы должны были подписать мирный договор с Высокородными. В самый последний момент, когда все уже было готово, одному из остроухих пробили шею стрелой. Эту неприятность... — он всем видом показал, что смерть эльфа неприятностью не считает. Тут я был полностью на его стороне, — удалось кое-как... сгладить. Мы не порубили друг друга в капусту, но все договоренности оказались под угрозой. Наместнику, а тем более Императору это не понравится. Эльфы в бешенстве, но у них нет прямых доказательств, что убийство совершили люди. По мне, так какой-то из Домов решил воспользоваться ситуацией и замутить воду. Не все лесное племя поддерживает идею мира с Империей. В общем, так. Стрелка не нашли. Ни мы, ни они. Судя по следам, он ушел на восток. В Сандон. Или взял южнее, к отрогам Самшитовых гор. Высокоблудные отправили в погоню несколько отрядов, но этого мало. Во-первых, мы опасаемся, что убийство все еще могут повесить на нас. Это значит новый этап

войны. Ты успеваешь за моими мыслями или говорить медленнее?

— Успеваю.

— Чудесно. Во-вторых, эльфы поставили условие, что мы должны проявить свои добрые намерения и помочь им в поимке преступника. Его следует взять живым и притащить назад, пред светлые очи Наместника и эльфийского дельбе. Теперь что касается тебя. Эгрэн говорит, ты отлично знаешь места, куда отправился стрелок.

— Я не единственный из гулявших по Сандону. — Было понятно, что мне предложат.

— Все, кто был, уже ушли с поисковыми отрядами.

— Простите, милорд, тогда я не понимаю, для чего вам понадобились мои услуги.

— К вечеру несколько... — он помедлил, — лиц пожелали принять участие в этом деле. Им потребовался опытный проводник. Ты — лучшее из худшего, что у нас есть. Других искать нет времени.

— Я не следопыт.

— Ты нужен как проводник. И только если беглец ушел в горы. Как я слышал, ты хорошо знаешь те места. Эльфы, хоть земля и принадлежит им, камней не любят.

Я насторожился.

— Только горы? Не Сандон?

— В своем лесу Высокородные в проводниках не нуждаются.

Все стало на свои места.

— Вы предлагаете мне стать проводником у этих ублюдков?!

— Я предлагаю тебе помочь нам или отправиться на встречу с Тощей вдовой. Уверяю, во второй раз она тебя так просто не отпустит.

Обратно в петлю мне не хотелось гораздо больше, чем в эльфийскую компанию. Все же остроухие не самая страшная цена за свободу.

— Если я соглашусь...

— Наместник собственноручно подпишет тебе освобождение с полным прощением. Вали на все четыре стороны. Хоть в Альсгару, хоть еще куда. Ну, так как?

— Согласен.

— Я не сомневался.

— Могу я задать несколько вопросов?

— Спросишь, когда прискачем на место. У нас очень мало времени. А твои будущие спутники терпением не отличаются.

На место мы прибыли за два часа до рассвета. Оба берега неширокой реки оказались усыпаны огоньками костров. Здесь собралось несколько тысяч воинов. Несмотря на ночь, никто и не думал спать, эльфы в сотне ярдов от лагеря — не самое лучшее снотворное. Если им придет в голову напасть, узкая полоска воды вряд ли станет серьезным препятствием. Временное перемирие может закончиться точно так же, как и началось, — в один момент. И это понимали даже самые непроходимые тупицы. Сон сейчас — недопустимая роскошь.

Мне оказали доверие и вернули лук, колчан с дужиной стрел и метательный топорик. Но отчего-то «забыли» убрать пяток арбалетчиков, постоянно дышавших в затылок. Они отвязались только после того, как мы дошли до шатра, раскинутого недалеко от моста. Здесь я и встретился с остроухими. К моему удивлению, их оказалось всего лишь двое, а не три десятка, как я опасался. Видать, не слишком многие из семьи спешат отомстить за гибель соплеменника. Или все желающие давно отправились в погоню, а эти замешкались. И тем самым спасли мне жизнь.

Один из них был из Дома Искр — черноволосый, с глазами цвета голубого топаза, как и у всех в его клане. Высокородный оказался на полголовы выше меня и гораздо шире в плечах. Спесивая морда, острые уши со множеством золотых серег. На шее у него красовался страшный шрам. Внушительный парень, голыми руками такого не возьмешь. Увидев его одежду, я нахмурился — зеленая куртка с бахромой, торчащая из-под нее рубаша чуть более темного цвета и точно такие же штаны. Форма Зеленого отряда. Я, по счастью, с этими ребятами никогда не сталкивался, но за годы службы наслушался о них предостаточно. Если такие друзья садились тебе на хвост где-нибудь в Сандоне, то уйти от них было практически невозможно. Это не говоря уже о том, что ублюдки никогда не считали нужным брать пленников.

Второй оказался невысоким и хрупким. Он был золотоволос и зеленоглаз. Гораздо старше, чем первый. Лицо изможденное, под глазами залегли тени, губы искусаны. Судя по всему, прошедшие сутки выдались для него нелегкими. В отличие от товарища этот был одет неброско, так что я не смог понять, какой Дом он представляет.

Сейчас оба эльфа, не обращая внимания на присутствующих в шатре людей, тихо переговаривались между собой, а мои соплеменники подчеркнуто «не замечали» присутствия чужаков. Думаю, и для тех и для других это было достаточно затруднительно.

Когда столько лет ненавидишь, пускаешь кровь, а потом вот так — бок о бок — находишься рядом с лютым врагом и не имеешь возможности схватиться за меч... Тяжело, непривычно и неуютно. Лично я видел столь мирных остроухих только в виде покойников. Все остальные представители лесного народа так или иначе пытались отправить меня в Счастливые сады.

Не скажу, что я ненавидел Выхокородных и воевал с ними за правое дело и Империю. Это не так. Поначалу мне, как и многим другим, платили, я выполнял свою работу и старался делать ее как можно лучше. Потом мне довелось увидеть деревню, в которую устроили молниеносный рейд мясники из Дома Бабочек. С тех пор кроме денег у меня появилась еще одна причина делать дело хорошо — осознание того, что если выпустить остроухих из лесов, то я нарвусь еще на одну мертвую деревню и следующие полгода мне снова будут сниться кошмары. Последние я не любил так же, как и эльфов. Поэтому старался уничтожить и тех и других. Так что сейчас, как только я увидел бывших врагов, рука сама собой потянулась к топорiku. От Выхокорого не укрылся мой жест, и он соизволил насмешливо прищуриться. Впрочем, спустя секунду его лицо вновь превратилось в ничего не выражавшую маску.

— Господа, — как видно, Ожону нелегко далось это слово, — я нашел для вас проводника.

Внимание обоих остроухих тут же оказалось направлено на меня. Золотоволосый едва заметно поморщился, словно ему предложили подгнивший фрукт. Черноволосый остался бесстрастен.

— Вы нам очень помогли, — сказал он. — Дельбе Васкэ будет вам благодарен.

— Я всего лишь исполняю приказ, — сухо ответил Ожон и, не попрощавшись, вышел из шатра.

Какое-то время они молчали. Маленький с явной враждебностью продолжал сверлить взглядом мою физиономию, затем заинтересовался расцветкой оперения стрел в колчане. Красные. Знающему Выхокородному это говорило о многом. Поймай они меня в лесу с такими стрелами, и я бы вначале лишился больших пальцев на обеих руках, затем глаз, а потом кожи. Нашего брата в Сандоне любили разве что комары да пиявки.

— «Стрелки Майбурга».

Высокий не спрашивал. Утверждал.

— Уже нет, — коротко ответил я и тут же почувствовал злость на Эгрена и самого себя.

Высокородный нахмурился.

— Мы встречались? — Я должен был задать этот вопрос.

— Возможно. Рашэ из Дома Искры.

Я дал понять черноволосому, что это имя мне ничего не говорит.

— Я был с Хрустальными росинками. Подкова Маж.

А вот это уже говорило о многом. Два года назад мы успешно пробрались в Сандон, сделали свое дело и уже возвращались домой, когда нам на хвост упали жаждущие мести Высокородные. Тридцать стрелков и четыре десятка отчаянных рубак из пограничных гарнизонов против двух сотен остроухих. Справиться с ублюдками среди деревьев мы не смогли бы при всем желании. Нас бы вырезали поодиночке. Оставалось только бегство. Но ни уйти к горам, ни вырваться из проклятых лесов не получилось. Мы просто не успели это сделать. Мелот миловал, один из пограничников привел нас к небольшому мелкому озерцу, посреди которого красовался крохотный поросший чахлыми осинами островок. Та самая Подкова Маж, в тот момент показавшаяся нам самым прекрасным местом в мире. За час мы превратили его в голую пустыню, используя все, что на нем росло, для создания хоть какого-то подобия невысокого частокола. Остроухие жаждали крови и поперли на нас прямо с марша. То ли присутствие лучников они не восприняли всерьез, то ли просто о нас не знали, но в тот день стрелы с красным оперением собрали богатую жатву. Тридцать опытных стрелков при поддержке мечников не только отбили две атаки, в первой из которых не ожидавшие столь яростного отпора Высокоублюдки лишились почти сотни душ, но и пробились через заслоны, перебив еще пять десятков сынов леса. Сорок из семидесяти смогли вырваться из Сандона. Среди этих людей был и я.

Потом, где-то через год, мы узнали, что у Подковы Маж столкнулись с Хрустальными росинками из Дома Искр. Теми самими, которые в один из не самых радостных для Империи дней вышли из своих лесов на восемьдесят лиг и штурмом взяли летний императорский замок. По счастью, Императора в нем не было, но никто из тех, кто в этот момент находился в твердыне, не может похвалиться своими ушами, по причине отсутствия оных.

Что же. Значит, Рашэ тоже воевал у Подковы. Я не знал, что с Росинками был кто-то из Зеленого отряда.

— Мы встречались, — подтвердил я, и он коротко кивнул, показывая, что учел этот факт.

— Как называть тебя?

— Нэсс.

— Прозвище есть? — спросил золотоволосый.

Этот гад возненавидел меня с первой секунды нашего знакомства. Я посмотрел в его зеленые глаза и нагло ухмыльнулся:

— Думаю, вам хватит и моего имени. Могу я узнать, кто ты?

Не собираюсь обращаться к Высокородному на «вы», пускай он будет даже из правящей семьи.

— Керэ из Дома Лотоса.

Вот ведь связала судьба с Высокоблудными! Не отвяжешься. Или иди с ними, рискуй шкурой, ожидай, что они в любой момент вскроют тебе горло, или — бравым шагом в объятия Тошей вдовы. Я бы смылся, да далеко вряд ли убегу. Если и делать ноги, то не сейчас. Позже. Быть может, мне подвернется шанс выкрутиться.

— Когда вы желаете выступить?

— Иди за нами. — Керэ легко встал, взял лежащий на столе плащ и вышел из шатра.

На освещенной кострами поляне все еще топтались мои знакомые арбалетчики. На этот раз они не последовали за мной, а лишь проводили цепкими взглядами и, убедившись, что я прошел с эльфами через усиленный караул и ступил на мост, отправились восвояси.

На этом берегу караулы были ничуть не слабее, чем на том. Высокоблудные доверяли нам точно так же, как мы — им.

Серьезные ребята в травяного цвета одежде, со своими знаменитыми копьями. Зеленый отряд. Не удивлюсь, что еще и стрелков вдоль реки поставили да во мраке каких-нибудь Алых слив и Лунных мотыльков спрятали.

Караульные пропустили нас без всяких вопросов. Видно, не только ждали, но и хорошо знали двух моих спутников. Теперь я старался держаться к ним поближе. Так спокойнее, а то, чем Бездна не шутит, отойдешь в сторону, и какая-нибудь Ночная лилия всадит стрелу в печень. Конечно же, по ошибке.

Керэ остановился у раскидистого дуба, и Рашэ оказался у меня за спиной. Мне не понравилась подобная постановка вопроса, поэтому я отшагнул вбок и положил руку на рукоять топорика.

ка. Намек черноволосый понял и больше попыток дышать в затылок не делал.

— Мне сказали, ты неплохо знаешь наши горы, — негромко сказал Керэ.

Насчет права остроухих владеть горами у меня было собственное мнение, но я не стал его высказывать. Коротышка мог серьезно обидеться, а ссориться с ним сейчас не резон.

— Верно.

— А вот мне, к сожалению, не удалось там побывать. Старики говорили, что места красивейшие. Особенно одно. Если повернуть к закату после Двухглавой гряды, то через день можно дойти до широкой долины, где есть озеро с белым целебным илом.

Распелся, как соловей.

— Боюсь, ваши старики ошиблись. В дне от Двухглавой гряды нет никаких долин. И озер тоже. Там только одна дорога — на перевал.

— Очень жаль, — вздохнул Керэ.

— Жаль чего? Что нет озер или что я вам подхожу? — не выдержал я. — И сколько еще ты будешь меня проверять?

— Теперь мы можем отправляться в дорогу, — проигнорировал мои вопросы Рашэ.

— Ночью?

— До утра слишком долго ждать. Мы и так потеряли много времени.

— Когда произошло убийство?

Мне сочли возможным ответить:

— Рано утром.

Плохо. Придется попотеть. Стрелок опережает нас едва ли не на сутки. Если он хорошо знает местность, то догнать его будет крайне сложно.

— Ты следопыт? — обратился я к Рашэ.

— Да.

— Нашли место, откуда стреляли?

— Да.

— Я хочу посмотреть.

— У нас нет времени, — процедил Керэ.

— Вы ничего не теряете.

— А что приобретаем?

— Я хочу знать, с кем предстоит столкнуться.

Золотоволосый эльф задумался, затем неохотно кивнул.

— Хорошо. Покажи ему.

Я пошел следом за Рашэ. По дороге к нам присоединились еще два эльфа с факелами. Пройдя по берегу, мы добрались до кромки леса. Здесь она ближе всего подступала к реке, выдаваясь вперед, словно огромный язык.

— Стрелок был в лесу?

— Нет. В тростнике сидел.

Когда я оказался на месте, то невольно восхитился выбранным местом, скрыться после выстрела в роще было очень легко. Днем мост отлично просматривается (сейчас же видны лишь горящие на нем шесты с факелами), а вот стрелка в высоких зарослях разглядеть практически невозможно. Отсюда идеально можно исчезнуть, пока жаждущие мести Высокоблудные пытаются понять, что произошло и откуда стреляли.

— Что говорят следы? — спросил я.

Эльфы переглянулись, но Рашэ все же ответил:

— Он был один. Выстрелил, а потом ушел в чащу.

— Он? — уточнил я.

— Да.

Я кожей чувствовал их презрение. Эльфы считают недостойным для мужчины занятием братья за лук. Это оружие используют женщины. Так что надо ли говорить, что наши лучники на порядок превосходят эльфийских, хотя бы потому, что ни одна баба не способна нормально натянуть трехсотфунтовку? Легкие эльфийские луки, которые используют Черные лилии, не идут ни в какое сравнение с человеческими.

Словом «он» Рашэ дал мне понять не только то, что стрелял мужчина, но и то, что это сделал человек, а не Высокородный. Иначе это была бы не стрела, а арбалетный болт. Отчего-то использовать это оружие остроухие не считали зазорным и с легкостью переняли его у нас.

— Пора идти. Ты узнал все, что хотел, человек?

— Не все. — Я прищурился, на глаз оценивая расстояние до моста.

Ярдов двести сорок — двести пятьдесят. Прилично. Очень прилично. Лучник был опытным малым? Или была? Хотя не очень я верю в то, что из их слабеньких хворостинок можно послать стрелу на двести пятьдесят шагов. Да еще так точно.

— Какая с утра была погода?

— Если ты о ветре, то он дул от моста в нашу сторону.

— Сильный?

— Иногда.

— Кого убили?

Возникла долгая пауза.

— Не твоё дело, — процедил Рашэ.

— Он стоял на мосту один? — Я продолжал задавать вопросы, как ни в чём не бывало.

— Нет. — Вновь молчание. Затем Высокородный снизошел до объяснений: — Там много кто был.

— Много? — насторожился я. — Двое? Пятеро? Десяток?

— Это так важно?! — Его начало раздражать мое любопытство.

— Да, если Керэ хочет поймать убийцу.

— Там было больше сорока эльфов, включая и дельбе. Теперь мы можем идти?

— Да. — Я узнал о лучнике все, что хотел.

В тот момент, когда небо уже достаточно посветлело и по густой низкой траве пополз первый туман, Рашэ вручил мне один из трех лежавших на земле походных мешков.

— Этот твой.

Я взвесил его в руке, затем, ничего не спрашивая, воспользовался тем, что Керэ разговаривает с неизвестным мне эльфом, и проверил содержимое подарка. В мешке было все необходимое для длительного похода по лесу и горам. При всей моей нелюбви к лесному племени в скрупулезности им не откажешь.

Как ни спешили остроухие, но выступить в дорогу мы смогли не раньше рассвета. В Сандоне я оказался не впервые, но из раза в раз эти леса заставляли меня внутренне трепетать. Это был мир Высокородных, их страна, их дом. От него веяло молчаливой угрозой и ожиданием, когда ты допустишь ошибку. Входящий сюда человек не должен был забывать, что, пока он под сенью дубов, за его кожу не дадут и обрезанного сорена.

Несмотря на присутствие и покровительство Высокородных, чувствовал я себя все равно неуютно. По старой привычке начал вслушиваться в звуки просыпающегося леса: пока еще робкие переключки утренних птах, шум ветра в кронах деревьев. Я ждал неприятностей в любой момент, и стоило огромного труда сдержаться и не взяться за лук. С ним я бы чувствовал себя куда более уверенно.

Эльфы сразу же взяли зверский темп, перли по знакомым им

едва видимым тропинкам, и приходилось не отставать. Не скажу, что это было тяжело, мне здесь частенько приходилось бегать.

Впереди шел Рашэ, он оказался тем самым следопытом, о котором упоминал Ожон. Пока остроухий ни разу не остановился, словно прекрасно видел на нетронутом листовном ковре чужие следы. Может, так оно и было, но я ничего особенного не замечал. Земля как земля.

Мне выпало идти вторым. Не скажу, что это безумно обрадовало, но спорить с Керэ смысла не было. Он сразу дал понять, что не оставит меня у себя за спиной. Сейчас недомерок шел в десяти шагах позади, казалось, не обращая на меня никакого внимания. Во всяком случае, такое могло создаться впечатление у тех, кто незнаком с эльфами. На мой взгляд, ошибочно надеяться, что остроухий о тебе забыл. Память у ребят длинная и хорошая. Точно такая же, как у людей, — в этом мы с ними очень похожи. Есть еще несколько подобных сходств, например коварство и желание любой ценой достичь победы. Порой я начинаю думать, что мы не так уж чужды друг другу, как считаем.

Оба Высокоблудных вооружились излюбленным оружием своей расы — короткими копьями с широким листовидным клинком-наконечником. При должном умении подобное оружие ничуть не хуже людских мечей, а может, и лучше. Кроме того, за спиной Рашэ висел арбалет, а Керэ нес на поясе короткий массивный жезл. После недолгого изучения и обдумывания я решил, что эта штука никак не может быть оружием. Слишком красива и дорога. Небось какой-нибудь изысканный наследный знак, позволяющий одному Дому отличить представителя правящей семьи другого. Отчего-то я ни на минуту не сомневался, что возненавидевший меня с первого взгляда Керэ Очень Большая Шишка.

Как я и предполагал, эльфов в приграничной части Сандона оказалось, как тараканов на кухне грязного трактира. Едва ли не через каждые полчаса мы натыкались на патрули остроухих. Зуб даю, что Высокородных в округе гораздо больше, просто половина из них не сочла нужным показаться мне на глаза. Лишь к ночи мы прошли через выставленные кордоны и остались в полном одиночестве.

Рашэ уверенно шел по следу. Судя по солнцу, он не менял направления и пер на северо-восток. Если так будет продолжаться и завтра, то к вечеру следующего дня мы выйдем к отрогам Самшитовых гор.

Кем бы ни был этот стрелок, он точно знал, куда ему надо. В скалах можно с легкостью спрятаться от разъяренных мстителей — эльфы среди камней чувствуют себя как выброшенные на берег рыбы. Вряд ли убийца рассчитывал на то, что гордое племя сможет договориться со своими извечными врагами — людьми и действовать сообща.

За весь день спутники не сказали мне ни слова. Рашэ был занят только следами, Керэ мрачно хранил молчание. Правда, и я не спешил начинать разговор. Находиться рядом с ними для меня столь же неприятно, как и для них — со мной. Мы, так сказать, заключили негласный договор как можно дольше не обращать друг на друга внимания.

Трижды останавливались на краткий отдых, который опять же проходил в полном молчании. Когда окончательно стемнело, Рашэ и не подумал, что надо бы лечь спать. Скорость продвижения по Сандону снизилась, теперь мы шли лишь благодаря свету полной луны. Я даже забеспокоился, что нам придется идти всю ночь и под утро у меня попросту отвалятся ноги. Но, по счастью, мои опасения не оправдались.

— Хватит на сегодня, — негромко сказал Керэ, и следопыт тут же остановился. — Встанем здесь.

— Костер можем разжечь? — спросил я.

— Разжигай, — неохотно кивнул золотоволосый.

Пока пламя весело пожирало ветки, я подготовил себе место для ночлега. Затем утолил голод лежавшей в вешевом мешке едой. Мои новые друзья также перекусили, а затем начали обсуждать что-то на своем языке. Говорили тихо, но могли бы и орать во весь голос — к сожалению, я эльфийского не понимаю.

— Ложись спать, человек. — Керэ наконец-то соизволил обратить на меня внимания.

— У меня есть имя.

Он с досадой поморщился, отвернулся и больше не предлагал отправиться на боковую. Парни продолжили разговор, я тупо хлопал глазами да между делом побрасывал огню новой пищи.

Наконец Рашэ встал, взял копье и скрылся в лесном мраке. Керэ принялся расстилать походное одеяло.

— Мы хоть немного его нагнали? — не выдержал я.

— Немного.

— Понимаю, что я тебе не симпатичен, эльф, но сейчас мы делаем одно дело. Хватит кривить нос!

— У меня есть имя, — эта сволочь ответила моими же словами.

— Я не люблю твой народ точно так же, как ты мой, Керэ. И я к вам в спутники не навязывался, вы сами попросили о проводнике. Так что будь добр, отвечай хотя бы тогда, когда мои вопросы касаются наших общих интересов.

— Это не твой интерес. Это мой интерес. Ты всего лишь делаешь то, что тебе приказали. Хотя даже не так. Ты делаешь это, чтобы спасти свою жалкую шкуру. Поэтому впредь оставь свой тон для дружков-висельников.

Мое лицо не дрогнуло, хотя было бы интересно узнать, кто успел рассказать ему, что я едва не оказался в объятиях Тошей вдовы. Вот ведь судьба-злодейка! Скажи мне кто неделей раньше, что я окажусь в стране лесов наедине с остроухими, и я бы только покрутил пальцем у виска. Теперь же мне суждено терпеть присутствие двух паскуд, в любой момент ожидая, что они решат от меня избавиться. Я даже на краткое мгновение пожалел, что ввязался в эту историю.

Керэ между тем вознамерился спать. После обхода возвратился Рашэ. Он расстелил одеяло между корней могучего бука, положил копые рядом и улегся. Затем привстал на локте, посмотрел на меня:

— Спи.

— Кто будет стоять на часах?

Мой вопрос его удивил.

— Зачем? Кто нападет на Высокородного в его же лесу? Спи.

Но я еще долго не мог последовать его совету. Очень неприятно чувствовать себя в Сандоне в безопасности. Еще неприятнее — рядом с заклятыми врагами. Умом я понимал, что еще нужен им и у них, в общем-то, пока нет причины отправлять меня в Счастливые сады. Но врожденная осторожность давала о себе знать, и я напряженно вслушивался в шум ночного леса и дыхание спящих. В отличие от меня Высокородные ни о чем не беспокоились и дрыгли без задних ног. Что-то мне не верилось, что они мне настолько доверяют. Я вот им не слишком доверял и считал, что ребята искусно притворяются. Поэтому я ежесекундно ждал от остроухих какой-нибудь каверзы. Но минуты сменялись минутами, а ничего не происходило. Усталость брала свое, я уже не мог ей сопротивляться. В какой-то момент я поймал себя на ободряющей мысли, что если «друзья» прикончат меня во сне, то эта смерть будет ничуть не хуже виселицы.

Я открыл глаза и несколько минут лежал не шевелясь, сжимая рукоять топорика. Небо посветлело и заставило потускнеть проглядывающие сквозь древесные кроны звезды. Скоро рассвет. Костер давно угас, не прогоревшие угли едва мерцали. Керэ и Рашэ все еще спали, завернувшись в плащи.

Стараясь не шуметь, я сел, повертел головой, пытаюсь ослабить боль в затекшей шее. Про себя усмехнулся. Удивительно. Пережить ночь в компании несвязанных эльфов — мало кто из моих дружков-приятелей мог этим похвастаться. Меня не только не прикончили, но даже оставили целыми уши и пальцы. До сих пор не верится, что подрых рядом с Высокородными и остался цел.

Мне понадобилось немного времени, чтобы собраться. Ска-тав одеяло, я убрал его в мешок, забросил колчан за спину, подхватил лук. Вновь посмотрел на укутанные фигуры остроухих. Сейчас они казались беззащитными. Все, что надо, это натянуть тетиву. Я был уверен, что прикончу обоих прежде, чем они выпустятся из плащей. Надо всего лишь решиться. Достав из кожаного мешочка новую тетиву, я уже наложил ее на один из рогов лука, бросил взгляд на эльфов и разочарованно вздохнул.

Убить-то их можно запросто, но что потом? Свобода станет не более чем призраком. Об обратной дороге можно забыть. Проскочить через заслоны остроухих сейчас вряд ли возможно. В связи с подписанием договора приграничные территории ими просто кишат. Да если мне и удастся проскользнуть незамеченным, на юге Империи делать нечего. Свои поймают, и все повторится по новой. Тюряга, затем веревка. Значит, дорога на север для меня закрыта. Идти на юг, к горам, а затем пытаться добраться до Врат Шести Башен? Безумие. Даже если я никого не встречу по дороге, идти больше сотни лиг через не самые приветливые земли слишком опасно. Я не уверен, что смогу осилить подобный переход. И даже если случится чудо — все получится, нет никакой уверенности, что затем мне удастся добраться до Альсгары.

Я с сожалением снял тетиву с лука. Не время.

— Мудрый поступок, — прозвучал насмешливый голос у меня за спиной.

Я резко развернулся, выхватывая из-за пояса топорик и собираясь пустить его в дело. В пяти шагах от меня застыл Рашэ с арбалетом. Чуть дальше, прислонившись к древесному стволу и держа копье так, чтобы его в любой момент можно было бросить, хмурился Керэ.

— Очень умно, — сказал я, стараясь не спускать с них глаз.

Пока я видел сны, ребята завернули в свои плащи мусор и решились посмотреть, что предпримет человек, когда проснется. Думаю, как только одна из стрел угодила бы в подготовленные для меня обманки, я тут же схлопотал болт в шею или копьё в спину.

Они смотрели на меня и молчали. Оставалось только гадать, какие выводы сделали Высокородные из моего поступка. Я отчаянно думал, каковы шансы выкрутиться из неприятной ситуации. Если остроухие решат меня прикончить, то они, скорее всего, это сделают. Зуб даю, что успею метнуть топорик в Керэ. Он стоит неудобно и не сможет уклониться. Но Рашэ меня прикончит. От болта я увернуться не смогу. Слишком маленькое расстояние между нами.

Золотоволосый эльф пошевелился, поменял хват на копьё.

— Пора в дорогу. Собирайтесь.

Рашэ кивнул, с невозмутимым видом убрал арбалет. Керэ прошёл мимо, едва не задев меня плечом. Я отшагнул вбок, повернувшись так, чтобы не получить болт в спину, если это была уловка. Но остроухие занялись сбором вещей и подчеркнуто не обращали на меня внимания. Поколебавшись, я убрал топорик и взялся за свой мешок. От пота спина была неприятно мокрой, и рубаха липла к телу.

Вновь началась погоня. Рашэ, точно императорская гончая, шел по только ему видимому следу. Керэ сверлил взглядом мой затылок. Ненавижу гордецов. Ненавижу эльфов. Ненавижу золотоволосого ублюдка. Ненавижу этот лес. Была бы моя воля, отправил бы их в Бездну. Всех до единого. Чтобы только отстали.

Местность между тем изменилась. На место дубов и буков пришли сосны, появилось множество балок, оврагов и прудов. К полудню мы только и делали, что взбирались на очередной покрытый золотистым сосняком холм, затем спускались, перебирались через разлившиеся после дождей, прошедших в горах, ручьи и вновь штурмовали очередную вершину. Мы все дальше и дальше забирались на юго-восток, казалось, что сам воздух изменился. Горы вот-вот должны были появиться из-за горизонта.

Откуда-то из-за кустов раздался крик неизвестной пичуги. Рашэ остановился как вкопанный, и я едва в него не врезался. Следопыт поднес руки ко рту, и по роше разнесся еще один птичий крик. Тут же до нас долетел ответ, теперь уже гораздо ближе.

— Не дергайся, — предупредил меня Керэ.

Я кивнул, но тетиву на лук все же натянул, за что заработал полный презрения взгляд. Кусты на противоположном конце рощицы заколыхались, и из них появились десять облаченных в куртки Зеленого отряда вооруженных копьями Высокоблудных и четверо моих соплеменников. Я едва рот не открыл, затем вспомнил: Ожон говорил, что кроме нас в Сандон отправилось еще несколько поисковых отрядов.

Остроухие заговорили на своем языке, делясь новостями. Я пошел к людям. Те кивнули мне как старому знакомому, кто-то протянул полупустую флягу с вином.

— Тоже решил поохотиться? — спросил меня парень без двух передних зубов.

— Нужда заставила, — сказал я, возвращая флягу.

Самый пожилой хохотнул, посчитав, что я пошутил.

— Я тебя вроде среди «Стрелков Майбурга» видел, — продолжил словоохотливый парень.

— Угу. Поймали?

— Куда там! — Он выругался и сплюнул. — След через четверть лиги уходит прямехонько на восток, по самой границе леса. Там сплошные ручьи да речушки с гор. Потеряли. Весь день пролазили, да так ничего и не нашли. Два отряда пошли дальше, наш решили вернуться назад.

Я благодарно кивнул за новости. Убийца оказался парнем не промах. Запутать ребят из Зеленого отряда — это не по шишкам стрелять. Это надо суметь.

— Дальше пойдете? — Старик, стянув с левой ноги сапог, перематывал портянки.

— Я птичка подневольная. Если скажут, пойду.

Люди едва слышно заворчали.

— Была бы моя воля, я бы их всех прямо сейчас порубил, — очень тихо сказал усатый мужик. — Виданное ли дело, ходить с уродами рука об руку!

— Привыкай. — Беззубый вновь сплюнул. — Теперь это наши лучшие друзья.

— Таких друзей надо вырезать целыми Домами. Мало мы, что ли, от них за века натерпелись?

— Заткнись, дурак! Не ровен час услышат, — зашипел на него старик. — Я хочу из Сандона выбраться и внуков увидеть.

— Нэсс, идем, — окликнул меня Рашэ.

Мои спутники уже успели переговорить с сородичами.

— Ладно, бывайте, братцы, — сказал я, вставая с земли.

— Удачи, парень. Гляди в оба, — за всех сказал беззубый.

— Я только этим и занимаюсь, — буркнул я.

Встреченный нами отряд пошел своей дорогой, а мы — своей.

Люди были правы. Спустя четверть мили, взобравшись на очередной, на этот раз свободный от деревьев холм, я увидел, что лес тянется еще ярдов на двести, а затем сразу начинаются горы. У самых отрогов, возле широкого стремительного ручья, Рашэ потерял след. Я не спешил выступать и пока просто следовал за Высокородными, ожидая, когда им надоеет заниматься ерундой.

— Слишком много впечатлов, — сказал через час черноволосый. — Если здесь что-то и было, то охотники все затоптали.

Низкорослый эльф выругался, причем использовал для этого человеческие словечки. Наверное, чтобы я понял.

— Иши, брат.

Весь вид Керэ говорил о том, что он не уйдет отсюда, пока не поймает стрелка. Маска невозмутимости мгновенно сползла с его лица, он плевался, точно рассерженный кот, проклиная убийцу, своих богов и меня заодно. Я на его злость лишь криво ухмылялся. Если он надеется выместить свое раздражение на мне, то зря старается.

До самого вечера мы шли вдоль лесной кромки в тщетной надежде обнаружить пропажу. Когда начало темнеть, мне это порядком надоело.

— Есть! — неожиданно сказал Рашэ и ткнул пальцем в едва видимую ямку возле очередного ручейка. — Точно такой же каблук, как и в тростнике у реки! Он, должно быть, оступился и на следил.

Керэ жадно уставился на находку родича, словно надеялся взглядом дотянуться до убийцы.

— Куда отправился?

— На северо-восток. Решил не соваться в горы.

— Тем хуже для него. До ночи еще есть время, мы успеем пройти немного.

— Хватит валять дурака! — наконец не выдержал я. — Вы не видите, что вас водят за нос?!

Они уставились на меня, все еще не веря, что я посмел раскрыть рот. Уже успели привыкнуть к моему молчанию.

— Объяснись, — холодно бросил Керэ.

— Это обманка. Ловушка. Ложный след. Если мы пойдем по нему, то никого не догоним.

— След говорит обратное. — Рашэ был смертельно оскорблен тем, что я усомнился в его способностях. Того и гляди пустит в ход копье.

— И те, кто ему поверят, пойдут дальше. Я не удивляюсь, что остальные отряды так и поступили. Еще раз повторяю — это обманка, которую оставили специально. Для тех, кому лень думать.

— Люди думать, конечно же, умеют! — фыркнул Керэ.

— Умеют! Вы слишком горды, чтобы признать мою правоту, не так ли?! — Я, кажется, уже орал на этих чванливых тупиц. — Слушайте, если вы хотите отправиться в долгую прогулку по Сандону, то я не против. Мне в общем-то все равно, поймаете вы стрелка или нет. Но повторяю, если решите идти дальше по следу, готовьтесь к тому, что убийца уйдет от вас. Подумайте сами! Мы потеряли его три с лишним часа назад. Он был столь осторожен и аккуратен, что опытный следопыт не смог ничего обнаружить! Думай, Рашэ! Думай! Парень словно по воздуху летел, а потом столь досадная ошибка! И он ее не исправил. Даже жабе понятно, что этот отпечаток оставили специально, чтобы нас запутать, направить на неправильный путь. Там, — я ткнул пальцем в сторону гор, — десятки долин, сотни пещер, множество тайных троп и перевалов. В этих горах можно спрятать целую армию, и сам Мелот ее там не найдет, даже если потратит на это целый век! Так какого, спрашивается, хрена ему лезть в леса, где полно эльфов и его можно легко найти?!

— Люди любят совершать глупые поступки.

Я едва сдержался, чтобы не прибить золотоволосую мразь. Стиснул зубы, несколько раз глубоко вздохнул. Кровавая пелена бешенства, упавшая на глаза, постепенно пропадала.

* — А! Идите вы в Бездну! Делайте что хотите. Но в полулиге отсюда начинается тропа в Красные ущелья, и я готов ручаться головой, что убийца, кем бы он ни был, эльфом или человеком, направился именно туда, предварительно посмеявшись над такими болванами, как вы!

Ноздри Рашэ гневно раздувались. Керэ между тем был удивительно спокоен. Он слушал меня с таким видом, словно на его глазах заговорила собака.

— Очень интересно. Если ты расстроился, что не стал провод-

ником, то не волнуйся. Ты мне, конечно, противен, но я чту перемирие и не собираюсь от тебя избавляться. Мы идем по следу.

У меня больше не было сил им хоть что-то объяснять, и я обреченно махнул рукой. Пускай хоть с обрыва прыгают. Плакать не стану.

След исчез на следующее утро точно так же, как и появился. Все поиски оказались тщетными. Я открыто усмехался, наблюдая, как Рашэ разводит руками и как бесится Керэ. Наконец, когда этим дуракам стало понятно, что их обвели вокруг пальца, мессир Золотоволосая Надменность схватил копьё и выместил зло на ближайшем кустарнике.

Я в это время расположился на травке и с аппетитом перекусил. Ужасно хотелось сказать какую-нибудь гадость, но понимал, что лучше держать язык за зубами, сейчас у моих спутников не самое лучшее настроение.

У Рашэ был такой вид, как будто он только что проглотил кинжал. Горе-следопыт все никак не мог поверить, что так опростоволосился. Парень подвел влиятельного спутника и тем самым уронил честь и выставил свою семью в не самом выгодном свете. Говорят, раньше в подобных случаях эльфы бросались на собственное копьё. Я был бы не прочь увидеть подобное сумасшествие. Хоть какая-то потеха. Быть может, подсказать Рашэ, как ему следует поступить? Надо чтить законы предков. Я буду только рад, если кто-то из этой парочки отправится к праотцам.

Наконец Керэ вырубил ни в чем не повинные кусты под корень и, отшвырнув копьё в сторону, сел на землю. Уставившись в одну точку, он стал напряженно думать, как выбраться из той ямы, в которую угодил благодаря собственному упрямству и непомерной гордыне. На мой взгляд, выход был только один, и не надо быть умником, чтобы понять, какой.

Керэ, конечно же, знал, как следует поступить, но ему было ужасно тяжело признать, что я оказался прав, а он нет. Чванливый заносчивый ублюдок. Рашэ не выдержал, обратился к нему на эльфийском. Тот с неохотой ответил, ненавидяще посмотрел на меня:

— Мы возвращаемся.

Я пожал плечами. Нашел чем удивить. В отличие от него я знал, что придется возвращаться, еще с прошлого вечера.

— Мы потеряли много времени. Убийца далеко ушел.

— Значит, мы должны поторопиться, — отрезал он. — В горах тебе придется показать, на что ты способен.

— Скажи «пожалуйста», — мерзко улыбнулся я.

— Что?! — ему показалось, что он ослышался.

— «Пожалуйста». Это такое слово. Вежливое. Хочу тебя ему научить, если ты и дальше намерен общаться с людьми. Нужна моя помощь? Попроси об этом.

— Не зарывайся, человек.

— Учись быть вежливым с тем, кто помогает тебе, эльф.

— Ты помогаешь не мне, а себе, — фыркнул он. — И я не собираюсь тебя ни о чем просить и тем более говорить «пожалуйста». Понял?

Я вновь усмехнулся, а затем послал его далеко и надолго. Рашэ зашипел, словно змея, на которую ненароком наступили, и схватился за копьё. В два прыжка он оказался рядом со мной, я был готов бросить топорик.

— Прекратить! Оба! — громогласно рявкнул Керэ.

Мы с Рашэ прожигали друг друга взглядами. Я бы с радостью пробил выкорымышу Зеленого отряда черепушку, да, думаю, и он не отказался бы от того, чтобы проткнуть мой живот.

— Воин! Я приказал!

Черноволосый заворчал, как собака, у которой отбирают ее законную кость, но отошел. У меня руки чесались ударить его промеж лопаток.

— Бездна с тобой, эльф, — сдался я. — Идем.

Узкая тропа виляла, словно перепившая змея. Она то подползала к самому берегу гремющей горной реки, то прижималась к красным скалам. Из-за заходящего солнца казалось, что ущелье утопает в крови. Не самое приветливое место.

Эльфам оно не нравилось гораздо больше, чем мне. Ребята вообще не любили эти земли, хотя те принадлежали им с зари времен. Проклятые упрямцы! Столько лет воевать из-за того, что тебе совершенно не нужно, и в итоге все равно уступить это людям. Сколько крови и жизней потеряно, и все из-за их тупого упрямства и гордости.

— Ущелье подходит к концу, — Рашэ нарушил долгое молчание.

С Да, скоро выберемся в долину.

— До сих пор никаких следов.

Я счел нужным пожать плечами. Ничего удивительного. Мы идем по горам всего лишь два дня, дорога здесь одна, и если убийца столь осторожен, как я думаю, он не будет пачкать землю еще сутки, на тот случай, если все же кто-то решится проверить окрестные долины. Так что если Рашэ и найдет след, то не раньше завтрашнего дня.

— Мы идем правильной дорогой? — спросил золотоволосый.

— Она здесь единственная. По скалам может забраться только мангуст. Нет. Он шел здесь.

— Как ты можешь быть в этом уверен?

— Я бы поступил именно так.

— Не слишком обнадеживающий ответ.

— Если ты считаешь, что мы тратим время впустую, почему тогда пошел за мной? — Керэ начинал меня раздражать.

— У меня нет выбора.

— У вас всегда нет выбора, — тихонько буркнул я, но он услышал.

— Ты о чем, человек?

— У твоего народа никогда нет выбора, Керэ. При любых обстоятельствах и условиях вы не делаете другим никаких уступок. Никакой жалости, никаких договоров, никаких послаблений, никаких слабостей. Даже если не правы. Даже если знаете, что так более выгодно. Упрямая гордость Высокородных, считающих, что они лучше всех. Уверен, если бы на пути нам встретился секач, вы никогда бы не отошли в сторону и не дали ему спокойно пройти.

— А ты бы, конечно, отступил. — В его голосе мне послышалась издевка.

Рашэ пока стоически молчал.

— Отступил. Я не такой дурак, чтобы зря рисковать своей жизнью из-за такой глупости, как дорога.

— О, да! Но вот только я отчего-то уверен, что потом ты бы ударил кабану в спину. Коварство людей...

— ...точно такое же, как коварство эльфов. Вы бьете в спину не меньше нашего.

— На Гемской дуге мы сражались честно, и если бы не ваша подлая атака...

— Много честности привести с собой озверевший лес! Вы получили то, что заслуживали! — Я повернулся к нему.

— Заслуживали? Почему? Потому что вы никак не можете признать, что Высокородные лучше вас!

— Лучше? Чем лучше, эльф?! Ну, чем?

Он стоял в опасной близости от меня, но не пытался отойти. Рашэ, повинуясь его гневному жесту, остановился в пяти ярдах и теперь мрачно наблюдал за перепалкой.

— Почему вы столько лет не можете признаться даже не нам, самим себе, что вы точно такие же, как мы? Ничуть не хуже и ничуть не лучше. Самые что ни на есть обычные! Почему вы несколько веков с презрением отвергали протянутую вам руку мира и решили пойти на уступки, только когда до вас наконец-то дошло, что у вас нет шансов победить?! Но даже теперь вы кичитесь своим ложным превосходством и пытаетесь обставить все так, словно делаете нам большое одолжение, хотя первыми приползли просить мира! Неужели ты думаешь, что людям нужны подачки, Керэ из Дома Лотоса!

— Думаю, да. Вам всегда что-нибудь нужно, и будь я дельбе, вы никогда бы не получили этих гор!

— Что проку держаться за то, что не нужно?! Что проку сидеть запертыми в своих лесах?! Что проку терять собственных детей из-за того, что у вас нет самых простых лекарств?! Это глупая гордость!

— Это не гордость, человек. Это достоинство. Тебе не понять.

— Забери меня Бездна! Вы не готовы слушать никого, кроме себя! Забились в свои леса и отчего-то считаете, что другие должны падать перед вами ниц!

— Не понимаю, как мой народ может быть на равных с теми, кто заведомо ниже?! С теми, кто приходит в наш дом с огнем и мечом, уничтожая всех, включая детей! С теми, кто так жесток?! Я оглушительно расхохотался.

— Скажи это своим братьям! Напомнить тебе, как рыжеволосые скоты вырезают наши деревни и города?! Напомнить, как вы выпускали пленным кишки, выкалывали глаза, вспарывали животы беременным женщинам и живьем сдирали с них кожу, Высокородные?! Или быть может, ты про это не знаешь? Или предпочитаешь не вспоминать, стыдливо прикрываясь сраной честью говенного Дома?!

Его уставшее лицо исказилось от гнева, и не успел я опомниться, как он отвесил мне звонкую оплеуху, да такую, что в голове загудело. Рыча от бешенства, я в ответ врезал ему по зубам.

Костяшки пальцев обожгло болью, а эльф отлетел назад и, не устояв, рухнул на камни. Я бросился на него, краем глаза заметив, что все еще повинующийся приказу Рашэ остается на месте. Тем лучше. Значит, у меня есть прекрасная возможность поговорить с золотоволосым по душам, и никто нас не прервет.

Я прыгнул вперед, рухнул на остроухого, заехав коленом ему в живот так, что тот охнул от неожиданности, а затем заработал кулаками. Прежде чем он опомнился, мне удалось попасть ему в скулу и в глаз. Затем в мою грудь точно цепом ударили.

В глазах потемнело, на краткий миг я потерял сознание. Удар спиной о землю привел меня в чувство. Ребра болели так, что невозможно было нормально дышать, рот наполнился кровью, из носа хлестало. Я ошеломленно потряс головой, пытаюсь понять, что же произошло. Перед глазами все плыло. Попытался встать, но что-то навалилось на грудь с такой силой, что невозможно было пошевелиться. Еще немного, и меня просто раздавит. Я перестал бороться, и давление тут же ослабло. Зрение прояснилось настолько, что я смог увидеть ухмыляющегося Рашэ. Он находился на том же месте, где ему приказал оставаться Керэ. Странно, я думал, что это именно следопыт меня так крепко приложил.

Я скосил глаза на свои руки и с отстраненным интересом заключил, что ситуация еще хуже, чем казалось минутой раньше. Бледно-зеленое, цвета молодой листвы, сияние наподобие кандалов охватывало мои запястья и растекалось у меня по груди.

Вся морда Керэ в крови, губы разбиты, по подбородку текла кровь, глаз начал заплывать. Жаль, что не получилось сломать его заносчивый нос!

Один краткий миг он смотрел на меня, затем отвернулся и принял помощь Рашэ, протянувшего ему чистую тряпку. Сияние погасло, и тяжесть мгновенно исчезла. Удивляясь, что все еще жив, я осторожно сел.

— Еще раз посмеешь меня ударить — умрешь, — сплюнув кровь, процедил Керэ.

Судьба преподнесла мне очередной сюрприз. Мой золотоволосый «друг» оказался магом.

Красные ущелья давно остались позади, но мы продолжали двигаться вдоль безымянной реки, все дальше и дальше забираясь на юг. Горы здесь были выше, лес исчез с их вершин, уступив место зеленым проплешинам залитых солнечным светом лугов.

К следующему вечеру, преодолев легкий перевал, я привел эльфов в очередную долину. Нам пришлось потратить большую часть светлого времени суток, чтобы пересечь ее. Я знал, что дальше она разделялась на два ущелья, одно из которых уходило точно на юг к подпиравшим небо ледяным пикам, другое поворачивало на северо-восток. Река также раздваивалась. Точнее, мы оказались возле двух ее притоков, стремительно несущихся из разных ущелий и сливающихся друг с другом в бурлящем котле водоворотов. Южный приток был похож на зеленовато-голубую начинавшую свой путь с ледников змею. Северный — на грязно-го земляного червяка. Судя по коричневому цвету воды, в горах шли дожди.

— Ты знал об этом распутье?

— Да.

— И какую дорогу мы должны выбрать? — Керэ смотрел не на меня, а на белые вершины, что и понятно. Высокородные редко выбирают в горы.

Под глазом у мага красовался здоровый синяк, еще один появился под правой скулой. Губы все еще не зажили, и когда он пытался ехидно улыбаться, они кровоточили. Что ни говори, а я его хорошо отделал. Впрочем, и самому досталось — ребра все еще ныли.

— Северо-восток, — подумав, ответил я.

— Почему не юг? Ты ведь сам говорил, что там можно спрятаться и затеряться. А предложенный тобой путь вновь приведет к Сандону.

— Да. Только лигах в сорока от того места, где его сейчас ищут.

— Объяснись, — нахмурился Рашэ.

— Да тут нечего объяснять. Если он пойдет в том направлении, — я махнул рукой в сторону Белых клыков, — то вряд ли выиграет хоть что-то. Там цепь перевалов. Один за другим. Их больше тридцати. Места опасные, дороги плохие, холод на высоте, к тому же риск столкнуться с ледяными демонами или горными племенами довольно высок. Знающий в такое место не полезет.

— А он знающий?

— Не сомневаюсь. Стрелок уже не раз показал, что отлично знаком с этими землями и прекрасно замечает следы. Он не дурак, не будет подставлять шею под топор, когда есть более простой выход. Может добраться по ущельям до Сандона. В той час-

ти леса его никто не будет искать. Слишком далеко от тех мест, где потеряли его след. Или же попробует достичь Восточных земель, рискуя и потратив на это четыре месяца. В любом случае сейчас его дорога на северо-восток.

Это было самое доходчивое из объяснений. Второе, которое пришло мне в голову, как только я изучил место, с которого стреляли, решил не высказывать, а то Керэ точно захочет переть на юг. Просто из-за своего упрямства и желания доказать мою неправоту.

На этот раз они не стали пренебрежительно фыркать и задумались. То ли стали мне больше доверять, то ли и сами понимали, сколь опасно гулять у Белых клыков. Остроухие заговорили на своем языке, так что мне оставалось лишь ждать их окончательного решения. Разговор затягивался. Ребята не спорили, как видно, они просто взвешивали все варианты «за» и «против».

— Хорошо, — наконец обратился ко мне маг. — Идем на северо-восток.

— Тогда надо спуститься немного вниз по течению, чтобы не пересекать сразу две реки.

Как только мы сделали это и прошли совсем немного, случилось то, что должно было случиться.

— Есть! — Рашэ рухнул на четвереньки и расправил примятую траву. Рожа у него была счастливая до невозможности, что и понятно. Высокородные уже и не надеялись, что обнаружатся следы нашего неизвестного. Но, судя по тому, как запрыгал воин Зеленого отряда, я оказался прав и выбрал верную дорогу.

— Это он! Его отпечатки. Здесь еще следы! — удивленно воскликнул Рашэ. — Трое! Нет, четверо!

Мы с Керэ наблюдали, как следопыт изучает находку.

— Да. Все верно. Он пришел, так же как и мы, из-за реки. А здесь его уже ждали. Дальше они отправились вместе.

Маг выглядел озадаченным.

— Выходит, ему помогали. Чему ты улыбаешься?

Последние слова были обращены ко мне.

— Ничему. — У меня были причины для ухмылок, но я в ближайшее время не собирался их озвучивать. Мне вряд ли поверят.

Я заработал подозрительный взгляд, но Керэ сейчас был слишком взволнован, чтобы разбираться со мной.

— Как давно они были здесь?

— Сутки, в самом худшем случае двое, — как следует изучив землю, сказал воин Зеленого отряда.

— Тяжело будет нагнать, — влез я.

— Нагоним. Раз он показался, значит, не ждет, что за ним будет погоня. Здесь есть дорога?

— Нет. Только звериные тропы. Пойдем вдоль берега. Будет тяжело.

Они кивнули. Я видел, как у Керэ горят глаза и раздуваются ноздри. Мысленно он уже выдавливал убийце глаза.

Прыть и выносливость, которые показала эта парочка, заслуживали уважения. Высокородные, до этого ни разу не ходившие по горам, перли словно по любимому Сандону, а не по забытым всеми богами плато и ущельям. Сил у них оказалось достаточно, чтобы одним махом миновать не самый легкий участок пути. Порой я дивился упорству остроухих, пробиравшихся через пенные валы узких притоков или непролазные колючие заросли ежевики. Но они, к моему удивлению, плевать хотели на преграды и порой даже не шли, а бежали, и я едва за ними поспевал.

След, единожды обнаруженный, больше не пытался исчезнуть и с каждым часом становился все свежее и свежее. С утра мы наткнулись на стоянку. Пепел костра уже давно остыл, но остроухих это обстоятельство лишь вдохновило на дальнейшее исследование.

Керэ решил остановиться на привал, когда минуло чуть больше трех часов после полудня. Речной берег избавился от растительности, ей на место пришло множество обтесанных за столетия круглых камней самого разного размера и цвета. Полежав на солнце, они источали тепло.

— Давайте пройдем вперед, там и передохнем, — сказал я. — Минутах в двадцати отсюда есть целебный источник, к тому же в тени деревьев лучше, чем на солнцепеке.

Не встретив никаких возражений, я провел их вдоль берега до приметной еловой рощи, одним краем заползавшей на гору. В тени деревьев, ярдах в ста сорока от воды, находился один из множества целебных источников долины.

Он вырывался из земли и ручейком устремлялся в сторону реки. Вода на поверхности постоянно бурлила от вырывающихся из недр пузырьков. Чаша, в которой накапливалась вода, как и дно ручья, была огненно-рыжей.

— Ты уверен, что это можно пить? — В голосе Рашэ мне слышалась опаска.

Я едва не рассмеялся.

— Вы что, никогда не видели ключей здоровья? В Сандоне такого нет?

Керэ покачал головой и опустил на корточки перед странной водой. Втянул носом воздух, поморщился.

— Воняет протухшими яйцами.

— Ты не нюхай, а пей, — посоветовал я и показал пример, черпанув ладонями. Вкус необычный, но приятный. Пузырьки шекотали язык и небо.

Маг на меня даже не посмотрел, все его внимание было приковано к Рашэ. Тот не сводил взгляда с мрачной стены елей. И когда только Высокородный успел взвести арбалет?

Я встал с колен, уйдя эльфю за спину. Уперев нижний рог лука в землю, надавил на верхний и, задержав дыхание, с усилием натянул тетиву. Сотворить такое на двухсотфунтовке не так просто, как кажется. Я без труда пробивал из этого чудовища дубовую доску, находящуюся на расстоянии двухсот пятидесяти ярдов.

— Не стоит! — бросил Рашэ, когда я потянулся за стрелой.

Забавно, он даже не счел нужным обернуться, чтобы посмотреть, что я делаю. И так знал. Может, и правду говорит молва, что у эльфов глаза на затылке?

Следопыт свистнул, подражая малиновке. В ответ из-за елей донесся точно такой же свист, и я вздрогнул. Этого просто не могло быть, заberi их Бездна! Еще одна трель лесной птички, теперь гораздо ближе, и из-за деревьев появились облаченные в серое фигуры. Пять, десять, двенадцать. И все как один с огненно-рыжими волосами! Я зашипел сквозь стиснутые зубы и вцепился в лук так, словно он был моим последним спасением. Керэ, опасаясь неприятностей, предусмотрительно встал между мной и рыжеволосыми. То ли защищая меня, что вряд ли, то ли их.

Высокородные взяли нас в неполное кольцо и медленно приближались. Они не выказывали агрессии, но все равно спина в одно мгновение стала мокрой.

Рыжий волос говорил о многом. Ребята принадлежали к Дому Бабочки, самому ненавистному для людей за страшную жестокость и нежелание вступать ни в какие переговоры с человеческим племенем. Нас рыжие ублюдки не считали даже животными, и главным их желанием было вырезать всех людей под ко-

рень. Любymi возможными способами. Мы старались отвечать им тем же. Если представителей других Домов убивали сразу или брали в плен, то рыжий был обречен на долгую мучительную смерть в назидание своим собратам. Некоторые ребята из пограничных полков становились настоящими мастерами в подобных «разговорах».

Я понимал, что все еще жив только потому, что пришел вместе с Керэ и Рашэ. Именно поэтому «бабочки» не спешили пустить в ход копыя. Поначалу решили разобраться, что к чему, и только Мелот знает, что случится потом. Скажу честно, несмотря на то что я был проводником, на удачный поворот дела рассчитывать не приходилось.

Рыжие остановились, вперед вышел невысокий эльф с густой гривой распущенных волос. Кивнув Керэ, словно старому знакомому, он заговорил на своем языке. Маг выслушал, коротко ответил. Завязался разговор, в котором я, к своему глубочайшему разочарованию, ничего не понял. Пока они говорили, я сто раз успел пожалеть, что в свое время не стал учить напевную речь.

Беседа продолжалась, сыпались вопросы, давались ответы. Некоторые рыжие с ненавистью поглядывали в мою сторону. Надеюсь, Керэ не придет в голову светлая мысль продать меня со всеми потрохами этим мясникам.

В какой-то момент я понял, что эльфы начали спорить. Маг, все такой же спокойный, как и раньше, пытался в чем-то убедить своего собеседника, а тот каждый раз вежливо выслушивал и, отрицательно качая головой, говорил «эмпаста». Это было одно из немногих известных мне слов и означало оно «невозможно». Пререкания затягивались, в них вступил еще и Рашэ.

Глава отряда внезапно посмотрел на меня и сказал практически без акцента:

- Как твое имя?
- Нэсс.
- А дальше?
- Просто Нэсс.

Рыжий усмехнулся, приблизился, обошел вокруг меня, внимательно рассматривая, словно я был диковинным, но в то же время очень опасным зверем, а потом вновь обратился к Керэ. Теперь уже по-человечески, чтобы я слышал:

- Я думаю, что он лжет, брат. Ты же должен помнить. Высо-

кий, светловолосый, молодой, глаза серые. Стрелы с красным оперением. Это Серый.

— Всего лишь совпадение, брат. Он похож, но не более того. — Керэ говорил спокойно, но я видел, как он напрягся. — Я проверил его, перед тем как взять.

— Прости, но я все равно сомневаюсь, Керэ из Дома Лотоса.

— Сомнение вещь прощительная, Галэ из Дома Бабочки. Но я ручаюсь за человека. К тому же он наш проводник.

— Очень жаль, но он останется с нами. Я выдам вам другого проводника. Из моих людей. Прости, это все, что я могу для вас сделать.

— Ты посмеешь препятствовать делам Дома Лотоса?

— Это земли моей семьи. Ты гость и неприкосновенен. Но человек дальше не пройдет. Не стоит тебе так его защищать.

За мирно сказанной фразой скрывалась угроза, и Керэ сдался. Я увидел, как у него опустились плечи и как он отрицательно покачал головой на вопросительный взгляд Рашэ. Ну что же, вот и все. Пора читать по себе погребальную молитву.

— Хорошо, — ответил маг. — Не будем спорить из-за подобного пустяка, брат.

Двое рыжих тут же наставили на меня арбалеты. Зато все остальные явно расслабились, больше не ожидая от строптивого сына Дома Лотоса никаких неприятностей.

— Я рад, что мы смогли понять друг друга, и, поверь, скорблю о твоей потере, — склонил голову Галэ. — Я немедленно дам тебе одного из своих...

Стоявший дальше всех Высокородный внезапно взвыл и, упав на колени, вцепился руками в собственную лицо, безжалостно раздирая его пальцами.

С громким хлопком лопнула ель, обдав каменистый берег дождем иголок, щепок и веток. Одна из ветвей, точно брошенное великаном гигантское копьё, угодила командиру «бабочек» в спину и, пробив насквозь, выскочила из груди на добрых три ярда, превратив эльфа в страшное подобие пронзенного иглой насекомого. Спустя еще секунду двух ближайших к Керэ эльфов растерла в лепешку неведомая мне сила.

Рашэ, не собираясь ждать, что будет дальше, с боевым кличем бросился на отвернувшегося от него рыжеволосого. До меня наконец-то дошло, что происходит. Топорик превратился в размы-

тый круг и спустя секунду угодил в лоб одному из растерянных арбалетчиков. Его товарищ выстрелил в меня, но промахнулся.

Стрелок бросился на меня с кинжалом. Мы сцепились и покапались по камням. Я, оказавшись внизу, лягнул выроodka коленом в живот, но это не помогло. Тогда, удерживая его руку с оружием, я без зазрения совести впился зубами в мерзкую рожу, резко дернул головой, стараясь причинить как можно большую боль. Рот тут же наполнился чужой кровью. Он взвыл почище, чем Кнофер у виселицы, ослабил хватку, и я без труда спихнул его с себя, водрузился сверху, прижав коленом запястье той руки, в которой до сих пор еще находился кинжал.

С наслаждением выплюнул в лицо эльфа все, что находилось у меня во рту. Залив ему глаза его же кровью, подхватил с земли круглый камень и с размаху опустил на висок противника.

Левое предплечье саднило, я провел по нему рукой и увидел кровь. Проклятая сволочь все же меня зацепила! Слава Мелоту, что это всего лишь царапина.

Трое Бабочек надели на Керэ. Последний эльф направлялся ко мне. Прежде чем броситься к луку, краем глаза я увидел, что Рашэ без движения лежит на камнях.

Я с огромным удовольствием, практически в упор всадил стрелу в кинувшегося на меня остроухого. Он зашатался, попытался метнуть копьё, но я живо пресек эту попытку, успокоив его вторым выстрелом.

Керэ в этот момент прикончил одного из своих противников, но я все же решил помочь ему. Вскинул лук, натянул его «на разрыв»¹, почувствовал на мгновение нежное прикосновение оперения к щеке.

«Транг!» — звонко шелкнуло о перчатку.

С двадцати ярдов спины остроухих представляли для меня соблазнительную мишень. И я не собирался этим пренебрегать.

«Транг!»

Последний из остроухих, поняв, что попал между молотом и наковальней, бросился к лесу. Стрела ударила его в спину. Он пытался ползти, но подоспевший Керэ добил его, а затем бросился к своему товарищу.

¹Выстрел из мощных луков в большинстве случаев исключает долгое прицеливание и удержание натянутой тетивы. Из-за большой силы натяжения стрельба идет на так называемый «разрыв» — используется противоположно направленный рывок обеих рук. (Прим. автора.)

Я тоже подошел к телу Рашэ. Эльф, раскинув руки, лежал на камнях в окружении своих мертвых противников. Две страшные раны на груди и одна на лице.

— Не повезло, — нарушил я молчание.

— Он был хорошим воином. Жаль, — негромко произнес Керэ.

Мне жаль не было. Просто умер еще один Высокородный. Любой солдат из нашего полка сказал бы, что туда ему и дорога.

— Сын Дома Искры умер, спасая тебя, человек.

И вновь я промолчал. Он умер, потому что был нерасторопен. Потому что сражался не с одним противником. Потому что его проткнули копьями, в конце концов! Если маг собирается переложить смерть воина Зеленого отряда на мою совесть, то у него ничего не выйдет.

— Помогите, надо вырыть могилу.

— Мы провозимся до вечера, — предупредил я. — Если хочешь его похоронить, завали камнями.

Так мы и поступили. Работа заняла больше часа. Я оставил Керэ стоять над невысоким, сложенным из камней холмиком, а сам направился к источнику. Очистил чашу от плавающих в ней щепок и веток и вдоволь напился целебной воды. Затем промыл ею же рану на предплечье.

— Надо торопиться, эльф! — крикнул я. — До темноты осталось немного.

Он посмотрел на небо.

— Солнце еще высоко.

— В горах темнеет быстро. Ведь ты хочешь их догнать?

Остроухий задумчиво кивнул.

— Мы отстаем больше чем на сутки. Если не нагоним их в ближайшую неделю, они уйдут в Сандон.

— Я найду их и там. — Керэ подошел к чаше и тоже напился.

— Не найдешь, — усмехнулся я.

— Отчего же? — Золотые брови поползли вверх. — Человеку тяжело скрыться в нашем лесу.

— Во-первых, не говори за всех людей. Многие из моего племени прекрасно прятались под вашим носом не один раз. Тебе это известно.

— А во-вторых? — с вызовом спросил он.

— А во-вторых, Керэ из Дома Лотоса, если человек скроется, но с трудом, то эльф это сделает легко и запросто.

— Объяснись, — холодно потребовал Высокородный.

— Ты все прекрасно понял. Эльф, оказавшийся в Сандоне, очень легко скроется. У своих. Как ты найдешь убийцу среди тысяч своих соплеменников? согласишься, это сложнее, чем найти человека.

Он долго-долго смотрел на меня, затем порывисто встал.

— Ты, кажется, спешил, а теперь решил рассказать мне глупую сказку.

Я рассмеялся.

— Жаль, что ты не любишь сказок, Керэ. Нет, правда, жаль. Я бы многое тебе рассказал.

— Не сомневаюсь. — Он подхватил копье и бросил прощальный взгляд на могилу Рашэ. Затем на тела не погребенных «бабочек». Керэ всем видом показывал, что не поверил моим словам, но глаза его выдавали. Маг выглядел взволнованным.

Дождь накрыл нас, когда мы спешили по высокогорному плато, стремясь как можно быстрее достигнуть перевала. В мгновение ока мы вымокли до нитки, не помогли даже плащи. Дождевые тучи висели так низко, что до них при желании можно было дотронуться кончиками пальцев. Было холодно и противно, я кутался в бесполезный плащ, надвинув капюшон на самый нос, но пронизывающие порывы ветра без труда забирались под него, и становилось еще холоднее.

Несмотря на неудобства, мы не останавливались, а продолжали упорно двигаться на восток, желая нагнать нашу цель. Когда тропа устремилась вниз, погода наконец-то начала улучшаться. Дождь сменился мелкой моросью, потеплело.

— Ненавижу горы, — процедил Керэ.

Он не переставая кашлял и сморкался. Простуженный эльф — забавное зрелище.

— Они этого не любят, — ответил я ему из-под капюшона.

— Не любят чего?

— Когда их ненавидят.

— Это всего лишь камни.

— А твой лес всего лишь дрова. Но ты ведь веришь, что он живой и вполне может отомстить, если к нему плохо относиться?

Этот аргумент заставил его задуматься.

— И все-таки, — не унимался я, — почему ты решил не менять проводника? Ведь мог спокойно уйти.

Высокородный очень долго молчал, я даже подумал, что он не собирается продолжать разговор.

— Я дал слово, что тебе не причинят вреда.

Мне оставалось только изумленно хмыкнуть.

— Не знал, что ты столь серьезно относишься к своим обещаниям.

— Любой Высокородный относится к ним серьезно.

— М-м-м... прости, но я отчего-то тебе не верю. Вы все время пытаетесь нас обдурить.

Он рассмеялся:

— При чем тут слово, данное человеку?

— И то правда, — пробормотал я. — Не поведаетшь, кто из твоего племени столь сильно печется о моем здоровье?

— Дельбе. — В это слово Керэ вложил все свое презрение и отвращение.

— Спешу тебя разочаровать, мы с ним не только не друзья, но даже не виделись.

Он опять расхохотался.

— Готов спорить, что он о тебе и не слышал до того момента, пока мне не потребовалось броситься в погоню! Вскэ хороший политик и не желает инцидентов, когда все еще возможно подписание мирного договора. Он обязал братьев дать слово, что никто из людей, отправившихся с Высокородным в погоню, не пострадает без веских причин. Так что мне пришлось сберечь твою голову, хотя я и не жалую дельбе.

— То есть я без труда могу тебя подстрелить и ты даже не пикнешь?

— Столь далеко мое слово не распространяется.

Скажу честно, я искренне огорчился этому факту.

Вязкие, как патока, сумерки пахли сырой землей, мокрой хвоей и туманом. Теплый, словно парное молоко, ветер гулял в развалинах древнего города. Впрочем, развалин как таковых не было. Густой лес подгрел под себя строения, оплел их плющом, покрыл мхом, окутал лишайником. Осталось немного. Несколько колонн, глядящих в небо, две из них, не выдержав проверки временем, упали на землю. Низкое приземистое здание, из проваленного купола которого росла огромная ель. Едва угадываемые очертания оплывшей стены.

— Что это за место? — спросил Керэ, озираясь по сторонам.

— Тебе лучше знать. — Я пожал плечами. — Оно когда-то принадлежало вам.

— Ошибаешься.

— Тогда скажи, кто мог здесь строить, кроме вас? Город слишком стар. В то время на Самшитовые горы люди не смотрели.

— Ни в одной нашей хронике нет упоминания ни о чем подобном. — Он не сводил глаз со здания, из которого росла ель.

— Значит, ты читал не те хроники, эльф.

Он зло сверкнул глазами, но в спор вступать не стал.

— Заночуем здесь, — между тем продолжал я. — Хорошо бы развести костер.

— Надеюсь, ты не ждешь, что я буду собирать хворост?

— Было бы неплохо, — ухмыльнулся я. — Никогда такого не видел.

— И не увидишь.

Мы вошли в дом с проваленным куполом. Толстый ковер еловых игл покрывал весь пол.

— Это один из наших храмов, — прошептал Керэ, рассматривая рисунки на стенах.

— Очень рад, — сказал я, сбрасывая с плеч вещмешок. — Помолись своим богам. Быть может, они пришлют нам немного еды. Нашей осталось не больше чем на день.

— Я не уверен, что здесь можно спать.

— Ради Мелота, не говори ерунды. Впрочем, если хочешь ночевать в лесу, я возражать не буду.

Я подошел к высокому выступу, постелил на него одеяло.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь спать.

— На жертвеннике?

— Это жертвенник эльфийских богов, а не Мелота. Так что мне без разницы. Или ты настолько религиозен?

— Поступай как знаешь. Мое дело тебя предупредить.

— Ну, если ты прав, то меня покарают. А если нет, я всплуюсь.

Он не нашелся, что ответить, и стал сгребать в кучу иглы, готовя постель. Я следил за его действиями и сам не заметил, как заснул.

— Дельбе Васкэ, быть может, вы передумаете?

Только глухой не расслышал бы в голосе Первого Защитника тревогу. Дельбе приоткрыл веки и бросил на телохранителя бы-

стрый взгляд. Сохраняя на лице маску спокойной скуки, выругался про себя. За этот месяц Шанэ слишком устал. Позволил эмоциям взять верх. Для Высокородного подобное недопустимо. Хорошо, что они одни и нет свидетелей позора Защитника.

Звезда Хары! Если Шанэ не может контролировать свое лицо сейчас, что будет, когда они выйдут на мост? Любое проявление слабости расценят не в пользу Высокородных. Младшие братья не должны видеть их сомнений. Подобные чувства привлекают внимание хищников не хуже свежей крови.

Заменить телохранителя? Нельзя. Как там говорят люди? «Коней на переправе не меняют»? Очень... образно. Замена Первого Защитника, да еще и выходца из правящей семьи Высокого Дома, без веской причины — плевков в лицо уважаемому роду. Вряд ли Роса проглотит подобное оскорбление. Слишком горды. Среди его народа и так хватает внутренних дразг. Не стоит их множить поспешными и необдуманными действиями. В свете последних событий некоторые Дома могут решить, что на месте Васкэ лучше бы смотрелся другой Высокородный. К примеру, Рэкэ из Дома Лотоса.

Нет. Пусть будет все так, как есть. Шанэ придется оставить. По крайней мере, пока. Правитель эльфов не только обладал способностью маневрировать в безумном течении политики Высоких Домов, но и умел увидеть положительные стороны в любом плетении событий. Чего у Первого Защитника не отнять, так это опыта. Сейчас он искренне волнуется за жизнь дельбе, а значит, от него не следует ожидать удара в спину. Во всяком случае, до тех пор, пока политика Васкэ не идет вразрез с интересами Дома Росы.

— Нет, мой друг, — закрыв глаза, певуче произнес Васкэ. — Прийти на встречу в кольчуге — значит показать Наместнику, что я ему не доверяю.

— А вы ему доверяете?

— Ты знаешь ответ. Полагаться на людей — по меньшей мере неосмотрительно. Но эта встреча крайне важна для моего народа, и я не хотел бы, чтобы наши противники сочли, что я их оскорбляю. Наместник дал слово, и мне нечего опасаться.

— Люди коварны.

— Как и эльфы. В этом мы похожи. Но им, как и нам, нужен мир. И выгода. Он сдержит слово. Я уверен. Если грязные и решатся напасть, в чем я глубоко сомневаюсь, то не сталью, а магией.

— Керэ готов отразить любое нападение.

Васкэ кивнул, соглашаясь с Первым Защитником, хотя думал

совершенно иначе. Старший брат Керэ — Рэкэ — давно поглядывает на Зеленый трон. Самое неприятное — у сына Дома Лотоса имеются все права, чтобы властвовать, есть поддержка Искр, и лишь нынешний дельбе является для него досадной помехой.

Душу мага сложно понять. Васкэ ему не доверял. Старался держать Керэ от себя подальше и надеялся не на магическую поддержку волшебника, а на защитные амулеты, коих у правителя был целый ворох. Они в отличие от тщеславных братьев всегда были верны.

В шатер вошел темноволосый эльф из Дома Искры. Коротко и не слишком вежливо поклонился. Топазовые глаза не выражали ничего.

— Верховные собрались.

— Дельбе, возьмите с собой братьев из Зеленого отряда.

Голос Шанэ не выражал никаких эмоций, но Правитель умел понимать намеки. Он задумчиво провел изящными тонкими пальцами по древку своего копья. Небрежно, стараясь не показывать заинтересованности, пожал плечами.

— Да. Распорядись.

Зеленый отряд не подчиняется ни одному из Домов. Воины леса защищают границы и не занимаются политикой. В данной ситуации это замечательно. Доверять воинам Ашэ можно куда больше, чем всем этим Высокородным идиотам, только и мечтающим возвысить свой Дом и раздавить соперника. Звезда Хары! Да он меньше опасается людей, чем своих родственников!

Васкэ вышел из шатра и вежливо, хоть это и стоило усилий, поздоровался с каждым представителем Высокого Дома. Как он и ожидал, пришли лишь четверо. Рэкэ из Лотоса, Шальвэ из Ивы, Надрэ из Искры и Гафэ из Росы. Нет Лалэ из Дома Тумана и, конечно же, Ольвэ из Дома Бабочки. Итого пять Домов (если считать, что он, Васкэ, представляет Дом Земляники) из семи возможных.

Дельбе быстро просчитал расстановку сил. Земляника и Роса на одной чаше весов, и Искра с Лотосом — на другой. Ива, как всегда, пытается усидеть на двух ветвях разом. У этого Дома слишком много родственных связей с Лотосом, но официально они поддерживают политику дельбе. Весь вопрос в том, как долго это будет продолжаться и не встанет ли Ива на сторону противников Васкэ, в открытую объявив о притязаниях на Зеленый трон. Сейчас расстановка — два к трем, если только Шальвэ в

последний момент не поменяет решения. Плохо, что не смог прибыть Лалэ из Дома Тумана. Вискэ рассчитывал на поддержку отца своей жены. Ходят слухи, что с тех пор, как Лалэ одобрил идею мира между двумя расами, он заболел и слег в постель.

Очень странная болезнь... Похоже, кто-то из правящей семьи Дома не одобряет политики своего главы. Яд? Магия? Или же хитрец всего лишь умело притворяется и выжидает? Но чего?

А вот отсутствие Дома Бабочки в сегодняшних переговорах объяснить можно. Ольвэ потерял в пограничных стычках с людьми всех своих сыновей. Он против заключения союза с Наместником и подписания грядущего договора. Как самый старший из Верховных, старик прекрасно помнил годы кровавых войн с человеческим племенем, а потому и слышать не желал ни о каких соглашениях. Вот уж кто ненавидит людское племя яростно и фанатично!

Эти глупцы готовы передохнуть в своих рощах от людских болезней, но не просить помощи у младших братьев. Ольвэ показательно проигнорировал приглашение Вискэ и не явился. Лазутчики говорят, что гвардия Бабочки находится в полной готовности и выступит против дельбе по малейшему сигналу главы Дома. Отчего тот медлит — неизвестно. Ждет сигнала от Лотоса? Или нет? Забери его звезда Хары!

Лотос и Искра также не в восторге от всего происходящего. Если первые всегда все делали назло Землянике, то вторые просто не понимали, для чего Высокородным держаться людей. Правитель считал иначе и знал, что, если он хочет сохранить трон за собой и своим Домом, ему придется рискнуть. Найти поддержку на стороне. У другой расы.

После череды войн с людьми эльфы три века были заперты в своих лесах. Расцвет королевства сменился его медленным, но верным угасанием. Проклятые человеческие болезни нанесли Высокородным куда более страшный урон, чем все кровопролитные битвы. Эльфы оказались не готовы к заболеваниям, о которых никогда раньше не слышали. Привычные лекарства не помогали, и лишь магия худо-бедно справлялась с заразой. Но все равно вымирали целые семьи. Еще немного, и от бывшего величия лесов Сандона не останется и следа. Нельзя все время жить в изоляции, нельзя терять сыновей в бесконечной борьбе за кусок гористой земли.

Он, Вискэ, подпишет договор и передаст восточную часть

Самшитовых гор в вечное владение Империи. Высокородные проливают кровь за горы, которые всегда были их землей, но никогда не были им нужны. Зачем эльфу скалы, когда есть леса? А людям горы нужны. Империя уже давно стремится прорваться на юг, построить быструю дорогу для торговых караванов, разрабатывать недра в поисках металлов и минералов, и лишь Высокородные мешают ей сделать это.

Теперь люди получают то, чего хотят, и в обмен вернут народу Высокородных отнятые за время войны северные леса. Получить страну Дубов и клятву вечного мира взамен нагромождения камня! Прервать вынужденную изоляцию, начать торговать с другими расами за обещание спокойной жизни. Получить лекарства и навсегда забыть об ужасах человеческой заразы! Цена свободы народа заключалась в том, чтобы признать превосходство грязных младших братьев. Цена свободы — эльфийская гордость, о которой на этот раз следовало забыть. Цена свободы — пойти на уступки. Выжить. Восстановить силы, власть, опыт. Через столетие, быть может два, появится шанс вернуть горы. Но не раньше. Сейчас Высокородным нужен мир, пускай половина из его народа так не считает. Он дельбе. Он знает.

— Все готово? — спросил Васкэ.

— Да. Я позволил себе позаботиться о безопасности, — уверенно ответил Гафэ из Росы. — В лесу ждут Алые сливы, Лунные мотыльки и триста стрелков Ночной лилии. Воины Зеленого отряда будут прикрывать наш отход.

— Маги?

— Мы готовы, дельбе, — поклонился Керэ.

— Люди на мосту, — сухо бросил невысокий золотоволосый Рэкэ.

Он покосился на окруживших их воинов Зеленого отряда, но ничего не сказал.

— Что ж, не будем заставлять их ждать больше, чем требуется, — произнес дельбе и, кивнув Первому Защитнику, направился к мосту.

— Как скажете. Вы наместник и вам лучше знать. Но я так думаю: остроухие — коварный народ. Того и жди, устроят какую-нибудь каверзу, — волновался Ожон.

— Когда заходит вопрос о предательстве, мы ничуть не хуже

эльфов, — произнес кряжистый, заросший густой черной бородой мужчина. — У тебя все готово?

— Не волнуйтесь. Если Высокоблудные решать отомстить нам за Гемскую дугу, мы устоим. Ребята на подхвате, только свистните. Тридцать второй пехотный копейщиков, Двенадцатый кавалерийский и Сорок пятый имперский тяжелый за холмиком. «Арбалетчики Найджа» и «Стрелки Майбурга» прямо за нами. Вырвемся, коли что.

Наместник кивнул. От Выхоронных можно ожидать внезапных сюрпризов. Лично он никогда им не доверял. Но сегодня пришлось явиться без кольчуги, хоть и при оружии.

— Простите мои слова, но ходят слухи, что не все остроухие были счастливы от того, что хочет сделать их король. По мне, так лучше уж они друг друга перерезали, нам бы работы меньше осталось.

— Общий совет Домов проголосовал за мирный договор большинством голосов. Если они перебьют друг друга, то не по этому поводу.

— Прутся, чтоб им пусто было, — пробурчал Ожон и, сплюнув в реку, поправил пояс с мечом. — По мне, так перешелкать их, как куропаток, и гора с плеч. Арбалетчики под рукой. Так и протся.

— Не озвучивай свои мечты, капитан. У наших любезных гостей прекрасный слух.

Наместник понимал, что, если делегация эльфов окажется на дне реки, это не решит проблемы. Империи давно тесно в своих границах. С востока и запада моря, земли севера — сплошной лед. Остается лишь лежащий за Самшитовыми горами плодородный юг. Но горы и окрестные леса издавна принадлежали старшей расе, которая слишком горда, чтобы отойти в сторону и пропустить человечество. Война длится долгих три века, и конца ей не видно. Никто не может взять верх. Победы чередуются поражениями и вновь сменяются победами. Противостояние вылилось в череду схваток, перемежающихся недолгими перемириями...

Императору надоело тушить негасимые угли мечом. После победы на Гемской дуге появился шанс заставить Высокоронных принять условия человечества. Дельбе, который, по слухам разведчиков, пытался объединить разрозненные, вечно враждующие друг с другом Дома под своей властью, оказался дальновидным политиком. Понял, что с поддержкой людей у него гораздо

больше шансов усидеть на троне, чем в одиночку. Как только будет подписан мир, даже скептики из старых семей перейдут на сторону правящего Дома Земляники. Все, кроме Бабочки.

Эти чудовища беспокоили Наместника. Выродки Ольвэ давно превратились в имя нарицательное. Их кровавые рейды в Империю помнят до сих пор. Ольвэ никогда не пойдет на мир, и даже если переговоры завершатся успехом, всегда придется помнить о рыжеволосых.

Он помолился Мелоту, чтобы Высокородные в последний момент не выкинули никакого фортеля. Тогда всем будет хорошо. Можно двигаться дальше. Вперед. В новые земли. Не опасаясь удара в спину. Брошенного из кустов копья. Выпущенного с древесной кроны болта. Вылетевшего из пущ Сандона карательного отряда Черных светлячков. Да что тут говорить! Если ценой свободы людей является признание номинального суверенитета Высокородных и страна Дубов в придачу, то остроухие без проблем получают и то и другое. Лишь бы уgomонились и дали проход через горы в новые, пока еще ничейные земли.

Делегацию возглавлял высокий эльф. Короткие темные волосы украшал изящный нефритовый венец — знак высшей власти Высокородных. Дельбе Вискэ собственной персоной. Отчего-то этот остроухий сразу понравился Наместнику. Хотя красивое породистое лицо повелителя Сандона ничего не выражало, в его глазах не было даже намекa на привычную для этой расы спесь.

Сразу за королем шел его Первый Защитник. Он тоже был темноволосым, но куда более широкоплечим, чем дельбе. Телохранитель не спускал глаз с Наместника, явно подозревая его во всех смертных грехах. Далее важно шествовал целый табун Высокородных гордецов.

— Ожон, — едва разжимая губы, произнес возглавлявший людей человек, — смотри в оба.

Шанэ дышал в затылок, и Вискэ чувствовал себя неудобно. Он вообще не любил, когда кто-то стоял за его спиной, но приходилось мириться с неизбежным. От Первого Защитника деваться некуда. Участь любого дельбе — постоянно ощущать присутствие личного телохранителя.

Люди ждали. Впереди всех стоял грузный немолодой мужчина, в котором Вискэ узнал Наместника. Надрэ тихо помянул глупость «земляники».

— Не сейчас, брат, — услышал дельбе тихий голос Рэкэ и ис-

пытал благодарность к своему сопернику. Еще не хватало, чтобы Верховные затеяли свару на глазах у врагов.

Шаг. Еще шаг. И вот Васкэ уже стоит напротив человека.

— Добрый день, мессир.

Наместник удивленно приподнял брови. Небывалое дело. Высокородный поздоровался первым.

— Добрый, дельбе. Надеюсь, вы готовы?

В воздухе прогудел шмель, и напускное спокойствие обеих сторон лопнуло, точно мыльный пузырь. Рэкэ, в шею которого попала стрела, еще не упал, а эльфы и люди уже схватились за оружие.

Шанэ сгреб короля в охапку и отбросил назад, под прикрытие воинов Зеленого отряда и подальше от человеческих мечей. Один из эльфов попытался ударить Наместника копьем, но тот, несмотря на свои внушительные размеры, легко уклонился. Двое его телохранителей, вооруженных секирами, выскочили вперед, собираясь раскроить отчаянному Высокородному голову.

— Стоять! — что есть сил заорал Наместник. — Стоять, Ожон! Не убивать!

— Остановитесь! — крикнул дельбе, прорываясь через надежный заслон воинов Ашэ. — Немедленно!

Им обоим удалось сотворить невозможное — люди и эльфы, тяжело дыша и судорожно сжимая в руках оружие, замерли, сжигая друг друга полными ненависти взглядами. Дельбе знал, что хрупкое затишье в любой момент может разразиться бурей. Неправильно истолкованный жест, любое неосторожное слово — и все, что он пытался сделать, обернется прахом. Разбитое зеркало нельзя собрать вновь.

Высокородный встал рядом с Наместником, в опасной близости от людских копий. Какое-то мгновение они смотрели друг другу в глаза, затем человек скомандовал:

— Ожон, пошли следопытов по нашему берегу. Пускай перевернут каждый листик, но найдут мне стрелка. Живым.

— Ашэ. Пусть твои братья и Алые сливы проверят тростник вдоль берега и лес. Найдите стрелявшего.

— Да, дельбе, — кивнул командир Зеленого отряда.

Люди и эльфы бросились исполнять приказания владык.

— Его убила человеческая стрела, — прокаркал Надрэ из Дома Искры, и Васкэ нахмурился. Этот не собирался успокаиваться. Его так и подмывало ввязаться в драку.

— Но прилетела она с нашей стороны, — негромко сказал Га-

фэ из Дома Росы. — Дельбе прав. Не стоит спешить. Тебя едва не убили, брат, — обратился он к Васкэ.

— Глупости. Стрелок попал в того, в кого должен был попасть.

Все, не сговариваясь, посмотрели на мертвеца и Керэ, застывшего возле него на коленях...

— Эй, человек! Пора в дорогу! — разбудил меня Высокородный.

Я открыл глаза и сел. Будь я проклят! Увиденное мной оказалось всего лишь сном. Спина противно ныла. Толком не проснувшись, я спрыгнул с алтаря, стянул с него одеяло, скрутил в валик и убрал в мешок.

Небо едва посветлело, а Керэ уже был на ногах, собирая свои вещи. Если бы не он, я бы точно проспал еще целую вечность. Он почувствовал мой взгляд, обернулся, высокомерно приподнял бровь, интересуясь моим любопытством.

— Не знал, что стрелок убил твоего брата, — неожиданно для себя произнес я.

Зеленые глаза опасно прищурились.

— А я не думал, что ты знаешь о моем брате.

— Не знал. До сегодняшнего дня.

— Объяснись.

Остроухий слушал не перебивая, лишь хмурился и недоверчиво качал головой.

— Сложно поверить.

— Ты хочешь сказать, что это всего лишь сон?

Он пожевал губами и неохотно покачал головой:

— Если и сон, то вещий.

— Хочешь отомстить убийце за гибель брата?

— Нет. Хочу взять твоего сородича за шкурку и целым и невредимым доставить к дельбе.

— А если это будет не человек?

— Ты опять... — Он досадливо поморщился.

— Ну, если?..

— Я поступлю точно так же, — подумав, ответил он.

— Очень на это надеюсь, потому что не сегодня, так завтра тебе предстоит иметь дело со своими родственниками.

— Да почему ты так уверен, что стрелял Высокородный?! — вспыхнул он.

— А отчего ты решил свалить все на человека?

— Стрела была ваша.

— Ее можно подменить, — отмахнулся я. — Стрелял эльф.

Я до сих пор удивляюсь, почему ты этого не понял. Представляю, что ты на это скажешь. Стрела наша, но отправили ее с восточного берега, чтобы запутать след, ни один из Высокородных не возьмет лука, а ни одна эльфийка не способна попасть на таком расстоянии. Сил не хватит натянуть тетиву. Но поверь, не все Высокородные держат слово и не все не пользуются луками.

— Да как ты сме... — задохнулся он.

— Смею. Я вот этими руками прострелил шею эльфу-лучнику. Почему бы не найтись еще одному?

— Я в это не верю!

— Не жду, что ты мневеришь. Но, судя по отпечаткам сапог, которые мне показали в тростнике, стойка для лучника довольно странная. Никто из людей никогда не поворачивает так стопу, чтобы сделать точный выстрел на дальней дистанции.

— Вот ведь странно! — возмутился он. — Никто из моего народа не пользуется презренным оружием, но ты говоришь чушь! А когда какой-то человек неправильно поставил ногу, ты сразу же отмечаешь мысль, что это был твой сородич.

— После выстрела он ушел в Сандон. Человек, Керэ! Человек! У него под боком земли Империи, а парень лезет в ваш лес! Подумай, как он мог пройти через такое количество ваших секретов и патрулей? Стал невидимым? Пробрался мимо сотни Высокородных, и никто его не заметил, не остановил, не спросил, что ему здесь надо, и не выпустил кишки?! Ни за что не поверю. Такое могло пройти, если бы из-за подписания договора вы не наводнили приграничье воинами и не посадили их под каждым кустом. Проскользнуть мог только эльф. Кто из ваших остановит собрата? На него не только не обратят внимания, но даже не вспомнят!

— Ну хорошо! — фыркнул он. — Но лук-то он куда дел?

— После выстрела ему ничего не стоило бросить его в реку. Я бы поступил так. Он знал, что рано или поздно встанут на его след. Попытался сбить охотников, увести в Сандон. А сам вернулся и прошел горами, чтобы выйти в восточной части леса, где его никто не станет искать. Он затеряется среди сотен соплеменников. Думаешь, почему я не пошел к Белым клыкам? Эльф никогда туда не сунется.

— Почему он не мог пойти на юг?

— Потому что дальше дорога только в Империю. До Сандона не добраться. А, как ты знаешь, каждая собака стремится вернуться в родную конуру. Здесь прямая цепь перевалов, никаких отклонений в стороны. Все дороги после того, как минуешь пе-

рекресток к Белым клыкам, ведут только в Сандон. Теперь они опережают нас не более чем на полдня. Если пойдем по другому пути, то выиграем время и подождем наших друзей.

— Ты уверен, что они не знают об этой дороге?

— Уверен.

— Пришли, — сказал я.

Он посмотрел на меня как на ненормального.

— Если это одна из человеческих шуток...

Мы стояли в двух шагах от пропасти.

— Никакая это не шутка. Нам именно туда.

— Ты научился летать?

— Я просто умею смотреть.

Керэ подошел к пропасти. Тут же возник соблазн спихнуть его вниз. Остроухий лег на живот и перегнулся через край.

— Здесь в скале выемки! Ступени!

— В точку! — ухмыльнулся я. — Правда, назвать это ступенями у меня язык не повернется. Но места, чтобы поставить руки и ноги, вполне хватит.

— Думаешь, что я захочу рискнуть собственной шеей?..

— Ну... если ты жаждешь поймать убийцу собственного брата...

Он недовольно поджал губы:

— Как ты вообще такое нашел?

— Жизнь заставила. — На этот раз я уже не улыбался. — Ну что? Выбор за тобой.

— Ты уверен, что нагоним их?

— Не только нагоним, но и перегоним. Дорога, по которой они идут, за перевалом начинает спускаться и проходит по дну вон того ущелья. Это суточный переход. При должной удаче мы окажемся внизу за несколько часов...

— Если не сорвемся.

— Совершенно верно. Если не сорвемся. Но в прошлый раз мне удалось спуститься. Решил, эльф?

— Решил, человек. Рискнем.

Я так и думал. Керэ пойдет до конца. Не завидую стрелку, угловидшему в лапы мага. В чем Высокородным не откажешь, так это в мстительности. Порой я начинаю думать, что в ней они превосходят даже людей.

— У тебя в мешке есть что-нибудь ценное? — спросил я.

— Нет. Только еда и одеяло. — Кажется, мой вопрос его удивил.

— Отлично.

Я подхватил оба вещмешка и бросил их в пропасть.

— Не думаю, что сухому мясу и мотку ткани повредит удар о землю. А вот нас лишний груз утянет. Мне хватит и лука. Советую отправить в полет еще и копье.

Керэ с презрением посмотрел на меня и с помощью ременной петли закрепил короткое древко за спиной.

Ну и пусть. Авось свалится вместе с оружием.

— Надеюсь, мы подберем упавшее, когда спустимся, — процедил он.

— Надейся.

Что еще я ему мог ответить?

— В выемках-ступеньках могут быть змеи и скорпионы.

— Тогда ты умрешь.

Больше он не произнес ни слова.

Лицо щипало от пота и налипшей пыли. Руки болели, спина ныла.

«Опустить правую ногу. Нащупать выемку. Укрепиться. Опустить правую руку. Нащупать выемку. Вцепиться в край пальцами. Опустить левую ногу. Нащупать ступеньку. Укрепиться. Опустить левую руку. Нащупать выемку. Укрепиться. Плотнее прижаться к стене. Перевести дух. Не смотреть вниз. Опустить правую ногу...»

Монотонное, скучное и опасное путешествие. С прошлого раза я успел позабыть, насколько это тяжело, и теперь время стало моим палачом. Керэ двигался справа от меня и чуть выше. Моя душа была спокойна — если бы он гробанулся вниз, то я бы не пострадал.

Я рискнул бросить быстрый взгляд вниз. Мы с эльфом преодолели большую часть пути. Очередная остановка.

— Теперь-то я точно убедился, что твое племя безумно, — выдохнул остроухий. — Только бешеный пойдет такой дорогой.

— Безумие и бешенство — разные вещи, — не согласился я. — Осталось совсем немного.

— То же самое ты говорил во время прошлой остановки.

— Нам еще повезло. Дождя не было. И ветра. В прошлый раз меня едва не сдуло.

— Ты и вправду безумен. Кто построил эту дорогу?

— Уж точно не природа. Ты сам говорил, что это похоже на ступеньки. Смелый и ловкий вполне может пройти.

Он задумался, затем неожиданно спросил совсем о другом:

— Скажи, ты и вправду считаешь, что стрелял эльф?

— Да.

— От смерти Рэкэ более всего выигрывал дельбе. Мой брат первый претендент на Зеленый трон. По праву. К тому же он не поддерживал идею мира с людьми. Но не думаю, что стрелок действовал по приказу Васкэ или кого-нибудь из Земляники. Убить в тот момент, когда нежно лелеемый тобой договор будет вот-вот подписан... Дельбе не такой дурак.

— Я вообще думаю, что твой брат погиб случайно.

Сказав это, я продолжил спуск.

— Эй! — Вся выдержка мигом его покинула. — А ну стой! Ты это о чем?!

— Потом! — гаркнул я в ответ.

— Подожди!

Я проигнорировал его вопли. Керэ пытался меня нагнать, но тут я его обставил, и он не стал продолжать гонку.

Ярдах в ста сорока от земли по скале проходил карниз шириной в полторы стопы. Я как раз ошутил под ногами опору, когда сверху раздался вопль. Керэ все же сорвался, а я уж и не надеялся на такое счастье. Прежде чем я сообразил, что к чему, ловкому остроухому удалось зацепиться за край площадки.

Он попытался найти выемки для ног, но ниже стена была гладкой. Керэ попробовал вылезти на карниз, но удар по рукам, слабость в уставших пальцах да еще тяжелое копье за спиной — не самые хорошие помощники в этом деле. Лицо эльфа покраснело от напряжения, из-под ногтей сочилась кровь, но он не сдавался. На меня остроухий бросил всего лишь один взгляд. Никаких просьб о помощи.

Умная тварь. Понимает, что проще у богов допроситься винного дождя, чем руки у человека. Я с интересом наблюдал за его безуспешными потугами. Первый порыв был — подойти и сбросить его вниз. Многие ребята из полка нашли бы забавным отрезать эльфу пальцы, чтобы он отправился в полет. Я остался на месте. Не хотелось мारаться. Высокородный сам брякнется.

Керэ был похож на кота — держался крепко и явно не желал падать. Затянувшаяся агония мне порядком надоела. Видать, Меллот сегодня на стороне золотоволосого. Я выругался и подал магу руку. Тот уставился на нее, явно не поверив собственным глазам.

— Ну? Тебе помочь или как? — раздраженно спросил я.

Керэ, прижавшись спиной к стене, долго сидел с закрытыми глазами. То ли молился, то ли все еще никак не мог поверить в свое спасение. Дышал он тяжело, из разбитых рук все еще сочилась кровь. Живучий гаденыш.

— Ничего себе не сломал? — поинтересовался я.

Он покачал головой. Затем подумал и ответил:

— Всего лишь ушибы. Ты что-то говорил о том, что Рэкэ погиб случайно.

— Я много всего говорю. Но ты мне не веришь.

— И все же я хотел бы услышать...

— Хоти, — перебил я его. — Пока не поймает стрелка, я впус-
тую воздух сотрясать не буду.

— Там. Ниже. Ступени кончились, — выдал он.

— Знаю.

— Тогда как?

— До входа в пещеру надо пройти по карнизу ярдов двадцать. Выход у подножия. Отдохнул? Тогда вставай. Скоро солнце сядет, а нам еще мешки найти надо.

Эльф безропотно поднялся, пошел за мной, стараясь держаться как можно ближе к стене. Я чувствовал, как его взгляд жжет мне спину. Наконец он не выдержал:

— Почему ты меня спас?

Я пожал плечами:

— Считаю, что это мой мимолеетный каприз.

На самом деле я и сам не знал, почему.

— Ты уверен, что они пройдут именно здесь?

Керэ задавал мне этот вопрос уже в третий раз. Очень хотелось послать его в Бездну, но я сдержался.

— С перевала ведет только одна. Не дергайся, эльф. Стрелок придет. Жди.

Мы находились на невысоком поросшем соснами холмике. Внизу, ярдах в тридцати под нами, проходила тропинка. Я при-
готовил лук, воткнул в землю четыре стрелы и, сунув в зубы травинку, решил немного полежать на солнышке. Высокородный отдыхать отказывался наотрез. Был напряжен и не спускал глаз с тропки, явно опасаясь, что, как только он отвернется, мимо него проскочат все кому не лень.

— Галэ был прав? — неожиданно спросил он.

— Ты о чем?

— Он назвал тебя Серым. Сын Дома Бабочки прав?

— А как ты думаешь?

— Ты подпадаешь под то описание, что у нас есть. Молод и светловолос.

— Таких людей масса.

— Сероглаз.

— Еще больше.

— Отряд «Стрелки Майбурга». Ведь Серый из этого полка?

— Быть может.

Он усмехнулся.

— Я, как только тебя увидел, все понял.

— Тогда еще более удивительно, что ты вытащил меня из лап рыжих братьев или не прирезал под первой осиной.

— Зачем? Дому Лотоса ты ничего плохого не сделал. Но Туман и Бабочки, попади ты им в руки, так просто тебя бы не отпустили. Сколько у тебя на счету голов отпрысков из их семей?

— Не знаю. Я не Серый.

Керэ тихо рассмеялся.

— Какое-то время я думал, что ты не более чем легенда. Что тебя не существует и вся эта сказка лишь прикрытие для одного из Домов. Какая-нибудь Высокородная делает всю работу, а затем умники сваливают преступление на человеческого убийцу, бродящего по Сандону как у себя дома и охотящегося за головами наших полководцев и Высших. Из-за тебя Ольвэ из Дома Бабочки потерял последнего сына. Многие жаждут поймать Серого. Ты слишком всех напугал.

Я перекинул травинку из одного угла рта в другой. Прозвище, которым остроухие наградили убийцу, на самом деле принадлежало нескольким стрелкам. Если говорить точнее, четверым. Мне, Клету, Лоссу и Тегу. Мы хорошо знали лес и были готовы рискнуть шкурой за приличное вознаграждение. Работали в разных местах и в разное время, по возможности отстреливая влиятельных остроухих гаденышей. Моих однополчан Сандон «сожрал». Последним из тех, кому не повезло, оказался Лосс. Бабочки взяли его в оборот и с радостью раструбили на весь лес, что наконец-то поймали ублюдка, убивавшего Высокородных.

Впрочем, их радость была недолгой. Я снял одну из буйных рыжих голов и ушел до того момента, как меня взяли в клещи. Потом только узнал, что попал в глаз последнему из отпрысков главы Дома Бабочки. Ну, а остроухие, соответственно, поняли, что взяли не того. После этого им каким-то образом удалось раздобыть мое описание, но я так ни разу и не попался.

— За что тебя отправили на виселицу? — Керэ никак не уни-
мался.

— За убийство.

— Оно того стоило? Я о деньгах.

— Да.

— Значит, в свободное от войны с Высокородными время
подрабатываешь наемным убийцей?

— Иногда стреляю за деньги.

— Но на этот раз тебе не повезло.

— Везение штука капризная. Вначале не повезло. Затем тебе
захотелось отправиться в горы, и мне улыбнулась удача.

Он тихонько рассмеялся.

— Неужели за убийство моих братьев платят гораздо меньше,
чем за твоих соплеменников?

— Когда как.

— Выходит, я дважды спас тебя от смерти?

— Выходит, что так, — неохотно сказал я.

Приподнялся на локте, посмотрел на тропку и обмер. По ней
быстрым шагом шли пятеро Высокородных.

— Ни у одного из них нет лука, человек.

— Я говорил, что он избавился от него при первой возможно-
сти. Для твоего народа это слишком заметное оружие.

— Они из Дома Тумана. Понимаешь, что будет, если ты ошибся,
человек?

Я выругался про себя. Понимаю. Скорее всего, Туман перегры-
зется с Лотосом. Мне на это плевать. А если Керэ не хочет ослож-
нений, пусть избавится от всей пятерки.

— Стрелок четвертый. Тот, у которого арбалет.

Маг впился глазами в высокого пепельноволосого эльфа.

— Почему?

— Его одежда не такая, как у других. Сизые стрекозы были в
приграничье, когда вы готовились подписать договор?

— Да.

— Значит, именно в их форме он проскользнул через ваши
патрули.

— Недоказуемо.

— Делай что хочешь, — сдался я. — Можешь даже вылизать
им сапоги. Но именно по их следу мы шли все это время.

Высокородный размышлял не больше секунды.

Трое остроухих умерли от того, что ближайшая сосенка пре-

вратилась в гибкий хлыст и крепко по ним вмазала. Предполагаемый стрелок шарахнулся в сторону, едва не сбив с ног идущего последним эльфа. Тот не растерялся, увернулся и что-то выкрикнул, резко хлопнув в ладоши, а затем нырнул в лес, уйдя с тропки вправо. «Стрекоза» бросился влево.

Воздух замерцал, уплотнился, и похожая на жабу-переростка тварь бросилась в нашу сторону.

— Прибей его! Я займусь магом! — гаркнул Керэ.

Прежде чем я успел опомниться, его и след простыл.

«Тран-г-г!» — шелкнула тетива о перчатку.

Стрела по низкой дуге прошла под ветвями сосен и угодила в глаз чудовищу. Никакого результата, оно лишь прибавило прыти.

«Тран-г-г!»

Шкура создания могла поспорить с броней Императорской пехоты. Чудовище добралось до склона холма. Я вдохнул. Выдохнул. Обратил все внимание на оставшийся глаз «жабы».

«Тран-г-г!»

Тварь тяжело рухнула на землю и забилась в конвульсиях, подминая под себя кустарник и ломая молодые деревья. Мне все же удалось достать ее.

Времени наслаждаться успехом не было. Облаченный в форму Сизых стрекоз остроухий уходил от меня с каждой минутой все дальше и дальше. Я добежал до того места, где он сошел с тропы в лес, и, держа наготове очередную стрелу, пошел вперед, ни на миг не забывая, что у беглеца арбалет.

Река гремела все ближе, поэтому я взял левее, надеясь выйти к ее излучине, с которой хорошо просматривался целый участок каменистого берега. У воды никого не было, пришлось вернуться назад к соснам и продвигаться через бор к скалам.

Мое внимание привлекло движение на противоположном конце поляны, akurat напротив того места, где я находился. Оказалось, что это Керэ. Маг был цел и невредим, разве что его одежка немного пострадала и прокопtilась. Выходит, ему удалось пристукнуть своего соперника. Высокородный медленно крался от сосны к сосне и не видел, что пепельноволосый эльф целится в него из арбалета.

Я оказался быстрее, чем он. Остроухий, схватившись за пробитое стрелой бедро, с воплем рухнул на землю.

— Хороший выстрел, — похвалил меня Керэ, поднимая арбалет.

— Ты мага пристукнул или связал?

— Пристукнул, — буркнул он. — Этому придется отвечать за всех.

— Твое племя отличается завидным упрямством. Даже наши умельцы не всегда могут развязать вам языки.

— *Мне* он скажет все.

— Ты в этом уверен?

Пленник, связанный закрятъем по рукам и ногам, бросал на нас испуганные взгляды. Взрослые остроухие куда лучше умеют владеть своим лицом и... очень неохотно учатся стрельбе из лука. А этот еще слишком молод, чтобы быть шепетильным.

— Уверен. Он младший в семье. Не рассказать главе Дома и магу... Ты ведь знаешь, что я тогда сделаю с твоим родом, мальчик?

Он явно знал и сказал что-то на своем языке.

— Пусть говорит по-человечески! — возмутился я.

Керэ с неохотой снизошел до моей просьбы:

— Делай, как просит человек.

— Я не виноват!

— Это я уже слышал. Еще раз соврешь, выжгу тебе глаза.

— Ты не посмеешь! Я такой же, как и...

— Ты убил моего брата, мальчик. Твоя семья мои кровники. А теперь посмотри мне в глаза. Посмею я или нет? Вижу, ты понял. Кто стрелял из лука у реки?

Раненому ужасно не хотелось говорить, но, видно, за угрозами Керэ стояло нечто большее, чем слова, поэтому ответ хоть с задержкой, но последовал:

— Я.

Маг гадливо сморщился:

— Ты же Высокородный! Мужчина! Как можно было прикасаться к презренному оружию?! Кто тебя учил?

— Пленный. Один из людей. — Эльф совсем по-человечески шмыгнул носом.

— Зачем понадобилось убивать моего брата? Ну?! Отвечай, звезда Хары! — На руках золотоволосого полыхнуло лиловое пламя.

— Это вышло случайно! — забился в путах остроухий. — Мне сказали убить другого!

Лицо Керэ окаменело. Я расхохотался.

— Ты ведь знал. Знал с самого начала. — Керэ посмотрел на меня взглядом, полным ненависти. — Как?!

— Как я понял, что это Высокородный, я уже тебе рассказывал. Чем ты слушал?

— Как ты понял, что Рэкэ умер по ошибке?!

Он и вправду не понимал.

— Стрелки из луков вы неважные. Можно предположить, что среди эльфов нашелся тот, у кого руки растут из нужного места, но опытный мастер-человек все равно заткнет его за пояс. Не глядя. Прости, но я понял, что это кто-то из вас, еще до того, как уверился, что только эльф спокойно мог проскользнуть через разбушевавшееся приграничье. Готов уверовать, что вы великие воины, но никогда не поверю, что такой, как он, — я кивнул на связанного, — способен послать стрелу на двести пятьдесят шагов при сильном встречном ветре и попасть. Быть такого не может! Не забывай, что твой брат на мосту стоял не в одиночестве. Рашэ сказал, что в посольстве было больше сорока ваших. Сорока! На узком мосту. И все они в постоянном движении, а не стоят на месте, словно мишени во время состязаний. В такой толпе, при таком ветре, на таком расстоянии попасть... даже у меня это получится в двух случаях из трех. Про ваше племя я даже не говорю. Думаю, ставка была на удачу и человеческую стрелу. И она полностью оправдалась. Вы заглотили наживку вместе с крючком.

— Человек говорит правду? — ровным голосом спросил Керэ.

Раненый кивнул, и у мага дернулась щека.

— Кого ты должен был убить?

— Дельбе.

— Кто приказал?

— Лалэ из Дома Тумана.

— Кто?! — Спокойствие и невозмутимость разом покинули моего спутника.

— Лалэ из Дома Тумана, — послушно повторил эльф.

— Зачем ему убивать собственного родича?

— Он не одобрял идеи мира, но не мог открыто выступить против.

— Но-но! — Я пнул его в бок. — Закрой пасть! Если бы ваш Васкэ умер на переговорах якобы от руки человека, то никто бы еще долго не думал о мире.

Забери меня Бездна! Остроухие все-таки перемудрили сами себя! Вместо того чтобы шлепнуть миротворца, по ошибке в Бездну отправили того, кто мог сплотить недовольных. Лучшего повода для смеха у меня давно не было.

— Эй! Что ты делаешь?! — заорал я, увидев, как Керэ направляет арбалет на съежившегося от ужаса стрелка.

— Собираюсь его убить.

— Ты еще утром хотел привести преступника к дельбе!

— Я передумал.

— С чего бы это?

— Эта грязь убила моего брата! Кровь требует отмщения.

— А может, дело в том, что парень оказался эльфом? Ты не можешь предъявить убийцу. Эльф хотел убить дельбе, чтобы все подумали на людей и не подписывали договор. Сейчас мира нет только по одной причине — Высокородные считают, что убийство главы Дома дело рук человека. Но у них не будет причин отказаться подписать бумаги, если стрелком был один из эльфов.

— Бред!

— Возможно. Но я знаю одно: твой Дом, Керэ, против мира. Тебе гораздо выгоднее все свалить на людей. Отсюда и это желание — убить.

— Нет, — улыбнулся он. — Это сделаешь ты.

— С чего бы у меня возникло такое желание?

— Я заплачу.

— Купить хочешь, эльф? — прищурился я.

— Да, человек. Хочу. Ты ведь наемник. Почему я не могу нанять тебя?

Он явно не шутил.

— Сколько?

— Назови свою цену.

— Смогу ли я воспользоваться деньгами?

— Я не собираюсь тебя убивать. И проведу через Сандон туда, где тебя никто не будет искать. Даю слово. Подумай, с большими деньгами ты можешь начать новую жизнь.

— Ты предлагаешь мне предать собственный народ.

— Я предлагаю тебе деньги и свободу. Думаешь, после того, как ты вернешься в Майбург, тебя не казнят? Или надеешься вымолить прощение? Какое тебе дело до того, что здесь будет происходить дальше, если сам уже будешь далеко? Ну, так как?

— Твое предложение не лишено привлекательности, — осторожно ответил я, покосившись на его арбалет.

— Это означает «да»?

— Пожалуй...

Какое-то время остроухий испытующе смотрел на меня, затем расслабился, улыбнулся:

— Не сомневался, что ты умнее многих из твоего племени.

Я ответил на его улыбку и, прежде чем он успел опомниться, метнул в него топорик.

Керэ успел воспользоваться арбалетом. Я не знаю, как можно

было промахнуться в меня с расстояния в шесть шагов, но Высокородному это удалось. Болт прошел мимо.

Сын Лотоса упал на колени, рассмеялся чему-то, подавился кровью, стал заваливаться назад. Все было кончено, но я слишком опасался его магии, поэтому всадил стрелу в незащищенное горло. Из его разорванной шеи во все стороны брызнули горячие капли. Керэ умер прежде, чем упал на землю.

Тяжело дыша, я стоял над его телом.

Иного выбора у меня просто не было. Либо убить его быстро и без всякой жалости, либо самому стать покойником. С ним я бы никогда не обрел своей свободы. Он просто не выпустил бы меня живым из Сандона, я слишком многое знаю. Для эльфа данное человеку слово ничего не значит, маг сам говорил об этом.

Я в последний раз посмотрел на лежавшего в крови Керэ, на его усталое лицо, на остекленевшие глаза. Сплюнул. Если бы эльф не промахнулся, все могло бы кончиться по-другому. На поляне остался бы не один, а два мертвеца.

Я обернулся к пленнику. Пепельноволосый был мертв. Арбалетный болт торчал у него из груди. Керэ не промазал, просто целился не в меня. Посчитал более правильным забрать с собой сородича, хотя его лишил жизни человек.

Убив меня, эльф проиграл бы — месть убийце брата не состоялась. А так... так сын Лотоса не только отплатил за смерть родича, но и до самого конца сохранил верность интересам Дома. Значит, решил, что я потащу единственного свидетеля назад, пред светлые очи дельбе и Наместника? И лишил меня этой возможности.

Дурак! Какой же ты дурак, Керэ из Дома Лотоса! Неужели не понял, что без тебя мне не пройти через растревоженное пограничье Сандона? Любой Высокородный посчитает человека законной добычей. И я не смогу протащить раненого столько лиг на своем хребте. Ты, сам того не зная, оказал мне услугу, убив его. К тому же надо быть большим глупцом, чтобы вернуться назад под Майбург в надежде, что меня простят. Люди не простят. Мы, как и вы, слишком злопамятны и слишком плохо держим слово.

Обратной дороги у меня нет. Да я и с самого начала не собирался возвращаться. Больше не задерживаясь, я забросил лук за спину и направился к Белым клыкам.

Предстоял долгий путь на юг.

ВЕРА КАМША

Данник Небельринга

У песни ночной
Есть непроглядные дали
И небо с черной луной.

Ф. Г. Лорка

Бог с тобою, брат мой волк.

М. Цветаева

Глава 1

1

— **А**рмия должна быть готова до конца октября, — раздельно произнес Рудольф Ротбарт, — и она будет готова.
— Ваше Высочество, — маршал фон Эрце выглядел озадаченным, — это... Это невозможно.

— Я знаю лишь две невозможные вещи, — ухмыльнулся Рудольф, — это конец света и моя женитьба. Послезавтра я навещу вас в лагере, и мы обсудим подробности, а теперь можете идти.

Старый вояка поклонился и вышел. Принц-регент Миттельрайха бросил на зеленое сукно мелок и вскочил, едва не опрокинув массивный стул.

— Руди, — покачал головой граф фон Цигенгоф, среди друзей более известный как Цигенбок, — ты загонишь старика в гроб и не заметишь.

— Ты преувеличиваешь, — не согласился принц-регент, роясь в бюро, — я всегда замечаю, когда загоняю кого-то в гроб. Более того, я делаю это с твердо обдуманными намерениями. Смерть

фон Эрце мне никоим образом не нужна, так что наш добрый маршал переживет многих и многих.

— И кого именно? — Цигенбок зевнул и затряс головой. — Прости, не выспался.

— Я еще не уверен, — пожал плечами Рудольф, — но ты все узнаешь из первых рук. Как дальний родич и ближайший друг Людвига.

— Как близкий друг Людвига я бы с наслаждением свернул тебе шею, — сообщил Цигенбок, — императору нет и шести, его мать годится только на то, чтобы сидеть в башне и шить шелками, Эрце — стар, а у меня в башке — ветер. Если с тобой что-нибудь случится, Миттельрайху конец, а ты скачешь, как мартовский кот. Да-да, это я про твою новую пассию. Как бишь ее?

— А тебе-то зачем? — засмеялся Рудольф. — Главное, я ею доволен.

— Дочь суконщика. — Клаус Цигенгоф выпятил и без того мясистую губу. — Пойми меня правильно, я не против горожанок, если они мяконькие... Но за каким дьяволом ты таскаешься к ней через весь город?! Если тебе не можется, возьми девку к себе. Наскучит, выдашь замуж.

— Замуж я ее так и так выдам, — уведомил Рудольф, — к весне. Не тащить же бедняжку на войну, на юге наверняка найдется что-нибудь повкуснее.

— Ты мне зубы не заговаривай, — огрызнулся Цигенбок, — на носу — война, а принц-регент в одиночку навешает любовницу! Об этом даже вороны знают, чего уж говорить о лоасских шпионах... Один выстрел — и все!

— Не суди обо всех по себе. — Рудольф сунул под мышку пару свитков и захлопнул бюро. — Лоассцы отродясь не умели стрелять.

— Если тебя зарежут, тебе будет легче? — спросил Цигенгоф. — Мне — нет!

Руди шмякнул бумаги на стол и смахнул с рукава прилипшую соринку.

— Жаль, ты не суеверен, иначе б знал, что я доживу до семидесяти семи лет, разобью всех врагов и отпущу на свободу самого дьявола.

— Ты его уже отпустил, — фыркнул Клаус, — вернее, распустил. Рыжий Дьявол — это ведь про тебя. Меня не слушаешь, Лемке

спроси. Он тоже места себе не находит. Нет, как друг Людвиг а просто обязан тебе сказать...

— Ты просто обязан мне сказать, — перебил Рудольф, — закончили чинить Банный мост или нет.

— Закончили, — буркнул Цигенбок, — я сегодня его проезжал. Слушай, давай я с тобой поеду! Надену маску и поеду, а то как бы чего не вышло. Готье Лоасский, чтоб от тебя избавиться, душу дьяволу продаст. На пару с папой.

— Испугал лиса петухами, — хмыкнул Его Высочество, — всем известно, что у Готье нет души, а дьявола я еще не отпускал.

— Руди...

— Успокойся, Цигенбок, ты сделал все, что мог. Если меня убьют, твоя совесть будет чиста. А теперь пошел вон, мне надо работать... Черт бы побрал эти счета, и как только Людвиг с ними разбирался?

2

Сиреневые ирисы были готовы, оставались незабудки. Белые незабудки, такие, как в Линденвальде, где она впервые увидела Людвига... Вдовствующая императрица воткнула иглу в пальцы и закусил губу, унимая бесполезные слезы. Шестой год без Людвига, а сколько их еще предстоит, этих лет.

Милику с детства пугали слабым здоровьем. Ее мать умерла родами, пытаясь дать мужу наследника, мальчик не прожил и недели. Через два года отец был вынужден жениться. Новая графиня привезла лекаря-латинянина, объявившего графу, что его старшая дочь не перенесет беременности и лучшее, что она может сделать, это посвятить себя Господу. Так бы и случилось, если б в Линденвальде не завернул Людвиг Ротбарт. Медноволосый красавец едва взглянул на поднесшую ему вино девушку, а для нее все было кончено раз и навсегда.

Отец жаловался мачехе, что император был угрюм и недоволен. Графиня хмурила темные брови и молчала, а через месяц прискакал гонец: Его Величество приказывал Хорсту Линденвальде прибыть в Витте вместе с дочерью, захватив подвенечное платье. Они въехали в столицу дождливым летним утром. Вечером юная графиня узнала, *кто* просит ее руки. Отец был честным человеком, он рассказал сюзерену о здоровье дочери. В ответ император засмеялся — дескать, имея такого брата, как Руди, о наследниках можно не тревожиться.

Они обвенчались и были счастливы, несмотря на ненависть свекрови и ее дам. Людвиг щадил жену, но она его обманула. Мики родился назло дурным пророчествам и лекарским причитаниям.

Император подержал сына на руках и уехал, чтобы не вернуться. Легкая простуда сначала не казалась опасной, а потом стало поздно... Она должна была умереть, Рудольф тысячу раз мог погибнуть на своих войнах, но Господь забрал Людвига, оставив ей Мики и боль.

Милика Ротбарт подозвала сына, и тот подбежал, такой же рыжий, как и отец. Все Ротбарты рождались красноволосыми, кто темней, кто светлее. Волосы императриц Миттельрайха — черные, русые, золотистые — без следа сгорали в этом неистовом пламени. Сыновья Михаэля тоже будут рыжими...

Вдова прижала Мики к себе, и тот недовольно завозился, ему хотелось играть. Сейчас подойдет Гизела и ледяным голосом скажет, что Его Величество должен пить молоко. Или придумает что-нибудь еще, только б оторвать принца от матери. Рудольф советует прогнать ведьму, но разве она может оскорбить память свекрови? Вот если б Руди сделал это сам... Он принц-регент, ему никто не смеет перечить.

— С тебя следует писать Матерь Божию. — Клаус фон Цигенгоф бросил к ногам Милики охапку золотистых роз. — С тебя и с Мики.

— О, нет. — Женщина подвинулась, освобождая место другу Людвига. — пытки... Смерть в тридцать три... Какая мать пожелает сыну такой судьбы?

— Быть императором тоже не весело. Ой, прости, — Цигенгоф смутился, — я имел в виду... То есть не имел в виду ничего такого. Вы так прелестно выглядите в этом саду.

— Ты слишком снисходителен. — Императрица поцеловала выкручивающегося сына в лоб и отпустила. — Какие чудесные розы.

— Это новый сорт. Садовник назвал их «Императрица Милика».

— Мое имя не приносит счастья, — покачала головой вдова, — не стоит его повторять.

— В этом мире нет имени прекрасней, — возразил Цигенгоф, — я готов отвечать за свои слова жизнью и душой, но я принес не только розы. Милика, мне нужно с тобой поговорить.

— Что-то случилось? — Женщина отодвинула пальцы, те упали.

ли в цветочный ворох. Цигенгоф их поднял и положил на скамью.

— Нет, но может. Я бы не посмел говорить с тобой о подобных вещах, но речь идет о Рудольфе.

— Руди? — переспросила императрица. — Что с ним? Я его видела позавчера, он привез Мики ручную белку и был такой веселый.

— Он и сейчас весел, — буркнул Клаус, — я бы даже сказал слишком. Руди завел себе новую любовницу. Дочь суконщика.

— Ну и что? — В голубых глазах Ее Величества не было ни возмущения, ни любопытства. — Если он ее любит...

— Руди никого не любит, кроме войны, — махнул рукой Цигенгоф, — но я не стал бы говорить тебе об этой женщине, ни езди этот осел к ней в одиночку. Достаточно одной засады, и... Поговори с ним, он должен одуматься. Ради Мики.

— Ты прав. — Вдовствующая императрица встала, нечаянно наступив на золотой цветок. — Я еду в Витте. Немедленно... Клаус, может быть, мне сделать эту женщину своей фрейлиной?

— Фрейлиной? — пробормотал Цигенгоф. — Горожанку?

— Она может быть кем угодно, — личико Миики стало решительным, — лишь бы с Руди все было в порядке. Ну почему ты сказал мне только сегодня?

— Ну... Мне Лемке сказал только вчера. Я пытался его образумить, но он и слушать меня не захотел.

— Клаус, — в голубых глазах плеснулось отчаянье, — я сегодня видела во сне волка. Огромного красного волка. Он уходил по ущелью вверх, в туман, и за ним тянулся кровавый след. Что-то случится... Мы должны остановить Руди! Мы успеем?

— Надеюсь, — кивнул Цигенбок, — если ты поторопишься.

3

Когда Рудольф оттолкнул осточертевшие бумаги, уже почти стемнело. Принц-регент потянулся, разминая затекшее тело, и дважды позвонил. С дневными делами было покончено, оставались дела ночные и неотложные.

Слуги внесли свечи и поднос с легким ужином. Следом, стуча когтями по мраморному полу, вошла старая охотничья собака. Днем дорога в кабинет была ей заказана, но вечер снимает дневные запреты.

— Пусть седлают Нагеля, — распорядился регент Миттельрайха, наливая вина. — Брауне, сидеть!

Собака села и была немедленно вознаграждена за послушание. В человеческую жизнь вмещается четыре или пять собачьих, но Брауне пережила Людвига. Брату было тридцать три, столько же, сколько ему сейчас. Проклятье...

— Ваше Высочество едет один? — В бесстрастном голосе слуги чувствовалась осточертевшая тревога.

— Разумеется.

Лакей поклонился и вышел. Рудольф Ротбарт прополоскал рот вином, выплеснул остальное в камин и упал в кресло у огня, время от времени пощипывая розовый виноград. Мясо и хлеб достались Брауне, несказанно довольной подобным поворотом дел. Если ты собираешься спать, можешь наесться до отвала, если идешь к даме или к врагу, оставайся голодным. Глупее храпящего в постели только мертвец.

Покончив с виноградом, регент поднялся и, насвистывая, исчез за скрытой расписной ширмой дверцей. Будущие войны и недостроенные дороги ждали. Так же, как и разговор с Георгом фон Лемке, с которого станется затянуть ту же песню, что и Цигенбок. И с тем же успехом.

Латиняне говорят: ничего не предпринимай не обдумав, а предприняв, не раскаивайся. Обдумывать Руди терпеть не мог. Разумеется, если речь не шла о его возлюбленной армии.

Рыжий Дьявол был создан для войны, а мир ташил на себе Людвиг. Старший брат возился с налогами и договорами, младший жил в свое удовольствие, зная не зная о государственной мерзости. После смерти Людвига Руди безропотно впрягся в имперскую колымагу, утешаясь тем, что могло быть и хуже и он хотя бы не коронован.

Тридцатитрехлетний принц-регент весьма успешно уворачивался от того, что было ему без надобности. В частности, от трона и супруги. В этом он удался в своего прародителя: Вольфганг Ротбарт так и не женился, передав собранную по кусочкам империю в руки самого толкового из своих бесчисленных бастардов.

Льстецы предрекали Рудольфу Ротбарту, что он затмит славу Вольфганга. То же самое они обещали и Людвигу и, разумеется, врили. Рыжий Дьявол был о своей персоне довольно-таки высокого мнения, но не настолько, чтоб полагаться на предсказания.

Его Высочество натянул темное платье военного образца, за-

рядил пистолеты и вернулся в кабинет. Слуга убирал остатки ужина, Брауне спала и даже слегка похрапывала.

— Хорошее вино, — Руди кивнул на пустой кувшин, — завтра подадите такое же. Нагель готов?

— Да, Ваше Высочество. Прибыл граф фон Лемке.

Лемке... Друг детства, боевой товарищ, непревзойденный командир авангарда, а случись что, и арьергарда. На Георга можно положиться во всем. Или почти во всем. Но сегодня он будет мешать.

— Я уехал, — Руди хмуро взглянул на лакея, — уже уехал. Проводите графа сюда и проследите, чтоб он ни в чем не нуждался. Захочет уйти — задержите.

— Хорошо, Ваше Высочество.

Половина обитателей дворца предпочла бы звать Рудольфа Ротбарта «Ваше Величество». Другая половина спала и видела, чтоб Рыжий Дьявол оказался в преисподней. Что до принца-регента, то он не собирался идти на поводу ни у первых, ни у вторых. Малолетний император и его словно сошедшая со старинного gobelena мать к вящему удовольствию Руди были живы и здоровы. Умирать сам Рыжий Дьявол тем более не собирался, а в полнолуние меньше, чем когда бы то ни было. Он, в конце концов, волчье отродье или кто?

Его Высочество потрепал по башке разнежившуюся Брауне, засмеялся и вышел из кабинета, напоследок лихо хлопнув дверь.

Глава 2

1

Луна была огромной, грязно-рыжей и не круглой, а вытянутой, словно яйцо, сваренное в луковой шелухе. Луна была страшной, и Милика торопливо задернула занавески кареты, поймав презрительный взгляд графини Шерце. Надо послушать Руди и убрать всех, кого к ней приставила свекровь, а эту ведьму — первой.

Императрица не сомневалась, что старуха ее ненавидит. Ее и, что особенно пугало, Мики. Насколько добры были к ней с сыном Руди и Клаус, настолько тяжело приходилось с матерью Людвига и ее приближенными. Когда прошлой зимой свекровь отдала душу Господу, Милика расплакалась. Не от горя — от облегчения.

Вдовствующая императрица прикрыла глаза и откинулась на

набитые конским волосом дорожные подушки. Раньше она не боялась полнолуния, это пришло с беременностью. Пришло и осталось, хотя должно было исчезнуть вместе с тошнотой и непонятым отвращением к золоту, хлебу и вину. Наверное, это потому, что Людвиг умер, когда на небе висела такая же луна. Милика почувствовала его смерть, хотя узнала только через неделю. От Руди.

Сколько раз она проживала тот осенний вечер, сколько раз открывалась дверь и на пороге появлялся деверь. Сжатые губы, непривычно короткие завитки над бледным лбом, глаза, из которых исчезла всегдашняя смешинка...

Руди еще ничего не сказал, а она уже вцепилась в черный бархат, глядя в бездонные зрачки брата Людвиг. Он мог надеть траур по любому из родичей и друзей, но Милика знала: умер Людвиг. Не сейчас, а в ту проклятую ночь, когда ее душила нависшая над Витте луна.

— Когда? — Можно подумать, она не знает.

— Двадцать восьмого... Ночью.

Она выпустила его руки и, шатаясь, отступила к окну. Придворные дамы что-то забормотали, и Руди велел всем выйти вон. Потом деверь дотащил ее до кресла, она послушно села, послушно выпила вина...

— Он не проснулся, — сказал Руди, — уснул и не проснулся. Врачи говорили, что он почти здоров, а болезнь вернулась. Так бывает...

Милика кивала, чувствуя, как в груди зарождается хриплый, звериный вой. Еще немного, и он бы вырвался наружу, но дверь вновь распахнулась. Вбежала свекровь и с ней та женщина, на которой Людвиг не женился.

— Тварь, — так они кричали, — подлая тварь! Это ты виновата!

Мать Людвиг кинулась к ней — высокая, сильная, с желтым лицом и длинными белыми пальцами. Унизанные кольцами руки тянулись к шее, но Милика не могла даже шевельнуться, беспомощно глядя в лицо приближающейся ненависти. А потом между ними оказался деверь. Странно, она помнила все, кроме слов: безумные глаза свекрови, медный затылок Руди, длинное лицо ТОЙ женщины, метнувшуюся в окне птицу. Рудольф схватил мать за руки и выволок из спальни. Куда делась ее спутница, Милика не заметила.

Брат Людвиг вернулся, сел на ковре у ног вдовы брата. Они

молчали, пока не стемнело, потом Руди произнес, разглядывая собственные руки:

— Я — принц-регент Миттельрайха. Людвиг завещал мне свою любовь и ваши с Михаэлем жизни. Вы будете жить, даже если мне придется их убить...

Он говорил о собственной матери и еще о ком-то. Милика это поняла, но ничего не ответила. Руди походил на Людвига, и от этого было еще больнее. Она почти ненавидела деверя за то, что он жив, а Людвиг мертв.

Молчание прервала носатая статс-дама, принесшая соболезнования от императрицы-матери.

— Императрица-мать перед вами, — рявкнул Рудольф, — запомните это, если желаете остаться в Витте! И напомните Ее Величеству Марии-Августе, что во время церемоний впереди идут вдовствующая императрица и принц-регент, а прочие члены фамилии — потом.

Носатая дама, имя которой Милика запомнила, покраснела, сделала книксен и торопливо вышла.

— Тебе тоже следует помнить, кто ты, — велел Руди, — даже когда ты одна. Моя мать — всего лишь бабушка императора. Она ничего не решает. Ты поняла?

Она поняла, но это ничего не меняло. Иволге не спорить с ястребом, да и зачем? В следующий раз она увидела свежескопленную похоронах, когда Руди вел ее к гробу. Когда они шли мимо, свежескопленная что-то прошипела, но Милике было все равно. Она не видела ничего, кроме окованного бронзой ящика, в котором лежал Людвиг.

Принц-регент вел вдову, а Клаус Цигенгоф нес нового императора. Стонал орган, пахло ладаном, но она не думала даже о Мики. На выходе из церкви она споткнулась, и Рудольф ее удержал. Деверь ни на секунду не выпустил ее локтя — если б не он, вдовствующая императрица упала, отстала, заблудилась, умерла, и это было бы к лучшему.

Карету тряхнуло, Милику швырнуло вперед, и она едва не ткнулась лицом в колени сидевшей напротив статс-дамы. Неуверенно захныкал проснувшийся Мики. Вдовствующая императрица отшатнулась от пахнущего утюгом атласа и схватила прильнувшего к ней сына. Карета стояла, осев на правый бок, слышались приглушенные мужские голоса, затем дверца распахнулась, показался раздосадованный Цигенгоф:

— Ваше Величество, — при придворных волчицах Клаус не позволял себе никаких фамильярностей, — к моему глубокому сожалению, мы не можем продолжать путешествие. Карета сломана, починить ее без помощи мастера невозможно. К счастью, мы только что проехали Альтенкирхе. Нет сомнения, мы найдем там приют.

— В этом нет нужды, — разлепила губы статс-дама, — Вольфзее гораздо ближе. Кормилица Его Величества Людвиг будет счастлива принять под своей кровлей Его Величество Михаэля.

Кормилица Людвиг... Милика слышала, что старуха живет неподалеку от Витте, хотя никогда ее не видела. Что она думает о браке своего молочного сына? Кормилицу наверняка выбирала свекровь.

— Я боюсь, это не слишком удобно, — вдова старалась говорить спокойно, хотя страх обволакивал ее, словно ползущий от болот туман, — лучше вернуться в Альтенкирхе.

— Но зачем? — Руди бы ее понял, а Цигенгоф — нет. — Смотрите, какой туман. И у нас нет дамского седла.

— Берта пользовалась полным доверием Ее Величества, — ледяным тоном произнесла графиня Оттилия Шерце. — Это поместье — награда за ее заслуги.

Когда статс-дамы говорили о покойной императрице, то произносили слова «Ее Величество» особенным голосом. Совсем не таким, когда речь заходила о ней самой. Милика с мольбой посмотрела на Цигенгофа, но тот завел старую песню о дамском седле и тумане. Этикет, этикет, этикет! Все они заложники кем-то придуманных правил, ненужных, непонятных, нелепых.

Милика подобрала юбки и, стараясь не глядеть на луну, повернулась к статс-даме:

— Хорошо, графиня. Мы ночуем в Вольфзее.

2

Двадцать два года назад разбогатевший суконщик Готлиб Гельбухузе выстроил дом на углу площади Святой Урсулы и Льяного переулка, соединявшего площадь с оживленной Суконной улицей. Спустя три года у почтенного негоцианта родилась дочь Гудрун, а еще через одиннадцать лет молния сожгла дом жившего в Льяном переулке тесемочника.

Хозяева погибли под рухнувшей крышей. Развалины кое-как

растасили, но желающих строиться на пожарище не нашлось. Огороженный глухими стенами соседних домов пустырь зарос бурьяном, став местом сборища окрестных котов. Люди гоняли хвостатых миннезингеров, но те всякий раз возвращались. Впрочем, пустырь посещали не только коты: в воскресные дни здесь частенько отсыпались хватившие лишку подмастерья, а однажды в крапиве нашли задушенную девушку.

Об убийстве судачили целый год, а следующей весной на площадь Святой Урсулы зачастил принц-регент. Летом о новой игрушке Рыжего Дьявола говорила вся столица. Горожане завидовали Гудрун и гадали, удержит красотка в своей постели Ротбарта до осени или нет. Удержала. Принц-регент с завидным постоянством навещался к прелестной суконщице, радуя своим видом то обитателей площади Святой Урсулы, то Игольной улицы, то Льяного переулка. Именно там его и ждали.

Пятеро вооруженных до зубов мужчин притаились в кустах возмнившего себя сиренью репейника, напряженно ловя каждый звук. Они стояли так тихо, что почуять неладное могла разве что собака, но собаки, отлаяв свое, успокоились и затихли.

Было полнолуние, и блеклый свет заливал чистенькую мостовую и аккуратные дома с ухоженными садиками. Почтенные обыватели давно отошли ко сну: ставни закрыты, калитки заперты. В жарких спальнях пахло лавандой и ромашкой, негоцианты и ремесленники добропорядочно обнимали животы своих супругов, в детских сопели малыши, видели десятый сон слуги. Бодрствовали разве что девицы на выданье и те, кто предпочитал спать днем, а ночью — работать. Такие, как Макс Цангер и его приятели.

На краю пустыря что-то хрустнуло. Цангер махнул рукой, и толстый Фери двинулся на шум. В ответ раздался лихой кошачий вопль, Цангер пожал плечами. Он другого и не ожидал, но тот, кого они караулили, задерживался. Макс слегка раздвинул пожухлый репейник, уставившись в жерло переулка. На колокольне Святой Урсулы отзвонили половину двенадцатого, по Суконной прохромал, гремя колотушкой, ночной сторож, и все стихло.

В такую ночь да по булыжной мостовой всадника слышишь издали, да какое там всадника, любого прохожего, хоть в кованых сапогах, хоть в деревянных башмаках. Рудольф ездит к своей красотке открыто, ничего не опасаясь. Глупец, как и большинство вояк! Воображают, что дома им ничего не грозит, вот и кончают свои дни в придорожных канавах.

Цангер пожевал губами и сплюнул в колючий куст. Он не имел ничего против принца-регента, но он был на службе, а хозяину Рыжий Дьявол мешал. Он многим мешал... Макс любовно погладил кинжал с петухом на клинке. Когда его найдут, решат, что принца-регента убили лоассцы. С ними так и так воевать, так почему бы не спрятать свои концы в чужой воде? Она, черт возьми, достаточно глубока.

3

Побледневшая луна по-прежнему висела над крышей, но Милика ее больше не видела, и страх уснул. Вернее, уснул непонятный, животный ужас, вытеснивший из головы императрицы все мысли и желания, кроме единственного — укрыться от круглого безжалостного глаза. Зато теперь мысли вернулись. О Руди. Они попадут в Витте только завтра, а вдруг беда случится сегодня?

Будь они одни, Милика выплеснула бы свои опасения на Цигенгофа, но в присутствии графини Шерце и Берты говорить о любовнице Рудольфа было невозможно. Мать Божия, ну почему хорошие мысли всегда опаздывают? Что ей стоило отправить кого-то из охраны в Витте! Она могла написать, что им с Мики нужна помощь, Руди не поехал бы на свидание, а примчался сюда, к ним. При нем Берта не посмела бы так смотреть на Мики.

Милика украдкой глянула на огромные часы черного дерева, но хозяйка перехватила ее взгляд и сообщила, что это подарок Ее Величества. У Берты была одна императрица — покойная Мария-Августа. Над камином висел ее портрет, и Милика села к нему спиной. Заметила ли это хозяйка? По суровому бледному лицу было не понять. Даже странно, что эта женщина когда-то прижимала к груди ребенка.

Михаэля выкормила веселая молодая крестьянка, которую привез Руди. Иногда Милика спрашивала себя, уж не была ли Герда одной из бесчисленных подружек деверя? Если и так, то она ничем этого не обнаруживала. Год назад Герда отпросилась в гости к матери и не вернулась. Кормилица Мики была уже не нужна, но приехавшая свекровь привезла внуку няню Гизелу. Милика скрепя сердце ее приняла, хотя Михаэль долго плакал и жаловался. Потом сын замолчал, но она чувствовала — обиделся. Надо отослать Гизелу домой и попросить Руди найти воспитателя-мужчину. Мики весной исполнится шесть, так что пора.

Михаэль, словно подслушав ее мысли, завопил во сне и боль-

но сжал руку, но она только улыбнулась. Берта хотела взять императора на руки, но Мики раскапризничался, и Милика под недобрый взглядом двух старух заявила, что сын останется с ней. Михаэль сразу успокоился и уснул, а им с Цигенгофом пришлось ждать, когда двое слуг под руководством молочной сестры Людвиг готовят комнаты.

Вдовствующая императрица сидела у огня и слушала о добрых старых временах. Конечно, можно было не слушать, но вдова не хотела обижать кормилицу Людвиг. И обидела, спросив о Рудольфе. Старуха поджала губы, буркнув, что принца-регента выкормила другая женщина, имя которой она, Берта, запомнила. Милика ей не поверила, но промолчала. Обычно, когда речь шла о Людвиге, она глотала каждое слово, но рассказ кормилицы вызвал единственное желание — заткнуть уши и убежать. Наверное, потому, что Берта все время вспоминала свекровь.

Милика смотрела в огонь, иногда поднося к губам бокал белого вина. Если бы она оставила Мики в замке и поехала верхом, они бы уже были в Витте, но императрице-матери не пристало разъезжать в компании одних только мужчин, пусть и в сопровождении родственника. Нужна карета и хотя бы одна придворная дама. Господи, ну почему Руди не женится? Его жена, будь она хоть трижды суконщицей, стала бы ее подругой, а Руди избавил бы их обоих от старых мегер.

— Ваше Величество, — дочь Берты, имя которой Милика не расслышала, присела в реверансе, — ваши комнаты готовы.

— Благодарю. — Милика наклонилась над пригревшимся сыном, не решаясь его разбудить.

— Мой муж отнесет Его Величество. — Какая милая женщина и как не похожа на мать.

— Муж дочери — лесничий Небельринга, — хмуро произнесла Берта, — он очень силен.

Милика покорно кивнула и отодвинулась, позволяя кормилице Людвиг поцеловать его сына. Увы, Его Величество не собирался допускать до своей персоны чужаков. Мики испустил дикий вопль и вцепился в материнскую юбку. Милика выронила бокал, золотистое вино выплеснулось на толстый темно-красный ковер, спасший тонкий хрусталь. Цигенгоф, бормоча что-то об умных мальчиках, попробовал разжать пальцы мальчика, но не тут-то было!

Мики то рыдал, то принимался кричать, что ненавидит этот

дом и не хочет здесь оставаться. Таким Милика сына еще не видала. Цигенгоф тоже выглядел оторопевшим, а Михаэль продолжал бушевать. Теперь он требовал сжечь Вольфзее и ехать к Рудольфу. Вдова не знала, что делать, но тут появился высокий темноволосый человек с роскошным роговым свистком, живо заинтересовавшим Его Величество. Незнакомец, надо полагать, зять Берты, без колебаний протянул сокровище императору, и тот сменил гнев на милость. Милика перевела дух и улыбнулась хозяевам:

— Мы благодарны за гостеприимство, но сейчас мы хотели бы подняться в свои комнаты.

Глава 3

1

Застоявшемуся Нагелю не терпелось перейти с шага хотя бы на рысь, но Рудольф сдерживал жеребца, хоть и вполне разделял его чувства. Упрятанные в горские торбы копыта превращали коня в крадущуюся кошку — толстый войлок исправно глушил звуки. Не слышать привычного цоканья подков было странно и неприятно, но скрытность требовала жертв.

Волк верхом на кошке... Нужно обязательно рассказать об этом Мики, сорванец будет хохотать и спрашивать, что дальше. А дальше добыча будет ловить охотника, такое тоже бывает. Где же его ждут? И кто? Если убийца тот, о ком не хочется даже думать, его караулят сегодня. Пустырь в Льянном переулке прямо-таки создан для засады, если не считать калитки, ведущей на задворки соседнего дома. Три ночи на троих врагов, а место — одно, и его не миновать, разве что ждать в кровати Гудрун.

Если б Руди Ротбарта спросили, как убить принца-регента, он бы посоветовал надеть маску, забраться в окно к суконщику, хорошенько его припугнуть и дожидаться гостя. Забавно, если убийца так и поступит. Что ж, в таком случае, убивать мерзавца не стоит, вдруг понадобится. У хорошего правителя должен быть хороший убийца, иначе приходится все делать самому. Он вовремя не озаботился, вот теперь и отдувается.

Из-за острых крыш медленно и важно поднималась луна, и Руди помахал ей рукой. Луна была его старой приятельницей и сообщницей, недаром она украшала герб Ротбартов. Луна и ко-

ронованный красный волк. В полнолуние Ротбартам везет, поэтому-то он и начал игру сегодня. Руди мечтал, чтобы за его шкурой охотились лоассцы или паписты, полагавшие (и не без основания) Ротбаров безбожниками. Третье имя Рыжий Дьявол с радостью бы позабыл, не будь подобная забывчивость непозволительной роскошью. У принца-регента на шее Милика с Мики, и он, в конце концов, отвечает за этот чертов Миттельрайх!

Нагель поравнялся с Челночным переулком и собирался и дальше следовать знакомой дорогой, но Руди завернул жеребца. Два дня назад обитавший в Челночном причетник за десяток талеров вручил смуглому чернобородому дворянину ключи от ворот, пояснив, что калитка на пустырь запирается на засов, который будет смазан. Вот было б смеху, если б в щедром провинциале узнали принца-регента...

Дом причетника был шестым от угла. Руди дернул повод, и Нагель остановился у чистеньких ворот. Хозяин обещал навестить замужнюю дочь, и Рудольф не имел основания ему не верить. Отпереть ворота и завести коня во двор было делом пары минут. Нагель будет стоять тихо, на него можно положиться, вот на других...

Принц-регент сбросил плащ и шляпу, следом отправились парик и фальшивая борода — убивать нужно со своим лицом. Если его караулят не сегодня, а завтра или послезавтра, он пожертвует на храм сотню талеров и не станет есть мяса по пятницам. Не есть мяса... Дьявольщина, да он пить год не будет, только б враги остались врагами, а друзья — друзьями!

Луна уже поднялась над домами, она была удивительно, бесстыдно яркой. Рудольф подмигнул разбушевавшемуся светилу и, легко ступая, направился к калитке. Причетник не просто смазал петли, он выкосил разросшуюся траву, молодец! Руди осторожно приоткрыл и не подумавшую скрипнуть дверцу: в засыхающих зарослях виднелось несколько силуэтов.

Четверо? Нет, пятеро! Вот и ответ, Руди Ротбарт. Засады в спальне Гудрун не будет, как и жертвы на церковь. Будут смерти на пустыре, ну да ладно! Рудольф присел на корточки, наблюдая за ждущими его убийцами. Пятерка настороженно вглядывалась в ночную тьму. Стояли хорошо, сразу видно, что люди опытные, не какой-нибудь сброд. И все равно люди не кошки, долго не выдержат — самый никчемный обязательно полезет к жожаку с расспросами, иначе просто не может быть. Жожак в ответ рявкнет, и станет ясно, кого оставить напоследок.

Колокол мерно отбил полночь. Голубчики наверняка волнуются — добыча всегда проходит Льяным в одиннадцать. Что ж, по-дождем, спешить некуда, все уже ясно, осталось утолить рвущую сердце ярость.

Ну почему, почему, почему предают те, кого любишь? Что ты им сделал или, наоборот, не сделал? Когда ошибся, не заметил, просчитался, ушел в сторону? Предательства, как цыплята, вы-лупляются не из каждого яйца и не сразу. Их еще надо высидеть и выкормить, вот он и высидел. Сам виноват. И все же, почему?! Этого псы не скажут, даже выверни их наизнанку, это знает толь-ко хозяин...

Дьявольщина, хорошо хоть ждать пришлось недолго. Забавно, самое короткое терпение оказалось у самого длинного. Переми-нается с ноги на ногу, теребит оружие. Он еще и левша. Левша в драке не подарок, особенно левша нетерпеливый. Извини, при-ятель, но тебе объясняться со святым Петром первым. Тысяча чертей, но кто же у них за главного?

2

Мария-Августа не поскупилась. Спальня была роскошной, не хуже, чем в императорском дворце, но от дубовых панелей и красного бархата Милике стало не по себе. Еще хуже были gobelены с красными волками. Похожие на огромных длинноногих лисиц звери загоняли и терзали оленей и ланей, а в небе висела ржавая луна. Такая же, как сегодня.

— Ваше Величество желает чего-нибудь?

Желает. Схватить сына и бежать от этого дома и его обитате-лей, но это невозможно.

— Благодарю вас, нам ничего не нужно, хотя... Принесите еще свечей, я... Я хочу написать письмо.

— Простите, Ваше Величество, но в этом доме нет письмен-ных принадлежностей. Хозяева не знают грамоты.

— Тогда принесите мне Библию.

— Она здесь, у изголовья.

— Хорошо, вы свободны.

— Если буду нужна я или Зельма, позвоните.

— Обязательно. Идите.

Статс-дама наконец вышла. Милика торопливо задвинула за-сов и потрясла запертую дверь. Нет, сюда никто не войдет. Та-

кую дверь можно вышибить только тараном. Матерь Божия, да что с ней такое? Можно подумать, она — заблудившаяся сиротка, угодившая в лапы к ведьме. Или лань с гобелена.

В доме шестеро солдат, не считая Цигенгофа. Те, кто остались с лошадьми и каретой, знают, что они пошли в Вольфзее, да и что им может грозить в доме кормилицы Людвига? Свекровь ее ненавидела, это так, но свекровь умерла.

— Мама! — Мики не спит. Лежит на спине, смотрит зелеными отцовскими глазами. — Мама...

— Что случилось, мой хороший?

— Мама, зачем мы здесь?

— Ну, ты же знаешь. Сломалась карета, нам нужно было где-то заночевать. Утром придет кузнец, все починит, и мы поедем в Витте.

— К Руди? — заулыбался Мики.

— Да, только надо говорить Рудольф или принц-регент.

— Ему это не нравится, — не согласился сын, — он хочет, чтоб я его звал Руди, и я буду его так звать.

— Хорошо, зови, но только когда вы одни.

Святая Дева, переживут ли они эту ночь? Какие глупости, им с Мики ничего не грозит, а вот Рудольфу... Что, если он поехал к своей подруге, а встретил убийц? Господи всемогущий, сделай так, чтоб с деверем ничего не случилось! Руди ей больше, чем брат, и потом, без его защиты они с Мики пропадут.

— Мама, почему ты не ложишься?

— Я сейчас лягу, только немного подумаю. — Она не ляжет, потому что без помощи ей не раздеться, но куда она никого не впустит. Никого! — Закрой глазки и дай ручку. Я тебе спою и будет все, как дома.

— Мы не дома. — Сын сел, откинув меховое одеяло, какой же он тощенький. — Ты не спишь, потому что здесь убили Герду, да?

— Господи, с чего ты это взял? Герда просто уехала. У нее были дела.

— Мы тоже просто уехали, — вздохнул сын. — Мама, я боюсь. Волки загрызли Герду. И нас загрызут?

— Волки в лесу. — Проклятый гобелен, ей и то страшно. — А мы в доме. У нас очень крепкая дверь, и нас охраняют солдаты и Клау... Граф Цигенгоф.

— Волки тут, — прошептал сын, косясь на гобелены, — вот они.

— Глупости! — прикрикнула Милика. — Это просто картинки. Плохие, злые картинки, и все. Они не живые, вот, смотри!

Императрица подняла свечу, подошла к стене. Коснуться красно-рыжей ткани было страшно, но она это сделала. Ничего не произошло, только откуда-то вылетела маленькая серая бабочка. Милика зажмурилась, выдернула шерстинку, сунула в огонь. Запахло паленым.

— Видишь, — женщина оторвала еще одну нитку, — это просто ковер. Не смотри на него. Закрой глазки и постарайся уснуть.

— Хорошо. Мама...

— Да, родной?

— Мама, только ты не спи.

— Конечно, родной. Знаешь что, давай прочитаем все молитвы, которые ты знаешь.

— А если мы помолимся, прилетит ангел и прогонит волков? — Мики с надеждой взглянул на мать. — Правда?

— Обязательно прогонит. — Господи, она только сейчас заметила, что в комнате нет распятия!

— *Pater noster qui es in caelis*, — зачастил сын. — Только ты мне подсказывай, а то я забыл...

— Конечно, сердечко.

*Pater noster qui es in caelis,
Sanctificetur nomen Tuum.
Adveniat regnum Tuum.
Fiat voluntas Tua, sicut in caelo et in terra...*

3

Время ползло, как пьяная сороконожка. Цангер дважды выглядывал на улицу в тщетной надежде разглядеть одинокого всадника. Без толку. Теперь Макс хотел одного: чтобы принц-регент не вылезал из дворца. В конце концов, он мог передумать, баба бабой, а регентство регентством. Рыжий еще тот котяра, но дело для него прежде всего.

— Капитан, — разумеется, это Долгий Питер, — он точно придет?

— Заткнись, — рявкнул Макс, — шайзе!¹

¹Дерьмо (нем.).

— А вдруг он другой дорогой поехал, — влез Фери, — а мы тут торчим...

— Пло... — договорить Долгий не успел. Макс оторопело уставился на свалившегося подручного. Питер лежал неподвижно, в его спине торчал кинжал. Очень дорогой.

— Если я не ошибаюсь, вы кого-то ждете? — донеслось из зарослей. — Могу я чем-нибудь помочь?

Цангер резко обернулся. Рудольф Ротбарт собственной персоной стоял у дальней стены, за его спиной виднелся тусклый свет. Калитка, будь она неладна, калитка! Сейчас мерзавец удерет — и все! Хозяин церемониться не станет, если выкрутится, разумеется.

— Так вы ждете кого-то другого? — В красивом голосе послышалось разочарование. — Что ж, не смею вам мешать.

Рыжий Дьявол отвесил издевательский поклон и сделал шаг к калитке. Его нельзя отпустить, ни в коем случае нельзя!

— Вперед! — проревел Цангер, отбрасывая плащ.

Этого хватило. Фери, Конрад и старина Хунд — ребята бывалые — не растерялись. Троица брызнула в стороны, чтоб наброситься на Рыжего с разных сторон. Это было правильно. Было бы, соизволь принц-регент обождать. Но ждать Дьявол не стал — рыжая молния метнулась к Конраду, и тот от неожиданности сплоховал. Удар в горло, и регент, не оглядываясь на свежего покойника, обернулся к уцелевшим. Справятся? Цангер замер, сжимая шпагу и кинжал. Он не должен рисковать, не имеет права... Бочка Фери — отличный фехтовальщик, да и Хунд — парень не промах. За Конрада они с кого хочешь шкуру спустят.

Злобно лязгали клинки, трещал бурьян, метались черные тени. Не хватало, чтоб сюда принесло стражу! Фери прыгнул вперед, норовя достать принца в бок, и тут дьявол подсказал тезке сделать длинный выпад. Шпаги ударили одновременно. Хунд ткнулся лицом в крапивный куст, да так и остался лежать, но Фери свое дело сделал. Рыжий глухо вскрикнул и пошатнулся. Ранен или поскользнулся? Ротбарт хрипло ругнулся и обернулся к Бочке. Неистовая атака, и Фери сложился вдвое, судорожно вырывая застрявшую меж ребер шпагу.

Рыжий дернулся вернуть оружие, но его повело назад, потом вбок. Неужели все-таки ранен? Похоже на то! Фери вырвал шпагу принца из раны и свалился, придавив своей тушей эфес, но Дьяволу было не до оружия. Цангер с трудом верил собственным глазам, но это не было ни бредом, ни ошибкой. Рудольф Ротбарт

в самом деле медленно осел в примятый бурьян и застыл в жуткой полусидячей позе, упиравшись руками в землю. Слава Богу, получилось! Парней, конечно, жаль, но главное — дело! Его нужно закончить, и побыстрее.

Макс, не выпуская из рук шпаги, двинулся к раненому. Принц медленно поднял голову. В исступленном лунном свете лицо Ротбарта казалось жуткой маской. Прокушенная губа, сведенные брови, волчий блеск в глазах. Да, ранен, да, тяжело, но вряд ли смертельно, и он в полном сознании, а значит — опасен!

Собственная шпага для принца потеряна, но рядом валялась рапира Хунда! Рука в черной перчатке дрогнула и потянулась к эфесу, но тот был слишком далеко. Другой бы сдался, другой, но не Руди Дьявол! Регент бешено сверкнул глазами и попытался подняться, упиравшись коленом в землю.

Хватит, пора кончать! Макс шагнул к раненому, избегая смотреть в бледное злое лицо. Цангер был стреляным воробьем, но ему еще никогда не приходилось убивать принцев крови. Что ж, Макс, утро ты встретишь богатым человеком, а старость — бароном. Будущий барон занес шпагу, и тут правая рука Дьявола взлетела вверх. Что-то мерзко свистнуло, что-то хлестнуло по правому запястью и обвилось вокруг него. Убийца не успел ничего понять, а страшной силы рывок едва не выдернул руку из плеча. Цангера швырнуло вперед, навстречу стремительно распрямляющемуся Ротбарту, на лице которого не было и следа боли. Зато боль взорвалась в паху незадачливого убийцы. Последнее, что он успел заметить, это знаменитую на весь Витте волчью ухмылку.

...Сознание вернулось к Максусу в небольшом, пахнущем скошенной травой дворике. Глаза слепил фонарь, рядом маячили сапоги для верховой езды. Цангер застонал, попробовал пошевелиться и обнаружил, что связан по рукам и ногам. Несостоявшийся барон хрипло выругался и схватил себя за язык, но было поздно. Сверху раздался короткий смешок, Макс поднял голову и столкнулся взглядом с принцем. Дьявол ухмылялся, крутя в руках изящный шнурок с шариком на конце.

— Я вижу, вы пришли в себя? — Непринужденный жест, и шарик пронесся перед самым носом пленника. Раздался знакомый свист, и Макс невольно вздрогнул. — Как, — темные брови поползли вверх, — вы не знакомы с этой милой вещицей? Для человека ваших занятий это позор. Если вы будете вести себя ра-

зумно, я подарю вам эту безделицу на память, но сначала хотел бы знать, достаточно ли вам удобно? Нам предстоит долгий разговор.

Голос был мягким, губы принца изгибались в любезной улыбке, но убийце показалось, что над ним стоит оскалившийся волк. Красный волк Небельринга.

— Ваше Высочество, — пробормотал Макс Цангер, — я все расскажу... Все, что знаю.

Глава 4

1

Мики так и не уснул, но лежал тихо, словно мышонок, не отрывая взгляда от догорающей свечи. Остальные пришлось погасить — уж больно быстро они сгорали. Милика опасалась, что до рассвета свечей не хватит. До сегодняшней ночи она думала, что не боится темноты, но в Вольфзее страшным было все, даже тишина. Вдовствующая императрица взяла Библию, о которой говорила графиня, но переплетенный в кожу том казался тяжелым и холодным, словно камень из крепостной стены. Милика решила вернуть книгу на место, та выскользнула из рук и упала на лежащую поверх ковра чудовищную медвежью шкуру.

Поднять Святую книгу женщина не решилась. Она смотрела на стремительно тающую свечу и пыталась думать о Рудольфе. Милика с детства приучилась вытеснять беспричинные страхи обоснованными опасениями, но на этот раз ничего не вышло. Деверь мог разгуливать где угодно, мысли Милики Ротбарт занимал не он, а волчья охота и окровавленная луна. Женщина смотрела на огонь, а перед глазами стояли сцены с проклятых гобеленов.

— Мама, — завел свое Мики, — ты не спишь?

— Нет, родной. Но ты спи.

— Дай руку!

В Хеллетале сын спал один и без света. Мики был ужасно самостоятельным и не любил нежностей, но в Вольфзее его словно подменили. Говорят, дети чувствуют зло. Дети и животные. Почему здесь нет ни собак, ни кошек? Или есть, но она их не видела? А какие странные лица у Берты и ее служанки — холодные, неподвижные, недобрые. Кто только женился на такой женщине? Неужели из-за поместья? Но легче умереть, чем жить в этом логовище.

— Мама, ты не спи, — снова пробормотал Мики, закрывая глаза.

Уснешь тут! Милика вздохнула и снова уставилась на крохотный, не способный разогнать тьму огонек. Очень хотелось вновь пошупать гобелены, ощутить под пальцами теплую пыльную ткань и убедиться, что ничего страшного нет, но вдовствующая императрица не решалась выпустить руку сына. Господи, почему так страшно? Дверь надежно заперта, они с Мики не одни, с ними семеро здоровых, хорошо вооруженных мужчин, а хозяев — пятеро, из них три женщины. Нет, четыре, если считать графиню Шерце! Старая ведьма не с ней, а с обитателями Вольфзее. Она нарочно их сюда заманила. Почему сломалась карета? Такого никогда не случилось!

В дальнем углу что-то скрипнуло и зашуршало, и Милика едва сдержала крик. Это мыши, обычные мыши. Ничего удивительного, ведь в доме нет кошки. Шорох повторился, и, отвечая ему, раздался тоненький плач. Мики!

Вдовствующая императрица подхватила сына на руки, и он, не прекращая тихо всхлипывать, вцепился в мать, нечаянно прихватив выпавшую из прически прядь. На глаза навернулись слезы, но Милика ободряюще улыбнулась. За гобеленом вновь зашуршало, на окно бросился ветер, заметался огонек свечи, а ведь вечером было тихо.

Надо было сказать Клаусу, чтобы он поставил под дверью гвардейцев. А может, сходить к нему? И оставить Мики? Да и не знает она, где разместили графа Цигенгофа, дом такой большой, почти замок. Странно, что его отдали слугам, пусть верным и заслуженным, но слугам, которые и читать-то не умеют. И как они справляются вчетвером, ведь зять Берты все время в лесу?

Свеча сгорела на три четверти, только б успеть зажечь от огарка новую, иначе сидеть им в темноте. Мышь за гобеленом совсем обнаглела, а может, это не мышь, а крыса. Господи, сделай так, чтоб это была просто крыса — большая, серая, злая и нестрашная!

— Милика!

Цигенгоф! Без плаща и шпаги. В руках масляная лампа. Как он вошел, ведь дверь заперта!

— Милика, какое счастье, что ты одета!

Какое счастье, что он пришел! Она не вскочила только потому, что держала на руках сына.

— Привет, Цигенбок, — Мики перестал дрожать и слез с материнских колен, — а я тоже не сплю.

— Милика, — на лице Клауса не было привычной улыбки, — вставай. Я возьму Мики, и бежим!

— Куда? — Теперь, когда они уже не были одни, она растерялась. — Зачем?..

— Потом, — оборвал Цигенгоф, его голос был хриплым, — все потом.

— Как ты вошел? Я могла спать...

— Ты не спишь, и правильно делаешь, а вошел я через дверь. Потайную. В твоей спальне — три двери, и только одна запирается изнутри. — Граф взгромоздил Мики на плечи. — Не плакать! Все хорошо, мы играем. Сюда придут и никого не найдут.

— Волки придут? — Мики обхватил руками шею Цигенгофа. — А где ангел?

— Ангел спит, — объяснил Клаус, — ночь, вот он и спит. Милика, давай руку и идем. Нас встретят, но ты не пугайся. Зять Берты — друг, он раньше служил у Руди.

Женщина кивнула, не решаясь разлепить губы. Пальцы Клауса были жесткими и горячими, он впервые коснулся ее не через полу плаща. Огонек свечи судорожно метнулся, сжался в рыжую искру и погас. Теперь у них осталась лишь лампа Цигенгофа.

— Куда мы идем? — выдавила из себя Милика.

— Для начала подальше отсюда, — бросил Цигенгоф, — и, во имя Господа, скорей!

2

Убийца рассказал все, что знал. Он бы рассказал и то, чего не знал, но его спасло чувство меры. Рудольф Ротбарт теперь знал не только кто, но и за сколько. Остался последний вопрос — почему, но ответ на него ничего не изменит. Принц-регент Миттельрайха не Господь Бог, он не вправе прощать врагов своих, даже если это друзья. Бывшие.

Руди глянул на связанного убийцу и невесело усмехнулся:

— Когда ты последний раз был на мессе?

Тот оторопело захолопал глазами, но ответил:

— На прошлой неделе.

— Похвально. — И зачем он с ним говорит? — И что ты думаешь на предмет того, что зуб за зуб, а око за око?

— Ваше Высочество, — вздрогнул наемник, — я... Что угодно Вашему Высочеству?

— Моему Высочеству угодно, чтобы ты прикончил своего хо-

зяина. Я лишил тебя подручных, но помощники тебе понадобятся. Утром я пришлю двоих. Твой приятель дерется хуже меня, с него хватит. Ты все понял?

Капитан Цангер что-то кивнул и кивнул. Он был весьма недурен собой, но сейчас напоминал вытасщенного из пруда карпа. Воистину, удивление не красит, как и поражение. Руди Ротбарт неторопливо освободил копыта Нагеля от войлочных торб. Обрадованный конь немедленно принялся рыть землю. Счастливые они, эти лошади, их если и продают, то хозяева, а не родичи и друзья.

— Ваше Высочество, — пленник с тревогой наблюдал за манипуляциями победителя, — каковы будут приказания?

— Не можешь без дела?

— Лень до добра не доводит. От нее ржавеет шпага и кончаются деньги. Буду счастлив служить Вашему Высочеству.

Каков мерзавец! Похоже, волк нашел подходящего пса. Лет через пять Цангер станет убивать не из страха и не за деньги, а по привычке, а потом, чего доброго, отдаст жизнь за дом Ротбартов.

— После мессы была проповедь? — поинтересовался принц, беря Нагеля под уздцы.

— Да.

— Вот и обдумай ее на досуге. Пока не придут твои помощники. Они тебя развяжут.

Руди неторопливо вывел коня в проулок, еще более неторопливо запер ворота и вскочил в седло. Город спал, только падали с лип утомленные листья да звенел цепью и поскуливал пес в доме напротив. Порыв ветра принес запах свежего хлеба и отдаленный звон. Три четверти первого — охота и допрос заняли меньше часа, а кажется — полжизни прошло.

Нагель тряхнул гривой и передернул ушами, ему в отличие от хозяина не терпелось пуститься в путь. Для коня жизнь есть бег, а для человека? Что важнее всего в этом мире — война, любовь, долг? Всего понемножку и еще что-то, непонятное и неуловимое.

Принц тронул поводья и выехал на Суконную. Во дворце ждал Георг, в доме на углу — Гудрун, а Руди хотелось, чтобы оба куда-нибудь провалились. Желательно вместе с Витте. Говорят, нет ничего хуже неизвестности и мучительней надежды. Сегодня Рыжий Дьявол прикончил и ту, и другую, но легче не стало.

Лунный свет отразился от осколка, откуда-то взявшегося на

мостовой. Рудольф поднял голову к луне и вдруг понял, что не может никого видеть. Не то чтобы не хочет, а не может. Одно слово, взгляд, жест — и он сорвется, вернее, сорвет зло на тех, кто подвернется под руку, будь они хоть ангелами с крылышками.

— Лучшее, что может сегодня сделать для своих подданных принц-регент, это от них сбежать, — сообщил Рудольф то ли луне, то ли облетающим липам. Луна промолчала, ветер взъерошил гриву Нагеля и осыпал всадника увядающим золотом. В небе дрогнула красноватая звезда и покатилась вниз от созвездия к созвездию, оставляя за собой стремительно гаснущий след. Руди проводил небесную смертницу взглядом, нахлобучил шляпу и от души пришпорил Нагеля. Разобидевшийся жеребец возмущенно фыркнул и помчался по булыжной мостовой, высекая холодные злые искры.

3

Милика с трудом поспевала за Клаусом, но ей и в голову не приходило просить сбавить шаг. Цигенгоф знает, что делает, а ее дело переставлять ноги и молчать.

— Осторожно, сейчас будет лестница, — бросил Клаус, — и крутая.

— Куда мы идем? — пискнул Мики.

— К солдатам, — Цигенгофу явно было не до разъяснений, — тихо!

Сын притих, нога Милики провалилась в пустоту. Лестница и впрямь оказалась крутой и очень неудобной. Узкие деревянные ступеньки вились вокруг дымохода, от которого тянуло жаром. Неужели где-то есть небо и холод? Без плащей они замерзнут.

— Осторожно, пригнись!

Узкая дверца, почти щель, за ней — сводчатый коридор, слишком низкий для человека с ребенком на плечах. Клаус сунул ей лампу и взял Мики на руки. Теперь Милика шла первой, вытянув руку со светильником. Жалкая лужица света плескалась на грубо отесанных камнях, очень старых. Вольфзее выстроили на месте древнего замка. Почему его отдали Берте? Кто тут жил раньше? Куда они идут? Клаус сказал, к солдатам, значит, гвардейцев в доме нет. Разместили на конюшне? Во флигеле? Или... Или убили? Но как? Руди уверял, что каждый гвардеец стоит четверых, а вот о Берте он не говорил никогда. И Людвиг не говорил, он вообще мало рассказывал о доме, семье, только о брате. Милика ду-

мала, что это из-за свекрови, а если нет? Рудольф зачем-то увез их с Мики из Витте в Хеллеталь. Только ли из уважения к ее горю?

Впереди показалась стена. Тупик? Нет, поворот, а сразу за поворотом — дверь, темная, обитая медью. Устрашающего вида засов отодвинут.

— Толкай, — велел граф Цигенгоф, и вдовствующая императрица толкнула. Дверь распахнулась, и они вышли в ночь, после тьмы переходов казавшуюся сумерками.

— Ваше Величество!

— Кто... Кто здесь?

— Капитан Отто Риттер к услугам Вашего Величества.

Риттер? Ах, да. Муж хозяйской дочери. Высокий, темноволосый и темноглазый. Небольшой шрам на щеке, настороженный взгляд... Он нес Мики в спальню, старая Берта шла впереди со свечой, графиня Шульце замыкала шествие. Тогда Миликe показалось, что мужчина хочет что-то сказать, но она не нашла повода его задержать.

— Я тебя знаю, — подал голос Мики, — ты опять меня понесешь?

— Буду счастлив.

— А уж как я буду счастлив, — проворчал Цигенгоф, вручая капитану свою ношу. Милика невольно улыбнулась, глядя, как сын устраивается на очередных плечах.

— Ты теперь мой жеребец, — объявил Мики, — боевой жеребец.

— Тише, — Цигенгоф закрыл ладонью мальчику рот, — он — твой жеребец, но нам нужно обмануть врага. Так что молчи.

Мики важно кивнул. Капитан Риттер указал глазами вниз. На пожухлой траве что-то темнело.

— Возьмите плащи. К утру подморозит.

Вдовствующая императрица без лишних слов подняла верхний плащ. Он был подбит мехом, кажется, лисой. Второй, поменьше, с капюшоном, без сомнения, предназначался Мики.

— Надо спешить. — Капитан-лесничий держался спокойно, но Миликe это не обмануло.

— Мы пойдем или поедем? — В такой плащ можно завернуть двоих Мики или даже троих. — Хочу ехать!

— Ваше Величество, в Вольфзее нет лошадей.

Нет лошадей, нет собак, нет кошек, нет распятий...

— Почему? — не унимался сын. — Вы не умеете ездить?

— Лошадей держат за озером, — объяснил Цигенгоф, — сегодня твоей лошадкой будет капитан Риттер. Ты согласен?

— Да! — выкрикнул Мики, позабыв об осторожности.

— Тише! — выдохнул Клаус. — Ты же не хочешь, чтоб нас услышали волки?

— Волки? — Пречистая Дева, зачем он о волках?! Мики и так страшно.

— Волки, — подтвердил лесничий, его голос звучал хрипло и тревожно. — Ваше Величество, умоляю, молчите.

Кажется, Мики понял. Милика торопливо перекрестила сына, и капитан Риттер быстро пошел вперед. Цигенгоф взял ее под локоть и повел, вернее, поволок следом.

Вдоль тропинки темнели кусты, за ними высились деревья, сквозь пляшущие на ветру ветви виднелась побледневшая луна. Милика пыталась понять, где они, но безуспешно. Ясно было одно — лесничий вел их не той дорогой, которой они пришли. Они пробирались сквозь заросли, меняли тропку на тропку, а впереди светили три звезды — две поменьше и одна нестерпимо яркая, отливающая алым.

Мики молчал. Уснул или трясется от страха? Под ногой треснула ветка, поднявшийся к ночи ветер усилился, по небу побежали редкие облака. Капитан Риттер исчез в очередной лазейке, Клаус потянул Милику следом. Ветка стащила с головы императрицы капюшон, поправлять было некогда. Впереди что-то блеснуло. Озеро. В темной глубине утонула еще одна луна. От воды тянет холодом и смертью, сухо шелестит черный тростник, ветер, шорох мертвой травы и что-то еще — далекое, пугающее, непонятное.

Шагавший впереди Риттер на мгновение замер, а потом побежал, держась у самого берега. Цигенгоф припустился за лесничим. Милика едва поспевала за длинноногим графом, юбки путались, дыханье сбивалось, а сбоку плыла ненавистная луна и несли странный плач, тихий и безнадежный. Все было как в кошмарном сне, а может, это и было сном. Милика Ротбарт уснула среди багрового бархата и страшных гобеленов, и ей снится, что она стала ланью, за которой несется волчья стая.

Сердце стучало все быстрее, а вот ноги не успевали. Если б не Клаус, она бы тысячу раз упала. Нет, не упала — легла на увядающую траву, и будь что будет. Зачем бежать? Она только мешает спа-

сать Мики. Людвиг мертв, сына вырастит Руди, а она лишь обуза, камень на шее.

— Клаус...

— Да? — Цигенгоф обернулся, он тяжело дышал, обычно пушистые волосы превратились в прямые сосульки.

— Спаси Мики... А я останусь.

— Дура!

— Клаус!

— Помолчи! — Милика не успела ничего понять, а Цигенгоф подхватил ее, забросил на плечо, словно какой-нибудь мешок, и припустил дальше. Озеро осталось позади, теперь они бежали через луг. Дальний стон стих, а может, она перестала его слышать за хриплым дыханием Цигенгофа и свистом ветра.

— Милика, смотри... Впереди!

Она выглянула из-за плеча Клауса. Костры. И как близко! Лагерь, а в нем солдаты, кони, ружья... Два десятка гвардейцев справятся с сотней разбойников, хотя про разбойников в окрестностях Витте не слышали уже лет сорок.

— Пусти, дальше я сама.

Клаус без возражений поставил ее на землю и улыбнулся. Как дрожат колени, и рука онемела, а она и не заметила. Риттер тоже остановился — услышал разговор?

— Ваше Величество, — лесничий тяжело дышал и радости на его лице не было, — вам нужно немедленно ехать. За Зильберштраль. Даст Бог, успеете.

— Я не понимаю. Почему мы бежим? Куда? — Страх, с вечера державший ее на цепи, сгорел в огне костров, и Милика вспомнила о брошенной статс-даме и о том, что императрица не может въехать в столицу в чужом плаще и на одном коне с мужчиной.

— Помолчи, — вмешался Цигенгоф, вновь хватая ее локоть. — Я тебе все объясню потом. Все... Я сначала не поверил, но это — правда. Мы в опасности, но Зильберштраль им не перейти. Нужно успеть, пока они в Вольфзее. Дьявол!..

Она тоже почувствовала, что наступила на что-то мягкое и неприятное и глянула под ноги. Луна услужливо высветила человеческую руку, сжимавшую гвардейский палаш. Лунные блики плясали по вязкой темной лужице, а маслянистая полоса вела дальше, туда, где, раскинув ноги в сапогах, лежал однорукий солдат.

Милика почувствовала, что сейчас упадет, но решительно отстранила Цигенгофа.

— Клаус, он истекает кровью. Нужно...

— Не нужно, — перебил Риттер, — они живых не оставляют.

— Кто? — спросила она и тут же поняла, кто.

— Волки, — ответил лесничий, — волки Небельринга, и да может нам Бог.

Глава 5

1

Заспанные стражники безропотно открыли ворота и раздвинули перегораживавшие мост рогатки. Руди бросил им пару талеров, приказав сообщить во дворец, что принц-регент задерживается. Хватит с него на сегодня драк, вранья, предательств и прочей дребедени. Конечно, Рыжего Дьявола очередной раз запишут в сумасброды, да ему какое дело! Главное — вырваться из Витте с его печным дымом, ночными звонами и колотушками сторожей. Утром все начнется сначала, а сейчас ему нужны лишь луна, конь и одиночество.

Спасибо предкам за запрет селиться на правом берегу Зильберштраля, иначе бы здесь было не продохнуть от деревень и постоянных дворов, а так до самой Альтенкирхе лишь холмы, поля да ветер. Хорошо, что никто так и не отменил «Слово Вольфганга», хотя зачем? Земли в империи хватает, и на правобережье никто особо не покушается. Так же как и на право Ротбартов «после захода солнца одним либо с домочадцами, воинами и слугами проезжать Небельринг». Прочим за подобное святотатство грозили плети и клеймо.

Волую пробежавшийся Нагель еще перед мостом перешел с галопа сначала на рысь, а потом и вовсе на шаг. Ну и ладно, от Витте до Альтенкирхе рысью часа три, но что ему там делать? Немного свободы — вот и все, что хочет принц-регент. Любопытно, что за блажь пришла в голову Вольфгангу? Может, Небельринг в те поры считался священным, может, проклятым, а вернее всего, первому из Ротбартов тоже не хватало одиночества, вот бедняга и обзавелся местом для прогулок под луной. И правильно сделал! Жаль, любая ночь кончается рассветом, а любой путь — возвращением.

Рудольф привстал в стременах, вглядываясь в серебящуюся

дорогу, разумеется, пустынную. Он вернется во дворец к утру, чего-нибудь перекусит, пошлет убийце помощников, а Гудрун — сережки и будет радостно врать, что ничего не случилось. Впрочем, так оно и есть: он жив, четверо убийц мертвы, пятый взят на сворку, а предатель скоро умрет. Обычное дело. «Случится» — это когда его кто-нибудь наконец прикончит. Тогда можно бить в колокола и кричать, что и на Дьявола нашлась управа, только не доставит он такого удовольствия ни Его Святейшеству, ни Готье Лоасскому. Вообще никому.

Принц-регент терпеть не мог прорицателей, но обещанные семьдесят семь лет отдавать не собирался. Вольфганг, тот прожил девяносто два, до последних дней ездил верхом, одним ударом перерубал сук толщиной в руку, а последний сын старого волка был на десять лет младше первого правнука. Старик был бы вне себя, узнай он, что Людвиг хранил верность жене и прижил одного-единственного наследника. Впрочем, Вольфганг не видел Милики Линденвальде, а Руди видел. Дочь Хорста Линденвальде походила на серну, если б у серн были голубые глаза. Или на ландыш, или на горлицу. Словом, на что-то такое, от чего мужчины теряют голову. Людвиг и потерял, и не он один. Лемке с Цигенбоком недалеко ушли от брата, а вот Руди как-то устоял. Почему, Рыжий Дьявол и сам не знал, но братские чувства были здесь ни при чем. Любовь, если она есть, никуда не денешь. Ее можно загнать пинками в самую глубину сердца, можно скрыть от всего света, но не от себя. Нет, Руди Ротбарт Милику не любил, но он поклялся Людвигу о ней позаботиться, и он заботится.

Дьявольщина, а с чего это брату приспичило заводить этот разговор? Ему бы за беременную жену бояться и лекарей трясти, а он пристал со своей просьбой, словно на войну собирался.

Рыжий Дьявол хмыкнул, как всегда, когда чего-то не понимал. О невестке и племяннике он не забывал, хотя походы, войны, государственные дела съедали все силы и время. Если повезет, лет через двадцать пять Мики его расседлат, но если племянник удастся в мать, любящему дядюшке придется волочь на себе Миттельрайх, пока ему не стукнет семьдесят семь и он не отправится ко всем чертям! Императору тогда будет пятьдесят — прекрасный возраст. Седина в бороду, бес в ребро.

Руди глянул на небо. Не просто так, а прикидывая, который час. Созвездия ответили, что не больше двух. Если поторопить

Нагеля, к рассвету он будет в Хеллеталь, правда, без гостинца, Мики окажется разочарован... Хотя почему без гостинца? Михаэлю пора садиться в седло, но коня воин выбирает сам. Нужно отвезти Милику с Мики в Витте за лошадкой, а заодно выгнать оставшихся после матери старых ведьм. И как только Милика их терпит? Решено, он едет к невестке, тем более что в ближайшие два месяца будет не до нее.

2

Они стояли среди каких-то колючих кустов и ждали Риттера. Цигенгоф держал на руках императора, а императрица-мать пыталась оттереть застывшую кровь. Она все-таки заставила Клауса перевернуть безрукого и сама закрыла ему глаза. Зачем?

— Клаус, — Милика сунула окровавленный платок за отворот рукава, — Клаус, милый, почему мне не страшно? Я должна умирать от ужаса, а я не боюсь. Я сошла с ума?

— Ты боишься, — утешил Цигенгоф, — только не чувствуешь. Страх — это как рана. Я видел, как солдаты дрались с пулей в брюхе, словно здоровые, а потом падали — и все... Мы сейчас тоже деремся, нам не до страха. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Ты обещал мне все рассказать...

— Позже, — Клаус натужно улыбнулся, — утром. А пока я могу сказать только одно... Я тебя люблю. Давно люблю.

— Клаус!

— Я знаю, что ты скажешь, так что можешь не говорить. Я молчал семь лет, молчал бы и дальше, но оторванные руки располагают к... К откровенности, но это пройдет, утром... — В кустах что-то хрустнуло. Клаус резко обернулся, схватился за шпагу и тут же отпустил. — Это Риттер. Ну, что там?

— Трупы, — начал лесничий и прервал самого себя: — Тише!

Они замерли, слушая ветер. Ничего... Нет, снова этот плач. Далеко, на самом пределе слышимости, сразу и не разберешь. Риттер резко обернулся, губы плотно сжаты, брови сведены.

— Что? — Клаус прижал к себе Мики. — Что скажешь?

— Они вышли из Вольфзее, — голос Риттера был твердым, — и ищут. Будут ходить кругами, пока не возьмут след. Они идут от крыльца, а вы вышли через лесной ход. У вас есть время, но в обрез.

«У вас»? Значит, Риттер их бросит. А почему бы и нет, он и так ради них рискнул головой.

— У вас? — Клаус не хотел смириться с очевидным. — Что значит — у вас?

— Дальше пойдете одни, — отрезал лесничий и поднял руку, — видите, пять звезд, три вместе и две левее?

— Звездный сокол? — уточнил Клаус.

— Да, сокол. Идите на тройную звезду, через час увидите холм с церковью, она всегда открыта. Зажгите свечи и ничего не бойтесь. В церковь им не войти, а с рассветом они уйдут.

— Но...

— И запомните, — перебил Риттер, — кого бы вы ни увидели, не зовите его по имени. Если хотите спастись — молчите. Ваше слово — это смерть.

— Хорошо, — пробормотал Цигенгоф, — я не стану говорить.

— Тогда идите, и да поможет вам Святой Михаил.

— А вы? — Милика задала вопрос, уже зная ответ.

— Ваше Величество, — Риттер церемонно наклонил голову, — я — офицер Миттельрайха. Под Гольдфельтом я принял из рук принца Рудольфа Огненный Крест. Мои жена и теща об этом забыли, а я — нет. — Риттер повернулся к Цигенгофу: — Граф, мне нужен ваш плащ и сапоги.

Клаус кивнул и запрыгал на одной ноге, стаскивая сапог. Он тоже все понял. Чтобы дойти до церкви, нужно время, и капитан Риттер его им даст, остальное зависит от них.

Что можно сказать человеку, который идет умирать, чтобы ты жил? Милика пыталась найти слова, но их не было, а лесничий уже натянул чужие сапоги.

— Ваше Величество, прошу простить мою дерзость, но вы должны меня обнять. Это...

— Я понимаю. — Вдовствующая императрица, давясь слезами, прижалась к куртке лесничего. — Запах... Я не забуду. И Руди... И Мики, когда вырастет. Храни тебя Бог.

— Храни *вас* Бог, — улыбнулся кавалер Огненного Креста, отстраняя Милику. Та послушно сделала шаг назад и опустила голову.

— До свидания, Риттер, — пробормотал Цигенгоф, но уйти им не дали. Мики не дал.

— С тобой ничего не будет? — В голосе мальчика слышались слезы. — Скажи, ведь не будет?

— Не будет, Ваше Величество, — заверил лесничий.

— Я... — Мики нахмурился и вдруг выпалил: — Капитан Риттер, я провожу... то есть привожу тебя к генералам!

— Благодарю, Ваше Величество, — новоиспеченный генерал поклонился, — могу я попросить вас об одной милости? Простите мою жену. У нее не было выбора... Как и у меня.

— Мама все сделает, — пробормотал Мики, — и Руди тоже. Правда?

— Клянусь Пресвятой Девой, — пробормотала Милика, вновь обвивая руками шею Риттера. Она сама не поняла, как это вышло, просто увидела над собой темные глаза. В последний раз увидела.

— Живите, — тихо сказал офицер, — долго живите, очень долго...

Милика не успела ответить, а он уже шагнул назад и исчез в настороженных зарослях. Ни треска, ни шороха, словно Отто Риттер превратился в одну из пляшущих на ветру теней.

3

Нагель побывал слишком во многих передрыгах, чтобы выдать себя ржанием. Он просто остановился и повернул голову к хозяину. Руди похлопал коня по блестящей шее и прислушался. К шуму ветра примешивался дальний плач. Волки? Осенью? Странно, но не страшно. Волки, если это волки, воют за озером, ветер дует от них, всадника им не учуять. Да и не станут сытые звери нападать на человека, а пищи им сейчас хватает.

Нагель тихо фыркнул, и Рудольф Ротбарт глянул в большие лиловые глаза:

— Волков учуял? Не нравится? Ты прав, нечего им тут делать. И нам нечего, поехали.

Жеребец прижал уши, выказывая недовольство. Руди покачал головой, легко коснувшись шпорами конских боков. Конь вздохнул и послушно зашагал по выбеленной луной дороге. Не прошло и получаса, как ветер донес запах дыма, затем показался костер. Костер ночью посреди Небельринга? Это становилось любопытным. Станные волки, и еще более странный огонь. Руди перевел Нагеля на рысь и вынул пистолет.

Дорога плавно обогнула невысокий холм, за поворотом маячило нечто темное. Карета! Сломанная карета у обочины, и, кажется, знакомая! Конечно, знакомая, но откуда, черт побери?! Руди медленно поехал вперед, чувствуя, как внутри у него все хо-

лодеет. Что именно произошло, он еще не знал, но чувство беды, которое, по уверениям Людвига, родилось раньше его братца, орало во весь голос.

Нагель с готовностью остановился и замер, вбирая ноздрями недобрый, наполненный воем ветер. Руди соскочил наземь и, не выпуская поводьев, распахнул свободной рукой дверцу. Внутри было пусто — ни людей, ни хотя бы вещей. Принц-регент оглянулся в поисках ямы или камня, но не нашел ничего подозрительного.

В Хеллетале разгильдяев не держали, карета и упряжь всегда были в полном порядке. Допустить, что ось сломалась по недосмотру, Руди еще мог, но то, что за каретой никто не приглядывает, было по меньшей мере странным. Рудольф, уговаривая себя раньше времени не бить в колокола, вскочил в седло и направился к костру, оказавшемуся ближе, чем думалось сначала. Огонь почти погас, и возле него никто не сидел. Спят? Ушли? И куда, черт побери, дели лошадей?!

Нагель вновь остановился, давая понять: впереди что-то не так. Порыв ветра бросил в лицо запах дыма и все тот же ровный, тоскливый вой. Руди вполголоса выругался и тронул поводья, но на сей раз Нагель уперся. Это не было пустым упрямством — морда жеребца покрылась пеной, и он дрожал мелкой дрожью.

Будь на дороге другая карета, Рудольф пожалел бы коня и пошел пешком, но речь шла о Милике и Мики. Нагель, поняв, что спорить бесполезно, уныло потрусил вперед, и они оказались на бойне.

Лошади и люди лежали вперемешку. Развороченные животы, оторванные головы, вырванные глотки и кровь, кровь, кровь... Потечи, ручьи, лужи липкой, застывающей крови! Рудольф Ротбарт воевал с пятнадцати лет и повидал горы трупов, но такого безумия ему не попадалось. Даже когда зажигательное ядро угодило в бочонок с порохом и взрыв разнес на куски десяток солдат и капрала, было лучше.

В горле застрял отвратительный пульсирующий шар, но Руди заставил себя осмотреть мертвецов. Он знал почти всех, как людей, так и коней. Гвардейцы императрицы, его дорогие «черти», те, кого он приставил к Милике и за кого ручался как за самого себя. Каждый из погибших мог в одиночку справиться с четверкой обычных солдат. «Черти» не боялись ни бога, ни сатаны, а верили лишь Рыжему Дьяволу, за которым шли в огонь и в воду.

И пришли. На этот луг. Рудольф сжал руками виски, пытаясь понять хоть что-то, но в голове стучало одно: «Старый Вольфганг был прав. Старый Вольфганг знал, что делал. Старый Вольфганг был прав». Проклятый Небельринг!

Руди наклонился над высоким крюконосым человеком, чье горло было вырвано, а в остекленевших глазах плясала луна. Капитан Дорманн. Ветеран шестнадцати сражений, после третьей раны отправлен в Хеллеталь. Дорманн поклялся ни на шаг не отходить от Милики. Если он здесь, значит... Рудольф вновь обошел убитых: ни Милики, ни Мики, никого из придворных гадюк. Выходит, Дорманн нарушил слово и с двумя десятками солдат увязался за пустой каретой?

Другой бы на месте Руди убедил себя в том, что невестка не покидала Хеллеталь, но Рыжий Дьявол всегда предполагал худшее и превращал его в лучшее. Обычно ему это удавалось, но с Небельрингом он еще не дрался. Принц-регент был готов взвыть, как давешние волки, но вместо этого вернулся в развороченный лагерь. На этот раз он не искал, а считал.

Двадцать четыре трупа: кучер, два лакея, двадцать солдат, один капитан. Двадцать четыре человека и тридцать две лошади — все со спутанными ногами. Четыре упряжные, двадцать восемь верховых, причем две достойны принцев крови.

Буланого жеребца-пятiletку Рудольф лично подарил растерявшемуся от такой чести Дорманну, второй был принцу незнаком. В любом случае шестеро гвардейцев и знатный всадник избежали общей участи. Если в карете были пассажиры, они должны быть с ними.

Рудольф вернулся к одинокому Нагелю, отвязал коня и замер с поводьями в руках. Куда делись исчезнувшие? Между Витте и Альтенкирхе нет ни деревни, ни хотя бы постоянного двора, только храм Пресвятой Девы на Мариинском холме и поместье Вольфзее. Он никого не встретил, значит, путники отправились в Альтенкирхе или к старой Берте, черт бы ее побрал! Если в карете была какая-нибудь из матушкиных ведьм, она потащила императрицу в Вольфзее, а Милика, как всегда, не смогла сказать «нет».

Вольфзее... Рудольф был там лишь однажды семилетним мальчуганом. В памяти всплыли увенчанные волками столбы, увитый плющом дом с двумя башнями, темные дубовые панели, старинные доспехи, шкуры волков и медведей... Неприятное место, чтобы не сказать жуткое, но стены там крепкие. Какая бы тварь

ни разгуливала по здешним полям, в Вольфзее ей не вломиться, если только она не свила там гнездышко.

Рудольф Ротбарт с юности ходил в отчаянных храбрецах, что не мешало принцу-регенту, когда нужно, отступить. Здравый смысл подсказывал отправиться в Альтенкирхе, дожидаться рассвета и вернуться с большим отрядом, но пока он будет ездить туда-сюда, может случиться всякое. Руди помянул своего рогатого тезку и повернул к озеру, лихорадочно вспоминая дорогу к старому дому.

Глава 6

1

Три звезды висели над самой церковью, три дрожащих голубых звезд. В ночь свадьбы они стояли на дворцовом балконе, внизу серебрился Зильберштраль, пахло поздним жасмином, а Людвиг показывал ей созвездия. Меч, Жница, Бык, Миннезингер, Оборотень, Сокол... Боже, как же они были счастливы!

— Пришли, — с каким-то удивлением произнес Клаус.

— Пришли, — повторила Милика, стерев намернувшиеся слезы, — без Риттера.

— погоди его хоронить! — прикрикнул Цигенгоф и осекся. — Прости, но ты и впрямь... Не плачь раньше времени — примета дурная. Парень не только лесничий, но и офицер, головы не теряет. Поводит их до рассвета и уйдет.

— Куда уйдет? — вздохнула Милика. — И как?

— Да хотя бы по воде, — не сдавался Клаус, — сразу видно, ты ничего в охоте не смыслишь. Волки — те же собаки, их, главное, со следа сбить, а дальше — просто.

— Не лги, — перебила Милика, — не надо. Слышишь, они идут.

— Слышу, — пожал плечами Клаус, — ну и что? Риттер их обманул, вот они и воют. Пусть хоть увоются, мы-то у цели!

Императрица не ответила. Цигенгоф может говорить что угодно, но гибель Риттера на ее совести.

Волки плакали далеко, очень далеко. Было не понять, кого они гонят, все еще Риттера или уже их.

— Мама, — подал голос Мики, — а Отто скоро придет?

— Скоро, — соврал Клаус, — мы его внутри подождем. Входим, хватит мерзнуть и трястись — не зайцы.

Милика покорно потянула на себя очередную дверь. Неужели это она несколько часов назад вышивала ирисы, не знала, что

делать с Гизелой, боялась за Руди? Ночь отрезала прошлое черным ножом и продолжала кромсать ломоть за ломтем. Из Хеллелотали выехало больше тридцати человек, теперь их лишь трое...

— Милика, проснись!

— Я не сплю.

— Мама, а здесь красиво...

Да, красиво и спокойно. Лунный свет, пробиваясь сквозь витражи, терял свой холод, пахло осенними листьями и отчего-то ягодами. У алтаря теплилось несколько лампад, из золотистой темноты выступали бык, орел, крылатый лев, ангел. Она обещала Мики, что ангел отгонит волков, выходит, она сказала правду?

— Мам, ты чего?

Какой простой вопрос, только ответить нечего.

— Все хорошо, милый. Надо зажечь свечи.

— Я тоже буду зажигать!

— Конечно, будешь.

Нестрашная тьма стала прозрачной, взлетела вверх, к расписанному звездами куполу. Волхвы преклоняют колена пред Младенцем, святой Георг поражает Змея, Анна говорит с Елизаветой. Приглушенный блеск подсвечников, ветви можжевельника и бересклета, медно-рыжие иммортели для архангела Михаила, нежно-розовые для Марии. Тишина и чистота, лампадки полны масла, на мозаичном полу — ни соринки. Кто выстроил в лесной глуши церковь? Кто за ней следит?

— Мама, — Мики с горящей свечкой в руках застыл перед иконой, — смотри, Руди!

— Ты про кого? — подмигнул Клаус. — Про Георга или про Змея?

Император насупился, граф Цигенгоф покаянно вздохнул и зажег святому Георгу сразу три свечи. Рыжие отблески упали на кудри воина, усугубив и без того немалое сходство.

— Теперь видишь? — настаивал Мики. — Это Руди!

Не Руди, но кто-то из Ротбартов. Только им могло прийти в голову возвести в запретном месте церковь, и только у императора хватило бы денег на убранство, потому что это была не бронза, а золото. Червонное золото, отданное земными владыками небесной заступнице. Людвиг никогда не говорил о Мариинской церкви, о своей кормилице, о Вольфзее. Почему?

Милика взяла Клауса за локоть:

— А теперь ты расскажешь мне все. Ты меня слышишь, все!

Ворота были все те же — массивные каменные столбы, украшенные опиравшимися на щиты волками. Окованные позелевшей медью створки гостеприимно распахнуты, за ними — липовая аллея. Заходите, вас ждут, только кто?

Нагель безропотно подошел к столбам, но Руди показалось, что конь вот-вот заплачет. Принц-регент придержал жеребца, раздумывая, что делать дальше. Усилившийся ветер гнал редкие облака, раскачивал ветви, срывал и кружил уставшие ждать листья, пахло можжевельником и поздними грибами. На первый взгляд, ничего опасного, на второй — тоже, но Рыжий Дьявол с детства не доверял незапертым дверям, а немалый опыт драк и погонь твердил, что лучше целый конь за углом, чем прирезанный у крыльца. Конечно, были еще волки и тварь, прикончившая солдат, но вой почти стих, а ночной убийца мог преспокойно войти в распахнутые ворота, если уже не вошел. Как гость или как хозяин.

Открытая дверь — это еще не гостеприимство. Принц-регент отнюдь не был уверен, что старая Берта жаждет раскрыть свои объятия брату Людвига, он ни в чем не был уверен, вот и привязал Нагеля в лесу.

Перебраться на ту сторону неряшливой каменной кладки было делом нескольких минут. Рудольф на мгновение замер на вершине стены и соскочил в мало чем отличавшийся от леса парк. Если кто его и заметил, то не подал виду, Руди выждал пару минут и медленно двинулся к дому. Собак не было слышно, не было их и двадцать шесть лет назад. Жить в лесу, не держать собак, не запирасть на ночь ворота... Пусть про разбойников в Небельринге никогда не слыхали, но те же волки! Хозяева чувствуют себя уверенно, ничего не скажешь.

Громада дома выступила из тьмы неожиданно. Луна висела над острой башенкой, увенчанной флюгером-волком. Рыжий Дьявол помнил и бронзового зверя, и два вековых дуба у крыльца. На одном из них свила гнездо горлица. Дьявольщина, какую ерунду порой хранит наша память.

Набежавшее облако закрыло луну, и Руди в несколько прыжков миновал поляну перед домом. Он успел вовремя: облако выпустило добычу и понеслось дальше. Принц-регент проводил его взглядом и быстро пошел вдоль увитой плющом стены, вглядываясь в узкие стрельчатые окна. Он бы с легкостью добрался до

любого из них, но для того, чтоб проникнуть внутрь, пришлось бы стать котом.

От мысли обойти Вольфзее в поисках окна без решетки Рудольф отказался сразу. Дом был слишком велик, а сколько у него времени, Руди не знал, но подозревал, что немного. Нет, окна отпадали, оставалась дверь, и дверь эта оказалась незапертой.

Чудовищные засовы были отодвинуты, массивные цепи и крючья бессильно висели, напоминая о палачах и застенках. Его Высочество хмыкнул, вспомнив, как мальчишкой на этом же самом месте скрестил пальцы и тайком сплюнул через правое плечо, хотя следовало через левое. Руди вынул из-за пояса пистолет и, на всякий случай осенив себя крестом, шагнул за порог.

По-дворцовому огромный вестибюль был освещен лишь догорающим камином, но память не подвела — лестницу Рудольф отыскал сразу же. Подниматься пришлось ошупью и очень осторожно: вдоль лестницы стояли доспехи, а стены были увешаны оружием, заденешь ненароком — грохнет, как в кузнице.

Девятая ступенька предательски скрипнула, и Рыжий Дьявол замер. Чертов дом! Хотя какой это дом, это дворец, в котором по воле матери живет хмурая старуха. А кто жил здесь раньше? Нет, он все-таки болван, раз за пять лет регентства не удосужился разузнать про Вольфзее. Он просто выбросил из головы испугавшее его поместье, но больше такому не бывать! Семилетнему мальчишке простиительно забывать о неприятностях, а принц-регент должен помнить их все до единой.

Где-то пробили часы. Он снова ошибся. Думал, часов пять, а на самом деле три с четвертью. Глаза понемногу привыкли к темноте, и Руди вновь пошел вперед, проверяя каждую следующую ступеньку. Поворот, и по дубовым панелям заплясали светлые блики — где-то наверху горели свечи. Уже хорошо, хоть его и зовут Дьяволом, но видеть в темноте он не обучен. В глубине дома что-то звякнуло и зашуршало. Снова звякнуло, словно на каменный пол уронили ложку или нож. Раздались быстрые шаги, скорее всего, женские, и вновь все стихло.

Смелая дама эта Берта! Поселиться среди волков и не запираť ни дверей, ни ворот. С такой лучше разговаривать с пистолетом в руках. И со святой водой, но ею принц-регент запастись не озаботился. Как и серебром.

Лестница кончалась у щита с коронованным волком, памятным еще по прежнему визиту. Императорские гербы в доме кор-

милицы, какая прелесть! На стене напротив щита горело два факела, между ними тускло блесело зеркало, отражавшее несуществующее окно, за которым тянулись освещенные луной поля. Себя, равно как и щита с волком, Руди в мутном стекле не обнаружил.

— Врешь, — бросил зеркалу Рыжий Дьявол, — ну и черт с тобой.

Висело ли оно здесь раньше? Может, и висело. Мальчишка в семь лет занят мечами и доспехами, а не отражениями.

Вновь слышались шаги, Рудольф бросился на звук и едва не налетел на полную молодую женщину в аккуратном чепце. Не Берту и не Милику! Незнакомка испуганно смотрела на незваного гостя, выставив перед собой вышитую подушку. Руди успокаивающе улыбнулся и на всякий случай ухватил женщину за плечо. Та вздрогнула.

— Я не сделаю тебе ничего дурного, — заверил принц, — но ты мне должна кое-что сказать.

— Хорошо, господин. — Носик у нее был прямо-таки очаровательный, да и темно-карие глаза были неплохи.

— Ты живешь в этом доме? Кто ты, как тебя зовут?

— Зельма Риттер, господин. Мой муж — лесничий Небельринга.

— Помнится, здесь жила Берта... — Дьявольщина, запомнил далъше. — Кормилица Людвига Ротбарта.

— Это моя мать, господин.

— И где она? И где твой муж?

— Они гуляют, господин.

— Подходящее время для прогулок. — Руди слегка сжал плечо женщины, и та вздрогнула. — Скажи, вы всегда держите двери открытыми?

— Я... я выпустила кошку, господин.

— Погулять? — усмехнулся принц-регент. — Выходит, все гуляют и ты в доме одна?

— Нет, господин. Здесь Ее Величество.

— Ее Величество? Где?!

— В Красной спальне, господин.

3

Волки Небельринга окружили церковь. Звериные лапы царапали дубовые доски, в окна лился непрекращающийся тоскливый вой. Милика не видела их, и от этого было еще страшнее.

На дверях не было ни засова, ни цепи, но они отворялись на-

ружу. Их могли открыть люди, но не звери. Женщина из всех сил старалась не думать, что творится за каменными стенами, но выматывающие душу плачи не оставляли места даже для молитвы. Когда императрице удавалось отвести взгляд от двери, она видела осунувшееся личико Мики и сжимавшую кинжал руку Клауса. Что им оставалось? Молиться и ждать утра. С рассветом волки уйдут. Так говорил Риттер, упокой Бог его душу.

Вдовствующая императрица не сомневалась, что капитан мертв, иначе бы звери сюда не добрались. Если они уцелеют, нужно поставить часовню. В память о добром человеке, сохранившем себя среди зла.

Южный ветер ударил в стекла, золотые огоньки пригнулись, выпрямились, забились, как птица в силках. Милика встала и подошла к алтарю. Святая Дева прижимала к себе сына, моля небо о милосердии. Ее сын прожил тридцать три года, как и Людвиг. Милика поправила свечи, коснулась кованой вазы с хрупкими осенними ветками: золото мертвое и золото живое... Первое вечно, второе скоро станет прахом.

*Pater noster qui es in caelis,
Sanctificetur nomen Tuum.
Adveniat regnum Tuum...*

Дочитать молитву женщина не успела. Вой стал громче, затем раздался глухой удар — волк бросился на дверь, но она выдержала. Отчаянно закричал Мики, стукнуло железо — Клаус вынул пистолет и положил рядом с собой.

— Ты их убьешь? — шепнул Мики Клаусу. Мальчик не плакал, только губы стали совсем белыми.

— Конечно, — заверил Цигенбок, — я, знаешь ли, убил немало волков.

— А вдруг это их родичи? — пролепетал сын, исподлобья глядя на дверь.

— Вряд ли, — протянул граф, но Милика предпочла бы, чтоб в его голосе было больше уверенности. — Я охотился в других местах.

— Значит, их кто-то послал, — вздохнул Мики, — кто-то, кто нас не любит.

— Тебя любят все, — пробормотала Милика, обнимая сына, — правда, Клаус?

— Правда! — согласился Цигенгоф, проверяя пальцем кинжал. Что он может в одиночку против стаи, разорвавшей два де-

сятка вооруженных солдат? Разве что те спали, но Дорманн не мог не выставить часовых.

— Клаус, может быть, нам залезть на крышу?

— Как? У нас нет даже веревки. Закрой глаза и ни о чем не думай. Мики, и ты тоже. Я вас в обиду не дам.

— Мама первая.

— Конечно, милый.

Она закрыла глаза, и свет исчез. Остались звуки. Звери продолжали выть, грызть камень, кидаться на дубовые доски. Господи, что им нужно от нее, от Мики, от Клауса? Почему их преследуют даже в храме Божьем? За что? Неужели за то, что она не ушла в монастырь, а вышла замуж? Если так, пусть ее разорвут, но Мики должен жить! Вместо Людвига. Мики не виноват в ее любви, он вообще ни в чем не виноват...

Господи, разве можно карать невинных, если живы виновные? Или ее жизнь и есть кара, самая страшная из всех возможных? Людвиг прощен и отпущен с миром, а она затерялась среди ночи и волчьего воя.

Людвиг... Они были женаты два года, но провели вместе лишь несколько месяцев. Император принадлежит Миттельрайху, а не жене. Людвиг приезжал и уезжал, она встречала, провожала и ждала, сотни раз перебирая в памяти каждое слово, жест, взгляд. Она была счастлива своим ожиданием и своей любовью, но все забрала смерть, безжалостная, как луна над полями.

Ночной ветер вновь ударился в стекла, и ей послышалось имя. Ее собственное имя, принесенное ветром, которому доверился волк. Милика видела его: рыжий гривастый зверь тянулся к окровавленной луне, из его глаз текли слезы. «Милика, — надрылся волк, — Милика, Милика...»

Он зовет, нужно идти. Они должны быть вместе, второй раз их не разлучит даже луна. Второй? Она уже была с ним? Когда? Голова болит и все кружится, словно она вновь носит Мики. Она носит Мики и ждет Людвига, но он опять куда-то уехал... Это так просто, стать счастливой. Нужно встать и идти к нему. Брести темными полями и звать, а Людвиг ее услышит. Он ищет ее, всюду ищет, но не может найти, потому что она спряталась и молчит. Как он ее отыщет, если она молчит?!

— Я готов звать тебя до бесконечности, — говорил он, целуя ее в губы, — у тебя такое имя, его хочется петь. Будь я и впрямь

волком, я бы бегал по полям и кричал луне: «Милика, Милика, Милика!...»

— Людвиг, — прошептала Милика, не открывая глаз, — Людвиг!.. Я здесь!

Глава 7

1

Милика не спала, так, по крайней мере, сказала Зельма. Он бы в Вольфзее тоже не уснул — местечко не из веселых. В таких домах лучше не ложиться и не гасить огонь...

Как же все-таки вышло, что он был здесь всего лишь раз? Был-был, да забыл, словно глупый король из баллады, который, на радость нечисти, в своем доме всего не знает.

— Это здесь, господин.

— Хорошо, ступай.

Дверь закрыта, но сквозь щели пробивался свет — и впрямь не спят. Что ж, до утра он готов рассказывать Мике сказки, а с рассветом увезет невестку с племянником в Витте. Наврет, что отослал Дорманна в Хеллеталь, и увезет.

Рыжий Дьявол изобразил на лице самую бесшабашную из имевшихся в его арсенале ухмылок и постучал.

— Можете войти.

Чистый и холодный голос бросил его в дрожь, но бежать было глупо, некуда и незачем. Руди распахнул дверь и увидел мать. Вдовствующая императрица сидела за небольшим столиком и раскладывала карты. Она всегда так делала, принимая сыновей. Больше в комнате не было никого. Мать подняла голову и улыбнулась одними уголками губ. На ней было пурпурное, отороченное седой лисой платье, в седых волосах блестела золотая вдовья диадема. Как в день похорон.

Рудольф Ротбарт сдержанно поклонился. Если перед тобой человек, которого ты своими руками клал в гроб, это еще не значит, что наступил конец света. Возможно, ты просто пьян или сошел с ума.

— Рудольф, — покойная императрица протянула руку для поцелуя, — я не ждала вас сегодня. Что вас привело в Вольфзее?

— Разрешите задать вам тот же вопрос. — Руди коснулся губами теплой кожи. Если мать после смерти не сочла нужным поме-

нять привычки, зачем это делать живому? — Прошу простить мою несдержанность, но я готов был поклясться, что вы мертвы.

— Потомки Вольфганга бессмертны. — Мария-Августа переложила красную даму на черного короля и отложила колоду. — Мы уходим, это так. Но мы остаемся. И вы останетесь, когда пробьет ваш час.

— Изумительная новость, — поднял бровь Руди, — я рискую показаться непочтительным сыном, но прежде чем продолжить разговор, хотел бы увидеть вас в зеркале. Что у вас есть тень, я заметил.

— Я извиняю вас, — надменно произнесла императрица, — вы поражены тем, что видите. Я предпочла бы, чтоб наша встреча произошла позже, но вы — мой сын, и ложь была бы неуместна. Дайте руку.

Если он не сошел с ума, не спит и не пьян, то это происходит на самом деле. А если ничего нет, то и его здесь нет. Рудольф обошел столик и слегка наклонил голову:

— Прошу вас.

Мария-Августа спокойно оперлась о руку сына. До свадьбы на всех церемониях мать поддерживал Людвиг, после его женитьбы эта обязанность перешла к Руди.

— Смотрите.

Огромное зеркало отражало гобелен с охотящимися волками. На его фоне стояла одинокая женщина в пурпуре, себя Руди не видел.

— Зеркала Вольфзее не отражают живых, — сообщила вдовствующая императрица, — я мертва, и вы меня видите. Вы живы, и для Небельринга вас не существует. Отведите меня назад.

— Как вам будет угодно.

В балладах мертвецы закутаны в саван, их руки холодны, как лед, а прикосновение приносит смерть. Рыжий Дьявол никогда не боялся мертвых, не испугался бы и сейчас, окажись мать воющим призраком или скелетом с горящими глазами, но она раскладывала карты и носила платья со шлейфом. Это было чудовишно, но Руди держался, потому что огонь гасит огонь, а страх вытесняет страх. Он слишком боялся за Милику и Мики, чтобы падать от ужаса при виде покойников.

Рудольф дождался, пока Мария-Августа села, знакомым жестом расправив юбки, и опустился в кресло напротив. Он был совершенно спокоен. Даже спокойнее вдовствующей императрицы.

— Как вы здесь оказались? — Глаза матери требовательно блеснули.

— О, совершенно случайно. — Мертва она или нет, но она всегда ненавидела Милику, и вряд ли что-то изменилось. — Я раскрыл заговор, и мне захотелось развеяться.

— Заговор? — Серые глаза обжигали, но Рудольф был достойным сыном Мари-Августы. Он выдержал взгляд мертвой, как выдерживал взгляд живой.

— Ничего страшного, матушка. Один не очень умный человек решил от меня избавиться. Я подсказал ему место и время, теперь он в моих руках, завтра вечером его убьют. Но, Ваше Величество, все это не идет ни в какое сравнение с вашим появлением. Итак, в Вольфзее живете вы, а не кормилица Людвиг?

— Я здесь бываю, — мать вновь взяла карты, — иногда. Берта хранит Вольфзее для Ротбартов. Когда она умрет, ваша супруга найдет ей замену. Зельма слишком слаба.

— Моя супруга? — Самое время прочесть «Pater Noster», только как? Прямо или задом наперед? — У меня нет супруги.

— Хранительницу Вольфзее, — Мария-Августа разложила еще один ряд карт, — выбирает императрица. После рождения наследника.

— Императрица, но не принцесса. — Была ли здесь Милика? Видела ли ее мать? Впрочем, Берта не так уж и стара, почему бы ей не дожить до свадьбы Михаэля?

— Михаэль не будет править, — слова падали, как камни в колодец, — у него дурная кровь.

Михаил и Люцифер! Неужели у ненависти нет предела?

— Матушка, Михаэль — законный сын Людвиг, его ничто не лишит короны.

— Кроме смерти, — возразила мать и сняла пикового туза.

— Дьявол!

— Рудольф! — Мария-Августа медленно поднялась во весь рост. Что у нее с глазами? Только что были серыми, а теперь желтые, как у него самого.

Руди тоже встал, хоть и не слишком быстро. Страх не то чувство, которое нужно высказывать.

— Да, матушка, я — Рудольф Ротбарт. И я никогда не подниму руку на сына Людвиг.

— Вы — хороший брат, — мать вновь выглядела спокойной, но глаза остались звериными, — но вы прежде всего Ротбарт.

— Я помню. — Если она осталась прежней, то он уж точно не изменился. И не изменится.

— Помнить не значит понимать. Миттельрайх жив Ротбартами, а Ротбарты — Миттельрайхом. Задумайтесь над этим.

— Мне некогда об этом думать. — Дьявол, к чему она клоунит?! — Я так живу. Шестой год.

— Хвала Луне, я родила настоящего волка. Жаль, всего одного. — Мать вновь опустилась в кресло. — Садитесь и слушайте.

— Вы полагаете, ваши слова собьют меня с ног?

— Сейчас не время шутить!

Дьявол, он не может сидеть здесь с матерью, жива она или нет, не узнав, где Милика и Мики! Но если кто и знает об этом, то мать. Ее нужно разговорить, но как?

— Я слушаю, матушка, но мне нужно вернуться в Витте до рассвета.

— Вы вернетесь. — Она казалась довольной. — Я не намерена задерживать вас дольше, чем требуется.

А уж как он не намерен задерживаться! Руди заложил ногу за ногу и откинулся назад, выказывая почтительное внимание, но не более того.

— Да будет вам известно, — герцогиня махнула рукой в сторону волчьего гобелена, — что Миттельрайх вручен Ротбартам богами. Истинными богами, а не размалеванными латинянскими куклами. Эта земля принадлежала и принадлежит им, слышите, им и никому другому!

И эта женщина после смерти отца не выходила из церкви и перевела Михайлову монастырю целое состояние?! Непостижимо...

— Матушка, я всегда полагал вас доброй латинянкой.

— Я не знала истины, — признала Мария-Августа, — так же, как и вы. Истину помнит Небельринг. И открывает, когда сочтет нужным. Ваше появление здесь и сейчас — это его воля.

Или цепь случайностей и совпадений, но где, во имя Всевышнего, Милика?

— Матушка, прошу меня простить, я больше не буду перебивать вас.

— Отчего же. То, что я расскажу, породит много вопросов. Итак, Вольфганг отдал себя и свое потомство силам Небельринга и за это получил Миттельрайх. Пока этой землей правят красные волки, ее защищают боги. Взамен Ротбарты вручают им тело и душу. Не сразу, после того, как кончается отмеренный им срок.

Души обычных людей отлетают в иные края, Ротбарты остаются в Небельринге. Когда вы умрете как человек, вы возродитесь здесь, в Вольфзее. И будете водить волков Небельринга, пока не придет новый вожак — ваш сын и наследник.

Безумие или правда? Холодный дом, зеркала, не отражающие живых, открытые настежь двери, пожелтевшие глаза матери, растерзанные солдаты... Уж лучше в адскую смолу, как он всегда собирался.

— Матушка, я могу повидать Людвига? Или отца?

— Всеу свое время. Сейчас вы должны понять только одно: что мы, ушедшие, заложники вас, живых. Если род Ротбартов прервется, если вы потеряете корону, мы исчезнем, как исчезают осенние листья. И вместе с нами исчезнет Миттельрайх.

— Это льстит моему самолюбию, — Рудольф попробовал улыбнуться, — но царства имеют обыкновение рушиться, а династии кончаться. Уйдут Ротбарты, найдутся новые владыки, только и всего.

— Только не в Миттельрайхе, — отчеканила Мария-Августа. — Боги отвели от империи слишком много бед, и это родило ненависть. Нашу землю ненавидят те, кому она все еще неподвластна. Если исчезнут Ротбарты, сюда ворвутся мор и голод, горы извергнут огонь, а Зильберштраль потечет кровью. Всеу придет конец, как пришел конец землям аттлов.

— А были ли они, эти земли? — пожал плечами Рудольф. — Или аттлов придумал древний мудрец как пример разумной державы?

— Земли аттлов существовали, — отрезала императрица, — и погибли по вине забывших свой долг правителей. Миттельрайх не должен повторить их судьбу.

Вот только утонувшего острова и «Диалогов» сумасшедшего философа ему сейчас и не хватало. И где, во имя Люцифера, брат?! Если мать не лжет, он сейчас ведет волчью стаю. Неужели старину Дорманна убили Ротбарты — дед, отец, Людвиг? Нет, только не это! А если волки найдут Миliku? Узнает ли муж жену и сына?

— Матушка, простите, я должен ехать. Клянусь служить Миттельрайху и защищать императора, пока он не...

— Нет. — Опять этот желтый огонь в глазах! — Миттельрайх — ваша ноша. Спутавшись с этой девкой, Людвиг предал договор.

— Матушка! — Смерть не помеха для ненависти, а что жлет за гробом любовь? — Не трогайте Миliku!

— Не трогать?! — прорычала вдовствующая императрица. — Эта девка не просто свела с ума моего сына, она родила наш копец! Она — брешь в плотине, с которой начнется потоп!

— Матушка!

— Людвиг собственной жизнью выкупил жизнь своей шлюхи и ее отродья, но в их крови спит смерть! — Из желтых глаз рвалось безумие. Или отчаянье. — Сыновья Михаэля умрут во младенчестве, а дочери понесут эту заразу дальше, уничтожая род за родом. Вот что наделал ваш брат! Рудольф Ротбарт, запомните: Михаэль не должен иметь детей, Михаэль не должен носить корону. Михаэль не должен жить! Вы — император Миттельрайха. Вы и только вы!

— Матушка! Я не смогу... Нет!

— Все будет сделано за вас. — Мать холодно улыбнулась. — Возвращайтесь в Витте и готовьтесь к коронации. Хвала Луне, дурная кровь к утру остынет.

— Что? Что вы сказали?!

— То, что мертвые на страже живых. Волки Небельринга исправят содеянное моим сыном. Моим бывшим сыном. И тогда он будет прощен.

«Исправят»... Значит, еще не исправили!

— Матушка, — Руди услышал, как зазвенел его голос, — правильно ли я понял, что мои великие предки загрызли моих солдат? Вместе с лошадьми?

— Они нарушили волю Небельринга, — пожала плечами мать. — Прощайте, сын мой. Вас ждет Витте.

— Где Милика и Мики? Они были здесь, я знаю, что были!

— Да, — Мария-Августа внимательно посмотрела в глаза сына, — были. И ушли. Муж Зельмы оказался недостойн Вольфзее. Он увел приговоренных, но воля Ротбаров священна. Милика и Михаэль умрут.

— Где они?

— Вам незачем знать, — отрезала императрица.

— Где они?!

Улыбающийся рот и холодные, как смерть, глаза... В Небельринге можно искать до судного дня, а она не скажет. Нет, скажет! Если она не лжет, он не оставит ей другого выхода. Руди улыбнулся и выхватил кинжал. Существо, некогда бывшее его матерью, поджало губы.

— Я была о вас лучшего мнения. Сталь не причинит мне вреда.

— Вам — нет, мне — да!

— Рудольф! — А вот теперь она напугана! По-настоящему, до дрожи, так, как еще никогда ничего не боялась. Что ж, Руди, вперед!

— Матушка, или вы мне скажете, где Милика и Мики, или род Ротбартов прервется на ваших глазах и по вашей вине. Выбирайте!

2

Дверей больше не было, они просто исчезли, растворились в серебристо-зеленом сиянье, неистовом и бездушном. Лунные лапы тянулись к побледневшим свечам, выцарапывали глаза, хватали за горло.

— Что ты наделала... Риттер говорил... нельзя отвечать...

Цигенгоф. Кому он это? И о чем?

— Мама! Мамочка!...

— К алтарю! Живо!

Что она сделала, что они так кричат? Куда он ее тянет? Им все равно не уйти: луна держит крепко. Луна — гончая смерти, Милика поняла это только сейчас. Это Луна выследила добычу, луна, а не волки.

Это началось давно, в ту почти забытую ночь, когда она стояла у окна своей спальни, не в силах уснуть. Людвиг снова уехал, а она смотрела на звезды и думала о том, удался или нет ее нехитрый обман. И вспоминала об их первой встрече.

Парадный зал старого замка, серебряный кубок с белым вином в ее руках, учтивая улыбка, ничего не значащие слова... Людвиг Ротбарт сразу же уехал. Он не знал, что короткая встреча расколола жизнь графской дочери, а она не могла и помыслить, что император не спит ночами, молясь настигшей его любви. Любовь... Они стали ее избранниками — император Миттельрайха и дочь Хорста Лиденберга!

Летний ветер шевелил вышитые занавеси, ночь дышала ночной фиалкой и поздним жасмином. Юная императрица, задыхаясь от неслыханного, невозможного счастья, спустилась в сад, прошла тенистой аллеей, вышла на залитую серебряным светом поляну, и счастье сменилось ужасом. Она бросилась назад, к дому, но не добежала и упала в белую от незабудок траву, где ее и нашли.

Если б она тогда не вышла, если б не позволила себя увидеть...

— Мама! Мамочка! — Мики теребил ее за руку, вырывая из

холодных светящихся волн, в которых она тонула. Сын! Как она о нем забыла?!

— Сюда! Быстрее, во имя Господа!

Граф фон Цигенгоф тянет ее к алтарю, туда, где теплым золотом сияют церковные свечи. Их свет сдерживает лунную жуть, но как же быстро они сгорают.

— Ничего, — бормочет Клаус, — скоро утро... Смотри, уже светает.

Неужели он не понимает — это не рассвет, это луна, которая пришла за ней, так зачем бороться? Пусть волки получают, что ищут, только бы не тронули Мики. Клаус его выведет. Ради нее. А Руди воспитает. Ради Людвига.

— *Милика.* — Все тот же зов, которому нельзя сказать «нет». — *Милика... Милика...*

Мики плачет, Цигенгоф поднимает сына на руки, что-то ему говорит. Пусть Святая Дева защитит их обоих.

— Клаус, позаботься о Мики.

— Конечно... погоди, ты о чем? Милика! Остановись!

Цигенгоф бросился за ней, но помешал Мики, которого он держал. Растерявшийся граф замер на границе золота и серебра, прижимая к себе чужого сына, а Милика Ротбарт, протянув вперед руки, пошла к сияющему провалу. И навстречу ей медленно выступил зверь, тот самый, что звал ее в бреду.

Огромный, с рудничную лошадку, медно-рыжий, он походил на длинноногого гривастого лиса, а не на волка, каких немало водилось в окрестностях Линденвальде. Белая грудь, угольно-черные лапы, вытянутая морда в темной «маске», желтые, такие знакомые глаза, и в них не смерть, а любовь.

3

Милика сошла с ума, а Цигенгоф не мог ничего сделать, потому что удерживал бьющегося Мики и потому что ему было страшно. Есть ужас, который держит на месте не хуже цепей, ужас, с которым не поспоришь. Клаус пытался вырваться, но предел есть у всего, кроме смерти и страха. Даже у любви, которая порой кажется всемогущей.

Граф фон Цигенгоф мог лишь кричать, но Милика не слышала ни его, ни сына, а за спиной ворвавшейся в церковь бестии дожидались своего часа другие. Адское сияние слепило, и граф

Цигенгоф, как ни старался, не мог счесть собравшихся у входа тварей. Их могло быть как десять, так и сто, исход был один. Волки это знали и не спешили нападать. Зачем? Ночь и смерть без добычи не уйдут, все свершится по их воле и в свое время.

Лунные бестии замерли, не отрывая горящих глаз от своего вожака, к которому, пошатываясь, словно пьяная, брела обезумевшая Милика, а Клаус мог лишь смотреть. Он ее любил. Больше жизни, долга, совести, но луна и смерть оказались сильнее любви.

— Мама! — отчаянный вопль Мики разорвал лунные путы, и Цигенгоф схватился за пистолет. Волк стоял неподвижно, но между зверем и стрелком была Милика. Малышка хотела вернуться в Альтенкирхе, а он думал о каких-то приличиях и затащил ее в Вольфзее... Это все по его вине, так будь он проклят во веки веков!

Одна из бестий двинулась вперед, остальные повторили это движение, не переступая, однако, ими самими определенной черты. Самый нетерпеливый сел, утробно зарывав, и вожак, словно отвечая, сделал шаг к Милике. В его горле kloкотало, медная шерсть стояла дыбом, Клаус видел вздернутую черную губу и ослепительные клыки. Теперь он знал, как умерли солдаты и как сейчас умрут они.

Зверь был готов к прыжку, а женщина ничего не понимала. Она потеряла рассудок и ничего не поймет, не успеет понять, остается Мики... Милика просила за сына, но им не спастись. Что ж, он избавит малыша от страданий. Смерть от пули будет быстрой, Мики не увидит над собой черной пасти, которой он так боится.

Рычанье стало неистовым, звери были вне себя, они роптали, требовали, приказывали, но вожак оставался неподвижным. А Милика, Милика замерла, прижимая руки к груди, превратившись в еще одну статую Пречистой Девы. Волк поднял голову, сверкнули желтые глаза, и женщина с криком «Прости!» бросилась на колени перед рычащим волком.

Глава 8

1

Впереди, в холодном злом сиянии проступали звериные силуэты, но императрица знала — это лишь тени. Тени страха, разлуки, тоски. Что-то кричал Клаус, плакал сын, но Милика Ротбарт видела только родные глаза.

— Людвиг, — шептала она, веря и не веря, — Людвиг...

Они были вместе, и, кроме них, ничего не было. Ничего и никого! Людвиг ее нашел, и луна отступила.

— Я останусь здесь, — лихорадочно шептала женщина, — здесь, у церкви... Ты будешь приходить ко мне, мы не можем потерять друг друга снова... Руди вырастит Мики, а я буду с тобой, только не уходи больше. Никогда не уходи... Пожалуйста...

Вдовствующая императрица уткнулась лицом в рыжий мех и закрыла глаза, слушая, как стучит сердце Людвиг. Больше она его не отпустит никуда и никогда. Еще одной разлуки ей не пережить. Она бы стояла так вечно, ощущая его тепло, ни о чем не думая, ничего не желая, но волк зарычал и рванулся.

— Людвиг...

Он оттер ее плечом, и она послушно отступила. Людвиг оглянулся, коротко, отчаянно взвыл и замер, глядя на дверь.

— Людвиг, — повторила Милика, он не услышал. Клаус, о котором она совсем забыла, схватил ее за руку и поволол к алтарю, в юбку вцепился плачущий сын.

— Ты зачем уходила? — кричал Мики. — Он мог тебе съесть!

— Мики, — начала императрица, но Цигенгоф сунул ей зажженную свечу и прошипел:

— Ставь свечи. Пока горят свечи, они не пройдут... Забирай отовсюду и ставь у алтаря все, что найдешь! Господь простит...

Милика торопливо зажгла свечу пред иконой Благовещенья. Нежным золотом сверкнули волосы Марии.

— Мама, — шепнул сын, — почему тихо? Это плохо?

Мики был прав. Звери у порога смолкли, ветер тоже стих, тишину нарушало лишь потрескивание свечей, а затем послышались шаги. Кто-то торопился в церковь, и под его ногами шуршали сухие листья. Риттер?! Или тот, кто следит за храмом?..

Наверное, иначе почему его не трогают волки? Силы тьмы бессильны пред ликом Господа.

Свеча перед иконой покачнулась и замигала, Милика торопливо поправила ее, обернулась и успела увидеть распластавшегося в прыжке волка. Захлебнувшийся вопль слился с рычанием и чудовишным хрустом. Людвиг, ее Людвиг отшвырнул изломанное тело и бросился на второго пришельца — старика в коричневой куртке.

— Людвиг! — Милика рванулась вперед. — Людвиг, стой! Это божьи люди!

— Молчи! — Клаус ухватил женщину за плечо. — Он знает, что делает. Они из Вольфзее...

Из Вольфзее? Да, конечно... Слуга Берты, как она его не узнала? Высокая старуха с непокрытой головой шагнула в церковь вперед спиной. Берта! Чего ей надо?

— О Боже, — прохрипел Клаус.

Кормилица Людвиг ткнула пальцем в лунную пасть.

— Отто! — выкрикнула она. — Отто Ротбарт!

Людвиг поднял окровавленную морду, рыча на ворвавшегося в церковь волка, одноглазого, с седеющей гривой. Берта пятилась к алтарю, ее нога угодила в кровавую лужу, но она не заметила.

— Отто! — Шаг назад, багровый след на светлом мраморе.

Одноглазый зверь рванулся вперед, Людвиг бросился наперез. Волки сшиблись грудью, словно глухари на токовище, захотала Берта. В проеме, тоже вперед спиной, возникла женщина в тяжелом придворном платье. Графиня Шерце!

— Фридрих! Фридрих Доннер!

Темная тень взмыла вверх, золотом сверкнули глаза. Огромный, больше и Людвиг, и Отто, волк по-кошачьи мягко приземлился возле статуи архангела Михаила.

Фридрих Доннер? Ротбарт-Молния! Прапрадед Людвиг и Руди? Он был добрым человеком, очень добрым, хоть и великим воином. Почему он слушает Берту?

— Назад! — Клаус отшвырнул женщину к алтарю, где в нее вцепился Мики.

— Зиглинда! — завопила Берта. — Зиглинда!

Еще один зверь. Белый... Волчица. Самая прекрасная из императриц Миттельрайха. С Зиглинды великий Альбрехт писал Богоматерь...

Цигенбок поднял пистолет, целясь в снежно-белую грудь, и тут Милика очнулась.

— Берта! — Только бы он понял! — Стреляй в Берту! Скорей!

Грохот, пороховая гарь мешается с запахом свечей и крови, кормилица Людвиг валится вниз лицом, царапая руками бледный мрамор. Лающий хрип: «Густав!», в храм медленно входит еще один волк, на мгновение замирает над телом и бросается к алтарю, но золотой свет отбрасывает тварь назад, в лунное озеро. «Пока горят свечи, они не пройдут...»

— Дьявол! — Клаус отшвырнул разряженный пистолет — потерял пороховницу.

Графиня Шерце споткнулась о руку мертвого слуги, Людвиг с Отто сплелись в рычащий, истекающий кровью шар, Зиглинда и Фридрих с воем заметались вдоль золотой границы.

— Хайнрих! — топнула ногой статс-дама, и из лунной пучины возник темный силуэт.

Кем он был, этот Хайнрих? Милика не знала, но он жил давно — теперь это имя произносят иначе.

— Милика Линденвальде!

Ее зовут? Графиня Шерце?!

Статс-дама улыбалась. Милика видела ее улыбку в первый раз.

— Сейчас ты умрешь! — Ноздри графини раздувались, в уголках губ пузырилась слюна. — Ты, выскочка, запятнавшая дом Ротбартов! Ты отобрала счастье у достойных, ты принесла беду, и ты умрешь! Но сначала увидишь, как издыхает твоё отродье... И твой муж-отступник! Их не будет даже в аду, графиня Линденвальде. Слышишь, ты, даже в аду! Я хочу, чтоб ты это знала... Знала, что это из-за тебя, ты...

Резкий короткий свист, кликуша, шатаясь, хватается за горло.

— Она знает, — бормочет Клаус фон Цигенгоф.

Графиня вырывает кинжал, из рассеченной шеи вырывается алая струя, заливая руки святой Анны и ветки бересклета. Оттилия фон Шерце, опрокидывая вазу, валится к ногам святого Иосифа.

— Она больше никого не позовет, — Клаус держит за кончик и рукоять второй кинжал, — и ничего не увидит, заberi ее сатана! Я всегда любил метать ножи... А сейчас поговорим по душам с гостями.

Он не промахнулся — кинжал вошел по самую рукоять в шею того, кого звали Хайнрих. Вспыхнул и замерцал бледный лунный огонь, жалко звякнула об пол отвалившаяся рукоять. Зверь потянулся и зевнул, сверкнув белоснежными клыками.

2

Нагеля пришлось бросить: конь не мог вскарабкаться по каменной тропинке, да и говорить с волками легче пешему. Если, конечно, с волками можно разговаривать. Руди поднял голову — церковь нависала прямо над ним, стройный темный силуэт на фоне предутренних звезд, над крестом дрожит голубая звезда... Летом все бы уже закончилось, но ноябрь подыгрывает ночи.

Из-под сапога сорвался камень — ничего страшного. Он не сломал шею в Люстигегберге, не сломает и тут. Волки были совсем рядом, в их голосах слышались ярость и неудовлетворе-

ние — значит, он успел. Родственнички заняты добычей, но сейчас его увидят, и все решится.

Поймут ли они, кто пришел? Мать говорит, за пределами Вольфзее в них не остается ничего человеческого. Если так, ему конец. Ему, Миликке, Мики и Миттельрайху, по крайней мере, Миттельрайху Ротбартов. Но мать лжет. Он знал ее тридцать два года и многому научился. В том числе не верить шепоту и крику.

Рудольф Ротбарт перебрался через острое каменное ребро, прыгнул на тропинку и вынул кинжал. Дальше он пойдет открыто, все равно церковь окружена, и в ней всего одна дверь.

Что-то шептали сухие листья, хрустели и осыпались мелкие камешки. Ветер дул в лицо, будь Руди волком, он бы чуял запах со-родичей, но Рыжий Дьявол все еще был человеком, хоть и пришел к волкам и понял, когда его заметили. Больше ждать было нечего.

— Волки Небельринга! — крикнул Рудольф, поднимаясь на вершину холма. — Я хочу говорить с вами!

Поняли. Повернулись к новому гостю. Лунный свет делал рыжие шкуры седыми, в глазах плескался холод. «Хвала луне, я родила настоящего волка», — сказала мать. Настоящего ли?

— Я — Рудольф, сын Марии-Августы и императора Михаэля, последний сын. Я пришел за своей невесткой и ее сыном. Если они мертвы, я убью себя, а вместе с собой и вас. Если живы, я их заберу. У вас есть выбор: умереть сейчас или отдать мне тех, кто мне нужен. Решайте.

Он подбросил и поймал кинжал, ухватив клинком лунное пламя, нарочито громко засмеялся, потряхнул волосами и пошел вперед, на живую, глядящую сотнями глаз стену.

Завтра, через год, через десять, двадцать, пятьдесят лет он станет одним из них, но сейчас не Небельринг властен над ним, а он над Небельрингом. Он не волк, он — Рыжий Дьявол, и он добьется своего или умрет.

Рудольф Ротбарт шел сквозь воющее море, и оно расступалось пред ним, как расступились иные волны пред народом Моисеевым.

Заложники и данники древней клятвы, которых никто не спросил, которым никто не оставил выбора. Такие разные в жизни и смерти, в посмертии они стали одинаковыми. Ночь и волчьи шкуры стерли различия.

Красные шкуры, черные пасти, желтые глаза... Кто из них при жизни был кем? Кого любил, с кем сражался, о ком мечтал? Кто взял Альтерфее? Кто разбил Филиппа Лоасского, отбросил вар-

варов Геримунтаса, выстроил собор святого Михаила? Кто заставил папу смириться и признать Миттельрайх неприкосновенным? Кто разбил в Витте сиреневые сады?

Шаг за шагом через прошлое Миттельрайха, на губах — ухмылка, в руках — фамильный клинок. «Никогда не оглядывайся», — говорил Годфрид Ротбарт, Готфрид-Кремень. Здесь ли он? Здесь ли неистовая Кунигунда, перчатка которой стала причиной войны? А ее внук Иоганн, эту войну погасивший? Где его тезка Рудольф, давший приют печатнику Августу Платкхарду, полководец Отто, весельчак Губерт, покончивший с собой из-за несчастной любви принц Герхард?

Вольфранг продал не только себя, но и весь свой род... Понимал ли он сам, на что идет? Чего хотел? Защитить свою землю, создать великую державу или ему была нужна власть? Просто власть ради власти? И что теперь делать ему, идущему сквозь свое будущее?

Латинянство позволяют выбирать между раем и адом, а у Ротбаров одна дорога — в Небельринг, а потом — в золу. Всем родом, всей стаей... Стоит ли Миттельрайх этого кошмара? Почему они цепляются за жизнь, за *такую* жизнь? Что помнят из человеческого прошлого, а что забыли? Что вспомнит он сам, когда очнется в Вольфзее? Что помнит Людвиг? Что помнит отец? Неужели, как и мать, жаждет крови внука? Вряд ли ты это узнаешь при жизни, Руди Ротбарт, а потом тебе будет все равно. Хватит! Ты почти пришел.

Волки не пытались остановить родича, но их было слишком много. Звери напирали друг на друга, и Руди пришлось сбавить шаг. Из церкви слышались рычание, возня и удары, словно там дрались собаки, но люди молчали, даже Мики. Неужели мертвы? Если да, придется решать — умирать ему или жить. Если Мики и Милика живы, выбора у него нет.

3

— Руди! — кричал Мики. — Руди!

Этого не могло быть, но это было. Руди был жив, и он был здесь. Деверь стоял на пороге, шуря глаза, в руке — кинжал, на черном сукне блестит цепь регента. Он ничего не делал и не говорил, но волки прекратили бой. Один, с окровавленной мордой, прихрамывая, подошел и встал рядом с братом.

— Руди, — выдохнула Милика, — это Людвиг.

Рука человека легла на голову зверя. Деверь что-то сказал Людвигу, и тот лег, положив морду на вытянутые лапы. Взгляд Рудольфа скользнул по освещенному алтарю, остановившись на прижавших уши волках.

— Вас призвали Луной и вашими именами, — голос Рудольфа звучал устало и глухо. — Уходите за теми, кто вас призвал.

Руди поднял тело статс-дамы и понес к выходу. Клаус захопал глазами и бросился к Берте, но не поднял, а поволок за ноги. Что случилось дальше, Милика не видела: догорающие свечи сплелись в золотой венок, закачавшийся на серебряной волне, и все исчезло в гoryком осеннем дыму.

В императорском парке жгли палую листву, а она носила под сердцем Мики. Плащ и тяжелое платье скрывали беременность, и Людвиг ничего не заметил. Он только-только вернулся с лоасской границы и отыскал ее среди рыжих кленов и отцветших роз. Милика не ждала его так скоро, от радости у нее подкосились ноги, муж ее подхватил и засмеялся.

А потом они брели, держась за руки, среди задумчивых статуй, в воздухе тихо кружились листья, а над горизонтом поднималось облако, похожее на однорог оленя...

— О чем ты думаешь? — спросил Людвиг, и она ответила:

— О нашем сыне.

— Что ты сказала? — Император остановился и притянул ее к себе.

— Я сказала, — прошептала Милика, — что жду ребенка.

— Как это вышло? — Он был бледен, как полотно. — Во имя Господа, как?..

— Как у всех. — Милика встала на цыпочки и поцеловала мужа в губы. — Ты слишком доверял лекарям, но иногда снадобья бессильны.

— Тобиас ответит за свою глупость!

— Он не виноват. — Милика лукаво улыбнулась. — Ни одно снадобье не подействует, если его вылить.

— Так ты, — он задохнулся, — ты меня обманула! Господи, как ты могла...

— Людвиг! — Почему он побледнел? — Я рожу тебе сына, у тебя будет наследник, и твоя мать нас простит.

— Так ты это сделала из-за нее? Что она тебе сказала?!

— Ничего. — Она прижалась к нему. — Ее Величество со мной

не разговаривает. Людвиг, ты не понимаешь... Ты уехал, тебя не было, но ты остался со мной, во мне...

Он молча смотрел на нее, и ей вдруг стало страшно, как тогда, в лунном саду.

— Ты сердишься? Прости, пожалуйста! Прости меня, но я так хотела сына... Я это сделала ради тебя, как... Как и все.

— Маленькая, что ты? Конечно же, я счастлив. Просто все так неожиданно. Ты же больна...

— Я здорова. Ты больше не сердишься?

— Я? На тебя? Какая же ты глупышка! Когда он родится?

— В январе.

— Мы назовем его Михаэлем. В честь отца... а крестным будет Руди. Ты ведь его любишь?

— О, да. — Покачнувшийся было мир вновь вернулся на место. — Ведь он так похож на тебя.

— Руди сильнее, — Людвиг говорил словно сам с собой, — да, он сильнее, и он сможет...

— Что сможет?

— То, что не могу я. — Он на миг задумался и вдруг улыбнулся: — Или не хочу. Например, выиграть войну. Ведь ты же не захочешь, чтобы я весной воевал? Смотри, какое облако, совсем как рыба.

Рыба? Но облако походило на оленя...

— Что с мамой? — Голос еще не рожденного сына ворвался в дворцовый парк, и счастье растаяло вместе с небесной рыбой.

— Все хорошо, она приходит в себя...

Как трудно открыть глаза и поднять голову. Как трудно просыпаться, возвращаться в боль, в холод, в одиночество.

— Милика, во имя Дьявола, почему тебе не сиделось в Хеллелале? — Рудольф, он и в самом деле пришел. А она почти решила, что это сон.

— Я хотела поговорить с тобой о твоей... о твоей...

— Это я виноват, — признался Клаус, — мы боялись за тебя. Эти твои поездки...

— Куда моим поездкам до ваших, — ухмыльнулся Руди. Он всегда ухмылялся, всегда спорил и никогда ни о чем не говорил всерьез. Людвиг был другим, он не смеялся над тем, над чем смеяться нельзя. Людвиг! Где он?!

Милика рывком села, сбросив с себя куртку Руди. Над голо-

вой были золотые, пронизанные солнцем ветки, сквозь которые нестерпимо синело небо.

— Руди, — женщина вцепилась в руку деверя, — где Людвиг?

— Ушел. — Лицо Рудольфа было совершенно спокойным. — И нам тоже пора. Вернее, вам. У меня здесь еще пара дел.

— Я не пойду! — Милика попробовала встать, но ноги подкоились, и она чуть не упала на пол. — Я останусь! С Людвигом. Руди, ты позаботишься о Мики?

— Позабочусь, — буркнул деверь, — и немедленно. Сыну в первую очередь нужна мать, так что изволь отправляться с Клаусом. Нагель в порядке, я смотрел. Как доберетесь, пришлите сюда священника. И коня поприличней.

— Я не хочу, — замотала головой Милика, — мое место здесь. С Людвигом.

— Руди, — Клаус в отчаянии переводил взгляд с нее на деверя и назад, — давай наоборот.

— Цигенбок! — Голос Рудольфа хлестнул как кнут. — Ты уже сделал все, что мог, и даже больше. Забирай их и вон отсюда!

— Я не уйду! — Деверь ее не слышит, не желает слышать, но она заставит считаться со своей любовью, будь он хоть трижды регент. — Слышишь, не уйду!

— Уйдешь! — Рудольф схватил ее за запястья, вынуждая встать. — Еслилюбишь Людвига, а не себя, уйдешь! Клаус, долго еще вас ждать?!

Милика рванулась, но Руди мог сдержать дикого жеребца, не то что женщину. Он не позволит ей остаться, но она теперь знает дорогу. Принц-регент не станет вечно сидеть с невесткой, у него слишком много дел.

— Пусти, — попросила Милика, и брат Людвига, не говоря ни слова, разжал руки. — Мы едем с Клаусом.

Цигенгоф торопливо подхватил Мики, и они втроем пошли к тропинке. На краю обрыва Милика оглянулась: Рудольф Ротбарт стоял у церковной ограды и смотрел им вслед золотым волчьим взглядом.

Эпилог

1

В лиловеющем небе кружило воронье, рвались ввысь шпиль Святого Михаила, за ними проступала прозрачная луна. Рудольф Ротбарт поднялся и неспешно задернул шторы.

— Спасибо, — от души поблагодарил Клаус фон Цигенгоф, — после вчерашнего я с этой круглой душой не в ладах.

— Она скоро похудеет, — утешил Руди.

— Слушай, — Цигенбок внимательно посмотрел на приятеля, — никак не пойму, что с тобой сегодня не так.

— Спроси что полегче, — предложил Его Высочество, — тут я тебе не помощник.

— Полегче, говоришь? Тогда откуда ты взялся? Я был уверен, что ты у своей красоти.

— Георга благодари, — зевнул Рудольф, — вот уж действительно во всем плохом есть свое хорошее.

— Георга? — Цигенбок явно ничего не понимал. — Он-то тут при чем?

— При многом... Хочешь выпить?

— Признаться, не очень.

— А я выпью. — Руди налил вина и кивнул на свернувшуюся у камина Брауне: — Спит... Всю ночь выла, а теперь спит.

— Ты говорил о Георге.

— Говорил. — Рудольф ополовинил бокал. — Я удрал из Витте, потому что не хотел его видеть. Иногда нет ничего хуже старых друзей, которые тебя знают лучше, чем ты сам. Особенно если одному из них взбрело в голову тебя убить.

— Георг хотел тебя убить? — затряс головой Цигенгоф. — Пожалуй, я все-таки выпью.

— Пей, — разрешил Рудольф, вновь берясь за бокал. — Пока ты пытался натравить на меня Милику, сюда явился Георг. Ему передали, что я прошу его подождать. Он остался, но сначала куда-то послал слугу, что и требовалось доказать.

— А потом?

— А потом я доказал, — хмыкнул Рудольф, — на пустыре в Льянном переулке. Знаешь это место?

— Обижаешь, — возмутился Цигенбок, — его весь Витте знает. И скольких ты убил?

— Четверых. А пятый оказался молочным братом моего лучшего друга Георга.

— Господи...

— Господь тут ни при чем, скорее уж сатана. Но, как ты понимаешь, встречаться с Лемке мне расхотелось, и я решил развеяться.

— И что теперь будет?

— Не знаю! — Глаза Руди бешено сверкнули. — Со мной и

впрямь что-то не так, даже ты заметил. Я — регент, Клаус, а не палач... Я знаю, что должен сделать, и я сделаю, но, дьявол, уж лучше бы мне руку под Гольдфельтом оторвало!

— Ты с Георгом так и не виделся?

— Нет. Слушай, Цигенбок, иди отсюда, а? И без тебя тошно.

— Ладно, не злись. Просто я не мог поверить, что это Лемке.

— А сейчас веришь?

— А что мне остается? Свинья!

— Можно сказать и так. Ладно, проваливай.

— Ну, если я тебе не нужен...

— Мне никто не нужен! — рявкнул Руди и вдруг осекся. — Разве что...

— Что? — хриплым голосом спросил Цигенбок.

— Брат Готье Лоасского предпочел собственный кинжал топору палача...

— Его предупредили, — тихо сказал граф фон Цигенгоф.

— Да, — подтвердил принц-регент, — у него нашелся друг, который его предупредил.

— Говорили, что Анри де Монлу сделал больше. Он избавил друга от греха самоубийства.

— Георг фон Лемке — твой друг? — Рудольф Ротбарт улыбался, и его улыбка живо напомнила Клаусу о вчерашних волках.

— Да. — Цигенбок торопливо поднялся и вдруг хлопнул себя по лбу. — Я наконец понял, что не так. Где твоя цепь?

— Потерялась. — Руди залпом допил вино. — Прошлой ночью много чего потерялось...

2

Почему волки не говорят? Неужели мало потерять душу, имя, лицо, нужно еще и лишиться голоса? Эх, Людвиг, Людвиг... Что ты натворил и как нам теперь с этим жить?

Вздых, тяжелая лапа скребет пол и снова взгляд — молящий, отчаянный. Рыжая морда в черной маске тычется в серебряную цепочку.

— Хочешь, чтобы я снял крест? Надел на тебя?

Волки скулят, как собаки, он никогда в жизни не сможет убивать волков. Людей сможет, а волков — нет. Но цепочка коротка, мастер делал ее для человека. Ничего, из цепи регента выйдет отличный ошейник.

— Давай голову!

Золотая вспышка, дикая резь в глазах и такой знакомый голос!

— Руди!

— Ты?! Никогда не думал, что стать человеком так просто!

— Просто, — подтвердил Людвиг, — нет ничего проще смерти, когда-нибудь ты это поймешь.

— Не думаю. Дьявол, как же я рад тебя видеть! Мать сказала, что обратной дороги нет, и я почти поверил.

— Она не лгала, — бросил Людвиг, — волки Небельринга становятся людьми, проходя ворота Вольфзее, но для меня они закрыты.

— Им же хуже, — пожал плечами принц-регент. — Пойдем отсюда, под открытым небом легче дышится.

— Нет. — Людвиг Ротбарт обвел глазами лики святых. — Я могу говорить с тобой только в церкви. Руди, ты знаешь, что боги хранят Миттельрайх, пока им правят потомки Вольфганга?

— Мать сказала, — кивнул Руди. — Только сдается мне, что и Луна внакладе не осталась.

— Теперь это неважно. — Людвиг опустил на резную скамью. — Если Ротбарты потеряют трон, Небельрингу конец, а с ним и шиту Миттельрайха. Это правда, Руди, хотя поверить в нее трудно. Я и сам не верил...

— Не верил или не знал?

— Перед коронацией я вписал в книгу Вольфганга свое имя. Разумеется, я прочел договор, но мало что понял. Конец династии — это всегда смуты, войны, разруха. Стоит ли удивляться, что предок пекся о продолжении рода? Я вспомнил о клятве, только встретив Милику. Мать была вне себя...

— Еще бы, ведь она нашла тебе невесту. Дьявол, сватать тебе высокую блондинку!

— Руди, избави тебя Господь узнать, что такое любовь.

— Лучше я сам себя избавлю, это надежней. Прости, я тебя перебил.

— Мать тоже узнала всю правду лишь в Вольфзее, хотя императрице, когда она носит сына, открывается многое. Женщины не знают, но чувствуют.

— Милика выносила Мики, и ей ничего не открылось... Людвиг, я уже ничего не понимаю.

— Это трудно понять...

Алая кровь на рубаше. Открылась рана?

— Помолчи, я тебя перевяжу.

— Бесплезно. — Людвиг улыбунулся одними губами. — Волк Небельринга, надевая крест, отрекается от клятвы Вольфганга. Для того здесь и построили церковь, только нам без помощи в нее не войти. Милика меня позвала, ты отдал мне крест, и я вернул свое тело. От рассвета до полудня.

— В полдень ты снова станешь волком?

— В полдень я умру, — просто сказал Людвиг, — окончательно и бесповоротно. Не буду врать, что мне не страшно, все равно не поверишь.

Исполненные кротости взгляды, молитвенно сложенные руки, золотое сияние. Святой Иоанн, святой Габриэль, святая Мария... И тут же бурые пятна на белом мраморе, засыхающие ветки, сгоревшие свечи. Врата спасения, врата смерти...

— Руди, ты слышал о лунном проклятии?

— Нет.

— Это — болезнь. Очень редкая. Она возникает ниоткуда и переходит от матери к дочери, потому что сыновья умирают в младенчестве. Женщина кажется здоровой, но лишь кажется. Жена Хорста Линденвальде была больна. Узнав, что с ней, графиня приняла яд, но для всех она умерла родами. Врач скрыл правду, но объявил, что Милике Ротбарт нельзя рожать. Когда я попросил руки Милики, Линденвальде сказал мне то, что знал сам, но я слишком любил... Бесплодный брак не принес бы зла, наш род продолжили бы твои дети, но Милика меня обманула, потому что любила, и желание подарить мне сына оказалось сильнее страха смерти. Мы лгали друг другу из любви, и мы погубили все и себя...

— Тебе лучше отдохнуть.

— Помолчи! Когда Милика призналась, что беременна, я вспомнил договор Вольфганга. Император может выкупить чужую жизнь ценой собственной. Я не верил, что это правда, но утопающий хватается за соломинку... Жизнь без Милики казалась мне невозможной, и я отдал себя Небельрингу.

— Ты просил меня позаботиться о жене, выходит, все-таки верил.

— Да. И нет. Получи я знак того, что выкуп принят, я бы сказал тебе все, но не случилось ничего. Понимаешь, ничего! Милика родила Мики, все было так хорошо, что я и думать забыл о своей жертве. Луна взяла меня тогда, когда я этого не ждал. Я уснул в своей постели и очнулся у ворот Вольфзее, закрытых ворот.

...А кровь все льется и льется; льется и уходит в мраморный пол, словно в песок. Сколько же ее!

— Это все?

— Нет. Милика не должна была умереть, я спас не ее, а Мики. От смерти, но не от лунного проклятья. Михаэль не будет иметь сыновей, а его дочери понесут в себе болезнь, но и это не все. Если наследница Михаэля выйдет замуж, ее супруг вступит на трон и династии Ротбартов придет конец, а вместе с ней — Миттельрайху. Это так, но я не могу ничего исправить. А ты можешь! Да, я предал Миттельрайх ради женщины, но я не ты. Ты сильнее меня, я говорил об этом Милике, она не поняла. Я оставляю тебе все — империю, Милику и Мики. Я прошу о невозможном, Руди, но я прошу. Пусть мой сын умрет перед коронацией, и умрет счастливым... Милика должна уйти раньше. Пережить единственного сына — это слишком страшно. Обещай мне это!

— Если не будет другого выхода, — Руди сжал руку брата, она была ледяной, — у меня есть пятнадцать лет, за это время можно из ада выбраться!

— Ты выберешься, — улыбнулся Людвиг, — ведь ты — дьявол. А теперь иди.

— За кого ты меня принимаешь?

— За своего брата! Отрекшиеся умирают тяжело, не хочу, чтобы ты это видел. Помни меня таким, каким я был, мне так будет легче.

3

— Ваше Высочество. Ваше Высочество!

— Да? — Вот она, жизнь. Хочешь не хочешь, тебя будут звать, просить, напоминать.

— Прибыл граф фон Лемке.

— Пусть заходит.

— Рудольф, что ты опять натворил?! — Георг захлопнул дверь перед носом ничуть не удивленного лакея.

— Ничего особенного. — Забавно, а ведь так оно и есть. — Убил одного друга и назначил другого вторым маршалом.

— Указ я получил, — кивнул Лемке. — Когда воюем и кого ты прикончил?

— Свинью, — лаконично сообщил Рудольф Ротбарт, — подробности расскажет твой молочный братец.

— Цангер? Этого-то ты где раскопал?

— В Льянном переулке. Он меня ждал.

— Так вот где ты шляется. — Темные глаза Лемке стали серьезными и грустными. — Цигенбок?

— Да, — Руди подошел к окну, — как ты догадался?

— Клаус сходил с ума по Милике, а ей необходим защитник. Пока есть ты, другие не нужны. Не будет тебя, вдовствующая императрица схватится за того, кто окажется рядом, а Цигенбок окажется.

— Уже не окажется. Ты будешь смеяться, но наш общий друг попытался свалить все на лоассцев, а потом на тебя.

— Что ж, я ему тоже мешал, хоть и меньше тебя. Как ты понял, что это Клаус? Папа и Лоасса спят и видят спровадить тебя к праотцам, а я, знаешь ли, тоже влюблен в Милику.

— Знаю, — кивнул принц-регент, — но ты сто раз мог убить меня на войне или хотя бы не спасать. Кстати, о войне, для всех граф фон Цигенгоф срочно отбыл в армию, где и погибнет на глазах капитана Цангера. Разумеется, со славой.

— Значит, Макс все же умудрился заработать, — пошутил Георг, — хоть кто-то не внакладе!

— Да, — без всякого выражения произнес принц-регент, — кто бы ни побеждал, Цангеры в барыше. Завтра я представлю тебя Военному Совету, а потом мы поедem в Лемке, и я попрошу руки твоей сестры.

— Цигенбок не стоит такой жертвы, — бросил фон Лемке. — Руди, что случилось? Что *на самом деле* случилось?

— Полнолуние, — улыбнулся Руди, — всего-навсего полнолуние...

АНДРЕЙ УЛАНОВ

Эльфийская обновка

— Прежде... — бормотал старик, угрюмо глядя на стоящую перед ним миску похлебки, мясо и овощи в которой были столь же редки, как острова в Полном архипелаге, да и жидкость на вид и вкус не очень отличалась от океанской водицы. — В прежние времена все было лучше. Небо было голубее... трава зеленее... деревья выше. И за два герцля в трактирах давали здоровенный шмат жареного мяса, а не миску вчерашних помоев!

— Лучше Расскажи это своим лохмотьям, старый пень, — ехидно заметил паренек напротив. — Они-то уж точно знавали эти твои хорошие прежние времена в отличие от тебя самого!

— Лохмотья, говоришь, — прошипел старик. — А ну, подтащи сюда свой прыщавый нос, шенок. Ближе, ближе... и гляди сюда!

Слоев разнообразного тряпья на старом бродяге было пять, если не все шесть. Под ними же... под ними же из дыры размером с ладонь в глаза паренька ударило зеленью весенней травы и желто-багряной пестротой осеннего леса.

— Видал, а? — старательно драпируя прореху верхними слоями лохмотьев, ухмыльнулся бродяга.

Его собеседник кивнул и неторопливо огляделся. Похоже, никто, кроме него, не успел разглядеть эту на миг проступившую из навозной кучи жемчужину. Повезло. Они со стариком сидели в самом дальнем от входа углу трактира «Три черепушки», и свет, что проникал в грязное оконце, надежно вяз в сочащихся из распахнутой кухонной двери сизых клубах.

— Ты, дед, я погляжу, что та луковица, — задумчиво сказал паренек. — Сверху на вид грязь да шелуха, а ковырнешь чуть глубже... эльфа вешичка, так? На золотой ведь потянет.

— По нынешним хреновым временам, — хмыкнул старик, — потянет и на все три! А почему? Во-о! Потому как времена — хреновые! Прежде эльфовы тряпки валялись, почитай, в каждой лавке за пару ноблей, а таперича и платка ихней работы дешевле, чем за полсребренника, не сыскать.

— Видимо, — с легкой насмешкой произнес паренек, — это все же как-то связано с тем, что прежде эльфийские товары представлялись нашими купцами, а сейчас мы вынуждены перекупать их у гномов с соответствующей наценкой.

— Во-о! А почему?

— Потому что была война.

— Война! — Усмешка, на миг проступившая при этом слове на лице бродяги, всерьез озадачила молодого человека. Очень уж она не вязалась со всем остальным его обликом, даже с учетом эльфийского одяния под слоем лохмотьев. Кирпично-красное лицо, изъеденное ветром и солнцем, гниль на месте зубов, скрюченные болезнью пальцы — такое не подделает самый искусный гример. Разве что иллюзионная магия...

Паренек украдкой скосил глаза, но третий слева от застешки камешек в дешевеньком с виду браслетике по-прежнему оставался безжизненно-тусклым.

— Ты, шенок, еще небось у мамки в пузе кувыркался! Война! Да что ты знаешь о войне?! Ты знаешь, как, из-за чего началась война?

— Все это знают.

— Все! — презрительно фыркнул старик. — Все знают... да не всё.

— Хочешь сказать, — медленно сказал паренек, — что ты знаешь больше?

Старик кивнул и, прищурившись, еще раз попытался мысленно перевести внешний вид своего соседа по столу в интересующие его товарные единицы. Юнец, лет восемнадцати, одет, что называется, неброско, но прилично: серый суконный кафтанчик, коричневый шерстяной плащ, на макушке — плоский черный школярский берет. Студиз из здешнего Секст... Секстен-брюгхс... язык-сломаешь-пока-выговоришь университета? Мелкий приказчик? Или подмастерье? Короче, одну или две кружки просить?..

— Вина, — решившись наконец, хрипло произнес бродяга. — Две.

— Эй, хозяин! — Бродяга не сумел засечь, откуда взялся се-ребристой рыбкой засверкавший меж пальцев паренька новень-кий нобль. — Бурдюк красного!

* * *

Бурдюк красного был пуст, как башка тролля, — Зигги знал это преотлично, ибо сам же и выхлебал последние глотки, едва спустившись с перевала. Знал, но все равно раз двадцать встряхнул бурдюк над своей призывно распахнутой пастью и лишь затем с проклятьями отшвырнул в сторону. Мышасто-серый жеребец Зигги и пятеро купцов в соседних лавках — два человека и три гнома — сопровождали бурдюк в его последний путь шестью не-одобрительными взглядами.

Бурдюк — равно как жеребец — был краденый. Вообще-то Зиг-ги по прозвищу Полтора Райля числил себя принадлежащим к более, с его точки зрения, почтенному сословию мошенников, но — увы. Тучи иногда сгушаются и над головами самых ловких и преуспевающих представителей вышеупомянутого сословия. Зигги не был уверен, кому именно из богов его персона не угоди-ла больше других — ведь храмовые кружки для жертвований он игнорировал подчеркнуто равнозначно, — но походило на то, что одному из этих небесных забулдыг приспичило больше про-чих. В итоге Полтора Райля вынужден был пойти на столь недос-тойное уважающего себя мошенника дело, как бегство от креди-тора. В роли кредитора выступил хозяин постоялого двора «Ве-селый крот», ну а в роли кредита — трехнедельная плата за лучшую комнату, стоимость выпитого и съеденного Зигги за этот же период, конь со сбруей, бурдюк красного вина, четыре копче-ных колбасы, круг сыра, два мешка овса и еще на полнобля вся-кой мелочовки вроде дюжины оловянных ложек, походя прихва-ченных Зигги на кухне.

Именно стремление как можно скорее оставить между собой и «Веселым кротом» как можно большее расстояние было пер-вой из причин, приведших Полтора Райля сначала на, а после и за Перевал Седых Гор. Второй же причиной было опрометчиво данное — а после бутылки дзябского и веселых кувыркков в кро-вати обычно другие и не получают — обещание: добыть Мары-ше-Чернушке настоящую эльфийскую курточку, причем такую, какой не сыщется ни у одной из ее подружек. Учитывая, что в подружки Марыша зачисляла подавляющее большинство жен-

ского поголовья Нитцеля, далеко не самого маленького города в Четырех Королевствах, переоценить сложность выполнения обещания было затруднительно. Впрочем, Зигги не унывал. Он вообще не любил предаваться этому занятию — ни по какому поводу.

Вот и сейчас, пройдя по торговым рядам Розгерского базара и удостоверившись, что товары в здешних лавках не принципиально отличаются от своих нитцелевских аналогов ценой и почти не отличаются расцветкой — каковой параметр в свете Марышкиного поручения представлялся Зигги крайне важным, — Полтора Райля ничуть не беспокоил. Других нет, говорите? Во всех четырех дозволенных Лесным Народом по эту сторону гор анклавах? Как же... а это вон что пошло? Ах, эльфы не продают других? Ну, это они вам не продают, а мне... Угу, посмотрим-посмотрим. Еще как посмотрим.

Итак, задача приобрела более конкретные черты — подходящую одежду нельзя было купить, ее требовалось как-то у эльфа взять. И этот вариант устраивал Зигги — потому как по части за-получения нужных ему вещей он не без оснований мнил себя мастером, а вот платить за эти вещи деньги крайне не любил. Другое дело, обменивать... с выгодой. С выгодой — это когда получаешь что-то нужное, отдав взамен что-нибудь ненужное. Главное в этом процессе — убедить второго участника сделки, что это самое ненужное тебе крайне необходимо ему. Применительно же к данной ситуации — надо найти подходящего эльфа... ну, что может быть нужно эльфу, известно каждому младенцу.

Кстати, о подходящих эльфах. Ну-ка, кто это у нас там идет? — Эй, длинноухий! Подь сюда!

Эльф, к которому обращался мошенник, привлек внимание Зигги не только своей затейливо вышитой курточкой, но и характерной манерой вертеть головой с наивно-детским любопытством во взоре. Ну точь-в-точь деревенский олух, в жизни не уходивший от околицы дальше выпаса за рекой и вот впервые попавший на городскую ярмарку. Ишь, как башкой вертит, пытаясь глядеть на три диковины разом... словно даже не из деревни, из лесу глухого вышел. Гы, а ведь этот олух и впрямь из самой что ни на есть заповедной чашобы вылез.

Полтора Райля не ошибся — этот эльф и впрямь вышел из глухого леса, на городской ярмарке был впервые и как раз сейчас знакомился с этим человеческим изобретением с искреннейшим

любопытством. У этого эльфа было очень напевно звучащее, очень информативное и очень, очень длинное имя на Высокой Речи, поэтому, перед тем как выйти из леса, этот эльф по совету своих более опытных в деле общения с иными расами соплеменников сократил его звучание до краткого Гиль-Келаэд. Но даже если бы эльф сообщил Зигги свое полное имя, Полтора Райля — который никогда не учил и не собирался учить Высокую Речь и разбираться в чрезвычайно усложненной и запутанной (для людей, разумеется) эльфийской иерархической системе — так вот, Зигги все равно бы не сумел понять, что до разговора с ним снизошел «Пятый-корень-древа-что-осеняет-своей-могучей-кроной-весь-Великий-Лес». То есть — если попытаться подыскать этому чисто эльфийскому значению хоть какой-нибудь человеческий аналог — наследный принц.

В первый момент Гиль-Келаэд никак не отреагировал на призывные вопли Зигги. Не потому, что принц счел обращение «длинноухий» оскорбительным для себя. Длина ушей отнюдь не считалась эльфами чем-то, чего нужно стыдиться, — эльфы вообще плохо воспринимали человеческое понятие стыда и еще меньше, зачем это понятие нужно. Гиль-Келаэд просто-напросто не понял, что стоящий у забора Dh...oine обращается именно к нему.

— Длинноухий! Подь сюды, тебе говорю!

— Простите, это вы ко мне обращаетесь?

— Ну не к себе же! — хохотнул Зигги. — Подь сюды, ближе... покажу кой-чего.

Разумеется, Гиль-Келаэд приблизился — ведь он проделал долгий путь из Сердца Леса в шумный, вонючий, грязный, в общем, типично человеческий Розгор именно затем, чтобы смотреть, а Dh...oine обещал «кой-чего» показать. Правда, эльф не знал, что именно означает слово «кой-чего», но ему было интересно узнать.

— Показать? — уточнил он, подходя к Зигги.

Васильковые глаза эльфа светились при этом такой безграничной наивностью, что мошеннику ужасно захотелось немедленно предложить эльфу задешево приобрести королевский дворец в Ирукане — заслуженно считающийся архитектурной жемчужиной Четырех Королевств, — а за совсем небольшую доплату еще и каменный мост напротив дворца. К вящему сожалению Зигги, и дворец и мост находились сейчас по иную сторону Се-

дых Гор, нежели он сам. Поэтому Полтора Райля тяжело вздохнул, отгоняя от мысленного взора заманчивое видение и, развернув мешковину, с гордостью продемонстрировал эльфу итог своих полудневных раздумий и пяти минут работы гнома-кузнеца.

Эльф моргнул. Удивленно.

Итог зиггино-гномьего сотрудничества являл собой составной лук, с виду достаточно средненький даже по человеческим меркам. То есть откровенно убогий с точки зрения Лесного Народа. Предположить, что сие творение может представлять для эльфа хоть какой-нибудь интерес, не сумел бы и ушибленный дубиной горного тролля гoblin. Поскольку находящееся перед Гиль-Келаздом существо на вышеупомянутого гоблина, по крайней мере внешне, не походило, эльф удивленно моргнул и с удвоенным любопытством уставился на Зигги, с нетерпением ожидая пояснений.

— Выглядит как заправский ублюдок, а? — совершенно правильно истолковал эльфово моргание Полтора Райля. — Звиняй, так уж случилось, ничего лучше этой деревяшки с кривыми палками под рукой не сыскалось. Но сущность, — по малограмотности Зигги произнес «сучность», но эльф не обратил внимания на эту оговорку, — моего гениального заклинания можно показать и на нем. Посмотреть хошь?

Эльф согласно кивнул.

— Тогда поклянись Тремя Богами, что не украдешь мой секрет, коли не сойдемся в цене! — потребовал Зигги, весьма похоже, как ему казалось, изображая приступ подозрительности. Таковым приступам, по мнению мошенника, был подвержен каждый непризнанный и вследствие этого малость подвинутый умом изобретатель.

Эльф моргнул. Очень непонимающе.

— Добрый человек, — подчеркнуто старательно выговаривая каждое слово, произнес он, — окажи мне любезность и разъясни: кому и о чем должен я принести клятву?

Зигги тяжело вздохнул и с безнадежным видом махнул рукой.

— Пошли.

Совместное путешествие эльфа и мошенника было недолгим и завершилось через несколько минут на небольшом пустыре у подножья городских стен. Таких пустырей в Розгоре было немало — ибо стены строились с расчетом на быстрый рост поселения с ба-альшими торговыми перспективами. Однако вскоре

выяснилось, что эльфы отнюдь не намерены со временем увеличивать квоты, сиречь число людей, коим будет дозволено постоянное проживание в пределах Лесного Королевства, — и более того, следят за соблюдением этих самых квот. Причем следят настолько умело, что некоторым уже было начавшим обосновываться в Розгоре гостям из-за перевала пришлось отправляться в обратный путь.

— Стой здесь, — скомандовал Зигги Гиль-Келаэду, а сам, бормоча под нос самые заковыристые проклятия в адрес владельцев заброшенного огорода, продрался сквозь крапивно-чертополоховую поросль на противоположный конец пустыря. Там он добыл из заплечного мешка три круглые соломенные мишени, с виду точь-в-точь такие же, как и те, на которых раз в пару месяцев пытались оттачивать свое мастерство розгорские стражники. Мишени эти Полтора Райля повесил на покосившийся, но пока все еще умудрявшийся возвышаться над бурьяном плетень, после чего отправился в обратный путь. В итоге запас человеческих слов у чутко вслушивавшегося эльфа вырос на добрых полсотни выражений, совершенно неведомых Гиль-Келаэду прежде.

— Видишь вон те круглые штуковины?

— А что, я не должен был их видеть? — удивился эльф. — Если твоя магия заключалась в этом, то боюсь разочаровать тебя, добрый человек, но она не...

— Хватит! — рявкнул Зигги. — Вот лук, вот три стрелы. Сможешь сделать так, чтобы они попали не дальше, но и не ближе чем в локте от центра мишени?

Как уже было сказано выше, по меркам Лесного Народа лук Зигги был откровенно убог, — особенно это относилось к тетиве, но об этом Полтора Райля позаботился отдельно. Предлагавшие же в комплекте к нему стрелы могли повлиять на данную оценку разве что в сторону ее ухудшения. Однако если эльф, способный даже из такого лука промахнуться на полсотни шагов по мишени размером с кулак, и существовал когда-либо на свете, никакие письменные или устные источники факта его существования не зафиксировали. Что же касается конкретно Гиль-Келаэда, он таковым эльфом не являлся совершенно точно.

Подняв лук, эльф медленно провел ладонью вдоль тетивы... затем чуть прищурился — три шелчка почти слились в один звук. Ошеломленный Зигги готов был поклясться хоть Тремя Богами, хоть Малым Пантеоном, что последняя, третья стрела отправи-

лась в полет прежде, чем ее первая оперенная сестренка вонзилась в мишень. Точно в центр.

— Любопытно. — Гиль-Келаэд прищурился, хотя особой нужды в этом не было — на полусотне шагов он и без того с легкостью различал на мишенях каждую выбившуюся из прядей соломинку. — Любопытно весьма. Я не почувствовал никакой магии — а стрелы меж тем явно изменили свой путь. Как тебе удалось создать это, добрый человек?

— Это и есть мой секрет! — хрипло зашептал Зигги, выдергивая лук у эльфа. — Моя тайна... моя... никому не отдам! Новая магия, невиданная доселе. От нее не спасется никто, никто не спрячется, не укроется, мои стрелы будут находить их повсюду... это моя тайна, слышишь!.. — почти выкрикнул он и тут же, вжав голову в плечи, боязливо оглянулся. — Моя... моя... никому не отдам...

— Если ты не собираешься делиться со мной своим секретом, — произнес эльф, — то зачем тогда звал?

— Мне нужен лук! — объявил мошенник. — Самый лучший... не эта жалкая деревяшка. Настоящий лук, на котором я смогу отточить свое чудо до полного совершенства, и тогда... о-о-о... тогда я им всем покажу! Эти завистливые ничтожества из королевской комиссии... о-о-о, тогда они у меня запляшут, как куклы на шнурках...

— Ты просишь дать тебе наш лук? — уточнил Гиль-Келаэд. — Думаю, что...

— Не дать! — Гордое вскидывание подбородка Зигги подсмотрел у заночевавшего как-то в одной таверне с мошенником барона Вупрехта, и с тех пор этот жест прочно закрепился в мимическом арсенале Полтора Райля. — Я, благородный Курб де Курз, архидоцент всех трех магических школ Гурривальского университета, никогда не снизойду до подаяния!..

— Прошу простить меня, добрый человек, — смутился эльф, — но мне показалось...

— Обмен! — перебил его Полтора Райля. — Этот кусок дерева, пусть жалкий, но пропитанный моей гениальной магией, я ставлю против творения ваших мастеров.

Выпалив сие заявление, Зигги вскинул подбородок еще выше и шагнул на пустырь. Уже на третьем шаге от горделивой осанки мошенника не осталось и следа: чертополох был колючим, а крапива — жгучей.

— Что ж, — дождавшись возвращения Зигги, задумчиво сказал Гиль-Келаэд. — Если ты, добрый человек, сейчас отправишься со мной в наш лагерь, что под сенью леса...

— Идти с тобой? — Отпрыгнув на шаг назад, мошенник испуганно замотал головой. — Нет! Вы захотите отнять мой секрет, заполучить его даром... он всем нужен, я знаю....

— Добрый человек, прошу тебя, успокойся. — Эльф постарался, чтобы его голос прозвучал как можно более мягко. — Уверю тебя, ни я и никто другой из моего народа не обидит тебя. Пойдем со мной, и ты...

— Нет! — тоном капризного мальчишки пискнул Зигги. — Я никуда не пойду.

— Но как же тогда нам обменяться, добрый человек? Ты ведь видишь — у меня нет с собой лука.

— Принеси! — потребовал Зигги. — Но прежде... прежде оставь мне что-то, за чем точно вернешься! Так будет честно — я ведь отдам тебе лук и стрелы сейчас, сразу.

— Добрый человек...

— Оставь мне... — Криво обгрызенный ноготь Зигги указал на голенища эльфовых сапог, пропутешествовал вверх, ненадолго задержавшись в районе широкого кожаного с богатым золото-серебряным тиснением пояса, поднялся еще выше... — Оставь мне свою куртку!

Так были произнесены роковые слова. Впрочем, в тот миг никто не подозревал об их великой сути. Солнце не раскололось надвое. Мрачные неизвестно откуда взявшиеся тучи не затянули небо в мгновение ока. И даже пыль на соседней улочке упорно не желала взлетать сама по себе — а исключительно при посредстве десятка бродивших по ней тощих белых кур.

Куртка у Гиль-Келаэда была не совсем обычная — даже для эльфа. И заключалась эта необычность отнюдь не только в привлекавшей внимание Зигги расцветке. Ее сотворила — иным словом обозначить этот многолетний с активным участием магии и очень, очень кропотливый процесс нельзя — так вот, ее сотворила эльфийка, которой в не столь отдаленном, по меркам, разумеется, Лесного Народа, будущем предстояло стать для принца спутницей жизни. Подобных даров от своих невест эльфы получают немного, и потому вполне естественен тот факт, что курткой своей Гиль-Келаэд дорожил.

К сожалению, при этом Его Высочество ничуть не меньше

любого другого эльфа был любопытен. И, столкнувшись с новой интересной загадкой, приходил в... ну, назовем это состоянием легкого возбуждения.

В данном случае на одной чаше весов лежало совсем непродолжительное — поход до лагеря и обратно никак не мог занять у легконогого эльфа больше четверти часа — расставание с подарком любимой, на другой же призывно маячила тайна...

Колебался Гиль-Келаэд недолго.

Зигги же не колебался вовсе. Едва эльф скрылся за амбаром в конце улочки, мошенник наклонился и, раздернув оплетку, вытянул из лежащих у его ног мишеней три небольших, но толстых и — судя по тому, как Полтора Райля их держал — весьма увесистых диска. Диски скрылись в мешке, туда же отправилась бережно свернутая куртка, после чего Зигги, размахнувшись, одну за другой зашвырнул плетенки в гущу бурьяна и, не оборачиваясь, зашагал прочь. Зашагал быстро, чуть горбясь под тяжестью мешка.

Диски, что посредством лямок тянули сейчас мошенника к земле, были сделаны из черного магнетита — металла, как в незапамятные времена определили гномы, отличающегося чрезвычайно мощными магнитными свойствами, а также необычайной мягкостью и склонностью к коррозии. Два последних качества, как несложно догадаться, отнюдь не добавили указанному металлу ценности. Потому-то три вышеуказанных диска, равно как и три откованных из того же магнетита наконечника стрел, обошлись Зигги всего в дюжину оловянных ложек — тех самых, из «Веселого крота» — плюс семь гершлей за собственно работу по отковке.

Полтора Райля был очень высокого мнения о своей задумке. Но также он слыл весьма предусмотрительным и осторожным человеком, и в качестве такового старался учитывать в своих планах и наиболее неприятные варианты развития событий. К примеру, что эльф распознает обман еще в лагере или даже по пути к нему. С другой стороны, Зигги слышал много легенд о легконогости эльфов, но эльфы, способные нагнать резвого жеребца, не упоминались даже в них.

Мошенник жалел только об одном — что не сможет увидеть лицо эльфа в миг, когда тот поймет, как именно его провели за нос... или, учитывая специфику облика, за длинные с ухоженными кисточками уши. Увы, магом Зигги не был и потому испол-

нить сразу оба своих желания — видеть эльфа и находиться при этом как можно дальше от него, — увы, не мог.

Обстоятельство сие было крайне прискорбно как для самого Зигги, так и для очень многих, пока еще не замешанных в эту историю.

Гиль-Келаэд и в самом деле раскрыл секрет «магических» стрел примерно на полпути от города до лесного лагеря. Конечно же, он не стал, как ждал Зигги, кривиться в гневе, поносить своих лесных богов и топтать злополучный лук ногами. Вместо этого Его Высочество прислонились к стволу ближайшего дерева и изволили звонко хохотать никак не меньше пяти минут. Затем принц, все еще продолжая радостно улыбаться, дошел до эльфийского лагеря, где не замедлил поделиться происшедшей с ним историей с частью своей свиты. Разумеется, ближайшими друзьями и такими же юными — по меркам Лесного Народа — недотепами, как и он сам.

Затем Гиль-Келаэд направился обратно в Розгор, имея при себе обещанный эльфийский лук и двух друзей, пожелавших лично взглянуть на человека, продемонстрировавшего почти эльфийское остроумие. Узнай Зигги об этом — равно как и о том, что на предназначенный для него лук можно выменять дюжину пять эльфийских курточек у любого розгороского торговца, — он бы наверняка бросился назад во весь опор. Но чудеса редки, и Полтора Райля продолжал нахлестывать жеребца, с каждым ударом копыт уносясь все дальше и дальше от города.

В свою очередь, не подозревавшие об этом эльфы довольно долго стояли около давешнего пустыря, недоуменно поглядывая то по сторонам, то на лениво ползущее меж редких тучек солнце. Наконец они все же дозрели до вывода, что с загадочным остроумцем произошло нечто непонятное. Нечто, требующее выяснения. Вывод сей эльфов взволновал, но совсем немного — ведь им было точно известно о существовании у людей специальной структуры, в задачи которой среди прочего входила помощь в розыске при подобных таинственных исчезновениях. Стража. Именно к начальствующему над ней Гиль-Келаэд и пришел. Один — потому что, увидев сквозь грязное оконце кое-какие детали интерьера, равно как и ощутив доносящиеся сквозь щели запахи, решил не подвергать своих друзей подобным испытаниям.

Пожалуй, роль, которую сыграл начальствующий над стражами славного Розгора уважаемый Алмо Кридль, переоценить трудно.

В чем-то она оказалась еще более значимой, чем сыгранная Зигги или даже самим Гиль-Келаэдом, — ибо именно действия уважаемого Кридль придали ходу событий практически необратимый характер.

Необходимо заметить, что на своем ответственнейшем посту Алмо Кридль пребывал весьма недолго, чуть больше двух недель. До этого уважаемый Кридль занимал аналогичную должность в Номбретоне, центральном городе провинции Шамшань. В Розгоре же Алмо очутился вместе с свеженазначенным королевским градоправителем — достопочтенным Бон Виллемом, до столь же недавнего времени занимавшим лучшие покои Номбретонской ратуши. Совпадение это при более детальном рассмотрении никаким совпадением вовсе не являлось — уважаемый Кридль вот уже второй десяток лет числился родственником достопочтенного Виллема. Конкретнее — зятем, а еще конкретнее — мужем третьей, самой некрасивой дочери градоправителя. Именно любящий тесть и счел необходимым обеспечить Алмо новое назначение — во-первых, исходя из естественного желания иметь на ключевом посту доверенного и проверенного человека. Во-вторых же, если верить слухам, руководствуясь ничуть не менее естественным желанием не выпускать родственничка, в искренности родственных чувств которого он имел все основания сомневаться.

Также стоит отметить, что уважаемый Кридль по примеру тестя числил себя адептом веры Роа, Бога-Огня. Одним же из краеугольных камней доктрины данной религии был лозунг о неоспоримом и незыблемом превосходстве человеческой расы над прочими. Упоминалось в сей доктрине — правда, тоном ниже, — что прочим расам неплохо было бы чуть потесниться. Буде же оные расы, закостенева в невежестве своем, откажутся признать очевидное и уступить законное — потеснить их. Всей мощью, коей Роа столь щедро наделил возлюбленных детей своих.

Сложно сказать, насколько логичным со стороны Его Величества было назначение человека, исповедовавшего подобные воззрения, на должность розгорского градоправителя. Учитывая, что донос, послуживший причиной отставки предшественника Виллема, состоял по большей части из обвинений в «наигнуснейшем потворствовании ельфам и гнумсам», возможно, какая-то логика в этом назначении все же присутствовала. Какая-то.

Нельзя, однако, сказать, что уважаемый Кридль был столь же

рьяным борцом за поправленные права людей, как его тесть, — для этого он был слишком ленив, да и глуп. Эльфов Алмо не любил за иное — за их красоту. Он и сам никогда не мог претендовать на звание писаного красавца, а полтора десятка лет, проведенные в обществе третьей дочери Бон Виллема, могли воспитать любовь к прекрасному — если не считать за таковую тягу к девицам из «веселых домов» в те редкие моменты, когда Кридль считал себя вырвавшимся за пределы семейного окоема, — только у цельной и философски предрасположенной натуры. Поскольку к таковым уважаемый Кридль никогда не относился, то все превосходящее гармоничностью криво слепленный кувшин он ненавидел. Вернее, так — завидовал и вследствие этого ненавидел. Черной и вязкой, как смола, злобой.

Вдобавок ко всему должность начальствующего над стражей Розгора оказалась вовсе не такой прибыльной, как казалось по ту сторону Перевала Седых Гор. Проклятые эльфы ничего не знали — вернее, делали вид, что не знают, — о старинном человеческом обычае отступных. Подгорные карлики — эти вовсе кого угодно могли придушить за лишний медяк поверх оговоренной в уложениях подати. Что до людей... Ну, от этих кое-какой золотой ручеек струился, но куда менее обильно, чем ожидалось... потому как был тот ручеек лишь малой частью денежной реки, а большая часть той реки текла в кошель с такими гербами, о которых и тесть Алмо говорил с почтительным придыханием. Была, конечно, еще всякая торговая шелупонь, жадно догладывающая крошки со столов солидных кумпанств, но мелочь — она мелочь и есть. Пока еще вытрясенные из нее герши сложатся хотя бы в серебро, не говоря уж о полновесных райлях! А то и вовсе прилипнут к потным ладоням рядового стражника — за каждым-то не уследишь, и на десятников надежды нет, у десятников тоже карманы на груди чуть пониже Эмблемы Доблести не для одних семечек нашиты.

О карманах этих, длинных и узких полотняных мешочках, аккуратно и не очень пришиваемых к изнанке форменных кафтанов, за время, пока Гиль-Келаэд излагал суть произошедшего с ним, уважаемый Кридль успел подумать раз пять. Речь же стоявшего перед ним эльфа он слушал даже не в пол — в четверть уха. Пришел тут, понимаешь, один такой, весь из себя красивый до невозможности, стоит, нудит... и ведь как, зараза, напевно да мелодично нудит, подумал Алмо, явственно ошущая, как очередной

приступ злобы зреет где-то внизу живота, готовясь ринуться вверх, затопить шею и лицо багровым, стиснуть горло приступом...

— Короче! — прервал он эльфа. — Говори, че надо, и выметайся вон! А то явился тут, понимаешь... будто у меня дел других нет!

Эльф моргнул. Удивленно.

— Возможно, я еще недостаточно хорошо овладел вашей речью, добрый человек, — начал он, — но мне казалось, что я достаточно ясно изложил...

— Короче! — рявкнул Алмо. — Так! Тряпку свою ты этому пройдохе отдал сам? Добровольно? Я ты правильно понял?

— Я настолько плохо говорю? — огорченно переспросил эльф. — Конечно же, мою куртку мог отдать только я, а не кто-то иной...

— И взамен он дал тебе лук? Вот эту самую деревяшку?

— Истинно так, — подтвердил Гиль-Келаэд. — Рад, что вы все-таки поняли меня, несмотря на...

— Короче! — в третий раз повторил начальствующий над стражей Розгора. — Коли сделка ваша, как ты сам говоришь, состоялась при полном согласии и, ги-гы, непротивлении сторон, причин разыскивать твоего этого... как его...

— Благородного Курб де Курза, архидоцента всех трех магических школ Гурривальского университета, — напомил эльф.

— ...Вруб де Хурза у меня нет. А то, е-мыть-пилить, вам, длиннотухим, — Алмо тяжело засопел, — только волю дай, на каждой сделке начнете верещать, что вас обманывают и вассе. Короче — вали прочь с глаз моих!

— Добрый человек, боюсь, вы все же не поняли меня, — вздохнул эльф. — Дело в том, что...

— Взыздик! — заорал Кридль. — Подь сюды!

За дверью гулко затопало. Настолько гулко, что Гиль-Келаэд с легкой опаской покосился на стены и потолок — ибо, по мнению эльфа, подобные звуки мог бы издавать либо тролль, либо существо равных с троллем размеров... и неуклюжести. Тролли же порой и в собственных пещерах учиняют такое... взаимоотношениям же троллей и созданных человеком строений посвящен целый пласт человеческого же фольклора.

Гиль-Келаэд ошибся, но совсем ненамного — появившаяся на пороге масса в изрядно обляпанной чем-то светлым и жирным кольчуге среднестатистическому троллю по габаритам все же уступала. Возможно, судя по едва заметным среди набрякшей ко-

жи свиным глазкам без малейших проблесков разума, не только по габаритам.

— Звали, ужам?

— Выбрось ентого нахала. — Алмо попытался ткнуть в сторону эльфа гусиным пером, но оно выскользнуло из пальцев Крид-ля и, мазнув чернилами по краю стола, улетело куда-то вниз. — И подальше выбрось!

— Слушь, ужам!

Эльфы, как известно, не боятся троллей. Как правило, в случае опасности им не составляет особого труда расстрелять этих, пусть могучих, но вместе с тем неуклюже-медлительных созданий из луков. В тех же редких случаях, когда рядом с эльфом находится разъяренный тролль, но отсутствует верный лук, в ход идет добрая гномья сталь... или быстрые ноги.

Но главная причина, по которой эльфы нисколько не опасаются троллей, заключена в том факте, что тролли думают — если к происходящим в их головах процессам вообще применим сей термин — чрезвычайно медленно. В отличие от Лесного Народа.

Ни в коем случае нельзя заявить, что Гиль-Келаэд был тупомнее тролля. Просто в определенный момент у него возникли проблемы с осознанием реальности происходящего. К чести принца стоит отметить, что он отчаянно пытался с этими проблемами совладать — все время, пока Взвыздик приподнимал его за воротник, нес по коридору, выставлял на крыльцо и отточенным за многие годы практики пинком под зад отправлял в полет. Правда, на эльфах Взвыздику до сих пор упражняться не приходилось, отчего полет Гиль-Келаэда продолжался несколько дольше, чем предполагал десятник, — не до середины лужи у коновязи, а локтя на три ближе к ее дальнему берегу.

Зато приводился эльф, по мнению Взвыздика, просто превосходно — ни тебе выставленных рук-ног, ни тебе воплей. Как бревнышком летел, так и плюхнулся — плашмя, подняв целый фонтан грязных брызг... Загляденьце.

* * *

— А дальше?

— Дальше, — бродяга придавил большим пальцем левую ноздрю и, повернув голову, звучно высморкался, — дальше фарс кончается. Дальше, вьюнош, починает идтить одна сплошная тра-

гедия. Такая, что у меня при одних думках о ней горло перехватывает.

— В том бурдюке, — холодно сказал паренек, — что ты якобы незаметно для меня перетащил со стола на лавку подле себя, оказалось аккурат на полторы кружки. Так что давай сполосни винцом свое перехваченное горло и продолжай.

* * *

Народу близ занимаемых розгорской стражей хором в тот час проходило немного. Кроме двух друзей Гиль-Келаэда, его полет удостоились лицезреть трое гномов и то ли пятеро, то ли семеро людей. Разумеется, все они тотчас — кто бегом, а кто того быстрее — бросились на помощь эльфу.

И все — кто раньше, кто мигом позже — замерли, словно налетев на каменную стену, увидев, с каким лицом встает из лужи Гиль-Келаэд. Замерли — и стояли будто каменные столбы до тех пор, пока принц и двое его спутников не скрылись из виду. А потом трое гномов и то ли пятеро, то ли семеро людей тоже исчезли — кто бегом, а кто того быстрее. Все они покинули Розгор, самое позднее через час с четвертью. Ровно столько времени заняла у одного из людей продажа каменного дома — два этажа, красная черепица, входная дверь из мореного дуба, балкончики с перильцами — в центре Розгора, каменного же, доверху набитого товаром, амбара, а также обмен полученного золота на драгоценные камни и вексель Стреггеборского гномьего товарищества менял и ростовщиков.

Разумеется, продавал купец вышеуказанное имущество по дешевке, можно даже сказать, практически даром. Разумеется, он не прогадал, а остался в выигрыше. Очень крупном, какого не срывал ни до, ни после за всю свою долгую и отнюдь не размеренно спокойную жизнь.

Именно в миг, когда указанный купец — почтенный негоциант из Доктевита по прозванию Ло Вениль, — что есть сил хлеща нагайкой по конскому крупу и плечам не успевших вовремя шарahnуться в сторону прохожих, покидал Розгор, в приемной зале достопочтенного Бон Виллема появился гном. Гном этот, один из трех старейшин розгорской гномьей общины, был известен слугам градоправителя ничуть не хуже, чем стражам у городских ворот, — профиль на золотых монетах, что швырнул им Ло Вениль. Потому и гном и негоциант очень быстро попали

туда, куда стремились. Вениль — на ведущий к перевалу тракт, старейшина же — в кабинет градоправителя, на имевшийся в котором стол гном, ни слова не говоря, выложил небольшой свиток.

В свитке — розовой вентодьерской бумаги, как не преминул с завистью отметить градоправитель, — каллиграфическим, очень изящным почерком излагалась просьба: до захода солнца обеспечить доставку в эльфийский лагерь начальствующего над розгорской стражей человека, прозываемого Алмо Кридль, одного из его подчиненных, прозываемого Взвыздиком, а также еще одного человека, именовавшего себя благородным Курб де Курзом, архидоцентом всех трех магических школ Гурривальского университета. Последний пункт списка заставил достопочтенного Бон Виллема удивленно приподнять бровь, ибо Гурриваль, как ему было доподлинно известно, являл собой забытый большинством богов городишко на побережье. За университет в нем могла сойти разве что ценимая тамошними рыбаками за дешевый и при этом не шибко разводимый эль таверна «Лихая плоскодонка», в которой оные рыбаки после пятой-шестой кружки принимались читать всем желающим и нежелающим лекции. Тема лекций не менялась уже лет триста: сегодня в моих сетях больше дыр, чем вчера, потому что из них ушла та-а-кая рыбина...

Достопочтенный Бон Виллем внимательно прочитал свиток от начала до конца, затем от конца до начала... затем вновь от начала до конца и в итоге понял лишь одно — подобных просьб, более подходящих на категорический приказ, ему доселе видеть и слышать не приходилось.

Попытка прояснить суть дела у доставившего послание гнома с треском провалилась — клятый нелюдь либо и в самом деле ничего не знал, либо упрямо не желал делиться имеющимся у него знанием с достопочтенным Виллемом. Минуты через три его однообразные «не знаю», «мне сказали — я принес», «они велели ждать ответ» наскучили градоправителю, и он, прозвенев колокольчиком, приказал явившемуся слуге:

— Проводи почтенного старейшину в приемную залу и пошли кого-нибудь за Кридлем НЕМЕДЛЕННО! Да, и пусть Ния тоже ко мне поднимется!

Слуги у достопочтенного Бон Виллема были вышколены хорошо — правда, заслуга в этом была не столько самого градоправителя, сколько его супруги, только что упомянутой Нии, — и

превосходно умели не только разбираться в интонациях хозяйского голоса, но и подыскивать этим интонациям подходящие словесные эквиваленты. В данном случае эквиваленты виллемовскому «НЕМЕДЛЕННО» были подобраны такие, что пыхтящий, словно загнанный жеребец, Алмо предстал пред тестем всего лишь на минуту позже тещи — хотя последней надо было всего лишь подняться с первого этажа на третий. Тогда как Кридлю — дожидаться мальчишку-гонца, а затем и самому преодолеть добрых четыреста сажень, отделявших хоромы стражи от ратуши.

Не будет преувеличением также отметить, что Ния Виллем облагода ничуть не менее — а возможно, даже и более — острым умом, нежели ее супруг. По крайней мере, воспоминание о недавнем визите придурковатого эльфа им вдвоем удалось вытрясти из дырявой памяти Кридля довольно быстро. Затем Алмо, успевший за время допроса превратиться из Кридля запыхавшегося в Кридля донельзя перепуганного, был вытолкнут за дверь, потому как и теще и тестю было очевидно — дальнейший ход семейного совета в присутствии зятя не испытывает.

— Что будем делать, Боня?

Последние три с лишним десятка лет достопочтенный Виллем тщетно пытался изгнать из лексикона супруги это когда-то весьма импонировавшее ему обращение. Однако стоило Ние чуть забыть... впрочем, сейчас и сам градоправитель не обратил на «Боню» ровно никакого внимания.

— Что, что... будто я знаю, что! — проворчал он, обходя стол и устало падая в кресло. Допрос Алмо проходил нелегко, и пару раз Бон почти всерьез пожалел, что не может прописать зятю испытанное средство для укрепления памяти — сеанс у городского палача. — Угроздило ж... родственничка! И ведь говорил я тогда...

— Можно подумать, у нас выбор был великий, — фыркнула Ния. — Женихи стаями так и вились...

— Стаями не стаями, — вздохнул Бон, — а ушлых да небрезгливых... могли б чуток обождать. А этот... из грязи вытащили, на теплое место усадили, так теперь еще и сопли за ним подбирай! И-эх!

— Надеюсь, — ледяным тоном осведомилась супруга, — ты не собираешься избавиться от него, воспользовавшись поводом в виде этого... неимоверного по наглости требования?

— Конечно же, нет! — с негодованием воскликнул Бон. — Этим... этим... недочеловекам...

— Ведь если ты спокойно подумаешь, — вкрадчиво произнес-

ла Ния, — то согласишься, что Алмо не так уж и виноват. Он, признаю, не блещет умом... но, с другой стороны, если мы не будем постоянно указывать этим существам на подобающее им место...

Бон Виллем тяжело вздохнул.

— Пока на королевском троне сидит...

— Ш-ш-ш...

— ...наш пресветлый, да продлятся его дни, король Вар-А-Гусль IV, я, скромный слуга его, обязан руководствоваться в действиях своих королевской волей, а не личными помыслами! — косясь на портрет монарха, нарочито громко произнес градоправитель. — Воля же королевская ясна — Величество желает, дабы язычники лесные и подгорные приобщались к чудесам истинных богов не огнем и сталью, а через восхищение дарами, кои боги наши в неизбывной доброте своей роздали возлюбленным детям своим.

Слухи, что в рассылаемых двором королевских портретах имеется некое искусно вплетенное заклятье, пробуждающееся при определенных звуках — например, «король», «трон», «наследник», «заговор» и так далее, — передавались среди чиновничьего сословья уже не первый век и сходить на нет отнюдь не собирались. Последнему обстоятельству весьма способствовала Тайная Королевская Стража, служащий которой и придумал впервые сей слух, за какую придумку был одарен денежной премией и рекомендацией к повышению.

— И как же именно ты намерен исполнить королевскую волю? — уперев кулаки в бока, осведомилась достопочтенная градоправительница.

— Как намерен, так и исполню, — ворчливо отозвался Бон Виллем. — Может быть... скорее всего, придется отдать длиннотухим этого дурака стражника... Взывика, или как его там... потому как поймать мошенника вряд ли удастся. Сначала, разумеется, я дам этим... лесовикам, — градоправитель брезгливо покосился на стол, — дам им понять, чтобы они отучились составлять писульки, выдержанные в подобном тоне. Хе. Если хотят чего просить, пускай не присылают всяких заросших шерстью коротышек, а являются сами... сюда, в мою приемную залу... и ждут, пока я смогу их принять... да, — закончил Бон Виллем и потянулся за колокольчиком.

За следующий час Бон, Ния и вызванный достопочтенным градоправителем старший писарь извели почти три дюжины бу-

мажных листов, прежде чем итоговый результат устроил их как внешним видом, так и внутренним содержанием. Надо сказать, что писарь и в самом деле постарался — для человеческого взора его работа почти не уступала творению эльфийского каллиграфа. Тем обиднее было бы для почтенного писаря узнать, что старался он зря. Совсем зря.

Эльфы не стали разворачивать доставленный им свиток — его возможное содержание было им абсолютно не интересно. Для них имело значение лишь одно — окажутся ли три нужных им человека под сенью лесных крон до момента, когда с этих крон исчезнет последний луч заходящего солнца, или же не окажутся.

Трое людей так и не появились.

Солнце зашло.

Закатная заря еще не успела отгореть, когда из четырех человеческих городов-анклавов исчезли и эльфы и гномы. Все.

Двоих градоправителей это событие удивило и насторожило настолько, что они приказали запереть ворота, обычно гостеприимно распахнутые в ожидании припозднившихся путников, и удвоить ночную стражу. Третий — розгорский — удивился куда меньше, но ограничился лишь запиранием ворот. Четвертый же не обеспокоился вовсе — эльфы и без того недолюбливали человеческие постройки, предпочитая проводить ночь в лесном лагере неподалеку от города, ну а гномы... да мало ли что стукнет в квадратные головы этих бородатых коротышек?

Впрочем, действия или бездействия градоправителей никакого влияния на дальнейшие события не возымели.

Час предрассветный, когда луна уже скрылась за едва различимой черной кромкой горизонта, а свет далекой зари еще едва-едва подсветил небо, когда ноги — словно две дубовые колоды, а веки — словно мешки с песком, когда из-под лесных нахохлившихся деревьев выползают языки тумана — этот час стражи на стенах именуют «собачьим» и частенько лают меж собой за право спать в сей час под теплым боком знакомой девки, а то и законной жены.

Эльфы же называют его Часом Волка.

Будь хоть один из стражей на стенах эльфом — пусть бы даже не чистокровным, а хоть полукровкой или даже квартеронцем, найдись такой страж, — наверняка бы выронил копьё, стекленеющим от ужаса взором глядя, как встает над лесом призрачная

ть, впитывает ключья тумана седая шкура и вспыхивают звезды-глаза.

Пришел Час Волка — и Белый Волк поднялся над лесом. Яростно сверкнул желтым огнем звездных глаз, нетерпеливо переступил с лапы на лапу... и, задрав морду к перечеркнувшей небо дымке Великой Тропы, беззвучно завыл.

И так же беззвучно на стены четырех городов пришла смерть.

Магия Лесного Народа умеет дарить жизнь — щедро, не скупясь. Но забирать жизнь она умеет тоже — куда как неохотнее, однако умеет. Стражники на стенах умерли быстро и бесшумно — ни одно копьё не лязгнуло, выскальзывая из враз похолодевших пальцев, ни одна кольчуга не издала предательский звон, когда ее владелец, пошатнувшись, начал оседать на камни.

Потом смерть соскользнула со стен и потекла вдоль улиц — жадно выглядывая из-за плеч тех, кто подхватывал роняемые копья и кренившихся стражников. С ними она входила в дома, и там — там смерть начинала говорить. Разно — шипением рассекаемого острейшей сталью воздуха, легким посвистом стрелы, глухим шлепком, когда эта стрела вонзалась в податливую плоть, бульканьем вспоротого горла или тяжелым стуком капель о доски пола. Смерть говорила разно, но смысл ее речи был один: я приш-ш-шла!

Приди смерть с людьми — и она бы отметила свой путь в ночи яркими кострами пылающих домов. Но смерть пришла с эльфами, а Лесной Народ огонь не любил.

Лишь в одном из четырех городов смерти пришлось на миг сдержать свой бег — в Намсуре, в гостинном дворе на втором этаже мирно спавший в лучших тамошних апартаментах маг школы Воздуха вдруг резко сел на кровати, когда холодный, словно лунный свет, клинок коснулся его груди. Встал, недоуменно жмурясь, — о сердечных болях он доселе знал лишь понаслышке и главным их источником почитал женское кокетство, — распахнув дверь, вышел на крохотный балкончик. И замер, глядя, как стройные силуэты мелькают меж строений — а дальние, у городских стен, дома, дрожа, расплываются черно-багровыми тенями. Маг замер на миг, затем вытянул руку: ослепительно-голубая молния с треском рванулась от его ладони и зазмеилась вдоль улицы. Те, кого она задевала, разом теряли изящную стройность и начинали биться, корежиться в жутком подобии пляски. Но задевала молния не всех, далеко не всех, и запнувшаяся было

смерть прыгнула навстречу, прошуршав в воздухе совиными перьями двух десятков стрел. Нашла, ударила и отшвырнула назад в комнату тело, сразу ставшее похожим на утыканную швейными иголками тряпичную куклку.

Эльфийские боевые стрелы убивают мгновенно. Почти — умирая, маг успел улыбнуться.

О происшедшем жители Четырех Королевств узнали довольно скоро. Конкретнее — утром следующего дня, когда появившиеся словно ниоткуда гномы принялись деловито выкладывать перед четырьмя королевскими дворцами нечто, напоминающее коконы гусениц. Коконны были зеленые и довольно разнообразные по части размеров — ведь их содержимое тоже было разным. Самому младшему «содержимому» было всего два месяца и три дня, восьмилетие же самого старшего должно было праздноваться послезавтра.

Они были очень разные — но сейчас, лежа в своих травяных колыбельках, совершенно одинаково улыбались одному и тому же чудесному сну. Сонный морок был очень нестойкий, он таял от одного лишь прикосновения к колыбельке. Проснувшийся малыш чаще всего начинал плакать, те же, кто был постарше, — сквозь слезы требовать немедленно вернуть обратно волшебную поляну, цветы и сказочных зверей.

В Карампе громче все прочих ревела четырехлетняя девочка — очаровательная золотовласая и голубоглазая малышка в розовом платьице. Малышка была племянницей Его, милостью Истинных Богов Величества Короля Карампы, Князя Паски, Верхней Нелии и Западного Предела, Великого Герцога Чжилийского и прочая и прочая, Юлирема XII. Король Юлирем очень любил своего младшего брата — качество, среди королей встречающееся достаточно редко, — и потому, узнав, что для малышки Найдигелики он с прошлой ночи стал самым близким родственником, Его Величество извоили гневаться. Гневался Король Юлирем так, что даже в дальнем от монарших покоев крыле дворца часовые начинали опасно коситься на сыплющуюся с потолка побелку.

Впрочем, спустя пару часов король успокоился настолько, что позволил придворным собрать с ковра обрывки переданного гномами свитка, сложить их, переписать послание на целый — пока еще — лист бумаги и поднести указанный лист ему. После чего Его Величество вновь извоили разгневаться, а Второй Хра-

нитель Третьей Королевской Залы мысленно порадовался собственной предусмотрительности — не прикажи он снять с разорванного свитка две копии, пришлось бы вновь ползать по ковру, а с его-то ревматизмом...

Схожие сцены разыгрались в эти часы в королевских замках всех Четырех Королевств — исключением стал лишь король Фах, прозванный Рассудительным. Как видно, прозвище свое король носил вполне заслуженно — он не только не изорвал эльфийское послание в клочья, но и с первого раза дочитал его до конца.

Неудивительно, что на спешно собравшемся через восемь дней Совете Четырех Королей именно Фах попытался высказать мысль, что, возможно, с лесными дикарями, кровожадными исчадиями преисподней, чьи лапы обогреты невинной кровью по самые коренные клыки... в общем, с этими эльфами стоило хотя бы попробовать наладить нечто вроде диалог...

Дальше развить мысль король Фах не смог, потому что трое его братьев по профессии наперебой принялись объяснять ему, что время разговоров прошло, что его династия сидит на троне всего лишь второй век, что целых одиннадцать дворянских родов в его королевстве имеют ничуть не меньшие права на трон. И потому если король Фах не заткнется, не поддержит единогласное решение Совета... и не начнет быстро выполнять ту часть единогласного решения, где говорится о новом налоге на военные нужды... и посылке части армии в спешно сколачиваемый карательно-экспедиционный корпус, то упомянутый корпус перед походом может поразмяться где-нибудь по эту сторону Седых Гор.

Как уже было сказано выше, прозвище Рассудительный король Фах носил вполне заслуженно. Фах Понятливый, впрочем, звучало бы в тот час ничуть не хуже.

Ровно через двадцать семь дней после Совета Королей первые солдаты тридцатисемитысячного карательно-экспедиционного корпуса спустились с Перевала Седых Гор. Поправка — за день до них на землю Лесного Королевства ступили копыта авангардной конницы, переброшенной магами. Командующий Корпусом великий коннетабль Наккавей Тамальский не без оснований опасался эльфийской атаки в момент схода с перевала и именно потому без колебаний пошел на столь дорогостоящее дело, как переправка нескольких кавалерийских отрядов с помощью телепорта.

Атаковать эльфы не собирались. По крайней мере, атаковать так, как этого ждал от них лучший меч Четырех Королевств.

Эльфы исчезли. Растворились в зеленом море. О том, что они есть, напоминали лишь стрелы. Стрелы, торчащие из тел фуражиров, разведчиков, часовых...

Люди же пускали в ход Магию Стихий. Особенно усердствовали жрецы Роа — дымные столбы вокруг стали для солдат привычными, как и горячая зола под сапогами. Огонь впереди, огонь вокруг... выжженное дочиста пепелище не послужит убежищем длинноухим! Особенно если Воздух унесет пепел прочь, Вода покинет когда-то плодородную землю, а молнии Астрала сплавят ее в камень.

Маги справлялись со своей работой отлично — но вот только...

С тридцатисемитысячной армией можно сделать многое. Можно бодро маршировать в глубь Запретного Леса, с радостью сознавая, что каждый твой шаг — это шаг туда, где еще не ступала нога человека. Можно строить эту армию рядами, колоннами, по пять раз на день отрабатывая перестроения из походного порядка в боевой, захождение на-аправо-о и прочие радующие глаз артикулы.

Можно даже заставить солдат ежедневно до зеркального блеска начищать кирасы, шлемы, пряжки — дабы на измазанной сажей фигуре сверкало хоть что-нибудь, кроме зубов.

Единственное, чего совершенно точно не стоит даже пробовать, — это оставлять армию без кормежки.

Поначалу предполагалось, что снабжать карательно-экспедиционный корпус будут обычным путем, то есть телегами и возами. Поначалу также предполагалось, что гномы, убоявшись продемонстрированной корпусом мощи, не станут чинить препятствий указанным обозам.

Препятствий гномы чинить и в самом деле не стали — а вот пошлину за проезд потребовали. Особую. Таковую, что зерно в мешках, едва преодолев перевал, начинало стоять самую малость меньше своего веса в меди.

Увы, ценность эту оно сохраняло недолго — лишь до мига, когда тонкая стрела, рассерженно шипя, не собьет наземь начавшего было привставать возницу. Потом бритвенно-острый клинок вспорет мешковину, и зерно желтым ручейком потечет на тракт — и ни одна из кружащих в небе птиц не соблазнится им. Птицы не хуже людей знают, сколь смертоносны эльфийские яды.

Обозы гибли один за другим — и день и ночь рыскавшие вдоль тракта кавалерийские «летучие отряды» ничего не могли поделаться. Проклятые эльфы, как оказалось, и по пеплу умели ходить, словно по прежним зеленым дубравам, — быстрее ветра и не потревожив при этом ни единой пылинки.

Тогда на помощь вновь пришла магия — и тут-то великий коннетабль с превеликим неудовольствием обнаружил, что создать и метнуть во врага сотню огненных шаров, оказывается, бывает куда проще и отнимает у мага куда меньше сил, чем сотворение из песка мало-мальски сносной пайки для десятых. А если маг при этом еще и ошибется, путаясь в слогах непривычного заклинания...

С порталами же, сквозь которые обозные телеги могли бы прибывать напрямик в лагерь Наккавея, дело обстояло еще хуже.

Армия шла — а полагающийся ей суточный паек с каждым шагом становился все меньше.

Но армия шла — в глубь эльфийских лесов.

* * *

— Довольно!

Молодой человек медленно стянул свой черный берет и принялся обмахиваться им на манер веера.

— Дальнейшее уж точно ведомо всем. Про то, как корпус дошел до Лунной Гавани, про битву в ночи, про то, что из тридцати семи тысяч назад вернулось лишь шестнадцать человек, да и тех пришлось выкупать из гномьих шахт. Про то, как...

В этот миг старик почувствовал, как что-то холодное скользит вдоль его ладони... обвивается вокруг запястья... Скосив глаза вниз, он увидел белую цепочку, тянущуюся от ножки стола к его руке...

— «Филин»! — взвыл бродяга, словно угодивший в капкан волк. Вскочил, дернул что было силы — но столы в «Трех черепашках» были большие и тяжелые. — Слухач проклятый... ну, дай только до твоей глотки дотянуться!

От вопля толку было больше — сразу пятеро завсегдатаев трактира направились к столику, причем в здоровенных лапах крайнего правого уже посвистывала, уверенно рассекая воздух, увесистая ясеневая дубинка.

Дубинки у паренька не было. У него было кое-что получше, и

именно это самое «получше» он и пытался развернуть печаткой наружу.

— Королевская Воля!

При этих словах пятеро драчунов-добровольцев дружно подались назад... затем еще дальше... растворились в толпе соратников и прихлебателей. Наполнявшая же «Три черепушки» толпа рассеялась с удивительной скоростью.

— И что теперь? — безнадежно осведомился бродяга.

Молодой тайный стражник еще раз внимательно оглядел трактир.

— Думаю, — медленно сказал он, — этот вопрос ты задаешь не по адресу. Тебе стоило бы задать его эльфам, которые упорно отказываются садиться за стол переговоров, пока мы не доставим тебя. Знаешь, Зигги, ведь твои приятели-эльфы до сих пор помнят о тебе — не знаю уж, чем ты на самом деле так им насолил...

* * *

Лес. Залитая солнцем поляна.

Щурясь от яркого света, старик медленно растирал запястья. Его везли в кандалах недолго, и потому толком впечататься в кожу проклятые железяки не успели. Гнали... хорошо так гнали, лошадей не жалея... могли бы хоть чуть, самую малость, самую распоследнюю капелюшечку чуть меньше торопиться, тоскливо подумал бродяга.

Сколько же лет он жил в страхе перед этой минутой? Полжизни? Больше...

Зигольд Вранек, мошенник, вор, лжесвидетель и святотатец, долго же ты шел на эту поляну. Ох и долго. Почитай, с того самого дня, как, растянувшись на черепице и холодея от одной лишь мысли о случайном шорохе, вслушивался в ленивый диалог двух тайных стражников, наряженных для засады в мансарду Марыши-Чернушки. Счастье, что решил он устроить сюрприз, явившись к девке не по лестнице, а на манер Зимнего Деда — из окна. Счастье вдвойне, что стражники оказались нерадивыми и, отведав Марышкиного дзябского — а может, и не только его, — стали столь же несдержанны в речах, как и он в тот злополучный час, когда пообещал клятой девке эльфийскую обновку.

Тогда, на крыше, он узнал, что отныне покоя ему не будет. Потому как Тайная Стража — как и ее собратья в иных Королевствах — прочла послание Лесного Народа едва ли не прежде сво-

их монархов, но в отличие от королевских особ не прерываясь на приступы гнева и очень, очень внимательно. Он узнал, что выдачу мошенника, обманувшего их принца, эльфы называют непременным условием для начала переговоров. Еще он узнал, что эльфийская куртка стала для него проклятьем и спасением — стоит снять ее дольше чем на час, и королевские колдуны укажут своим псам дорогу, с которой те уже не сойдут...

Он узнал, что за голову его назначена награда, за которую лобой из его тогдашних «друзей» — да что лукавить, и он сам — отдал бы хоть эльфам, хоть оркам на мясо не то что родную мать, но и свою левую руку в придачу.

И он понял — уже тогда, — что когда-нибудь этот бег закончится... лесной поляной.

Снять ставшую самой жгучей и опасной в Четырех Королевствах куртку он не мог. Не мог он и исчезнуть из Королевств, уплыть на одной из пузатых торговых когг за Три Моря, к желтоглазым, не знающим истинных богов котольцам, или на юг, к джунглям, кишашим дикими гоблами, где золото, черные опалы и тысяча и одна болезнь в тамошнем воздухе и воде, — магия клятой тряпки слабела, удаляясь от Великого Леса.

Поначалу он думал, охота будет недолгой, и полыхнувшая война превратила эту надежду почти в уверенность. Но эльфы разбили корпус Наккавея, послать же новое войско короли не решились, и потянулись долгие годы невойны-немира. Для него же — разедающий душу страх, ночные кошмары, жизнь с оглядкой, на бегу... ни разу за эти годы он не посмел осесть где-нибудь дольше чем на три недели.

Почему они не прекратили охоту? Он не знал. Лишь в крепости тот самый, раздувавшийся от радости шенок-стражник рассказал ему, что длинноухие все эти годы продолжали требовать его, Зигги, выдачи. А несколько попыток подсунуть им фальшивку разоблачали сразу же — хотя над некоторыми из тех несчастных каторжников работали лучшие маги Четырех Королевств.

Знал бы кто, чем были для него эти годы...

Наверное, в конце концов он все же просто устал. Или потихоньку начал двигаться умом — нехитрое дело, при такой-то жизни. Точно-точно — котелок потек. Иначе с чего бы ему приниматься рассказывать свою историю, свою тайну в тавернах первому встречному? За вино, да... за вино он был готов на все —

вино помогало забыться хоть ненадолго, вино заставляло страх отступить...

Дорассказывался...

А мигом позже он забыл обо всем, пытаясь сквозь солнце и так некстати хлынувшие из глаз слезы разглядеть лицо неторопливо идущего через поляну эльфа. Зачем? Старик не знал — ведь в памяти его давно уже стерлись те черты... и потом, разве это важно? По-настоящему важен лишь лук в руках эльфа, с которого вот-вот сорвется...

Нет, эльф не будет стрелять. Слишком просто — после долгих лет охоты вот так взять и убить... отпустить. Слишком легко. Наверняка за эти годы они придумали для него длиннющий список... развлечений. Очень длинный.

Что ж... сам напросился... старый размякший кретин. Не хотел доживать остаток дней, страшась неведомого, — ну, теперь-то ты узнаешь все, узнаешь куда больше, чем когда-либо хотел узнать!

Или, мелькнула тоскливо-отчаянная мысль, все же выстрелит?.. Так легко — вскинуть лук, натянуть тетиву! Одно движение для прирожденного лучника!..

Нет, с безнадежной тоской понял Зигги. Не выстрелит. Это же эльф, если бы он собирался убить меня здесь и сейчас, то мог бы всадить стрелу мне в глаз, не выходя из-за деревьев. А он идет... неторопливо так, словно плывет среди цветов и трав... и хоть бы одна травинка колыхнулась. Проклятье... я его даже ненавидеть толком не могу — совсем не осталось сил...

Боги, как же я устал!

Эльф остановился в полушаге от человека. И только в этот миг изумленный бродяга понял, что эльф улыбается.

— Ну, наконец-то! — весело пропел Гиль-Келазд. — Вот обещанный мной лук — а теперь, добрый человек, верни, пожалуйста, мою куртку!

ДУХИ НИЖНЕГО ЦАРСТВА

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

Раш-Раш

Тяжело ступая по розовому зернистому снегу — это вызолоченные закатные тучи добавили ему колеру, — Бат Иогала пробирался вверх по горной тропе.

Снег шел давно, да такой обильный, что тропа едва угадывалась. Если он потеряет дорогу и не найдет себе убежище до темноты, ночевать придется в сугробе.

Мысль о таком ночлеге сообщала движениям Бата живость, в его случае тем более примечательную, что не отдыхал он с самого утра.

С механической монотонностью, по которой всегда отличишь опытного ходока, двигались ноги Бата, обутые в высокие охотничьи сапоги на собачьем меху. За его спиной ворочался лук. На поясе отсиживались в ножнах с фатоватыми эмалевыми накладками два кривых ножа — длинный и широкий.

Ох и страшен же бывал Бат, когда сжимал левой Чамбалу, так звали долговязый нож, а правой Кую, так звали коротышку, оскальвался по-боевому и, надувши живот, кричал удалое: «Йе-йе-ги-и-и!»

Даже в медвежьем сердце возбуждал страх Бат Иогала своим криком.

Двадцать шесть медвежьих шкур, отданных Батом перекупщикам жаркого и ласкового товару в прошлый сезон, были лучшим тому подтверждением. Со зверьем потише да пониже разговор у Бата выходил совсем уж коротким: шкуру — чулком, мясо — собакам, и домой, брагу пьянствовать.

Бат был потомственным зверовщиком. И, конечно, фамилию Иогала он присвоил себе против правил. Ведь смердам фамилии не положены. Да и не нужны.

Однажды на постоялом дворе он услышал от бродячего песня-ра сказ о Бате Иогале, тиране Ирвера.

Тиран «имел трех сыновей и каждому из них нанес намеренно увечье», — мелодично гнусил песняр. Одного сына — ослепил, другого — оскопил, третьему проткнул спицей барабанные перепонки. Чтобы сыновья не заносились в гордыне, от которой до междоусобицы и раздела царства рукой подать. Но, сплоченные увечьями, держались друг друга, управляли царством сообща и несли бремя власти в смирении и взаимной любви, пусть и принудительной.

Бату очень понравилась эта история: не столько драматургией, сколько пафосом насаждения тиранической воли. Растроганный Бат даже подарил песняру свои енотовые рукавицы. Но-си, мол, береги пальцы.

С тех пор Бат решил назваться Иогалой — и звучит внушительно, и, как говорится, со значением.

Позднее, после одной особенно удачной охоты, когда его сума отяжелела от рябчиков, а конь, запряженный в волокуши — там холодели две кабарги, козюля и лиса, — едва ступал, Бат подвел под свое прозвище теорию: «Я над ними тиран, над этими зверями. Точно так же, как тот Иогала тиран был над Ирвером».

Тучи, чреватые пудами, тысячами пудов липкого снега, топтали Птичью долину.

Вершины и высокие перевалы было не разглядеть — там, где рисовал снежные шапки и шлемы солнечный день, теперь обманывала сизая, с черными проточинами фата-моргана.

Правда, облака там,верху, были другими — поджарыми, ломкими, быстрыми. Они скоро менялись местами, тревожно слоились и деликатно сталкивались. Где-то вдалеке, в стороне вершины с игривым названием Поцелуйная, неслышно блеснула молния.

Бат насупился и недовольно причмокнул. Он вырос в горах и знал: когда такие тучи, когда наверху теплынь и молнии — жди сходня, лавины.

«Что это придумала молодая княжна? Какой осел промышляет в начале весны, — тем более барса? Ведь течка у маток! Уходят они высоко, дерганные становятся, об этом деле только и думают. И дерутся в охотку — страшно бьют, лапой рвут животы собакам,

давят их, как кутят... Княжне все хихоньки-хахоньки, а мне тут шуруй...»

Впрочем, днем раньше Бат был на этот предмет другого мнения.

За живого барса обещали сто монет серебром — как за десять отменных медвежьих шкур.

Тут было ради чего стараться. Бат любил серебро — не столько как послушливую субстанцию, что быстро превращается во вкусную еду и блудливых женщин, сколько как объект художественный. Серебряные кругляши с бровастой императрицей не давали покоя безымянному дилипуту, что живет в каждом человеческом глазе и по членам которого от раствора алых губ иной светлокудрой красавицы или от солнечного покоя прекрасного пейзажа пробегает экзотическая судорога.

Добывать зверей живыми Бат умел и любил. Не один зверинец был заселен его трудами. И держатели зверинцев — рангом от барона и выше — оказывали Бату нечто вроде почета.

Да, в ловле этой был для Бата свой азарт. Совладать с живым барсом — вот это дерзновение! Его и убить-то непросто, как упадет на спину, как пустится лапами отбиваться, живучий, быстрый...

Но как раз на такой случай у Бата была сеть. Вот упадет кошуратик на спину, вот пустится лапами отбиваться — а он его сетью-то и накроет!

Главное — не мешкая присобрать ее, спеленать усатого негодника. И за веревку его, волоком вниз, по снегу легко пойдет, может, разве шерсть на боках пострадает. Ну да шерсть — не уши, отрастет лучше прежней на княжеском-то харче.

Похвалиться поимкой живого барса Бат не мог. Но вот матушкур-ысь ему добывать живой случалось. Барс, рысь, какая разница?

Было и еще одно обстоятельство, которое распаляло Бата Иогалу.

Несчастливого барса этого добывали для зверинца княжны уже второй год. И пасти ставили, и капканы, и загоном теснили. Приманки, налитанные снотворным зельем, раскидывали по звериным тропам.

Без толку.

Ну, с приманками все ясно. Будет барс тебе упасть есть, как же! Разбежался! Ему подавай свежину! А вот с остальным ясности было меньше.

Сказывали, будто четырежды загонщики уже почти держали голубу за уши. И четырежды он уходил.

«Хитрый очень, осторожный! А может, кто-то ему уйти помогает... Может, духи гор, а может, наш брат, человек...» — пожимали плечами очевидцы.

«Да он и не барс никакой, но оборотень! Уж больно часто след рвется, словно под землю уходит... А случается, вдруг человеческий след невесть откуда на тропе... А потом снова кошкин...» — добавляли другие.

Словом, небывальщины Бат наслушался за три дня — на год хватит пересказывать.

Сначала он высмеивал пустобрехов, потом рукой махнул.

Плохой охотник, он чем от хорошего отличается? Хороший — с трофеем идет. Плохой — с рассказом.

Призрак тропы привел Бата к подножию серой скальной твердыни, такой крутой, что казалось, она вот-вот рухнет прямо на голову тебе.

Бат пошел вдоль, между делом размышляя над неудачливой своей долей. Вниз — опасно и поздно. Вверх — бессмысленно. Крыши над головой нет, как и конца тропе. Сил, дров, спасительных мыслей — тоже.

Нет, не впервой было Бату терпеть лишения, ночевать на протопленной собственным теплым животом прогалине, укрывшись соленым от пота тулупом.

Но перспектива топить прогалину животом от этого не делалась приятней.

И потом, одно дело претерпевать ради добычи, ради шепотка славы и завистливых взглядов. Совсем другое — когда знаешь, что добыча уже испарилась. Чутье охотника нашептывало Бату — барс снова ушел. Ускользнул. Утек. И упустили его — те самые простофили, которые с рассказами.

«Я бы не упустил», — бормотал себе под нос Бат, гневно сжимая красный кулак.

Холодало. Снег под ногами начал поскрипывать.

«А ведь без костра недолго замерзнуть».

Бок о бок с ножами на поясе Бата висел сигнальный рог — можно позвать подмогу. Но толку в том? Он отошел от товарищей слишком далеко. Соблазнился свежим круглым следом с ясными отпечатками мякишей, следом молодого барса.

«А все гордыня! Правильно тиран Иогала сынков своих учил. Заноситься — себе дороже. Держался бы своих, не выёживался — не дошел бы до жизни такой... Вот займется сходишь — и нету Бата!»

Но судьба над ним сжалилась. Текучий серый пух сумерек уже почти сомкнулся вокруг путника непроглядным коконом, когда он обнаружил низкий, закопченный вход в пещеру.

Чиркнул огнивом.

От этого искристого звука родился огонь, сначала робкий, затем цветущий жарко и уверенно — у предусмотрительного Бата была припасена на такой случай просаленная тряпка.

Пещера оказалась довольно просторной и вдобавок обжитой.

В новорожденном свете факела Бат осмотрел ее и улыбнулся сдержанной улыбкой человека, который честно заслужил свое везение. Его блуждания по горам оказались ненапряжными — он набрел на покинутое жилище отшельника!

Невдалеке от входа был сооружен и заботливо огражден камнями очаг. В дальнем углу желтела изрядная куча соломы, служившая, вероятно, отшельнику постелью. Вот завалиться бы туда, прямо так, прямо сразу!

Под подошвой сапога негромко хрустнуло, и Бат опасливо подобрался. Змея? Крыса?

Нет, нет. Пол был щедро усыпан крошевом торфа и серыми смолистыми артишоками — тонким еловым хворостом. Бат удовлетворенно крикнул: поросенка на этом не зажаришь, но на чай должно хватить.

Он уже собрался было заняться костром, когда вдруг, словно бы повинувшись чьему-то неслышному приказу, оглянулся.

На добросовестно отбеленной известью стене пещеры желтой охрой в черной обводке было начертано: «Океан души не имеет дна. Океан судьбы — берегов. Океан печали — воды».

Читать Бат не умел, что сэкономило ему немало мыслительных сил. Но саму надпись он посчитал хорошим предзнаменованием.

«Не иначе как святой муж тут жил. А не ведьмак какой-нибудь».

По мнению Бата, ведьмак писать на стене не стал бы. Такой нарисовал бы клыкастого, взлохмаченного демона, оскалившегося встречу зрителю. Причем не охрой, а красной человеческой кровью, высосанной из трепещущей жутью жилки невинной жертвы. Бат нахмурил брови и оставил надпись в покое.

Постель аскета Бат нашел сухой и мягкой — он попробовал ее рукой. Тут его ждал еще один подарок: оказалось, соломенное ложе водружено на невысокий помост из горбыля, связанного лыком в некое узнаваемое подобие лежанки.

На этом горбыле можно было изжарить и поросенка, и цельного кабана.

А из сушеного мяса и рассыпчатого пшена, что дожидались своего часа в переметной суме, складывался ужин — топи только снег да дров подкладывай!

Бат так увлекся своими уютными мыслями, что не сразу заметил гнездо серохвостки. Неряшливое, но старательно опушенное изнутри, гнездо было устроено в дуплистом углублении возле самого входа в пещеру.

В гнезде ерзали четверо сонных птенцов. Еще голеньких, но уже зрячих. Они сонно тарасились на Бата, искательно вытягивали свои уродливые морщинистые шеи и благоразумно помалкивали.

Своим появлением в пещере Бат подписал всем четверым смертный приговор — мать-серохвостка никогда не возвратится к гнезду после того, как рядом с ним побывал чужак. Такова ненависть горных птиц к человеческому роду.

Бат живо скинул лук, переметную суму, тулуп, стащил мокрые сапоги и принялся разводить огонь.

Ночь снаружи стала чернильно-черной. Лишь изредка одичалый ветер задувал в пещеру снег — словно бы горстями его подкидывал.

Золотистое озеро каши с бурыми лодчонками мяса. Озеро пугается, облизывает неровные стенки котелка, исходит сырыми запахами.

Босой Бат, по пояс голый, помешивает варево походной ложкой.

Широкое, с кустистыми бровями лицо Бата стало чумазым — отсыревший за зиму горбыль занимался трудно, коптил и пыхтел.

Очаг тоже оказался мокрым, словно бы кто-то нарочно справил в него малую нужду. Вдобавок он был полон золы и черного старого мусора — фруктовых косточек, рыбьих костей, останков убогой глиняной утвари и непрогоревших суковатых головешек. В куче этой — очаг пришлось от нее освободить — Бату даже по-

мерещился намек на расколотый череп, не то обезьяний, не то детский.

Когда дрова наконец занялись, пещеру заволокло дымом.

— Эй, полегче, полегче! — Бат машет руками, заслоняясь.

Разомлев от долгожданного тепла, вши, что обитают в швах кожаных штанов Бата, принимаются трапезничать. Но Бат не спешит.

Привычно почесываясь, он неотрывно следит за тем, чтобы пшено не разварилось в размазю. Вот он похищает ложкой лакомую горку, трепетно снимает с нее губой, вдумчиво пробует сладкие желтые зерна и, бормоча промежуточный поварской вердикт, снова кланяется очагу — взбодрить кочергой угли.

Бат дожидается нужного момента, чтобы приправить варево специями — солнечной куркумой, чихательным черным перцем, горячим имбирем и перемолотым в ароматную пыль листом лавра. Если добавить смесь раньше времени, запах специй испарится, что твой барс. А если опоздать, каша и мясо не пропитаются как следует величавым травным духом. Да-да, Бат был на свой лад гурманом.

Когда приправа и каша сошлись самым гармоничным образом, а костер наконец установился, снаружи, возле входа в пещеру, заскрипел снег.

Бат сам не заметил, как в правой руке у него оказался корытщик Куя, а в левой — долговязый Чамбала. Он привстал, испытывая взглядом снежную чернь входа.

«Кто там может быть? Медведь? Невероятно! Ланка? В такую-то погоду? Да нет. Из наших кто-то? Или из *не* наших?»

Рука с коротким метательным ножом ушла за плечо, изговилась.

Рука с длинным застыла.

Бат отступил от костра в темноту — чтобы лучше видеть.

Скрипучая возня снаружи обратилась вдруг деликатным шорохом... А вот и незванный гость!

Юноша был худ, почти не одет и вдобавок стоял на четвереньках. Впрочем, никаким иным образом попасть внутрь жилища отшельника было невозможно — Бат и сам в этом убедился.

Оружия при странном юноше не было. Отсутствие одежды — не считать же таковой набедренную повязку из грубой шерстяной ткани — свидетельствовало о низком общественном положении отрока. Вместе с тем его ухоженная кудрявая шевелюра и

гладкая, чистая, жемчужная кожа намекали на некие необычные и таинственные обстоятельства.

Снаружи было по-ночному морозно, но юноша озябшим не выглядел.

«Тоже аскет, что ли? Может, сам хозяин пещеры?»

Бат опустил метательный нож, но с места не сошел. И хотя котелок было пора снимать с огня, Бат решил погодить.

— Чего надо-то? — спросил он.

Вместо ответа юноша обвел пещеру затравленным взглядом и что-то промышчал себе под нос. Бат не разобрал — что.

— Чего ты там варнакаешь? Не слышно!

Юноша продвинулся еще на два шага и присел возле костра на корточки. Уперся растопыренными пальцами в землю. И словно бы с усилием что-то проворчал.

— Ты по-нашенски понимаешь?

Юноша согласился — одними глазами.

— Может, ты варвар?

Юноша отрицательно замотал головой.

— Значит, понимаешь. Тогда почему не говоришь?

Лицо юноши искривила гримаса муки. Он широко открыл рот, как будто собираясь зевнуть, но не зевнул, а лишь многозначительно ткнул в нарождающийся зевок пальцем.

Бат сделал два нешироких шага по направлению к гостю. Затем еще два — таких же опасливых. Нет, слишком темно, не разобрать.

— Что там у тебя во рту? — спросил он, а затем, поразмыслив, предположил: — Языка, что ли, нет?

Юноша кивнул.

— А-а... Вот оно что... Языка нету... Так ты, наверное, раб?

Юноша сделал неопределенный жест правой рукой.

— Раб, значит. Беглый, — догадался Бат и, гордясь своей проницательностью, осклабился. К рабам он относился с симпатией. Вероятно, потому, что и сам до изжоги накушался рабской похлебки из дикого риса — подростком его продали на маслодавильню за отцовские долги. Хотя и было это давненько и с тех пор много чего памятного в жизни Бата случалось и даже сидел он в почете, по правую руку, на именинах барона фальмского Семельвенка с цветочной гирляндой до самого пупа, но горькую похлебку из дикого риса и кисленький запах людской забыть не сумел.

— Ты это... Заходи, не стесняйся. Тут у нас ужин поспел. Ты как насчет поесть?

Близоручко сошурившись, юноша покосился на котелок, от которого шел торжественный запах специй и тяжелый запах пригоревшей каши.

— Мать твою за ногу, горит! — темпераментно воскликнул Бат и бросился спасать варево. — Заболтался тут, кашу прозевал! Но это ничего, желудок — не язык. Не разбирает, где горелое, а где сладкое. Я тут подумал, может, оно и лучше — когда без языка живешь. Может, и не чувствуешь, когда потчуют тебе деликатес. Но зато когда говно — тоже не чувствуешь.

Юноша улыбнулся — сначала глазами, затем застенчивой, не открывающей зубов улыбкой. И рассмеялся. Его шипящий смех походил разом и на покашливание, и на шелест осеннего дождя.

«Раш-раш-раш», — слышалось в нем Бату. Станным был этот смех, не вполне человеческим, будто змея по песку прошуршала.

Бат водрузил чернобокий котелок на камень и бдительно обернулся.

Юноша сидел на прежнем месте, сложив руки на коленях, — безмятежный, непонятный. Но ничего вроде бы не замышляющий.

— Вот тебе смешно. А я — ужин запорол. Как тебя звать-то, кстати?

Сделав над собой усилие, юноша промычал что-то невразумительное.

— А-а, ладно, не мучайся... Буду звать тебя Раш-Раш.

Ел юноша жадно, но тоже как-то не по-людски.

Вначале азартно вылавливал разбухшую мясную ленточку, подхватывал ее двумя пальцами, подносил к носу и, лишь как следует ее обнюхав — тяжело, вдумчиво двигались тогда его чувствительные ноздри, — перехватывал мясо губами и уже равнодушно всасывал шматок в рот. Потом тщательно разжевывал его и глотал.

Кашей же Раш-Раш вовсе не интересовался. Вначале Бат думал, это оттого, что нет второй ложки и юноше приходится есть руками. Но не в ложке было дело.

Перед тем как начать игру с очередным куском темной волокнистой оленины, Раш-Раш тщательно очищал его от пшеничных зерен, то ли резгуя, то ли чего-то своего страшась.

— Ты что это? Пшено тебе не по нутру? — не выдержал Бат.

Юноша глянул на него своими цепкими, тускло светящимися глазами, конфузливо искривил рот и отдернул от котелка обе руки.

— Да нет, ты ешь. Ешь что хочешь! Я просто так спрашиваю... Пшено, как по мне, куда вкуснее мяса. Меня вот от мяса вообще воротит. Случается, на нем одним неделями сидишь зимой на промысле... Уже готов кислицу жевать, как козюля. А нету ее, той кислицы. Снег один, елки да сосенки...

В ту ночь Бат был особенно словоохотлив. Немота собеседника как будто обязывала говорить за двоих.

Котелок был опустошен наполовину, когда в черном зеве входа показалась еще одна фигура.

— А можно мне к вам залезть, скажите? — спросил писклявый детский голосок.

Бат едва не поперхнулся. «Людно тут у них, в безлюдных-то горах. Пацаны как летом расхаживают, в одних повязках. Дети ничейные шастают...»

А вот Раш-Раш несколько не удивился. Как будто только и ждал гостей. Он дружелюбно заулыбался девочке, закивал, замычал.

— Так, значит, можно? — переспросил голос. Теперь уже Бат не сомневался: девчачий.

— Да не прогоним, не боись, — проворчал Бат, прощально облизывая ложку. Он мысленно смирился с тем, что остатки каши и самое вкусное — горелую корку со дна котелка — придется уступить бродяжке. А кем же еще гостя может быть, как не бродяжкой? Не странствующей же принцессой, что отстала от рядного своего каравана!

Однако при свете костра девочка выглядела барышней. Купеческой дочкой!

На ней была опрятная заячья шуба до середины голени с громоздкими костяными застежками, сапоги из нежной рыжей замши, теплые рукавицы. Только кудлатой мерлушковой шапки с черными атласными лентами, что купеческие дочки завязывают бантом под подбородком, ее костюму не доставало. Чистые белявые волосы госты были стянуты шнурком в конский хвост.

Румяное личико девочки не казалось испуганным, напротив, глаза ее любознательно лучились.

— Что вы тут делаете? — спросила она.

— А ты-то сама?

— Гуляю.

— Разве барышням можно гулять по ночам?

— Другим нельзя. А мне можно.

— Это ты так думаешь, что можно. А родители, наверное, думают, что нельзя. — Бат лукаво подмигнул и жестом предложил госте место рядом с Раш-Рашем. Тот почтительно потеснился.

— Мои родители ничего не думают. Потому что они умерли, — серьезно отвечала девочка и, расстегнув шубку, уселась.

— Сирота, значит, — кивнул Бат. И после деликатной паузы поинтересовался: — Ты это... кашу будешь? Пшенная, с мясом?

— Не буду.

— Да полно тебе ломаться!

— Правда не хочу! Я не голодная! — Девочка наморщила носик. — Я просто тут с вами посижу немножечко. И пойду. Ведь можно?

— Да сиди пожалуйста. Можно даже без спросу — пещера ведь не наша.

— Я знаю, что не ваша. Раньше тут жил один... один мудрец. Это он написал на стене. Но потом его позвала его мама — ну, та, которая живет на небе. И он куда-то ушел. Раньше мы с ним часто играли вместе, было весело. А еще раньше здесь жил другой человек. Плохой. Он рылся в могилах, вытаскивал оттуда кости беременных. Потом вызывал ихних духов и все время их мучил. Чтобы они на него работали. А потом его укусила ядовитая змея, он опух, стал как жаба. А еще раньше тут жили две сестры, они прятались от своего господина. Но потом их нашли и забрали в город. Там, наверное, их убили. А еще раньше тут один чудак жил...

— Раш-раш-раш, — засмеялся юноша, понимающе глядя на девчонку, как будто издавна были они друзьями и он уже знал, какого именно чудака та имела в виду. Но Бата Иогалу отвлек костер, и он переглядок этих не заметил.

— И откуда ты все это знаешь? Родители тебе рассказывали? — спросил Бат.

— Родители мне ничего такого не рассказывали. Потому что они умерли, я же говорила.

— Ну, мало ли...

— Они умерли еще до того, как тех двух сестер нашли!

Бат мысленно оценил возраст девочки — должно быть, никак не больше десяти лет.

«А то и семь. Глазенки совсем уж бесхитростные».

— А давно это было? Год назад? Два? Когда они умерли?

Девочка шморгнула носом, вопросительно посмотрела на Раш-Раша, на лице которого застыла загадочная гримаса, потом перевела взгляд на Бата и наконец ответила:

— Я вам лучше этого не скажу.

— Не скажешь? — Бат потянулся к котелку и подцепил на кончик ложки еще каши.

— Если я скажу, вы сразу испугаетесь.

— Да мы не из пугливых, — отозвался Бат с набитым ртом. — Я, милая моя, даже черного медведя не боюсь! И даже могу влезть ему на шею! И смыкать его за уши. А могу ногой ему поджопник вот такой вот — бамс! — отпустить. И медведь твой кубарем через голову покатится. — Артистично размахивая руками, Бат показал, как именно он управится с медведем.

Девчонка рассмеялась и захлопала в ладоши. Раш-Раш обрадованно закричал. И Бат заулыбался. Детское общество ему никогда не докучало.

Как вдруг девочка перестала смеяться и сказала:

— Все равно не скажу. Потому что некоторые слова — они страшнее черного медведя.

От уверенного тона девочки повеяло потусторонним холодком. Это дуновение, впрочем, Бат поспешил поскорей вычесать из розы ветров своего сознания. Он нервически облизал ложку и заметил примирительно:

— Ну, дело твое. Не хочешь — не говори.

— Да вы не обижайтесь, дяденька. Просто вы такой добрый... Мне так не хочется вас испугать! Лучше спросите какой-нибудь другой вопрос.

— Другой? Ну, спрашиваю, ладно. Как тебя зовут?

— Зовут Елей.

— И где Еля живет?

Девочка снова спрятала глаза и засопела. Раш-Раш принялся шарить взглядом по потолку, где отплясывали свои дикие танцы длинные тени от костра.

— Не хочешь говорить, тогда я сам угадаю. Ты живешь в доме пастуха, возле водопада!

— А вы что, там тоже были? — удивилась девочка.

— Не был. Но мои товарищи говорили, что где-то здесь должен быть водопад. А рядом с ним — пастуший дом. В этом доме, думается мне, Еля и живет. Правильно, Еля?

— Неправильно, — девочка энергично замотала головой, и ее редкий хвостик дважды хлестнул ее по щекам. — Там никто не живет. И в этот дом людям лучше не ходить, потому что там водятся эти... как их... призраки! Честное-пречестное слово! — Она посмотрела на Раш-Раша, словно бы ища поддержки.

Раш-Раш выразил согласие угрюмым мычанием.

— Тогда ты живешь в Птичьей долине!

— Тоже неправильно. В той долине живут только пастухи да ихние бараны. Они глупые, жадные и неопрятные. У них все село воняет шкурами.

— Подумаешь, какая госпожа! Шкурами воняет! Тогда где же ты живешь? Наверное, во дворце?

— Нигде. Я нигде не живу! — мрачно сказала девочка.

— Так не бывает. Все люди обязательно где-то живут. У каждого должен быть дом!

— Неправда. Вот у вас же нет дома — и ничего!

Бат Иогала задумался. В каком-то смысле негодяйка была права. Конечно, случались места, где он задерживался надолго, даже на несколько лет. Но пустить корни у него никогда не выходило, все тянуло его куда-то, и шел он, не столько соблазнившись зверьем да деньгами, сколько самой мыслью о неведомых краях, о свободе.

— Я взрослый. А ты — маленькая. Вот и Раш-Раш тебе скажет, если ты мне не веришь: у каждой девочки обязательно должен быть дом!

— Его зовут не Раш-Раш, — строго сказала Еля. — А Гррсы. И он тоже нигде не живет.

— Правда, что ли? — Бат посмотрел на юношу, но тот лишь усмехнулся и развел руками: мол, понимаете как хотите.

— Что за имен понапридумывали? — задумчиво бросил Бат, вновь набирая себе каши. — Что это за имя для пацана — Гррсы? Я такого и не слыхивал... По мне, так даже Раш-Раш лучше.

— А ему все равно, как его называют. Ему лишь бы не лезли!

— Не лезли?

— Ну да, не лезли. Как еще сказать? — Девочка примолкла, подбирая выражение. — Ну, чтобы никто от него ничего не хотел, понимаете?

— Понимаю, — сказал Бат. На самом деле он ничего не понимал. Но, поразмыслив, нашел-таки объяснение: «Ясен перец! Парень он миловидный, стройный... А बारे нынче пошли распу-

шенные, каждый день караван идет через Старый перевал чуть ли не с царем каким. Видят небось красавчика и пристают со своими этими дуростями. Тем более что парень немой, не разболтает никому. Удобно...»

Он снова оделил себя кашей, хоть и был уже сыт.

— А можно мне тоже попробовать? — Еля просительно посмотрела на котелок.

— Так бы и сразу! А то строишь из себя тут непонятно кого. Держи ложку.

Но ложку девочка не взяла. Она вскочила и, широко расставив ноги, встала над котелком — фигуры Бата, Раш-Раша и Ели образовали равнобедренный треугольник. Девочка протянула над варевом руку и быстро-быстро зашептала.

Запахло лавровым листом и имбирем. Причем запах был таким сильным, будто не шепот травяной смеси высыпал в кашу Бат, но сама пещера была котлом со специями, в который вдруг высыпали Бата, Раш-Раша и Елю.

Щекотный дух черного перца ударил Бату в ноздри, и он громогласно чихнул. Глаза охотника увлажнились.

Тем временем Еля прошептала новую абракадабру, сжала ладонь в кулачок, поднесла кулачок к губам и слизнула невидимое лакомство с растопыренных пальцев. Обсосала мизинец и удовлетворенно зажмурилась.

— Вкусно! — сказала она.

В тот же миг аромат специй растаял без следа. Ни лаврового листа, ни имбиря, ни перца. Сырой запах камня и душный запах птичьего помета вновь вошли в силу.

— Спасибо, дяденька Бат! — сказала девочка и вернулась на прежнее место. — Но только жжется немного внутри, как будто кишки чешутся.

— Раш-раш-раш, — отозвался юноша.

— На здоровье. — Бат утер нос рукой и заглянул в котелок. — Постой, а за что спасибо-то? Ты же ничего не съела!

— Я вообще мало кушаю, — сказала Еля тоном отменно полакомившегося дитяти, и это успокоило Бата. «Может, ей и впрямь пол-ложки — самое то?!» Как вдруг Бату кое-что вспомнилось: — Погоди, как это ты меня только что назвала?

— Дядей Батом. А что? — Зеленые глаза девочки округлились. — Разве не так?

— Так... Да только... Разве я тебе говорил, как меня зовут?

— Говорили!

— Что-то не припомню!

— Ну... тогда не говорили, — быстро сдалась девочка.

— Откуда же ты знаешь, как меня зовут?

— А мне Гррсы сказал.

— Так он же немой?

— А-а, ну да, немой, — задумчиво глянув на юношу, согласилась Еля. — Тогда мне ваши люди сказали. Охотники.

— Ты что же, видела их? Где ты их видела, скажи-ка?

Несложные вопросы Бата загнали Елю в тупик. Она согнулась, уперла локти в колени и уныло оттянула кулаками щеки.

— Не помнишь, где видела? — не отставал Бат.

— Не помню, — буркнула Еля.

— Ну вот... А имя — помнишь... Нехорошо получается. Разве родители... ну, или кто там тебя воспитывает, разве они не говорили тебе, что врать нехорошо?

— Говорили.

— Тогда сказала бы правду. На мне же не написано, что меня Батом зовут!

— Вообще-то написано. Для тех, кто умеет читать. — Девчонка озорно улынулась.

— И на каком это месте написано? Может, на этом? — Бат привстал и треснул себя по тесно обтянутому кожаными штанами задку. — Или на этом? — Хлопнул по лбу.

— Раш-раш-раш!

— На том месте, где у вас мысли.

— На голове, что ли?

— Нет, в голове.

— Ого! Да тут передо мной знатная ведьма Елеанирда Косматая собственной персоной! И она умеет читать, что у людей в голове! — сказал Бат глумливо.

— Ничего тут такого нету. Мои друзья читают в голове, как вы в ваших книгах.

— Что за друзья такие? Ведьмацкого, что ли, роду?

— Мои друзья — они духи, — серьезно ответила девочка.

У Бата похолодели кончики пальцев и ожесточился язык. Очень уж не любил он слово «духи». И вдвойне не любил ситуаций, в которых его обыкновенно произносят. Где какое несчастье — всегда духи виноваты. Удавился мужик — дух-самогубец им овладел, бабу свою зарезал — овладел дух ревности. Дом сгорел —

духа воздуха не умиловили. Уд не стоит — не нужно было молиться под священным деревом, духа прогневал. Духи-духи-духи. «Зато когда что-то путное случается, про духов и не вспоминает никто, мол, тут их влияния нету. Это как тот песнярь говорил про войну, что города сдают солдаты, а берут — ихние воеводы...»

— Негоже детям с духами знаться, — осуждающе заметил Бат.

— Раш-раш-раш.

Срок ложиться еще не подошел, да и сна не было ни в одном глазу.

Стоило Бату заикнуться об отдыхе, как Раш-Раш с Елей поглядели на него укоризненно — мол, погоди, погоди!

— Чаю, что ли, сделать? — предложил Бат.

Гости воодушевленно закивали.

— Тогда, Елюшка, ступай на воздух, помой котелок, набери чистого снега.

Та лучезарно заулыбалась, скинула шубку и в одном шерстяном платье с высоким горлом, свежем, чистом, словно бы вчера сшитом, шустро бросилась к лазу.

— А ты, Раш-Раш, дровишек наломай, а то вышли все... В общем, потрудитесь-ка теперь сами, покуда дядя Бат передохнет. Это будет по справедливости. Ведь я тут среди вас самый старший. И вы должны оказывать мне почтение, почти как царю, — пояснил Бат.

Каково же было его удивление, когда Раш-Раш вместо того, чтобы отправиться доламывать лежанку из горбыля, приблизилась к нему, присел на корточки и... растянулся у его босых нечистых ног в земном поклоне.

Красиво сложенное тело юноши прижалось к холодному полу пещеры и застыло, лучась самым первосортным почтением. Словно был Раш-Раш опытным царедворцем, магистром лъстивых наук. Наступи ему на голову — он и бровью не поведет, сочтет за честь.

Бат опешил, даже язык прикусил.

На какой-то миг он вдруг почувствовал себя, да-да, тем самым ирверским тираном Батом Иогалой, который, сказывают, восходил на трон по семи ступеням, на каждой из которых лежал плененный вражеский военачальник. Вот так, прямо по военачальникам, и восходил.

Молча созерцал Бат гибкую спину юноши с крыловидными

выступами лопаток, скользил взглядом вдоль хребта по жемчужной коже, отливавшей шелковой голубизной, кое-где обросшей белесыми тающими волосками. Ласково ворошил взглядом же серебристые, с серым оттенком, кудри. И любовался бы он так, скользя и оскальзываясь, быть может, еще долго, если бы взгляд его не угодил в овраг свежей рубленой раны с розовыми расходящимися краями. Рана шла наискось от печени до самых ягодиц и была длиной в Батову ладонь. Рана, казалось, кричала о себе во весь голос.

— Да у тебя там хрен знает что на спине! — ужаснулся Бат.

Раш-Раш поднял узкую длинную голову с аккуратными заостренными ушами и жалостливо посмотрел на него. Мол, сам знаю. И страдаю.

— Чего же ты молчишь? Да вставай ты, дурак!

Раш-Раш ловко собрался, присел на корточки. Бату вдруг стало физически больно: не за себя — за него. Эту рану он словно примерил на свою спину.

— Да что ты улыбаешься, как вроде все в порядке?

Раш-Раш прикусил нижнюю губу и застенчиво насупился.

— Вот дурак так дурак, — приговаривал Бат с отеческой укоризной в голосе. — И сидит как ни в чем не бывало! Да так же и сканать можно запросто! Ты знаешь, сколько таких хороших, как ты... — Лицо Бата покраснело, на лбу бисером выступил пот. Он раздледал немало туш, но к виду человеческих ран так и не смог до конца притерпеться.

— Вот! — Еля вползла в пещеру с полным котелком снега. Встала. Отряхнулась. — Чаю хочу!

— Да подожди ты! — отмахнулся Бат. — Ты рану у Раш-Раша видела?

— Не-а.

— Вот и не встревай. Раш-Раш твой, если масла сейчас ему кипящего в рану не залить, заболеть может. А потом даже умереть!

— Умереть? — задумчиво повторила Еля.

— Давай сюда котелок!

То ли жаркая еда подействовала на него возбуждающе, то ли самочинно распоясалось воображение, но Бат явственно увидел Раш-Раша, вялого и желтого, с сухой, как старый пергамент, кожей, мнящегося в последней горячке, невнятно мычащего. Перед смертью он, конечно, придет в себя и будет смотреть на них с Елей глупо и радостно, как котенок, которого несут топить...

Бат смерчем носился по пещере, позабыв об усталости, — только бы не дать видению сбыться. Расшвыривая сквернословия, он суетливо искал среди вещей заветную бутылку с лечебным маслом. Нашел. Потом яростно скоблил и мыл собственной мочой котелок. Помыл. Кипятил масло на огне. Пробовал его языком. Добавлял в масло полынь и плесень — их пришлось разжевать в горькую серо-зеленую кашицу. И наконец...

— А теперь, будь добр, не рыпайся, — сказал Бат, прижимая юношу к соломенной подстилке всем своим мужицким весом. — Будет больно — ори! А еще лучше — не ори. Лучше вот эту палку закуси. А ты, — сказал он, обращаясь к присмиревшей Еле, — что расселась, как неродная? Помогай! Палку эту держи, чтоб Раш-Раш твой ее не выплюнул, когда я в рану масло лить начну.

— Он не Раш-Раш, а Гррсы!

— Да какая разница?!

Девочка присела возле головы Раш-Раша и вцепилась своими розовыми ручонками в палку, которая, как великанские удила, раздвинула юноше рот. Зажмурилась.

Левой рукой Бат прижал сильную, длинную шею раненого к земле, а правой, на ней была рукавица, поднял дымящийся котелок, прихватив его за край, примерился...

— Беда-беда, — бормотал Бат, разглядывая края раны. Те уже успели обрасти серым, всем бывалым охотникам знакомым, нечисто пахнущим налетом, не сулящим раненому ничего хорошего.

Масло агрессивно зашипело. Содрогнулась мышца. Раш-Раш всем телом рванулся.

— Не рыпайся, кому сказано! — прорычал Бат и, стараясь не растерять хладнокровия, разом вылил остатки масла.

Хрустнула палка. Раш-Раш пронзительно заорал.

— Ма-а-а-а!

— Заткнись!

— Мау-у-у!

— Заткнись же!

Раскаленное масло заполнило красный овраг до краев.

Бат с облегчением выдохнул, Еля осторожно открыла один глаз.

Даже Раш-Раш перестал вопить.

Благодаря всех подряд богов, Бат отстранился. Отер со лба пот и оглядел творение рук своих.

Рана вела себя престранно. Вместо того чтобы налиться дурным соком, накалиться (как это всегда случалось с ранами, что

прежде врачевал маслом Бат), она словно бы переродилась. Искривилась дурным подобием человеческого рта. Ее края обратились губами, каемчатыми, твердыми, а внутренность — гнойная и зеленоватая — языком. Губы растянулись в бандитской недоброй ухмылке. Затем сошлись в трубочку, да так, что язык высунулся из кольца плоти как начинка из пирога, что в Хелтанских горах зовется «пальчиком». Тут же губы морщинисто сомкнулись, язык пулей вылетел из них и прилипчиво чвакнул о неровный потолок пещеры. Он повис на нем соплей, но не удержался и упал прямо в костер.

Пламя ответило на это вторжение высоким снопом искр и недовольно отрыгнуло тяжелым чадом.

— Оба-на, — прошептал Бат, поднимаясь на ноги.

— Так и надо, — прокомментировала Еля.

Бат уселся на свое место и закрыл глаза.

От увиденного, да и вообще — от всего — ему стало не по себе.

Вечер, который начинался так обыденно — случайная пещера, неподатливый горбыль, растущий костер, золотая каша, — становился... становился... да каким же он, Хуммер его раздери, становился? В общем, правильного слова для описания вечера Бат так и не подобрал.

Душа его негаданно затрепетала — почти как когда песняр сказывал о Бате Иогале, ирверском тиране. На этот раз, однако, не мраморнолицый гений истории задел его своим крылом. Но какое-то новое, совсем незнакомое высокое существо — ведь это оно привело к нему на огонек и невероятную девчонку Елю, и ее дурковатого, но вместе с тем наделенного какой-то звериной, неподдельной привлекательностью приятеля. Чего желает это существо, кровавой жертвы или поклонения добрым делом, да и желает ли оно чего-нибудь, кто разберет?

Будь на месте Бата молодой дворянский сын, в шелковых подштанниках и белой рубаше с кружевными рюшами, он непременно спросил бы себя, упоенно покусывая кончик писчей палочки: «А вдруг я схожу с ума?»

Прошел еще час.

Бат и Еля пили земляничный чай, отдававший лечебным маслом, по очереди отхлебывая из походной деревянной чашки.

Чинно орудуя тряпицей, присыпанной золой из костра, Бат наводил блеск на чеканную рукоять Чамбалы (обласканный пер-

вым Куя сиял на соседнем камне). Баловница Еля пошевеливала кочергой жаркий шар красных углей.

Звуки нелепых деревенских песен, которые она напевала себе под нос, нехотя отражались от высоких сводов пещеры.

Лежал на соломенном ложе обмёртвелый, бледный Раш-Раш — лежал, не поднимая головы.

— Ему, наверное, очень больно, — сочувственно сказала Еля.

— Еще бы! Такую дыру в боку пропороли! — откликнулся Бат. — Но без масла было бы хуже. И кто это его так, не знаешь?

— Наверное, люди из той долины... Ну, где такой красивый дворец. В нем еще княгиня живет. Они хотели его поймать. Но у них не получилось! Только ранили! Так уже было несколько раз...

«Точно, беглый раб», — подумал Бат.

— И когда они его в покое оставят? — по-взрослому тяжело вздохнула Еля, ковыряя землю носком сапожка. — Вот бы их всех сходень завалил! Тогда другим неповадно было бы...

— Да разве можно так говорить, милая моя?! — На Бата нашло воспитательное настроение. — Ведь это люди живые! А ты им смерти желаешь! Да еще и такой страшной!

— Может, и нельзя. Но мне Гррсы жалко.

— Небось если бы ты сходень увидела настоящий — не говорила бы так. А только маму с папой звала. Кричала бы: «Спасите-помогите!» И клялась на хлебе, что больше никому такого желать не станешь!

— Ха-ха! Да я сходней этих, дяденька Бат, и побольше вашего видела, если хотите! — Зеленые глаза Ели азартно сверкнули.

— Ну-ну.

— Не верите?

— Не верю!

— А вот и глупо! Потому что если сходень сейчас пойдет, вы его больше моего испугаетесь. В тысячу раз!

— Как же, — не отрываясь от тряпицы, бросил Бат.

— Не верите? — Недоверие уязвило ее чуть не до слез. — Тогда на что поспорим?

— Да на что хочешь!

— Тогда на этот нож! — Еля указала на коротышку Куя, но, что-то свое в уме взвесив, тут же добавила: — Или лучше на тот. — И указала на Чамбалу.

— Да пожалуйста, споры! Только где ты сейчас сходень найдешь, милая моя? Холодает... Сходень — это тебе не снежная крепость. Его нарочно не сварганишь.

— Ах не сварганишь?! — Девочка задыхалась от возмущения.

Они так увлеклись разговором, что не сразу заметили Раш-Раша, который поднялся с лежанки и теперь как ни в чем не бывало сидел на корточках в пограничье света. И слушал.

— Неужели оклемался? — Бат удовлетворенно поскреб щетинистый подбородок.

— Вот он и будет нашим судьей! — провозгласила Еля.

Бат вопросительно заломил бровь.

И тогда легкая, словно годовалая ланка, Еля скакнула в костер и резво топнула левой ногой. Прыснули искрами угли, и пещера враз наполнилась разноцветными, разновеликими огненными мошками и мотыльками — переливчатыми, перламутровыми, слепящими.

Бат заслонился рукой...

Когда он открыл глаза, пещера, очаг, котелок с чаем — все пропало, ушло.

Он стоял на вершине горы, формой и цветом напоминавшей сморчок-переросток. А рядом с ним, раскинув руки встречь дюжему ветру, ветру небес, но более уже не земли, приплясывала Еля — в своем шерстяном платье, без шубки.

— Раш-раш, — послышалось за плечом. Бат обернулся. Да, юноша тоже был здесь.

Бат огляделся.

Полная луна — близкая, почти ручная, стояла еще низко. Ее маслянистым светом щедро были облиты соседние вершины — такие же лысые, облые.

Пониже, там, где начинаются сланцы — недомерочные березки-рябины да можжевельник, — раскинулась ватная перина облаков, кое-где уже порванная ветром. В прорехи виднелись вершины пониже, ущелья, тропы, кривой лес.

Ветер переменял направление.

И, словно дождавшись условленного сигнала, Еля закричала, обращаясь к пустоте.

Закричала хриплым, недетским голосом — воронье карканье, а не крик.

Но Бат лишь равнодушно пожал плечами. Елина поза, Елина гримаса и даже ее хриплый вопль — это казалось ему почти естественным, почти правильным. Почти не страшным.

Тем временем ветер продолжал капризничать — теперь он обратил свою мощь на восток.

Сильный, беспардонный, напирющий в спины, он свистел в ушах, сбивал с ног. Но — и здесь Бату снова нужно бы удивиться — он не чувствовал холода. Хотя был бос и не одет.

— Чего мы ждем? — спросил Бат, старательно отталкивая от груди накатившую вдруг плотную, живую волну страха, которая, впрочем, далеко не ушла, но обратилась звездчатой россыпью, фейерверком стрельнула в ночное небо да там до поры и замерла, на все нахально глаза.

Увлеченная невидимым Еля не ответила. Казалось, она Бата просто не слышит.

Охотник подошел к девочке вплотную и требовательно привлек к себе. Еля посмотрела на него снизу вверх мутным, пьяным взглядом.

— Что еще? — дерзко спросила она.

— Чего мы ждем? — повторил Бат.

— Мы ждем схода! — Еля вырвалась и оттолкнула Бата.

— И долго еще ждать?

Бат был готов поручиться, что если бы не мытарь-ветер, рзымавший по звуку с каждого созвучия, за спиной его послышалось бы «раш-раш-раш!».

— Долго еще ждать? — спросил Бат, обращаясь к юноше, который заворуженно смотрел туда же, куда и Еля, то есть — в никуда.

Но ответила ему Еля:

— Мы уже на нем! Смотрите! Мы уже еде-е-ем! — И Еля зашмеялась ликующим, захлебывающимся смехом, в котором много было от оргии и совсем ничего — от детских забав. — Едем!

Снег под их ступнями дрогнул. Заорчал. Заерзал. Словно бы какая-то сила нехотя его одухотворяла — так, неспешно, но неотвратимо, превращаются в экстатические волчки храмовые медиумы, когда их телами овладевают духи божественных танцоров.

Тут же снежный корж неспешно тронулся вниз по отлогому склону — набирая скорость, наращивая мощь.

— Хотите, я дам вам свою руку? — спросила Бата Еля.

— Зачем?

— Ну, вам же, наверное, страшно...

— Нет, — сквозь зубы процедил Бат.

«Да», — признался он сам себе.

— Как хотите, — загадочно улыбнулась Еля. — Когда будет страшно, вы сразу берите мою руку. А то ведь от страха, как от раны, можно тоже умереть. Вы меня слышите, дяденька Бат?

Снежный остров, отливающий аквамарином неземных морей, нескладно лавировал в мутных потоках лунного света. Он полз вниз, путаясь амебными ножками в своем шлейфе из зловещего гула и снежной пыли. Полз в самую гущу рыхлых облаков, что походили на присыпанные серой свинцовой пылью сбитые сливки. Исподволь склон горы становился все круче, сходень — все массивней.

На спине острова, будто на льдине утки, что заплутали по пути на спасительный юг, стояли золоторусая девочка, тшедушный, долголягий отрок в набедренной повязке и крепкий нестарый охотник с оплывшим, крупным лицом.

Ветер лизал кудри юноши, разбирал на сальные прядки черную, с проседью и залысинами, шевелюру охотника и, не выпуская из своих прозрачных пальцев, раскрывал веером жидкий девчонкин хвостик.

Вдруг остров притормозил, уткнувшись брюхом в гигантский скальный нарост, и вся троица повалилась на спины — впрочем, устоять на ногах не сумел бы даже канатный плясун.

Послышался высокий хохот девочки и беззлобная охотничья ругань. На миг стало тихо. Но вот снежная лава поползла дальше ухабистой своей дорогой, и снова загудело, затряслось.

Сначала Бат Иогала смотрел во все глаза. Пытался понять, объяснить или хотя бы запомнить.

Но потом пытаться перестал. И его сознание обратилось пустым сосудом, в который чувствам вольно заливать что угодно: глазам — белое мельтешение, сердцу — нездоровую свою стукотню, ушам — славные звуки лютни. Пальцам же — тающую, дразнящую кожу снежную прохладу.

Славные звуки лютни...

«Трень-трень-трень». Бат прислушался.

Приятное мужское сопрано ведет мелодию. Язык песни кажется Бату знакомым, но что это за хряскающее, звенящее согласными наречие — наверняка не сказать. Да и откуда льется эта музыка? Звуки долетают сзади. Но повернуться и посмотреть, откуда именно, у бедолаги Бата, зачарованного, замороженного превращениями снежного острова в снежного слона, а слона — в дракона, забавы ради спускающегося на зад с горы, просто нет мочи.

— Раш-раш-раш, — смеется обочь юноша.

— Здорово! — вопит Еля.

Сопрано за спиной оканчивает куплет, и два новых голоса —

басовитый и тенорок — принимаются наперебой нахваливать певца. Тут наконец Бат решается обернуться.

Что ж, на спине сходя путешествоуют не только Еля, Бат и Раш-Раш.

Позади, тоже на снегу, устроились еще четверо незнакомцев в пестрых громоздких платьях с широкими рукавами. Недобрым лиловым сиянием окружены их фигуры.

Грузный мужчина в возрасте, назойливо разодетый, с разврешенными, влажно блестящими губами, в высоком сиреновом тюбране, сидит, подобрав под себя короткие толстые ноги, на подушке с кистями. Рядом с ним в подобострастных позах — трое молодых людей придворной наружности.

Один настраивает свою лютню, уложив ее на колено.

Другой, полный, женовидный, деликатно прочищает горло — видать, снова готовится петь.

Большеглазый, с упрямым выражением этих глаз, третий, стоит на коленях позади важного толстяка в тюбране и через батистовую рубаху разминает ему плечи — хладнокровный, непроницаемый.

Все четверо ведут себя почти непринужденно и старательно не замечают оборотистого хаоса, что вокруг правит. Будто не несется грохочущая снежная река по крутому склону, не трещит примытый ее сносящим препятствия бегом приземистый уродливый лес. Если бы не ветер, что задавал хорошую трепку рукавам их одежд, и впрямь можно было бы подумать, что не несется и не трещит.

Ряженая четверка не отпускала Бата.

Евнух снова запел в лад лютне. Лицо того, что в тюбране, замаслилось — правда, не ясно, от сладостных ли созвучий или от умелых тычков массажиста, а Бат все разглядывал их чудные платья и словно бы старинные лица.

В крое одежд Бат не разбирался, но между лицами быстро прочертил зыбкие легато несомненных сходств. С одной гусиной попкисрисованы были их подбородки, вполголоса перекликались узко посаженные глаза, а носы, острые, чуть раздвоенные на конце, ни на что не походили, кроме как друг на друга.

«Видать, отец и сыновья, — догадался Бат. — Но зачем они с нами? Откуда? Ведь на вершине не было больше никого?»

Бат, привыкший примечать и по приметам проводывать самое важное, увлекся тем, который играл на лютне.

Быстры, искусны сновали пальцы музыканта. Но глаза его не

смотрели на струны. Они вообще никуда не смотрели, незрячие, лишние.

«Певец — евнух. Лютнист — слепой. А третий сын — что?»

Сопрано дотянуло куплет и смолкло. Выплюнул что-то поощрительное толстяк в тюбране. Лютя опустилась на гулко дрожащий снег. И только упрямец с непроницаемым лицом разминал батюшкину жирную спину, не изменив даже ритма.

«Третий — глухой», — прошептал Бат.

И тут стало ему тошно и холодно, как никогда, ни разу не бывало в его жизни прежде. Даже когда по осени тонул он в жидкой, хваткой, утробно чавкающей трясине, ступив по недосмотру с тропы, было ему веселей.

Ибо в музицирующей четверице признал он баснословного ирверского тирана Бата Иогалу и его злосчастных сыновей. Тех самых, чьи тела, высушенные веками и, кстати, мастерами балзамического дела, цветом походящие на старую карамель, а запахом — на аптеку, заточены в знаменитом мавзолее, со стен которого смотрят на мир тысячи пустых глазниц; выбеленные временем человеческие черепа ведь тоже умеют смотреть...

Бат знал: уроды стекаются к тому мавзолею со всего света, чтобы там от зари до зари выпрашивать себе исцеление и платить втридорога за каждый хлебец. Но мавзоль — он далеко. А эти четверо — тут. И все как будто живые... Но что значит «как будто»?

Дрожа всем телом, Бат отвернулся.

Рядом с ним размахивала руками и во все горло радостно визжала Еля. Скалился, расшвыривая лепкий, желтушный лунный снег тихоня Раш-Раш. Парочка была окрылена, взбудоражена безумной ездой — для них, не исключено, не только безумной, но и привычной. И, уж конечно, до поглощенных музыкой призраков не было им, беспечальным, никакого дела.

— Дай мне свою руку, Елюшка, — ноющим, покорным голосом попросил Бат и шепотом добавил: — Прощу тебя.

А потом был скальный карниз, открывающийся в темнооую бездну, — с него-то и сверзился гигантский белый слизень на всем ходу, — было и кувыркание в воздухе, и льдистая пыль, от которой не продохнуть. Не отпуская руки охотника, отрывисто хохотала Еля, спиной летящая в пушистую пропасть. Угловато размахивал руками-крыльями, а когда наскучивало — совершал акробатические перевороты оказавшийся в воздухе ловким, словно кот, Раш-Раш. Вразнобой голосили сыновья ирверского ти-

рана. У самых глаз Бата пронеслась ношенная меховая рукавица — неужели та, которую подарил он песняру?..

Бат Иогала с усилием закрыл глаза — сосуд его души был полон выше края, не пошла бы трещина...

Проснулся Бат Иогала поздно. Снаружи оглушительно чирикали птицы — так громко бывает только в марте.

Кряхтя и почесываясь, он встал с соломенной лежанки, ухнул, потянулся.

Что было потом — после того, как падение в воздушную бездну окончилось безболезненным приземлением в-непонятно-куда и он перестал орать, — Бат помнил смутно.

Кажется, они отправились спать на соломенное ложе.

Залегли «валетом»; то есть как ложились, Бат совершенно не помнил, память сохранила лишь одну картину: они уже лежат. Он — головой на север, Раш-Раш и Еля, обнявшая белую сутулую спину Раш-Раша, — головами на юг. Помнил он еще, как Еля все никак не желала уgomониться: шумливо шекотала Раш-Раша, егoзила, толкала его, Бата, под ребра своей маленькой ножкой в ворсистом шерстяном чулке, а он, для порядку сердито, прикрикивал на безобразников, хотя пару раз и сам, кажется, не выдержал, сорвался в неумный гогот, словно одержимый смешливым духом. Впрочем, за последнее Бат не мог поручиться...

Хоть и спал он долго, но той ядерной первородной бодрости, что необходима охотнику по утрам, не чувствовал.

«Старею, маттьев».

Он прошелся по пещере взад-вперед, просто так, без всякой цели. Пнул пустой котелок.

Ни Раш-Раша, ни Ели в пещере больше не было. Но куда они подевались, Бат себя не спрашивал.

Пожалуй, ответа на этот вопрос он знать и вовсе не хотел. Как не хотел знать наверное, а правда ли, что призраки те были Батом Иогалой и его сыновьями.

Взгляд охотника упал на пригорюнившуюся бутылку из-под масла, теперь пустую, и тотчас ему мучительно, невероятно захотелось снова оказаться рядом с Елей и Раш-Рашем. В объятиях чудной ночи, где все так зыбко и страшно, но где с души словно бы сходит короста, высвобождая живое, главное. Бат даже поймал себя на мысли, что его, как зверя, подманить теперь можно запросто на Елин благодетственный хохот да на «раш-раш-раш», как дикую рысь — на поддельный мышиный писк.

«Может, если подождать до темноты, они снова появятся? И все будет как вчера? Или что-нибудь новое, странное будет?» Но эту мысль Бат тоже прогнал. Ненужная она была, больная.

Бат выполз из пещеры в солнечный, звенящий каплями день и вдохнул полной грудью.

Тут, пред ликом высокого горного солнца, мысли его понемногу приобрели обычную плавность.

«Да чего это я в самом деле? Не было никакой горы, никакого сходня не было. Просто легли мы спать, вот мне вся ерундовина эта с призраками и приснилась».

Он зачерпнул горсть снега, поднес к губам и жадно лизнул. Холодная влага его освежила. Преодолев лень, он растер снегом лицо и грудь.

«А может, и Ели с Раш-Рашем вовсе не было. Может, они мне тоже примерещились. А что — бывает всякое!»

Звучало это если и не правдоподобно, то по крайней мере успокоительно.

«Вот сейчас позавтракаю — и вниз. Не то наши меня в покойники запишут. Решат, что под сходнем пропал, — подумал Бат, но тут же себя поправил: — Хоть и не было никакого сходня».

С такой правдой жить было легче. Бат уже почти уверовал в то, что видел причудливый страшный сон, когда обнаружилось, что короткого ножа Куи в пещере больше нет — так же, как и шегольских его с эмальями ножен.

«На Елином месте я выбрал бы Чамбалу», — усмехнулся Бат, впервые в жизни prosporивший дорогу вещь.

Завтракать он вскоре передумал — без Ели и Раш-Раша пещера казалась тоскливой мокрой дырой. Да и надпись глядела со стены форменным чернокнижным закланием, буквы которого сейчас потекут человеческой кровью.

Когда Бат начал собирать вещи, птенцы серохвостки отчаянно запишали, как видно, от голода.

Смутно вспомнилось Бату, что перед тем, как забраться в солому, сердобольная Еля пыталась накормить несчастных сухой олениной из Батовых запасов. Но сиротки, конечно, съесть ее не сумели. Им бы чего помягче, посвежей. Еля даже размачивала оленину в холодной воде, но потом бросила этот напрасный труд.

Что ж, два птенца к утру окоchuрились.

Они лежали на краю гнезда, свесив дряблые шеи с пупырчатыми лысыми головами, — так на верхней кромке балаганной

ширмы отдыхают тряпичные куклы, из которых артист вынул всемогущие свои пятерни.

Двое их братьев, все еще живые, не обращали на морщинистые трупики своего птичьего внимания. Напирая на них грудью, они тянулись к Бату и выпрашивали, умоляли.

Тут на Бата нахлынула какая-то невероятная, неохотничья совсем жалость. Словно бы весь страх и весь трепет вчерашней ночи в эту жалость утекли.

Он присел над гнездом, аккуратно вынул оттуда мертвеньких и, уложив на камень почище, разделал тела Чамбалой на множество мелких кусков. И тотчас бережно скормил шматки нежного розового мяса сиротам.

Птенцы жадно, отрывисто глотали, нисколько не смущаясь происхождением завтрака, или скорее об этом происхождении не подозревая. А когда наелись, сразу уснули.

Доброе дело было сделано, и Бат уже собрался уходить.

Но снова передумал.

Он уложил гнездо вместе со спящими птенцами в свою переметную суму — в тот карман, где без мошны с зерном и бутылки с целебным маслом стало свободно.

Конечно, символичней было бы взять птиц за пазуху. И какой-нибудь сентиментальный барчук в шелковых подштанниках и рубаше с кружевными рюшами так и сделал бы. Но Бат знал: когда дурачки выйдут из сытого обморока и начнут с перепугу в валкой темноте возиться, их молодые, но уже достаточно твердые клювы непременно порвут ему грудь до самой кости.

В пяти шагах от пещеры, на небольшом пятачке, отгороженном от бездны зубьями белых валунов, девственный ночной снег был примят и изрядно затоптан, будто утолка там случилась — не то между людьми, не то между людьми и зверьем.

Затаив дыхание, Бат присел на краю поляны и прищурился.

«Так-так-так... Кто тут у нас порезвился? Ага. Нога детская. В сапожке. Да это же Еля! А это чьи растопырены пальцы? Раш-Раша, точно его. А это чьи следы? Батюшки, неужто барс! Да крупный какой! Откуда взялся? И что он тут только делает? Все верно, барс, отпечаток ясный, не хуже вчерашних. Тот же барс, тот же самый! А тут он что, на спине валялся? Блох гонял? — Бат осторожно поднял клочок нежной голубоватой шерсти. — А тут? Господа хорошие, а куда Раш-Раш-то подевался? А Еля куда?»

На последнюю головоломку Бат немало потратил времени.

Хотя ее решение вырисовывалось еще на той поляне, ведь все следы на него недвусмысленно указывали. Собственно, время ушло именно на то, чтобы это решение признать, принять его.

«Это что же получается? Что Раш-Раш и был этим барсом? И рана его, может, той раной была, что товарищи мои ему подарили? И что Еля на нем разъезжает, как на коне? А след такой тяжелый у барса делается оттого, что Елю он на себе везет? А чего разъезжает-то? Хозяйка она ему, что ли? Или просто подружка? Да... Дела-дела...»

Спускаясь вниз по снежной целине склона, Бат обкатывал в уме свои следопытные выводы. Но как он ими ни крутил, оставались они теми же.

«А ведь мог бы и сразу догадаться, что Раш-Раш этот — не человек. Уж больно глупенький».

Вот уже показалась Птичья долина, что служила словно бы приглашением в другую, дальнюю, с шелковым именем «Шафранная», где дворец, зверинец, баня и мягкие перины.

При виде розовой дымки над Шафранной долиной встала у Бата перед глазами молодая княжна — такая же плавная, дымчато-розовая.

Небось взглянет на него так капризно и, задумчиво прижав палец к виску, молвит с жеманным трагизмом, на столичный манер: «Как же это, любезный Бат, выходит, снова с барсом ничего не получилось? А ведь я так на вас рассчитывала, так рассчитывала...»

Может, от щедрот душевных велит отсчитать ему пять тертых монет — за участие в охоте. А может, и не велит...

Но неохотно думалось Бату Иогале о княжне и ее деньгах. В конце концов, Еля и Раш-Раш стоили всей казны Ее Светлости. И императорской тоже.

«Видать, далеко уже ушли, может, что и к самому водопаду», — с нежностью подумал Бат Иогала.

Русоволосая девочка и дюжий голубой кот следили за удаляющейся фигурой с вершины горы Поцелуйной и на свой манер озорно переглядывались. Время от времени Раш-Раш оборачивался, изгибал шею, струной вытягивал пушистый хвост и, выпростав шершавый язык, тщательно вылизывал свой правый бок, покрытый гладкой, с серым отливом шерстью. А Еля лепила снежки, швыряла их вниз.

И были они красивее снега, легче пуха, серебристей серебра.

РОМАН АФАНАСЬЕВ

Знак чудовища

1

Когда лес раздался в стороны, открывая вырубку и первые деревенские дворы, Сигмон с облегчением вздохнул. Он уже предвкушал, как завалится на печь и зароется с головой в подушку. Готов был даже довольствоваться охапкой соломы — лишь бы сверху не капал дождь и от земли не тянуло холодом.

Под неумолчный гомон деревенской живности и восторженные крики детворы курьер поехал по широкой улице, тянувшейся через всю деревню. Она вывела его на деревенскую площадь с колодезем. У сруба стояли трое крепких бородатых мужиков и откровенно разглядывали гостя. Пялились во все глаза, если говорить без обиняков. Сигмон направил коня к ним, полагая, что почетного караула с фанфарами ждать не стоит.

Навстречу шагнул кражистый мужик лет сорока. Был он невысок, не так широк в плечах, как остальные, но зато упитан и одет лучше земляков. Да и вид имел солидный: подбородок чисто выбрит по городской моде, а шикарные сивые усы завиваются кольцами едва ли не до ушей.

— Здрав будь, господин военный, — сказал усач. — Я староста деревни, звать Поттон. По делу к нам в Холмовицы или проездом?

— Проездом, — отозвался Сигмон и спрыгнул в бурую пыль. — Найдется где переночевать?

— Отчего ж не найтись, — сказал староста, шурясь на мундир гостя. — А кто вы сами будете, куда следуете?

— Сигмон Ла Тойя, курьер второго пехотного вентского пол-

ка, следуя в Пасам с поручением, — отчеканил Сигмон, не упустив случая подчеркнуть, что находится на службе.

Староста моргнул и почесал нос. Мужики за его спиной зашептались: служивым людям было предписано оказывать всяческое содействие, о том помнили все.

— Мне бы переночевать и дорогу узнать, — добавил Сигмон, понимая, что деревенские опасаются за своих коней. Гонец на службе вправе потребовать любого, какого захочет.

— Заходите ко мне, господин военный, — сказал Поттон, довольно разглаживая усы. — Пройдемте в дом. Как раз Мариша на стол собирает.

2

Угощение пришлось как нельзя кстати. Стол был накрыт богато, словно здесь ждали гостей. Жареная курица с румяной корочкой и густой подливой, посыпанная от души зеленью, занимала почетное место в центре стола. Впрочем, и другой снеди хватало.

— Хорошо живете, — бросил Сигмон старосте.

— Не бедствуем, — согласился тот и предложил садиться за стол.

Его жена, длинная и тощая как жердь женщина, едва успевала подавать тарелки со снедью. Ей помогала дочка — симпатичная девица на выданье, с пшеничными косами и озорными синими глазами, поглядывавшая в сторону Сигмона. Один из таких взглядов перехватил староста, нахмурился и велел оставить их с гостем наедине. Женщины ушли из горницы, но Сигмон успел поймать еще один взгляд синих глаз.

— Ну, стало быть, — сказал староста, — в Пасам путь держите?

— Точно так. Решил срезать дорогу, да, похоже, заплутал.

— Отчего ж, — буркнул Поттон. — Верно все. Отсюда на юг три дня конному, потом свернуть у Сивого луга на запад, а там рукой подать до Пасама.

— Отрадно слышать. Этой дороги я не знаю, пришлось положиться на совет. Но на дороге было пусто.

— Бывает. Сейчас у нас работы много, в город редко кто ходит. Вот через седмицу, пожалуй, народу на дороге прибавится.

Сигмон опустил глаза и уставился в кружку с пивом. Староста все бормотал, рассказывая про загадочный Сивой луг, но курьеру не было до этого никакого дела. Все, что было нужно, он уже уз-

нал и теперь вспоминал голубые глаза и пшеничные косы дочки Поттона. Погружаться в обсуждение дел деревенских он не хотел — даже из вежливости. Но, заметив, что староста дожидается ответа, кивнул.

— Спасибо за угощение, — сказал курьер. — Давно так вкусно не ел.

— А на здоровьице, господин военный. Вы, ежели не ослышался, из Вента?

— Точно так.

— Значится, про нас вряд ли слышали. Про деревню-то, про Холмовицы?

— Не слышал. А что?

— Да писали мы в Меран, господину Страмону, городскому главе. А ответа нет. Жаль, что вы не из Мерана. А то, может, слышали про наше письмо?

— Не слышал. А что случилось? — спросил курьер.

— Донимает нас, понимаешь, колдун. Живет тут недалеко, под боком, почитай, да насылает на деревню тварей. Сначала скотину изводил, потом, слышь, и до мужиков добрался.

— Ага, — глубокомысленно заметил курьер. Он понял, что ему придется выслушать одну из деревенских баек, сильно разбавленную жалобами на тяжелое житье-бытье. Впрочем, вечер только начинался, пива и закуси еще в достатке. Почему бы нет?

— Он пришел лет десять назад с севера. — Поттон хлебнул пива и намочил в пене левый ус. — Маг то бишь.

— Как же маг, — удивился Сигмон. — Колдун?

— Тогда, стало быть, маг это был. Самый настоящий, по всему виду, из коллегии магов. Из Мерана, а то даже из Вента.

— Так все же маг или колдун?

— Вы, господин военный, уразумейте: пока он служит королю и людям — он маг. А как пакостить начинает, то сразу колдун.

— Ага, — только и сказал Сигмон.

— Пришел, значит, с севера. И сразу ушел за лес, к холмам. Дом построил. Магией, стало быть. Много лет не было от него вестей. Он к нам не лез, мы к нему. Но полгода назад — началось.

— Что началось? — переспросил Сигмон, заметив, что староста крепко задумался.

— Неприятности, — веско уронил староста и наполнил кружку пивом.

Сигмон поступил так же.

— Неприятности начались полгода назад, — повторил староста, словно припоминая, что именно случилось. — Задрали на смерть корову старой Мерены. Потом курей передавили, лошадь у меня задрали. И главное — следов никаких.

— Может, медведь? — предположил Сигмон.

— Какое там. Медведей тут нет. Да и следы от медведя — слепой заметит.

— И все же...

— Когда пятую корову задрали, наши мужики взбеленились. Особо кумовья Тимор и Панаш — их это корова была. Ну и устроили засаду, стало быть. В лесу козу на ночь оставили, вроде заблудилась, а сами за ней следить. Все честь по чести. Думали, что волчара умный объявился. Бывает такое.

— И как, поймали?

— Нашли мы их утром. Подранных в клочья. Тимор к вечеру умер, а Панаша откачали. Он-то про нечисть и рассказал. Вроде как ночью напала на них тень, обличьем на человека похожая, но с когтями. И так быстро бегала, что и не рассмотрели они ее толком. Не успели. Одно слово — нечисть.

— А что колдун?

Староста хмыкнул, хлебнул пива и уцепил с блюда кругляш кровяной колбасы.

— Мы сразу смекнули, что нечисть от колдуна. Тут до него отродясь такого не видели. Собрались мы кучей и двинули к нему в гости.

— И что? — заинтересованно спросил Сигмон, предвкушая, как поведает эту историю Трегору, охочему до бак.

— Поссорились мы. Напустился он на нас как цепной брехун. Он, вишь, жизнь положил на борьбу с нечистью, не нам его винить. Стало быть, знать ничего не знает. Ну, поругались мы маленько и разошлись.

— И все?

— Какое там. Нечисть за людей принялась. За последний месяц двоих прикончила. Теперь не дерет — кровь пьет. Ходили мы еще раз к колдуну, грозились, а он нас в ответ огнем пугнул. Вот мы в город и отписали. Только ответа все нет, хотя, почитай, две седмицы прошло. Я как вас, господин военный, увидел, подумал, что вы по нашему делу.

Поттон замолчал. Сигмону вспомнились голубые глаза дочки

старосты, и он крепко задумался, пытаясь припомнить, что там Трегор рассказывал о сеновалах.

— Так, стало быть, помогите нам? — спросил староста, подливая пиво в кружку гостя.

— Что?

— Я говорю, сходите к колдуну завтра? Потолкуете с ним? Нас-то он теперь и близко к дому не подпускает.

— И о чем с ним толковать? — спросил Сигмон, отодвигая наполненную кружку.

— Ну, спросите про нечисть-то. Может, испугается колдун, притихнет. Вы — человек военный, на службе. Ему, чай, такой интерес не с руки. А наша весточка тем временем дойдет до кого надо.

— Не знаю, не знаю, — протянул Сигмон, не решаясь напрямую отказать старосте.

Связываться с колдуном ему не хотелось. Расследовать такие случаи — дело коллегии магов, а не военных курьеров. Тут мечом делу не поможешь, будь ты хоть первым клинком королевства. С другой стороны, приняли его в деревне хорошо, по всем правилам. Отказать хозяевам в просьбе — обидеть. Тем более что она на первый взгляд пустяковая. Просто сходить к магу, поговорить с ним. Но дело в том, что не маг то — колдун.

— Просто поговорите с ним, господин Сигмон, — не отставал староста. — Не обидит он вас, заботится военных.

— Обидит! — выдохнул курьер и расправил плечи, показывая, что плевал он на всех колдунов королевства. Разом.

— Я ж говорю, что заботится, — подхватил Поттон.

— Не в этом дело, любезный староста, — отозвался Сигмон, жалея, что к двадцати годам так и не обзавелся усами, которые можно лихо подкрутить. — Я на службе. Тороплюсь с пакетом в Пасам и задерживаться в пути мне непозволительно.

— А вы и не задержитесь, господин военный. Тут до Пасама рукой подать. Вы же сначала через Мибер хотели ехать? А потом к нам свернули? Все верно. На два дня раньше доберетесь. Я вам картейку начерчу, не ошибетесь.

— Ну, не знаю. — Сигмон покачал головой, начиная жалеть, что свернул к деревне. — Далеко ли до колдуна?

— Да туточки он, рядышком. Верхом до его дома быстро обернетесь. Туда и обратно — к обеду управитесь.

— К обеду? — переспросил курьер, все еще не решаясь отказать.

— Как есть к обеду. — Староста тяжело поднялся из-за стола, опираясь на гладко выструганную столешницу обеими руками. — Вот что. Давайте-ка переночуйте у меня, господин военный. Вон уж и солнышко село. А утром, на свежую голову, и поговорим о деле.

— Идет, — быстро согласился Сигмон, рассчитывая, что за ночь придумает, как вежливо отказать старосте.

— Ночевать где будете? Могу здесь, в горнице прямо, постелить, у печи.

— Я буду спать рядом с моим конем, — заявил Сигмон, припоминая рассказы Трегора о деревенских сеновалах. — Где он?

— А в сарае, там и моя сивка стоит. Сразу видно настоящего военного — от боевого товарища ни на шаг.

Курьер поднялся из-за стола, стараясь сохранить гордую осанку. Слова старосты ему понравились. Он, в общем-то, имел в виду вовсе не это, но и так хорошо получилось.

— Куда идти? — спросил Сигмон и чуть покачнулся. Во всем теле ощущалась приятная тяжесть, голова немного кружилась. Пиво оказалось добрым — мягким и крепким.

— За дверью сразу налево, там конюшня. И вот еще что. Ежели соберетесь на двор, господин военный, так лучше идите на огород и за овин. Там всего сподручней.

Сигмон кивнул и направился к двери, чувствуя, что за овин ему надо прямо сейчас.

3

Все оказалось именно так, как он себе представлял. Большой сарай, переделанный под конюшню, тихое посапывание лошадей, колкое сухое сено... И томительное ожидание. Сигмон ждал, надеялся, и все же, когда скрипнула дверь сарая, не сразу поверил в то, что это все происходит на самом деле.

Он заворочался, разбрасывая сухое сено, и сел. Она подошла ближе. Светлые волосы были распущены и струились по плечам как мягчайший шелк. Курьер приподнялся, чувствуя, как сердце выдало барабанную дробь — дочь старосты все-таки пришла. Сама. К нему. В распахнутую дверь ярко светила луна, заливая сарай молочным светом, и силуэт девушки казался вырезанным из черной бумаги. Прекрасный силуэт, такой близкий и желанный...

— Сигмон, — шепнула она, опускаясь на сено.

Курьер потянулся к ней, обнял, жадно прижал к себе крепкое тело, желая слиться с ним в одно целое, чтобы не упустить ни единого мгновения наслаждения. Голова девушки запрокинулась, луна высветила ее профиль, сделав его белоснежным, как у мраморного изваяния. Она прикрыла глаза и потянулась губами к лицу курьера — робко, словно не надеясь на ответ. Сигмон не выдержал и впился в ее уста, прижимая к себе податливое тело, мягкое и теплое, словно пуховая перина. Девушка вздрогнула, обхватила руками его плечи и мягко, но настойчиво потянула на себя...

Она оказалась совсем не такой, как те городские девицы, с которыми Сигмон весело проводил время. Ее тело оказалось крестьянски крепким, плотным и в то же время податливым. Она таяла в его руках, вся, без остатка, отдаваясь ласкам гостя. Никаких затей, все просто и естественно, по-доброму провинциально, так, как оно и должно быть. И так было.

Позже, много позже, когда они лежали на сене, пахнущем луговыми травами, и слушали тихое сопение лошадей, Сигмон вдруг сообразил, что не знает, как ее зовут. Ему сделалось страшно неловко. Он пошевелился, и девушка подняла голову. Сигмон протянул руку и вытащил длинную соломинку из распущенных пшеничных волос.

— Какой ты сильный, — прошептала она и провела ладонью по вспотевшей груди курьера. — И храбрый.

— Тут храбрости не надо, — отозвался Сигмон и смущенно кашлянул.

— Отец сказал, что ты поедешь завтра к колдуну. Никто из наших не пошел, все боятся. Ты храбрый.

— Я... — Сигмон замялся и снова кашлянул. — Да. Поеду.

— Сигмон, — прошептала она, обнимая его широкие плечи. — Сигмон....

Курьер навалился на нее, обнимая мягкое тело. Оно пахло травой и молоком, и этот запах сводил его с ума. Зарывшись лицом в ее волосы, он вдруг подумал — почему бы нет?

— Как, — прошептал он, — как тебя зовут?

— Иша. Можно просто Ишка.

— Ишка.

— Сигмон...

Их губы встретились, и курьер тут же позабыл и о колдуне и о

своим обещанием. Для него не существовало ничего, кроме крепкого девичьего тела, пахнущего травой и парным молоком...

Проснулся он с первыми лучами солнца. Довольно потянувшись, курьер поднял голову. Рядом никого не было, и только разворошенное сено напоминало о том, что ночью гостя дома посещала прекрасная хозяйка. Сигмон приподнялся, осмотрелся и с довольным стоном повалился обратно. Деревня, крестьяночка с голубыми глазами, сеновал... Определенно, в жизни курьера есть свои прелести.

Сигмон потянулся, сладко зевнул. День начинался отменно.

— Эгей! — донеслось снаружи. — Господин военный!

Сигмон вскочил, подхватил штаны и запрыгал на одной ноге, пытаясь втиснуть другую в тесную штанину. Голос принадлежал старосте, отцу Ишки, и курьеру не хотелось, чтобы его прихватили в сарае со спущенными портками. О том, как крестьяне потчевали дреколем незадачливых любовников, он тоже слышал.

— Господин военный!

— Иду, — крикнул Сигмон, натягивая камзол. — Иду!

Староста ждал снаружи. Когда гость вывалился из сарая, — растрепанный, с соломинками в волосах, — Поттон только ухмыльнулся. Но курьер, озабоченный тем, как сохранить солидный вид, этого не заметил. Пригладив волосы, он откашлялся. Потом поправил пояс, перевязь с кавалерийской саблей, одернул камзол и решил, что выглядит вполне прилично.

— Как спалось? — спросил староста.

— Благодарю, отменно, — вежливо ответил Сигмон.

— Прошу к столу. Позавтракайте с нами перед дорожкой.

— Конечно. Но не рано ли еще?

— В самый раз. Народ уже на работу потянулся. Откушайте с нами, а потом можно и к колдуну ехать.

— К колдуну? — переспросил курьер.

— А то как же. Помните наш вчерашний разговор?

— Помню, — кивнул курьер, хотя совершенно забыл о просьбе Поттона.

Ехать не хотелось. Настроение сразу испортилось, Сигмону отчаянно захотелось вскочить на Урагана и дать деру. Ведь он не обещал поехать! Только подумать над предложением и обсудить его с утра на свежую голову.

Староста молчал, выжидающе смотрел на гостя и ждал ответа.

Усы Поттона воинственно топорщились, а на лбу явственно проступили морщины. Отступать он не собирался.

Сигмону же вспомнился жаркий шепот Ишки — как она звала его по имени, называла храбрым и сильным. Вот ей он обещал, что поедет. И если сейчас откажется от своих слов... Курьер поморщился. Нет. Это не дело. Воины второго пехотного полка не отступают. Солдату трусить нельзя, и тем более позориться перед дамой. А хоть бы и крестьянкой. Что она запомнит? Сладкую ночь? Вовсе нет, она запомнит утреннее бегство кавалера. Никак невозможно.

Сигмон расправил плечи, набрал полную грудь воздуха и снова пожалел о том, что у него нет усов.

— Разумеется, — выдохнул он. — Сначала завтрак — потом поездка. На голодный желудок с колдунами разговаривать несподручно.

— Само собой, — подхватил Поттон и снова ухмыльнулся в усы. — Прошу, господин военный, за мной. Завтрак ждет.

4

Дорога к дому колдуна шла мимо полей, потом сворачивала в лес и превращалась в нехоженую тропу. Ураган шел ходко, и вскоре Сигмон увидел невысокий забор из камней, уходящий в заросли орешника, и большие кованые ворота, оплетенные вьюнком. За воротами виднелся сад, заросший сорной травой, а дальше — стена дома, скрытого кронами диких яблонь. Курьер тяжело вздохнул и спешился. Пора было исполнять обещание.

Ворота оказались заперты, а на его окрик никто не отозвался. Урагана пришлось оставить у входа. Убедившись, что жеребец крепко привязан к решетке ворот, курьер перелез через забор и направился к дому.

Он оказался довольно большим — два этажа, высокая остроконечная крыша и просторное крыльцо говорили о том, что на его строительство было потрачено много сил. Вот только выглядел он не лучше сада. Серые камни стен заросли по низу мхом и потемнели от воды. Окна, узкие и высокие, были забраны разноцветной мозаикой. Но она давно выгорела на солнце и покрылась грязью. По стенам висел дикий зеленый плющ, каменные ступеньки крыльца начали крошиться, а дорожка, ведущая к ним, заросла травой.

Ему вдруг захотелось развернуться и убраться подальше от этого заброшенного дома. Сказать старосте, что тут давно никто не живет, отправиться в Пасам и навсегда забыть об этой истории. Он даже остановился и взглянул на солнце, прикидывая, успеет вернуться к обеду или нет.

В этот момент деревянные створки дверей распахнулись, и на крыльцо из темного проема шагнул человек. Сигмон подался назад, положил руку на рукоять сабли и замер.

На крыльце стоял маг, в этом сомнений не было, никем иным хозяин дома и не мог быть. Правда, он больше походил на булочника: невысокий плотный старик с намечающимся брюшком. Но его глаза — темные, почти черные — смотрели так, словно готовились пронзить собеседника. Так выглядят глаза магов. Сигмон почувствовал себя неуютно и замялся, не зная, что сказать. Пауза затянулась до неприличия, и тогда хозяин первым нарушил молчание.

— Здравствуй, гость, — сказал он. — Что привело тебя ко мне?

— Здравствуй, маг. Я здесь проездом, но у меня есть к тебе разговор.

— Разговор? — Маг вскинул густые брови. — Ну что ж, в таком случае — проходи. Не часто ко мне заходят в гости с разговорами.

Отступив в сторону, маг поманил гостя рукой. Сигмон, на секунду замешкавшись, поднялся по крошащимся каменным ступеням и встал рядом с хозяином дома.

— Заходи, — пригласил тот, указывая на темный проем. — Позавтракаем. За столом разговаривается лучше всего.

От мага разлило потом, луком и грязным бельем. Похоже, он не следил за собой, а позаботиться о нем было некому. Курьер нерешительно глянул на темный проем — из него несло холодом и плесенью, как из склепа, — и подумал, что в другое время он бы и близко не подошел к этому дому.

Маг, видя замешательство гостя, пожал плечами и шагнул в темноту.

— Если хочешь поговорить со мной, — тихо произнес он, — иди следом.

И он пошел вперед, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, идет за ним гость или нет. Сигмон сжал зубы и переступил порог, клянясь себе, что больше никогда не попадется в ловушку голубых глаз. Никогда и никому он не будет ничего обещать ночью, в постели. Никогда.

Маг привел его в большую комнату с высоким потолком. В центре расположился длинный дощатый стол, на котором стояли большие бронзовые подсвечники, и курьер догадался, что это столовая. Она была под стать дому: в углу зияла черная пасть потухшего камина, узкие окна занавешены тяжелыми лиловыми шторами — старыми, проеденными молью в десятке мест. Осмотревшись, курьер заметил, что на полу кое-где лежит мусор, углы затянуты паутиной, а деревянные шкафчики, расставленные вдоль стен, тронуты плесенью. Он подумал, что дом очень похож на своего хозяина — такой же грязный и запущенный. Похоже, магу все равно, как он выглядит и где живет. Наверняка проводит все свое время в библиотеке, роясь в пыльных фолиантах и составляя новые заклинания.

— Садись, — сказал маг, указывая на стул с высокой спинкой, стоявший во главе стола. — Будь моим гостем.

Сигмон послушно уселся на стул. Тот жалобно скрипнул, и курьер замер, опасаясь, что древняя деревяшка рассыплется в прах. Маг достал из шкафчика бутылку вина, два старых серебряных кубка, глиняную тарелку с хлебом и чуть подсохшей ветчиной. Все это он поставил на стол перед Сигмоном, а сам сел рядом.

— Здравствуй, гость, — сказал он, откупоривая бутылку. — Меня зовут Фаомар. Я маг из Вибера, удалившийся на покой. Кто ты такой и какое дело привело тебя ко мне?

— Меня зовут Сигмон Ла Тойя, я курьер второго вентского пехотного полка. Следую в Пасам с поручением.

Представившись, как того требовали правила вежливости, Сигмон замолчал. Не хотелось ему вот так сразу, в лоб, в самом начале разговора, бросать обвинения в колдовстве.

— Служба, значит, — проговорил маг, аккуратно разливая вино по кубкам. — Ну что ж, выпьем за второй пехотный полк. — Итак, — сказал он, когда кубки опустели, — какой разговор у тебя ко мне, Сигмон Ла Тойя?

— Речь о деревне, о Холмовицах.

— Вот как? — нахмурился маг.

— Да. Крестьяне жалуются, что в последнее время вокруг деревни пошаливает нечисть.

— И, конечно, обвиняют в этом меня? Дескать, балуюсь колдовством?

— А это не так? — резко спросил Сигмон.

Маг поставил кубок на стол, поднял взгляд на курьера, и его борода воинственно встопорщилась. Он пожевал губами, причмокнул, но так ничего и не сказал. Сигмону показалось, что маг собирался ответить грубостью, но все же сдержался.

— Деревенским мужланам часто мерещится всякая дурь, — произнес наконец Фаомар. — Я этим не занимаюсь. Не мой стиль.

— А как же трупы? Староста говорил, что нечисть убивает крестьян, а это уже не шутки.

— Ты трупы видел? — перебил маг. — Померли двое мужиков, занедужила корова, скисло молоко, девушку обрюхатили... И виновата, разумеется, в этом нечисть, а не пьянство, лень и деревенские лоботрясы.

— Они обычные крестьяне, — вступился за холовицких Сигмон. — Не пьяницы и не бездельники. Трудолюбивые и работающие, самые обычные мужики.

— Вот именно, — холодно заметил Фаомар. — Обычные деревенские темные мужики. И мне странно, что вы, господин курьер, принимаете их домыслы за чистую монету. К тому же, как мне кажется, не ваше это дело, нечисть по деревням искать. Так?

— Так, — бросил Сигмон сквозь зубы, уязвленный справедливым замечанием. — Но по прибытии в Вент я доложу о том, что здесь творится. В городскую коллегия магов.

Фаомар удивленно вскинул брови и вдруг расхохотался. Курьер ожидал, что он разозлится, и даже готовился в случае нужды обнажить клинок. Но смех...

— Милости прошу, — сказал маг, отсмеявшись. — Докладывайте, господин Ла Тойя. Прекрасная выйдет шутка. Уверен, вы доставите моим коллегам пару веселых минут.

— И все же, — сказал Сигмон, чувствуя, как у него начинают гореть уши. — Раз вы не причастны к этим событиям, то почему бы вам не разобраться, что происходит в деревне? Вы же маг. Вам это будет легко, не так ли?

— Я ушел на покой, — тихо ответил Фаомар. — Мне нет дела до деревни, Вента и всего королевства в целом. Мне нужен только покой. И даже тут, в этой глуши, я не могу его найти.

— Ничего странного, — заметил курьер. — Здесь не такая уж глушь.

Фаомар косо глянул на гостя, но ничего не сказал. Взял кубок и отхлебнул вина. Сигмон последовал его примеру, надеясь, что удовольствие от гернийского смягчит горечь разговора.

Скрип половиц застал курьера врасплох. От неожиданности он дернулся, пролил вино и откинулся, нашаривая рукоять сабли... И замер.

В дверях стояла женщина — уже не молодая, но еще сохранившая зрелую женскую красоту. Бледность ее лица, которое ничуть не портили высокие скулы, подчеркивали пышные черные волосы, аккуратно завитые по моде десятилетней давности. Ее большие темные глаза были чуть прикрыты, словно дама из вежливости не решалась смотреть прямо на гостя. Длинное платье, явно сшитое хорошим портным, хоть и вышло из моды, но смотрелось замечательно — подчеркивало все достоинства ее фигуры.

— Фимель, — тихо сказал маг и взглянул на Сигмона. — Моя жена.

Сигмон неловко поднялся, едва не опрокинув стул, и поклонился. Он никак не ожидал встретить тут женщину и был поражен. Казалось, ни дом, ни его хозяин давно не видели женской заботы. Но ему пришлось удивиться еще больше, когда из-за спины Фимель показалась черноволосая девушка лет восемнадцати. На щеках играл румянец, черные волосы ниспадали шелковистым водопадом на плечи, высокую грудь... Девушка смотрелась намного лучше, выглядела живее, да и платье у нее было намного откровенней.

— Это Лаури, моя дочь, — сказал маг, и Сигмон, онемевший от изумления, снова поклонился.

Лаури напоминала мать, казалась ее молодой копией. Те же черты лица, та же линия плеч. Вот только темно-карие, почти черные глаза, рассматривающие курьера, похоже, достались ей от отца.

— Лаури, Фимель, — сказал маг. — У меня гость. Поднимитесь наверх.

Мать и дочь послушно развернулись и вышли из комнаты, не сказав ни слова. Сигмон перевел дух, сел на стул, нашарил кубок с вином и сделал большой глоток.

— Ну что ж, господин курьер, — сказал маг. — Думаю, вы сказали все, что хотели, и готовы продолжить свой путь.

— Да. Безусловно, — отозвался Сигмон и одним глотком допил вино.

Намек мага он понял сразу и даже обрадовался ему. Сигмону не терпелось побыстрее покинуть это странное место, он был по

горло сыт и магом и его домом. Поэтому, поставив кубок, он сразу встал, отвесил хозяину поклон и вышел в коридор.

Здесь он на секунду замешкался. В воздухе разлился странный аромат, напоминавший запах увядшей сирени. Именно — увядшей. Сигмон сразу подумал, что это духи Лаури. Такой запах подошел бы дочери, но не матери. Слишком игривый и флигельный для замужней женщины. Но его нельзя было назвать приятным. Необычным, интригующим — да. Приятным — нет.

Из дома мага он вышел нарочито медленно, показывая, что ничего не боится, и вразвалочку пошел к диким яблоням. Пройдя мимо деревьев и добравшись до разросшихся кустов, Сигмон воровато оглянулся и пустился бегом к воротам. Бормоча проклятия, он с разбегу перемахнул через забор и прижался к Урагану. Оглянувшись, курьер окинул взглядом неухоженный сад, темный провал двери и дал себе слово, что, вернувшись в город, обязательно зайдет в городскую коллегия магов. Что бы там ни говорил Фаомар, непременно зайдет.

Урагана даже не пришлось прищипывать. Конь с места рванул в галоп, стремясь, как и хозяин, как можно быстрее убираться прочь от странного дома.

5

Полуденное солнце заливало дворы яркими лучами, припекало, но уже не жгло. Все же осень не за горами. Сигмон был этому только рад — проезжая по опустевшей улице, он нежил в солнечном свете, подставлял горячим лучам лицо в надежде, что они изгонят из тела и души неприятный холодок, оставшийся после посещения дома колдуна.

Завидев курьера, староста вышел к воротам. Сигмон бросил ему поводья, спешился и, не говоря ни слова, пошел прямо к колодцу, примостившемуся недалеко от дома. Набрав холодной как лед воды, он вволю напился, а потом окунул голову в ведро. Староста тем временем отвел разгоряченного Урагана в сарай, служивший конюшней. Вернувшись, он встал за спиной гостя, наблюдая, как тот плещет себе в лицо водой.

— Ну, как? — спросил он.

Сигмон снова окунул голову в ведро. Ему казалось, что он пропитался сыростью и затхлостью, царившими в старом доме. Ощущение было на редкость неприятным, и курьер хотел избавиться от него. Холодная вода, увы, помогала мало.

— Поговорили, — бросил он старосте, утирая рукавом мокрое лицо.

— Прощу к столу. Перекусим, господин военный. За едой и расскажете, что да как.

За едой Сигмон рассказал старосте о встрече с магом. Поттон слушал внимательно, не перебивал и остался доволен рассказом. Особенно его обрадовало обещание курьера зайти в городскую коллегияу магов Вента и доложить о подозрительном отшельнике. Они поговорили еще немного, а потом Сигмона сморило, он устроился на лавке и уснул.

Проснулся он вечером, когда крестьяне стали возвращаться с полей. Пастухи гнали домой скотину, и деревня наполнилась мычанием и блеяньем. Солнышко покатилося в лес, в воздухе повисла прохлада, и деревня разом ожила.

Сигмон сидел на лавке, смотрел на стол и думал, что ему совершенно не хочется уезжать из деревни. В конце концов, днем раньше, днем позже — какая разница? Никто не оценит его усердия, не стоит себя обманывать.

Уговорить самого себя Сигмон не успел — дверь распахнулась, и в комнату вошли староста, его жена и дочь. Сразу стало шумно. Увидев, что гость проснулся, хозяева засуетились: Ишка и Мариша стали собирать на стол, староста начал уговаривать гостя остаться ночевать. Сигмон вяло сопротивлялся, отговариваясь, что ему пора в дорогу, что его ждут в Пасаме и что он на службе. Староста, чуя слабинку, не отставал — напирал на то, что негоже ночью слоняться по пустынным дорогам, что долг хозяина велит не отпускать гостя и прочее в том же духе.

Дело решил быстрый взгляд Ишки. Заглянув в ее голубые глаза, курьер понял, что сегодня он уже никуда не поедет. Он будет вновь ночевать на сеновале, и пусть тот Пасам горит огнем.

Курьер с деланным вздохом поддался уговорам Поттона и объявил, что остается. Тут, как по заказу, подоспел ужин, и за стол на этот раз сели все вместе. За едой Сигмон вновь пересказал историю встречи с магом и был вознагражден восхищенным взглядом синих глаз.

Когда солнце спряталось за лес, Сигмон объявил, что отправляется спать, и встретил полное понимание. Поднявшись, он пошел к дверям и подмигнул Ишке. Она улыбнулась в ответ, и Сигмон понял, что остался не зря.

Удобно устроившись в мягком сене, он откинулся на спину и стал ждать. Когда на деревню опустилась ночь, Сигмон Ла Тойя, курьер на испытании, незаметно задремал, убаюканный размеренным сопением лошадей и пряным запахом сена.

6

Разбудил его громкий звук. Подхватившись, он рывком сел и прислушался, пытаясь понять, что это — обрывок сна или реальность. Напряженно вслушиваясь в ночь, Сигмон ругал сам себя за беспечность. Как он мог уснуть! Оставалось надеяться, что Ишка еще не приходила. Она ведь могла обидеться на незадачливого кавалера и уйти.

Ночь выдалась тихая. Сигмон слышал, как настырно звенят вездесущие комары, как тяжело сопят лошади — его Ураган и коныка старосты. Где-то далеко квохтали разбуженные куры и тихо, больше для порядка, переругивались две собаки. Похоже, кому-то приснился страшный сон, только и всего. Расслабившись, Сигмон повалился в сено, и тут же тишину разорвал крик ужаса.

Курьер подпрыгнул, вскочил на ноги и стал шарить по сему, разыскивая сапоги. Крик повторился, и он разобрал, что кричит женщина — страшно, надрывно, ужасаясь тому, что увидела.

Хлопнула дверь дома, и Сигмон услышал, как Поттон бранится в полный голос. Дверь распахнулась, и в сарай влетел староста — в белой домотканой рубашке до колен, с факелом в руках. Он вскинул руку, освещая сарай, и бросил на курьера полный безумия взгляд. И тут же, ничего не сказав, бросился прочь.

— Поттон! — крикнул Сигмон, натягивая сапоги. — Поттон!

Снова закричали — где-то недалеко, за домами, — и тут же забранились в несколько голосов. Собаки подняли лай, и деревенская ночь разом наполнилась шумом и гамом.

Сигмон, бросив сапоги, выскочил из сарая и увидел, как за овином пляшет свет факела. Он бросился следом, заметив краем глаза, как на порог дома вышла Мариша — жена старосты. Курьер пробежал мимо, свернул за овин и увидел, как староста, размахивая факелом, бежит по огородам к соседнему дому. Сигмон, не раздумывая, бросился за ним.

Сразу за огородами начинался лес. Тропинка вела в самую чащу, но староста не остановился. Сигмон, бежавший следом, по-

терял тропинку и бросился напрямик, следом за Поттоном. Прикрыв голову руками, курьер с разбегу проломился сквозь кусты и выскочил на большую поляну.

В центре стояли деревенские — человек десять, не меньше. Они ожесточенно ругались, кричали друг на друга, размахивали руками. Свет факелов плясал по траве, и в его свете разлапистые деревья казались ожившими чудовищами.

Староста бросился к толпе, чуть не сшиб крайнего, и люди расступились, пропуская его в круг. Запыхавшийся Сигмон перешел на шаг, и в этот момент Поттон закричал. Тяжело, с надрывом и отчаяньем, как смертельно раненный зверь. Курьера бросило в жар. Он прыгнул вперед, оттолкнул мужика с факелом и прорвался внутрь круга.

Там, на траве, лежала девушка. Поттон склонился над ней, обнял за плечи и зашелся криком. Курьер, замирая от страшной догадки, бросился вперед, упал на колени, оттер плечом старосту.

Это была Ишка. Она лежала на спине, раскинув руки, и ее распущенные волосы стелились по траве, как светлое покрывало. Дрожащими пальцами коснулся ее щеки и тут же отдернул руку. Щека была холодной, как лед.

Очнувшийся староста взревел, двумя руками толкнул курьера в грудь, и Сигмон повалился на спину.

— Ты! — закричал Поттон. — Ты!..

Он коротко размахнулся и отвесил Сигмону звонкую оплеуху. От удара курьер откинулся назад и повалился на спину. Поттон полез прямо через тело дочери, попытался ударить его еще раз, но на него навалились мужики и потащили в сторону.

Сигмон приподнялся и подполз к Ишке. Ее лицо, казавшееся в свете полной луны белым, словно мрамор, оставалось спокойным, как будто она спала. Вот только ее открытые глаза смотрели вверх, в ночное небо, на верхушки качающихся деревьев. Дрожащими пальцами курьер провел по холодной щеке Ишки. Мертва. И давно. Никаких ран на теле не было, и Сигмон откинул ворот ее рубахи. И тут же увидел на шее девушки две раны — словно кто-то ткнул ее новомодной вилкой. Или укусил.

— Нечисть, — прошептал Сигмон.

Мужики, стоявшие за его спиной, зашумели, браня нечисть, колдуна и все волшебство разом. Они кричали, что отомстят, звали соседей подняться и пойти сжечь гнездо колдуна, вытравить эту пакость с родной земли. Они заглушили даже Поттона, вы-

вшего от горя и отчаянья. Но Сигмон их не слышал. Он гладил холодную щеку Ишки, чувствуя, как из глаз медленно катятся слезы. Фаомар. Проклятый колдун. Неужели он посмел прийти следом за ним в деревню и убить Ишку, так нагло, словно насмехаясь... Зачем?

— Солдатик... Эй, солдатик...

— Что? — Сигмон почувствовал на плече ладонь и обернулся. Над ним склонился дед с растрепанной седой бородой.

— Слышь, солдатик, шел бы ты отсюда. Вона Поттон не в себе, обезумел вконец. Да и мужики распалились, сами себя поджигают.

— Зачем? — спросил Сигмон, отворачиваясь и снова касаясь холодной щеки Ишки.

— Чего?

— Зачем она сюда пошла?

— Известно зачем. Травки тут нужные. Любят бабы эти травы заваривать, особо перед тем, как с мужиком побаловаться. Так что шел бы ты, солдатик, в деревню-то.

— Да, — прошептал Сигмон. — Конечно.

Он уже начал подниматься с колен, как вдруг почувствовал знакомый запах. Резко наклонившись, он припал носом к шее Ишки, словно дикий зверь, почуявший добычу. Кожа пахла сиренью. Увядавшей, с гнильцой.

— Ты что, служивый! Очнись! Эй, солдатик!

Сигмон поднялся на ноги, выпрямился, сжимая кулаки. У него закружилась голова, и он сжал зубы, сдерживая крик.

— Лаури, — процедил он, чувствуя, как в груди становится горячо. — Лаури!

— Чего? — Переспросил дед, отодвигаясь в сторону.

— Ничего, — резко бросил Сигмон.

Он развернулся и пошел в темноту — к деревне. Сжимая до боли кулаки, он думал о том, что никуда мужики не пойдут — слаба кишка у них ночью на колдунов ходить. Пошумят, покричат и разойдутся. А завтра еще одно письмо в Меран напишут. Городскому главе. Но он — Сигмон Ла Тойя, курьер второго пехотного вентского полка, — пойдет. Он не деревенский мужик — солдат. Он наследственный тан и не может оставить это дело — дело чести.

Пробегаючи мимо дома старосты, он заметил Маришу. Она сидела на крыльце в одной ночной рубашке, обхватив колени руками, и

тихо всхлипывала. Ее плечи вздрагивали, и Сигмон понял, что она плачет. Она уже знала.

Сигмон остановился, хотел подойти к ней, но так и не двинулся с места. Не решился. Тогда он крепче сжал кулаки, так что хрустнули костяшки, и зашагал к сараю.

7

Луна заливала сад мертвенной бледностью, превращая его в путаницу изломанных теней. Белое и черное — лишь два цвета осталось в этом саду, превратив его в царство смерти. Сейчас он был похож на болото, мертвое и пустое, пугающее гробовым молчанием.

Подбежав к ступенькам, ведущим на крыльцо, Сигмон обнажил саблю. На медной ручке двери играл лунный отблеск. Курьер толкнул ее, потянул на себя — напрасно. Дверь оказалась заперта.

— Фаомар! — закричал Сигмон. — Фаомар!

Никто не ответил. Дом возвышался молчаливой громадой, казалось, он давно покинут. Ни огонька в окне, ни шороха. Только темнота и запах плесени.

Сигмон ударом ноги вышиб дверь и переступил порог молчаливого дома. Его встретила самая настоящая тьма, густая, как студень, липкая, склизкая, пахнувшая страхом. Она окружала со всех сторон, мешала дышать, лезла в ноздри, в рот, в глаза. И все же он пошел вперед.

Сделав десяток шагов, Сигмон запоздало испугался. Со всех сторон его окружала темнота и пустота, реальным был только пол под ногами. Курьер остановился, чувствуя, как его начинает тошнить. Вроде бы коридор не настолько велик, он должен давно кончиться — обычной деревянной дверью. Сигмон взмахнул саблей направо, потом налево — пусто. Казалось, что он стоит посреди огромной темной пещеры и что никакого коридора на самом деле и нет. Есть только ненасытная утроба дома колдуна, готовая поглотить незваного гостя, растворить в себе, размазать тонким слоем по стенкам каменного желудка.

Сжав зубы, Сигмон осторожно шагнул вперед, словно проверяя, не исчез ли пол. Под ногами по-прежнему был камень, твердый и холодный. Тогда Сигмон взмахнул клинком, и снова — ничего. У него вдруг закружилась голова, словно он стоял

на тоненькой дощечке, перекинутой через бездонную пропасть. Курьер покачнулся и застыл на месте, боясь пошевелиться. Стараясь сохранить равновесие, он взмахнул руками, как заправский акробат, глубоко вздохнул и вдруг почуял запах сирени. Тот самый мерзкий запах, что намертво въелся в его память. Сигмон, не помня себя от гнева, притопнул ногой, выругался, а потом пошел вперед, наплевав на все страхи. На пятом шаге сабля с глухим стуком воткнулась в дерево.

Сигмон подошел ближе, протянул руку и нащупал дверную ручку. Тут же все стало на свои места, наваждение отступило, и он понял, что коридор кончился. Не было никакой пропасти, никакой ненасытной утробы и огромной пещеры. Был только его страх.

От удара дверь распахнулась настежь. В лицо плеснулся свет, и Сигмон прищурился. Прикрыв ладонью глаза, он шагнул вперед и оказался в той самой комнате, где еще утром беседовал с колдуном. На обеденном столе стояли два огромных бронзовых подсвечника с зажженными свечами. Все еще шурясь, Сигмон подошел к столу и огляделся. В комнате пусто, нужно идти дальше, но снова лезть в темноту, блуждать наугад по коридорам не хотелось. Он опустил клинок, размышляя, что будет лучше — взять с собой свечу или сделать из штора факел.

— Стой!

Глухой голос пришел из-за спины. Не раздумывая, Сигмон перемахнул через стол и развернулся, выставив вперед саблю, готовясь рубить и колоть. Но в комнате по-прежнему было пусто.

— Зачем ты пришел?

— Выходи! — крикнул Ла Тойя, узнав голос Фаомара. — Выходи, колдун!

Темнота за дверью сгустилась, всколыхнулась, как занавес, и выплюнула колдуна в комнату. Он тяжело шагнул вперед, и под его взглядом Сигмон попятился.

— Сигмон Ла Тойя, курьер второго пехотного полка, — тихо произнес Фаомар. — Зачем ты вернулся?

— Я хотел тебя видеть.

— Чтобы поговорить?

— Поговорить? — вскинулся Сигмон. — О, нет. На этот раз нет!

— Стой! — крикнул маг, заметив, что гость оперся рукой о стол. — Не шевелись!

Сигмон увидел, как ладони колдуна едва заметно засветились,

и замер. Он с досадой подумал, что до Фаомара слишком далеко. Чтобы достать его клинком, надо подобраться ближе — намного ближе.

— Ты возбужден, — отметил маг. — Что-то случилось?

Сигмон выпрямился и опустил саблю. Колдун должен думать, что ему ничего не угрожает. Сигмону достаточно будет только одного удара. Только одного.

— Случилось, — ответил он магу. — Ты спрашивал меня, видел ли я трупы крестьян? Теперь видел.

— Трупы?

— Один. Но этого достаточно. Молодая девушка, дочь старосты. Она лежала на поляне, белая и холодная, как мрамор. Я подумал, что это просто свет луны, но нет — в ней не было ни кровинки. На шее — две дыры, как от укуса. Укуса дикой твари, нечисти, которую ты породил!

Колдун нахмурился и опустил руки. Сияние померкло, и Сигмон осмелился сделать пару шагов вдоль стола.

— Я тут ни при чем, — глухо сказал маг.

— Конечно, ни при чем, — легко согласился Сигмон, делая еще один шаг. — Это твоя дочь.

— Дочь? — удивился Фаомар. — Да ты спятил!

— От убитой девушки пахло сиренью. Сгнившей сиренью, так же как пахнет от твоей дочери!

— Замри! — крикнул колдун и вскинул руку. Кончики его пальцев тлели, как угольки костра, и Сигмон остановился. — Моя дочь не имеет к этому отношения, — сказал Фаомар.

— Но запах...

— Тебе показалось.

— Я узнаю его из тысячи! Это запах тлена!

— Не двигайся, кому сказано! Замри на месте, если не хочешь распрощаться с жизнью.

— Фаомар!

— Постой, — сказал маг и отступил на шаг. — Я вижу, ты веришь в то, что говоришь. Но ты заблуждаешься. Ни я, ни моя дочь тут ни при чем. Я не хочу напрасных жертв. Так что стой спокойно.

— Ты врешь!

— Тише, сопляк, поумерь пыл. Ты сам не знаешь, о чем говоришь.

— Я знаю достаточно, чтобы потребовать у коллегии магов за-

брать тебя на трибунал. Тебя выкурят из этого дома, как выкуривают лисицу из норы, и потащат в Вент на цепях!

— Проклятье, — зло бросил маг. — Надо было сразу тебя спалить, а пепел рассыпать по саду.

— Ну, давай жги! Чего же ты ждешь?!

— Заткнись! Стой на месте. Я не колдун, я не использую магию во зло. Поэтому и не убиваю тебя, хотя мог это сделать тысячу раз. Хорошо, Сигмон Ла Тойя, я дам тебе объяснения. Но только если ты будешь стоять спокойно.

— Давай, — сказал Сигмон, сжимая рукоять сабли. — Я жду.

Он надеялся, что, пока колдун будет оправдываться, он сможет продвинуться вперед.

Фаомар поднял вторую руку и звонко шелкнул пальцами. Темнота в дверном проеме заволновалась, зарябила. Сигмон невольно попятился, ему померещилось, что в темноте ворочается что-то большое и страшное. Он вскинул саблю, но из темноты появились жена и дочь мага.

— Послушай меня, — сказал маг, не обращая внимания на женщин. — Пятнадцать лет назад мы жили в Мибере. В то время я был членом городской коллегии магов и честно служил короне. Чернь волной прокатилась по городу, сметая все на своем пути. Они жгли дома — все подряд, разоряли лавки, грабили, насиловали. Мы всей коллегией защищали магистрат. Наша сила остановила толпу, и мы сдерживали ее натиск два дня. Потом подоспели солдаты, бунт умирили. Все успокоилось. Но когда я вернулся домой...

Маг замолчал и шагнул к столу. Сигмон отскочил к стене и выставил саблю перед собой, но Фаомар не обратил на это внимания. Он оперся руками о дубовую столешницу и взглянул курьеру прямо в глаза.

— Они были мертвы, — с горечью сказал маг. — Мертвы. Чернь разгромила мой дом, пока я защищал город.

Глаза Фаомара наполнились злобой и болью. Его взгляд внушал страх, казалось, на Сигмона смотрит не старик, живущий в заброшенном доме, а молодой воин, готовый броситься в бой. Сигмон вжался спиной в стену и поднял клинок на уровень глаз, желая защититься от этого страшного взгляда.

Это помогло. Маг неожиданно опустил глаза, и курьер облегченно перевел дух.

— Нежить, — прошептал он. — Ты поднял их из могилы? Что ты натворил, колдун?

Фаомар не ответил, лишь покачал опущенной головой. Потом вдруг схватил со стола подсвечник, развернулся и запустил им в жену. Сигмон вскрикнул, но тяжелый кусок бронзы пролетел сквозь Фимель и канул в темноту коридора. Женщина не вздрогнула, не отстранилась. У нее даже не изменилось выражение лица.

— Это фантомы, — сказал маг, поворачиваясь к курьеру. — Иллюзии. Десять лет я потратил на то, чтобы придать форму своим воспоминаниям. Они могут говорить, но они неразумны. Эти слова вложил в них я. У них нет своего сознания. Ты их видишь, но они бесплотны и не способны взять в руки даже ложку. И уж тем более не могут коснуться человека. Это просто портреты.

Он снова повернулся к Сигмону и смерил его взглядом. Потом шелкнул пальцами, и фигуры женщин растаяли в воздухе.

— Десять лет я живу в этом доме, — глухо сказал Фаомар. — И они живут вместе со мной, создавая видимость обычной жизни. И я очень не люблю, когда мне напоминают, что это иллюзия. Понимаешь, курьер?

Сигмон заглянул в черные глаза мага, и его рука, сжимавшая рукоять сабли, задрожала. В глазах Фаомара плескалось безумие. Похоже, он так и не оправился от удара судьбы, а жизнь рядом с фантомами лишь усилила душевное расстройство.

— Я никому не рассказывал эту историю, — продолжал маг. — Мне слишком больно говорить об этом. Надеюсь, теперь ты понял, что ошибался. Ступай своей дорогой, курьер, и оставь в покое меня и мою семью.

Сигмон не ответил. Перед ним тоже стоял фантом, но видел его только он. Молодая девушка с васильковыми глазами и пшеничными прядями волос. Она улыбалась Сигмону, звала к себе. А на шее у нее красовались две раны, истекавшие черной кровью. Курьер слотнул и помотал головой, отгоняя видение.

— Лаури, — сказал он. — Ты не проверил Лаури. Позови свою дочь, колдун!

— Что? — свистящим шепотом осведомился Фаомар. — Что ты сказал?

— Твоя дочь! — выкрикнул Сигмон. — Это она! От нее пахнет сиренью. Даже сейчас я чувствую этот запах. Проклятье, позови ее, я хочу с ней говорить!

— Не забывайся, сопляк, — бросил маг. — Я и так слишком

много сказал тебе. Проваливай отсюда, пока я не раскаялся в том, что сделал.

Теперь они стояли друг против друга, их разделял лишь стол. Сигмон мог легко дотянуться мечом до колдуна, но тот сверлил его таким пристальным взглядом, что курьер не надеялся на то, что ему удастся нанести удар. Колдун определенно спятил, и в другое время курьер сбежал бы прочь из этого дома без оглядки, как убегают от верной смерти. Но сейчас он не мог отступить. Его пальцы еще помнили холод кожи Ишки, а в жилах кипел гнев. Сигмон Ла Тойя, курьер второго пехотного полка, не желал отступить.

— Позови ее, — потребовал он. — Позови! А не то...

— А не то — что? — переспросил Фаомар, и в его глазах отразилось пламя свечей. — А не то ты приведешь сюда толпу крестьян, вооруженных вилами и факелами? Это многоглавое орущее чудовище, лишенное разума, которое уже один раз растерзало мою дочь? Так?

Маг вскинул руку, и Сигмон взмахнул мечом, выплескивая все напряжение, скопившееся за эту безумную ночь в его теле. Рука распрямилась как атакующая змея, нанося смертельный удар...

Фаомар отшатнулся в сторону, и клинок рассек лишь воздух. Сигмон прыгнул на стол, попытался зацепить мага ногой, но тот ловко ухватил курьера за сапог. Сигмон упал со стола, кувыркнулся через голову, вырвался из рук колдуна и вскочил на ноги. Разворачиваясь, он вскинул меч, но получил удар в грудь, такой, что захрустели ребра, и влетел спиной в деревянный шкаф. Тот разлетелся в щепки, и на курьера градом посыпалась фарфоровая посуда. От удара перехватило дыхание, помутилось в глазах, и он тяжело осел на пол.

Маг стоял у стола, вытянув вперед руку и указывая на курьера длинным тонким пальцем. Его глаза пылали как раскаленные угли, а растрепанные волосы стояли дыбом, словно шерсть на загривке озлобленной собаки. Сигмон застонал и попытался поднять саблю, чтобы защититься от страшного взгляда, но рука дрогнула и не подчинилась.

— Будь ты проклят за то, что напомнил о моей боли, — процедил колдун. — Надо было сразу так поступить. Да, именно так.

Сигмон попытался встать, но тело не слушалось. Ноги не шевелились, словно его разбил паралич, а руки только вздрагивали.

— Иди сюда, — велел маг и сжал руку в кулак.

Тотчас незримая сила потащила курьера по полу, волоком, словно мешок с зерном. Он чувствовал, как сила Фаомара сжимается вокруг него, давит на грудь кузнечным прессом, мешает дышать.

Остановился он у самых ног колдуна. Тот наклонился над пленником и спокойно сказал:

— Вы все одержимы жадой убийства. Но я не такой, нет. Я не буду отнимать твою никчемную жизнь. Ты послужишь науке. Великой науке магии, о которой такие, как ты, не имеют ни малейшего представления...

Маг распрямился, шагнул в сторону, и Сигмона снова потащило по полу. Парализованный курьер видел лишь темный потолок, но не сомневался в том, что его тащат в подвал. Он кричал от ужаса, но горло издавало лишь жалкий хрип. Подвал колдуна! Нет, лучше смерть. Сигмон страстно желал смерти, хотел, чтобы колдун сжег его дотла и, как обещал, развеял его пепел по дому. Но в этом ему было отказано.

Когда над ним сомкнулась тьма коридора, живая, исходящая холодом, Сигмон обмер от ужаса, намочил штаны и потерял сознание.

8

Не было дня и не было ночи. Лишь темнота и свет, боль и покой, жара и холод. Обрывки бессвязных видений не давали уснуть, затягивали на темное дно, в бездну кошмаров. В редкие минуты просветления Сигмону казалось, что он попал в мир, где страдания и жизнь означали одно и то же. Он не знал, кто он, где и зачем. Когда возвращалась способность связно мыслить, курьер понимал, что это не сон, вспоминал, где находится, и начинал кричать. Он орал и выл до тех пор, пока колдун не погружал его в новый кошмар.

И все же, когда отступала боль, когда слабели заклинания и действие дурманных отваров, Сигмон открывал глаза и видел то, что казалось ему продолжением кошмаров.

В первый раз ему удалось понять, что находится в темном подвале, освещенном лишь парой факелов. Сигмон сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Он попытался пошевелиться, но оказалось, что запястья прикованы к стене железными кольцами. Все тело болело, ломило спину, а руки затекли и казались

деревянными колодами. Удалось лишь поднять голову и разглядеть, что перед ним стоит длинный стол, уставленный стеклянными колбами, ретортами и жуткими на вид конструкциями из блестящего металла. Блеск инструментов напомнил Сигмону один из кошмаров и заставил вспомнить, что многие из них погружались в его тело. Курьер застонал, попытался собраться, подтянуть ноги под себя, но даже на это не хватило сил. Он застонал, уронил голову на грудь и погрузился во тьму.

Следующее пробуждение запомнилось намного лучше. Сигмон сразу понял, что проснулся, и разом вспомнил, что произошло. Он был по-прежнему прикован к стене, а перед ним возвышался все тот же стол, уставленный зловещими колбами и приборами. Но на этот раз в подвале горели факелы, и Сигмону удалось рассмотреть стены. Оказалось, что подвал большой — не меньше гостиной. Стены сложены из мелких темных камней, покрытых плесенью, а потолок забран прогнившими досками. За столом, в темной стене, едва виднелась большая дощатая дверь. Слева от нее было большое пустое пространство с гладким полом, напоминавшее площадку для тренировок. Это впечатление усиливал деревянный стенд с оружием, пристроившийся у самой стены. Сигмон прищурился и разглядел три меча, топор-клевец и прислоненную сбоку кавалерийскую саблю. Свою саблю. Курьер подумал, что он не первый гость подвала. Сигмон повернул голову, пытаясь рассмотреть дальний угол, погруженный во тьму. Вдоль стены шел длинный желоб, выдолбленный в полу. Оканчивался он большой темной дырой, очень похожей на жерло колодца. Желоб, скорее всего, служил кровостоком. Сигмон уже видел такой — в темнице армейской казармы, куда попал за драку с офицером. Там-то ему и объяснили, зачем нужен желоб.

Сигмон застонал и облизнул пересохшие губы. Ишка, кадетский корпус, родное поместье, мама, отец... Все это было так давно. Прошлая жизнь казалась чудесным сном, счастливым уголком, куда не суждено вернуться. Никогда. Впереди только мучения, кошмары и тяжелая смерть. Сигмон подумал, хочет ли умереть. Прислушался к себе и понял — хочет. Сейчас же. Он заворочался, но был настолько слаб, что даже не смог сесть поудобнее.

— Тебе сегодня лучше?

Сигмон замер и постарался сжаться в комок. Этот голос. Он не забывал его даже в самых страшных снах. Голос колдуна, принесшего новую пытку.

Он постарался отодвинуться подальше от мага, но лишь уперся спиной в стену и тогда жалобно заскулил. Тотчас сильная рука схватила его за волосы, запрокинула голову, и Сигмон увидел лицо Фаомара, предвещавшее начало нового кошмара.

— Ну что же, — сказал колдун. — Продолжим.

Он разжал пальцы, и голова Сигмона упала на грудь. Курьер закрыл рот, набрал воздуха и завыл. Он выл до тех пор, пока магия колдуна не погрузила его в новый кошмар, наполненный болью и отчаяньем.

9

На этот раз очнулся Сигмон от ласкового прикосновения. Очередной кровавый кошмар выворачивал его наизнанку, сводил с ума, заставлял биться в оковах, но на этот раз что-то было не так. Прикосновение... Ласковое прикосновение к щеке.

Глаза так и остались закрытыми, немного кружилась голова, но в целом чувствовал он себя прекрасно. Некоторое время Сигмон просто молча висел в цепях и наслаждался давно забытым ощущением покоя. Его правую щеку гладили нежные тонкие пальцы, гладили ласково, легко, так, как это умеет делать лишь женская рука. Холодная как лед.

— Ишка, — прошептал Сигмон, и тут же рывком вернулась память. — Ишка!

Он вскинул голову, открыл глаза и замер. На него смотрело прекрасное женское лицо: тонкие брови, прямой ровный нос, пухлые алые губы, румянец на щеках... Лаури. Дочь колдуна. Нежить.

Сигмон вздрогнул, повернул голову, уклоняясь от очередного касания, и прижался щекой к холодной стене.

— Проснулся? — тихо спросила Лаури, наклоняясь к самому уху Сигмона.

Он не ответил, только плотнее вжался в стену, почувствовав щекой грубый рубец каменной кладки.

— Ты выглядишь лучше, чем раньше, — продолжила Лаури, и ее низкий грудной голос прозвучал как гром. — Как ты себя чувствуешь?

Чувствовал он себя прекрасно, словно и не было бесконечных кошмаров, пыток и голода. Оказалось, что тело подчиняется, руки налились силой, а боль отступила. Только немного кружилась голова. Все было просто прекрасно, но Сигмон не стал отвечать,

просто закрыл глаза, надеясь, что вернется привычный кошмар, а чудовище в облике девушки исчезнет.

— Отвечай! — резко бросила дочь колдуна.

Он взяла Сигмона за подбородок и с недюжинной силой повернула его голову к себе. В ее остекленевших глазах не было ни малейшего признака жизни. Только пустота, словно девушка и впрямь давно умерла. Но это не испугало Сигмона — после пыток колдуна он не боялся ничего и никого. Ему стало неприятно, только и всего. И немного — любопытно.

— Кто ты? — спросил он.

— Тебе незачем это знать, юнец, — сказала Лаури.

— Что тебе нужно? — снова спросил Сигмон, не отводя взгляда от мертвых глаз.

Лаури улыбнулась.

— Мне нужна твоя жизнь, — сказала она. — Только и всего. Надеюсь, теперь ты поправился и восстановил силы. Они мне понадобятся.

— Кто ты?

— Какая тебе разница?

— Кто?

Лаури отпустила его подбородок и рассмеялась — резко и зло. Она отступила на шаг и легко повернулась, исполнив замысловатое танцевальное па.

— Правда, красивое тело? — спросила она. — Скоро оно будет моим. Полностью.

— Ты призрак, — бросил Сигмон. — Нежить. Фаомар скоро это поймет, и ты займешь мое место.

— Как бы не так, маг слишком увлечен своими экспериментами. Он немного заигрался, вообразил себя Творцом. Создал это тело, наделил его примитивными чувствами, простейшим сознанием... И оставил лазейку для меня. Это было очень просто. Я захватил этот фантом сразу, как только он появился на свет. Единственная неприятность заключалась в том, что это тело было бесплотное. Оно появлялось и исчезало по желанию мага, но я всегда возвращался, потому что этот самоуверенный глупец не знал о маленькой незапертой дверце...

— Демон, — с отвращением сказал Сигмон.

— Можешь звать меня и так, — ответила Лаури и кокетливо улыбнулась.

— Зачем это тебе?

— Зачем демону тело? Глупый вопрос. Чтобы жить. Здесь, в этом мире сладких и мягких тел, наслаждаясь каждой прожитой минутой и каждой каплей пролитой крови.

— Ты врешь. Все врешь. Фантом не может ничего коснуться. Фаомар поднял тебя из могилы, ты просто оживший мертвяк...

— Я коснулся тебя! И подружку твою пощупал, и этих деревенских чурбанов!

— Зачем? За что?

— Мне просто нравится — касаться вас... так. И потом, мне нужно было немного крови, немного вашей жизненной силы, чтобы это тело обрело плоть и независимость. Пришлось начинать с малого, с тонких эманаций. Потом насекомые, животные, и вот я добрался до самых лакомых кусочков... До вас. Осталось немного, совсем чуть-чуть, и я начну жить по-настоящему.

— Так ты убивал...

— Да. Чтобы оживить фантома. Я умею это делать. Но для этого нужно много крови, много!

Демон в обличье Лаури шагнул вперед, наклонился над Сигмоном и обнял его за плечи.

— Сегодня, — прошептал он. — Это будет сегодня. Старый дурак сам не понимает, что делает. Ну и хорошо. В тебе много силы. Очень много. И вся она будет моей!

Сигмон вырывался, бился как рыба в сетях, но все усилия были напрасны: демон оказался сильным, а движения Сигмона сковывали цепи. Наконец разозленная тварь схватила его голову обеими руками и прижала к холодной стене.

— Тише, — прошипела она. — Не дергайся, человечек. Твои мучения скоро закончатся.

Курьер почувствовал, как холодные губы приникли к его шее, и закричал что было сил. Тотчас холодная ладонь легла на рот, заглушая крик.

Сигмон ерзал на месте, с ужасом чувствуя, как его плоть рвется под напором зубов, и в рану проникают клыки демона. Он ничего не мог сделать. Тварь пила кровь, забирала его жизнь, а Сигмону оставалось только стонать от ужаса и ждать смерти.

— Лаури!

Тварь вздрогнула, словно ее ударили. Она отстранилась от Сигмона, и он увидел ее белое, как простыня, лицо. По узкому подбородку стекала кровь — его кровь. Демон моргнул, и пустые глаза девушки вдруг оживились, стали осмысленными.

— Лаури!

Демон резко поднялся на ноги, шагнул в сторону, и Сигмон увидел, что у дальней стены, за столом, стоит Фаомар.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Отец, здесь человек. Он болен, и я решила...

Брови мага дрогнули, он вскинул обе руки, толкнул от себя невидимый шар, и демон взвизгнул. Его подняло в воздух и прижало к стене.

— Кто ты?! — закричал маг.

Демон не ответил. Он шипел, извивался, но невидимая сила, с которой курьеру уже довелось познакомиться, крепко прижимала его к стене. Колдун взмахнул правой рукой, и тело Лаури стало меняться. Сигмон увидел, как ее лицо вытянулось и почернело, а ладони вдруг превратились в лапы с длинными когтями.

— Проклятье! — взвыл Фаомар. — Как ты посмел!

Демон замер, но превращение продолжалось. Его тело менялось: из плеч вылезли длинные шипы, ноги вытянулись и стали похожи на волчьи лапы. Платье исчезло, открыв мощное мохнатое тело. Из фантома Лаури вылупилось отвратительное шипастое чудовище, похожее на помесь волка и жука.

— Моя дочь... — застонал маг. — Я верну тебя, верну!

— Ты опоздал, — прошипел демон. Подобрав под себя чудовишные лапы, он с силой оттолкнулся от стены и прыгнул вперед.

Колдун вскрикнул, его отбросило назад и приложило спиной о стену. Демон оттолкнулся лапой от пола и одним прыжком взлетел на стол. Стекланные лабиринты колб разлетелись тысячами брызг, над столешницей взвился клуб сизого дыма, и черную фигуру лизнул язык пламени. Демон зашипел, метнулся в сторону, но тут же взмыл в воздух, как от удара, отлетел к стойке с мечами и с размаху обрушился на нее всем телом. Стойка разлетелась в щепки, и оружие с грохотом рассыпалось по каменному полу.

— Давай! — заорал Сигмон, забыв о своей ненависти к колдуну. — Давай!

Фаомар, словно услышав крик, вынырнул из клубов дыма. Руки он держал перед собой и перебирал пальцами воздух, словно плел невидимую сеть. Демон вскочил на ноги, пригнулся, готовясь атаковать, но с рук колдуна сорвался огненный шар. Тварь метнулась в сторону, и пламя расплескалось по остаткам деревянной стойки. Фаомар выругался, и с его пальцев сорвались

еще два огненных шара. Демон заметался по подвалу, уворачиваясь от огня.

— Давай! — кричал Сигмон. — Жги!

Он страстно желал этого, желал победы колдуну, позабыв и о пытках, и о ненависти. Он хотел видеть, как умрет тварь, убившая Ишку. Но пока он видел только, что демон слишком быстр.

Сигмон заворочался, пытаясь избавиться от цепей. Напряг правую руку, потянул на себя, но стальной браслет, вделанный в стену, даже не шелохнулся. Он обернулся, чтобы попросить колдуна о помощи, и чуть не вскрикнул.

Демон, уворачиваясь от огненных шаров, вспрыгнул на потолок и прижался к гнилым доскам. Фаомар вскинул руки, выпустил новый шар огня, и тут же демон обрушился на колдуна всем телом. Фаомар сдавленно вскрикнул, тварь навалилась на него, но тут же ее объяло пламя. Демон взвизгнул, метнулся в сторону и покатился по полу, сбивая огонь. С размаху наткнулся на стену, ударился головой о камень и замер.

Колдун рывком поднялся на колени, оперся о пол руками и тяжело встал. Борода его сгорела, одежда дымилась, а левая щека висела кровавыми лоскутами. Его пошатывало, он едва держался на ногах, но не собирался сдаваться. Фаомар шагнул вперед, вскинул руки, и на кончиках пальцев вновь появилось пламя.

— Жги! — крикнул Сигмон.

Но колдун вздрогнул и опустил руки. Курьер, выворачивая шею, обернулся на демона и застонал. У стены лежало тело Лаури. Дочь колдуна выглядела как раньше: ни ран, ни ожогов, ни страшных когтистых лап.

— Отец, — прошептал фантом, поднимая голову.

— Нет! — закричал Сигмон. — Это демон!

Но Фаомар не слышал его. Он медленно ковылял к дочери, протягивая к ней обожженные руки.

— Вернись! — крикнул курьер.

Тело фантома вдруг выгнулось дугой и взлетело в воздух. Извернувшись на лету, демон обрушился на колдуна и запустил когтистые лапы в его тело. Фаомар забился в когтях твари, но она легко подняла тело старика над головой и отшвырнула. Колдун с грохотом обрушился на стол, проехал по нему, сметая остатки колб, и замер на самом краю. Демон прыгнул следом, прошел по столу и присел на корточки, нависнув над телом Фаомара.

Колдун вздрогнул и захрипел. Из рваных ран на его теле ручьями текла кровь, но он все еще был жив.

— Фаомар! — отчаянно крикнул Сигмон, понимая, что все кончено. — Фаомар!

Демон повернул к курьеру милое девичье личико. Алые губы искривила злая улыбка, и раздвоенный, как у гада, язык ощупал воздух.

— Подожди, — сказала тварь. — Твой черед еще не пришел.

Демон нагнулся и вцепился когтями в живот колдуна. Фаомар запрокинул голову, захрипел и судорожно забил ногами по столу. Чудовище вырвало из живота колдуна кусок мяса и впилося в него длинными клыками.

Сигмон застонал и опустил голову, стараясь сдержать тошноту. Демон же, как нарочно, урчал и шумно чавкал. У курьера снова закружилась голова, во рту стало горько. От страшной мысли, что следующим блюдом нежити станет он сам, сделалось еще хуже, и Сигмона стошнило желчью.

Отплевываясь, он ощутил странный толчок: каменный под коленями едва ощутимо вздрогнул. Сигмон подумал, что ему показалось, но потом дрогнула и стена. Курьер вскинул голову. Тварь по-прежнему сидела над телом мага и насыщалась его плотью. Сигмон шумно слотнул, решив, что сходит с ума, и тут же понял, что случилось.

Колдун умер. Его магия ушла, и дом, построенный с ее помощью, начал разрушаться. Все, что наколдовал Фаомар, должно было умереть вместе с ним. Сигмон с надеждой глянул на тварь, но она и не думала исчезать — видимо, кровь курьера и плоть мага позволили ей окрепнуть и удержаться в этом мире.

Сигмон повернул голову и заметил, что железный браслет на его запястье потускнел, словно бы состарился. Не веря глазам, Сигмон дернул рукой, и металл блестящей трухой осыпался на пол.

Курьер бросил взгляд на чудовище. Оно продолжало насыщаться, зарывшись лицом в живот колдуна. Сигмон неслышно вздохнул и одним рывком освободил вторую руку. Тварь ничего не заметила.

Ему сразу стало лучше, в голове прояснилось, сердце кузнечным молотом бухало в ребра, а в висках стучала кровь. Даже мышцы не затекли. Похоже, колдун не успел насладиться на него очередное ослабляющее заклятье.

Тварь довольно заурчала, курьер вздрогнул, но чудовище так и не оторвалось от страшной трапезы. Сигмон прикусил губу. Теперь он свободен, но что в том проку, когда выход загораживает смертоносная тварь, одолевшая колдуна? Даже если бы у него было оружие...

Оружие!

Сигмон повернул голову и прищурился, стараясь рассмотреть, куда девалось оружие с деревянной стойки. На глаза сразу попался один из мечей — он лежал ближе других, в паре шагов от ног Сигмона, и призывно поблескивал клинком. Это был полуторник с длинным и узким клинком, созданный для фехтования. Наметанный глаз курьера отметил и узор на гарде в виде птичьих лап, и оголовье с блестящим камнем, и синеватый отблеск лезвия. Похоже, меч был настоящим боевым оружием. Во всяком случае, выглядел он как один из старых эльфийских мечей, выкованных в незапамятные времена — во время войны рас, а то и раньше. И если это правда, то лучшего оружия не сыскать во всем королевстве.

Осторожно повернувшись, курьер взглянул на тварь. Она по-прежнему была занята едой. Тогда Сигмон тихо встал на четвереньки и, не отводя взгляда от жующего чудовища, пополз к мечу. Нужно было всего-то тихонько подобрать клинок, напасть на демона со спины и снести с плеч его мерзкую башку.

До меча было недалеко, шага три, не больше. Но сейчас Сигмону казалось, что до него все три лиги. Обливаясь холодным потом, курьер полз вперед, замирая каждый раз, когда тварь начинала чавкать. Он не отводил взгляда от затылка демона, все еще сохранявшего облик Лаури, и полз.

Когда до меча оставался шаг, Сигмон решил, что у него все получится. Иначе и быть не могло. Тварь должна умереть, ее нельзя выпускать в большой мир, никак нельзя.

Пол вздрогнул, стены затряслись, и где-то далеко внутри дома раздался звон разбитой посуды. Тварь перестала жевать и подняла голову. Сигмон замер. До меча оставалось немного — только руку протянуть. Но он не шевелился, боялся, что чудовище его почует.

Тварь, не поворачиваясь, заглянула себе за спину, как умеют только совы, и уставилась на курьера. С окровавленного лица молодой девушки на него смотрели круглые, как у крысы, глаза. Мир замер. А потом лицо Лаури вдруг стало вытягиваться, превращаясь в черную морду зверя, и Сигмон прыгнул к мечу.

Рукоять, оплетенная шершавой кожей, удобно легла в руку, словно под нее и делали. Распрямляясь, Сигмон взмахнул мечом снизу вверх, наугад — и попал. Подскакившая тварь взвизгнула, шархнула в сторону. Курьер успел развернуться и отступил к стене, выставил клинок перед собой и приготовился защищаться.

Тварь стояла в трех шагах от него. Сквозь призрачную пелену фантомного тела Лаури просвечивала темная бугристая шкура. По ней снизу вверх шла длинная рана, сочившаяся бурой жижей. Сигмон приободрился — похоже, тварь была не такой уж неуязвимой, как казалось.

— Ты будешь умирать медленно, — сказала тварь.

— Посмотрим, — бросил Сигмон. — У тебя теперь есть тело. Значит, его можно разрубить.

Демон цокнул когтями и стал обходить жертву по кругу. Сигмон поворачивался следом. Он был готов отразить атаку, но тварь не нападала. Познакомившись с клинком, она не спешила нападать.

Дом снова вздрогнул, и пол под ногами скакнул как норовистая лошадь. Сигмон покачнулся, и тварь прыгнула. Курьер припал на колено, взмахнул мечом, подрубая демону ноги, но тот перескочил клинок и очутился за спиной. Сигмон ударил мечом назад, кувыркнулся, уходя от удара, вскочил на ноги и широким взмахом меча отогнал тварь.

Теперь демон атаковал непрерывно. Он бросался на курьера справа, слева, прыгал с потолка, крутился бешеным волчком, но Сигмон не давал ему приблизиться. Он стриг мечом воздух, вкладывая в удары всю ненависть и боль, накопившуюся за последние дни. Ярость управляла клинком, и Сигмон двигался быстро, очень быстро. Так же, как и тварь.

Пол бился в судорогах, теперь сотрясения не прекращались ни на миг. Дом колдуна разваливался на части, стены шли трещинами, и гул при этом стоял как при сходе горной лавины. С потолка сыпались гнилые шепки, из стен вываливались куски камня, но ни Сигмон, ни демон не замечали этого. Они были слишком заняты — друг другом.

Курьер пытался атаковать, но тварь была быстра, очень быстра. Когда Сигмон замешкался, она вскочила на потолок и прыгнула сверху. Он успел выставить меч вперед — тварь напоролась на него всем телом, завизжала и ударила курьера в грудь обеими лапами.

Удар был настолько силен, что Сигмона отбросило в дальний угол подвала. Он ударился спиной о стену, осел на пол, но так и не выпустил из рук меча. Тварь прыгнула следом, нависла над курьером, и он рванулся в сторону, уходя от удара. Когти скользнули по спине, и Сигмона бросило вперед, на обломки деревянной стойки. Он кувыркнулся, встал на одно колено и успел занести меч. Тварь уже нависла над ним, вскинула когтистые лапы... Но не успела ничего сделать. На этот раз удар попал в цель — точно в середину мохнатого бедра. Нога демона подломилась, он покачнулся, взмахнул лапами, и Сигмон распрямился, нанося удар снизу вверх.

Клинок старой эльфийской работы развалил демона на две части, располосовал его от паха до макушки одним взмахом.

Сигмон отступил на шаг и опустил клинок. Останки твари еще содрогались, шевелились, как два раздавленных жука. Когтистые лапы царапали пол, оставляя в камнях глубокие зарубки. Тогда он взялся за меч обеими руками и принялся за дело.

Остановился курьер только тогда, когда от твари остались сотни мелких кусочков. Брезгливо оглядев крошево, Сигмон подошел к стене, взял один из факелов, бросил его в бурое месиво и молча смотрел, как дымятся останки твари.

Очнулся он от удара по плечу. Вздвогнув, он поднял глаза и увидел, что потолок ходит ходуном. Теперь из него вываливались целые доски, одна из них и угодила в него. Дом колдуна развалился на части. Сигмон плюнул в огонь и бросился к двери.

Дом колдуна напоминал оживший кошмар: столбом стояла пыль, из стен вываливались камни, пол бился в предсмертных судорогах. В темноте метались ожившие тени, и казалось, что дом наполнен призраками, сошедшими с ума. Но Сигмон, прошедший через кошмары Фаомара, не чувствовал страха. Прикрывая лицо ладонью, он шел по коридорам, шел к выходу, туда, откуда струился холодный воздух. Пробираясь сквозь завалы камней, перепрыгивая через трещины в полу, он старался идти быстро. Потом побежал.

С разгона он вылетел в открытую дверь, прокатился по каменным ступеням и с треском вломился в кусты сирени. Барахтаясь в путанице ветвей, он испуганно вскрикнул — показалось, что ослеп. Но, разглядев в темноте собственную руку, понял, что на дворе ночь.

Обернувшись, он увидел, как из черной пасти двери вырвался длинный язык пламени. Сигмон испуганно подтянул под себя ноги. Дом проседал внутрь себя, проваливался под землю, а на его развалинах уже плясало ослепительное пламя. Жар от него шел нешуточный, и Сигмон понял, что скоро запылет и сад. Он встал и, покачиваясь на ходу, словно пьяный, побрел прочь.

Тяжело перевалившись через забор, Сигмон упал на дорогу у самых ворот. Конечно, никакого коня здесь уже не было. Курьер слабо выругался и, ухватившись за железные прутья ворот, поднялся на ноги.

В саду бушевал пожар. Кусты у порога дома пылали как факелы, и огонь уже переползал на деревья. Луна заливала сад белым светом, и Сигмону казалось, что горят не деревья, а люди, вскинувшие к ночному небу тонкие руки. Он шелкнул пальцами, отгоняя зло, отвернулся и побрел по дороге, освещенной алым заревом. Позади с грохотом обрушился дом, но курьер даже не оглянулся. Он шел в темноту. Меч, намертво зажатый в правой руке, выписывал в пыли волнистую линию. В голове было пусто, перед глазамиплыли сине-зеленые пятна, и все происходящее казалось продолжением кошмара. Сигмон хотел только одного — убраться подальше от этого страшного места.

10

Утром, когда бледное зарево пожара слилось с первыми лучами солнца, курьера нашли крестьяне. Встревоженные всполохами огня, они все-таки собрались с духом, вооружились и вышли на дорогу. Хотели разобраться, чем на этот раз колдун может повредить деревне. Едва миновав поля, они наткнулись на человека. Он лежал посреди дороги, в пыли, и пытался ползти вперед, продолжая сжимать в правой руке длинный меч с узким клинком.

Поттон первым узнал курьера. Прошел месяц с той поры, как погибла его дочь, но староста верил в то, что они еще встретятся с Сигмоном. Вернувший конь убедил крестьян, что военный не сбежал, как думали поначалу, а сгинул в логове колдуна. На помощь не пошли: Поттон, обозленный на гостя, не велел. Лишь отправили новое письмо в Меран и перестали ночами выходить из домов — на том и успокоились. На письмо, как и следовало ожидать, никто не отозвался.

Когда Сигмона подняли и перевернули, он потерял сознание, но вода из фляги привела его в чувство. Открыв глаза, он сразу узнал Поттона и застонал. Староста тут же вцепился в него как клещ, надел с вопросами, желая знать, что стряслось на этот раз. Сигмон отвечал тихо, часто сбивался, но толпа, окружившая курьера, затаив дыхание, ловила каждое слово. Узнав, что нечисть уничтожена, колдун убит, а его дом сожжен, крестьяне возликовали. Подхватив Сигмона на руки, они потащили его в деревню, а староста пустился вперед — успокоить баб, заранее поднявших вой по мужикам.

Пока его несли, Сигмон очнулся и даже успел рассказать деревенским подробности сражения. Он все еще был слаб, но чувствовал себя неплохо.

Крестьяне принесли его в деревню, во двор старосты, и положили у колодца на заботливо подстеленную рогожу.

Во дворе собралась без малого вся деревня. Шумели: кто хвалил гостя, кто сомневался в его рассказе, а кто и звал земляков сходить проверить — все ли так, как говорит чужак.

Сигмон сел, прислонился спиной к срубу колодца и отмахнулся от помощи деревенских баб, пытавшихся снять с него порванную одежду. Он положил меч на траву, подставил лицо солнечным лучам и прищурился.

Из блаженного оцепенения его вывел староста.

— Что встали! — гаркнул он. — Марш по дворам!

— Как он там? — крикнули из толпы.

— Живой! К вечеру очухается! Ну-ка, расходитесь, земляки. Приходите к вечеру, там и поговорим. Косматый!

— А!

— Бери кумов, сходи к дому колдуна. Посмотри, как оно там. Может, чего дожечь надобно.

— Иду!

Деревенские уже начали расходиться, поглядывая в сторону гостя, а староста стоял к нему спиной и беседовал с пятью крепкими мужиками, видимо, кумовьями того самого Косматого. На крыльце дома стояла Мариша, жена старосты. Она прижимала к лицу платок, и ее плечи вздрагивали. Сигмон взглянул на нее и тут же отвернулся.

Оглядевшись, Сигмон нашел ведро, бросил его в колодец и начал крутить ворот, выбирая цепь. Оно вернулось к нему пол-

ное прозрачной чистой воды, такой, какая бывает только во снах. Курьер плеснул этой красотой себе в лицо, зажмурился от счастья, потом поднял ведро и припал к краю. Пил долго. Вода смягчила горло, обожженное самогоном, холодным комом ухнула в живот. Сигмону сразу стало легче, словно с плеч упал тяжелый камень. Он поднял ведро, облился с головы до ног и довольно зафыркал. Потом бросил ведро в колодец и содрал с тела остатки рубахи. Ему страшно захотелось смыть с себя всю грязь, которой он оброс в темнице.

Он сначала и не заметил, как стало тихо. Лишь когда в полной тишине скрип колодезного ворота громом разнесся по деревне, он почувал неладное. Обернувшись, курьер увидел, что староста и кумовья Косматого пялятся на него во все глаза. Из-за плетня смотрели еще трое — все с открытыми ртами.

— Что? — спросил Сигмон, чувствуя, как живот сводит судорогой. — Что?

Никто не ответил. Лишь один из мужиков ухватил за рукав старосту, поднял дрожащую руку и ткнул пальцем в Сигмона. Курьер опустил взгляд. Пальцы его разжались, зазвенела цепь, и ведро с грохотом ухнуло в колодец.

От пупка до самой шеи кожа Сигмона стала черной. Она была покрыта выдавленными ромбами и напоминала шкуру змеи. На груди красовались две глубокие царапины — от когтей демона. Сигмон дрожащей рукой коснулся их и обнаружил, что грудь на ощупь стала твердой, как камень. Чужая кожа шла от пояса до шеи, покрывала плечи и спускалась до самых локтей, — словно курьер натянул кольчужную рубашку.

— Нет, — прошептал Сигмон.

В том, что это результат опытов Фаомара, он не сомневался. Все его мучения вылились в это — чужую крепкую кожу, ставшую живой кольчугой.

— Проклятый колдун! — крикнул Сигмон изо всех сил. — Проклятый!

Из-за плетня, робко донеслось:

— Чудовище!

— Нет! — крикнул Сигмон. — Это от колдуна!

Но было поздно. Толпа подхватила крик. Те, что стояли ближе, двинулись на Сигмона. Под сильными руками деревенских мужиков захрустел забор, — колья выворачивали из земли, отди-

рали доски. И только староста закрыл руками лицо, отвернулся и упал на колени.

— Стойте, — крикнул курьер, выставив вперед руку. — Я объясню! Это от пыток!

Мужики в первом ряду остановились, но за ними шли другие. Те, что ушли, возвращались на крик, неся в руках колья, вилы, топоры...

— Нечисть! — крикнули из толпы. — Эта тварь вернулась!

— Мужики, бей его, пока не утек! Рази!

— Огнем его, огнем!

Сигмон с ужасом смотрел на приближавшихся мужиков. Ему вспомнился Фаомар, назвавший толпу многоголовым чудовищем, лишенным разума. Ей ничего нельзя объяснить, рассказать, втолковать, она не слышит слов. Толпа наступала. Сейчас она походила на стоглавую гидру, изображение которой Сигмон видел еще в детстве, в книгах отца... Бедный маг, он так и не оправился от удара судьбы. Толпа сломала его, заставила возненавидеть людей и уйти подальше от них. В лес. Толпа — она кого хочешь ломает. Сигмон прикусил губу и вдруг понял, что у него остался только один выход.

Босая нога курьера поддела меч и оплетенная кожей рукоять уже привычно легла в ладонь, неся спокойствие и уверенность.

— Назад! — гаркнул Сигмон.

Мужики из первых рядов отшатнулись, полезли назад. Вперед выступили другие — с кольями и вилами. Заблестели ножи, над толпой взметнулись топоры — деревенские не собирались отступать.

Сигмон отшатнулся, держа меч перед собой. Его время было на исходе, толпа готовилась наброситься, навалиться разом, засыпать телами, задавить. Нужно было только шагнуть вперед, прорубиться сквозь строй мужиков. Пусть деревенские ни в чем не виноваты, пусть они считают его нежитью, чудовищем. А для него чудовища — они. Неблагодарные твари, готовые убить его, потому что он не такой, как все. Но что дальше? Он мог бы перебить всю деревню, чувствовал, сил хватит. Но чем тогда он будет отличаться от того демона, которого вчера разрубил на куски этим самым мечом? Чем?

— Конь! — крикнул Сигмон. — Где мой конь?

Никто не ответил. Из толпы вылетел нож, глухо стукнул о

грудь и отлетел в траву. Курьер перескочил через сруб колодца и побежал к сараю — туда, где староста держал лошадей. Осмелевшие мужики заорали и кинулись следом.

Сигмон заскочил в сарай, захлопнул дверь, обернулся и облегченно вздохнул. Он угадал — рядом с доходягой Поттона стоял его Ураган. Конечно, чужая лошадь, вернувшаяся без седока, достанется главному — то есть старосте.

В дверь глухо ударили — видно, плечом, с разбегу.

— Убью! — рывкнул Сигмон и бросился в глубь сарая.

Сорвав со столба уздечку, он подбежал к Урагану, и жеребец подался назад, вращая глазами. Сигмон обхватил руками его голову, прижался к ней лицом.

— Давай попробуем, давай, — бормотал он.

Конь беспокойно переступил с ноги на ногу, но, почуяв знакомый запах, фыркнул и расслабился. Признал.

На крыше что-то загрохотало, и курьер пригнулся, опасаясь, что наверх забрался стрелок. Тут же все стихло, но зато потянуло горелой травой, и Сигмон догадался, что в ход пошли факелы.

— Собачьи дети, — выдохнул он и запрыгнул на спину Урагану.

В открытое окно влетел еще один факел и покатился по полу, поджигая сено. Оно занялось в десятке мест, и пламя с ревом взметнулось до потолка. Ураган захрапел, испугано заржал и подался назад.

— Вперед! — крикнул Сигмон, отчаянно колотя пятками бока жеребца. — Вперед!

Ураган прыгнул через огонь и заплясал у закрытых ворот. Сигмон осадил жеребца и с размаху ударил в них ногой. От удара створки распахнулись, затрещали и сорвались с петель. Ураган тут же прыгнул наружу, спасаясь от клубов сизого дыма, подмял кого-то, прошелся по мягкому и одним прыжком оказался у плетня.

Сигмон обернулся. Толпа мужиков, окруживших пылающий сарай старосты, яростно горланила вслед. Вдогонку курьеру полетели вилы и топоры. Он пригнулся к самой шее Урагана и послал его вперед, к забору. Разоренный мужиками, он не стал препятствием для жеребца. Тот птицей перепорхнул через обломки и помчался по улице. Поднимая клубы сизой пыли, жеребец мигом домчался до околицы, и деревня осталась позади.

Ураган шел галопом по лесной дороге, той самой, что привела курьера в деревню. Сам Сигмон на нее даже не смотрел. Он при-

жимался лицом к шее жеребца и плакал. В полный голос, навзрыд. Ему не было больно, нет. Но Сигмон знал, что теперь ему до конца дней своих придется нести на теле отметину колдуна. Знак чудовища. Если его тайну раскроют, в любом городе повторится то же, что в деревне. Но Сигмон знал: он не чудовище. Он и пальцем не тронул никого из толпы — в отличие от Фаомара и той твари, что вселилась в его дочь. Сигмон знал, что он — человек. Надо только найти чистую рубаху и прикрыть это отвратительное клеймо, оставленное проклятым колдуном на его теле. И все станет на свои места. Должно встать. Сигмон верил в это, истово верил, потому что больше не во что было верить. Но сердце почему-то болталось в груди холодным комком, и он все плотнее вжимался лицом в гриву Урагана.

И слезы не кончались.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

История Зантии¹

Сегодня днем мне нужно было пойти на станцию, чтобы встретить новичков. Новая партия прибывала сегодня — испуганные, подавленные, неуверенные в себе люди, некоторые безразличные, некоторые взбудораженные, способные причинить вред себе и другим. Это моя работа — успокаивать их, рассказывать о том, что им необходимо знать для дальнейшей жизни, сопровождать их в деревню. Помогать им найти свое место под солнцем.

Однако сначала следовало заняться поисками Розамунды. Когда я проснулся утром, ее не было со мной в постели. Ее вообще не было в доме. Не имею представления, куда она девалась.

Перво-наперво я направился к Тому Сапожнику, который всегда располагает самыми свежими сплетнями. Не найдя его в сапожной мастерской, я пошел на извозчий двор, куда он постоянно ходит смотреть на лошадей, ума не приложу, зачем. В конюшнях его тоже не обнаружилось, поэтому я уверенно двинулся в «Салун и закусочную Мамаши Баркер» на другом конце деревни.

Том оказался здесь, он сидел за столиком с тремя своими старыми приятелями. Все они вежливо поздоровались: «О, Зантия, рады тебя видеть!» Я ограничился одним сухим кивком на всех, поскольку они не заслуживали более развернутого приветствия. Один из них был зомби, он моментально прикончил свое пиво и исчез почти сразу. Ему полагалось бы знать, что зомби запреще-

¹THE TALES OF ZANTHIAS (c) 2003 by Robert Sheckley.
© Перевод. Василий Миляннин, 2005.

но бывать в деревне, однако я не стал преследовать его по закону — мне сейчас было не до того. Оставшаяся парочка людей тоже очень скоро вспомнила об одном очень важном деле, принесла свои извинения и испарилась.

— Том, — произнес я, когда все его собутыльники спаслись бегством, — ты видел Розамунду сегодня утром?

Он изменился в лице. Наедине со мной ему было крайне неуютно.

— Нет, Зантия, я не видел ее последние несколько дней. Она пропала?

— Полагаю, да, — сказал я. — Мне хотелось бы найти ее как можно скорее. Знаешь, с ней не все в порядке.

— В самом деле? Очень сожалею. Небольшое недомогание?..

Том был нынче чересчур разговорчив, а ведь вроде должен знать, что я не выношу пустой болтовни. Если он не мог или не желал дать дельную информацию, не стоило терять время, слушая его треп. Мне следовало немедленно разыскать Розамунду.

— Кстати, — сказал Том, когда я поднялся, — ты не забыл, сегодня, скорее всего, придут новенькие.

— Я помню, — сдержанно проронил я. — Но спасибо.

Новички! Жизненный путь всякого человека непременно протекает через деревеньки вроде нашей. Вы приезжаете, поселяетесь в свободном доме, плывете по течению, ничего особенного не случается, вы делаете то, что привыкли... а потом внезапно ваша жена исчезает, и размеренная скучная жизнь неожиданно разлетается на куски. Но таковы уж условия существования в нашей деревне — наслаждаться жизнью тут не приходится. Всем прибывающим с самого начала понятно, что это место наказания. Я не знаю, что такого ужасного совершили селяне, чтобы искупать свои деяния жизнью в столь причудливом месте. Даже я, Зантия, самый яркий и, пожалуй, самый грешный персонаж среди них, ни разу за время пребывания в деревне не совершил ни одного предосудительного поступка. Хотя следует признать, что в прежней жизни никто из нас не был невинным агнцем.

Но что насчет потусторонних существ, спросите вы? Зомби, калибаны, ведьмы, привидения? Мы не знаем, что они делают здесь, и я не собираюсь ломать над этим голову. Я пытаюсь придерживаться простейшей логики. Деревня вполне отвечает человеческим стандартам жизни, но для потусторонних созданий она явно не приспособлена. Вполне возможно, она — всего лишь пересадочная станция на их загробном пути куда-нибудь еще, с

места на место, от инкарнации к инкарнации. Соответствует ли это истине? Да откуда же я знаю?

Я велел Тому задержать новичков на перроне, если они придут прежде, чем я вернусь. Затем я зашел домой, взял палку и отправился искать Розамунду.

До сих пор я недоумевал, как ей удалось выбраться из постели и покинуть дом, не разбудив меня. Я всегда очень чутко сплю, чтобы не пропустить подозрительных звуков, свидетельствующих о том, что кому-то из деревенских плохо. Я всегда готов прийти на помощь и спасти сограждан от того, что обычно является плодом их собственной глупости.

Когда Розамунда прибыла в нашу деревню, была зима. Снег лежал на земле и ветвях деревьев. С карнизов свисали сосульки. Лошади двигались медленно, выдыхая клубы пара. На оставшихся от Хеллоуина тыквах сверкал иней. Небосклон над головой был свинцово-серым, испещренным темными тучами, которые несли с собой снежные бури. День и ночь ледяной ветер дул с севера.

Иногда небеса светлели, сквозь тучи пробивался луч солнца, и деревенские радовались, полагая, что зима наконец закончилась. Но на следующий день небо темнело снова, злой северный ветер, завывая, опять покрывал его облаками, и зима по-прежнему не собиралась покидать эту местность.

Когда приехала Розамунда, изменения в природе были заметны уже несколько дней. Небеса светлели, наливаясь голубым цветом. Северный ветер сменился западным. Зеленая травка пробивалась через снежный покров, и снег начал таять. День за днем погода становилась мягче и теплее, и с каждым днем было все больше солнца.

Сказать, что Розамунда оказалась просто красивой женщиной, значит не сказать ничего. Я сразу разглядел в ней нечто особенное. Я проводил все свое время с ней, я ухаживал за ней в своей обычной манере — ненавязчиво, но упорно. Я делал все, чтобы ей было хорошо, и поражал ее своей внимательностью. Так что, когда она обосновалась в деревне, вовсе неудивительно, что мы поженились.

Это были замечательные дни. Жизнь была если не безусловно хорошей, то как минимум не безусловно плохой.

И вот теперь Розамунда исчезла.

Шагая по дороге через общинное кукурузное поле, я увидел, что посреди него кто-то стоит. Это было пугало. Я приблизился

к нему, дружески пошатал его шест. Рукава пугала хлопали на ветру.

— Доброе утро, Эдвард, — сказал я. — Ты не видел Розамунду?

Он не мог говорить, конечно, но вполне мог указать. Одна из его костлявых рук, подхваченная резким порывом ветра, взметнулась и указала точно на ведьмин дом, стоявший на вершине горы.

— Спасибо, Эдвард.

Я довольно церемонно распрощался с ним. Хотя Эдвард был пугалом без малейшего признака мозгов, он был также хорошим указателем и, когда с ним говорили вежливо, всегда с удовольствием показывал дорогу. Только потому, что он не имел души, я не видел причин ему грубить.

Поднимаясь к ведьмину дому, я снова вернулся к мыслям о том, что место, в котором я теперь живу, довольно странное. Здесь были горы и болота, и поросшие кустарником долины, как и везде, но отсюда нельзя было уйти в какое-нибудь другое место. Можно было, к примеру, перевалить через горы и спуститься в противоположную долину, но и здесь все оставалось точно таким же, как и в тех краях, которые вы покинули. Конечно, имелись небольшие различия — в некоторых местностях горы пониже, в некоторых повыше, в некоторых местах больше болот, чем лесов, в других наоборот. Но все равно все они одинаковы — те же места, те же люди, те же проблемы.

В других деревнях, расположенных в округе, нет никого, кто выполнял бы те же функции, что и я. Другие селяне не имели лидеров. Я нанес визиты в пять деревень, и ни в одной из них не было мэра или шерифа, приглядывающего за порядком, помогающего живущим в них людям.

Я вполне мог взять их под свою опеку. Но с какой стати? Одна моя деревня доставляла мне достаточно хлопот.

И все же: что мы все делаем здесь? Большинство деревенских вряд ли можно было назвать приличными людьми. В прежней жизни они грабили, они убивали, они были неистовы в своих страстях. И все равно не просматривается строгой зависимости. К примеру, я здесь, и я контролирую этих людей. Но почему кто-то или что-то выдвинуло меня на это место? Я не одно из сверхъестественных созданий, я не садист, и я не жертва. Так что я делаю здесь?..

Поскольку жить здесь можно только двумя способами — наказывать или быть наказанным, ответа на мучающий меня вопрос я найти не мог.

Я шел через рощу по тропинке, ведущей к ведьминому дому. Розамунда могла провести ночь здесь. Вообще-то это было мало-правдоподобно, но вполне возможно.

Едва различимая тропинка вела меня меж высоких деревьев с переплетенными ветвями и скрученными прутьями, извивавшимися, словно пальцы мертвецов. Солнце, выглянувшее из облаков и сиявшее сквозь бесчисленные паучьи сети, которые покрывали верхние ветви, заставляло рощу жемчужно опалесцировать. Впрочем, я не видел никаких пауков, хотя они бы очень соответствовали этому месту. Мне приходилось слышать, что самые большие пауки охотятся на певчих птиц. Что ж, все, что естественно, — не безобразно. Мы, те, кто руководит людьми, больше всего ценим устоявшийся природный порядок.

По пути к дому ведьмы я пересек болото. Оно опоясывает рощу и кое-где затапливает опушку. Воды болота густые и вязкие, они имеют застойный запах. И в воде полно мертвых тел. Макушки их голов едва касаются поверхности. С некоторой долей ловкости можно шагать прямо по головам и при этом почти не замочить ног.

Временами головы начинают беспокойно вертеться и пытаются укусить пешехода за ногу. Быстрый пинок обычно сразу приводит их в чувство. Не нужно пинать слишком сильно — им достаточно только напоминания, чтобы они знали свое место, и, кроме того, они в любом случае не чувствуют боли. Однако, как бы то ни было, наказание должно быть неизбежным. В своей деревне я стараюсь жестко пресекать подобное безрассудное поведение.

Прежде чем я достиг берега, ко мне подплыл калибан. Его голова неистово тряслась, он явно пытался что-то сказать. Калибаны, несмотря на их неистребимую жажду общения, совершенно не способны говорить. Размерами они с гномов, за исключением их языков, слишком больших для кукольных ртов. Однажды я осматривал тело одного из калибанов: его голова почти не уступала по размерам человеческой, но язык вполне мог принадлежать корове, и он был впихнут в рот так туго, что затруднял дыхание и наверняка мешал есть. Мы помогали калибанам как могли, однако они все равно страдали из-за своей причудливой физиологии. Я часто удивлялся злобе того, кто послал таких существ сюда, в нашу деревню, в которой не было ни соответствующего медицинского оборудования, ни профессиональных хирургов.

Никогда нельзя быть уверенным в том, что эти создания имеют в виду, но я пошел в направлении, которое он мне указал. Ка-

либан привел меня к юной самоубийце, лежавшей лицом вниз в топкой грязи, ее длинные волосы лениво колыхались в воде. Это была не Розамунда, конечно. Я узнал эту женщину; она была из новичков — тощая маленькая девица со своеобразной внешностью, недостаточно хорошенькая, чтобы выйти замуж, недостаточно умная, чтобы стать ведьмой, недостаточно умелая, чтобы делать что-нибудь другое, даже простейшую работу по дому. Я привык подкармливать ее время от времени, чтобы она не думала, что одинока и совсем никому не нужна, хотя так оно, конечно, и было. У нее не было друзей, детей, супруга... И она наконец пришла сюда. Отчаяние способно довести даже самых флегматичных из нас до прискорбного финала. Ее смерть, скорее всего, была окончательной — эта женщина уже никогда не придет на нашу станцию, никогда не переродится, самоубийство означает конец всему.

Я двинулся дальше. Вскоре я оказался на твердой земле, а еще несколько минут спустя остановился перед домом ведьмы.

Особняк был построен на неровном скалистом выступе. Дом поднимался уступ за уступом в затянутое полосами тумана небо, его пропорции были причудливыми, словно на детском рисунке, и одновременно зловещими. Узкие уступы в сочетании с пряничными украшениями выглядели крайне нездорово.

На балкон второго этажа вышла ведьма и посмотрела на меня сверху вниз.

— Говорят, ты ищешь Розамунду, Зантия? Она иногда заходила выпить чашечку чая и поболтать. Но сегодня я ее не видела. Ищи в другом месте!

Я не стал надоедать и откланялся. Но попозже надо будет обязательно выяснить, каким образом Розамунда и ведьма спелись. Мы, деревенские, не общаемся с ведьмами и другими сверхъестественными тварями, что также сосланы в наши места. Мы стараемся делать вид, что не замечаем демонов и зомби, калибанов и снежных гигантов. Мы люди, и нам не подобает болтать с созданиями, существование которых не доказано, как если бы они были реальными.

Розамунда и ведьма... Мне это не нравилось. Всякий в моей деревне мог делать что ему хочется, но я всегда требовал говорить мне правду. Розамунда ни разу не упоминала при мне эти свидания. Да что уж там, если говорить начистоту, она просто скрывала их от меня. Нет, мне это не нравилось.

Я начал спускаться в Призрачную долину. На ее краю непод-

вижно стоял старый зомби. Он был очень высокий и тощий, одетый в лохмотья, его кожа была серой, а взгляд — отсутствующим и расфокусированным, как и подобает взгляду живого мертвеца.

Я спросил у него:

— Ты не видел Розамунду?

Он уставился на меня своими мертвыми глазами, изо всех сил пытаясь разглядеть меня. Его мозг совсем сгнил, но он мог уловить смысл моих слов. Я едва заметил, как он медленно покачал головой — нет, он не видел ее, — а затем он потащился прямо в болото. Судя по всему, на болоте он собирал лягушек и охотился на других нечистых созданий. Нет, руководить этими тварями я даже не пытался.

Я стоял на пропитанной влагой земле и прикидывал, где поискать еще. Внезапно я ощутил, что перестал ориентироваться на местности. Была ли в окрестностях Тропа Демона, поднимавшаяся круто в гору, и если да, почему я не проверил ее? Была ли там жертвенная пещера, недалеко от вершины Голой горы? Или мне приснилось все это? Или меня поразила какая-то странная амнезия? Я колебался.

Однако имелась одна вещь, которую я знал наверняка: мне необходимо сегодня быть на станции, чтобы встретить новопривывших.

Я срезал дорогу возле старого дома с привидениями. Это здание разваливалось, и через пустые проемы окон я сумел разглядеть на заднем дворе двух призраков, мужчину и женщину, которые лежали в шезлонгах, принимая солнечные ванны.

Миновав дом с привидениями, я направился к станции на городской площади.

Поезд только что прибыл, и деревенские собрались, чтобы его встретить. Я возглавил делегацию встречающих. Поезд остановился у платформы в облаке угольного дыма, проводники в черной униформе и темных очках позволили пассажирам выходить, и новопривывшие ступили на перрон.

Они выглядели совершенно отчаявшимися. Женщины в поношенных шерстяных платках, мужчины в старых темных пальто, все со старомодными чемоданами в руках. Дети держали птичьи клетки, почти такие же большие, как они сами. Молодые люди несли с собой радиоприемники и телевизоры; они еще не знали, что здесь не принимается ни один телеканал и невозможно поймать какую-либо радиостанцию.

Когда все они оказались на платформе, я обратился к ним.

— Добро пожаловать в нашу деревню, — сказал я. — После того как я закончу, вам будет разрешено покинуть станцию. У нас есть несколько незанятых домов и квартир. На калитках пригодных для заселения домов висят зеленые знаки. Вы можете жить в любом незанятом доме. А вот это большое здание напротив станции — многоквартирный дом. Деревенские помогут желающим найти свободную квартиру. После того как вы поселитесь, я приглашаю вас в общественную столовую, это большое красное здание на другой стороне дороги. Мы приготовили для вас торжественный обед. Без еды здесь вполне можно обойтись, но таковы традиции. Завтра я покажу вам, где взять газету, в которой печатают объявления о рабочих вакансиях. Пока это все. Добро пожаловать в деревню.

Они столпились вокруг меня, наперебой задавая бесчисленные вопросы, но я заявил, что они знают все, что им необходимо знать для начала.

Именно тогда я увидел Эмми. Я еще не знал ее имени, конечно. Меня поразила ее изящная внешность — девушка даже напомнила мне Розамунду, хотя я не мог сказать чем. Эмми была маленькой и худенькой, с аккуратными светлыми волосами, в то время как Розамунда была пышной женщиной с густыми, выющимися темными локонами. Однако было между ними нечто общее, что сразу вызвало у меня интерес.

— Мисс, — позвал ее я, — могу я поговорить с вами?

— Конечно. Вас зовут Зантия, верно?

— Да. Откуда вы знаете?

— О, вы весьма известны, даже знамениты в какой-то степени. Говорят, вы поддерживаете в этой деревне порядок? Меня зовут Эмми. Что я могу сделать для вас?

— К примеру, вы могли бы помочь мне разыскать мою жену Розамунду, а я получил бы шанс узнать вас лучше.

— С удовольствием.

Мы двинулись по дороге. Она шла на расстоянии шага рядом со мной. Как и Розамунда, она распространяла вокруг себя ощущение жизненной силы и свежести; казалось, она озаряет землю, по которой идет.

Когда мы вышли за пределы деревни, небо понемногу начало светлеть, пока не стало совершенно голубым. Появилось солнце, которое сияло сильно, даже неистово. Снег исчез с земли и сменился травой. Мне даже показалось, что ледяная шапка на дальней горе немного съезжилась. И когда мы приблизились к реке,

та больше не бурлила от вешних вод и ее можно было пересечь без опаски.

Мы шли через покрытый асфоделиями луг, что лежал на склоне Голой горы. Этот пик, покрытый льдом, сверкал высоко над нами. Мы взбирались осторожно и вскоре достигли ледяных полей. Здесь мы увидели огромное грязно-белое существо, размашисто шагавшее по снегу.

— Что это? — спросила Эмми.

— Снежный демон, — сказал я. — Йети.

— Они опасны? — спросила Эмми.

— Нет, разве только в том случае, если их раздражить.

— Мы поднимаемся на самую вершину? — спросила она.

Я помотал головой.

— Пещера чуть ниже вершины.

— А что там, в пещере?

— Боюсь, Розамунда.

Пока мы карабкались по скале, я размышлял о том, что, если Розамунда мертва, как я теперь опасался, юная Эмми могла бы стать мне хорошей женой. Я отдавал себе отчет, конечно, что эти мысли несколько преждевременны, но не был особо шокирован ими. Прожив достаточно долго, перестаешь давать волю чувствам и начинаешь предпочитать трезвый расчет. Возможно, к этому приучила меня жизнь в деревне; возможно, я был таким еще в прежней жизни.

Я наблюдал за Эмми, когда мы карабкались на ледяную скалу. Она была проворной, сильной и терпеливой. Меня удивляло, почему она с самого начала пыталась добиться моего внимания. Впрочем, мне казалось, что я знаю ответ. Я был руководящей личностью, доминирующим самцом. И, несмотря на то что я старался не возмнить о себе слишком много, в душе я был безусловно уверен, что я самый завидный мужчина среди прочих деревенских, самый красивый, сильный, яркий. Почему бы ей и не выбрать меня?

Мы достигли входа в пещеру. Когда-то она использовалась для человеческих жертвоприношений богам этой местности. Пол в пещере оказался усыпан ребрами и берцовыми костями, некоторые были совсем свежими. Было очень холодно. В глубине пещеры виднелись свисающие с потолка длинные тонкие сталактиты, которые сверкали в рассеянном свете, проникавшем снаружи.

Едва мы вошли в пещеру, я ощутил странное чувство приятного возбуждения. Вероятно, это было связано со временем су-

ток. Солнце уже закатилось, и на небо всходила луна — я увидел это, бросив взгляд через плечо. Сегодня была вторая ночь полнолуния. Вновь повернувшись к Эмми, я заметил, что она неумело пытается скрыть свой испуг передо мной. Когда мы углубились в пещеру, наклонившись, чтобы пройти под сталактитами, я почувствовал, как моя нижняя челюсть выдвигается вперед, как удлиняются лобные кости черепа. Мои ногти на руках вытянулись и заострились. Я ощущал себя очень хорошо, однако внезапно вспомнил последнюю ночь с Розамундой, и меня захлестнули противоположные эмоции: стыд, жалость, досада, с одной стороны, и какая-то злорадная гордость — с другой. Стыд и досада за свои собственные поступки, и в то же время горделивое любование содеянным. Часть сознания отрицала мое участие в преступлении, ведь я был хорошим человеком, который всегда помогал другим. Разве мог я превратиться в оборотня?

Я начал ощущать жгучую жалость к себе, и одновременно ярость от этой жалости, и еще растущий аппетит, поднимающийся из глубин естества. Я резко повернулся, разыскивая взглядом Эмми, которую упустил из виду, занятый своими внутренними ощущениями.

Она неуклюже бежала от меня в глубь пещеры. До чего же медленно передвигаются эти двуногие! Взобравшись на маленький каменный алтарь, она ухватила за кусок веревки, что спускался с потолка.

— Ты нашел Розамунду?! — пронзительно выкрикнула Эмми. — Она здесь, в глубине пещеры, где ты бросил ее после того, как растерзал!

Я был потрясен ее словами, но почему-то уже ожидал их.

— Это ее собственная вина, — сказал я. — Она слишком хотела вернуться домой. Я не мог позволить ей покинуть деревню.

— И это объясняет, почему ты разорвал ее на куски при полной луне?.. Розамунда была умнее, чем ты. Она приходила в эту пещеру, чтобы приготовить тебе кое-какой сюрприз. Но ты убил ее прежде, чем она получила шанс защитить себя! К счастью, ее подруга ведьма сумела связаться со мной, и я бросила все, чтобы приехать сюда, в это богом проклятое место, и довести дело до конца!

— Не говори ерунды, — сказал я. — Нам пора назад в деревню.

— Вернуться с тобой? Никогда! Если я...

Выбрав момент, я внезапно бросился на нее. Падая с алтаря, она дернула за веревку, и что-то тяжелое и острое, обрушившись

сверху, пронзило мое тело. С изумлением осмотрев себя, я обнаружил, что припилен к полу пещеры обломком сталактита.

— Помоги мне подняться, девочка, — сказал я. — Это несерьезно. Скажу тебе по секрету, меня нельзя убить. По крайней мере, не таким образом.

— Расскажи это деревенским, — произнесла Эмми. — Они очень хотят встретиться с тобой.

— Seriously? Вообще-то я не планировал давать аудиенции в это время и в таком неудобном положении!

— Они настаивают, — сказала она.

Они вошли в пещеру и выстроились передо мной, все местные обитатели — даже старая ведьма, даже зомби, даже калибаны, даже призраки. Том принес деревянный кол, Эмми установила его напротив моего сердца. Селяне длинной вереницей потянулись мимо меня, и каждый, кто подходил ко мне, человек или потусторонняя тварь, ударял по колу. Не то чтобы они ударяли слишком сильно, силенок у них не хватало, но этого было вполне достаточно, чтобы кол понемногу углублялся мне в грудь. Я постепенно умирал. Это были жуткие ощущения.

Эмми, кажется, начала рассказывать кому-то из деревенских нашу ужасную историю с самого начала, но я уже не мог разобирать слов. Я был мертв.

Существует другая версия концовки этой истории, принадлежащая одному из тех, кто ударял по колу вместе с прочими поселенцами. Если вам действительно интересно, я предлагаю эту версию вашему вниманию.

В данном варианте развития событий Зантия никогда не посещал жертвенную пещеру, и это крайне важно. На самом деле Эмми привела Зантию к его собственному дому.

— Что мы делаем здесь? — спросил он.

— Ищем Розамунду, — сказала Эмми. — Нет больше смысла терять время.

Они вошли, и Эмми сказала:

— Она здесь, в той самой комнате, в которую ты велел ей никогда не входить.

— Секундочку! — возразил Зантия. — У меня нет синей бороды. Мне кажется, ты далековата от истины.

— Не дальше, чем тебе кажется, — сказала Эмми. — Открой дверь и убедись сам.

Зантия открыл дверь. Посреди комнаты стояла кровать, на которой распростерлась Розамунда — забрызганная кровью, мертвая.

— Секундочку, — сказал озадаченный Зантия. — Я никогда...

— Хватит врать! — заявила Эмми. — Здесь чемодан Розамунды, с которым она приехала. Ты уже сто раз мог заглянуть в него, если бы тебя это хоть немного интересовало.

Зантия открыл чемодан. Внутри он обнаружил пачки писем, связанных сиреневой лентой, и маленькое зеркало. Когда Зантия посмотрел на свое отражение, он увидел на своем лице странное выражение — так, словно на лбу у него было написано крупными буквами: *ВО ВСЕМ ПРИЗНАЛСЯ И АБСОЛЮТНО ВИНОВЕН*.

Он еще пялился в зеркало, когда деревянный кол вошел в его спину, пронзил ее и проник в грудь, где и застрял.

— Я люблю тебя! — крикнул Зантия, падая на землю.

— Месть сладка, — произнесла Эмми. — Розамунда не успела осуществить свой план. Я завершила работу за нее.

Меня зовут Том Сапожник, и я хочу добавить еще пару слов к сказанному.

Оборотень Зантия был найден мертвым на следующий день лесными обитателями, живущими возле деревни. Он лежал в жертвенной пещере на Голой горе с деревянным колом в сердце. Новоприбывшая Эмми была допрошена об этом инциденте, поскольку была последней, кто видел Зантию живым. Она сообщила, что он пригласил ее к себе домой, где она провела ночь. Она не знает, куда Зантия ушел ночью и что он делал. Мы приняли ее показания, поскольку не было оснований ей не верить.

Мы также установили, что эта Эмми была сестрой предыдущей жены Зантии, Розамунды, также найденной мертвой в пещере и определенно убитой Зантией предыдущей ночью. Это достойно упоминания, поскольку не так уж часто в нашу деревню прибывают люди, каким-либо образом связанные друг с другом.

Жизнь нашей деревни в отсутствии Зантии, который, надо признать, был хорошим руководителем, протекает вполне мирно, хотя нам немного не хватает его постоянных кровавых вылазок при полной луне. Мы надеемся, что со следующей партией новичков к нам прибудет другой оборотень. По крайней мере, заказ на него мы уже оформили.

КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

Крысиный король

1

Сиреневая пустыня закончилась. Песчаные бури, редкие оазисы, миражи неведомых городов, задумчивые, греющиеся на барханах ящерицы, призраки торговцев родниковой водой и неистребимый запах сирени остались позади.

Сухопутная рыба последний раз взмахнула хвостом и остановилась. Крысиный король прыгнул на песок и, поправив кожаную, прочную перевязь, на которой висел кривой заркурианский меч, пристроил на спину не очень тяжелый мешок с пожитками. Рыба заурчала и медленно, устало зашевелила хвостом. Крысиный король снял с нее седло и, поставив его на песок, сильно хлопнул по покрытому крупной желтой чешуей боку.

— Пора расставаться. Спасибо за службу, — сказал крысиный король. — Отпускаю тебя.

Эти слова разрушили заклинание подчинения, и песчаная рыба, вдруг забыв об усталости, отчаянно работая плавниками и хвостом, ввинтилась в песок, скрылась из глаз. Ее бывший владелец едва успел отскочить в сторону, как она уже исчезла.

Осторожно ступая по горячему песку, крысиный король зашагал к четкой, словно прочерченной циркулем, неширокой черной полосе. За ней начинался сплошной ковер из фиолетовой травы и кустарника, здорово смахивающего на заросли колючей проволоки, усеянные узкими розовыми листочками и огромными цветами с толстыми желтыми лепестками.

Шагая к границе пустыни, крысиный король пытался прикинуть, как далеко находятся ворота в следующий мир. Скорее все-

го, до них было еще далековато. Хотя кто знает? Миры цепи разнообразны и разительно отличаются друг от друга. Возможно, этот — маленький и достичь его конца удастся завтра, а то и сегодня? Таким образом, количество ворот, отделявших его от родного мира, станет меньше на одну единицу.

Всего лишь на одну.

Сколько их осталось? Около десятка? Немало, действительно немало.

Немного не дойдя до черной полосы, он не удержался и оглянулся, окинув взглядом воронку, образовавшуюся на том месте, где рыба погрузилась в песок, и стоявшее на ее краю седло.

Гм... седло.

Представив, как трудно ему будет тащить на себе огромное тяжелое седло, крысиный король покачал головой. Ну уж нет. Пусть оно останется здесь. Возможно, оно понадобится кому-нибудь, вознамерившемуся преодолеть пустыню. А ему... ему придется дальше идти пешком. Ничего не поделаешь. Да и впервой ли такое? Ох не впервой.

Продолжив свой путь, он еще подумал о том, что за спиной у него, в мешке, лежит некая лампа. И будь у него возможность обвести вокруг пальца сидящего внутри ее джинна, уж он бы знал, что с того потребовать. Так же как и любой другой, оказавшийся на его месте. Правда, заставить джинна выполнять свои пожелания и при этом умудриться не попасть на его место, в лампу, может не каждый. А у него лично есть в этом приличная фора.

И конечно, из исключений могут быть свои исключения, но что, если нет?

Крысиный король тряхнул головой. Прочь искушения. На подобный риск он не пойдет. Пусть этим занимаются люди. А он лучше доберется домой своими силами. Так безопаснее, чем состязаться в хитроумии с настоящим, хорошо выдержанным в лампе джином. Причем, учитывая его опыт в различных путешествиях по миру-цепи, ему и беспокоиться-то не о чем. Десять миров? Он их преодолеет. Случалось оказываться и в худших обстоятельствах.

Крысиный король остановился.

До границы пустыни оставалась буквально пара шагов, но возле его ног имелось нечто интересное. И почему бы не полюбопытствовать? Особенно если это интересное является неболь-

шим, появившимся несколько мгновений назад, все увеличивающимся в размерах холмиком?

Что под ним скрывается? Может быть, это удастся как-то использовать в своих целях? А если не удастся, то вдруг получится узнать нечто новое об окружающем мире?

Думая об этом, крысиный король все же сделал несколько шагов назад. Извечно присущее крысиному племени любопытство — штука хорошая, но и об осторожности забывать не стоило. Вдруг эта выползающая из-под земли штука опасна для жизни?

Холмик между тем вырос до размеров мяча для игры в лупинболл и вдруг замер, словно у того, что было под толщей песка и, пытаясь выбраться наружу, его породило, кончился завод. Впрочем, если это живое существо, то оно могло просто задуматься, пытаясь найти ответ на достаточно тривиальный вопрос: «А на кой мне это надо?»

Ну, хорошо, пусть подумает.

Осторожно обойдя холмик по окружности, крысиный король миновал границу, отделявшую пустыню от саванны, и, присев на траву, приготовился ждать. Вот это он тоже любил и умел. Ждать в засаде, пока случится некое событие. Ждать и придумывать различные варианты своих действий, на случай если из-под песка появится нечто действительно забавное.

К тому времени когда холмик лопнул, он успел их придумать аж целых шесть. Ни в одном из этих вариантов не нашлось места существу, в конце концов появившемуся перед его глазами. Более всего оно смахивало на тиранозавра. Все, как и положено. Крохотные передние лапки и гораздо более массивные задние, а также пасть, усеянная острыми зубами. Как есть маленький тиранозавр.

Как он попал под толщу песка?

Хотя догадаться нетрудно. Там, в глубине, остались обломки яйца, из которого этот малыш вылупился.

Крысиный король осторожно понюхал воздух, а потом, еще раз окинув кроху испытующим взглядом, пробормотал:

— Так, тиранозавр-детеныш. Что дальше?

— Есть! — сказал детеныш хищника, так и не попавшего в первую шеренгу самых опасных созданий мира-цепи, возглавляемую великими магами, но уж во второй-то утвердившегося достаточно прочно. Где-то рядом с кроважатым ночным ужасиком, весь смысл жизни которого умещался в одно слово «убийст-

во», и сверхпрожорливым зубастом, способным за один присест слопать средних размеров слона.

— Ну да, — пробормотал вождь крысиного племени. — А что еще ты мог сказать?

— Есть! — настойчиво повторил тиранозаврик. — Хочу есть! Сейчас хочу есть!

— Ну уж нет, — сказал ему крысиный король. — Вот еще! Не хватало мне подкармливать всяких малолетних хищников. Вон у тебя даже зубы есть. Отправляйся на охоту. Каждый должен заботиться о себе сам. Мне кажется, это хороший принцип.

— Есть! — промолвил тиранозаврик и щелкнул крохотными зубами нежнейшей, девственной белизны.

Крысиный король почесал лапой за ухом и не спеша встал.

Нет, здесь ничем интересным не пахло. А значит, надо было уходить. Причем чем скорее, тем лучше. Того и гляди сюда заглянет мама этого назойливого малыша. И вот тогда...

Последняя мысль венценосной крысе не понравилась. Со всем не понравилась.

— Дай есть! — взвыл тиранозаврик и, смешно переваливаясь с боку на бок, побежал к крысиному королю.

Тот не испугался. При желании он мог бы расправиться с крохой одним пинком.

— Ладно, парень, — сказал крысиный король. — Предоставляю тебя твоей судьбе. Надеюсь, ты сможешь выжить.

— Немедленно дай мне поесть! — выл тиранозаврик. — Хочу есть!

Ну да, как же! Он хочет.

Крысиному королю с рождения было дано умение понимать языки всех других животных. В данный момент он о нем пожалел. Не будь у него этого умения, вопль тиранозаврика был бы для него ничего не значащим писком.

Собственно, а что ему мешает уйти сейчас? Рано или поздно явится мамочка малыша и первым делом отправится на поиски пищи. Тот, кто окажется в этот момент неподалеку, рискует в нее превратиться.

Вот эта мысль крысиному королю не понравилась вовсе. Он двинулся прочь от зубастого малыша, так озабоченного состоянием собственного желудка. И чем дальше он окажется...

Прямо за спиной крысиного короля раздался истошный писк, а мгновением позже в его правую заднюю лапу что-то вцепилось.

Предводитель крысиного племени остановился и посмотрел вниз. Так и есть. Тиранозаврик впился в его лапу с отчаянием утопающего, вдруг обнаружившего под рукой спасательный круг. Он обхватил ее не только задними и передними лапами, но и пустил в ход зубы. Боли крысиный король не чувствовал, зубы тиранозаврика пока еще были так малы, что не могли прокусить его шкуру. Но вот отцепить маленького...

Гм... а как же его отцепить так, чтобы он не пострадал? Если его обидеть... Как долго будет преследовать обидчика его мама и что с ним сделает, когда настигнет?

— Эй, — сказал предводитель крыс. — Брысь, малявка. У меня и так куча неприятностей. Чего ты ко мне пристал?

Тиранозаврик безмолвствовал.

Хорошо же... ну, сейчас...

Старательно делая вид, будто ничего не произошло, крысиный король двинулся дальше. Шагов через двадцать он опять остановился. Тиранозаврик продолжал цепляться за его ногу. Чувствовалось, упорства ему не занимать.

— Ну, что тебе от меня надо? — спросил крысиный король. — Чего ты ко мне прицепился? Я тебя трогал?

Детеныш молчал.

— Хорошо, давай договоримся. Что я могу для тебя сделать?

Ответа не последовало.

— Ты хочешь есть?

Гробовое молчание.

— Ой, сюда идет твоя мама! — воскликнул крысиный король. — Беги к ней! Она уже рядом.

Ноль внимания, фунт презрения.

— Ты будешь со мной разговаривать? Нет? Ну, тогда так и скажи.

Тишина.

— Хорошо же... А есть ты, стало быть, хочешь?

Тиранозаврик, не разжимая зубов, издал невнятное рычание.

Это уже был какой-то прогресс.

Восьмикрылая стрекозушка, яростно шипя, забилась в лапе крысиного короля.

— Ну вот, а как тебе это? — спросил он, подсовывая стрекозушку тиранозаврику. — Будешь есть? Видишь, какой я добрый?

Малыш тотчас отпустил его ногу, схватил насекомое и в мгновение ока проглотил.

- Вкусно? — спросил крысиный король.
- Тиранозаврик кивнул.
- А теперь мне пора идти.
- Нет, — заявил малыш.
- Почему? — поинтересовался предводитель крыс.
- Я буду с тобой. Куда ты, туда и я.
- Но почему?
- Ты меня накормил первым.
- А это-то тут при чем?
- Если накормил, значит, ты моя мама.

2

Миротворица проснулась.

Ощущение соприкосновения с реальным миром словно наждачкой содрало с нее обрывки воспоминаний о самых сладостных снах, вернуло некие забытые на время умения.

Она мысленно улыбнулась.

В этот раз благодаря им осечки не должно быть. Тем более что враг в этот раз не идеален, далеко не идеален. И опыта у него маловато. А вот у нее опыт просто огромный. И это должно сыграть свою роль.

3

Лампа у джинна была просто шикарная, сделанная всего четыре тысячи лет назад. Еще она имела очень удобный носик, достаточно широкий, чтобы не цепляться за его стенки боками. Причем носик этот был искусно изогнут, что гарантировало защиту от дождя и солнечных лучей, а в самом изгибе было некое законченное, присущее только настоящему произведению искусства изящество. И конечно, внутри лампа была просторна. В ней поместились даже несколько гурий, а также плавательный бассейн, считавшийся и вовсе немыслимой роскошью.

В общем, лампа у джинна была просто замечательная. Единственным ее недостатком было то, что самому джину она смертельно надоела, и недостаток этот сводил на нет все удобства.

Владей ею кто-нибудь другой, джинн уже давным-давно сумел бы вырваться на свободу. А вот крысиный король... этот крыси-

ный король... Крысиный король были слишком хитер и осторожен.

Подумав об этом, джинн застонал и с размаху ударил себя кулаком по бритой макушке. Новых идей от этого в голове не появилось, а вот легкая головная боль возникла.

И все-таки он знал, что у его нового владельца должна быть какая-то уязвимая точка. Надо только ее нащупать.

Золото? Да, он любит золото, но не настолько, чтобы ради него рискнуть вступить в состязание с джинном. Честолюбие? Он в меру честолюбив, но не более. Любовь? Как к этому делу пристегнуть любовь?

Джинн расположился поудобнее на огромной, вышитой золотом, набитой мягкой травой седалькой подушке и задумчиво посмотрел на сидевшую неподалеку рыжеволосую гурию. Та сейчас же томно повела плечами и состроила ему глазки.

Джину стало тошно.

Попадись ему такая красotka снаружи, на свободе!... А вот так, в лампе... И ведь ничего не придумаешь... Хотя... Стоп-стоп, а не появилось ли возле хозяина лампы некое новое живое существо? Может быть, он зря не обратил на эту маленькую хищную ящерицу внимания?..

Конечно, шансы на удачу очень малы, но кто мешает попробовать претворить в жизнь одну забавную идею? Вдруг что-то получится?

4

Их было трое, и у них был приказ, четкий и недвусмысленный.

Первого из них звали Проломленный Череп. Он был вооружен тяжелым боевым топором и шел впереди, поскольку был главарем отряда. Сразу за ним шагал тот, кто получил имя Широкая Кость. Имя это соответствовало действительности. Сложение у него было и в самом деле широкое. Вооружен он был длинным, несколько поржавевшим, но все еще острым и, значит, опасным мечом. Третий откликался на имя Хромоногий. Неловко ставя правую ногу, сжимая в руках копье, с заметно тронутым прозеленью наконечником, он топал самым последним.

— Это... мы долго еще? — спросил Хромоногий. — Долго нам идти?

— Пока не выполним приказ, — ответил Проломленный Череп. — Неужели забыл, зачем нас отправили? Мы должны были

найти некое существо, не обязательно человека. Обязательно лишь выполнение указаний насчет крови.

— Люди, — сообщил Широкая Кость. — Они нас боятся. И запаха. Они хорошо чувствуют запах. Думаю, человек от нас попытается убежать.

— Но ведь тебе же сказали, что объект не обязательно должен быть человеком, — напомнил Хромоногий. — Он может быть кем угодно. Главное, чтобы у него была подходящая кровь.

— Хватит трепаться! — рявкнул Проломленный Череп. — Помните: мы должны выполнить поставленный перед нами приказ, и мы его выполним. А вот если будем отвлекаться на трепотню... В общем, вижу, вы все поняли. Идем дальше.

И троица продолжила свой путь.

Молча. Стараясь шагать широко и уверенно. Тихо пощелкивая суставами.

5

Крысиный король схватился за голову и в полном отчаянии спросил:

— Почему? Почему ты считаешь, будто я твоя мама?

— Начнем все сначала? — деловито поинтересовался тиранозаврик.

— Нет, — поспешно сказал предводитель крысиного племени. — Не надо. Не сейчас.

— В чем тогда дело? Почему ты продолжаешь со мной эту странную игру? Учти, она мне уже надоела.

Динозаврик смотрел на крысиного короля так, словно видел перед собой нечто в высшей степени красивое, бесконечно доброе и замечательное. Так, как смотрят на... ну да, ну да, как смотрят на самую настоящую маму.

Крысиному королю стало не по себе.

Жизнь его была богата приключениями, и ему, конечно, не раз приходилось искажать факты, слегка преувеличивать, выкручиваться, наводить тень на плетень и просто врать. Однако если на тебя смотрят такими любящими, такими наивными и готовыми верить каждому твоему слову глазами...

— Хм... — промолвил крысиный король. — Ну, хорошо. Давай эту игру прекратим, если она тебе не нравится. Но мы ведь к ней вернемся, не так ли?

— Как пожелаешь.

Крысиный король почувствовал некоторое облегчение. Ну вот, уж легче. Хотя... как сказать.

Что будет, если их нагонит мать тиранозаврика? Скорее всего, она решит, будто тот был похищен. А как поступит с пойманным похитителем своего чада любая мать на свете, пусть даже не такая зубастая, как самка тиранозавра? Погладит его по головке? Скажет «спасибо»?

Нет, надо что-то предпринимать. Срочно.

— А теперь мне снова захотелось есть, — заявил тиранозаврик. — Голоден я очень. Понимаешь?

6

Щепотка знаний об окружающем мире, огромное, просто непомерное любопытство, несокрушимая вера в лучшее будущее, и... ну да, вот она — любовь к маме. Неиссякаемая. Это — хуже всего. Эту скалу с места не толкнешь. Не по силам.

Джинн приуныл.

Объект воздействия, называется. Неужели придется отступить и здесь?

Джинн взглянул на вогнутую, сияющую желтизной свежесбитого масла стену лампы и содрогнулся.

Вот нет! Он что-нибудь придумает. Просто обязан.

Итак, что у него имеется? Знания? Они настолько ничтожны, что их можно не учитывать. Да и кто пытался завладеть чьим-то сознанием с помощью знаний? Эмоции, только эмоции. Вот его настоящее оружие.

Любопытство. Как его можно использовать? Пока не ясно, но может быть, что-нибудь придумается. Вера в будущее? Ее пока в дело пустить не удастся.

Любовь к матери?

Джинн огорченно покачал головой.

Вот это уже ни в какие ворота не лезет. Это помешает ему с помощью тиранозаврика загнать крысиного короля в такое положение, в котором он будет вынужден воспользоваться волшебной лампой. А помешает ли?

Обдумывая эту мысль, джинн снял халат и погрузился в прохладную, пахнущую фиалковой эссенцией воду бассейна. Тотчас же рядом с ним появились две гурии и принялись его массировать. Одна была белокурая, а другая — шатенка. Сидя по шее в

ароматной воде, нежась под умелыми руками гурий, джинн размышлял.

Любовь к матери, направленная на этого проходимца крысиного короля... Если разрушить ее невозможно, то почему бы не попытаться использовать в своих интересах?

7

— Направо или налево? — спросил Широкая Кость.

— А какая разница? — ответил вопросом на вопрос Хромоногий.

— Спроси тогда у старшего, он скажет. Кому знать, как не ему?

Проломленный Череп сделал вид, будто всего этого не слышал. Он внимательно изучал огромный замшелый камень, на котором было выбито: «Направо пойдешь...» На этом надпись обрывалась. Судя по следам на камне, ее кто-то старательно стесал. Правда, ниже была другая, сделанная корявыми буквами густой красной краской. «А стоит ли идти хоть куда-то? Не лучше ли вернуться туда, откуда пришел? Спартак — победит... вольфрам и ванадий».

Что-то эта красная надпись наверняка должна была означать. Вот только — что именно?

Загадка, настоящая загадка.

— Направо, — наконец буркнул Проломленный Череп.

Они двинулись по правой дороге и даже прошли по ней с полкилометра. А потом на пути их возникла преграда.

Более всего она смахивала на старого, с обвисшей кожей и двумя расположенными рядом хоботами, раскрашенного выцветшими на солнце красными, зелеными и синими полосами слона. Занимая большую часть тропинки, он стоял неподвижно и, тихо фыркая, рассматривал трех приятелей огромными, как сковородки, красными глазами.

— А с этим что будем делать? — спросил Широкая Кость. — Он мешает нам пройти.

— Мы должны убрать со своего пути это препятствие! — рявкнул Проломленный Череп.

Он ткнул топором в сторону полосатого «слона». Зверь яростно заревел.

— Мы ему не нравимся, — сообщил Хромоногий.

— Еще бы, — промолвил Широкая Кость. — Видел ли ты себя

со стороны? Уверяю, красавцем никого из нас троих не назовешь.

— А может, он бешеный? — поинтересовался Хромоногий.

— Неважно, — давил свое Проломленный Череп. — Все это совершенно неважно. Мы должны пройти мимо, и мы это сделаем.

— Как? — спросил Хромоногий.

— Нападем на него. Чего нам бояться? Думаю, большого вреда он нам причинить не сможет. Вперед!

— В смысле — нападаем?

— Да, — подтвердил Проломленный Череп. — Никаких ожиданий! В атаку!

И он снова картинно ткнул в сторону противника топором. Этот жест «слону» не понравился, и, издав яростный рык, тот бросился к трем говорунам.

— Ну вот... — сказал Хромоногий, глядя на стремительно приближающегося зверя. — Противник напал первым.

8

Предводитель крыс протянул тиранозаврику здоровенного, жирного изподкаменного червя и с отчаянием подумал, что превратился в няньку. В няньку, опекуна, пестуна и добытчика пищи.

Как же это с ним произошло? Зачем он в отношении этого зубастого крохи дал слабину? Надо было как-нибудь от него отделаться прямо там, на краю пустыни.

— Мама! — сказал тиранозаврик. — Я сыт.

Крысиный король не поверил своим ушам. За последние полчаса, глядя на то, как маленький хищник насыщается, он почти потерял надежду хоть когда-нибудь услышать эти слова.

Но вот же — случилось. Невероятно!

— Кстати, ты не можешь сообщить, как меня зовут? — попросил тиранозаврик.

— М-м-м... зовут?

— Ну да. У каждого живого существа есть имя. У меня оно тоже должно быть.

— Я еще не придумал, — признался крысиный король. — Как-нибудь потом... Хотя... Острозуб? Зубастик? Кусака?

— Кусака! — воскликнул тиранозаврик. — Я буду Кусака. Это хорошее имя, не так ли? Оно приносит удачу в охоте?

— Возможно, так и есть. Ну, а теперь...

— А теперь мне хочется спать, — промолвил Кусака и сладко зевнул. — Я, пожалуй, посплю.

— Ну, вот и отлично, — промолвил крысиный король. — Поспи вот здесь, вот на этой мягкой травке, вот под этим деревом. Закрой глазки...

Кусака медленно присел на задние лапы и закрыл глаза. Похоже, он и в самом деле собирался уснуть. Учитывая, сколько он спал, это не удивительно. И как только он окончательно унется в страну сновидений...

Крысиный король осторожно сделал шаг назад.

Тиранозаврик приоткрыл глаза и промолвил:

— Но ты все же от меня не отходи. Вдруг с тобой что-то случится? Если это произойдет, я приду тебе на помощь. Я им покажу.

— Между прочим, — сказал крысиный король, — в защите я не нуждаюсь. Мне приходилось не раз выкарабкиваться из таких положений, в которых кто-то другой мог запросто погибнуть. И отсюда следует вывод...

— ...что тебе свойственно влипать в разные истории. Ничего, теперь нас двое, и я тебя сумею от них уберечь. Моя мама, конечно, должен обо мне заботиться, но и я, в свою очередь, обязан его защищать. Понимаешь?

— Но я не...

— Ты опять? Я же тебе в прошлый раз довольно доходчиво объяснил все недостатки этой игры. И кажется, мы договорились, что в нее играть мы более не будем, — строго сказал тиранозаврик. — Пойми, если я хотя бы на минуту представлю, что ты не моя мама, то шок от этого заставит меня вести себя крайне неразумно. И мне представляется, что неразумное поведение у меня проявится в том, что я пушу в ход зубы. И будет это до тех пор, пока кто-то из нас не умрет. Правда?

Крысиный король тяжело вздохнул.

Все верно. Причем лично он великолепно знал, кто из них двоих умрет. Вот только что он будет делать, убив тиранозаврика? Как спастись от его настоящей мамы, в том случае, если она все-таки идет по их следам? Как известно, нет более мстительного существа, чем тиранозавр.

Нет уж, лучше немного потерпеть. А что, если все-таки ударить... вот просто сейчас взять и удрать?

— Правда, правда, — сказал крысиный король. — Между прочим, ты собирался уснуть. Ты знаешь, что во сне клыки растут в два раза быстрее?

— В самом деле?

— Точно.

— Хорошо, я постараюсь уснуть.

Кусака послушно закрыл глаза.

Крысиный король облегченно вздохнул.

Вот теперь надо подождать. Терпение, время и терпение. В данном случае слагаемыми успеха являются именно они.

Минут через пятнадцать тиранозаврик приоткрыл пасть и издал тихий храп.

Крысиный король остался на месте.

Рано, еще рано. Вот немного погода...

Спустя еще пятнадцать минут питомец что-то тихо прорычал во сне.

Кажется, пора. Самое время уносить ноги.

Крысиный король сделал осторожный шаг назад. В ту же секунду Кусака проснулся и, мгновенно преодолев разделявшее их расстояние, клешом впился в заднюю правую лапу своей дорогой мамочки.

9

Джинн тихо хихикнул.

Ну вот, кажется, его дело стронулось с мертвой точки.

Это была неплохая идея — загнать крысиного короля в угол, заставить его воспользоваться лампой. И конечно, до цели еще очень далеко, но первый шаг в нужном направлении сделан.

Гип-гип — ура!

Он удобнее расположился на своей подушке, взял с низенького столика бокал с недопитым коктейлем и, отхлебнув из него, довольно улыбнулся.

Вот так-то! Знай наших!

Да, а что там делает крысиный король?

Джинн не отказал себе в удовольствии полюбоваться на физиономию владельца лампы, в данный момент пытающегося уговорить тиранозаврика отпустить его лапу. Если ему и дальше удастся незаметно, но достаточно эффективно вмешиваться в происходящее, внимательно наблюдать за злоключениями владельца лампы и вовремя использовать подвернувшиеся возможности, его дело может выгореть.

Кстати, почему бы и нет? Кто знает, вдруг его свобода действительно не за горами?

10

Проломленный Череп лежал на земле и слушал, как «слон», пыхтя и взрыкивая, топчется по Хромононому, дробя тяжелыми лапами его кости. Треск стоял, как при жарке попкорна. Слегка приподнявшись, Проломленный Череп взглянул на Широкую Кость. У того полным ходом шел процесс восстановления, но для его завершения, на глаз, требовалось не менее двух-трех минут.

Прекрасно. А что там Хромоногий? Угу, он уже дошел до критического состояния, после которого можно не восстановиться. Вот эту nepозволительную потерю допустить нельзя. И значит, настала пора что-то предпринять.

Нашарив валявшийся рядом топор, Проломленный Череп провел костяшкой пальца по его острию и удовлетворенно хмыкнул.

Все еще остер, все еще годится в дело. Неплохо, совсем неплохо!

«Слон» громко взревел и сразу же вслед за этим послышался громкий хлопок. Похоже, теперь настала очередь позвоночника. А может, зверюга наступила Хромононому на голову?

— Я иду! — крикнул Проломленный Череп. — Я уже иду!

Вскочив, он кинулся к «слону» и вонзил ему в бок свой топор.

— Так ему! — гаркнул Широкая Кость. — Покажи, где раки зимуют! Мы неуничтожимы, и значит, наша победа неизбежна, словно возрождение после смерти! Еще пара минут, и я тебе помогу.

Проломленный Череп подумал, что сказано неплохо. Надо запомнить.

«Слон» истошно завизжал и, повернувшись к Проломленному Черепу, попытался достать его лапой. Безуспешно. Ловко увернувшись от удара, предводитель маленького отряда издал еще один воинственный клич и, выдернув топор из тела зверюги, нанес ей в тот же самый бок второй удар. Брызнула фиолетовая кровь.

— Вот так! — завопил Широкая Кость. — Так его, наглеца! Еще разок, да посильнее!

Проломленный Череп выдернул топор и попытался было нанести еще один удар, но как раз в этот момент противник наконец бросился наутек.

— В погоню! — взревел Широкая Кость. — Врага надо добить!

— Пусть бежит, — махнул рукой Проломленный Череп. — Мы добились главного. Дорога свободна. Можно идти дальше.

— А враг? — спросил Широкая Кость.

Шейные позвонки у него восстановились уже настолько, что он сумел повернуть череп в сторону командира отряда.

— Пусть бежит. Он храбро сражался, а настоящая храбрость должна быть вознаграждена. У нас же есть задание. Мы должны его выполнить любой ценой. Поэтому даю еще несколько минут на окончательное восстановление, а потом двинемся дальше, продолжим поиски. Приказ Повелителя должен быть выполнен.

— Что будет, если мы схватим не того? — спросил Широкая Кость.

— Мы не можем перепутать, — сообщил Проломленный Череп. — На меня наложено особое заклинание. Я его гарантированно определяю.

— И мы его схватим, — вставил Хромоногий.

— Да, — подтвердил Проломленный Череп. — Вот сейчас восстановимся, продолжим путь... И как только увидим, так сразу и схватим.

11

Они свернулись с лесной дороги на открывшуюся рядом с ней полянку и расположились отдохнуть на красной завивающейся спиральками траве, среди смайликовых кустов, увешанных крупными фиолетовыми, смахивающими на улыбающиеся человеческие физиономии ягодами.

— Ну, хорошо, — сказал крысиный король. — Давай поговорим серьезно.

— Поговорим? — спросил Кусака. — О чем?

— О наших взаимоотношениях. Ты не отпускаешь меня ни на шаг и все время цепляешься за мою лапу. Мне кажется, это неправильно.

— Почему? Я стремлюсь быть как можно ближе к родному мне существу. Так должно быть.

Крысиный король крикнул.

Что можно в такой ситуации поделать? Бросить подопечного, унести ноги? Не получается. Даже если он рассыплется на несколько десятков крыс и попытается удрать таким образом. Малыш слишком проворен. Кто мешает ему сцапать одну из этих крыс? И какой части тела можно в результате этого не досчитаться?..

Значит... Что остается? Добраться до ворот в следующий мир? Если тиранозавриха его все же преследует, то через них она не пройдет. После них можно будет поговорить с Кусакой всерьез,

объяснить, что он не является его мамой... Ну, в общем, там что-нибудь придумается. Главное — дотянуть до ворот. А там... Вот же дернула его нелегкая...

От размышлений его оторвал голос Кусаки:

— Они не могут быть опасны?

— Кто? — спросил крысиный король.

— Ну, те три скелета, только что показавшиеся на краю поляны. Смотри, они, кажется, направляются прямо к нам.

12

Клыки были длинные, белоснежные, острые, словно свежие осколки кремня. Они вонзились пирингвину в шею. Для того чтобы разорвать ее, хватило одного мгновения.

Постояв еще немного над содрогающимся в конвульсиях телом, внимательно оглядевшись, тиранозавриха приступила к трапезе. Наклоняясь к туше, она вырывала из нее огромные куски мяса и, высоко закидывая голову, их проглатывала. Быстро и сноровисто, кусок за куском, пока не наелась, пока не ощутила в животе сытую, разнеживающую тяжесть.

Вот теперь можно было расслабиться, дать телу отдохнуть, пока не переварится съеденное мясо. Пока вновь проснувшийся голод не погонит на новую охоту. И будет это, конечно же, скоро. Однако не сейчас. И значит, можно отдохнуть, найти удобное, безопасное место, расслабиться, поспать.

Тиранозавриха подумала, что сейчас это для нее — самое главное. Уснуть, отдохнуть от вечной погони за свежим мясом, не желающим становиться добычей, убегающим, иногда даже успешно, от ее когтей, от ее клыков.

Мясо.

Она знала, она твердо была уверена, что мир создан только для того, чтобы она могла охотиться, только для того, чтобы предоставить ей возможность гнать и гнать добычу, насыщаться, а в самые удачные периоды жизни продолжать свой род.

Продолжать свой род...

Эти слова ей что-то напомнили.

Пустыня, запах сирени, жаркий песок и зарытые в него кругляши.

Яйца!

Ну да, те самые, из которых вот-вот должны вылупиться ее де-

ти. Ее крохотные отпрыски. Может быть, стоит их проведать? Узнать, как у них дела?

Вдруг после того, как юные тиранозаврики появятся на свет, кто-то надумает их съесть? Наверняка таких желающих найдется немало. И значит, настало время вернуться к своим детям.

Конечно, сначала она отдохнет. А потом навестит их. И горе тому, кто попытается нанести вред юным тиранозаврикам.

13

— Может, попытаемся от них убежать? — предложил Кусака.

— Думаю, сначала надлежит выяснить, что им от нас надо, — пробормотал крысиный король.

— А как ты это сделаешь?

— Мы подождем.

— А-а-а... понятно.

Скелеты остановились шагах в пяти, и один из них, вооруженный огромным боевым топором, сообщил:

— Благодаря наложенному на меня заклинанию я вижу, что ты относишься к королевскому роду. В твоих жилах течет королевская кровь.

Крысиный король слегка оскалил длинные острые зубы и ответил:

— Какое это имеет значение?

— Большое, — проскрипел скелет. — Ты последуешь за нами.

— А если нет?

Скелет взмахнул топором с зазубренным и покрытым ржавчиной лезвием. Два его товарища взяли свое оружие поудобнее.

Крысиный король подумал, что противопоставить им может только заркурианский меч, когти и клыки. Против скелетов, поднятых магической силой, этого мало. Когда-то давно, попытавшись обчистить склад одного купца, он столкнулся с такими скелетами и теперь знал, что уничтожить их очень трудно.

Магия-с. С ней шутки плохи.

— Они нам угрожают? — спросил Кусака.

Крысиный король вздрогнул. Ах да... еще и малыш. В драке он пока не помощник. Скорее помеха. И это надо учитывать. Попытайтесь удрать? Вряд ли это получится. Конечно, от скелетов можно убежать, поскольку они двигаются медленнее, однако они неутомимы. Рано или поздно нагонят.

Значит, придется играть по навязанным правилам. В первый раз, что ли?

Крысиный король демонстративно снял лапу с рукояти меча и сказал:

— Ладно... хм... господа, я согласен вам подчиниться. Что от меня требуется?

— Пойдешь с нами. Тебя ждет Повелитель.

14

Ждать подходящего момента.

Это Миротворица умела просто великолепно. Подождать сколько нужно, а потом в самый лучший момент начать действовать и добиться победы, приложив наименьшие усилия.

Умение ждать сколько нужно и действовать только в самый подходящий момент. Не это ли считается стилем? И так ли удивительно, что он у нее есть?

Миротворица мысленно усмехнулась.

Впрочем, не слишком ли рано она принялась говорить самой себе комплименты? Особенно если учесть, что дело, ради которого она оторвалась от такого долгого сна, еще очень далеко от завершения.

И все-таки — никаких действий с бухты-барахты. Выждать, подкараулить подходящий момент и только после этого...

Стиль во всем. Этого принципа она придерживалась в прошлом, не собиралась изменять ему и сейчас.

15

Как можно воздействовать на мысли того, у кого мозга в наличии нет, кто и живет-то только благодаря могущественным чарам?

Джинн вполголоса выругался:

— Джа-парра-ра-грамма-тога-хорик-пелик-пелик-гросс!

В переводе с древнепеликанского это означало: «Пусть моего врага разнесет на мелкие клочки и рассеет по всем уголкам великой пеликанской империи». Джинну, как и каждому представителю его племени, ругаться приходилось в высшей степени осмотрительно. Всегда существовала вероятность, что какое-либо

особо причудливое ругательство, восприняв толику присущей им энергии, воплотится в жизнь. Поэтому язык, на котором никто не говорил уже сотни лет, подходил для этой цели неплохо. К примеру, воплотить в жизнь только что произнесенные им слова было невозможно. Как может кого-то разнести по всем уголкам империи, в данный момент не существующей?

— Что угодно нашему повелителю? — спросила у джинна белокурая гурия.

Тот смерил ее тяжелым, словно кулак молотобойца, взглядом и буркнул:

— Ничего.

— Может быть, сиятельный, схожий с солнцем и луной на небе господин желает, чтобы я его ублажила?

— Не надо, — буркнул джинн.

— Тогда, возможно, душа его жаждет музыки и танцев?

— Нет.

— Сладкого шербета?

— Отстань от меня.

Гурия поспешно поклонилась и юркнула к нему за спину, где и затихла. И, кстати, поступила совершенно разумно. Пара-другая разматериализаций и восстановлений кого угодно научит правильно определять подобные моменты.

Джинн уныло посмотрел на бассейн, возле которого сидел, и, еще раз тяжело вздохнув, сотворил в нем трех золотых рыбок с головками, напоминающими человеческие черепа. Одно движение его руки, и рыбки, поднявшись к поверхности воды, стали выплывать на хвостиках что-то вроде джиги.

М-да... Вот так бы заставить себе подчиняться и тех скелетов. Уж он бы с их помощью махом претворил в жизнь свой план освобождения. Только как можно воздействовать на мысли тех, у кого нет мозга?

Огорченно взмахнув руками, джинн вполголоса пробормотал:

— Грак-джи-джа-гаки-хар!

На старопеликанском языке это означало: «Пусть их внутренности завяжутся узлом». А откуда у скелетов внутренности?

Хмыкнув, джинн слегка улыбнулся.

Вот именно — откуда? И вообще, чего это он впал в отчаяние? Ну, не получилось у него использовать скелетов, ничего страшного. Рано или поздно возможность претворить в жизнь план, касающийся этого хвостатого авантюриста, представится.

16

Мама — лучшая штука на свете. Быть рядом с ней приятнее, чем отгрызть голову какой-нибудь птичке, лучше, чем поймать и слопать зеленую шестиногую ящерицу, лучше, чем бежать по траве на двух сильных лапах и мечтать о тех, кого ты разорвешь на части, когда вырастешь.

Кусака знал это так же точно, как и то, что он со временем вырастет в настоящего, неутомимого охотника, от когтей и клыков которого не удастся ускользнуть никакой добыче.

В будущем, в далеком ослепительном будущем... Потом...

Пока же он бежал рядом с крысиным королем, стараясь от него не отставать, приглядывался к сопровождавшим их скелетам, запоминал, как их зовут, слушал их разговоры и все более убеждался, что они — дураки набитые.

И все же мама с ними пошел. Мама им подчинился. Почему? Вот бы узнать получше. Но сам мама вряд ли сейчас станет это объяснять. А кто-то другой...

Впрочем, есть и другие. И с ними можно поговорить, их можно послушать.

Тиранозаврик, до этого тащившийся в самом конце двигавшейся по дороге группы, вдруг быстрее заработал лапами и, догнав шедших рядом Хромононого и Широкую Кость, спросил:

— А правда, вы когда-то были людьми?

— Отстань, шкет, — буркнул Хромоногий. — Не приставай к старшим.

— Это кто — старшие?

— А ты как думаешь? Мы, конечно. Вот вырастешь, совершишь массу самых разных глупостей, потом умрешь, и тогда...

— Какие же глупости я должен совершить?

Этот вопрос поверг Хромононого в задумчивость.

— Что, не хочешь признаваться в своих ошибках? — ехидно спросил Широкая Кость.

— Если бы... — ответил Хромоногий. — Если бы дело было только в этом...

Топая рядом, Кусака внимательно слушал. И вдруг, уловив момент, задал вопрос:

— Эй вы, ходячие кости, а куда вы нас ведете?

— Ты чем слушал? — спросил Хромоногий. — Твоего спутника желает видеть Повелитель.

— Повелитель? А кто это? У него что, очень большие зубы?

— Зубы у него нормальные, — ответил Широкая Кость. — Вот как у меня, например.

Взглянув на его зубы, Кусака подумал, что такими гнилыми пеньками невозможно напугать никого на свете, а тем более его могущественного маму. Разве что какого-нибудь дантиста.

Нет, тут что-то не так.

— И почему он так грозен? — поинтересовался тиранозаврик. — Почему он вами повелевает?

— Он снова дал нам жизнь. Понимаешь?

Кусака кивнул.

Вот это-то он как раз понимал хорошо.

У них тоже был мама. И звали его Повелителем. Он был здоровой такой мамой, откладывающей яйца, из которых потом вылупляются скелеты. Вот такие, как те, что сейчас топают рядом по дороге. Интересно, как он выглядит, этот Повелитель? Как здоровенный скелет крысиного короля? Нет, скорее всего, как огромный человеческий скелет.

И значит...

— А чем он питается? — спросил Кусака.

— Ну-у-у... хм... Наверное... — пробормотал Хромоногий.

— Не знаю, — честно признался Широкая кость.

— Ага, — сказал Кусака. — Значит...

— И вообще, что ты ко мне пристал? — вспылил Широкая Кость. — Отстань, а не то у тебя сейчас начнутся неприятности.

Он не шутил, и Кусака это понял. Прибавив шагу, он построился рядом с крысиным королем. Сразу же, как и положено, где-то внутри у него стало тепло и приятно.

Все-таки мама.

А Повелитель... Сейчас, конечно, какие-то вопросы скелетам задавать бесполезно. Они все равно не ответят. Но вот потом... Нет, этого он так не оставит и постарается разузнать о Повелителе как можно больше. Вдруг пригодится для того, чтобы в нужный момент помочь дорогому мамочке.

17

К вечеру они вышли на берег широкой неглубокой реки, и тут крысиный король заявил, что устал и должен отдохнуть. К этому времени Кусака умаялся настолько, что не мог идти дальше, и его приходилось нести на спине.

Очевидно, скелетам были даны инструкции беречь пленников, и упрощать их не пришлось. Было решено устроить привал. Под зорким присмотром стражей крысиный король наловил в реке рыбы, поел сам и накормил Кусаку. Тот сейчас же заснул как убитый.

Слегка позавидовав его беззаботности, крысиный король уселся в паре шагов от воды и, глядя на заходящее за край мира солнце, попытался прикинуть создавшееся положение.

Ну ладно, подумал он, давай рассуждать логично. Кто может быть повелителем этих скелетов? Да кто иной, кроме некроманта? И это — очень скверно. Общение с некромантами до добра не доводит.

Значит, все-таки придется бежать. И кто мешает ему прямо сейчас сигануть в воду и дать деру? Кусака? Можно даже не гадать, что с ним будет. Командир этой восставшей из могилы троицы, прежде чем они устроили привал, рассказал, что они сделают с Кусакой, если попытка бегства удастся. Фантазии у него было ни на грош, но также не имелось и следов милосердия. Откуда милосердие у того, кто давным-давно умер?

Нет, решил крысиный король, если бежать, то только вдвоем, бежать по-умному. Как? Дождаться, пока стражи потеряют бдительность, и тогда...

Взглянув в сторону сидевших возле него скелетов и увидев, что они внимательно следят за каждым его движением, крысиный король сокрушенно покачал головой.

Нечего и надеяться. Они не ведают усталости. Значит, надо каким-то образом отвлечь их внимание, выиграть время для бегства.

Нет, сейчас он ничего придумать не сможет. Сегодня было бы самым правильным хорошенько выспаться. Он в отличие от своих стражей устал. День выдался в высшей степени хлопотный. С утра же на свежую голову обязательно что-нибудь придумается.

Встав, крысиный король сладко потянулся.

Да, все верно, пора ложиться спать. Утро вечера мудренее. А шанс убежать... Если ты очень хочешь, шанс тебе будет предоставлен обязательно. Надо только не шелкать клювом.

18

Живые спали.

Они могли спать.

Что есть сон? Тренировка, попытка приготовиться к будущей смерти?

Проломленный Череп взглянул на триумвират лун, уже поднявшийся над небосклоном, и подумал, что, наверное, возвратиться в мир живых стоило. Хотя бы для того, чтобы с ним окончательно проститься.

Насколько он помнил, умирая, ему это толком сделать так и не удалось. Была яростная, короткая схватка, потом удар, вспыхнувшие перед глазами искры, и тут же вслед за этим — темнота, безвременье...

С кем он дрался?

В данный момент это тоже не имело совершенно никакого значения. Темнота, в которую он на время окунулся, заставила забыть все счеты, оставив лишь желание насмотреться в последний раз на живой мир да чувство долга. В первую очередь к тому, кто вернул его к существованию. Пусть ненадолго, пусть преследуя свои корыстные цели, но — вернул. Этот долг должен быть возвращен. Да и нельзя его было не возвратить.

Проломленный Череп попытался прикинуть, что будет, если он попытается не выполнить приказ Повелителя, и тотчас же дремавшие до поры до времени внутри его чары, проснувшись, напомнили о себе легким гулом, на мгновение отнявшим возможность мыслить плотной пеленой.

Ну да, все верно. Если он вздумает противиться исполнению приказа Повелителя, то наложенные на него чары, отняв возможность мыслить, превратят его в марионетку. А приказ все равно будет выполнен. Вот только он в наказание за строптивость потеряет возможность полюбоваться миром живых, прежде чем окончательно, теперь уже навсегда, соскользнуть в тень, отбрасываемую смертью.

Так стоит ли шкурка выделки?

Тем более что смерть — совершенна не страшна. Никаких туннелей, света и уж тем более никакой зловещей фигуры в черном плаще, с косой, говорящей замогильным голосом на первый взгляд многозначительную, а если подумать, то просто обыкновенную стопроцентную чепуху. Вместо этого — просто ничто, несуществование, не обладающее никакими характеристиками, за исключением того, что оно есть. Ни злое, ни доброе, ни мучительное и ни приятное.

Смерть, небитие.

Луны поднимались все выше и выше, а Проломленный Череп, глядя на спящего крысиного короля и приткнувшегося во сне ему под бочок тиранозаврика, вдруг подумал, что смерть могла

быть именно такой только лишь для него. Что, если смерть — разная? Что, если она приходит к каждому в том виде, в каком он ее хочет видеть, в каком он ее представляет? Кому-то в виде туннеля и света, кому-то в виде фигуры в балахоне и с косой, а кто-то, как он, ее вообще не видит.

Плохо это или хорошо? И как выглядит смерть рыбы, мухи, травы, дерева?

19

Теперь они шли лесом.

— Посмотри, как божественно красивы вон те деревья, — сказал Проломленный Череп. — А растущая под ними трава? Тебе нравятся ее цвет, то, что она такая сочная?

Крысиный король пожал плечами.

Что можно было ответить на такой вопрос?

Ну да, красиво. Вот только лично ему сейчас ей-ей не до красот. Ему бы... Ну да, ну да... убежать пока еще не представилось случая. Но это не значит, что он не может возникнуть в принципе. А раз так, то нужно быть наготове, и как только появится возможность...

— Неужели ты этого не видишь? — спросил Проломленный Череп. — Ну же, присмотришься... Вон та куча сухих листьев, похожих на сильно сплюснутых черепашек... как только подует ветер, они начнут двигаться, словно бы пустятся в пляс.

С другой стороны, подумал крысиный король, почему бы не попытаться наладить мосты? Вдруг удастся узнать нечто интересное, нечто, благодаря чему его бегство станет возможным?

Он ухмыльнулся.

— Разве ты этого не видишь? — снова спросил Проломленный Череп.

И тут уже не ответить было нельзя.

— Вижу, — отозвался крысиный король. — Красивые листья. Очень красивые.

— Вот именно. Красивые. Подумай, может быть, подобную красоту ты более никогда не увидишь. Именно такую — точно.

Крысиный король провел лапой по усам и важно произнес:

— Согласен. Но ведь будет еще и другая. На каждом шагу попадаетесь нечто красивое.

— Красивое?

— Ну да, ты разве об этом не думал? — лукаво улыбнулся кры-

синий король. — Жизнь является бесконечной вереницей красивых вещей. И потратив на одну из них слишком много времени, ты тем самым лишишь себя возможности увидеть нечто другое.

— Наверное, ты прав, — неуверенно сказал Проломленный Череп. — И значит, мне не нужно терять зря время. Я хочу увидеть как можно больше интересного и поэтому должен...

Он так задумался, что даже слегка замедлили шаг.

— Вот именно, — подтвердил крысиный король. — И вот еще что...

Не докончив, он замолчал.

Кучка листьев, которую они только что рассматривали, вдруг дрогнула и стала рассыпаться во все стороны. Из-под нее неудержимо, словно шляпка гигантского гриба, попавшего под действие заклинания быстрого роста, выпирало нечто огромное, округлое.

— Не может быть, — пробормотал крысиный король. — Да нет, так не бывает!

— Что ты сказал? — спросил Проломленный Череп.

Вместо ответа крысиный король показал лапой в ту сторону, где только что была злосчастная кучка. Теперь она превратилась в стремительно увеличивающийся земляной холм. Земля с одного его бока, словно от взрыва гранаты, разлетелась в стороны, и на белый свет проклюнулась огромная треугольная голова. Она открыла пасть, усеянную внушительного размера зубами и сообщила:

— А вот и я!

20

— Значит, ты нас не пропустишь? — спросил Проломленный Череп.

— Конечно.

— Почему?

— А мне не хочется.

— Это не объяснение, — отчеканил Проломленный Череп. — Мы его не принимаем.

Крысиный король покачал головой. С подземными драконами так непочтительно разговаривать нельзя.

В смоляных глазах подземного дракона на мгновение вспыхнули крошечные багровые искорки. Проломленный Череп, похоже, не обратил на них ни малейшего внимания.

А зря... Такие знаки в разговоре с подобным собеседником без внимания оставлять не стоит. Особенно если учесть, что подземные драконы своевольны, капризны, свирепы, легко впадают в ярость и очень упорны, если решили кого-нибудь сожрать. Да, кстати, еще они очень коварны.

— И что дальше? — спросил земляной дракон.

— Раз мы не принимаем твоих объяснений, ты должен нас пропустить, — гнул свое Проломленный Череп.

— А что будет, если этого не случится?

Сказав это, подземный дракон поднял в воздух переднюю лапу и полюбовался на ее когти, словно прикидывая, достаточно ли они остры.

— Тогда мы пройдем сами, — храбро заявил Проломленный Череп. — Мы всегда проходим там, где нас не желают пропустить.

— Всегда?

— Да.

— То есть, — уточнил дракон, — вы жаждете записаться в драконоборцы?

— Никуда мы записываться не собираемся, — отчеканил посланец некроманта. — Мы просто выполняем данный нам приказ. Всегда. Чего бы это нам и неразумным, пытающимся заступать нам дорогу, не стоило.

Крысиный король сделал осторожный шаг назад и вправо. Теперь он стоял рядом с Кусакой и мог в нужный момент, схватив его, кинуться прочь. В том, что этот момент случится скоро, он не сомневался. Как известно, разозлить подземного дракона — проще пареной репы.

— Неразумным, — словно бы про себя повторил дракон. — Значит, неразумным. Сильно сказано.

— Нас учили разговаривать с теми, кто не желает уступать нам дорогу, — любезно объяснил Проломленный Череп.

— Ах вот как? — улыбнулся подземный дракон. — Значит, учили?

— В обязательном порядке.

— И ты готов...

— Хоть сейчас.

— Один?

— Со мной еще пара приятелей. Точнее, они мои подчиненные, но при необходимости поставить очередного нахала на место приказывать им не требуется.

— Нахала, — повторил дракон. — М-да... нахала. Знаешь, так меня не называли с детства.

— Неужели? — поинтересовался Проломленный Череп. — А меня, представь, так называли до самой смерти.

— Я уже думал, что более никто и никогда этого не сделает, — гнул свое дракон.

— От ошибки не застрахован никто.

Дракон вздохнул.

— Слушай, неужели ты не видишь, кто перед тобой?

Предводитель маленького отряда посланцев Повелителя задумчиво провел костяшкой пальца по голому черепу и наконец сказал:

— Дракон. Ну и что?

— «Ну и что»? Ты считаешь меня чем-то, не заслуживающим большого внимания, неспособным причинить неприятности?

Кончик хвоста подземного дракона несколько раз резко дернулся.

Крысиному королю уже не раз приходилось сталкиваться с драконами, и он прекрасно знал, что это означает. Не медля ни мгновения, он схватил маленького тиранозаврика в охапку и кинулся наутек.

21

Они сидели на вершине холма и смотрели на сражение, разгоревшееся от них шагах в пятистах. С такого расстояния фигурки скелетов казались маленькими. Подземный дракон маленьким не казался даже на таком удалении.

— Долго это будет продолжаться? — спросил Кусака.

— Не знаю, — признался крысиный король.

— Почему не знаешь?

— Это зависит от того, насколько велики у них силы, как долго они смогут драться. А вот этого-то я и не знаю.

— Почему ты раньше не узнал, как велики у них силы?

Крысиный король вздохнул.

— Нам пора, — сказал он тиранозаврику. — Мы остановились здесь лишь на пару минут перевести дух. К тому моменту, когда кто-то из этих болванов победит, мы должны быть далеко отсюда.

— Почему? Ведь мы не участвуем в сражении. Мы — нейтральная сторона.

— Сражающимся сторонам на это совершенно наплевать. Ес-

ли победят скелеты, они нас снова схватят и потащат к своему Повелителю.

— А если победит дракон?

— Думаю, у него тоже будет причина желать нам смерти. Если я что-то понимаю в драконах, только что закончивших большую драку, то он здорово проголодается. Понимаешь, что я имею в виду?

— Еще бы... — пробормотал Кусака.

А сражение шло вовсю. В воздух взлетали сломанные деревья, охапки вырванной травы и кости, кости... Дракон рычал, бил хвостом наотмашь, отрывал руки, ноги, ломал хребты, разносил черепа в мелкие кусочки. И каждый раз после того, как он, казалось бы, окончательно побеждал, магическая сила кропотливо собирала куски и обломки в единое целое, сращивала их, давая возможность трем скелетам продолжить бой.

Дракону это не нравилось. Скелеты же относились к происходящему с ними достаточно спокойно. Чувствовалось, что они полностью уверены в своей победе.

— Все-таки, как долго продлится это сражение? — спросил Кусака.

Крысиный король ответил:

— Видишь ли, никогда еще на моих глазах ни один дракон не сталкивался с таким противником. Всегда все решали секунды. Дракон налетал, пускал в ход клыки и когти, в случае крайней нужды еще наносил пару ударов хвостом, и на этом любое сражение заканчивалось. А здесь... Думаю, нам пора. Мы уходим.

Они стали спускаться с холма. Достаточно было сделать несколько шагов, и его вершина закрыла от них место сражения. Правда, звуки его еще до них доносились, но уже несколько глуше.

Минут через пять они вышли на какую-то дорогу и бодрым шагом двинулись по ней.

22

Они ни за что не успеют. Есть одно создание, способное им в этом помешать.

Подумав так, джинн злорадно улыбнулся.

Очень осторожно, стараясь действовать как можно деликатнее, понимая, что делает то, на что не мог решиться ни один из его соплеменников, джинн просочился в сознание подземного дракона. Чувствовал он себя при этом мальчишкой, вознамерив-

шимся пробраться в сад, охраняемый свирепой псиной, в то время когда сторожа ненадолго разморило на солнышке. Одно неверное движение, громкий звук, и цербер, мгновенно проснувшись, разорвет тебя на кусочки. Одно движение...

Впрочем, он пока не допустил ни одного промаха. В его действиях не было ничего от желания проскочить на авось, от глупой, несбыточной надежды на удачу. Пробираясь по запутанным тропинкам памяти дракона, джинн рассчитывал каждый шаг, одновременно стараясь не потерять ориентацию, не сбиться с верного направления. А это, между прочим, было довольно трудно сделать, поскольку он столкнулся с настоящим ураганом мыслей, и не только столкнулся, но и оказался где-то очень близко к его середине.

Это сбивало с толку, это мешало, это тормозило продвижение, жгло напрасно время, которого и без того осталось мало.

Джинн приказал себе забыть о времени. Не хватало ему сейчас начать торопиться. Лучше уж сразу слиться и, пока не поздно, отказаться от мысли заставить дракона совершить кое-какие так необходимые в данный момент действия. По крайней мере, ничего не потеряешь.

Джинн даже потратил немного времени на обдумывание этой возможности, но все-таки двинулся дальше. Нет и еще раз нет. Он не отступит. Он сделает невозможное — овладеет сознанием дракона, заставит его себе служить. Главное — не допускать ошибок. Осторожность и терпение, еще раз — осторожность и терпение.

Теперь он был в самом центре сознания дракона, там, где до него не рискнул побывать ни один джинн. Это было приятно — понимать, что совершил нечто, другим недоступное, представлять, как удивятся соплеменники, узнав о его подвиге.

Удивятся?

Не стоит торопиться, ох не стоит. Вот когда все закончится...

Вокруг него ревели и бились, словно прибой о скалистый берег, тяжелые, мрачные мысли дракона. Они и в самом деле отличались от мыслей любого другого создания. И был, конечно же, был в них словно бы некий подголосок или привкус, а может, и запах, но вероятнее всего — некая неуловимая добавка, делающая эти мысли особенными, истинно драконовскими, придающая даже самой простой из них особую мудрость, свойственную только созданию из древнего, прославленного во многих легендах и песнях рода.

Это слегка тревожило.

Сумеет ли он подмешать к ним свои собственные мысли, заставить дракона поступить надлежащим образом? Вдруг тот все же почувствует посторонний привкус?

Впрочем, об этом надо было думать раньше. Теперь отступать было поздно.

Нашупав основной стержень мыслей, джинн занялся его изучением и быстро обнаружил, что он вращается вокруг нескольких странных понятий, касающихся продергивания некоей фигуры четырехмерного живого существа через ушко отрицательномерной иглы как процесса понимания окружающего мира, с точки зрения неформальной логики, имеющей в своей основе Шесть Канонических, Известных Даже Младенцу Полуреалистических Предпосылок.

Не сделав ни малейшей попытки вникнуть в суть всей этой та-рабарщины, джинн отправился дальше и вскоре добрался до того места, где основной стержень, истончившись, превращался в мысли о наипростейших действиях. К слову сказать, львиная их доля сейчас была посвящена обдумыванию способа окончательного уничтожения трех человеческих скелетов, раз за разом восставших из обломков.

Так ли уж трудно было подсунуть в этот клубок одну чрезвычайную простую, но дельную мысль? Мысль эта состояла всего из одного слова, но этого было достаточно. Слово это было — «разделяй».

Вот и все. Мысль была подсунута. Более того, она не пропала, она была замечена, а вслед за этим и взята на вооружение. И значит, в ее повторном внедрении не было никакой нужды.

Теперь еще одна: «Догони крысиного короля и ударь его хвостом. По голове. Очень осторожно. Это будет неплохая шутка».

Кажется, прижилась.

Джинн ощутил дикую радость. У него и в самом деле все получилось как надо, как положено. Он совершил невозможное...

Стоп, стоп, сказал он себе, а не слишком ли он торопится? Терпение и еще раз терпение. И пусть сейчас осталось всего-на-всего покинуть сознание дракона, он не должен расслабляться. Сейчас надлежит красиво уйти. Конеч, как известно, делу венец.

Текло время.

Он выжидал, примеривался, оглядывался и, лишь окончательно убедившись, что его первая мысль не была воспринята как чужеродная, увидев, как дракон воплощает ее в жизнь, дале-

ко расшвыривая части скелетов, точно так же как и раньше, осторожно и незаметно, испытывая от этого небывалое облегчение, выскользнул из сознания дракона.

Он чувствовал усталость и голод, он представлял, как сейчас насытится, освежится в бассейне, а потом... хо-хо, может быть, наступит время гурий? Какую из них он выберет?

Но сначала поесть. Или освежиться? Нет, сначала бассейн, а потом — все остальное.

Приняв решение, джинн встал с дивана и двинулся к бассейну. Он успел сделать лишь полшага. Рядом с ним, прямо в воздухе, словно соткавшись из него, появилась драконья голова.

— А вот и я! — сообщила она. — Не ждал?

23

— Сколько это еще займет времени? — спросил Хромоногий.

— Откуда я знаю? — ответил Широкая Кость. — Пять минут назад, как ты видел, я получил обратно правую руку. Теперь мне не хватает лишь ног. Но когда они появятся — кто его знает?

Хромоногий посмотрел в ту сторону, где виднелась медленно ползущая к нему левая рука и, прикинув отделявшее его от нее расстояние, сообщил:

— Никак не меньше часа. Я имею в виду все тело.

— Ты имеешь в виду свое тело, — уточнил Широкая Кость. — Тому же старине Проломленному Черепу пришлось гораздо хуже. Думаю, он соберется не менее чем часа через два. Посмотри, у него еще нет даже нижней челюсти.

— Не надо быть таким упрямым, — проворчал Хромоногий. — Кто его заставлял так налегать на этого дурного дракона? Вообщем с драконами, как известно, связываются только недоумки.

— Вроде нас?

— Я этого не говорил.

— Нет. Но ты сказал, что с драконом связываются только такие. А мы как раз с ним связались.

— Ах так...

Через полчаса Проломленный Череп получил наконец-то обратно нижнюю челюсть и рывкнул:

— Ну, вы, двое, немедленно заткнитесь! В какую сторону побежал крысиный король?

— Вон по той дороге, — сообщил Широкая Кость.

— А дракон?

— Кто же его знает? Ушел обратно под землю. Видимо, посчитал, что для победы раскидать наши кости как можно дальше — достаточно.

— Жаль. Мы бы ему показали.

— Ну, если мы задержимся здесь на некоторое время, — сказал Хромоногий, — то может быть...

— Некогда. Слушайте приказ, вы, два никчемных спорщика. Слушаете?

— Всегда готовы, — отрапортовал Широкая Кость.

— Как только соберемся, — приказал Проломленный Череп, — немедленно отправимся вслед за крысиным королем. Приказ Повелителя будет выполнен. Любой ценой.

24

Хотячей смерти с пастью, способной перекусить пополам бегемота так, словно это обыкновенная конфетка, материнские инстинкты отнюдь не чужды.

Она их и испытывала. Шла к пустыне, внимательно оглядываясь по сторонам, высматривая, кого бы слопать, и испытывала, чем ближе, тем сильнее. Она так волновалась, что, подходя к месту, где зарыла яйца, даже ускорила шаг и забыла о вечно терзавшем ее голоде, полностью сосредоточившись лишь на мыслях о новорожденных детенышах.

Какими они получились на этот раз? Все ли благополучно освободились от скорлупы? Не причинил ли им кто-нибудь зла? А если причинил, то кто?

Раз за разом задавая себе эти вопросы, она вышла к черте, за которой начиналась сиреневая пустыня, и тут остановилась.

Все, торопиться более не стоит. Сейчас нужно найти своих детенышей, удостовериться, что все они целы и здоровы.

И если хотя бы одного не хватает...

25

— Ну хорошо, ты меня подловил, — сказал джинн. — Что дальше?

— А дальше я тебя уничтожу, — сообщила голова дракона.

— За что? Чем я тебя прогневал?

— А кто внаглую влез мне в голову? Кто копался в ней, словно

бродячая собака в помойке? Кто имел наглость подsunуть мне свои достаточно убогие мысли? Одна из них была неплоха, но вторая... вторая... Она меня оскорбила.

Устроившись на диване поудобнее, джинн искоса взглянул на висевшую в воздухе драконью голову и, решив держаться до последнего, осторожно сказал:

— Не будь ты драконом...

— Давай оставим в стороне предположения. Я — дракон и останусь им до скончания века. Ты — джинн, осмелившийся сунуться в мое сознание. Я тебя поймал и намерен за это наказать. Все просто, как квадратный апельсин.

— Значит, будешь меня наказывать? — спросил джинн.

Не нравилось ему все это, совсем не нравилось. С другой стороны, кое-какие обстоятельства внушали некоторую долю оптимизма. Вот, например, то, что дракон появился всего лишь в виде проекции. Будь у него возможность нанести визит во плоти, уж он бы ее использовал.

— Да, буду, — сказал дракон. — Ты достоин сурового наказания.

— А как? — вкрадчиво спросил джинн. — Станешь меня ругать самыми последними словами? Хорошая мысль. Мне не нравится, когда меня ругают таким образом. Однако я уж как-нибудь все это потерплю. Станешь подсматривать за моей частной жизнью? Сколько угодно. Я не из стеснительных. Что еще?

— Ничего, — сообщил дракон. — Ты прав. Более я ничего не могу тебе сделать. За исключением одной малости.

— Какой именно?

— Я могу узнать, где ты находишься, в какой точке нашего мира лежит твоя дурацкая лампа. И пусть даже она окажется за тридевять земель, я туда явлюсь в течение мгновения. Мне это сделать нетрудно. Уже не в виде проекции, а собственной персоной. И вот тогда...

26

Дорога была прямая, словно рог единорога. По ее обочинам росли деревья-шептуны и деревья-жалобщики, деревья-ругатели и деревья-сплетники. В любое другое время у проходящего по ней путника могла запросто возникнуть иллюзия, будто он попал на многолюдный базар. В любое, но только не сейчас. В данный момент стволы деревьев были оплетены свежими лианами-глушилками. Их толстые мясистые усики плотно затыкали деревьям рты, не позволяя вырваться из них даже малейшему звуку.

Если к этому добавить еще и то, что крысиный король перебивался очень тихо, а быстро уставший Кусака теперь сидел у него на закорках, то на дороге царила просто неестественная тишина. Пройдя по этой дороге с полчаса, крысиный король поймал себя на том, что ему кажется, будто он очутился в призрачном, безмолвном, возникшем из кошмара лесу. И это было уже совсем не дело. С этим надо было как-то бороться.

Предводитель крыс откашлялся.

Кашель его прозвучал неестественно тихо и ничего в окружающем мире не изменил. Прозвучал и тут же умер, словно придавленный огромной пухлой подушкой. А отступившая было тишина навалилась вновь, словно являлась живым существом, вознамерившимся...

— Ладно, — сказал крысиный король. — Пора это прекратить!

— Что ты сказал? — спросил тиранозаврик.

— Пора это молчание прекратить, — объяснил крысиный король. — Не дело это. Не приведет оно к добру. Я так чувств...

Он остановился и замер, вдруг сообразив, что говорит нечто, о чем до сего момента не думал.

А может, эта тишина и в самом деле несет в себе некую пока еще неведомую угрозу?

— Так что ты имел в виду? — переспросил Кусака.

Крысиный король не ответил. Он стоял посреди дороги и, чувствуя, как шерсть у него на загривке встает дыбом, настороженно оглядывался, внюхивался, пытаясь определить, с какой стороны ждать нападения.

— Ну же... объясни, почему мы остановились, — настаивал Кусака. — Что происходит?

— Т-с-с-с.... — прошептал крысиный король. — Подожди.

И это, как ни странно, действовало.

Тиранозаврик замер, весь превратившись в слух, пытаясь различить хоть какие-нибудь подозрительные звуки.

И тут где-то неподалеку чуть слышно треснула веточка.

Ну, вот же, вот. Сейчас...

Чувствуя, как сидящий у него на спине Кусака подался вперед еще больше и затаил дыхание, крысиный король слегка переменил позу, опустил лапу на рукоять меча.

Ну же! Давай! Кто ты там — покажись!

Веточки теперь хрустели одна за другой. Все ближе и ближе.

— А может, поищем кого-нибудь другого? — предложил Хромоногий. — Вам не кажется, что нам попался слишком прыткий подопечный?

Он сказал «вам», делая вид, будто обращается к обоим своим товарищам, но Проломленный Череп прекрасно понимал, в чей огород брошен камешек. И спускать этого не собирался. Он знал, что стоит пару раз оставить подобные выпады без внимания, и не успеешь оглянуться, как лишишься своей репутации. А какой же он без нее командир?

Сильно жалея о невозможности презрительно усмехнуться, поскольку сделать это было нечем, предводитель маленького отряда сказал:

— Крысиный король не должен уйти. Нашему Повелителю нужен такой, как он, именно такой. Я в этом уверен.

Хромоногий напомнил:

— Он опередил нас. Восстанавливаясь, мы потеряли много времени.

— Это так, — сказал проломленный Череп. — Вот только, судя по всему, он совсем не знает дороги и идет куда глаза глядят.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовался Широкая Кость. — Откуда ты это знаешь?

— Оттуда, что он свернул в Нежданный лес. Тот, кто о нем слышал, наверняка обошел бы его стороной или даже мог предпочесть оказаться вновь у нас в плену.

— А он?..

— Он смело поперся через Нежданный лес, причем по главной дороге.

— То есть он и его маленький спутник... они погибнут? — спросил Хромоногий.

— Не думаю, — ответил Проломленный Череп. — Мне кажется, они вывернутся.

— А если нет?

— Тогда мы продолжим поиски.

— А пока мы попытаемся их догнать?! — с энтузиазмом воскликнул Широкая Кость. — Думаю, через некоторое количество времени...

— Никаких погонь, — заявил Проломленный Череп. — Мы не будем терять на это время и силы. Я знаю дорогу, по которой мы

обойдем лес стороной и перехватим наших беглецов на выходе из него. Просто и изящно. Причем без малейшего риска.

— Погоди, — удивленно сказал Хромоногий. — Но как же это получится? У них приличная фора во времени. Они пойдут через лес напрямик, а нам придется его обходить по окружности...

— Так это же Нежданный лес, — промолвил Проломленный Череп. — Лес странных сюрпризов. Очень странных сюрпризов. Там даже время может идти немного по-другому. Будьте уверены, мы успеем.

28

— То есть я могу тебя обзывать сколько душе угодно? — спросил джинн.

— Да запросто. — Дракон криво ухмыльнулся. — Правда, при этом ты должен помнить о том, что у меня чудесная память. Кажется, заглянув мне в голову, ты проинспектировал и ее. Нет?

— Нет.

— Жаль. Иначе ты увидел бы, в каком образцовом состоянии она находится. Причем часть, касающаяся неоплаченных долгов, содержится в особом порядке. Время от времени, опасаясь забыть какое-нибудь имя, я делаю ее ревизию. Видишь ли, это мой принцип: платить все долги. Все.

— Наверняка она переполнена? — спросил джинн.

— Переполнена? О, нет. В данный момент в ней совсем немного имен. Теперь в ней появилось еще одно. Я буду беречь его как зеницу ока и не забуду ни за какие коврижки.

— Немного имен. — Джинн попытался улыбнуться, но улыбка у него не очень получилась. — Да ты образец добродушия.

— Это так, — подтвердил дракон. — Их немного. А вот насчет добродушия ты ошибся. Я не отношусь к породе добряков. Скажешь, почему у меня на данный момент так мало врагов?

— Почему?

— Потому что большинство из них умерло. Я их всех убил.

— Гм...

Откинувшись на спинку дивана, джинн погрузился в размышления. Минут через пять он принял решение, снова повернулся к дракону и осторожно спросил:

— А если я не буду тебя обзывать?

— Какая разница? — ответил дракон. — Думаешь, для того чтобы я записал тебя во враги, всего предыдущего был недостаточно? Вот погоди, как только я узнаю твое местонахождение...

Теперь треск веточек слышался совсем рядом с дорогой. Причем к нему прибавились хлопки, с которыми лопались лианы-глушилки. А потом эти звуки неожиданно смолкли, словно кто-то набросил на шедшего к дороге великана огромную сеть, сковавшую его по рукам и ногам, отобравшую у него возможность двигаться. И снова наступила тишина. Она длилась минуту, две, а потом кончилась.

Лес ожил, словно проснулся.

Где-то неподалеку послышался хриплый крик: «Хочу шишек! Шишек хочу!» Зверек-потаскун с диким грохотом, поскольку тащил за собой куль из листьев с гремучими орехами, отчаянно работая лапами, взобрался на вершину ближайшего дерева. Огромный, синий, украшенный целой порослью рогов жук, увернувшись от пытавшегося его схватить Кусаки, явственно прожужжал: «Не поймаш-ш-ш-ш», и канул в лесной чаще. Совсем рядом с крысиным королем, из зарослей кустарника-попрошайки, вылезла нелетающая птица-халявщица и, раскрыв зубастый клюв, затянула старинную эпическую песню. А крысиный король в этом гомоне все еще пытался услышать, уловить, определить, кто же это такой огромный идет к дороге, но уже понимал, что это, скорее всего, сделать не удастся.

Может, и к лучшему? Может, не стоит этого знать? И кто им мешает продолжить свой путь?

— Ладно, — пробормотал крысиный король. — Пусть будет так. Идем дальше. У нас есть другие дела.

Сунув наполовину вытященный меч обратно в ножны, он вновь огляделся и потихоньку, все еще настороженно прислушиваясь, пошел по дороге дальше. И никто на них не напал, никто на них не выскочил, никто не попытался преградить дорогу. До первого поворота.

А за ним, прямо посреди дороги, выпучив огромные глаза, расставив в стороны лапы, сидела лягушка размером с голову взрослого человека. Справа от нее лежал огромный и очень старый кирпич.

— Эй ты, мохнатый, хвостатый, — сказала лягушка. — Купи кирпич.

Крысиный король, уже хотевший было объявить, где он видел и кирпич и продающую его лягушку, вдруг передумал. Слышал

он об этом фокусе и о том, что случается с теми, кто на него попадался.

Сделав вид, будто ничего не слышал, он обошел квакушку и двинулся дальше. Все испортил Кусака. Не выдержав обвинения в трусости, он буркнул:

— Это ты — трусишь! А меня напугать не так-то легко.

Этого хватило.

— Он меня обозвал! — изумленно вскричала лягушка. — Обижают!

И тотчас же с обеих сторон дороги послышался страшный шум, словно к ней со всех ног кинулось до поры до времени стоявшее неподвижно слоновье стадо.

Крысиный король бросился прочь со всех ног.

— Почему мы отступаем? — спросил Кусака. — Мы должны дать им бой. Мы обязаны это сделать, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Прежде всего, — отчаянно работая лапами, ответил предводитель крыс, — мы обязаны спасти свои жизни.

— Зачем? Настоящие воины...

— ...прежде всего заботятся о том, чтобы остаться в живых в любой ситуации. Те, кто этого не понимает, — просто болваны набитые.

— Но долг и честь...

— Всего лишь слова. Мертвым они ни к чему.

— А, так ты считаешь...

Впереди был поворот, и крысиному королю, для того чтобы в него вписаться, пришлось слегка притормозить. У него было жуткое желание оглянуться и все же взглянуть на тех, кто прятался в лесу. Как раз сейчас они уже должны были выскочить на дорогу. Вот только времени на это уже не оставалось.

И кто знает, может быть, эта секундная задержка будет стоит ему жизни?

Бух! Шлеп-шлеп!

Оказавшись за поворотом, он с размаху влетел в неглубокую, не очень широкую речушку и, не сбавляя скорости, подымая тучи брызг, зашлепал по воде.

— Хей-я-а! — закричал Кусака. — Мы купаемся! Мы двигаемся по воде!

С размаху выскочив на другой берег речушки и снова оказавшись на дороге, крысиный король наконец остановился и при-

слушался. Погони вроде бы не было. Ну и замечательно. Если им и в самом деле удалось выпутаться из этой истории...

— Эй, хвостатый, купи кирпич, — слышалось сзади.

Голос, сказавший это, был крысиному королю знаком. Принадлежал он все той же лягушке.

Жутко жалея о том, что не обошел этот лес стороной, крысиный король подпрыгнул и кинулся прочь.

Деревья на другом берегу речки стояли высокие, гладкие, прочные, как раз такие, какие идут на мачты для кораблей песчаных торговцев и сторожевые вышки сеятелей хмельной репы, на загоны для восьминогих буйволов и дома двинувшихся на цифре «семь» сектантов, полностью уверенных в своем божественном предназначении. Лиан между этими деревьями совсем не было, и, подозревая, что на дороге от привязчивого торговца кирпичами отвязаться будет труднее, пробежав по ней всего несколько десятков шагов, крысиный король юркнул в самую гущу древесных стволов.

— Мы покинули дорогу, — сообщил Кусака.

— Ну и правильно, — буркнул крысиный король, пробираясь в глубь леса. — Нечего нам там делать. Лучше скажи — лягушонок был тот самый?

— Лягушонок?

— Ну да. Тот, что опять затянул песню про кирпич. Ты ее разве не слышал?

— Слышал? Да только о кирпичах в этот раз сказал... гм...

— Он не походил на лягушку? — пришел на помощь своему подопечному крысиный король.

— Совсем не походил.

— А на кого же?

— Как бы это сказать? Ну... в общем, такой, большой и с зубами наружу, между которыми два рта. Короче — я не знаю, кто это.

— Понятно, — пробормотал крысиный король.

Он перебрался через поваленное дерево, ствол которого был усеян шляпками грибов-туристов, как это у них водится, не удержавшихся от осмотра предмета почтенного возраста, с наслаждением вдыхающих исходящий от него запах гнили. Потом был пригорок, сплошь поросший крохотными метрическими елочками. Стволы их украшали возникшие естественным образом зарубки, обозначающие возраст в годах. Причем росли деревца так мед-

ленно, что стволы, достигавшие высоты взрослого человека из-за годовых зарубок, здорово смахивали на ученические линейки.

За пригорком обнаружилась небольшая поляна, покрытая сочного, изумрудного цвета травой и усеянная желтенькими невзрачными цветочками. Самая обычная, ничем не выделяющаяся поляна.

Здесь крысиный король рискнул слегка сбавить ход и даже оглянулся.

Погони не было. Похоже, оторвались. Ну и здорово. А теперь надо выбраться на дорогу и на всех парах прочь из леса. Какой-то он, этот лес, неправильный.

30

Ей повезло.

За полчаса до того, как она явилась к дяде Эйнару, тот свалил зверя — мясную гору и, насытившись до отвала, был чрезвычайно любезен. Выслушав рассказ о свалившемся на нее несчастье, он согласился присмотреть за ее крошками. Прикинув, что его искренность гарантируют объемы зверя — мясной горы, благодаря которым даже такой проглот, как дядя Эйнар, будет доедать его по крайней мере еще неделю, она согласилась.

Недели для намеченного ей дельца вполне хватит. Возможно, даже с избытком.

Учтиво поблагодарив родственника за помощь и заверив, что отныне она его должница, тиранозавриха двинулась прочь.

— Удачи! — прорычал ей вслед дядюшка Эйнар. — Покажи этому похитителю юных особей, где раки зимуют.

Где раки зимуют...

Мсть!

Это слово все более захватывало ее разум. Мсть тому, кто увел ее детеныша, тому, кто его в конце концов убьет. Нет, она не рассуждала, не пыталась подсчитать шансы, что ее детеныш еще жив. Ее гнал вперед слепой инстинкт. А инстинкты никогда ничего не подсчитывают. Они — действуют.

И негодяй, похитивший ее малыша, погибнет. Даже если детеныша, ее первенца кладки этого года, каким-то чудом удастся спасти. Она внимательно изучила следы и точно определила, что динозаврик вылупился первым. Для того чтобы попасть в жадные лапы похитителя?

Мсть! Мсть! Мсть!

Впрочем, любой процесс надо начинать с начала. Именно поэтому она вернулась к пустыне и, только после того как снова обнаружила следы похитителя, только убедившись в том, что ни о какой ошибке не может быть речи, продолжила преследование.

Мсть!

Безжалостная. Неотвратимая. Жестокая.

Мсть ходячей гибели. Мсть тиранозаврихи-матери.

31

Ну, в какую сторону идти, он определил запросто. Благо чувствования направления его еще ни разу не подводило. А вот насчет опасностей... Тут можно было надеяться только на удачу.

Деревья в этой части леса были не очень высокими, а ветки имели длинные, сгибающиеся почти до земли под тяжестью толстых, словно олады, массивных, зеленых с широкими траурными ободками листьев. Промежутки между деревьями заполнял кустарник-хамелеон, то и дело изменявший свой облик, подчинявшийся лишь одному закону: заполнять без остатка всю захваченную площадь. Каким именно образом? Не имеет значения. Главное — заполнять, насколько хватит длины ветвей, и после того, как это произойдет, сделать все, чтобы молодые, нежные побеги не были съедены жадными до них травоядными. Как сделать это? Тоже весьма просто. Надо научиться пугать любителей пожевать что-нибудь зеленое и сочное, приняв их облик, а лучше — облик тех, кого они боятся, тех, кто к зеленому и сочному относится с презрением, но зато любит мягкое и кровоточащее.

Остальное... Ну, была бы намечена цель, а вот достижение ее является уже совсем другой песней. Чего бы это достижение ни стоило. Если обладать определенной долей упорства. Как выяснилось в дальнейшем, упорства будущему кустарнику-хамелеону было не занимать.

В данный момент каждый его куст, к которому крысиный король оказывался достаточно близко, гордо демонстрировал свои навыки, и они поражали. Объемные фигуры крысиного короля и Кусяки получались не только очень достоверными, но и более устрашающими, чем в жизни.

— Как они этого достигают? — спросил Кусяка.

Крысиный король слегка переместил его, чтобы он не сильно натирал спину, и поинтересовался:

— Чего именно?

— Ну, того, что, когда я смотрю на них, мне самому становится страшно. Почему? Неужели мы выглядим такими чудовищами?

Искоса взглянув на ближайший кустарник, крысиный король сказал:

— Клыки. Они делают наши клыки чуть длиннее, чем в жизни. А лапы, когти... и что-то такое они делают с мордами. Приглядишься.

— Похоже, так, — согласился тиранозаврик. — Но как они это делают? Увеличивают?

— Нет, откуда они знают, что надо увеличивать именно клыки и когти? А если мимо них пройдет кто-то другой? Что они у него увеличат?

Крысиный король хмыкнул. Вот не о чем ему сейчас больше думать. Только об этом.

— Жуть какая, — пробормотал Кусака.

— Это точно, — сказал крысиный король, прикидывая, как удобнее обойти невысокий холм, на котором виднелись остро-конечные мраморные обелиски, усеянные странными рунами. — Хотя если не обращать внимания на разные мелочи...

— Я имею в виду, что вот эта наша копия слишком уж...

— Ну, неудачная копия. Вот следующая, я уверен, тебе понравится боль...

— Я имел в виду, — прервал его тиранозаврик, — что этот куст совсем на нас не походит. Ни капельки.

— Какой?

— Вот тот. Поодаль и левее очень толстого дерева. Мне сверху его виднее. Посмотри внимательно.

Нехотя взглянув в указанном направлении, крысиный король буркнул:

— Ну вот, вижу, и что дальше?

— Тебе не кажется это странным?

И тут предводитель крыс наконец-то рассмотрел куст, о котором говорил тиранозаврик. Он рассматривал его еще несколько секунд и, лишь после того как куст этот слегка шевельнулся, осознал, кого видит перед собой.

— Разглядел? — спросил Кусака.

Судорожно сглотнув, крысиный король ответил:

— Еще бы.

— Не правда ли, он совсем не похож на нас?

— Точно, не похож.

— А почему?

— Потому что он изображает не нас. Мимо него, вполне возможно, недавно прошел кто-то другой. Вот этого другого куст и изображает. Вполне возможно, весьма и весьма достоверно.

— Другого? То-то я гляжу...

— Тише, тише, — прошептал крысиный король, медленно опускаясь на землю. — Говори потише. Понимаешь, для чего?

— Нет, — шепотом ответил Кусака. — Кто нас может услышать?

— Он. Тот, послуживший для куста моделью. Он может быть еще неподалеку.

Сказав это, крысиный король еще раз приподнял голову, взглянул на зловещего вида куст, прикинул, какого размера должны быть когти и зубы у того, кто послужил его моделью, и еще раз внимательно огляделся.

Никого.

Очень внимательно, так, чтобы определить не только основные запахи, но также и все их оттенки, он пропустил через ноздри лесной воздух, силясь определить, с какой стороны может оказаться опасность. Не помогло ему это. Слишком много в этом лесу было странных, незнакомых запахов.

И значит, ничего не оставалось, как действовать наобум.

— Держись крепче.

Скомандовав так своему спутнику, крысиный король осторожно пополз вперед. Время от времени он останавливался для того, чтобы оглядеться, но пока ничего действительно опасного не заметил.

После того как холм с обелисками остался позади, Кусака шепотом спросил:

— А может, мы зря испугались?

— Помолчи, — так же шепотом ответил крысиный король. — В этом деле лучше перестараться. В случае ошибки... ну, сам понимаешь.

— Еще бы... — согласился Кусака. — А ты научишь меня, как стать очень осторожным?

— Если выживем...

— Но мы же выживем?

— Обязательно.

— Ой! — сказал Кусака.

Крысиный король моментально замер. Подождав немного, он едва слышно спросил:

— Что там? Тебе сверху виднее.

— Тот зверь, которого изображал куст.

— Ага, вот как, значит. И где он?

— Прямо перед нами. Шагах в пятидесяти.

— Двигается? Стоит неподвижно?

— Стоит неподвижно.

— Замечательно. Как он стоит, мордой к нам или задницей?

— Задницей.

— Еще лучше. Тогда имеет смысл попытаться его обойти. Может быть, это удастся.

Удвоив осторожность, крысиный король пополз в сторону и вскоре очутился на обочине дороги. Это его несколько удивило и встревожило. Как показала практика, в этом лесу дорога защитой от опасности не служила.

Что делать? Не возвращаться же назад?

Так и не решившись пересечь дорогу, крысиный король двинулся вдоль ее обочины. Если в ближайшее время хищник не вздумает переместиться на другое место, то шанс мимо него проскользнуть незамеченным все еще оставался. Кстати, поддерживало эту надежду также и то, что ветер дул со стороны зверя.

Если подумать, не такие плохие условия.

Крысиный король уже всерьез стал надеяться на то, что им удастся выпутаться и из этого испытания, но тут прямо у него за спиной раздался громкий квакающий голос:

— Купи кирпич!

И вот тут уже осторожничать не имело смысла. Сейчас все решали быстрота и умение бегать.

Вскочив, крысиный король помчался по дороге. А за спиной у него раздавалось мерзкое кваканье и яростный хриплый рев. Судя по всему, это подал голос хищник, которого они безуспешно пытались миновать.

Вот только на их стороне были неожиданность и скорость. Понимая это, крысиный король просто летел над дорогой. Было мгновение, когда он почувствовал, как у него за спиной глухо охнул воздух, услышал шлепок огромного тела о камни дороги, и это добавило ему прыти.

Только бы хищник не прыгнул второй раз. Только бы не настиг.

Вот чего он действительно боялся. Лягушонок с его идиотской присказкой его не пугал. А вот хищник...

Он не прыгнул. Очевидно, так же как и лев, этот зверь нападал всего один раз. А может, крысиный король слишком быстро убежал? Как бы то ни было, но хода он не сбавил даже тогда, когда от опасности его отделили сначала один поворот, потом другой.

Причиной этого было то, что лес вот-вот должен был кончиться. И к чему останавливаться, если почти наверняка рядом с тобой тут же появится это болотное отродье со своим идиотским кирпичом...

Нет, лучше уж поднапрячься, но выпутаться хотя бы из этой истории.

А потом лес кончился, крысиный король миновал последние деревья, для верности отбежал еще шагов на пятьдесят и только после этого остановился, чтобы перевести дух.

— Я молодец! — сказал он Кусаке.

— А то! — откликнулся тот. — Еще какой.

Тут крысиный король хотел было сказать еще кое-что в свой адрес, но вдруг передумал и вместо похвальных слов коротко выругался.

Причина этому была самая весома. Из-за ближайшего куста, усеянного квадратными, с белыми крапинками плодами, напоминающими игральные кости, поднялись и двинулись к нему три тонких силуэта.

Один из них, а именно Проломленный Череп, сказал:

— Ну вот, от нас не убежишь. Я предупреждал. Впрочем, нас вся эта история с твоим бегством не сердит. Ты бежал в нужном направлении. Теперь мы оказались совсем рядом с жилищем нашего Повелителя.

32

Итак, для того чтобы действовать, необходимо предварительно обзавестись телом. Причем тело должно подходить ей, Миротворице, не только по физическим параметрам вроде величины и силы. Оно должно быть умным, обладать вместительным мозгом.

Тело крупного хищника. Вот что ей нужно.

Миротворица принялась за поиски, и они, к ее удивлению, не заняли слишком много времени. Тело нашлось.

Да еще какое! Огромное, страшное, оснащенное в должной мере клыками и когтями, обладающее вместительным мозгом...

Тело из разряда суперкласс. Причем, кроме всего перечисленного, оно обладало еще и достаточным запасом агрессивных эмоций. В данный момент — даже слегка избыточным.

Миротворица почувствовала удовлетворение.

Вот и здорово! К чему искать лучшее? От добра добра не ищут. Не правильнее ли остановиться именно на этом? Тем более что переселиться в него, захватить над ним власть не составит труда.

Но — не сейчас. Немного погодя.

Все должно происходить в надлежащий момент. А пока необходимо подождать еще немного. И самое главное — не упустить найденное тело из виду, приглядывать за ним. С ним при умении можно совершить много славных дел.

Последняя мысль Миротворице очень понравилась. От нее исходило приятное тепло.

Скоро, очень скоро...

33

Джинн осторожно пощупал кончиком ноги воду в бассейне, посмотрел на торчащую у него за спиной голову дракона и поморщился.

Экая незадача. Вот ведь угораздило...

— А потом, — со вкусом сказал дракон, — когда я до тебя доберусь... Ты думаешь, я тебя просто съем, и все? Думаешь, прогложу зубами, сделаю «ням-ням» и на этом все для тебя кончится? Как же! Держи карман шире. С этого все для тебя только начнется. Смекаешь?

Плюхнувшись в воду, джинн опустился к самому дну и, открыв глаза, увидел все ту же голову дракона. Теперь она торчала из стенки бассейна.

— Спрятаться хотел, да? — ласково сказала голова. — Не выйдет, голубчик.

Попытавшись прикинуть, как ей удастся разговаривать под водой, и решив, что без телепатии тут не обошлось, джинн вынырнул на поверхность и, уцепившись рукой за край бассейна, попытался обдумать свое открытие.

Ну, хорошо — телепатия. Замечательная штука, если подумать. И, кстати говоря, не такое уж удивительное умение для твари, способной вычислить заглянувшего ей в память визитера, а потом нанести ему ответный визит. Вот только кто же мешает этой ящерице-переростку узнать все интересующие ее сведения

самостоятельно? Кто ей мешает самой, если она так сильна, покопавшись у него в мозгу, выцарапать из него требуемые координаты? А может, этот гигантский подземный червяк не так крут, как старается казаться?

— Представляешь, — пробубнил у него над ухом дракон, — я открываю пасть, и ты чувствуешь на своем лице исходящий из нее запах. Между прочим, в данный момент я не чистил клыки вот уже неделю и до тех пор, пока тебя не поймаю, делать это не намерен. Так вот, я открываю пасть, и ты...

Джинн закрыл глаза и осторожно ударился лбом о край бортика бассейна.

Угрозило же его связаться с этим сыном пожарного шланга и самой уродливой самки крота в мире! Свободы ему, видишь ли, захотелось! Неуютно ему стало в родной лампе.

Он ударился еще раз, на этот раз посильнее, а потом — одумался.

Нет, это не выход. Он оказался в скверном положении. Первый раз, что ли? Нет, конечно. И значит... Вот именно, надо что-то придумать.

— А как только я узнаю твои координаты... — сообщил дракон. — Учти, это произойдет неизбежно...

— Чего тебе от меня надо? — огрызнулся джинн, выбираясь из бассейна. — Чего ты ко мне привязался?

— Координаты. Всего лишь — координаты. Сушью малость. Учти, у меня есть одно интересное свойство: я умею мгновенно переноситься под землей. Раз — и я уже нахожусь в нужной части этого мира, какое бы расстояние мне для этого ни пришлось преодолеть.

Джинн тяжело вздохнул.

Белокурая гурия подала ему полотенце, и, завернувшись в него, джинн уселся на низенькую из резной кости скамеечку. Устроившись рядом, гурия положила голову ему на колени и замерла в сладкой истоме. Дракона она как будто не видела.

А может, и действительно?..

Джинн тяжело вздохнул и покачал головой.

— И после того как тебе все это надоест, — вещал дракон, — когда ты пожелаешь во что бы то ни стало это прекратить...

Джинн осторожно погладил гурию по пышным волосам, отделил от них одну тяжелую прядь и, машинально пропуская ее че-

рез пальцы, подумал, что ящерица-акселерат ведет в отношении его настоящую психологическую обработку.

Вот только легче ли, когда ты понимаешь, как именно тебя пытаются? Слабее ли от этого боль?

— Учти, — вещал дракон, — у меня есть в запасе и другие методы. Как только хотя бы один из них даст результаты — фьють, и я здесь, рядышком с тобой. Наготове. Уже с открытой пастью и нечищеными клыками.

34

Высокий хрустальный бокал был, как и положено, с символикой. Ряды костей, ухмыляющиеся черепа, скрещенные кинжалы и копыя. Жидкость, правда, в нем была всего лишь обычным перебродившим эюпсным соком. Крысиный король уже успел это распробовать и нашел вкус вполне сносным.

Кроме бокала предводителю крыс были предоставлены удобное кресло, стоявшее за большим, уставленным разнообразными яствами столом, и возможность слушать того, кто оказывал ему подобное гостеприимство.

Сам Повелитель выглядел согласно всем классическим описаниям. Глаза у него были черные и пронзительные, нос загнулся крючком, одет он был в черный слегка тронутый временем фрак. Вот только какое-то все это было ненастоящее, неубедительное, что ли, чем-то смахивающее на костюм актера.

Крысиный король отхлебнул из бокала и окинул зал взглядом, машинально прикидывая, каким образом отсюда можно половчее смыться. В окно сигануть? Не поможет. Догонят. Попробовать навешать лапши на уши? Можно. Однако удастся ли? Некромантов-простачков не бывает. И все-таки... кто знает? Чем черт не шутит, когда бог спит? Но — не сейчас. Немного погодя, когда станет ясно, что именно этому Повелителю от него нужно.

— Ты пей, пей, — сказал некромант. — Не стоит думать о том, как отсюда унести ноги. Для этого еще придет время. Пока же выслушай внимательно мои слова. Может, и убежать не понадобится?

— Но если так, значит, речь идет о честном соглашении, о сделке?

— О ней самой, — подтвердил Повелитель. — Я нуждаюсь в одной услуге и согласен хорошо за нее заплатить.

— Чем?

Некромант улыбнулся.

— Плата будет достойной. Однако тебе не кажется, что, прежде чем узнавать о плате, надлежит хотя бы в общих чертах выяснить, какие действия ради ее получения следует совершить?

— Это поможет мне уйти отсюда в целости и сохранности, причем вместе с воспитанником?

— Возможно, вполне возможно, — промолвил некромант. — Почему бы и нет? Уверяю, никакой вражды я ни к тебе, ни к твоему воспитаннику не испытываю.

— А разделили нас...

— Ну да, — кивнул некромант. — Именно поэтому. Для того чтобы ты не удрал. Ты же не бросишь своего... хм... воспитанника на произвол судьбы?

— Твоя правда, — развел лапами крысиный король.

— Моя, — некромант ласково улыбнулся. — Кстати, с каких это пор королевские крысы берут на воспитание юных тиранозавриков?

Отхлебнув из бокала, крысиный король глянул на стол, вытащил из ближайшего блюда кусок жареного мяса и впился в него зубами. Проголодался он страшно. А что бы ни предстояло в будущем, на сытый желудок заниматься этим будет сподручнее.

— Отвечать ты не намерен? — спросил некромант.

Прожевав и проглотив мясо, крысиный король заграбастал новый кусок и сказал:

— Сейчас это не имеет значения. Не пора ли перейти к сути дела?

— Как хочешь. Я могу приступить к своему рассказу.

— Ого, — ослабил крысиный король. — Положение настолько серьезно, что требует особого рассказа?

— Потребуется, — сказал некромант. — Мне кажется, тебе это будет интересно. Итак, смерть — это предприятие...

35

— А дальше? — спросил Хромоногий.

— Да ничего особенного, — буркнул Широкая Кость. — На этом все и закончилось.

— Все-все?

— Да, именно.

— А мы?

— Что — мы? — удивился Хромоногий. — Мы сделали свое дело. Задание выполнено.

— И значит, больше не нужны? Значит, Повелитель нас отпустит?

— В землю?

— Ну да.

— А ты этого желаешь?

Широкая Кость взглянул на небо, провел костяшкой пальца по крышке черепа, задумчиво хмыкнул.

Действительно, так ли ему хочется снова опуститься в могилу, раствориться в слепящей черноте безвременья, перестать существовать?

Покой? Да, покой — это хорошее слово. Звучное. Вот только как можно обозначить покоем — исчезновение? Покой — это ощущение. А какие ощущения могут быть у того, кто не существует?

Да, конечно, теперь он не мог, например, ощутить вкус вина, попробовать пищи, обнять женщину. Но так ли это нужно тому, кто вместе с плотью избавился и от сопутствующих ей желаний? Тому, для кого вполне достаточно просто ходить, смотреть, думать? Не это ли называется жизнью?

— Не знаю, — осторожно сказал он. — Наверное, я бы хотел остаться... еще немного. И что стыдного в желании еще немного посуществовать?

— Цена, — подал голос молчавший до того Проломленный Череп. — Плата за существование. Вот что имеет значение.

— Цена?

— Ну да, — подтвердил Проломленный Череп. — Вот ее мы еще не заплатили. Хотя я не сомневаюсь — время для этого придет. И очень скоро. Время платить.

— Каким это образом? — спросил Широкая Кость.

— Откуда я знаю? В любом случае это будет решаться без нашего согласия.

— Кем?

— Смертью, конечно. Кем же еще?

— Смертью?

— Ну да, ею самой. Старушкой с косой и в саване. — Проломленный Череп издал звук, смахивающий на тихое хихиканье.

— Ты это точно знаешь? — с тревогой спросил Хромоногий. — Уверен в этом?

— Знаю, — был ответ. — Но еще не сейчас. Сначала мы долж-

ны как следует послужить нашему Повелителю. Выполнить порученную нам работу до конца. И только потом...

— Но мы ему послужили! — воскликнул Широкая Кость. — Исполнили его приказание самым наилучшим образом.

— Он не опустил нас в могилу, — сказал Проломленный Череп. — Значит, мы ему еще нужны.

36

Их разлучили, и это было хуже всего.

Кусака ничуть не сомневался, что, останься мамочка рядом, они бы давно придумали, как выбраться на свободу. А сейчас...

Он осторожно подошел к огромной потемневшей от времени двери и прислушался. Сначала была тишина, потом за дверью кто-то прошел. Шаги были тяжелыми, и слышно было, как на боку у ходившего позвякивает оружие, а еще — пахло. Не то чтобы запах этот был Кусаке неприятен. Он относился к запаху разложения без предубеждения. Просто он понимал, что с мертвым стражем ему справиться не удастся.

Тиранозаврик отошел от двери, сел на пол и стал прикидывать, что в данной ситуации можно предпринять. Ничего не приходило в голову. Тогда Кусака стал скулить, но не помогло и это. Тогда он снова подошел к двери.

Нет, охранник был на месте. Никуда не делся.

Как выбраться? Через крышу?

Тиранозаврик посмотрел вверх. Нет, карабкаться по отвесным каменным стенам он не обучен. Значит... попытаться сделать подкоп?

Хм...

Он опустил голову вниз и поковырял плотно утрамбованную землю сарая задней лапой.

Тяжело. Очень тяжело. Но возможно. Конечно, тиранозавры не роют нор. Однако ему уже приходилось прокапываться через толщу песка, после того как он выбрался из яйца. И было это совсем недавно. Почему бы не попробовать сделать нечто подобное еще раз? Тем более что его заперли не в настоящей тюрьме, а в каком-то сарае, в котором, похоже, перед этим хранили зерно.

Он еще раз царапнул землю лапой.

Да, путь к спасению лежит через пол. Хороший, качественный подкоп. Вот, что ему сейчас нужно.

Копать...

37

— Смерть — это предприятие, — сказал некромант. — Что-то похожее на завод по производству бутылок с перебродившим эюпсным соком. Отличие только в том, что предприятие под управлением смерти производит не полные бутылки, а трупы, свежие, стопроцентные, достаточно быстро упаковываемые в аккуратные, а иногда не очень холмики земли.

— Вот как? — сказал крысиный король. — Неужели?

— Все именно так, — заверил некромант. — Я бы даже назвал это индустрией смерти. Хорошее, кстати, название. Надо его кому-нибудь подкинуть...

— Ага, — сказал крысиный король. — Это понятно. А дальше?

Он поставил на стол пустой бокал, и тотчас стоявшее за его спиной существо, бывшее при жизни, скорее всего, гигантским лемуром, наполнило его вновь эюпсным соком. Предводитель крыс осторожно понюхал воздух и, не уловив запаха тления, удовлетворенно кивнул.

— Это стоит мне больших усилий, — сообщил некромант.

— Что именно? — поинтересовался крысиный король.

— Слуги, от которых не пахнет. Если ты заметил, запах отсутствует лишь у тех, кто прислуживает лично мне и моим... хм... особым гостям.

— Да?

— Вот именно. От твоего слуги — не пахнет. Нет даже малейшего запашка.

— Однако от тех, кто забрал юного тиранозавра, — пахло, можно сказать воняло.

Некромант развел руками.

— Это так. Как я уже сказал, запах — враг, победа над которым стоит некоторых усилий.

— Я уяснил, — сообщил крысиный король.

— В таком случае я хотел бы продолжить свои объяснения.

— Но прежде я хотел бы задать один вопрос.

— Валяй.

Улыбнувшись, крысиный король отхлебнул из бокала, еще раз оглядел зал и только после этого спросил:

— Ты и в самом деле некромант? Ничего обидного... Просто я считал, что некромант должен... гм... ну, он обязан быть несколько другим.

Его собеседник почесал кончик носа и, весело подмигнув, промолвил:

— Я должен все время хохотать зловещим смехом и вращать глазами?

— Что-то вроде этого.

— А что мне это даст?

— Ну, не знаю, — сказал крысиный король. — Вроде бы так положено. Обычаи, знаешь ли. А в старых обычаях частенько заключен некий глубокий смысл. Не стоит им пренебрегать.

— Я и не пренебрегаю, — сказал некромант. — Если ты не заметил, то одет я надлежащим образом, и черты лица у меня для такой одежды подходят неплохо. Не согласен.

— Твое право. Но все-таки...

Некромант вздохнул:

— Понимаю. Все понимаю. Вот только в моем ремесле на самом деле нет никаких гробовых тайн. Мне не наносят визитов духи из бездны, и я не боюсь неумолимого рока. Я просто знаю, как вернуть к жизни любое умершее существо. Я делаю свою работу, и не более. Хорошо ее делаю. А озабочен я лишь тем, чтобы получать за свой труд соответствующую плату. И тут я хочу снова вернуться к тому, что я пытался объяснить, прежде чем ты задал свой вопрос. К тому, что смерть — это целая индустрия. Как это ни странно звучит, я, если убрать частности, на самом деле являюсь всего лишь одним из элементов этой индустрии.

— Мне казалось, ты, наоборот, работаешь против смерти. Разве не так?

— На первый взгляд.

— А на второй?

Некромант улыбнулся.

— Вот тогда-то и начинаешь понимать, что тот, кто, казалось бы, работает против некоей системы, на самом деле частенько работает на нее, является ее частью. Дошло?

— Нет. Поясни.

— Это просто. Противоположностью смерти является жизнь. Я же возвращаю не жизнь, а существование. Всего лишь силой своей магии заставляю двигаться мертвые тела.

Крысиный король взглянул на своего собеседника с интересом. А вот это уже любопытно.

— Значит, — сказал крысиный король, — существование и жизнь для тебя разные вещи?

- Для меня — да, разные.
- В чем их различие? Для тебя.
- Для меня?

Некромант улыбнулся и поднял руку.

В дальнем конце зала находился большой шелковый, с вышитым на нем птичьим скелетиком занавес. По мановению руки Повелителя из-за него вышло существо, сильно смахивающее на мумифицированную королевскую крысу, и двинулось прямо к ним. Впрочем, пройдя всего несколько шагов и повинуясь движению ладони хозяина замка, оно остановилось.

- Нравится? — спросил некромант.

Окинув зомби своего соплеменника внимательным взглядом, крысиный король поморщился и сказал:

- Нет, не очень.
- Ты честен. К чему бы это?
- Есть ли смысл хитрить в данной ситуации?

Некромант довольно хихикнул.

— Ты на верном пути. По крайней мере, ход твоих мыслей мне сейчас нравится.

- Вот как? — спросил крысиный король.

Он подумал, что некроманту, скорее всего, хихикать не стоило, это было уже перебором. И за него придется платить. Как и за мумию королевской крысы.

— Да, так. Но вернемся к существованию. Чем оно отличается от жизни? Взгляни все же еще раз на этого зомби, и ты все поймешь. Он — существует. Ты — живешь. Это несомненно. В чем между вами разница? Видишь?

Крысиный король еще раз взглянул на зомби. Полуразложившаяся мордочка королевской крысы не выражала никаких эмоций.

— Убери его, — попросил предводитель крыс. — Мы вполне можем продолжить наш разговор и без таких примеров.

- Конечно, — согласился некромант.

Он еще раз взмахнул рукой, и зомби, тяжело ступая, с шорохом волока за собой по полу хвост, удалился за занавес.

Крысиный король вдруг почувствовал, что рот у него заполнен тягучей, противной слюной и, схватив бокал, поспешно сделал несколько глотков. Это помогло, и он, откинувшись на спинку кресла, смог даже спросить:

- А дальше?
- Ты понял? Зомби — это лишь имитация жизни. Мертвое те-

ло, в которое моя магия сумела на время вернуть некогда обитавший в нем разум. Тело, способное жить лишь до тех пор, пока его питает моя магия. Имитация. Я — просто очень хороший мастер имитации. Что-то вроде чучельника. Только у меня чучела говорят и двигаются.

— Страдают, — подсказал крысиный король.

— О, нет. Какие страдания? Зачем страдания? Никаких страданий они не испытывают.

— Так ли?

— Не испытывают, не испытывают. Вместе с плотью уходят и страдания. Собственно говоря, — заявил некромант, — если разобраться, то я, кроме всего прочего, делаю благое дело. Даю умершим возможность еще раз взглянуть на прожитую жизнь, убедиться в том, что они потеряли не бог весть что...

— Не забывая о своих интересах.

— И это — тоже. А почему нет?

— Не смею осуждать, — сказал крысиный король. — Только я-то ко всей этой истории какое имею отношение?

— Самое непосредственное. Я нуждаюсь в помощи. И ты мне в ней не откажешь.

В голосе некроманта не было даже намек на вопрос. Он просто констатировал факт. Ставил о нем в известность.

Крысиный король покачал головой.

— А если... — вкрадчиво сказал он.

— Нет. — В голосе некроманта слышался металл. — Ты не откажешься. Позвать еще раз того же самого зомби?

— А он...

— Да, да, он был доставлен сюда. Я сделал ему такое же предложение, и он отказался. Можешь догадаться, к чему это привело?

Крысиный король вонзил когти в подлокотник кресла. Теперь, стоило ему сделать еще одно движение, и они будут безжалостно вспороты.

Безжалостность. Хорошее слово. Прекрасно совмещающееся со словом «месть».

— Ну, так как? — спросил некромант.

— Хорошо, я согласен, — сказал крысиный король. — Я тебе помогу. Но...

— Я потом об этом пожалею? — небрежно сказал некромант.

— Да.

— Ты знаешь, сколько раз я слышал нечто подобное? Тысячи раз. И ни одно из обещаний не было выполнено.

— Это не простое обещание. Оно дано крысой, а крысы, как известно, обещания выполняют. Особенно — такие. Тем или иным образом, но ты заплатишься.

— Поживем — увидим, — промолвил некромант. — Поживем — увидим.

38

— Ну ладно, — сказал дракон. — А дальше?

— Дальше все было очень просто. Синдбад спустился с балкона и был таков. Бриллиант он продал и разбогател, а на принцессе женился. Они жили счастливо. У них были дети.

— Все?

— Все.

— Но ведь это же бред, — сказал дракон. — Чистейшая чепуха. Так не бывает.

— А я разве обещал рассказывать тебе чистую правду? Это всего лишь сказка.

— Но даже в сказке должна быть какая-то логика. А тут — ни складу, ни ладу.

Мрачно взглянув на голову дракона, джинн спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, вот возьмем, к примеру, женитьбу. Ты и в самом деле веришь, будто, женившись, можно обрести счастье?

Вглянув на него с интересом, джинн спросил:

— Судя по всему, ты был женат?

— Ну да, — неохотно признался дракон. — Был. Только это сейчас не имеет ни малейшего значения. Мы вообще, кажется, разговаривали не о моей жизни, а о рассказанной тобой сказке.

Джинн мысленно сделал пометку. Женитьба. Надо запомнить. Может быть, это ему в будущем пригодится. А пока...

— Хорошо, какие еще в ней есть несуразности? — спросил он. — Назови еще хотя бы одну.

— Запросто. Вот возьмем бриллиант. Зачем его было продавать? Не понимаю, каким может быть богатство, если это не драгоценные камни?

Джинн ухмыльнулся.

— Так ты, стало быть, почти ничего не знаешь о людях?

— А ты очень много знаешь о полевых мышах? Видишь ли,

мне не так уж часто приходится сталкиваться с людьми. Большую часть времени я провожу под землей. Глубоко под землей.

— Зачем же ты тогда выбрался на поверхность сейчас?

— Ну-у-у...

— Можешь мне довериться, я никому не проговорюсь, — сказал джинн.

Дракон бросило на него испытующий взгляд, пару раз открыл пасть, словно готовясь что-то сказать, но так и не решился это сделать.

— Давай, давай, выкладывай, — поторопил его джинн.

— А ты точно никому не скажешь?

— Точно.

— Клянись.

— Ах, ну конечно... Носиком своей лампы клянусь сохранить твою тайну. Достаточно?

Еще немного подумав, дракон сказал:

— Ладно, сойдет. С пивом.

— С пивом? Откуда у вас там, под землей, пиво?

— А куда оно денется? Самое настоящее, с ядреным известняком и классическим горьковатым привкусом растертого в пыль кварца.

— Понятно, — сказал джинн. — Ну, а теперь — выкладывай. Так по каким причинам тебя вынесло на поверхность земли?

— Подвиг, — сказал дракон.

— Что?

— Я должен совершить нечто... поступок, подвиг. Я должен совершить нечто трудное и опасное, иначе не смогу вернуться к своему племени. Иначе мне не быть королем.

39

Теперь они сидели в уютной гостиной возле камина. Некромант зажег палочку дерева флю и время от времени подносил ее к лицу, чтобы вдохнуть очередную порцию дыма. Крысиный король, так и не расставшийся с бокалом, поставил его на подлокотник кресла и смотрел на полыхавший в камине огонь.

— Думаю, у тебя есть вопросы, — сказал некротомант. — Теперь, после того как мы выяснили, что мы работаем вместе, я могу на них ответить. Конечно, не на все, но... на некоторые.

Быстро взглянув на некроманта, крысиный король улыбнулся, показав длинные острые клыки, и спросил:

— Как становятся некромантами? Как тебе пришла в голову эта идея — зарабатывать на жизнь, поднимая мертвецов из могил?

Некромант пожал плечами.

— А чем она плоха? Работа ничуть не хуже, чем у других. С таким же успехом можно копать ямы, шить обувь, брить лбы. Сообразно полученному от рождения таланту. У меня же талант — возвращать к существованию. Его я и использую, им и кормлюсь.

— Каким образом? — поинтересовался крысиный король. — Что можно заработать на мертвых? Ну да, они могут прислуживать. А дальше? Как ты зарабатываешь деньги?

— Это же просто, — ответил некромант. — Среди умерших немало умельцев, способных после возвращения к существованию приносить неплохой доход. Всякие там гончары, кузнецы, золотых дел мастера. Кроме того, неплохие суммы мне выплачивают несколько правителей государств, соседствующих с моими владениями. Взамен я слежу за тем, чтобы мои слуги не докучали им своим появлением. Понимаешь?

— Еще бы, — промолвил крысиный король.

— В эту плату входит и мое обещание не трогать усыпальницы знати. Не всякому королю понравится известие о том, что его матушка прислуживает за столом какому-то грязному некроманту.

— Понятно, — сказал крысиный король. — И они безропотно согласились, даже не попытавшись, к примеру... гм... ну, послать против тебя войска?

— Ты видел моих воинов. Их не очень много, но они неуничтожимы. Кроме того, чем больше встретившееся им войско, тем лучше. Если рядом буду находиться я, то каждый убитый враг тут же превращается в моего воина. Понимаешь?

Крысиный король хмыкнул.

Некромант не обманывал. Воевать с ним было бессмысленно.

— В таком случае чего тебе еще нужно? У тебя есть царство мертвых, в котором ты являешься полноправным правителем. Ты можешь не бояться нападения соседей. У тебя водится звонкая монета. Чего тебе бояться?

— Есть чего, — сказал некромант. — Точнее, кого.

— Маги? — спросил крысиный король.

— Маги? — удивился некромант.

— Ну да, они самые. Ангро-майню, владелец двадцати пяти миров, в число которых, кстати, входит и этот. Прочие.

Некромант развел руками.

— Ему сейчас не до меня. Конечно, бесконечно это продолжаться не будет. Но пока... Нет, пока у меня есть другой враг. Могучий, безжалостный, неотвратимый. И я решил принять кое-какие меры.

— Ты предусмотрителен.

— Стараюсь. Моя работа требует этого. Видишь ли, мертвые — очень тяжелый материал для работы. И рядом с ними нужно все время быть начеку. На самом деле они не любят, когда их тревожат. И стоит хотя бы раз зазеваться...

Крысиный король взглянул на собеседника и вдруг подумал, что сейчас тот удивительно напоминает ангелочка. Подросткового, отравившего усы, променявшего молитвы и беспорочный образ жизни на знание всех ее худших сторон, где-то в глубине души страшно довольного собой, таким ловким, хитрым, оборотистым.

— Стражи, доставившие меня сюда, — сообщил крысиный король, — вели себя разумно. Ко мне, по крайней мере, они злобы не проявляли.

— А ко мне проявят. Если я хотя бы на минуту потеряю над ними контроль.

— И такое случалось? — вкрадчиво спросил крысиный король.

— Я до сих пор жив, — сообщил некромант. — Меня невозможно вывести из себя. Не стоит даже пытаться. Понимаешь?

— Еще бы. Я это прекрасно уяснил.

— Ну, вот и отлично. Думаю, на этом с вопросами мы закончили?

— Не совсем, — задумчиво сказал крысиный король. — У меня есть еще парочка.

— Задавай.

— Кто он, твой враг?

— Пока сказать не могу. Это ты узнаешь в свое время. Задавай второй вопрос.

— Почему твои слуги искали именно королевскую крысу? Другими словами — почему я?

Некромант развел руками.

— А кто еще? Придуманное мною сможет осуществить только королевская крыса.

Крысиный король тяжело вздохнул:

— Что-нибудь украсть?

— Нет, — ответил некромант. — Ты должен будешь всего-на-всего заменить меня, стать мной. На несколько часов.

40

Ненависть и жажда мести.

Тиранозавриха от избытка чувств шелкнула зубами. Ей не терпелось схватить похитителя, вонзить в его тело клыки, насладиться его плотью, кровью, издаваемыми им предсмертными стонами.

Охватившее ее желание покарать похитителя было настолько сильно, что временами казалось тиранозаврихе неким существом, родившимся в голове в тот момент, когда она узнала, что ее первенец похищен. Оно, это существо, медленно, неотвратно захватывало ее сознание, перестраивая его, подчиняя лишь одной цели.

Мести.

Именно для того, чтобы утолить жажду мести, тиранозавриха бежала к владениям некроманта, останавливаясь лишь понюхать воздух и определить направление движения преследуемого. Она знала, что сильно рискует, поскольку впереди простирались земли, принадлежащие человеку, сумевшему обмануть смерть. В любое другое время она должна была попытаться обойти их стороной. Но не сейчас.

Сейчас ей хотелось мести так сильно, что это желание подавляло даже инстинкт самосохранения.

Догнать и разорвать. Даже если за это потом придется заплатить жизнью.

Она вбежала на вершину невысокого, поросшего травой-угайкой холма, услышала, как она шелестит на ветру: «Кому? Кому?», предлагая поиграть в игру, призом в которой являлся старинный пеликанский клад, и вдруг остановилась.

Заглушая шепот травы, так, словно говоривший стоял у нее за спиной, послышался голос:

— Настало время взять твое тело, — сказал он. — Оно мне необходимо.

41

Плоские камни, уложенные так, что между ними нельзя было протиснуть лезвие ножа, широкие створки мраморных раковин, плиты, покрытые странными иероглифами, окаменевшие лапы морских единорогов, доски ежевичного дерева, неподвластные действию времени, украшенные странными, зловещими узорами.

Спускаясь вслед за некромантом на дно колодца и разгляды-

вая стены, крысиный король подумал, что все правильно. У магов — башни, а у некроманта должен быть именно колодец.

— Меня не будет часа два-три, — сообщил некромант. — Не больше. Мне незачем задерживаться дольше этого срока. Так что тебе не придется долго ждать.

— Куда ты отправишься? — спросил крысиный король.

Некромант довольно хихикнул.

— Ты не теряешь надежду меня обмануть, глупая королевская крыса? Это похвально, но совершенно не имеет смысла.

— А что имеет?

— Твое здесь присутствие. Едва оказавшись в моем замке, ты попал в ситуацию, из которой сможешь выпутаться, лишь играя на моей стороне.

— А точнее?

— Потом... — нетерпеливо махнул рукой некромант. — Все потом. Прежде всего мы должны навести на тебя мою тень. Иначе ты не сможешь меня замешать.

— Твою тень?

— Ну да. А как же иначе?

— Но зачем это нужно?

— Мои подопечные. Они все время жмутся ко мне, все время следуют за мной. Они не могут расстаться с моей тенью. Они должны знать, что я рядом, должны ощущать мою тень. Я их создатель, и они всегда будут стремиться оказаться ко мне как можно ближе.

— Чем тебя не устраивает это положение?

— Сейчас мне необходимо на несколько часов перенестись в один из соседних по цепи миров. Я хочу добыть некую вещь. Она мне нужна просто позарез. Однако если я за ней отправлюсь, не приняв надлежащих мер, то все мои слуги тотчас об этом узнают. Они кинутся за мной в соседний мир и, прежде чем я вернусь, успеют, к примеру, вторгнуться на территорию одного из соседних государств. А с ними, как ты помнишь, у меня заключены соглашения. Будет скандал, и обиженный правитель может пожаловаться Ангро-майню. А там...

— Значит, ты боишься скандала? — спросил крысиный король.

— Пока! — поднял палец вверх некромант. — Пока — боюсь.

— А потом?

— Потом? Плох тот солдат, который не носит в своем ранце

жестл маршала... Но сначала мне нужно победить самого опасного своего врага, сделать так, чтобы он от меня отступился.

— Какого еще врага?

— Потом, все потом.

Ступеньки кончились. Теперь они стояли на дне колодца. В самом его центре был плоский черный как смоль камень, на котором были разложены какие-то причудливые инструменты, лежала толстенная книга в кожаном переплете, с металлическими застёжками.

Крысиный король посмотрел вверх. Там, на первой ступени лестницы, стояли два скелета, вооруженные арбалетами.

А что, если они на таком расстоянии промахнутся? Этот некромант не так уж и силен. Как все, занимающиеся магическими науками, он наверняка не уделяет должного внимания своим мускулам. И скрутить его, пригрозить, в случае сопротивления полоснуть когтем по горлу нетрудно.

А что, если скелеты все же стреляют отменно?

— Становись вот сюда.

Некромант указал на пол. Там был очерченный жирной красной краской круг, как и должно, окруженный причудливыми знаками.

Крысиный король понюхал воздух и поморщился. Не любил он запаха старой крови. Вот свежая...

— Не тяни время, — поторопил некромант. — У меня его не очень много. Мне еще нужно добыть старый меч смерти.

— Старый меч смерти?

— Ну да, — с досадой сказал некромант. — Бесполезная, никому не нужная железяка.

— Никому? А ты?

— Да, мне она нужна, но совсем ненадолго. А потом — опять во тьму безвременья.

— Но почему — старый?

— Потому, — вздохнув, объяснил некромант, — что он когда-то принадлежал одному из воплощений смерти. Дура набитая.

— Ты это о смерти? — уточнил крысиный король. — А ты не боишься?..

— Нет, — отрезал некромант. — Не боюсь. Иначе не стал бы заниматься тем, чем занимаюсь. Становись в круг. Кстати, скелеты, оставшиеся наверху, недурно стреляют. Попытаешься напасть на меня — превратишься в ежа. Попытаешься выбраться

из колодца — то же самое. Ну, а к моим инструментам ты и сам не притронешься. Думаю, ты не настолько глуп, чтобы пользоваться колдовством, о котором не имеешь понятия.

— Не настолько, — сказал крысиный король.

— Ну, вот и хорошо. Сиди в круге и не пытайся ничего предпринимать. Я буду через пару часов. Давай входи... ну...

Еще раз глянув в сторону продолжавших целиться в него арбалетчиков, крысиный король неохотно вошел в круг.

— А что будет потом? — спросил он.

— После того как я вернусь? — спросил некромант.

— Да, после этого.

— Ничего особенного, — пожал плечами владыка скелетов. — Я тебя отпущу. Зачем мне тебя убивать?

— Ну, не знаю. Я — свидетель.

— Чего? Того, что я принесу издалека какую-то старую, тупую железяку? Того, что ты сообщишь кому-нибудь о моем существовании? Да ради бога. До Ангро-майню ты добраться не сможешь, а никто другой меня победить не сможет.

— И ты не убьешь меня даже ради порядка?

— Еще раз — зачем? Вряд ли мне понадобится вторая мумия королевской крысы. Я и эту-то убил и поднял к существованию лишь ради того, чтобы запугивать следующих королевских крыс.

Крысиный король кивнул.

— Почему тебе нужна была именно королевская крыса?

Осторожно взяв с камня узкий стальной ножичек, некромант ответил:

— Для правильного наложения тени мне нужна свежая королевская кровь. А какой король согласится прибыть сюда, в мои владения, и добровольно отдать мне кровь? Да ни один из них не подойдет к ним и на пушечный выстрел.

— Кроме королевской крысы.

— Ну да, — усмехнулся некромант. — Какая бы она ни была, твоя кровь, в любом случае она — королевская. И значит, годится в дело. Мне и нужно-то совсем немного... Кстати, не пора ли приступить к делу?

Крысиный король в очередной раз взглянул на арбалетчиков.

Нет, ни один из них даже не шелохнулся. Продолжают целиться.

— Немного крови, и на тебя переместится моя тень, — некромант взмахнул ножичком. — Пора приступать.

42

Кусака копал, отчаянно работая задними лапами.

Кстати, они, эти лапы, были созданы вовсе не для копания нор, а для того, чтобы с их помощью можно было догнать убегающую добычу. Лапы нормального хищника, а не какой-нибудь землеройки.

Вот только сейчас, для того чтобы соединиться с мамой, ему надо было копать, и Кусака копал.

Немного погодя он решил отдохнуть, скорчился в выкопанной им норе и немного поскулил, пожаловался на злую судьбу, разлучившую его с мамой. А ведь тот был такой хороший, умный и даже о нем заботился. Все как положено.

Настоящий, хороший мама. Он где-то там, на поверхности. Надо лишь выбраться и его отыскать. А для этого...

Ну да, ну да... Копать и копать.

Чем он и займется. Вот только отдохнет с полчасика. А потом... Благо до поверхности осталось не так уж много и где-нибудь через час он сможет приступить к поискам своего мамы.

43

Тень опустилась на колени перед плоским черным камнем и нагнула голову.

— А теперь, после того как я напоил тебя кровью, настоящей королевской кровью, ее хозяин станет твоим. Но только на то время, пока я не появлюсь и не скажу магическое слово. После этого ты вернешься ко мне.

Голос некроманта теперь звучал торжественно и спокойно. С трудом верилось, что каких-то пять минут назад из его горла вырывались звуки, здорово напоминающие крики пчелоедного подкрада, находящегося в поисках объекта для продолжения рода.

Впрочем, как не закричать, если твоя тень выкидывает такие фокусы?

Крысиный король испытующе взглянул на некроманта. А может, ему все это нравится? Может, ему это даже приятно?

Крысиный король хотел было спросить об этом у некроманта, но тот взмахнул рукой, словно отбрасывая от себя что-то невидимое, и тень вскочила. Она двигалась рывками, словно ищейка,

ухватившая след, но еще окончательно не уверившаяся в его истинности.

— Бери, бери его, — приказал некромант. — Он перед тобой.

Чувствуя, как у него в горле застревает протестующий рык, крысиный король шарахнулся было в сторону, но не успел выскочить из круга, как тень, мгновенно переместившись в пространстве, оказалась рядом с ним.

— Стой, не выходи за круг! — крикнул некромант. — Иначе умрешь! Потом — можешь, но не сейчас!

В голосе его было столько отчаяния, что крысиный король застыл на месте. И как раз в этот момент тень к нему присохла.

Боли не было. Но все же...

В тот самый момент, когда тень некроманта стала его частью, он почувствовал себя так, будто на мгновение очутился в холодной, безжалостной, враждебной всему живому пустоте. Пустоте, способной ждать его бесконечно долго, только это и умеющей, но зато уж умеющей великолепно. А потом это мгновение прошло, и крысиный король вновь оказался в привычном мире, снова стал самим собой.

— Мне пора, — сказал некромант. — Я и так потратил на тебя слишком много времени. Учти, обладание тенью не дает тебе ничего, ни грана власти над мертвыми, не прибавит ни одного шанса на побег. Сиди в круге и не покидай его. Вздумаешь бежать — получишь стрелу. Попытаешься умничать — не поможет. А я, вернувшись, придумаю наказание. Будешь вести себя молодцом — отпущу на все четыре стороны и тебя, и твоего воспитанника.

— Значит, если я попытаюсь бежать, в меня будут стрелять?

— Да.

— А твоя тень? — хитро усмехнувшись, спросил крысиный король. — Что станет с нею, если я умру?

— Стрела может попасть, например, тебе в лапу. Из колодца ты с ней уже не выберешься, а жив — останешься. Тень же при этом уцелеет. Просто и эффективно.

Сказав это, некромант сунул руку в карман брюк и стал что-то в нем нащупывать. Крысиный король в очередной раз посмотрел на арбалетчиков.

Нет, не стоит и пытаться.

Он искоса взглянул на некроманта и вдруг замер, разглядев, что тот как раз в этот момент вешает себе на шею.

Не может быть!

— Все, время истекло, — ехидно улыбнувшись, сказал некромант. — Без меня води тут себя хорошо, будь пайнкой. И тогда это маленькое приключение закончится для тебя благополучно.

Мгновение спустя он положил руку на висевший теперь у него на шее транспортный амулет и исчез.

44

Джинн почесал бритый затылок, окинул голову дракона задумчивым взглядом и спросил:

— Итак, ты намерен совершить подвиг? Я правильно тебя понял?

— Гм... ну да, — ответил дракон. — А твое какое дело?

— Я единственный, кто в данный момент способен тебе помочь, — проникновенно сказал джинн. — Единственный, понимаешь? Без меня ты так и будешь бросаться на всех прохожих с криком: «А вот и я!»

— Чем это тебе не нравится мой крик?

— Не крик, а позорище, — сообщил джинн. — Более убогого крика я не слышал.

— Зато я его придумал сам, — сообщил дракон. — Честно, без подсказок.

— Оно и видно.

Джинн прошел к бассейну и, опустившись на его край, впервые за несколько последних часов с симпатией взглянул на столпившихся неподалеку гурий.

— Вот когда я до тебя доберусь... — не очень уверенно начал дракон.

— Не-а, — широко зевнув, сообщил джинн. — Ничего ты мне не сделаешь.

— Думаешь?

— Да. Поскольку только я могу тебя научить, как совершить настоящий подвиг. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Если хочешь знать, я по подвигам — настоящий специалист.

— В самом деле?

— Да. А теперь ответь мне на один вопрос.

— Какой?

— Ты прямо-таки горишь желанием совершить свой подвиг?

— Точно. Горю.

— Великолепно. И ради этого ты готов на все?

— Ну да.

— Тебя ничего не испугает?

— Нет.

— Ну, вот и хорошо, — сказал джинн. — Главное — слушай меня, подчиняйся моим командам, и твое дело будет в шляпе. Папочке ты понравился. Папочка о тебе позаботится.

45

Мысли текли лениво, словно река с широким, неглубоким руслом.

Крыкос ~~м~~мал о происходящем с ним сейчас. Нет, оно не могло быть реальностью хотя бы потому, что такого на самом деле не бывает. И если придумывать объяснение, то... что же тогда остается?

Сон? Хм... сон. А почему бы и нет?

Крыкос посмотрел на свои лапы и огорченно потряс головой.

Что-то с ними было не так, совсем не так. И почему он, вместо того чтобы убежать прочь, вместо того чтобы отправиться на поиски возможного укрытия, стоит здесь, за портьерой, и ждет приказания? Он всю жизнь жил своим умом и никогда никому не подчинялся. Откуда же взялось тогда это желание — подчиняться приказам какого-то человека?

Нет, это неправильно. Это должно быть прекращено любой ценой.

Нужное воспоминание пришло, пробилось через пелену, обволакивающую мозг и не дающую думать, не дающую понять происходящее.

Теперь он знал, что умер. Причем убил его тот, кто сейчас отдает приказы, его Повелитель.

Крыкос издал почти беззвучный презрительный писк. Повелитель! Как же... Будь у него такая возможность... возможность показать, чего на самом деле стоит настоящая королевская крыса... Вот тогда бы он...

Крыкос едва заметно вздрогнул.

Повелитель. Мгновение назад он покинул этот мир, оставив вместо себя какую-то магическую замену. И она наверняка подействует на всех остальных слуг. Но только не на него. Уж его-то этой заменой ввести в заблуждение не удастся.

Осторожно подняв лапу, крыкос высунул голову из-за портьеры и огляделся.

Путь был свободен. И почему бы им не воспользоваться? Теперь, после того как Повелитель исчез и некоторые наложенные им заклинания перестали действовать... По крайней мере на него. А вот на других?..

Ну, это еще надо выяснить. Но самое главное — он свободен, и, значит, этой свободой надо воспользоваться. Отомстить. Самому — не выйдет. Как только Повелитель вернется, наложенные им заклинания снова начнут действовать. Но почему бы не помочь тому, на кого они не действуют?

46

Стервятники. Их было два. Стервятник с большим клювом и стервятник с клювом поменьше, но более загнутым. Они сидели на толстой ветке сухого дерева, смотрели на замок некроманта и разговаривали.

Стервятник с большим клювом рассказывал:

— Ну, а потом он оказался перед выбором: убить ее или не убить? Понимаешь?

— Еще бы! — воскликнул его товарищ с сильно загнутым клювом. — Я чувствую, к чему все идет. Я чувствую... Он ее убил?

— Да, убил и пошел дальше в мир снов.

Они помолчали. Потом стервятник с более чем нужно загнутым клювом спросил:

— А дальше?

— Все, на этом история закончилась.

— Совсем-совсем?

— Да.

— А мясо? Ты не сказал самого главного. Какого вкуса у нее было мясо, после того как она пролежала неделю?

Гриф с большим клювом осторожно развернул правое крыло и, вытянув длинную шею, стал его внимательно рассматривать — так, словно на нем что-то было написано, причем весьма интересное.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал его товарищ. — Так какого оно было вкуса? Мясо этой... как ее... зморя. Так ее, кажется, называли?

— Зморя, зморя.

— Ага, я так и знал, что правильно запомнил. Рассказывай, каков был вкус ее мяса.

— Не знаю, — признался стервятник с большим клювом.

— Не знаешь?

— Нет.

— Почему? Ты что, его не попробовал?

— Конечно, нет. Кто может похвастаться тем, что попробовал мясо зморы? Они исчезают сразу же после смерти. Пшик — и нету.

Сказав это, стервятник с большим клювом тихо хихикнул и вновь принялся рассматривать свое крыло. Его напарник, так и застывший на несколько мгновений с раскрытым клювом, издал тихое шипение и сильнее вонзил когти в иссохшую кору дерева.

— Купил? — осторожно спросил он.

— Угу.

— Будь ты проклят.

— Уже. А иначе почему я родился стервятником?

Они помолчали.

— Кстати, — наконец сказал стервятник с большим клювом, — у меня сейчас было предчувствие.

— И в этот раз оно касалось мяса? Все настоящие предчувствия касаются мяса.

— Не перебивай...

— Не буду. Только скажи — оно касалось мяса?

— Да. Оно его касалось. И было истинным на девяносто семь процентов. Для предчувствия это очень высокая цифра. Надеюсь, ты это слышал?

— Девяносто семь процентов? Неплохо, совсем неплохо.

— Вот именно. У меня все предчувствия имеют такую вероятность. У других — разную, а у меня — всегда одно и то же. Как ты думаешь, к чему это?

— Не знаю. Ты расскажи, о чем оно, это предчувствие?

— О том, что здесь очень скоро наступят покой и тишина.

— Покой и тишина? И что это значит?

— А то, что все это ходячее тухлее мясо — успокоится. И можно будет подзакусить. Очень скоро. Придет некто и всю эту компанию вместе с ее предводителем успокоит. Большое пиршество не за горами.

— Значит, стоит еще подождать? — спросил стервятник с клювом, загнутым более обычного.

— Да, скоро мы наедемся. Так, что не сможем летать. До отвала. С вероятностью в девяносто семь процентов.

— Хорошо бы.

Крысиный король лег на спину и задумчиво посмотрел вверх, на арбалетчиков.

Транспортный амулет!

На шее у некроманта висел самый настоящий, взаправдашний транспортный амулет, дающий возможность в мгновение ока перенестись в любой из расположенных на цепи миров.

Хорошая, нужная штучка. Особенно нужная в данный момент ему, крысиному королю. С помощью этого амулета он в одно мгновение сможет оказаться в родном подземном крысином городе. Достаточно лишь повесить эту штуку на шею и пожелать...

Вот только как же завладеть амулетом? Как его отобрать у некроманта?

Высунув переднюю лапу за пределы круга и тут же ее убрав, крысиный король убедился в том, что некромант, по крайней мере в отношении меткости своих стражей, не обманул. Острый, как лезвие заркурианского клинка, наконечник стрелы высек искры именно там, где только что находилась конечность экспериментатора.

Хмыкнув, крысиный король покачал головой.

Действительно снайперы.

Он прислушался и не уловил никаких звуков. После того как Повелитель покинул свои владения, на них словно бы опустилось покрывало тишины. Он принялся и не уловил никаких посторонних запахов. Все забил, казалось, навечно вьевшийся в стены смрад разлагающегося мяса и крови.

Арбалетчики! Способны ли они так же метко бить по очень быстро движущейся цели? И как быстро они перезаряжают свое оружие? Вот любопытные вопросы, над которыми стоит подумать. И кстати, чем не выход? Уклоняясь от стрел, добраться до арбалетчиков, столкнуть их в колодец и таким образом расчислить себе путь, дать деру. А потом... а потом...

Крысиный король тихо зарычал.

Не верил он в успех этого плана. Но разве в первый раз ему приходилось откалывать такие безумные номера? А если даже не повезет, то он получит в лапу стрелу. Кажется, некромант говорил, что убивать его не будут?

Кстати, получить стрелу в лапу... тоже радости мало.

Крысиный король крикнул скелетам:

— Эй вы, вам там не скучно? Может, поговорим?

Ответа не последовало. И вряд ли последует. Разве что в виде острой стрелы.

Хотя... А почему бы не дать им еще один шанс?

— Эй вы, костяные стрелки, если вы сейчас со мной не заговорите, я вам устрою такую гонку...

Ноль внимания, фунт презрения.

Крысиный король подумал, что насчет внимания — не совсем верно. Стрелы были нацелены точно, и, значит, вниманием его скелеты не обделяли. Вот только какого оно было рода?

Он встал, встряхнулся всем телом, избавляясь от попавшей на шерсть пыли, и прошелся вдоль черты, старательно держась к ней максимально близко.

Как на его маневры отреагируют стражи? Ну-ка... ну-ка...

Крысиный король сделал еще несколько шагов вдоль границы.

Да, теперь сомнений не было. Скелеты чутко следили за каждым его движением и, ни на секунду не запаздывая, держали на мушке.

Скверно, очень скверно.

Собственно, а чего он ждал? Так и должно быть. На то они и стражи. А он? А он на то и пленник, чтобы все время пытаться сбежать. Если использовать любой подвернувшийся шанс...

Эх, была не была!

Крысиный король вдруг неким присущим каждой крысе шестым чувством ощутил, что время бежать настало и, перемахнув через черту, кинулся к лестнице...

48

Проломленный Череп взглянул на солнце и любовался его совершенной формой. Потом опустил взгляд ниже, еще ниже... ниже...

Гм, а это что такое?

Земля в нескольких шагах от него зашевелилась и медленно, словно бы нехотя, поднялась горбом. Так, словно на поверхность выбирался крот. Крупный, кстати, крот. Гораздо крупнее обычного.

Чисто машинально Проломленный Череп сделал шаг вперед и поднял меч. Ну, кто там? Покажись.

Бугор лопнул, во все стороны полетели комья земли, а из

мгновенно образовавшейся норы высочил тиранозаврик. Увидев скелетов, он тоненько пискнул и кинулся наутек.

Проломленный Череп вдруг осознал, что время вновь послужить Повелителю только что настало.

— Эй вы! — крикнул он своим товарищам. — Только что появилась возможность побегать, поразмять косточки!

49

Стрела ударилась о камень прямо перед его носом. Крысиный король проскочил еще несколько ступеней и, оказавшись в безопасной зоне, остановился.

До следующего простреливаемого участка лестницы всего несколько прыжков. И стрелки, конечно, ждут его немедленного появления.

Фигушки! Пусть еще потомятся полминуты-минуту. Он должен появиться перед ними неожиданно. Неожиданность — хорошее преимущество, если в тебя стреляют два метких стрелка. Она дает целое мгновение. То самое, стоящее ни много ни мало — жизнь. Его жизнь.

Крысиный король взглянул вверх. До конца лестницы оставалось еще два витка. Что потом? Как он преодолеет отделяющее его от арбалетчиков расстояние? От выстрела почти в упор не спасет ни ловкость, ни быстрота. Расстояние слишком мало. А если еще учесть, что стрелков двое...

Нет, так не пойдет.

Он прислушался. Никаких посторонних звуков. Вообще никаких звуков.

Скверно.

Эти ребята с арбалетами в руках начисто лишены нервов и способны ждать, не уставая и не меняя позы, сколько угодно долго. Хоть до возвращения некроманта.

И значит...

Стоп, а как у них с умом? Насколько хорошо они способны оценивать обстановку? Могут ли они подсчитать, сколько у них осталось стрел? Способны ли они выпустить по слишком быстро и неожиданно появляющейся цели, по которой промахнулись уже некоторое количество раз, последнюю стрелу? Могут ли они приберечь ее для верного выстрела или будут стрелять до тех пор, пока окончательно не опустеют колчаны?

Крысиный король улыбнулся. Был только один способ это узнать наверняка.

Он отдохнул еще с полминуты, а потом бросился вниз по лестнице. Две стрелы просвистели в воздухе и, едва не пронзив его, ударившись о ступени, полетели на дно колодца.

Ага! Получилось! Получилось!

Он проделал это еще шесть раз, а на седьмой, обнаружив, что арбалетки перестали стрелять, прилег прямо на живот, отдохнуть.

Ну вот, кажется, его план сработал. А сработал ли? Впрочем, это он узнает достаточно скоро. Как только, миновав пару завитков лестницы, окажется перед скелетами.

Впрочем, обратной дороги нет.

Прежде чем он решился, прошло еще пять минут. Однако, раз решившись, крысиный король, как правило, не терял время зря. Резко оттолкнувшись от ступенек, он рванул вверх по лестнице, с размаху проскочил опасный участок и, не услышав свиста стрелы, тотчас же пронесся через другой. Опять — ни звука. Еще один виток, после которого он окажется прямо перед стрелками.

Собрав все силы, крысиный король еще немного увеличил скорость.

И в то же мгновение наверху, там, где стояли скелеты, распахнулась дверь. Крысиный король миновал еще некоторое количество ступенек и, оказавшись на самом верху лестницы, обнаружил сцену, повергшую его в изумление.

Остановившись как вкопанный, он наблюдал, как королевская крыса-зомби, которую ему показывал некромант, очень ловко сражается с арбалетчиками.

Схватив одного из них, зомби буквально вышвырнул его за дверь, как это делает с напившимся и вздумавшим буяннить посетителем вышибала-профессионал. Второй стрелок, казалось, не заметивший случившегося с напарником, вскинул было арбалет, явно целясь в крысиного короля, но не успел нажать спуск. Зомби — королевская крыса, все так же быстро и сноровисто выкинул за дверь и его.

Совершив это, он задвинул на двери чудовишной величины засов и наконец обратил внимание на крысиного короля. Встретившись взглядом с его мертвыми глазами, тот почувствовал себя не очень хорошо.

А зомби, двигаясь безошибочно и точно, словно по заранее

обдуманному сценарию, наклонился и, подобрав со ступенек один из оброненных стрелками арбалетов, протянул его крысиному королю.

— Держи. Тебе эта штука пригодится.

Машинально взяв оружие, крысиный король убедился, что оно заряжено, и мрачно кивнул.

Вот такая история. Получается, не будь этого ходячего трупа, он сейчас уже был бы искалечен. Нет, в упор арбалетчики промахнуться не могли. Оба должны были всадить стрелы точно в его лапы.

— Зачем ты это сделал? — спросил крысиный король.

Зомби слегка ухмыльнулся.

— Отомстить и прекратить. Ты понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — сказал крысиный король.

— Значит, жди некроманта. Ты ведь не прочь с ним пообщаться? Особенно если в лапах у тебя заряженный арбалет?

— Не прочь, — признался крысиный король. — А как же эти, скелеты? Что, если они выломают дверь?

— Эту дверь не выломает даже диплодок, — заверил зомби. — Ты, может быть, хотел сбежать?

— Хотел. Но теперь...

— Верно. Самый лучший метод обороны — наступление. Пустись ты наутек, и он пошлет за тобой погоню. А вот если ты останешься, то можно с ним так поговорить, что у него отпадет всякое желание в другой раз связываться с королевскими крысами. Согласен?

— Еще бы, — промолвил крысиный король. — Значит, спускаемся вниз?

Вместо ответа его спаситель подцепил лапой второй арбалет и скинул его вниз. После того как тот достиг дна колодца и с грохотом разбился, зомби объяснил:

— Это было необходимо сделать.

— Наверное, так, — сказал крысиный король. — Похоже, ты понимаешь в происходящем несколько больше меня.

Неожиданно почувствовав усталость, он присел на одну из верхних ступенек.

— Я не пойду вниз, я останусь здесь, наверху, а ты должен спуститься, — сказал зомби, — и ждать на дне колодца появления некроманта. Как только он вернется, я снова стану его слугой и брошусь вниз, для того чтобы тебя убить. Пока я бегу вниз,

ты должен успеть заставить его успокоить меня. У тебя теперь есть оружие, и я думаю, это удастся.

Взглянув на арбалет, крысиный король согласился:

— Я тоже так думаю. Ты уверен, что хочешь снова уйти в небытие?

— Уверен на сто процентов, — заявил зомби. — Иначе зачем бы я стал все это затевать? И получи гарантии, что он не станет меня снова возвращать.

Крысиный король положил голову на передние лапы и окинул его внимательным взглядом.

Ладно, запах можно проигнорировать. А вот вид... Ощущение разложения, охватывающее твоё тело... Может быть, он так стремится уйти в небытие потому, что более не желает чувствовать, как его тело разрушается? Наверное, это очень страшно — знать, что еще немного, и ты превратишься...

Впрочем, может быть, ему нет до этого никакого дела? Там, по ту сторону смерти...

Крысиный король сказал:

— Неужели ты думаешь, что он попытается...

— Вот именно — думаю, — отрезал зомби. — И поэтому ты должен мне обещать, что примешь необходимые меры. Некромант более не сможет вернуть меня к существованию. Поклянись, что сделаешь все возможное, чтобы этому помешать. И без каких-либо шуток.

— Штучек? — переспросил крысиный король.

— Ну да. Ты знаешь, что я имею в виду, не так ли? Мы из одного племени, и я прекрасно понимаю...

— Хорошо, — сказал предводитель крыс. — Я тебе это обещаю. Без подвохов. Я позабочусь о том, чтобы некромант более не возвращал тебя к жизни.

— Тогда ступай вниз, — приказал зомби. — Вдруг некромант вернется прямо сейчас? Ты должен быть к этому готов. А разговаривать мы можем и на таком расстоянии. Здесь, в колодце, неплохая акустика.

Он был прав. Разговоры разговорами, а некроманта упустить было нельзя ни в коем случае.

— Хорошо. Так я и сделаю, — сказал крысиный король.

Встав на задние лапы, он положил арбалет на плечо и потопал вниз.

50

— Ну, погоди, — сказал дракон. — И это так просто?

— Да, конечно.

— А как же все эти рыцари, великолепно пахнущие плюмажи, приятно хрустящие на зубах латы, мечи и копья, которые потом, после того как их хозяин попадет в желудок, можно использовать в виде зубочистки?

— Все это муть, — веско сказал джинн. — Все — розовая водичка, предназначенная для охмурения наивных болванов.

— Неужели?

— Конечно. Надо же всем этим певцам мужественности на чем-то зарабатывать? Должны они чем-то восхищаться? Должны о чем-то петь и за что-то получать деньги на пропитание?

— Хм... — сказал дракон. — Ты говоришь так, как будто видел этих певцов.

— Видел.

— Но ведь ты не можешь заглянуть к нам, под землю?

— Думаешь, их мало у нас?

— А-а-а... вот как. Значит, они попадают и у вас? Все эти певцы, сказители, хранители традиций...

— У нас, на поверхности, их тоже навалом.

— О! Вот как?

— Именно, — сказал джинн. — И у нас — та же самая история. Те же самые певцы и хранители традиций, сбивают настоящих смельчаков с толку, заставляя их делать совершенно бессмысленные и, по сути, ни в коем случае не являющиеся подвигами поступки.

— Бессмысленные?

— В то время, когда прямо под боком лежат и зря пропадают буквально десятки возможностей совершить настоящий, неоспоримый, неповторимый подвиг!

— И ты меня на этот счет просветишь?

Джинн насмешливо покосился на висевшую над самым его плечом голову дракона и, поудобнее расположившись на подушке, положил руку на плечо устроившейся у него в ногах гурии.

— Но ты ведь собирался меня проглотить? — напомнил он. — Не так ли?

Дракон вздохнул, потом честно признался:

— Собираюсь. Все равно. Не могу я не наказать того, кто залез

в мою голову. Так что... Но если ты мне поможешь, я уничтожу тебя быстро и безболезненно. Правда, это большое снисхождение?

— Уж точно, — мрачно изрек джинн.

Закрыв глаза, он пару раз сказал себе со всей возможной убедительностью, что ничего страшного пока не случилось. Ну да, ему не удалось втереться в доверие и заставить дракона отказаться от мести. Разве нет других способов? Что, если с помощью дракона он избавится от крысиного короля и обзаведется новым, более сговорчивым хозяином лампы?

Стоит только придумать, как оказаться в стороне в тот момент, когда дракон проглотит крысиного короля. Точнее, как сделать так, чтобы в пасть подземного принца вместе с хозяином лампы не попала и висящая на его плече сумка.

Джинн осторожно провел рукой по нежным, словно шелк, волосам гурии и довольно хмыкнул. Подобные задачи он запросто решал еще в детстве.

— Так ты расскажешь мне, как совершить настоящий подвиг? — спросил дракон.

— Конечно, — ответил джинн. — Особенно если это облегчит мою участь именно таким образом, как ты обещал.

— Облегчит, — пообещал дракон. — Хочешь, поклянись? Я съем тебя нежно, как родного.

— Не надо. Я тебе верю. Только ты будешь следовать моим указаниям.

— Согласен. А когда я узнаю о том, что наступила пора совершать подвиг?

— В свое время, — сказал джинн. — В свое время.

51

Слышимость в колодце и в самом деле была неплохая. А еще в нем было эхо, и благодаря этому у крысиного короля иногда возникало ощущение, что в их беседе принимает участие кто-то третий.

— Почему из всех зомби о том, что некроманта больше в этом мире нет, узнал только ты? — спросил крысиный король.

И тут же эхо, третий участник разговора, повторило за ним: «В этом мире... только ты?»

Королевская крыса-зомби ответил:

— Ты забываешь, к какому племени мы принадлежим. Мы с тобой. Какая у нас кровь.

Крысиный король сел поудобнее на ступеньке, положил арбалет под лапу, так чтобы его можно было быстро схватить, и посмотрел вверх.

Зомби не было видно.

Что он делал там, наверху? Сел на ступеньку или продолжал стоять на ногах? Наверное, так и стоит. Зомби не устают и в удобствах не нуждаются.

— Как она ощущается, смерть? — спросил крысиный король. — Ты ее видел, эту самку с мышеловкой наперевес?

— Никак.

— Никак? Совсем никак?

— Ну да. Если смерть на самом деле и существует, то меня она посетить не пожелала. Вместо нее была неожиданная темнота и пустота — не более.

«Темнота и пустота... не более», — деловито повторило эхо.

— И это все? — уточнил крысиный король.

— Да.

— Так зачем ты туда снова стремишься? Что притягательного в несуществовании?

На этот раз зомби ответил не сразу. Его голос прозвучал лишь спустя пару минут:

— Узнаешь... Тебе это еще предстоит узнать.

— А как ты попал в руки некроманта?

— Это долгая история. И совсем неинтересная.

— Вдруг она поможет мне избежать чего-то подобного, предостережет от ошибки?

— Никогда еще болтовня не предостерегала от ошибок. Вот помогала их совершать — точно. Кстати, насчет ошибок... Если ты не будешь готов к появлению некроманта, дашь ему шанс активизировать какое-нибудь защитное заклинание... Тебе не кажется, что это будет очень серьезной ошибкой?

Вот тут он был прав.

— Так что, заканчиваем разговор? — спросил крысиный король.

— Да, заканчиваем. Так будет лучше. — После паузы сверху послышалось: — Ты мне нравишься. Не забудь первым делом заставить некроманта меня вырубить. Учти, я бегаю очень быстро и дерусь как никто другой. У меня к этому талант. Точнее, был.

«Талант... был...» — подтвердило эхо.

— Хорошо, — сказал крысиный король. — Не забуду.

Он немного поерзал, еще раз пытаясь усесться удобнее на жестких ступенях, и, не удержавшись, взял-таки арбалет на изготовку.

Наверное, это было излишним, но рисковать... Нет, лучше перестраховаться. Особенно если дело касается некроманта.

52

Теперь Миротворица обзавелась телом.

Причем оно ей нравилось все больше и больше. А ведь на кого на кого, но на нее угодить было трудно. Но можно ли было не наслаждаться этим изумительным приобретением, обладающим двумя сильными лапами, могучим хвостом и пастью, снабженной острейшими в мире зубами? Еще это тело быстро бегало и обладало таким весом, что могло запросто смести любого, осмелившегося заступить ему дорогу.

Чем не удачное приобретение? Чем не повод для довольства?

Миротворица подпрыгнула и проглотила пролетавшего слишком низко крылатого крокодилчика. Громкий щелчок страшных челюстей, упавший на землю обрывок кожистого крыла, вкусная добыча, отправившаяся вниз по гигантскому пищеводу. Это ли не счастье для того, кто не был в реальном мире вот уже многие десятки лет? Это ли не источник почти забытых ощущений? Что может быть приятнее?

Предстоящая работа!

Нет, не нравилась она ей, совсем не нравилась. После нее в этом мире не останется ничего живого. Конечно, если нарушитель не придумает какую-нибудь хитрость.

Хитрость!

Миротворица вдруг подумала, что с него запросто станет выкинуть какой-нибудь фокус.

Впрочем, она тоже не лыком шита. Что-нибудь придумает. На любую уловку будет придумана еще более каверзная хитрость. Лишь бы только этот мерзавец не сбежал в другой мир, тогда за ним придется погоняться. А если этого не случится, все закончится быстро. Как и положено.

53

Погоня, кажется, отстала.

Она не могла устать, поскольку скелетам, движимым магической силой, усталость неведома. Но вот запутать их, сбить с толку при некотором умении — можно.

Плюхнувшись на задницу на вершине какого-то холма, Кусака огляделся и решил слегка перевести дух.

Откуда у него взялось это умение, точнее, знание о том, как путать следы? Впрочем, ответить на этот вопрос нетрудно. Он — хищник, и значит, для того чтобы не упустить добычу, должен знать все ее уловки. А если знаешь, то почему бы при случае не применить эти знания для спасения своей шкуры?

Он еще раз оглянулся.

Невезение. Просто фатальное невезение. И надо же было этим охранникам увязаться за ним! Какого праха?

Самое худшее в данной ситуации то, что он вместо поисков мамы вынужден убегать от преследователей, запутывать следы и все больше удаляться от замка некроманта.

Мама!

Подумав о нем, тиранозаврик тихо заскулил.

Мама! Он может все, он защитит его от скелетов, он придумает, как их обмануть. Он придет на помощь.

А для того, чтобы это случилось, надо еще раз обмануть преследователей и снова вернуться к замку некроманта. Причем чем быстрее ему это удастся, тем быстрее он найдет своего маму, снова с ним воссоединится.

Снова будет счастлив.

54

Некромант с большим богато украшенным мечом в руке появился на дне колодца и, увидев нацеленный на него арбалет, неподвижно застыл. Вот только вопреки ожиданиям испуга на его лице крысиный король не заметил.

Очень спокойным голосом некромант заявил:

— М-да... Я так и знал. Нет, все-таки эти королевские крысы — слишком прыткие создания.

— А-теперь-быстро-успокой-моего-соплеменника-иначе-умрешь, — стараясь произносить слова как можно быстрее, приказал крысиный король. — У-тебя-три-секунды. Три...

Он так торопился, поскольку превосходно слышал, как лапы зомби топают по лестнице. Топот этот стремительно приближался.

— Но что ты скажешь...

— Два!

— А если я предложу...

— Один...

Крысиный король мягко потянул за спуск арбалета, и как раз в этот момент, ни раньше, ни позже, некромант махнул рукой. Топот на лестнице оборвался так резко, словно его обрезали ножом. Потом послышался глухой стук упавшего тела.

Крысиный король немного отпустил спуск и позволил себе глубокий вдох.

Ну вот, все пока идет как надо, но до победы еще далеко, ох как далеко...

— А дальше что? — спросил некромант.

— Шевельнешься, сделаешь резкий жест, попытаешься наложить чары...

— Ну, это понятно, — сказал некромант. — Тут ты меня стрелой и пришилишь. Хорошо стреляешь?

— Хочешь проверить?

— Нет, не хочу.

— То-то же. А теперь сядь там, где стоишь. Меч аккуратно опусти на пол и пододвинь ногой в мою сторону. Давай делай.

После того как некромант покорно выполнил его распоряжения, крысиный король приказал:

— Теперь ты должен положить руки на колени так, чтобы я их все время видел, и можно начинать разговор.

Пожав плечами, некромант сделал и это, а потом, неожиданно улыбнувшись, заявил:

— Поговорим.

— Арбалет у меня, — напомнил крысиный король. — А это значит, о чем мы будем говорить, определяю я.

— Мне кажется, ты ошибаешься. Я думаю, ты так и не понял, в каком положении оказался.

Крысиный король хмыкнул.

Ну вот, начинается. Сейчас некромант попытается с помощью слов выиграть уже фактически проигранную битву. Не получится у него это. Не на того напал.

— И в каком же положении я оказался? — скучным голосом спросил крысиный король.

Некромант пожал плечами.

— Для начала попытайся в меня выстрелить.

— Выстрелить? — улыбнулся крысиный король.

Он ждал блефа. Но такого...

— Да, выстрелить, — не унимался некромант. — Так ли это трудно? Нажать на спуск арбалета и воткнуть мне в живот тяжелую, острую, как зуб акулы, стрелу. Слабо?

— Но тогда ты умрешь. Зачем мне это?

— Не умру, — сказал некромант. — В том-то и суть, что ты не можешь причинить мне вреда. Не верится? Проверить — пуше пареной репы. Жми на спуск, жми.

Крысиный король чуть-чуть приподнял арбалет, так что стрела теперь вновь была нацелена в сердце некроманта, и для пушего эффекта зловеще улыбнулся.

Кстати, своим умением в этой области он почти гордился. И не без основания. Зловещая улыбка у него получалась самого высшего качества.

Вот только в этот раз она не подействовала.

Вскочив, некромант ударил себя в грудь кулаком и завопил:

— Все, надоело! Стреляй! И если не выстрелишь, я тебе сейчас...

Вот этого уже допускать было нельзя. Бунт на корабле, в подобных обстоятельствах, должен быть немедленно подавлен. Вот только убивать некроманта не стоило. А значит...

Резко опустив арбалет, крысиный король нажал на спуск. Он целился некроманту в ногу. Ничего у него не получилось. В тот момент, когда крысиный король нажимал спуск, лапа его сама собой дернулась, и стрела полетела мимо цели.

55

После леса началась степь. Она простиралась до самого горизонта, до закрывавшей его далекой гребенки горной цепи.

Горы!

Миротворица знала, что у подножия одной из них стоит замок некроманта. Того самого, с которым ей так хотелось познакомиться поближе.

Ее лапы глухо топали по дороге, и не будь та вымощена крупной брусчаткой, наверняка оставляли бы на ней вмятины. Легкий степной ветерок приятно охлаждал кожу. Солнце поднялось достаточно высоко и более не слепило глаза.

Где-то через час она увидела заставу. Несколько скелетов шенгой перегородивали дорогу. У обочины дороги стоял зомби в ржавом шлеме, украшенном высоким гребнем. Командиром, похоже, был он. По крайней мере, увидев приближающуюся Миротворицу, именно зомби сделал шаг вперед и крикнул:

— Стой! Никто не смеет нарушать границы владений Повелителя без соответствующего разрешения!

Миротворица не обратила на эти слова ни малейшего внимания. У нее было неотложное дело, и она спешила. Кто знает, может быть, ярость тиранозаврихи утихнет и тогда все придется начинать сначала? А начинать сначала — такая морока.

— Мы будем вынуждены тебя остановить! — крикнул зомби. — Учти, победить нас нельзя. Лучше поверни назад, страшное чудовище!

Миротворица даже не попыталась задуматься над его словами. Она спешила. Ей надо было добраться до замка некроманта. Он притягивал ее, словно магнитом.

Миротворица была всего лишь в нескольких шагах от заслона, когда зомби крикнул в третий раз:

— Последнее предупреждение! Если ты не остановишься...

Драться с заслоном? Миротворица не видела в этом никакого смысла. Да и к чему ей было драться? При ее-то массе. Даже не сбавив хода, она налетела на заслон и, расшвыряв его, помчалась дальше.

56

— Тень, — сообщил некромант. — Ты забыл о тени.

— Ах, о тени? — сказал крысиный король. — Значит, оружие мне в разговоре с тобой более не понадобится? Пустить в ход его я не смогу?

— В самое яблочко, — подтвердил некромант. — Пока моя тень с тобой, ты не сможешь причинить мне зло. Уж она об этом позаботится. Вовремя отведет руку, заставит ногу споткнуться или придумает еще что-нибудь. Думаешь, оставляя тебя здесь, в колоде, я не знал, что ты попытаешься меня перехитрить? Конечно, знал.

— Понятно, — сказав это, крысиный король небрежно бросил разряженный арбалет на пол. — Ты получил желаемое. Теперь я тебе больше не нужен.

Говоря это, он чувствовал, как внутри у него растет какой-то

холодный мерзкий комок, и вот это ему совсем уж не нравилось. Все-таки безвыходные ситуации случаются. Редко, но бывают, даже если ты крысиный король и привык чуть ли не каждый день вылезать из самых неприятных положений. И вот сейчас... Хотя стоп... есть мысль.

— И что из этого следует? — спросил некромант. — Ты попытаешься меня уничтожить? А тень? Они погибнет вместе со мной? — Некромант хихикнул. — Ухватил суть, да?

— А я ее ухватил?

— Ну, не саму суть... Но нечто к ней близкое. Можно, я рядом с тобой сяду? Если мы не можем причинить вреда друг другу, то и бояться друг друга не стоит. Согласен?

Крысиный король кивнул. Устроившись рядом с ним, некромант сообщил:

— Мне кажется, пришла пора тебя в нее посвятить.

— А если я этого не хочу? — быстро спросил крысиный король.

— Неужели тебе неинтересно, для чего на самом деле я приказал своим слугам доставить тебя сюда?

— Надеюсь, не для жертвоприношения?

— Нет. О жертвоприношении не может быть и речи. А вот о жертвенности...

Крысиный король насмешливо улыбнулся:

— Ты хочешь поймать меня на эту тухлую наживку? Не верю своим ушам.

Некромант встал, и, пнув разряженный арбалет так, что тот отлетел в дальний угол колодца, сделал несколько шагов и оказался возле очерченного круга, в котором совсем недавно сидел крысиный король. Круто возле него развернувшись, некромант заложил за спину руки и двинулся обратно. Остановившись в шаге от крысиного короля, он спросил:

— А ты и в самом деле считаешь слово «жертвенность» не имеющим никакой ценности сотрясанием воздуха?

Крысиный король покачал головой:

— Подумай, с кем ты об этом разговариваешь?

— Я задал вопрос.

— Послушай, — промолвил крысиный король. — Перестань ходить вокруг да около. Я уже устал играть в загадки. Что тебе от меня нужно?

Пожав плечами, некромант заявил:

— Ничего особенного. Просто ты должен спасти мир.

— Что?

— Ты слышал. В твои обязанности входит спасти мир, поскольку никому иному сейчас это не под силу.

Голос некроманта был спокоен и уверен, словно он говорил нечто весьма обыденное.

— Это почему? — подозрительно спросил крысиный король. — Почему именно я? Что во мне такого уж необычного?

— Королевская кровь, — ответил некромант. — Она самая. Правда, вот сейчас ты пожалел, что ты не родился простой крысой?

— Ну хорошо, я уже почти об этом пожалел. Я теперь без фокусов, скажи мне точно, что я должен сделать?

— Ты уже слышал, — промолвил некромант. — Спасти мир. Как и положено, с помощью вот этого меча.

Он показал на валявшийся на полу колодца старый меч.

— Вот этого? — машинально спросил крысиный король.

— Ну да. Как и положено, ты возьмешь его в лапы, выйдешь в чистое поле и сразишься со страшным, могучим противником. А иначе весь этот мир погибнет. Весь. От одной перемычки до другой.

Крысиный король покачал головой. Его собеседник был явно ненормален. Такое с ними, некромантами, наверняка случается частенько. Да и как можно не спать, если все время возишься с ожившими трупами?

Ему стало почти грустно. Ну вот, а он уже было стал прикидывать, каким образом уговорить некроманта отпустить его восвояси. Как же, договоришься с ним сейчас! Какой смысл договариваться с сумасшедшим?

— Ты хочешь узнать имя своего противника?

— Почему бы и нет? — меланхолично сказал крысиный король. — Кто он, этот страшный враг?

— Смерть, — ответил некромант.

57

Кусака сегодня слишком много копал и бегал. У него болели лапы. И, наверное, стоило остановиться, дать им отдохнуть, но он не мог это сделать, поскольку за отдых пришлось бы заплатить свободой. Скелеты еще не наступали ему на пятки, однако некое шестое чувство подсказывало тиранозаврику, что преследователи отстали ненамного.

Оказавшись на вершине очередного холма, Кусака не удержался и оглянулся.

Так и есть. Вот они, преследователи, на расстоянии двадцати-тридцати минут быстрого бега. Интересно, видят ли они его? Почему они, несмотря на все его усилия, каждый раз находят его след? По запаху? А может, у них тоже есть какой-то инстинкт, инстинкт преследования, и он безошибочно выводит слуг Повелителя на его след?

А еще ему хотелось пить и есть. На это тоже не было времени, ну совсем не было.

Он посмотрел в другую сторону, туда, куда бежал, и с огорчением увидел, что его опять вынесло к степи. Почему так получилось? Может быть, в этом виноваты преследователи? Возможно, они загоняют его в какое-то определенное место, где его ждут охотники, как это делают гончие?

Да нет, зачем им это? К чему засады и вообще все эти хитрости, если на стороне слуг Повелителя время? Рано или поздно у преследуемого кончатся силы, и его догонят. Подобные соревнования выигрывает не самый быстрый, а самый выносливый.

А ему... Ему для того, чтобы избежать нового пленения, надо сделать еще одну попытку найти маму. Успешную попытку. Возможно, мама уже придумал, как избавиться от скелетов. Он должен был это сделать. На то он и мама.

58

— Да нет, тут ты ошибаешься, — сказал некромант. — Не бывает смерти в том виде, в котором ее изображают в легендах. Не ходит по мирам старуха с косой, самка с крысоловкой или старик в саване с капюшоном. Такого не бывает.

— С кем же я тогда буду сражаться? — спросил крысиный король.

— Как ни странно это звучит, с физическим воплощением смерти, с ее концентрированной сущностью.

— Так, — сказал крысиный король. — Ну-ка, давай выкладывай все и поподробнее.

— Хорошо, — сказал некромант. — Сейчас расскажу. Собственно, именно это я и собирался сделать, но вот как-то... — Он достал палочку дерева флю, осторожно ее зажег и, несколько раз окунув лицо в ароматный дым, вдохнув его полной грудью, про-

должил: — Итак, смерти как мыслящего и чувствующего существа — нет и никогда не было. Есть процесс, неизбежно происходящий с каждым живущим в этом мире. Рано или поздно все мы умираем. Кто раньше, кто позже, но увы, всем нам приходит как-то. И это нормально.

— Нормально, — согласился крысиный король.

— А теперь я хотел бы сказать о ненормальном. О нас, некромантах. Ты понимаешь, что наша деятельность — ненормальна, неестественна и нарушает порядок вещей?

— Да, — сказал крысиный король. — А при чем тут смерть, то ли существующая, то ли не существующая на самом деле?

— При том, что нарушать обычный порядок вещей опасно. Можно нарваться на закон компенсации. Точнее — если постоянно заниматься волшебством, а также таким ремеслом, как мое, неизбежно нарвешься на закон компенсации.

Крысиный король взглянул вверх. Там, где-то на середине лестницы, лежал труп королевской крысы. Теперь зомби снова стал трупом и, выполняя данное обещание, надо было проследить, чтобы некромант его более не тревожил.

Прах к праху. Труп должен лежать в земле, а не разгуливать, пугая своих соплеменников. И еще — обещание. Оно должно быть выполнено. О нем забывать нельзя.

— В чем он состоит, этот закон компенсации? — спросил крысиный король.

— Как я уже сказал, он действует почти на всех, имеющих отношение к магии. На магов и волшебников, на магические создания и на нас, некромантов. Причем на каждого по-своему. Мне не хотелось бы рассказывать, как он действует на остальных, поскольку это сейчас совершенно неважно, а вот о том, как он касается нас, некромантов, мне придется поведать.

Сделав паузу, некромант еще раз окунул лицо в дым палочки флю и продолжил:

— Для того чтобы поднимать мертвецов из могил, мы тратим магическую энергию особого рода. Она отличается от той, которой пользуются маги и волшебники. Чем? Не будем вдаваться в мелкие подробности. Главное, чем она отличается, — тем, что где-то там, может быть, в других измерениях, она, эта энергия, скапливается. И чем больше я потрачу энергии здесь, тем больше ее накопится там, в одном из других измерений. Прямая зависимость. Получается, я не трачу энергию, а словно бы перекачиваю ее в

другой мир. Причем там она каким-то образом видоизменяется. Понятно?

— Не очень, — осторожно сказал крысиный король. — Нельзя ли это... объяснить более доступно?

— Можно, — мрачно сказал некромант. — Вот представь... хм... Представь себе магнит. Ты видел когда-нибудь магнит?

— Конечно, видел.

— Вот и отлично. Представь себе магнит. У него два конца. На одном конце у него положительный заряд, на другом — отрицательный. Это хорошо видно, если взять другой магнит и попытаться их друг к другу поднести. Концы с разным зарядом будут притягиваться, а концы с одинаковым — отталкиваться.

— Хорошо, представил, — сказал крысиный король.

— Ну, вот и отлично. А теперь представь, что моя энергия, та, которую я использую для своих дел, является одной стороной такого магнита. Поднимая очередного мертвеца, давая ему энергию для существования, я отщипываю от своего конца магнита кусочек и переносу его в другое измерение. Там этот кусочек меняет знак. Я поднимаю еще одного мертвеца и к нему добавляется еще один кусочек, потом еще один... Понимаешь?

— Давай дальше, — сказал крысиный король.

— В результате где-то там постепенно возникает кусочек магнита с противоположным зарядом. Он растет, растет, а потом становится очень большим... Конечно, это происходит очень медленно, но происходит. Так вот, рано или поздно этот кусочек становится таким большим, что начинает притягиваться к моему, к той энергии, которой я обладаю. Именно я, и никакой другой некромант. Понимаешь?

— Притягивается, — повторил крысиный король.

Некромант развел руками.

— Ну а дальше все совсем просто. Это притяжение возрастает, возрастает, и в результате...

— Тот кусочек проваливается в наш мир? — спросил крысиный король.

— Вот именно, — сказал некромант. — Сгусток. Он выглядит как сгусток энергии и проваливается в наш мир. А попав в него — устремляется ко мне. Его притягивает ко мне словно магнитом, и он прекрасно знает, где меня искать. Может быть, он даже обладает разумом. Не знаю. Да и какое это имеет значение?

— Тут я понял, — сказал крысиный король. — Он устремляется к тебе. Что произойдет, когда он тебя настигнет?

— Большой взрыв! — сказал некромант. — Очень большой взрыв!

— Насколько большой? — вкрадчиво спросил крысиный король. — И как это будет выглядеть?

— Ну... реального взрыва не будет. Скалы не рухнут, и реки не разольются. Просто все, находящиеся в этом мире, умрут. На месте. Все до единого. Ворота между мирами, как ты знаешь, выполняют не просто декоративные функции. Они не допустят, чтобы подобные вещи задели другие миры. А наш, тот, в котором ты находишься...

Крысиный король вздохнул. Потом он вздохнул еще раз и посмотрел вверх.

Вот в такую историю ему, значит, удалось вляпаться. Можно сказать, повезло. Сильно повезло. Давненько ему такое счастье не подваливало.

— Молчишь? — спросил некромант. — Ну, давай спрашивай. Я же знаю, что тебе позарез хочется задать мне один вопрос. Нет?

Крысиный король молчал.

Снова сунув лицо в дым палочки флю, некромант несколько раз вдохнул и выдохнул его и, задрав голову, тоже посмотрел наверх. Крысиный король вздохнул в третий раз и наконец спросил:

— Как далеко находится сейчас эта гадость, этот сгусток?

— Думаю, у нас есть еще часа два, — ответил некромант. — Видишь ли, сама эта штука передвигается в нашем мире с трудом. Ей нужно тело, некий носитель. В этот раз она нашла себе... гм... я бы сказал, неплохое тело.

— Какое?

— Не знаю, — сказал некромант. — Знаю лишь, что оно большое. А вот какое... Да какая разница? Вот увидишь...

— Увидишь? Не хочешь ли ты сказать?..

— А ты что, не догадался? Думаешь, я возился с тобой лишь ради того, чтобы только ты меня заместил на пару часов? Дудки. Не только. Тебе придется эту штуку остановить, иначе наш мир умрет. От ворот до ворот. Весь. Все люди, магические создания, звери, птицы, гады. Все. Дошло?

— Но почему именно я?

— Потому что вон там лежит меч. Старый меч смерти. Прикоснуться к нему могу только я. А кроме меня — ты. Смерть же можно

остановить только этим мечом. Если ее попытаюсь остановить именно я, меня не спасет даже древний кусок железа. Значит, остаешься только ты. Ты должен стать моим защитником. И если этого не сделаешь, то погибнет целый мир.

— Но чем я отличаюсь от других? Почему к нему могу прикоснуться только я?

— Королевской кровью, — ответил некромант. — Убить смерть может только тот, в чьих жилах течет древняя королевская кровь.

59

— Моего соплеменника похоронили? — спросил крысиный король.

— Похоронили, — сообщил некромант. — Я выполняю свои обещания.

Они стояли перед замком, посреди луга, поросшего высокими, чуть ли не в рост человека кустами-незабудками. Неподалеку виднелся лесок, за которым начиналась большая степь.

Некромант сказал, что смерть появится именно оттуда. Скоро появится. Так что долго ждать не придется.

Крысиный король посмотрел в небо, полюбовался парившей в нем стайкой птеродактилей, потом перевел взгляд на опушку леса и увидел, что на ветке ближайшего дерева сидят два стервятника. Вслед за этим взгляд предводителя крыс переместился на лежавший возле его лап старый меч смерти.

М-да... дела.

Получалось, ему сейчас придется взять в лапы эту железяку с богато украшенной золотом и камнями рукояткой и сразиться с самой смертью. Как бы некромант ни называл ее сгустком энергии, по существу это она и есть. Старушка смерть.

— А Кусака? — мрачно спросил крысиный король. — Его нашли?

— Ловят, — пожал плечами некромант. — Как ты и просил — нежно, стараясь не причинить ему ни малейшего вреда. Точнее, даже не ловят, а гонят в нужном направлении. Ты его увидишь.

Крысиный король еще раз взглянул на меч, и ему стало не по себе.

Интересно, как эта смерть выглядит? Как с ней сражаться? На какие хитрости она может пойти?

— Сколько раз я ее должен ударить? — спросил он у некроманта. — И куда?

— Совершенно неважно, — послышалось в ответ. — Главное — хотя бы прикоснись к ней мечом. Нанеси ее телу всего лишь одну маленькую ранку, и твое дело в шляпе. Она будет побеждена.

— Всего-то? — спросил крысиный король.

— Угу. Этого будет достаточно.

Крысиный король кивнул.

Ну, это еще куда ни шло. Может, и пронесет. Если удача не повернется спиной.

— А если я не уничтожу смерть? — спросил он. — Если не смогу задеть ее мечом?

— Тогда я умру. Вместе со мной умрешь и ты. А также целый мир. Не правда ли, это слегка успокаивает? По крайней мере, не один.

— Тут ты прав, — согласился крысиный король. — Ты ловкий тип, не так ли?

— При моей профессии, — сказал некромант, — выживают только такие. Все прочие гибнут еще в подмастерьях.

— Кстати, а почему ты до сих пор не обзавелся подмастерьями?

— Подожду немного, — сказал некромант. — Видишь ли, для того чтобы подмастерье стал настоящим мастером, он должен убить своего...

Крысиный король его уже не слушал. Случайно глянув в сторону, он увидел, как на краю поляны появился Кусака. Тиранозаврик бежал тяжело, устало, но все же бежал. Вот его закрыли кусты-незабудки, и на тех, мимо которых он пробежал, стали разворачиваться большие листы с надписями «Не забудь, мимо меня только что кто-то пробежал». Потом на краю поляны появились скелеты. Это были те самые, которые доставили их к некроманту. Глядя на то, как они, развернувшись полукругом, не спеша бегут вслед за выбивающимся из сил тиранозавриком, крысиный король вдруг осознал, что именно происходит.

— Скотина, — сказал он некроманту. — Ты все это подстроил.

— Насчет скотины — не согласен, — спокойно ответил тот. — А насчет подстроил... Я много чего подстроил. Что ты имеешь в виду?

— Появление Кусяки.

— А, это? Ну да, конечно. И что в этом удивительного?

— Ты должен немедленно убрать его отсюда.

— Зачем? — спросил некромант. — Мне кажется, если он будет рядом, тебе будет легче биться. Это будет дополнительная гарантия, что ты не промахнешься. Ведь так?

— Возможно, — мрачно сказал крысиный король. — Где она, твоя смерть? Не пора ли ей появиться?

— Пора, — согласился некромант. — Кстати, вот же она, вот! Он махнул рукой куда-то в сторону.

Взглянув в том направлении, крысиный король тихо выругался.

Смерть имела две мощных ноги, огромную пасть, снабженную великолепным набором чудовишных клыков, и ростом была чуть ниже крон самых высоких деревьев.

Выскочив на поляну, она, словно и в самом деле притягиваемая магнитом, устремила прямо к ним.

— Как, нравится? — поспешно отступая назад, спросил некромант. — Приготовься, сейчас тебе придется с ней сражаться.

60

Ноги у Кусаки весили, казалось, целую тонну, каждый шаг вызывал боль. И все же он бежал, даже не помышляя останавливаться. Там, впереди, был его мама.

До него оставалось совсем немного. Может быть, еще несколько десятков шагов.

Скелеты? Он почти забыл о них, хотя их топот и слышался весьма близко. Но недостаточно, чтобы его остановить. Нет, совсем недостаточно. Лишь смерть... Да, наверное, его могла остановить лишь смерть. А какие-то скелеты...

Он миновал еще один куст-незабудку и увидел своего маму. Совсем рядом. Тот стоял, сжимая в лапах большой, зловеще выглядывший меч. Человек, повелевавший мертвыми, расположился шагах в десяти позади крысиного короля, он будто прятался за его спиной. А перед мамой, неудержимо надвигаясь на него всей своей чудовишной массой, был некто, до сей поры ни разу не виденный, но до боли знакомый, так, словно бы он, Кусака, должен был это создание знать близко.

Откуда оно взялось? Кем он было? Кем?..

Этот вопрос вдруг показался Кусаке очень важным. Наверное, будь у него время осознать происходящее, он бы даже остановился, но времени не было, и поэтому он продолжал двигаться

вперед, машинально передвигая тяжеленные, отзывающиеся болью плиты, в которые превратились его ноги. А потом вопрос, кем является это незнакомое существо, настолько захватил его разум, что Кусака забыл о них напроочь.

А потом пришло понимание, и Кусака вдруг осознал, что его так привлекло в этом существе. Оно было его точной копией, правда, увеличенной во много раз. И это могло означать...

Глядя, как крысиный король замахивается мечом, а существо надвигается на него, все шире раскрывая пасть, он понял, что сейчас эти два создания столкнутся в смертельной схватке. Причем схватка будет действительно смертельной. И кто-то из них погибнет, умрет по-настоящему.

Кто кого? И что делать лично ему? На чью сторону он должен встать? Кого из этих двух должен выбрать?

Того, кто был его мамой, кто заботился о нем с самого рождения, пусть с этого момента прошло и не так много времени, или того, кто, несомненно, являлся его родственником по крови, того, кто казался ему очень знакомым и почему-то родным?

Причем времени рассуждать не было. Тиранозаврик и не пытался это делать. Он просто передал управление своим телом инстинкту, доставшемуся ему от бесчисленных поколений предков. Тот нашел решение в доли секунды и, починяясь его выбору, подчиняясь зову крови, тиранозаврик прыгнул, раскрыв пасть, для того чтобы вонзить клыки в тело врага.

61

Теперь их разделяло всего несколько десятков шагов, и у Мировторицы отпали все сомнения.

Нарушитель порядка обзавелся защитником.

Пусть. Ему это все равно не поможет. Еще несколько десятков шагов...

Единственное, что ей не нравилось, это меч в лапах у хвостатого, с острой мордочкой защитника. И меч этот был не простой. Весьма не простой. Она чувствовала. Точнее, она знала, что прикасаться к этому мечу не стоит. Иначе ее миссия провалится.

Она сократила расстояние до зверька чуть ли не вполовину. Еще совсем немного, и она, сокрушив его, доберется до нарушителя. А там...

Из расположенных неподалеку кустов-незабудок метнулся к ней кто-то совсем маленький, незнакомый...

Незнакомый?

Вот тут-то произошло самое неожиданное.

Злость, поддерживавшая контакт с ее идеальным телом, куда-то пропала, уступив место удивлению и другому, странному, очень теплому чувству, названия которому Миротворица не знала, да и не хотела знать.

Ушла, растворилась, как будто ее и не было.

Вот такого подвоха от своего тела она не ожидала, никак не ожидала. Более того, поскольку питавшая их контакт энергия ненависти иссякла, оно, это тело-предатель, попыталось избавиться от Миротворицы, лишить его телесной оболочки. И так мощно, что сопротивляться этому Миротворица не могла.

А подлый нарушитель был так близко...

Кстати, почему бы не попытаться достать его без помощи тела? Учитывая, что у нарушителя есть защитник, риск проиграть, несомненно, существует. Однако если повезет, она закончит свою миссию прямо сейчас.

Она успела сделать еще шаг, увидела, как защитник нарушителя замахивается мечом, и тут ее тело, уже окончательно выходя из подчинения, остановилось на месте.

Оно настолько обрело свободу, что даже сумело прошептать:

— Мой малыш!

А потом возникшее в нем совсем недавно теплое чувство вдруг превратилось в раскаленную лаву, обожгло Миротворицу и заставляло ее опрометью бежать.

Бежать!

Ей было так больно, что она почти не заметила, как оказалась снаружи. И только после того как это случилось, до нее вдруг дошло, что, собственно говоря, выхода нет. Она даже не успеет отступить. Защитник нарушителя легко догонит ее и полоснет своим страшным мечом.

Таким образом...

Ну да, выбора у нее теперь не оставалось. Только попытаться прорваться.

Миротворица собрала свое несколько рассеявшееся тело в плотный, тугой шар и на максимально возможной скорости полетела к нарушителю.

Вот сейчас...

Крысиный король ничего не рассчитывал.

Это было ни к чему, поскольку в данный момент у него оставался только один-единственный вариант действий. Даже если некромант его сразу же после сражения убьет, смерть все равно надлежало остановить. В противном случае умрет целый мир.

В тот момент, когда чудовище ринулось к нему, крысиный король не испытал никакого страха. Он действовал машинально, словно одна из тех глиняных фигур, называемая големом, которыми любят баловаться великие маги.

Встав в классическую позу, крысиный король поднял меч. Для того чтобы прикончить тиранозавра и остаться живым, наверняка придется наносить удар в прыжке. Задеть мечом в прыжке, уходя с дороги, уклоняясь от огромных колоноподобных лап. К счастью, по такой огромной туше промахнуться трудно. Достаточно лишь задеть...

Крысиный король слегка изменил позу, опустил клинок назад. Вот так. Еще немного...

Кусаку он не видел, напрочь забыв о его существовании. Мир сузился до неумолимо приближающегося врага. Надо было четко угадать момент прыжка, поскольку второго уже не будет.

Еще он подумал, что было бы здорово, достав тиранозавра, сразу же, рассчитывая на неожиданность, тем же мечом развалить и некроманта.

Ну, это как получится...

Тиранозавр был уже совсем близко. Теперь для претворения задуманного в жизнь надо было умудриться попасть в ритм его движения. И крысиный король вдруг почувствовал, что это произошло.

Попал! Почувствовал, как противник движется, словно стал с ним одним целым. Теперь лишь бы не потерять это ощущение, и тогда — все сложится как надо!

Не сложилось.

Тиранозавр вдруг остановился как вкопанный. Что-то с ним происходило, что-то необычное. Вот он сложил передние коротенькие лапки на груди и, глядя в сторону, что-то прорычал. А потом из его головы выскользнула едва заметная струйка туманной субстанции.

Все происходило очень быстро. Струйка собралась в облако,

которое в ту же секунду уплотнилось и резво рвануло в сторону крысиного короля.

Сгусток, тот самый сгусток, о котором говорил некромант!

Времени раздумывать не было. Его оставалось всего на один прыжок, на взмах мечом.

Все произошло буквально в доли секунды.

Крысиный король уже приготовился прыгать, и в этот момент в него кто-то врзался. Массой существо обладало не очень большой, но хватило и этого. Толчок вывел крысиного короля из равновесия. Причем в тот момент, когда он уже почти прыгнул, в тот момент, когда не прыгнуть было нельзя.

Крысиный король оттолкнулся от земли и каким-то немыслимым образом, несмотря на то что откуда-то появившееся существо, крепко вонзив когти, буквально на нем повисло, все же умудрился подпрыгнуть. Он даже каким-то чудом сумел нанести удар по пролетавшему мимо сгустку. Как раз в нужный, единственно возможный для этого момент.

И промахнулся.

63

Джинны — магические существа.

Каждое магическое существо обладает какой-то чудесной, присущей только ему одному особенностью.

Согласно все тому же закону компенсации, как правило, этой особенностью оно может пользоваться не часто. Но в случае крайней нужды...

Джинн обладал способностью останавливать время. Точнее, он из него вываливался в некую зону безвременья, чтобы иметь возможность обдумать свои грядущие поступки. Очень полезное умение в случае каких-то экстренных обстоятельств.

В тот момент, когда крысиный король промахнулся, джинн понял, что такой момент настал, и вывалился из времени, вывалился вместе со всем, находившимся в его лампе. Креслом, бассейном, гуриями и... конечно же, драконом.

Причем узнал он об этом почти тотчас же, поскольку услышал голос:

— Эй, ты что это удумал? Как это получилось, я тебя спрашиваю?

— А что тебе не нравится? — спросил джинн, поворачиваясь к дракону.

— Тело. Что ты сделал с моим телом? Почему оно застыло, словно окаменев?

Джинн снисходительно улыбнулся.

— Потому что ты оказался вне времени. Вместе со мной.

— Эту штуку устроил ты? — встревоженно спросил дракон. — Надолго она?

— Ненадолго, — успокоил его джинн. — Совсем ненадолго. Потом все станет как прежде. А пока — не мешай мне. Я сделал это для того, чтобы подумать.

— Над чем?

— У меня есть для этого причины, — сказал джинн.

Слегка прикрыв глаза, он снова взглянул на происходящее на поляне.

Итак, крысиный король промахнулся. Кстати, способен ли он исправить положение? Может быть, нанести еще один удар?..

Нет, не получится. Не успеет. Да и тиранозаврик, вцепившийся когтями ему в бок, не даст это сделать. Пока крысиный король его стряхивает, пока делает новый прыжок, пока наносит еще один удар...

Не хватит времени. И значит...

А что значит? Гибель всего живого в этом мире через пару секунд? Да черт с ним, с этим миром. Что будет с ним, с джинном?

Гибель вместе с остальными созданиями?

А что, если так? Что, если лампа не защитит его от грядущей гибели всего живого?..

Джинн почувствовал, как у него по спине пробежал холодок. Нет, он, конечно, жаждал свободы... Но не таким же образом! Свобода через смерть? Такой вариант ему не очень подходит.

Джинн вытер рукавом халата вдруг вспотевший лоб.

— Между прочим, почему это я должен давать тебе время думать? — спросил дракон. — А если мне хочется с тобой поговорить?

Мысль поразила джинна, словно удар молнии.

— Значит, ты хочешь поговорить? — спросил он.

— Да, хочу.

— И ты, кажется, назывался принцем. Не так ли?

— Так.

— Значит, ты принадлежишь к королевскому роду. Очень старинному?

— Наш род считается самым древним под землей. Думаю, и на

земле найдется не так уж много правителей, способных сравниться со мной в древности рода.

Джина так и подмывало спросить, была ли его мать верна своему супругу, но такой вопрос наверняка обидел бы дракона на веки вечные.

Что ж, в этом отношении приходилось рисковать.

— Отлично, — сказал джинн. — В таком случае у меня к тебе есть предложение. Ты ведь хочешь совершить подвиг?

64

Этот гаденыш, эта королевская крыса, все-таки промахнулся.

Такого некромант не ожидал. Как это получилось? У него же все было рассчитано. И тут...

Нет, конечно, крысиному королю помешали. Его же воспитанник. Зачем он это сделал? Неважно, сейчас это было совершенно неважно.

Глядя широко раскрытыми глазами на то, как к нему летит смерть, некромант понял, что жить ему осталось всего лишь несколько секунд.

Вот сейчас...

И тут уже надо было просто спастись. Да, придется все начинать сначала, но зато он, лично он, будет жить. Мир? Плевать на него. Главное — спастись, сохранить свою жизнь.

Конечно, смерть его снова догонит, и времени хорошо подготовиться, встретить ее, как сейчас, по высшему разряду, не представится. Но оно будет — это время. А теперь...

Все эти мысли пронеслись в голове некроманта в течение секунды. Причем они ничуть не мешали ему шарить по карманам, отыскивая транспортный амулет.

Тот все не отыскивался.

А сгусток был уже совсем рядом. И крысиный король, каким-то чудом умудрившийся стряхнуть с себя тиранозаврика, уже вскакивал, чтобы нанести еще один удар. Впрочем, он все равно не успевал, не успевал...

И когда, казалось, уже ни на какое спасение рассчитывать не приходилось, некромант вдруг нащупал все-таки в кармане этот распроклятый амулет. Теперь оставалось только его активизировать.

Но сделать это некромант уже не успел. За его спиной послышался чей-то громкий голос:

— А вот и я!

Тиранозавриха и Кусака сидели на пригорке и смотрели на развалины замка некроманта. Несмотря на то что замок рухнул всего лишь несколько часов назад, они казались очень старыми, может быть, насчитывающими сотни лет. Вот над полуосыпавшейся стеной поднялись и полетели прочь два стервятника. Летели они тяжело, лениво махая крыльями, над самой землей. Животы их были раздуты от пищи.

— Как он быстро рассыпался, — сказал Кусака.

— Так всегда с этими волшебниками и магами происходит, — с презрением объяснила тиранозавриха. — Все у них в высшей степени красиво и прочно. Но стоит только магу погибнуть, как большая часть созданного им великолепия растворяется в воздухе.

— Такова их судьба?

— Да, такова. Это называется жизнь, — поучающим тоном сказала тиранозавриха.

Кусака поморщился. Вот крысиный король никогда его не поучал. Хотя он не был настоящей мамой, и значит... Что именно?

Искоса взглянув на тиранозавриху, Кусака предложил:

— А может, все-таки догоним крысиного короля и попросимся с ним?

— Не надо, — послышалось в ответ. — Я боюсь, что все-таки не удержусь и съем его. Потом, конечно, мне будет жалко, но тем не менее я могу это сделать.

— Ты к нему ревнуешь? — спросил Кусака.

— Может быть... А впрочем, какая разница? Он ушел из нашей жизни, и ты его больше не увидишь.

— Ты уверена?

— Конечно.

— Это хорошо.

— Вот одного не могу понять, — проговорила его мама. — Как я здесь оказалась? словно какое-то на меня затмение нашло. А потом я от него очнулась и увидела тебя. Наверное, это чудо.

— Именно, — откликнулся Кусака. — Оно и есть.

— Да. Меня словно что-то привело сюда. Судьба? А может быть, есть какой-то дух, помогающий матерям отыскивать их пропавших детенышей?

— Может, и так, — согласился Кусака. — Может, я его даже видел.

Он сел поудобнее и подумал, что все завершилось на удивле-

ние хорошо. Он сделал правильный выбор, настоящая мама довольна, а крысиный король умудрился убежать.

Что может быть лучше? Каждый остался доволен.

Хотя...

Кусака посмотрел в ту сторону, где должны были находиться ворота между мирами. Он жалел о том, что не попрощался с крысиным королем. И вообще, наверное, было бы здорово иметь не одну маму, а две. Чем плохо? Вот только настоящая мама, наверное, будет возражать. И значит... Да ничего это не значит. И если нельзя, чтобы у тебя было две мамы, то почему у тебя не может быть друга?

66

— Ты меня обманул, — угрюмо сказал дракон.

— Я? — поразился джинн. — Тебя? Обманул? Ты что, с печки упал?

— Обманул, обманул, обманул.

Тяжело вздохнув, джинн поинтересовался:

— Ну-ка, каким это образом я тебя обманул? Выкладывай.

— Ты обещал, что я совершу подвиг, слопав злого мага.

— Ты его слопал. Какие лично ко мне могут быть претензии?

— Это оказался не маг, а некромант. У меня от него теперь живот болит.

— А некроманты разве не маги? Конечно, у них другая магия, но она все равно — магия. Они ею пользуются. И значит, кем они являются фактически? Ответь-ка мне, пожалуйста.

— Ты кого угодно заболтаешь, — немного подумав, сообщил дракон.

Голос у него все еще был обиженный.

Джинн вздохнул. Ну вот и старайся потом, делай другим хорошие дела.

— Между прочим, ты все-таки получил свой подвиг, — сказал он дракону. — И если честно, то должен мне за это быть благодарен. Нет?

— Ну, вообще-то... тут ты прав, — признал дракон. — Хорошо, уболтал, признаю. С твоей помощью я наконец-то совершил подвиг. И могу вернуться в свои владения.

— Так возвращайся. Кто тебя держит?

— Ты. У меня теперь осталось только одно дело. Отомстить.

— А в знак благодарности...

— Не могу. Нельзя. Я не должен таким образом ронять свою честь.

Джинн подумал, что бесконечно так продолжаться не может. И ничего не остается, как попытаться взять быка за рога.

— Хорошо, — сказал он. — Ты меня уговорил. Хочешь знать мое местонахождение?

— Конечно.

— Если я тебе его скажу, то ты сейчас же попытаешься меня слопать. Не так ли?

— Да, так.

— В любой ситуации?

— В любой.

— А если ты не захочешь меня есть? Что тогда?

— Этого не может быть.

— Но все-таки... Будет ли это означать, что все-таки исключения из твоего правила есть?

— Но это невозможно! — возмущенно заявил дракон. — Ты опять задумал какую-то хитрость.

— Посмотрим. И если из твоего правила все-таки есть исключения, то ты в знак благодарности за то, что я помог тебе совершить подвиг, оставишь меня в покое. Договорились?

— Это абсурдно. Такого не будет никогда! — взревел дракон.

— Тогда чем ты рискуешь? Я открою тебе свое местонахождение, и ты, слопав меня, отправишься домой. Ну как, согласен? Или ты боишься заключать со мной соглашение даже на таких условиях?

— Нет, не боюсь.

— Тогда?..

— Хорошо, согласен.

Джинн с облегчением вздохнул.

— Заключили соглашение, — объявил он.

— Заключили, — подхватил дракон.

Джинн ударил себя ладонями по коленям и, откинувшись на спинку кресла, удовлетворенно оглядел драконью голову.

— Говори, — приказал дракон. — Мне не терпится тебя проглотить.

— Хорошо, — металлическим голосом объявил джинн. — Ты хорошо помнишь, как проглотил некроманта?

— Да.

— Помнишь, неподалеку от него был некий туманный шар? Он летел к некроманту. В тот момент, когда ты, проглотив гаденыша, ушел в землю, он был от тебя шагах в трех. Заметил это?

— Да.

— Так вот, если бы этот шар успел к тебе прикоснуться, то, учитывая, что в тебе уже был некромант, он бы тебя просто прикончил. Обязательно. Заодно, конечно, он бы прикончил и весь мир, но это уже, как я понимаю, частности. Главное, он совсем чуть-чуть не успел тебя прикончить.

— Куда ты клонишь? — спросил дракон.

— Да никуда, — пожал плечами джинн. — Просто этот шар сейчас в шаге от того места, где я нахожусь. Как бы быстро ты ни вынырнул из земли для того, чтобы меня съесть, он успеет к тебе прикоснуться. Понимаешь, что это значит?

— Ты врешь, — заявил дракон. — Ты обязательно врешь.

— Это нетрудно проверить, — заявил джинн. — Сказать, где я нахожусь?

— Ты готов умереть?

— Вместе с тобой и целым миром? Почему бы и нет? В такой-то компании...

— Значит, не врешь...

— Нет, не вру.

— И мне...

— Да, выбор небольшой. Либо найти исключение из правила, либо умереть. Всего-то...

В случае нужды драконы умеют думать, и быстро.

Этому хватило секунды. После того как она прошла, он осторожно спросил:

— Мы так хорошо проводили время. И ты не будешь скучать по нашим разговорам?

— Не буду, — холодно отчеканил джинн. — Счастливого возвращения домой.

67

— Сколько можно лежать и ждать неизвестно чего?

Сказав это, Широкая Кость встал и, с любопытством оглядевшись, помог подняться Хромоногому. Тот подобрал с земли копые и, опершись на него, задумчиво пробормотал:

— Ну хорошо, вот мы остались существовать. А к чему это? Повелитель попал в желудок подземного дракона, все его колдовство перестало действовать. Замок рухнул, слуги ушли в небытие, и только мы все еще существуем. Тебе это не кажется странным?

— Кажется, — согласился Широкая Кость. — И чем ты это можешь объяснить?

— Не знаю, — признался Хромоногий. — Я просто сообщил о том, что прямо бросается в глаза. Мы существуем. Для чего? Почему колдовство Повелителя в отношении нас продолжает действовать?

Широкая Кость развел руками и сказал:

— Не имею ни малейшего представления.

— Тогда, может быть, скажет что-нибудь наш командир?

— И скажу, — буркнул Проломленный Череп.

— Что именно?

— Все очень просто, — сообщил Проломленный Череп. — Проще некуда. Причем в старинных легендах такая штука встречается не раз, и будь вы посообразительнее...

— Не тяни время, — сказал Хромоногий. — Выкладывай, что ты по этому поводу думаешь.

— Да не думаю, а знаю. Мы не ляжем в землю до тех пор, пока не отомстим за своего Повелителя.

— Кому?

— Крысиному королю.

— Он-то тут при чем? — удивился Хромоногий. — Он, что ли, сделал так, что Повелителя сожрали?

— А кто еще? Думаешь, дракон появился ни с того ни с сего? Нет, его кто-то вызвал. И кто мог это сделать, кроме крысиного короля? Кому это в тот момент было выгодно, кроме него? Обратите внимание, олухи, что из всех слуг Повелителя остались существовать только мы, те, кто доставил крысиного короля в замок. Разве это не знак?

— Так-то оно так... но... — задумчиво промолвил Хромоногий.

— Все верно, — заявил Проломленный Череп. — Мы остались существовать для того, чтобы отомстить за Повелителя. Кому — мы знаем. И не будет нам покоя, пока не выполним последнюю волю нашего Повелителя. Так и будем скитаться по цепи. Вечно.

Они помолчали. Наконец Хромоногий сказал:

— Нет, я так не хочу. Вечно скитаться — не согласен.

— В таком случае, — Проломленный Череп указал топором в сторону ворот мира, — нам туда. За крысиным королем.

68

В нескольких десятках шагов от ворот мира стояла каменная скамеечка. Крысиный король сидел на ней и смотрел на то, как через ворота проезжает запряженная игуанами телега, груженная сухой корой бумажного дерева. Створки ворот по этому случаю были открыты настежь, и можно было разглядеть длинную тонкую перемычку между мирами, заканчивающуюся с другой стороны еще одними воротами.

— Меня почему-то к тебе влечет, — сказала смерть. — Словно бы слегка притягивает. К чему бы это?

Крысиный король оторвал взгляд от ворот, посмотрел на парящую рядом с ним смерть, заметил, что за последние несколько часов ее диаметр слегка уменьшился, и спросил:

— Сильно влечет?

— Не очень. Но все-таки некое влечение есть. Я бы все-таки назвала его притяжением. Оно ощущается.

Задумчиво пригладив лапой усы, крысиный король сказал:

— В мире бывают и более странные вещи. Ты не находишь?

— Это точно, — откликнулась смерть. — Например, мое существование.

— Так, — согласился крысиный король. — Только, по моему разумению, для тебя оно должно быть чем-то само собой разумеющимся. Не так ли?

— А если ты прав?

— Значит, ты хитришь.

— Почему бы и нет? — сказала смерть. — Кто в силах запретить мне хитрить? Могу я себе позволить хоть некоторые ваши штучки? В том числе и хитрость.

— Тебе она нравится? — спросил крысиный король.

— Да, что-то в ней есть, — сказала смерть. — Вероятно, я постараюсь забрать ее с собой и сохранить, для того чтобы использовать в следующий раз. Мне кажется, она должна давать некоторые преимущества во время встреч с некромантами.

— В результате на великой цепи резко сократится поголовье некромантов.

— Если бы... — сказала смерть. — Не все так просто.

— Что-то может этому помешать?

— Может.

— Не скажешь?

— А зачем? Есть вещи, которые знать не стоит. Нет смысла. Да и опасно. Понимаешь, о чем я?

— Понимаю, — сказал крысиный король. — Понимаю. И не стремлюсь...

— Не обижайся, — сказала смерть. — Но я о тебе забочусь.

— Это заметно, — сказал крысиный король.

Он подумал, что можно подвести некий итог всей этой истории.

Если разобраться, то он, собственно, ничего не потерял. Ему даже удалось добраться до ворот мира и теперь, после того как пройдет их, его родной мир станет еще ближе. Он цел, при нем его меч, а не та здоровенная железяка, которую он бросил прямо на лужайке перед замком. Все его имущество в целости и сохранности. Значит, можно продолжать путь.

Имущество...

Какая-то у него недавно была насчет него мысль... Ах, да — джинн.

Что-то он совсем притих. Странно это все. И откуда взялся подземный дракон, пожравший некроманта? Как-то очень уж вовремя он появился. Словно бы его кто-то послал.

Кто? Кто этот посторонний наблюдатель, вмешавшийся в самый последний момент? Вот вопрос, на который он хотел бы знать ответ.

Но как его получить? Спросить у джинна? Но для этого надо будет потерять лампу. А это... Нет, пусть кто-то другой занимается такими глупостями. Тереть лампу... отвечать на идиотские вопросы джинна... пытаться его перехитрить... совершенно невозможно. И все это ради ответа на один посторонний вопрос.

Ну уж нет, не будет этого.

Крысиный король покачал головой.

А ответ на свой вопрос он получит. Представится случай.

Потянувшись, крысиный король еще раз взглянул в сторону ворот. Пора было отправляться в путь. Ему еще идти и идти. И кто знает, какие новые опасности его подстерегают в дороге?

А насчет джинна... Все выяснится рано или поздно, без дополнительных усилий. Наступает время, и все тайное становится явным. Надо лишь уметь использовать то, что тебе подсовывает судьба. А она — шутница известная. Иногда такое устроит...

— Кстати, если тебе интересно... — нерешительно сказала смерть.

— Давай выкладывай, — разрешил крысиный король. — Я тебя слушаю.

— Три слуги некроманта уцелели. После того как он умер, они, подобно прочим, не прекратили свое существование. Как ты думаешь, чем они решили заняться?

— Совершенно не представляю.

— Они решили, что в смерти их Повелителя виновен ты, и теперь идут сюда.

Ну вот, новая погоня. Это для того, чтобы жизнь не казалась медом.

— Как скоро они будут здесь?

— Еще через час, не меньше.

— Значит, мы можем еще некоторое время поболтать.

— А ты можешь себе это позволить? Думаю, скелеты так просто не отстанут.

— Как любил говаривать мой родственник Туко Бенедикто, погоня только тогда становится настоящей погоней, когда преследователи начинают буквально наступать на пятки. До этого момента есть еще куча времени на всякие посторонние дела.

— А если серьезно?

— Если серьезно, то стоит мне пройти через ворота, как о слугах некроманта можно будет больше не беспокоиться. Дэвы их в другой мир не пропустят.

— Думаю, они попытаются найти способ последовать за тобой.

— Может, и найдут. И тогда я буду думать, что предпринять. А пока... Как говорил мой родственник Туко Бенедикто...

— Да, да, — сказала смерть. — Это я уже слышала. Значит, мы еще поговорим?

— Хорошо. О чем бы ты хотела поговорить?

— Не знаю. Видишь ли, как ты уже, наверное, заметил, я исчезаю. Еще несколько часов, и я вернусь в свой мир, чтобы там впасть в спячку.

— А потом? — спросил крысиный король.

— Потом я получу достаточное количество энергии и отправлюсь на свидание с очередным некромантом. Простой, отработанный за многие тысячелетия процесс. Он составляет смысл моей жизни.

Глаза крысиного короля лукаво блеснули.

— А кто ты? — осторожно спросил он.

— Кто?

— Ну да. Кто ты? Как появилась на свете? Чем еще занимаешься, кроме накопления энергии и встреч с некромантами? За чем ты живешь? Какова конечная цель твоей жизни?

— А твоей?

— Ну, я же всего-навсего крысиный король.

— А я — смерть. Дальше?

— Теперь неправильно играешь ты. Пытаешься водить меня за нос.

В голосе крысиного короля слышалась обида.

— У меня есть такое право, — сказала смерть. — Кто я — ты знаешь.

— Нет, не знаю, — упрямо сказал крысиный король. — Я знаю, что ты называешь себя смертью и что ты появляешься тогда, когда какому-нибудь некроманту, а также миру, в котором он живет, наступает пора умирать.

Смерть издала тихий звук, здорово смахивающий на сдавленное хихиканье.

— Еще мне кажется, — продолжил крысиный король, — что ты каким-то образом связана с некромантами, и не будь их... Может быть, тогда и тебя бы не было? Я угадал?

Немного поднявшись, так, что теперь она была как раз напротив мордочки крысиного короля, смерть ответила:

— Ты ошибаешься. Впрочем, доказать это нетрудно.

— Как? — спросил крысиный король. — Убив меня?

— Ну, зачем такие сложности? Мы просто еще раз увидимся. И ты догадываешься, в какой момент это произойдет.

— Мне кажется, ты лукавишь. Я разговаривал со скелетами. Они не помнят, чтобы за ними являлся кто-то похожий на фигуру с косой. Умирание схоже с беспамятством.

— А тебе не приходит в голову, что они могли этот момент за-

быть? Память живущих несовершенна. Да и образ фигуры с ко-
сой... мне кажется, это не обязательно.

— Вот как?

— Ну да. Пойми, это у вас в мире, в вашем реальном мире, все
неизменно. Любой, родившись, до самой смерти остается в прин-
ципе таким же, каким появился на свет.

— А у вас все по-другому?

— Возможно, у нас... В общем, в нашем мире я могу быть и
кем-то с именем Миротворица... и кем-то другим... Хотя, если
посмотреть шире...

Она замолчала, словно задумавшись.

Крысиный король невольно взглянул в ту сторону, откуда он
пришел. Где-то там, может быть, очень близко, были скелеты.
Три слуги некроманта. И ведь почти наверняка это окажутся его
знакомцы.

Что за незадача!

Впрочем, это еще как посмотреть. Может, наоборот? Ему уда-
лось выжить, выбраться из такой истории, в которой запросто
можно было погибнуть.

— Мне надо хорошенько все обдумать, — вдруг заявила
смерть. — И поэтому, я думаю, мне все же придется удалиться.
Хотя мне этого и не хочется.

— Я тебя обидел? — спросил крысиный король.

Вот уж кого-кого, но такого врага он иметь не хотел. Особен-
но если все рассказанное ею является правдой.

— Нет, — сказала смерть. — Мне и в самом деле пора. Прежде
чем вернуться в свой родной мир, хочу еще что-нибудь увидеть. По
правде говоря, такое выпадает нечасто. Обычно я либо нарываюсь
на защитника некроманта и он меня достает мечом, либо догоняю
некроманта, и тут у меня появляется много работы. А когда мно-
го работы, природой уже не полюбуешься. В общем, мне пора.

Крысиный король вдруг хлопнул себя лапой по лбу и сказал:

— А меч? Он остался лежать там, на поляне. Может, он какой-
нибудь ценный?

— Ценный, — подтвердила смерть. — Но ты не волнуйся. Его
увидит только тот, кому он понадобится. Новый некромант. Явит-
ся за ним, увидит и заберет. А до той поры он никому посторонне-
му на глаза не попадется.

— Может, стоило его хорошенько припрятать? Тогда новый некромант не сможет его найти, не сможет им защититься?

— Есть правила, — сказала смерть. — И нарушать их не стоит. А не то получится еще хуже. Я улетаю. До свидания. Ты понимаешь, что мы увидимся снова?

— По крайней мере еще раз?

— Может быть, и не раз, — сказала смерть. — Может быть, и скоро.

Медленно, словно уносимый тихим ветерком шар, она поплыла вдоль дороги в сторону от ворот и вскоре скрылась за растущими на обочине деревьями.

Ну вот, теперь он остался один.

Крысиный король посмотрел на ворота. Створки снова были закрыты. По сторонам ворот стояли дэвы в блестящих кольчугах. В лапах у них были палицы, усеянные острым шипами.

Вот сейчас он встанет, подойдет к воротам. Дэвы поговорят с ним, а потом откроют ворота, и он продолжит свой путь. Домой в свой родной мир, от которого до мира черной стены — рукой подать.

Впрочем, какая разница? Жаль только, амулет он упустил.

А ведь это могло стать идеальным вариантом. При некотором везении он мог разжиться амулетом, тем самым, принадлежавшим некроманту... уж он бы сумел им воспользоваться.

Разве плохо в мгновение ока перенестись домой, в подземный город, обнять свою крыску, проведать королеву-мать?.. Но нет. Амулет вместе с его владельцем безвозвратно канул в желудке подземного дракона и теперь вне досягаемости. Разве что каким-то образом вызвать дракона да нырнуть добровольно ему в пасть, чтобы, отыскав там амулет, перенестись домой? А если не удастся? А если дракон тебя раньше, чем это случится, переварит?..

Крысиный король усмехнулся.

Ну ладно, все это несерьезно. А вот вопрос любопытный.

Что случится с амулетом в желудке дракона? Тот же самый некромант — переварится, никуда не денется, в желудке у дракона переваривались и не такие фрукты. А вот амулет?..

Вряд ли он переварится. И может ли теперь дракон благодаря тому, что внутри у него амулет, переноситься в любое место, в которое пожелает? По идее так и должно быть.

И первый ли это амулет, проглоченный подземным драко-

ном? Может быть, не первый? По крайней мере, это объясняет его неожиданные и молниеносные появления.

Впрочем, стоит ли сейчас думать об этом? Не пора ли отправляться в путь?

Еще немного, и дэвы закроют ворота на ночь. А ему надо сегодня перейти в другой мир. Значит, стоит поторопиться. Да и скелеты... Вдруг они ближе, чем сообщила смерть?

Он взглянул на солнце, висевшее уже над самыми горами, задевавшее их самым краешком.

Да, пора. Завтра будет новый день и новые заботы. А сейчас ему осталось только миновать ворота и устроиться там, в новом мире, на ночевку.

Завтра...

Крысиный король встал со скамейки и пошел к воротам.

Солнце теперь светило ему в спину, и тень, ставшая вдруг очень длинной, затанцевала в такт его шагам, то слегка укорачиваясь, то вновь удлиняясь. В тот момент, когда крысиный король надумал оглянуться, проверить, не появились ли на дороге слуги некроманта, она вдруг на мгновение стала похожей на человеческий профиль. Очень знакомый профиль. Профиль этот загадочно улыбался.

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Кот Эдипа

Третья загадка, — промурлыкал голос за ширмой. — Никому до сих пор не под силу было разгадать ее, смертный. Попрощайся заранее со своей никчемной жизнью...

Голос был похож на женский, но только отчасти. Эдипу показалось, что на этот раз в нем звучали раздраженные нотки. Неудивительно — ведь предыдущие две загадки дались ему довольно легко.

— Я готов, Вопрошающая, — лаконично ответил он.

За ширмой завозились. Остро пахнуло зверем.

— Внемли же, — важно произнес голос. — Какое существо утром передвигается на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?

В зале заброшенного храма стало очень тихо. Было слышно, как назойливо жужжит муха под потолком. Пыльные столбы света, падавшие сквозь дыры в полуразрушенной крыше, освещали расколотые капители рухнувших колонн, обезглавленные статуи богов, разбитые алтари. В восточной стене зиял пролом — за ним обрывался отвесно вниз склон горы, на вершине которой построен был храм Аполлона. Туда, в провал глубины в пятьдесят стадиев, очень скоро полетит тело проигравшего состязание.

Эдип на всякий случай оглянулся посмотреть, на месте ли его свидетель. Леокай, конечно же, оказался на месте — сидел себе на каменном приступке, подставив лицо ласковому осеннему солнышку, и играл с малым котенком, которого Эдип неизвестно зачем подобрал сегодня с утра на городской свалке. Для Леокай, старого воина, ничего особенно интересного в храме не

происходило — ну, пришел к деве-львице еще один герой, ну, придется нести обратно в Фивы доспехи и меч — их чудовище обычно выбрасывает. Скудная, рутинная служба...

— Леокай, — окликнул свидетеля Эдип. — Третья загадка!

— Удачи, сынок, — равнодушно откликнулся воин. Заветы предков предписывали свидетелю внимательно выслушивать загадки и следить, чтобы никто из состязающихся сторон не жульничал, но Леокай наотрез отказался заходить в храм, заявив, что у него дома семеро по лавкам, а кормилец он один. Эдип, впрочем, подозревал, что главная задача свидетеля состоит в том, чтобы не дать одумавшемуся герою сбежать с места состязания.

«Ну и Крон с тобой, — беззлобно подумал он. — Все равно всем известно, что Сфинкс всегда играет честно...»

С другой стороны, разгадать все загадки Сфинкса не сумел еще никто, поэтому и резона нарушать правила у чудовища до сих пор не было. Но такие мысли Эдип старался от себя отгонять.

— Утром — на четырех, днем на двух, а вечером на трех, — задумчиво повторил он. — Во всем мире не сыщешь такого удивительного существа...

— Хр-рм, — удовлетворенно сказала Сфинкс. Из-за ширмы показалась страшная когтистая лапа, покрытая крупной змеиной чешуей. Эдип предостерегающе кашлянул.

— ...но ведь если ты спрашиваешь, уважаемая, то, верно, такое существо должно быть...

Когти с противным звуком царапнули каменную плиту, и лапа неохотно спряталась обратно.

— И сдается мне, что я знаю, кого ты имеешь в виду, — торопливо добавил Эдип.

— Знаешь — говори! — рявкнули за ширмой. — И помни — попытка всего одна!

— Мудрена твоя загадка, Вопросающая, а ответ на нее прост. Существо это — человек. В младенчестве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте уверенно ходит на двух ногах, а в немошной старости опирается на посох.

В зале снова повисло молчание. Потом из-за ширмы донеслось зловещее рычание, и Эдип на всякий случай положил руку на меч.

— Ты угадал, смертный! — поскучевшим голосом признала

Сфинкс. — Видят боги, я не понимаю, как тебе это удалось. Может ли быть, что кто-то научил тебя ответу заранее?

Эдип перевел дух.

— Нет, Вопрошающая. Просто я от рождения хром. Много лет приходилось мне ходить, опираясь на тот самый стариковский посох, прежде чем я достаточно укрепил свои мышцы. Теперь-то я обхожусь без него, но хорошо помню, каково быть трехногим...

Сфинкс помолчала.

— Надо же, как не повезло, — пожаловалась она наконец. — Как, говоришь, тебя звать-то?

— Эдип, Вопрошающая. На языке моего народа это имя как раз и значит «опухшие ноги».

— «На языке моего народа», — передразнило чудовище. — А мы тут с тобой на каком разговариваем? На персидском, что ли?

— Сам я из Коринфа, — охотно развил тему Эдип. Победа привела его в хорошее расположение духа, и он не прочь был поговорить. — Эдипом меня там назвали. А как пришел я в Фивы, надо мною долго смеялись, потому что у фиванцев «эдип» означает «опухшие...»

— Помолчи, смертный, — властно перебила его Сфинкс. — Ты отгадал мои загадки, и теперь имеешь право загадать мне свои. Условия прежние: если я все отгадаю, быть тебе задушенным. Не отгадаю хотя бы одну — прыгаю в пропасть, а ты возвращаешься в Фивы победителем. Справедливо?

— Значит, то, что я отгадал все твои загадки, не считается?

— Почему «не считается»? — обиделась Сфинкс. — Ты же пока живой?

Эдип не нашелся, что ответить.

— Ладно, — сказал он после долгой паузы. — Вот тебе первая загадка, Ответствующая: что предсказал мне Дельфийский оракул прошлой весной?

За ширмой довольно заворчали.

— Тоже мне, теорема Пифагора... Ты, верно, спросил у пифии, кто твой отец с матерью и почему в Коринфе тебя зовут подкидышем, а оракул тебе возьми да скажи...

Тут голос Сфинкса внезапно стал высоким и визгливым — Эдип даже отшатнулся от неожиданности.

— «Убьешь ты своего отца и возьмешь в жены свою мать!»

— Тише! — зашипел Эдип, нервно оглядываясь. — Свидетель услышит!

— Ага! — расхохоталось чудовище. — Стыдишься, смертный? Ну что, отгадала я твою паршивую загадку?

Эдип едва не сплюнул от досады, но сдержался — в храме, пусть и заброшенном, плевать было нехорошо.

— Отгадала, — нехотя признал он. — Хотя и не понимаю, откуда тебе это ведомо...

— Вообще-то я отчитываться не обязана, — сварливо сказала Сфинкс, — но уж поскольку ты мне про свое увечье поведал, я тебе тоже кое-что объясню. Пифии, смертный, сплетницы, каких мало. Чем, думаешь, они там у себя занимаются в свободное время? Перемывают кости тем, кто пришел просить у них совета. Особенно достается таким, как ты... извращенцам...

— Но-но, — прикрикнул Эдип, снова берясь за меч. — Попрошу без оскорблений!

За ширмой глухо захлопали огромные крылья, и герой проворно вскочил с каменного сиденья, загредев доспехом.

Сидевший у дверей храма Леокай тоже поднялся и осторожно заглянул в полутемный зал.

— Эй, — неуверенно позвал он, — что там у вас, госпожа Душительница? Прикажете вещички выносить?

— Я тебе дам «вещички»! — рявкнул Эдип. — Дрыхнешь там на полу, а я тут уже одну загадку загадал!

— Ох ты, — удивился солдат, снова усаживаясь на приступок. — Силен ты, парень!

— Нервы-то побереги, смертный, — посоветовало чудовище. — Прыгаешь как бешеный... Языком молот меньше надо, вот что! Не морочил бы мне голову своими опухшими ногами, я, глядишь, и не вспомнила бы, что пифии-то болтали прошлой весной...

«Язык мой — враг мой», — пришла в голову Эдипа мудрая, но запоздалая мысль.

— Да только все равно это не считается, — успокоила его Сфинкс. — Нельзя такие загадки загадывать. Ты бы еще спросил, какими словами тебя кормилица называла, когда ты ей в пиво надул... Ладно, у тебя еще две попытки.

Эдип сделал вид, что крепко задумался. Первую загадку он нарочно загадал легкую — так опытные игроки в кости поначалу

всегда проигрывают богатому простачку, чтобы потом вернее ободрать его до нитки. К сегодняшнему состязанию герой подготовился основательно, и сейчас у него в запасе оставалось не две, а целых четыре загадки, причем про одну из них он точно знал, что решить ее ни Сфинкс, ни человек не сумеет. Загадку эту он хитростью выманил у странного мудреца, жившего в большом глиняном сосуде из-под вина; от вина там, правда, давно уже остался только дух, но мудрец тем не менее всегда выглядел здорово навеселе. Сперва Эдип хотел загадать ее в самом конце состязания, чтобы победа вышла совсем уж красивая, как в сказках, но теперь это желание казалось ему мальчишеским и едва ли не постыдным. Терять голову у него не было ни малейшего желания, а корона Фив, обещанная за победу над Сфинксом, казалась все более и более привлекательной. Рисковать не хотелось, и герой, для виду почесав в затылке, двинулся к выходу из храма.

— Эй, ты куда? — осведомилась Сфинкс. — Если бежать вздумал, так я тебя в два счета догоню, лучше не позорься!

— Вернусь я, — пообещал Эдип. — Сейчас вот возьму кое-что и вернусь.

Леокай по-прежнему забавлялся игрой с пестрым котенком, заставляя его ловить свернутый в подобие мышки кусочек серой ткани с привязанной к нему ниткой. Котенок двигался вяло, но Леокай постоянно его тормозил, как и было велено.

— Дай сюда, — потребовал герой, остановившись в двух шагах от двери и протягивая к свидетелю широкую ладонь.

Леокай тупо уставился на него.

— Зверя давай, — процедил Эдип сквозь зубы.

Глаза старого солдата стали похожи на две большие и, скорее всего, фальшивые монеты. Сообразив наконец, что от него требуется, Леокай ухватил котенка за тощий загривок и нерешительно протянул герою.

Котенок был такой маленький, что без труда уместился у Эдипа на ладони. Руку Эдип предусмотрительно спрятал за спину, и котенок тут же свернулся в клубочек и затих — видно, Леокай здорово утомил его своими играми.

Обратная дорога через усеянный битыми черепками и каменным крошевом зал далась Эдипу нелегко. Ширма, отделяющая целлу храма от заалтарной каморы, в которой сидело чудовище,

показалась ему сдвинутой в сторону, как если бы Сфинкс подглядывала.

— Вот тебе вторая загадка, Ответствующая, — сказал он, оставившаяся перед ширмой. — В руке у меня некое существо — ответ, живое оно или мертвое?

Сфинкс молчала, и с каждой секундой этого гнетущего молчания Эдип чувствовал себя все менее уверенно.

«Только б не замыкал, — думал он, обливаясь холодным потом. — Эх, надо было птичку ловить, как мудрец советовал...»

— Сволочь, — негромко, но очень четко произнес голос Сфинкса за ширмой. — Сам додумался или надоумил кто?

— Э, — сказал Эдип, еще не веря до конца в свою удачу, — ты сначала ответ дай, а потом уже допытывайся... А то, знаешь, грубить-то всякий может...

Ширма покачнулась, будто от сильного дуновения ветра, и медленно упала на пол.

— Эта загадка не имеет правильного решения, смертный, — торжественно произнесло скрывавшееся за ней чудовище. Оно оказалось не таким уж крупным, поменьше льва, с которым его обычно сравнивали. Большие крылья топорщились за покрытой рыжеватой шерстью спиной. Впрочем, передняя часть Сфинкса выглядела вполне привлекательно — никакой шерсти, никаких перьев, роскошная женская грудь и гладкий округлый живот. Симпатичное девичье личико обрамляли длинные давно не мытые волосы. Черные слегка раскосые глаза глядели на Эдипа с едва сдерживаемой ненавистью. — Скорее всего, тварь, которую ты зажал сейчас в своем кулаке, еще жива — постой, постой, это не ответ!

Эдип судорожно вздохнул и расслабил уже готовые сжаться пальцы.

— Я сказала — скорее всего! В это самое мгновение! Но если я скажу тебе: «Оно живое!», ты убьешь его прежде, чем достанешь руку из-за спины, и я увижу мертвое тельце...

«Какое пронизательное чудовище», — с уважением подумал Эдип.

— Если же я скажу: «Оно мертвое!», ты просто-напросто не станешь его убивать. Вот почему я думаю, что в настоящий момент времени оно еще живо, ведь воскрешать мертвых ты явно не способен...

Сфинкс глухо заворчала и заскребла когтями по каменным плитам.

— Подлость твоя, смертный, неизмерима! Какой бы ответ ни дала я, неверным его ты объявишь! Ведь единственно верный ответ на загадку твою не имеет смысла для ваших ничтожных умышлек, а значит, не будет засчитан!

От волнения чудовище заговорило высоким поэтическим стилем, но Эдип не обратил на это внимания.

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросил он. — Что за единственно верный ответ?

— Ты все равно не поймешь, — фыркнула Сфинкс. — Твой несчастный котенок — это же котенок, верно? — для тебя может быть или жив, или мертв, это не столь уж важно...

— Чепуху говоришь, уважаемая, — перебил Эдип. — Как раз для меня это очень важно. Мне, может, этот котенок царскую корону принесет сегодня к вечеру...

— Принесет, принесет, — хмуро подтвердила дева-львица. — И корону, и еще много чего... Я же говорила, что ты не поймешь. Важно то, что для меня твой котенок ни жив, ни мертв одновременно. Для тебя есть только два ответа: живой кот или мертвый кот, а на самом деле их три. Живой кот, мертвый кот и, может быть, живой, а может быть, мертвый.

Эдип натянуто рассмеялся.

— Ну, милая, ты же сама понимаешь, что в нашем состязании «может быть» за ответ не считается. Признаешь свое поражение?

Сфинкс наградила его взглядом, способным заморозить кузню Гефеста вместе с самим богом-кузнецом.

— А для чего, думаешь, я вышла? На тебя, подлеца, полюбоваться?

Она гордо тряхнула красивой грудью и, мягко припадая на львиные лапы, двинулась к пролому в стене. «Честная, — мысленно похвалил ее Эдип. — Наглая, конечно, но честная. Будет прыгать...»

— Не держи на меня зла, Душительница, — сказал он вслух. — Я ничего против тебя лично не имею. Это состязание — кто-то выигрывает, кто-то проигрывает.

Сфинкс остановилась и обернулась.

— Ты полагаешь, что выиграл, смертный?

— Конечно, — криво усмехнулся Эдип. Он все еще осторож-

ничал — держал котенка за спиной, аккуратно поглаживая его пальцем по костлявой спинке. Котенок мирно дремал, не подозревая, какая страшная судьба его только что миновала. — Ты же проиграла, Ответствующая.

— Ты глупец, — прошипела Сфинкс. — По-твоему, если один проигрывает, второй обязательно одерживает победу?

— А как может быть иначе?

Дева-львица возмущенно всплеснула крыльями.

— Да очень просто! Ты сюда за короной явился, так ведь? Захотел стать царем Стовратных Фив?

Эдип кивнул.

— Корону тебе Креонт обещал, царь фиванский?

— Думаешь, обманет? — засомневался Эдип.

— Да нет, не станет. Он старый, больной, власть ему в тягость. Только правление в Фивах наследственное, ты слышал?

Герой снова кивнул, на это раз менее уверенно.

— А это значит, что корону ты получишь, только женившись на сестре царя, Иокасте.

— Ну да, она, конечно, женщина немолодая, — рассудительно проговорил Эдип. — Но привлекательная, я ее видел, когда с царем разговаривал...

Сфинкс присела на задние лапы и пренебрежительно махнула хвостом.

— Ты ее и раньше видел, несчастный. Более того, я подозреваю, что царица Иокаста — первая женщина, которую ты увидел в своей никчемной жизни.

Эдип сначала не понял, а когда понял, едва не выронил от возмущения котенка.

— Ты на что это намекаешь, Душительница?

— Лет двадцать назад эта глупая девка родила здорового мальчика, наследника трона. А муж ее, Лай, вместо того чтоб обрадоваться, велел слуге отнести младенца на гору и оставить там, для верности проткнув ему икры булавкой. Чтобы обратно не приполз, надо полагать.

Эдип побледнел.

— Да только вместо волков да медведей ребеночка нашли пас-
тухи из Коринфа, — продолжала Сфинкс. — Вот он и выжил, пусть и с опухшими ногами. Лая же в прошлом месяце нашли на

Киферонском перевале с проломленным черепом. Ты там случайно не проходил?

— Ты все это нарочно говоришь, — огрызнулся герой. — Что-бы лишить меня радости честной победы...

— Да нужна мне твоя радость, — снова махнула хвостом Сфинкс. — Радуйся, пожалуйста! Я просто пыталась тебе объяснить, что победа твоя ничем от поражения не отличается. Вот я сейчас прыгну в пропасть, ты вернешься в город, Креонт отдаст тебе в жены твою же мать и сделает царем Фив. А потом в один прекрасный день объявится в городе свидетель твоих злодеяний...

— Что за свидетель такой? — крикнул Эдип, окончательно потерявший самообладание.

— Думаешь, на Киферонском перевале ты всех убил? И господин, и слуг? Нет, мой хороший. Старый слуга твоего отца уполз и укрылся в канаве. Вот и вернется он в срок, чтобы тебя обличить... Тут и почувствуешь ты цену победы над Сфинксом, глупец! Отцеубийца, муж собственной матери! Вовек не отмыться тебе от такого позора!

Эдип почувствовал, как у него ослабели ноги, и со стоном опустился на расколотый стилобат колонны.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он жалобно. — Ты же прямо сейчас все это придумала...

— Ага, — фыркнула Сфинкс, — и про Киферонский перевал в том числе...

Возразить Эдип не сумел. Месяц назад на Кифероне он действительно уложил своим тяжелым посохом какого-то богато одетого наглеца и трех его слуг. Впрочем, было за что.

— А нечего приставать к честному юноше с такими предложениями, — буркнул он.

— Не спорю, — сухо сказала Сфинкс. — Лай никогда не вызывал у меня симпатий, так что лично я не стала бы попрекать тебя его смертью. Но ведь жителям Фив ты этого не объяснишь. А уж своей мамочке-вдове и подавно...

— Что же это получается? — пробормотал Эдип. — Я победил в состязании, а в награду получу только вселенский позор?

— И мучительную смерть к тому же, — безжалостно добавила дева-львица. — Иокаста повесится с горя, ты же выколешь себе глаза золотой застежкой ее платья. И пойдешь, проливая кровавые

слезы, по дорогам Эллады, получая пинки и побои. Сдохнешь, как пес шелудивый, гонимый родными детьми...

— Хватит! — вскричал герой, да так громко, что котенок прорснулся и испуганно замяукал. — Я понял!

— Очень хорошо, — удовлетворенно промурлыкала Сфинкс. — Теперь я могу с легким сердцем исполнить свой долг.

Она повернулась и вновь двинулась к провалу. Эдип вскочил на ноги и побежал за ней.

— Постой, Душительница! Ты не можешь так просто уйти!

— Это еще почему? Ты выиграл, а я за проигрыш заплачу жизнью...

— И ты так легко об этом говоришь?

— А что я, по-твоему, перья у себя на крыльях должна с горя выщипать? Все, прощай, герой, надоел ты мне со своими комплексами...

— Ну погоди же! — взмолился Эдип. — Ты же мудра, как сама Афина, неужели не сможешь найти выход из этой ловушки?

— Какой ловушки? Это честное состязание, ты же сам говорил. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает...

— Да ведь получается, что мы оба проиграли! Где же здесь справедливость-то?

Сфинкс нехотя остановилась у самого края провала и снова уселась, недовольно помахивая хвостом.

— Ну а чего бы ты хотел? Могу, конечно, предложить один вариант, но только он тебя вряд ли устроит...

— Какой? — с надеждой спросил Эдип.

— Ну, я отвечаю, что котенок твой жив, ты вправду оставляешь его живым, я, таким образом, отгадываю твою вторую загадку, потом третью...

Сфинкс замолчала.

— А потом душишь, — закончил за нее герой. — Нет уж, спасибо, мне такая справедливость даром не нужна.

— Зато никакого вселенского позора. У тебя есть предложения получше?

Эдип призадумался.

— Ну, ты, например, можешь не прыгать в эту дыру. Остаешься здесь жить как ни в чем не бывало. А я потихоньку сбегу и в Фивы уже ни ногой...

— Я была о тебе лучшего мнения, — заявила Сфинкс. — Во-

первых, я не могу нарушить условий состязания. Если ты выиграл, я должна прыгнуть. Во-вторых, тебе не удастся бежать незамеченным. Все фиванские граждане, все крестьяне, все пастухи на окрестных пастбищах знают, что ты пошел расправляться с чудовищем. Тебя непременно поймают и либо забьют насмерть палками, как труса, либо с почетом внесут в Стовратные Фивы как героя, что, как ты понимаешь, в твоём случае ничуть не лучше.

— То есть выхода нет?

— В твоём понимании — нет, — жестко сказала Сфинкс.

— А в твоём, значит, есть, — пробормотал Эдип. — Ну-ка, ну-ка, что ты там говорила про три варианта ответа? Кот жив, кот мертв и кот может быть?

Котенка он по-прежнему держал в руке, но уже не прятал за спиной, а поднес почти к самому лицу, словно пытался распознать в тощем обитателе городской свалки загадочное третье состояние.

— Эй, ты это о чем? — насторожилась дева-львица.

Эдип не ответил. Поднял котенка за шкурку и покачал на весу.

— Может быть, выиграл, а может, проиграл, — бормотал он себе под нос. — Может быть, ответил, а может, и нет... Слушай, Душительница, я кажется, придумал. Все дело в третьей загадке. Я должен загадать тебе такую загадку, на которую не только ты не сможешь дать однозначный ответ...

Сфинкс озадаченно взглянула на него.

— Это будет загадка, на которую и я не смогу ответить точно, — вдохновенно продолжал Эдип. — Тогда мы оба окажемся в состоянии «может быть», понимаешь? Никто не выиграет и не проиграет, никто не получит награды и не понесет наказания. Ну, мудрейшая, правда, я хорошо придумал? И тебе умирать не-зачем, и мне позориться не придется...

— Умник, — скривилась Сфинкс, но от провала на всякий случай отодвинулась. — Много тут таких умников было. Спрашивали меня и о том, когда свету конец, и почему рыбке зонтик не нужен... только это все не считается. Загадка обязательно должна иметь решение. Значит, кто-то непременно должен его знать...

Эдип нахмурился, но лишь на минуту. Вскоре взгляд его прояснился, и он как-то по-новому, оценивающе, взглянул на свою

соперницу. От этого взгляда Сфинкс неожиданно для себя покраснела, чего не делала уже добрую сотню лет.

— Сдается мне, красавица, что это для нас не помеха. А теперь, будь добра, помолчи и послушай меня внимательно...

— Было ли состязание честным? — мрачно спросил Креонт, царь Фиванский. — Были ли соблюдены все условия?

Стоявший перед троном Леокай для солидности задумался и даже поскреб заскорузлым пальцем в затылке.

— Было, государь, — решился он наконец. — Три загадки загадало чудовище герою, и на все три он ответил. Трижды герой вопрошал чудовище и дважды получил ответ...

— Так что ж ты, дубина, говоришь, что условия соблюдены? — взвилась сидевшая слева от царя Иокаста. — На один-то вопрос чудище, получается, не ответило?

— Выходит, так, — признал Леокай.

— Тогда почему оно до сих пор живое? И мало того, что живое, — торчит посреди царского двора, всех до икоты пугая!

— Так ведь и герой жив, царица, — урезонил ее Леокай. — Может, вы его слушаете? Я-то человек простой, а он вам все вдруг горько объяснит...

— Пусть Эдип говорит, — согласился с ним царь Креонт. — Слуги, введите героя.

Вводить, впрочем, никого не понадобилось. Эдип вошел сам, будто дожидался под дверью. Выглядел он изрядно помятым, сильные загорелые руки были покрыты кровотокающими ссадинами, на шее темнело подозрительное пятно.

— Ответь нам, герой, — повелел царь Фиванский. — Чем завершилось твое состязанье со Сфинксом? Твоей ли победой?

— Видишь ли, царь, — Эдип смотрел на старого правителя открыто и честно, старательно не замечая взглядов, которые бросала на него Иокаста, — состязание наше еще не закончилось. Последняя загадка, которую я задал Сфинксу, не может быть решена ни сегодня, ни завтра. Но, так как ответ на нее существует, хоть неизвестен до времени, условия соблюдены.

— Значит, оно проиграло? — вкрадчиво спросила Иокаста.

Эдип помотал курчавой головой.

— Нет, светлейшая царица. Об этом нельзя судить, пока не исполнится срок.

— Стало быть, ты проиграл? — грозно нахмурился Креонт.

— И это неверно. Ни Сфинкс, ни я этого покамест не знаем. Потому-то мы оба и живы.

— А когда станет ясно, кто выиграл? — не унималась Иокаста. Эдип задумался.

— Точно не скажу, царица. Однако почти наверняка раньше, чем через год.

— Год? — взвизгнула Иокаста. — И что, весь год это страшилище будет жить в наших Стовратных Фивах? Не лучше ли было в заброшенном храме остаться?

— В храме не выжил бы я, — пожал плечами герой. — Там есть совсем нечего, кроме летучих мышей. Однако теперь я вижу, что и в Фивах, славных своим гостеприимством, нам не рады. Скрепя сердце прошу вас, о царь, и ты, светлейшая царица, разрешения покинуть пределы вашего славного города вместе с моей соперницей, чтобы закончить состязание вдалеке от населенных мест.

Креонт пощипал густую бороду.

— Странное дело, — сказал он. — Много я видел героев, но никто из них не отличался такой покорностью судьбе, как ты, юноша. Вольно ж было загадывать Сфинксу загадку, ответ на которую тебе самому неизвестен... Что ж, если это желание твое, то иди. Сфинкса-чудовище, погубившее многих фиванцев, ты от стен городских уведешь, и то счастье...

— Да пусть катится! — поддержала его раскрасневшаяся от злости Иокаста. — Далеко ли вот только уйдет на опухших своих он ногах?

«Эх, мама, — подумал Эдип, стараясь не встречаться с ней взглядом. — Знала б ты, от какого позора я тебя избавляю...»

— Да благословят вас боги, — поклонился он вежливо. Повернулся и, подмигнув Леокаю, пошел к выходу, демонстрируя царю и царице широкую расцарапанную спину.

Сфинкс сидела посреди опустевшей городской площади, неподвижная и величественная, как статуя. Из переулков, с безопасного расстояния, глазели на чудовище бесстрашные фиванские дети.

— Все получилось, — сообщил Эдип, подходя. — Можем двигаться в путь, красавица.

Сфинкс расправила заботливо вычищенные, блестящие на

солнце крылья и несколько раз хлопнула ими по воздуху, будто раздумывая, не полететь ли ей. Потом нехотя сложила их за спиной и с кошачьей грацией поднялась на ноги.

— Все-таки люди глупы. Неужели так сложно было догадаться?

Она потянулась всем своим большим львиным телом и слегка потерлась о бедро Эдипа лоснящимся рыжим боком.

— Прежде чем мы уйдем подальше из этого города... от этих глупых людей... от нашей злой судьбы... загадай мне свою загадку еще раз, любимый...

Эдип вздохнул, наклонился к прелестной девичьей головке, откинул в сторону завиток черных, как смоль, кудрей и прошептал в маленькое розовое ушко:

— Мальчик или девочка?

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

В лесах под Черниговом

А тут Соловьё, ему и славу поют,
Ай славу поют ему век по веку.

То, что путь выбран правильно, Илья понял уже давно. Аккурат с тех пор, как заметил: вокруг стало подозрительно тихо и пусто. И трава, гляди, вся пожелтела. Хотя... ну, осень ведь; трава, говорят, осенью всегда желтой становится.

С печи многого не увидишь, поэтому мир казался сейчас Илье новым захватывающим приключением.

Но что пусто так — это обнадеживало. Лес ведь, в лесу положено зайцам бегать, волкам выть, зубрам мычать...

Он вспоминал все, что знал о лесе, усердно загибая пальцы: «волки», «зубры», «мухоморы»... Чубарый под ним шел мягкой поступью, топтал пышный папоротник, почти не обращая внимания на блажь хозяина. Привык уже.

— Лютики, сороки, вороны, ящерицы...

Вдалеке родился некий протяжный звук. Конь, заслышав его, вздрогнул и замедлил шаг.

— Ну-ну, — басовито проворчал Илья, хлопая его по шее. — Не балуй!

Чубарый восстановил сбившееся дыхание и побрел дальше. В памяти всплывали печальные истории, которые бабушка рассказывала, когда он был жеребенком. Что-то про нелегкую конскую долю, про то, что всегда обидчикам лошадиным воздается по заслугам. Для примера вспоминалась легенда о вешем коне, который заранее прознал о своей гибели и договорился с некоей гюрзой, чтобы та потом отомстила хозяину-убийце...

Увы, знакомых змей у чубарого не было. Да и пожить еще хотелось.

— Давай, давай, волчья сыть! — добродушно ругнулся Илья. И продолжал вспоминать: — Медведи, дикие кабаны, подосиновики, ко... колокольчики, кикиморы...

Звук усилился. Лес теперь казался мертвым: не только трава, но и деревья приобрели болезненный вид, а зверей по-прежнему было не видеть.

— Нечистая сила, не иначе! — с непонятым наслаждением протянул Илья, поглаживая рукоять булавы.

Тридцать лет неотлучного пребывания на печи сказались на его здоровье — не только телесном, но и душевном. Первыми убедились в этом калики перехожие, научившие молодца ходить, — в порыве искренней благодарности Илья стиснул одного из них в объятиях, а потом неделю просидел над свежей могилой, бия себя в грудь кулаком и роняя скупую мужскую слезу. Сотоварищи покойного решили, что бескорыстность — основа всех добрых поступков, и покинули Карачарово с не свойственной их почтенному возрасту поспешностью.

В память о спасителях Илья поклялся верой и правдой служить простому люду, искореняя зло в любых его проявлениях.

А в этом лесу, по всему видать, без зла не обошлось.

Чем не повод для подвига?! Где тут супостаты, подавай их сюда!

Звук стал нестерпимо громким, и чубарый решил: все равно пропадать! Он замер как вкопанный и только косился на хозяина — может, передумает?

— Выпь, коростель, леший, черепаха...

Чубарый для виду потоптался на месте, нарочито тяжело дыша, кусая удила, и вдруг споткнулся — действительно — о черепаху. Бедное пресмыкающееся что было сил улепетывало как раз оттуда, куда ехал Илья.

У черепахи вообще выдался страшный денек. Сперва ее схватил и поднял высоко в небеса какой-то полоумный орел. Насмотревшись на то, что вытворял с черепахами знакомый гриф, орел тоже захотел попробовать их мясца. Черепаху поймал, какую удалось, — не степную, а болотную, из ближайшего пруда. С нею в когтях хищник долго кружил над лесом, однако метод грифа все-таки подразумевал наличие: а) степи; б) валуна, на который можно сбросить добычу, чтобы расколоть ее панцирь.

Степь была далеко, орел устал, выбрал ближайшую полянку, на которой лежал замшелый валун...

Странное существо в ветвях раскидистого дуба горе-охотник заметил слишком поздно — когда оно, набравши в легкие воздух, начало протяжно свистеть. Уронив одновременно черепаху, с десяток перьев и порцию свежего помета, орел рванул подальше отсюда.

Черепаха упала — не на валун, но возле самого дуба.

Так плохо за последние триста лет ей еще никогда не было. Мучаясь от головной боли, бедняга поджала хвост и поспешила — насколько могла — в сторону спасительного леса.

Там об нее споткнулся богатырский конь.

— Что ж ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься? — грозно поинтересовался Илья. — Ненадежный ты, подожди-тка лучше здесь. — И он спрыгнул с чубарого... прямо перед носом у черепахи.

«Ей-же-ей, лучше бы родилась бабочкой», — тоскливо размышляла та, семена по дороге.

А Илья по-богатырски хекнул, взвалил на плечо булаву и направился в сторону подозрительного звука.

Отсюда уже можно было и слова разобрать:

Соловеюшко ты мой, соловей,
Соловеюшко при-и-илю-бе-е-езный ты мой,
Ты зачемы же в садик ко мне прилета, прилетаешь?
Жалобынахонико и во саду поешь, и ты поешь?

Пели безоглядно, с душою. Аж на слезу пробивало.

«Ну точно нечистый шалит! Эх, проучу стервеца!»

Шибче, громыче, соловеюшко, свиши,
Поскорее милого, милого ко мне пришли, и ты пришли!

— Меня, что ль? — не понял Илья. Пели вроде мужским голосом. И вообще — какой это он «милый» колдуновым отродьям?!

Прибуди, миленький, ко мне, ко мне на часок,
На часок на последний, на последний вечерок,
И на последний ко мне...

Певец осекся, наконец разглядевши гостя.

— Здрав будь, — не к месту ляпнул Илья. — Что наверху, не дует ли, удобно ль?

— Да как-то вот... — отозвался тот. — Привык уже. А ты что ж,

путник, так просто странствуешь или по делу? — И не удержался, зыркнул на булаву Ильи.

— По делу, — важно ответил Илья. — Я ить на службе у самого князя!

— Какого князя?

— Владимира, ясен пень! Других князьев на Руси нет, разве не знаешь?

— Ишь, досада какая, — забормотал тот, с дуба. — Неужто пожаловались?.. Ну ничего, это дело-то поправимое...

— Недоброе против государя замышляешь, — прозорливо заметил Илья.

Певец замахал руками так, что чуть не сверзился с ветки:

— Что ты, что ты! Это я о своем, о... о, смотри, конь какой! И откуда здесь взялся?..

Из леса выглядывал любопытствующий чубарый. По опыту прежних боевых походов он знал: вот-вот начнется самое интересное. Будет что внукам рассказать.

— Это мой конь, самим князем подаренный, — подобрел Илья. И ударился было в воспоминания, но, как на грех, дошел до «и послал меня тогда Владимир на ратный подвиг», после чего мысль богатыря, быстрая, аки каленая стрела, добралась-таки до цели нынешнего путешествия.

— Ах ты курвин сын! Зубы мне заговариваешь?! А ну отвечай, как тебя звать-величать!

— Соловей Одихмантьевич. А что?

— Не врешь?!

— Вот те крест!

Илья смутился. Из своего небогатого опыта общения с нечистой силой он знал: чудовища да прочие вороги рода людского креститься не умеют.

— А вон то — не речка ли Смородинка? — решил уточнить богатырь.

— Она самая, — обрадовался сидевший на дубе. — Не сомневайся, правильно едешь.

— Значит, точно Соловей?

— Точно, точно!

Илья со вздохом поправил шлем и взялся за булаву обеими руками.

— Тогда почто ж ты, Одихмантьев сын, кричишь по-зверино-

му, свещешь по-соловьиному? Почто слезишь отцов-матерей, вдовишь жен молодых, почто малых детушек сиротишь?!

В устах Ильи слова «Одихмантьев сын» звучали какой-то особливо обидной руганью. И остальное...

Соловей всхлипнул, от удивления не удержался на ветке и, совсем не по-птичьи маша руками, сверзился с дуба аккуратно под ноги богатырю.

Чубарый в кустах разочарованно игогокнул: экий квелый нынче ворог пошел, чуть ругни — он и с ног валится! Перевелись настоящие злодеи в земле Русской!..

— Признаешь свою вину, супостат?

— Я ж... я ж тихо, чтоб не мешать никому! — выкрикнул поверженный разбойник. — Дочки родные — и те в лес выгнали... Ты, говорят, батюшка, поешь громко и коряво, тебе с людьми жить нельзя. Ну, они правы, конечно. Третьего дня-то, только я «Солнце за лес закатилось» завел — тихо-охоныко! — в бане крыша-то и просела. Зато, знаешь, — оживился он, хватая Илью за рукав грязными пальцами, — комарье никогда в нашем доме не водилось, не выдерживали они моих песен. И медведи с волками близко к подворью не подходили. А с другой стороны, и дочурок моих понять можно: возраст-то не детский, замуж пора, а какой мужик позарится на них, ежели батюшка ихний такое вытворяет? Ну, я и ушел сюда. А что? Погоды нынче теплые стоят, пропитанные себе найду, дикий зверь меня сторонится, комары, опять же, не тревожат. И — пой, сколько хочешь! А я, брат, без песни долго не выдерживаю, плохо мне без нее становится, муторно. Что ж, что музыкального слуху нет? Я ведь так, для себя, для души. Пони-маешь?

— «Для себя»! — передразнил Илья. — А люди невинные страдают! Отцы-матери слезами заливаются, жены молодые...

— Постой, постой! Это когда ж такое тебе сказывали?

Богатырь почесал в затылке, позабывши про шелом и оставляя на блестящей поверхности длинные вмятины.

— Ну дык... вчера был я у князя, только с походу воротился. Владимир сказывал: «Уже месяц как чинит безобразия, жен молодых вдовами делает, отцов-матерей...»

— Ну, видишь! — обрадовался Соловей.

— Что? — не понял Илья.

— Сам ведь говоришь: «Месяц»! Давно это было, я с тех пор

ушел в глухомань, сам-один живу, никого не тревожу. Дочурки мои замуж повыскакивали, стрекозы, старшая на сносях уже.

— Ишь, проворная!

— Сам удивляюсь: когда успела? Ну, дом-то я им оставил, пусть живут-хозяйничают. Таперича тут живу, в лесу, людей не гублю. Так что припозднился ты, богатырь.

— Постой-постой, а что я князю скажу?

— Да правду и скажешь! А хочешь, я с тобою до Киева съезжу, сам все объясню? Может, споем по дороге на два голоса пару песенок... Ты, кстати, как смог подойти ко мне, поощему, так близко?

— Богатырь я али нет? — воскликнул Илья.

Соловей пытливо глянул на него.

— Хм... ну, и мне ведь медведь в детстве того... на ухо, — признался, краснея, Илья. — Хоть тоже люблю иногда, если поблизости никого нет... Народ теперь хрупкий, хворый, им что не так — сразу помирать. А в лесу, ты прав, можно не бояться.

И Илья улыбнулся широкой, по-детски светлой улыбкой.

Ехали в Киев вдвоем. Точнее, шли, а чубарый плелся позади и мечтал, чтобы это мучение поскорей закончилось.

— Давай еще раз про щуку.

— Давай!

— За ворота погляжу, что далеко-далёко...

— ...Далеко-далёко, где луга-болота, где луга-болото, озеро глубоко...

— ...Как во этом озере жила рыба-щука, жила рыба-щука — белая белуга...

— Белу-у-уга!..

Черепаша на дороге, слышав их, с ужасом оглянулась и перешла на дробную рысь.

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

Рука судьбы

Справедливость — мать богов, а если смотреть по справедливости, то никто более Автократа не достоин быть повелителем Лемноса. И если бы не трижды проклятый Диомед — да пожрет Цербер его печень! — то, несомненно, Автократ был бы правителем. Нет никого сильнее Автократа! Копьё его пробивает медный доспех, его меч не знает преграды, ярость его способна сокрушить титанов! Но правителем Лемноса остаётся замухрышка Диомед. Всех обошёл хитроумный, каждому не дал, так посулил, так что всякая торговка на рынке готова свёклой запустить в того, кто посягнёт на правителя. А что Диомед получает от своей власти? Право угождать плебсу и заигрывать с идиотами, которые не только голос не подадут, но и в собрании ни разу не покажутся. Уж с такими-то Автократ знал как себя вести! Пикнуть бы не смели против законного владыки! Один лишь Диомед стоит на пути Автократа к заветной власти.

Как жаль, что забыт благородный обычай, согласно которому убийца царя становится царем. О, тогда Диомед не прожил бы и получаса! Но в нынешние гнилые времена убицу царя сначала казнят и лишь потом начинают заботиться о приискании нового повелителя. Ну что возьмёшь с таких людишек? Какое у них право не то что решать, а хотя бы рассуждать об устройстве государства? Судьбу царей могут решать лишь цари и, в крайнем случае, боги. Слепые мойры, прядущие нить жизни, жребий царя вершат отдельно от черного плебса, используя самое тонкое золотое руно. Хотя и среди царей не все равны, ведь не может же нить Диомеда быть такой же золотой, как у Автократа. Впрочем, какова бы ни была эта нить, ей недолго осталось виться. И пусть

Диомед окружил себя верными телохранителями и принял дурацкие законы, они его не оградят. Бойся, несчастный, великий Автократ идёт за твоей жизнью!

Старый жрец долго не хотел выдавать тайну. Не помогали ни уговоры, ни щедрые посулы, ни пытки. Старик на всё отвечал молчаливым отказом, и даже витая плеть из шкуры гиппопотама не вырвала у него стона. А ведь эта плеть, привезённая из далёкого Египта, многим внушала ужас и развязала множество языков. Подействовала неожиданно простая вещь — угроза поджечь святилище. Хотя какое там святилище, при котором всего один слушитель? Это тебе не храм Артемиды, о пожаре в котором судачит весь мир. И всё же, услышав угрозу, старикан заговорил и обещал показать вход в пещеру.

Автократ рывком поставил старика на ноги, пнул в иссечённую спину:

— Веди!

Пещера оказалась близко, в большой клепсидре у храма Посейдона не уткло и четверти часа.

— Здесь, — дребезжащим голоском произнёс жрец, остановившись перед узким лазом. — Но смертным нечего делать в этой пещере. Даже боги не оспаривают то, что решено там.

— Ставший вровень с богами не должен ходить путями смертных, — продекламировал Автократ. — Особенно когда нужно совершить давно предначертанное. Показывай дорогу, старик!

Дорога богов оказалась не слишком просторной, временами Автократу начинало казаться, что сейчас он застрянет, сжатый каменными тисками. Жестоко пожалел герой в эту минуту, что не привязал жреца за ногу крепкой верёвкой. Вот уползёт он сейчас в тёмные провалы, а потом будет смеяться за чашей вина над могучим глупцом, который не сумел догнать его в горных теснинах. Однако обошлось, рок благоприятствует богоизбранным, лаз постепенно расширился, впереди забрезжил свет, а там и в полный рост удалось выпрямиться.

Старик ожидал в округлом гроте, освещённом сиянием прозрачных голубых камней, выпиравших из стен, пола и потолка. При виде этого чуда Автократ не сдержал возгласа ликования. Да это не просто богатство, это сокровище сокровищ! Когда он станет царём, он пошлёт сюда рабов, чтобы они бережно извлекли чудесные самоцветы и украсили ими его покои. Хотя, конечно, добывать светящиеся камни будут одни, а украшать дворец —

другие рабы. Тайна слишком сокровенна, никто из тех, кто войдёт в эту пещеру, не вернётся из неё к дневному свету. И в первую очередь это касается жреца, который так плохо хранил введенную богами тайну.

— Тише, — прошептал жрец. — Ты мешаешь им работать.

— Они здесь? — тревожно откликнулся Автократ, немедленно вспомнив о цели своего визита.

Хранитель святилища кивнул, указав на противоположную стену, где виднелось ещё одно отверстие, забранное пологом из ткани столь тонкой, что скорее напоминала паутину. В зале только и было, что этот проход и узкая щель, через которую вползли незваные гости. Неудивительно, что старик не сбежал, ему было некуда бежать.

— Зачем слепым старухам свет? — спросил Автократ, указав на сияющие кристаллы.

— Ты собираешься обсуждать дела богов? — вопросом на вопрос ответил служитель.

Довод застал врасплох. Ведь и в самом деле, это не просто древние мастерицы, а бессмертные богини, а грабить чертоги бессмертных — не самое безобидное занятие. Автократ как-то позабыл об этом, ибо трудно признать богом того, кто весь век трудится. С другой стороны, что могут сделать ему дряхлые да ещё и слепые старухи? Не Зевсу же они начнут жаловаться... Громовержец их, поди, и слушать не станет.

Автократ шагнул к завешенному проему.

— Они не слишком похожи на женщин, — сказал вдогонку жрец.

Вспомнив о своем проводнике, Автократ вернулся, ухватил его за покрытое засохшей кровью плечо, дёрнул следом за собой. Никак нельзя допустить, чтобы старец сбежал и разболтал всякому илоту тайну убежища. Но и кончать с ним рано, старик ещё может понадобиться.

Возможно, это был не самый геройский поступок в его жизни, но осторожность ещё не повредила ни одному герою; Автократ не сорвал покров, а мизинцем немного сдвинул его и заглянул в щёлку.

Низкую пещеру заливал свет. Если в первом зале дивные хрустали лишь торчали тут и там, то во втором помещении всё было отлито из сияющих драгоценностей. И всё же воздух казался мутным, пыльным... В глазах рябило от множества тончайших ни-

тей, тянущихся из конца в конец зала, туго натянутых и скрещающихся под самыми разнообразными углами. И каждая из этих паутинных нитей означала человеческую судьбу. Автократ помыслить не мог, что на свете столько людей. Он даже не знал, каким числом обозначить это количество. В языке нет такого числа, либо его ведают одни философы — героям оно недоступно.

Лишь потом в туманном переплетении судеб герой разглядел тех, к кому он явился. Они и впрямь ничуть не напоминали женщин, да и людей вообще; скорей — гигантских пауков. Эти порождения Арахны непрерывно источали из бородавчатых тел мириады шёлковых нитей, струили, переплетая их, и в нужную минуту безжалостно обрывали лишние. Бесчисленные отростки — руки?... пальцы?... или, быть может, щупальца? — ни на мгновение не прекращали кропотливой работы. Ни глаз, ни чего-либо похожего на лицо Автократ не разглядел, да и не нужны были ни глаза, ни лица этим исчадиям, вслепую, на ошупь исполняющим свой долг.

Автократ отшатнулся, но руки не убрал и щель не прикрыл.

— Это и есть мойры? — спросил он покорно ждущего старика.

— Да, это они.

— Это не богини, это чудовища!

— Базилевс, скажи, как, по-твоему, должно выглядеть существо, прядущее враз тьмы нитей? Это титаниды, базилевс, сестры горгоны Медузы. Давно минула эпоха, когда дети титанов были подобны людям. Злая воля олимпийцев сделала их такими. Говорят, один лишь Прометей сохранил человеческий облик, хотя я сомневаюсь и в этом. Тысячу лет служить пищей стервятнику и остаться самим собой — на это не способен даже бог.

— Хватит болтать! — остановил старика Автократ. — Отвечай, которая из этих... э... титанид — Антропос?

— Боюсь, что этого не знают даже они сами. Я часто наблюдал за их работой и не видел, чтобы они хоть чем-то различались.

— Часто наблюдал? Значит, сам ты сюда хаживаешь... И кого ты ещё водил сюда?

— Никого. Мой предшественник привёл меня сюда тридцать лет назад, и с тех пор здесь, кроме меня, никого не бывало.

— Почему же ты не вынес наверх ни одного камня? Ты мог стать богатым.

— Что значит богатство перед лицом богов?

— Это слова одного корня, дурень! Богатый — значит подоб-

ный богу! Впрочем, тебе этого не понять. Отвечай, почему я не вижу там ни единой золотой нити? Или судьбы царей плетутся в ином месте?

— Судьба царя ничем не отличается от судьбы илота. Родиться, жить и умереть. И царь, и раб рождаются одинаково голыми и умирают наедине с Танатосом. Зачем судьбе золото?

Автократ мудро усмехнулся и не стал отвечать глупцу.

Как бы то ни было, нить Диомеда творится здесь. Ведь не может судьба самозванца быть столь же благородной, как и жизнь богоизбранного государя! Значит, он достиг цели.

Недрогнувшей рукой Автократ откинул полог и в полный рост встал на пороге.

— Здесь Автократ, сын Локида! — прогремел он, ничуть не умиряя мощи голоса. — Повелеваю вам немедля прервать нить зловонной жизни Диомеда, называющего себя базилевсом Лемноса!

Он был величествен в этот миг: в медных доспехах, с обнажённым мечом в руке, в шлеме с высоким гребнем. Шлем страшно мешал, когда пришлось ползти через теснины, но нельзя же было явиться в обиталище судьбы, не имея подобающего вида.

Ничто не изменилось в светлом зале. Также дрожали натянутые нити, сновали бесчисленные пальцы, и мерно, по-старушечьи, двигались челюсти жующих что-то прях.

— Повелеваю оборвать зловонную жизнь Диомеда! — вторично проревел Автократ, вздымая к потолку меч.

И вновь приказ остался без ответа.

Что ж, тем будет хуже! Он хотел обойтись малой кровью, но раз судьба так желает, то пусть его воцарение сопровождается небывалым кровопролитием!

Меч Автократа словно мясницкий топор обрушился на переплетение чужих судеб. В самый миг удара Автократ сладостно представил, как от его руки падают толпы народа. Быть может, там, наверху, на мир обрушилась чума, возможно — сдвинулись горы и кипящее море поглощает города. Может быть, кровожадный Арес со своими спутниками покинул олимпийские чертоги и заставил людишек схлестнуться в смертоубийственной рубке. Стоны, мольбы, и пиршество черного Танатоса!

Судьбы людей, не желавших умирать, не покорились бронзовому лезвию. Они спружили, отбросив меч, и, если бы не шлем, Автократ раскроил бы себе голову собственным оружием.

— Безумец! — завопил сзади жрец. — Теперь ты понял, что судьба неподвластна тебе? Уходи и никогда не возвращайся сюда!

— Я понял! — в бешенстве прохрипел герой. — Вы со своим фатумом стоворились лишить меня царства! Не выйдет! Сейчас ты увидишь, что твоя судьба в моих руках!

На этот раз меч не подвёл его. Голова жреца запрокинулась, хлынула кровь, и иссушенное временем тело повалилось набок.

В паучьем вертепе бесчувственная мойра оборвала нить зажившегося на свете старика, но Автократ этого не заметил. Их там всякую минуту обрывалось довольно, и богоравный герой не мог уследить за каждой. Отпихнув вздрагивающее тело, Автократ повернулся к мойрам:

— Вы слышали, что я сказал?!

Ответа не было.

Больше Автократ не стал опрометчиво рубить паутину, оказавшуюся слишком прочной. Он протиснул свой клинок сквозь упругую сеть и вонзил его в бородавчатое брюхо ближайшей мойры.

— Тварь! Слушай, что тебе приказывают! Повелеваю оборвать зловонную жизнь Диомеда!

Впервые за бессчётные века размеренная работа рока была нарушена. Титанида зашипела рассерженной гусыней и вскинула суставчатую руку, на конце которой остро кривился тонкий серпик. Казалось, она сейчас нападет, и Автократ отвлёк меч, чтобы защитить лицо, однако рука судьбы дёрнулась совсем в другую сторону. В последнюю секунду Автократ понял, что сейчас произойдет, но ничего не успел сделать. Неуловимым движением серп обрезал одну из нитей: серую, неприметную, но прочную, которой бы еще тянуться и тянуться...

Беспользный меч брякнул о светлый камень.

Не обратив внимания на лежащие тела, мойры возобновили работу, вплетая тонкие судьбы людей в незримую ткань бытия.

АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ

Барон, дракон und самогон

Батя, спасибо за консультацию.

... Когда-то (довольно давно, между прочим), то есть в те времена, когда Змей Горыныч имел не только три головы, а еще и три задницы, в некоем герцогстве проживал один барон. В целом, следует заметить, он был достаточно типичен. Носил то меч, то, по случаю, и шпагу, имел жидковатые усы, только пожалуй что вот в карты не играл — считал пустой тратой времени. В молодые годы ему случилось служить старшим брагоманом при дворе его светлости герцога Херцога, однако в положенное время с ним произошла неприятность, время от времени происходящая с некоторыми мужчинами: он женился. Женившись же, барон вскоре поспешил отринуть соблазны двора и удалился в имение.

Об имении следует сказать особо. В прежние еще более давние времена предок барона получил его за то, что, сопровождая пресветлого герцога Дубилиуса, напрочь отказался догоняться пивом в походно-охотничьей палатке своего повелителя, мотивируя это тем, что светлое необходимо пить только в поле, глядя на звезды. Герцог, заметив в своем верном оруженосце признаки истинного, непоколебимого просветления, тут же даровал ему не только то поле, где он собирался выпить свою кварту, а еще и некоторые земли в округе. Земель оказалось не так чтобы мало, но много не бывает, отчего несколько поколений потомков знаменитого просветленца изрядно судились с соседями, постепенно отсуживая у них кусочек за кусочком — то за гусей, кои поймали наглостью отчекрыжить тестикулы любимому коту старшего ко-

нюха баронессы, то за трактор, упавший в канаву на меже и загнивший аккурат в канун Дня Всех Девственников, испортив, таким образом, урожай гречихи на полях столь почтенного семейства; дело шло медленно, да верно. К тому моменту, как наш благодетель герой вступил во владение своим имуществом, землицы уже набралось порядком. А звалось имение — Кирфельд.

А как же, интересно, иначе?

Девушка, на которой нашему герою случилось жениться, была известной Брюхильдой фон Шнаабс и сызмальства отличалась немалым здоровьем — так, она могла мелкими глотками испить целый стакан «Русского стандарта», нисколько при том не поперхнувшись, а уж коль дело доходило до изысканной южной марки «Гетьман», то равных ей не было вовсе. В весьма краткий срок новоиспеченная баронесса Кирфельд произвела на свет двух дочек, одна другой краше, после чего со всем пылом занялась хозяйством. Нужно сказать, что трактором прославленной фирмы «Пуперпиллер» она мастерски владела с детства, а также умела холостить поросят, достигнув в этом тонком искусстве немалых высот. Наймиты уважали ее до слез. Всякий раз, как только близился очередной праздник, они по подписке подносили ей бутылку настоящей «Хортицы», заказываемой у гордых хозяев далеких степей, и радовались, глядя, как хозяйка со вкусом разглядывает высокую, дивной в тех краях архитектуры, золотую пробку на винте.

Барон же скучал. Да и как ему было не заскучать: дочки росли, как грибы на берегах неведомой Припяти, жена все свое время проводила то в поле, то на свинарнике, то с приказчиками и многочисленными управляющими. Охотничьи угодыя особого удовольствия не приносили, так как от зайчатины с бароном случался устойчивый запор, а волка, как известно, есть не станешь. Однажды в душе барон понял, что его настигла преждевременная старость: стал сесть лобковый волос. Оглядев на всякий случай правую подмышку, барон тяжело вздохнул и дал себе слово завтра же взяться за дело. Но, как это часто бывает, дело нашло его само.

Тем же вечером, обходя окрестности обмелевшего озера, он обнаружил огород. Видно, кто-то из наймитов посмел развести свое маленькое хозяйство. Проступок был не слишком значителен, да и вообще обращать на него внимания решительно не стоило — но наш барон вдруг, глянув на заросли свеклы, с неве-

роятной отчетливостью вспомнил юность. Рот его немедленно наполнился слюной.

Наутро он вызвал старшего из приказчиков и, не слушая никаких возражений, приказал распахать под огороды ближайшие к замку Кирфельд земли, общим числом не менее пятнадцати соток. Семена и саженцы он заказал сам через известную почтовую контору «Янек и сын». Так как в герцогстве по понятным причинам царила вечная весна, сажать их можно было тотчас же. Сажал он сам. Вознеся приличествующие случаю молитвы, барон взял лопату да мотыгу, велел принести пару ведер воды и принялся за несколько непривычное ему дело.

Вскоре изволила прибыть его неумолимая супруга.

— Мама, — сказала она, глядя попеременно то на мужа, то на лопату в его руках, — мама говорила мне, что самая большая глупость, которую я могу сделать, — это выйти-таки замуж за этого негодяя! Лучше б я стала женой пропойцы — не так бы стыдно было. Что вы делаете? Что вы делаете, барон, расскажите мне, как рассказывал мне мой папа, пока был жив, дай бог его праху! Я была на Привозе, но даже и там, в этом царстве снобизма и копченной камбалы, я не видела такого издевательства над мужским естеством! Ведь недавно только вас излечили от горячки! Вы хотите оставить меня вдовой? Так не думайте! Я не стану вдовой раньше сроку!

— Я знаю, что делаю, — мрачно ответил барон Кирфельд, опуская в заранее отрытую ямку пару отборных картофелин сорта «северная роза».

Через пару недель барон отправился в славный город Пеймар, где и пробыл около недели. Никто не знал, что он там делает — ходили слухи, что он удрал от немыслимо активной супруги, чтобы понежиться в объятиях восточных кудесниц, коими, как известно, славятся некоторые кварталы этого мощного промышленного центра; но действительность оказалась куда интереснее.

Урожаи в герцогстве зреют быстро — что там хвастливым уманским мастерам, способным, как говорят, вырастить свое прославленное сало за три года! Не прошло и трех месяцев, как огороды барона зазеленели и картофелем, и кукурузой, и крыжовником, а особо разрослась малина, на которую наш герой возлагал колоссальные надежды. Хватало также и свеклы — барон в память о бурных годах служилой юности нежно именовал

ее буряком и тщательно оберегал от вредителей. Следовало, однако же, несколько выждать — и оттого барон Кирфельд, нарядившись в парадную кирасу, то и дело расхаживал вдоль грядок, сладко вздыхая и поправляя время от времени картофельный листочек, вознамерившийся отклониться в сторону от предназначенной ему природой линии.

В один из этих славных дней в имение неожиданно прибыли тяжелые, запряженные тройкой слонопотамов каждый траки с пеймарскими номерами. Каждое из могучих животных несло на боку несмываемое клеймо Cummins, бедра же их были заклеены как Zanzhadfabrik — один вид этих писем привел сбежавшуюся дворню в некоторый трепет. Пока слонопотамы отфыркивались и справляли во дворе замка естественные надобности, старшина возчиков вызвал барона и молодцевато представил ему на подпись накладную, а также, быстро прикинув что-то в уме, счет за оставленный на территории бесценный навоз. Подписав не глядя, барон велел разгружать — и грузчики, коренастые хлопцы из племени степных гномов, понесли в подвалы замка невиданные в благочинном Кирфельде вещи — котлы из нержавеющей стали, удивительные змеевики и огромный, страшный своими сверкающими боками дистиллятор заморской фирмы «Бодунцов-Бодунищев и сын».

Прибывшие с караваном инженеры мгновенно смонтировали все оборудование, подключив его к газовой магистрали, проложенной когда-то аж из самой Шебелинки, и главный, довольно вытирая руки ветошью, сообщил заказчику:

— Славное дело затеяли, ваша милость! А то, кстати, можно и навозом топить, в котел его прямо, да! Вон у вас его теперь сколько — на год хватит, маме б моей так на старость!

Расчувствовавшись, барон велел поднести всем по чарке джин-тоники, а когда караван убыл восвояси, спустился наконец в свой свежееоборудованный подвальчик и приник щекой к блестящей меди самого большого змеевика. Он был счастлив.

Крики супруги, наделавшие немалого переполоху в окрестных селениях, не волновали его нисколько. Подумаешь, навоз! Навоз был убран и свален на сушку в особо для того отведенные подвальные помещения, а сахару в Кирфельде всегда было навалом. Да и не везде сахар нужен — в малину, к примеру, достаточно только капнуть водички, и процесс пойдет. С картофелем, ко-

нечно, сложнее. Картофельная брага — это целое искусство, тут и буряка прибавить не грех, да и температура опять же... однако все эти премудрости барон Кирфельд постиг еще при дворе, и особых проблем у него не возникало даже с кукурузой — в конце концов, в имении была мельница, а без муки тут никак. На зернах продукта не выгонишь.

На жену барон теперь не обращал ни малейшего внимания.

Он гнал.

Первый продукт поспел, как то часто случается, поздним вечером, когда на небе зажглись ослепительно чарующие звезды. Барон Кирфельд, нацелив через трубочку полбанки малинового (не ошибся он в своих надеждах!), поднялся на балкон, тщательно размял «беломорину», специально для того хранившуюся в тщательно оберегаемой пачке, и сделал первый глоток. Через час он уже рвал фамильную гармонь, распевая «Распрягайте, хлопці, коней», знаменитую, рвущую душу воина песню, слышанную им когда-то в далеких чужих степях. Потом он бросил гармонь, выпрямился и резко, как положено, то есть через левое плечо, два раза подряд выполнил поворот «кругом», занося правую ногу так, что ему позавидовал бы сам Варварозза. Это его немного успокоило. Накапав себе еще графинчик, барон вздохнул и запел «Шумел камыш...».

Годы шли своим чередом, как и все остальное. Качаясь в седле верного скакуна по кличке Пупырь, барон покуривал папиросы марки «Шахтерские» и обзиревал свои владения. Огород увеличивать было незачем, ведь не собирался же он, в конце концов, гнать в торгово-промышленных масштабах. Нет, он лишь изредка угощал соседей, вызывая тем некоторый переполох в окрестных благородных семействах, да слал по бочке в месяц своему пеймарскому приятелю-сахарозаводчику, который устроил ему когда-то выгодное дельце с котлами и дистилляторами. В то мгновение, когда в ухо его вдруг ужалила пчела, все было как обычно, то есть цвела вдоль дороги сакура, пели от избытка гормонов соловьи и наливались яблоки. Откуда тут было взяться пчеле, барон просто не понял. Оттерев ухо самогоном из полуведерной седельной фляги, он сделал на всякий случай пару добрых глотков и решил во что бы то ни стало выяснить причину столь неожиданного безобразия.

— Это, Пупырь, безобразие, — так и сказал он своему коню. — А ну-ка давай разоблачим бесогонов!

Верный Пупырь, давненько уже получавший к овсу питательнейшую малиново-картофельную добавку, умел понимать желания хозяина без лишнего слов. Нюх его оставлял позади лучших охотничьих псов, более того — выросши под присмотром известного хряка Партизана, славный конь умел находить трюфели, что делало его незаменимым в тихой охоте. К тому же он был порядочным любителем сладкого — стоит ли удивляться, что, едва услышав приказ хозяина, Пупырь пригнул мясистый зад и взял с места таким галопом, что Энцо Феррари, живи он в ту пору, следовало было бы немедленно повеситься на тормозном шланге.

Так они скакали несколько лиг, и вдруг Пупырь плавно перешел на иноходь. Впереди светлела небольшая полянка. Выехав на нее, конь замер и нервно повел подмышками. Тут летали пчелы. Прихвативши с собой неизменную флягу, барон поправил на всякий случай старый «смит-и-вессон», который он носил для солидности за пазухой, и решительно спешился.

— Стой здесь, — приказал он коню.

Тот нервно взмахнул хвостом — конечно, пчелы кого хочешь сделают нервным. А вдруг они неправильные, что тогда? Зенитная артиллерия далековато будет...

Путаясь в зарослях лопуха, барон осторожно прокрался к самому краю поляны и с некоторым изумлением разглядел своего главного кравчего, зачем-то напьялившего на голову странного вида сетку — кравчий хромал на обе ноги сразу, и не узнать его было просто невозможно, — бродящим меж каких-то колод. Вокруг колод вились те самые зловередные насекомые, доставившие Кирфельду столько бед.

— А, мерзавец! — вскричал он, выхватывая флягу. — Вот я тебя и поймал! Что это? Вредители? Колорадский жук? Глистов мне тут развел?

— Да вовсе же нет, — нисколько не растерялся подлый кравчий. — Это ведь все по приказу супруги вашей милости. Пасека ведь — и мед, и выгодно. И ваше. Хотите — вот?

И он, открыв одну из колод, протянул барону нечто, напоминающее собой кусочек солнца, заключенный в узкую прямоугольную рамку.

Так барон познакомился с медом.

Мед внес в его творчество известное разнообразие, порядком пригодившееся ему в тот час, когда настало время выдавать замуж старшую из дочерей. Надо заметить, что со сватовством особых проблем не было. В трех всего лигах от имения проживал когда-то старый маркграф Шизелло, известный своими научными изысканиями в области перерождения навозов: в определенных кругах он слыл за алхимика. Сына своего Ромуальда, с детства тяготевшего к области непознанного, старик отправил в столичный университет, где тот и проучился около восьми с половиною лет. Получив диплом, юный Ромуальд, однако, вовсе не поспешил под отчий кров, предпочтя ему гнилостный столичный климат и ученую карьеру на кафедре. Впрочем, старик вскорости отправился в лучший мир по причине крайней неумеренности в потреблении квашеной форели, и наследнику волей-неволей пришлось принять на себя управление немалым фамильным хозяйством.

Прижившись в округе, Ромуальд быстро снискал себе славу известного эксцентрика и даже чудака; впрочем, нужно сказать, что и уважением он пользовался отнюдь не меньшим. Уропрактик, андронавт и видный мастер дефекации, он внес свое имя в анналы хотя бы тем, что однажды излечил от беспримерно стойкого многонедельного запора легендарного князя З. — по одной лишь фотографии онго! Растроганный князь лично осыпал Ромуальда золотом в количестве, адекватном исторгнутому, что сразу сделало молодого маркграфа достаточно завидным женихом.

На него-то и положила свой влажный карий глаз Яссина, старшая из дочерей нашего героя. Говорить о юной девице — дело пустое, так как даже лучшие из мастеров слова все равно спасуют в таком тонком вопросе. Скажем лишь, что щеки ее цвели, как персики на бессарабском рынке, бедра могли вместить в себя пол-Кишинева, ежели взять его вдоль, а о бюсте просто умолчим, ибо до Юпитера и так далеко, да и гравитация там, по слухам, совсем не та, что в Ялте.

Ромуальд, следует заметить, сразу же проявил немалый такт, нисколько не уклоняясь от встреч с нареченной, более того — к моменту свадьбы она благополучно пребывала на пятом месяце, что, разумеется, сделало ее еще прелестней: на подвенечное платье ушло не менее ста локтей тончайшего шелка.

Барон Кирфельд, впервые за долгие годы расчувствовавшись

по-настоящему, выкатил аж пять бочек, среди которых затесалась и пара медовых, отчего пир, понятно, стоял горой. Гуляли как положено: шампанское закончилось сразу же, то есть на вторые сутки, но это никого уже не волновало. Спалили три хутора по соседству, а местный летописец, почтенный дед Базилевс, засунул себе в зад оглоблю от телеги и долго носился под взрывы фейерверка кругом замка, крича, что на скорости подвести он таким манером возит на дачу жену. Впрочем, верили ему мало.

— И на что ему голова! — восторженно орал барон Кирфельд, прикладываясь к любимой фляге, которую ему исправно наполнял тот самый кравчий, увлеченный пчеловодством. — Гвозди бы делать из таких людей! И заметьте, — восклицал он, наклоняясь к свежее испеченному зятю, — никакой рефлексии, вот ведь как! Ну никакой, даже намек нет! А вы мне — голова, голова!

Напротив него сидел мрачный пьяный мистик Ябба Ябан, который, меланхолично ударяя кулаком о столешницу, беспрестанно твердил:

— Три розы, да! Я принес три розы! Но как, скажите, сложить из них два квадрата?

Одесную почтенного Ябана четвертые сутки подряд жил дивной красоты столичный муж по прозвищу Ольгерд Убийклоп, прославленный, по слухам, своей неистовой борьбой с кровососущими, — говаривали, будто он лично заколбасил не менее трех тысяч упырей, дракулоидов висячих и просто комаров с корамо-рами. За это время суровый Убийклоп успел крепко приклеиться своими кожаными штанами к скамье, однако это его нисколько не смущало. Будучи восхищен творящимся вокруг действием, гордый Ольгерд задумчиво шурил в небо правый глаз и шептал, время от времени подкрепляя себя выдержанным каховским:

— Знаю я, чем эти свадьбы заканчиваются...

Впрочем, омрачить радости барона Кирфельда не могло решительно ничто.

На пятый день после свадьбы он изволил подняться из постели, велел подать эссенциале в соевом соусе и, крикнув, распахнул окно. В этот миг его внимание неожиданно привлекли крики, доносящиеся с южной дороги. Сути сих странных воплей барон разобрать не смог, однако же, взглядевшись, не без удивления рассмотрел своего зятя, во весь опор мчащегося к замку. Тогда, испугавшись негаданной беды, барон приказал немедленно подать

камзол и походную утку, а также препроводить дорогого гостя в залу и снабдить его соответствующими закусками.

Некоторое время спустя он вышел к затю и застал того в крайнем волнении. Уплетая маринованные бегемотьи ляжки, тот бормотал, невзирая на набитый рот:

— Наконец-то!.. Я так и знал! Я знал, что это будет, что этот день настанет! Я знал, хоть мне и не верили!

— Да что с вами, дорогой Ромуальд? — изумился барон. — Ежели печень, так у меня есть верное средство...

— Ах, — отмахнулся тот, — да при чем тут ваша печень! В окрестностях появился дракон!!!

Здесь следует сделать небольшое отступление. Ромуальд еще в период своей учебы в университете чрезвычайно увлекся драконьей охотой, став со временем известным на все герцогство дракономахером. Дело дошло до того, что он переколбасил практически всех драконов в радиусе трех тысяч лиг от столицы — остальные же, не будучи такими уж дураками, как их описывают некоторые мастера, удрали от греха подальше в южные степи, где и служат теперь фейерверкерами под защитой благостных законов той далекой и непонятной страны. Говорят даже, что некоторые из них негласно присматривают за чиновниками налогового ведомства, но в это все же поверить трудно, о каких бы мерах по борьбе с коррупцией ни твердили гордые владыки равнин.

И вот — извольте! Не успев еще войти как следует во вкус медового месяца, Ромуальд уже успел обнаружить дракона, и где — в окрестностях Кирфельда, драконов не видевшего с самого, пожалуй, своего основания!

— Мы немедленно, — горячо продолжал Ромуальд, — немедленно же едем на охоту! Есть у вас приличный пулемет? Батюшка сказывал, что когда-то вам случилось выиграть в кости «Льюис» от старого «Бленхейма». Это так?

— Признаться по совести, так у меня есть даже «АГС-17», — вздохнул Кирфельд. — Однако ж негоже рыцарям ехать на схватку с благородным зверем, имея столь подлое оружие. Нет уж! В юности я учился драться пикой. Так и поедем.

Ромуальд закусил губу. Ему было стыдно признаться тестю, имеющему репутацию прославленного воина, в том, что свой любимый спаренный «КПВЗ» он заложил перед свадьбой, чтобы купить подарок невесте. (Золото, полученное от излеченного им

князя, он берег.) К тому же, раз тесть предлагает ехать на охоту с пиками, делать нечего — не мочить же штаны! Дворянская честь дорога.

Хотя если уж честно, то пикой Ромуальд не владел совсем. Но он надеялся, что тесть при случае сумеет показать свое искусство, а там уж лавры победителей они поделят пополам, и вообще — ведь все равно тестева часть рано или поздно достанется ему по наследству.

Видя, что любимый зять вполне снаряжен для предстоящей экспедиции — на нем были латы, пожарный шлем, а вместо беля — ОЗК, — барон кликнул пажей и велел немедленно готовиться к охоте. Сам же, извинившись перед зятем, спустился в подвал. Наполнив не одну и даже не две фляги, он коротко задумался и, вздыхая, все же отворил запретный оружейный сейф. Некоторое время ушло на то, чтобы набить патронами непокорный диск пулемета. На самом-то деле папаша Ромуальда несколько ошибся — Кирфельд выиграл в кости вовсе не «Льюис», а старый проверенный «дегтарь», но так было даже лучше.

Все еще вздыхая, барон облачился в свой старый ОЗК, приладил охотничий панцирь и, спрятав под плащом пулемет, вышел на двор, где его уже ждали зять и свита. Верный Пупырь, чуя недоброе, колотил хвостом и шипел на бегавших у него под ногами поросят.

— Он под водопадом! — вскричал зять, горяча своего мерина. — Не более двух лиг! Поспешим же, ваша милость! Нас ждет слава!

«О, черт, — удивленно подумал Кирфельд. — И с какой стати этой несчастной ящерице вздумалось поселиться на моей земле? Места, что ли, мало?»

Ободрив достойного юношу взмахом фляги, он скомандовал играть зарю и первым выехал за ворота замка. К счастью, супруга его была на дальнем свинарнике, и, таким образом, препятствовать сему походу было попросту некому.

Проскакав около лиги, они слышали далекий еще шум водопада. Ромуальд крепко сжал начищенную до нестерпимого блеска пикку, выданную ему старшим оруженосцем барона, и посмотрел на своего тестя. Тот невозмутимо покурировал «Казбек», более того — невеста почему успокоилась и Пупырь, с любопытством оглядывающий окрестности. Мерин же Ромуальда тем временем с каждой минутой вел себя все более нервно.

Молодой дракономахер прислушался к себе и, о ужас, вдруг ощутил приближение диареи. Тесть его тем временем поднял над головой флягу, и ароматный напиток полился прямоком в его глотку. В тот миг Ромуальд осознал, что кишечник вот-вот выйдет из-под контроля. Это было ужасно. Позор никак не входил в его планы.

— Пришпорим наших коней, дорогой тесть, — проговорил он, стараясь не выдать дрожи в голосе. — Наша цель уже близка.

И, едва дав шпоры своему мерину, тут же свалился оземь. Со-держимое кишечника немедленно нашло себе дорогу, но, благодаря прорезиненному костюму, не сразу дало о себе знать.

— Что с вами?! — вскричал Кирфельд, тотчас останавливая своего скакуна. — Вы ранены?

— Боюсь, что да, — простонал дракономахер, испытывая неодолимое желание ощупать задницу, — мой конь, увы, бывает столь неуклюж...

— Очень неосмотрительно с вашей стороны отправляться на охоту на ненадежной лошади, — воскликнул барон. — Пьеро, Жаккоб! Что вы стоите как два барана? Немедленно берите господина маркиграфа и везите его домой!

— А вы, любезный тесть? — простонал Ромуальд, в то время как двое пажей, страдая от невозможности зажать носы, тащили его в сторону обозной телеги.

— Не в моих правилах бросать начатое дело! — флегматично ответил барон, вытряхивая из пачки новую папиросу. — Прощайте, дорогой зять! Надеюсь, я смогу навестить вас за ужином!

И, сказавши так, он пришпорил верного Пупыря.

Вскоре впереди показался могучий водопад. Пупырь, сторожко прядая ушами, подошел к самой воде, и тогда барон, нисколько не стесняясь бьющих в лицо ему брызг, горделиво выпрямился в седле и бросил клич:

— Выходи, подлый дракон! Выходи на честный бой, и пусть судьба рассудит... — А что нужно говорить дальше, он позабыл, поэтому предпочел достать флягу.

— И шо, тебе вот это надо? — неожиданно прогудел чей-то голос, идущий, как показалось славному Кирфельду, прямо из-под копыт его коня.

— Ты кто? — недоуменно вымолвил он, оглядываясь по сторонам.

— Кто, кто, — фыркнуло в ответ. — Ходют тут всякие. Шо ты орешь как подорванный? Пришел, так говори что-нибудь.

Барон сделал два или даже три глотка да так и застыл с флягой в руке.

— О, — раздалось из-за водопада, — а шо это у тебя? Медовый, что ли?

И раздался шум, напоминающий шипение паровоза.

— Точно. Медовый. Слышь, мужик, так это ты, что ли, пчел на Сизом лугу разводишь?

— Я, — признался Кирфельд. — Точнее, для меня. А я гоню. А что?

— Да ты уж заходи, что ли? — предложил все тот же таинственный гулкий голос. — Или воды боишься?

— Я? — обиделся могучий барон. — Ну вот еще...

Пупырь противу всяких ожиданий прошел сквозь водопад не только без страха, а еще и с удовольствием. Едва оказавшись во влажном полумраке, барон с ужасом разглядел гигантское гладко-золотистое тело, свернувшееся клубком в глубине пещеры. Такие же золотые, правда, с зеленоватым отливом, смотрели на него огромные глаза зверя.

— Так это ты, получается? — изумился барон.

— Вот всегда всех идиотов страшно удивляет тот факт, что драконы умеют говорить, — вздохнуло чудище. — А еще и думать. Вот ведь хвеномен, а? Ну давай уж, шо там у тебя? Я ж чую, шо с медом.

Плохо соображая, что он делает, храбрый Кирфельд протянул дракону флягу, а сам снял с верного Пупыря другую, ничуть не меньше прежней. Более всего его поражало то, что конь отнюдь не ощущает страха, а, напротив, с кошачьим любопытством осматривается в жутком логове и беспрестанно нюхает воздух.

— М-м-м, ничего так, — констатировал дракон, отпив добрую половину фляги. — Как звать-то тебя, убивец?

— Кирфельд, — машинально ответил барон и на всякий случай поправил пулемет под плащом.

— А меня вот — Шон, — вздохнуло чудовище. — Ничего себе имечко, да?

— Всякое бывает, — вздохнул Кирфельд, разглядывая своего неожиданного собеседника.

Только сейчас он вдруг понял, что дракон на самом деле кра-

сив. Его золотистое тело не вызывало ни тени отвращения, напротив — гладко-золотое, оно восхищало плавным совершенством своих мягких, живых линий.

— Попробуй-ка моего, — предложил Шон и, изогнувшись, выпростал из-под себя почти человеческую руку — рука пошарила на полутемной полке, чтобы вскоре поднести барону изящный глиняный кувшин с притертой пробкой.

— У меня окорок есть, — сказал барон, приняхиваясь.

— О, — обрадовался дракон. — Так шо ж ты страдаешь как терпевший! Мне уже три дня ни одного пороса не приносили — дожدهшься от твоих пейзажей! С голоду тут сдохнешь... слушай, а это правда, что у вас на землю частной собственности нет?

— Правда, — удивился Кирфельд. — Я, в сущности, тоже герцогов арендатор. А что?

— Дурдом, — почему-то вздохнул дракон. — Ладно, какое это в общем-то имеет значение... как тебе продукт-то мой?

— Я не пойму, — признался барон. — Он что, на перце, что ли?

— А то. Его, конечно, если по-хорошему, так под борщик надо. Но под щи тоже покатит.

Барон задумчиво погоял во рту добрый глоток непривычного ему продукта. При мысли о том, что такую замечательную вещь можно и, наверное, нужно потреблять именно под щи с кислой капустой, ему сразу захотелось есть. Он оторвал себе небольшой кусок от прихваченного из дому окорока, протянул остальное дракону и присел на краешек здоровенной каменной скамьи.

— Слушай, а как ты с брагой-то? — спросил он.

— Да как, — вздохнул Шон, — пейзажи твои то пшенички, то еще чего принесут. Буряк опять же, куда без него. А котлы у меня там. — Он махнул хвостом, указывая в темную глубину бездонной пещеры. — Это я их с собой...

— С собой? А сам-то ты откуда?

— Откуда... — Дракон отломил изрядный кусок окорока и заработал челюстями. — Отовсюду. Последние сто лет в Житомире жил. Фейерверки детишкам, погоду летал разведывал. Так выгнали...

— За что? — поразился такой несправедливости барон.

— За то. Я ж продавал — ну, хорошим людям, понятно. А теперь, при новой власти, говорят, без лицензии нельзя. Раньше было как? Участковому канистру нацедил, и полное тебе уваже-

ние. А теперь тот участковый на подписке сидит, а мне говорят — хочешь, покупай лицензию, строй себе завод, все по закону. А еще говорят, мы тебя к ВВС припишем. Не хватало!

Дракон шмыгнул носом и раздраженно махнул рукой с зажатым в ней окороком.

— Слушай, — проникновенно начал барон, в благородном уме коего уже зрела удивительная идея, — а пошли ко мне, а? Хозяйство у меня приличное, ну да не в нем дело... мы вот твой с перчиком и мой с медом... да мы такое сварим!

— А жена твоя? — покосился недоверчиво Шон. — Разное ведь говорят... я, ты пойми, тебя обидеть не хочу, но у тебя еще и зять — этот вот... махер...

— Да плевать! — возопил барон, заставив содрогнуться стены пещеры. — Мы ж с медом да с перцем! Да через активированный уголь ежели пропустить! Эх-х!

На этом наша история заканчивается. Хотя на самом деле все, конечно, только начиналось.

Правда?

ПРОКЛЯТИЕ ЛЮБВИ

ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО

Стигматы

изнь нас ничему не учит; так говорят, но какая же это глупость.

Сегодня очень чистое небо. Надо сказать, редкость для этих мест: ни облачка, не говоря уж о тучах. Солнца, впрочем, тоже нет, но как раз это неудивительно. Здесь его никогда не бывает.

Я выхожу во двор, на ходу поднимаю воротник плаща, по-прежнему смотрю на небо. Странное небо, до чего же странное. Нет, я уже давно перестал воспринимать подобные мелочи как счастливое предзнаменование. Смешно, раньше я любую ерунду принимал за благоприятный знак. Не сразу, конечно: только когда здешняя зараза вьелась в меня до мозга костей. Чёрт, да тут ведь все верят в предзнаменования. И, что характерно, только в хорошие. Они зерно сеют, только если его чёрная курица поклюёт. Я как-то спросил мамашу Эклиф, отчего так, а она только плечами пожала. Понятное дело: сила привычки. Вот и со мной так же. С чего я взял, что ясное небо — это хорошо? Может, потому, что это бывает нечасто? Ну хоть изредка, хоть время от времени можно давать мне шанс? Настоящий шанс, а не ту иллюзию, которой ты пичкаешь меня уже... не надо, не надо, прекрати, я не знаю, *какой* уже год.

Так о чём это я? Жизнь нас ничему не учит? Чушь. Она учит тому, что мы никогда не захотим учиться. Это слишком больно. И физически — тоже. В моём случае.

— Тпр-ру, скотина, пошла! — хрипло горланит старина Патрик, нещадно пиная вьючную кобылу. Бедняжка тужится из последних сил, налившиеся кровью глаза вылезают из орбит, пена

ключьями свисает с оттопыренной губы, от надсадного хрипа разрывается сердце, сбитые копыта загибают землю. Патрик лупит её с усердием, достойным похвалы. Я могу его понять. В последнее время бедняга совсем сдал. Он очень много пьёт. Порой я составляю ему компанию, мы надираемся на пару под старым предложением «кто кого перепьёт», и меня приносят к Нерине тёпленького и размякшего, чтобы она меня утешила или высекла — в зависимости от настроения. Сечь она любит, это правда. У неё есть небольшая склонность к садизму, но моя девочка очень стесняется этой слабости, и мне приходится самому давать ей повод. Так безопаснее.

— Да пшла-а же ты! — надывается Патрик, и кобылка надывается следом, и вот так они надываются вдвоём: старик-извозчик и вьючная лошадь вместе, в унисон. Это тоже своеобразная гармония. Я немного завидую им: мне не дано даже такой.

В этой части замка сейчас тихо: после полудня активность челяди перемещается под крышу, в кухню, мастерские, пыльные душные залы... нет, что это я — в ослепительные великолепные залы, сверкающие блеском тысяч начищенных плиток, зеркал... что ещё, канделябров? Да... Нет. Нет, нет. Чёрт подери, один только раз Нерина имела неосторожность показать мне, как всё обстоит на самом деле, а я не могу забыть. Этой пыли, паутины, могильного холода, веющего из продуваемых сквозняком коридоров...

Залы, светлые залы. пышность и великолепие, тепло и уют. Старина Патрик, мамаша Эклиф, вьючная кобылка, мучительно кряхтящая в пяти шагах от меня. Протяну руку, коснусь тёплой шелковистой морды, влажный нос ткнется мне в ладонь. И я снова подумаю — с изумлением, с восхищением: чертова ведьма!

Ведь ничего этого нет.

Интересно, неба без облаков нет тоже?.. Хотелось бы верить, что она ещё не сумела дотянуться так высоко. Хотелось бы верить, что хотя бы это она мне оставила.

Но чёрт с ним. Каждый раз я говорю себе: чёрт с ним, каждый раз встряхиваю головой, поднимаю воротник плаща (а плащ настоящий? да? ты так думаешь?), хмурюсь, твёрдым шагом пересекаю двор, иногда не удерживаясь от соблазна перекинуться парой фраз со слугами, которых, я знаю, не существует вне моего воображения — вне иллюзии, которая заменила мне настоящий мир. А иногда...

— Рэндал!

Она одна умеет так произносить моё имя. Я понял это, как только она сделала это впервые — много-много лет назад; оно спорхнуло с ее губ, как мотылёк, пугливо срывающийся с цветка за миг до того, как вы сжимаете его тонкие крылышки грубыми мозолистыми пальцами. И вам остаётся только смотреть на лениво колышущуюся головку цветка. Смотреть до тех пор, пока вы не поймёте, что это мак.

Поэтому — именно поэтому — я останавливаюсь, хотя, казалось, уже решил: чёрт с ним! — останавливаюсь и оборачиваюсь, и смотрю вверх, щурясь от нестерпимо яркого света. Ну, что на этот раз?.. Как всегда или...

Я вижу Нерину в окне ближайшей башни, на самом верху. Она высунулась в окно по пояс, наклонилась вниз, белые, как иней, волосы струятся по опрятной каменной стене. Я щурюсь сильнее, словно близорукий, стискиваю зубы, с силой кусаю себя за язык — не так давно я обнаружил, что внезапная острая боль помогает на миг сбросить оковы её чар, — и действительно долю секунды вижу хищно изогнутый, обугленный скелет готовой обрушиться башни, вижу изломанные ветки мёртвого плюща у окна, вижу чёткий оскал обтянутого тухлой кожей черепа... Или не вижу. Вот, уже и не вижу. И кто разберёт, не было ли это плодом моих... не фантазий (здесь все свои, не надо эвфемизмов) — галлюцинаций. Да, назовём вещи своими именами. Давно пора сойти с ума, давно пора.

— Рэнда-ал! — отчаянно зовёт она и тянет вниз белоснежные руки. Я сухо улыбаюсь, посылаю ей воздушный поцелуй, она всплёскивает голыми руками, сердито качает головой. — Ты опять?!

— Опять, душа моя, опять, — говорю я сквозь зубы и отворачиваюсь. Услышала, не услышала, не важно. Она всегда говорит «Рэндал, ты опять!», и всегда я отвечаю одно и то же, только разными словами.

— Ну перестань! — доносится до меня ее низкий, бархатистый альт, когда я уже шагаю к замковым воротам. — Это уже становится просто смешно! Слышишь?!

В этом она, пожалуй, права. Мне не уйти. Я прекрасно это понимаю, но нет в мире силы, которая могла бы заставить меня прекратить попытки. Я все надеюсь: вдруг... вдруг настанет день, и я...

— И ты что? — кричит Нерина из окна; кажется, она всерьёз сердится. Почему, непонятно, я ведь не ухаживал почти неделю.

Мне тоже это надоело, Рин, хочу сказать я. Ей-богу, так надоело. Ну отпусти ты меня. Просто — позволь мне наконец уйти. Ты же знаешь, что я тебя ненавижу. И я не верю, что тебе настолько нравится моё тело. Так зачем же ты мучаешь нас обоих? Ты ведь страдаешь тоже, я вижу. И не испытываю к тебе ни малейшего сочувствия. А от этого еще больнее. Что же ты за человек, что ты за женщина, хоть и ведьма, если способна терпеть такое?

Я очень хочу сказать ей это. Но не говорю. Потому что ей и так известны мои мысли. Это самое малое из того, на что она способна.

На что еще способна моя Нерина? У вас богатая фантазия? Ну так прикиньте, каким — примерно — может быть могущество ведьмы, два тысячелетия живущей в полном одиночестве на самом северном краю мира. Я подчёркиваю: в полном одиночестве. В глубине души она очень, очень стеснительна. И никогда не стала бы демонстрировать своё могущество глупому и грубому миру. Пускать пыль в глаза — это не в её духе. Вот и живет одна уже сколько столетий. Вы спросите: а как же я? А я не в счёт. По-рой я сомневаюсь, не выдумала ли она меня.

Впрочем, если верить Нерине, я не первое ее увлечение (Она это так мило называет — увлечение. Страшно подумать, что бы она вытворяла, если бы влюбилась по-настоящему). Раньше у неё было несколько пассий. Все они, как я понял, закончили свою дни плачевно. По правде говоря, она их попросту замучила. Может, запытала в своих уютных подвальчиках, а может, заездила до смерти на шестиспальной кровати, которую я в последние годы ненавижу почти так же сильно, как саму Нерину. Но с ними она упорно пыталась опровергнуть народную мудрость «Насильно мил не будешь» и, как это всегда бывает в стычках с народными мудростями, потерпела поражение. Мне повезло больше. Я всего лишь не могу уйти.

Или могу?

Да, я могу. Вот и сейчас, оставляя за спиной её обиженные гортанные выкрики, я подхожу к воротам. Иствик, неуклюжий полноватый привратник с вечно тупой алебардой под мышкой, привычно клюёт носом, крепко сжимая в кулаке связку ключей. Я дружески хлопаю его по плечу, он мгновенно открывает глаза,

говорит: «А! Милорд! Вы снова...», и я только усмехаюсь в ответ, хотя внутри всё холодеет от жалости, скользящей в глазах старика. Это тоже иллюзия, не правда ли, Нерина? Ты специально поставила его сюда, чтобы помучить меня ещё больше перед самым выходом... Хотя я знаю, что, даже будь Иствик настоящим, живым, я видел бы в его глазах всё то же едва уловимое, несмелое сострадание.

Не надо, старина. Я самый несчастный человек в этом проклятом месте. Знаю и без тебя.

Он вздыхает, кряхтит, отпирает свою кибитку, приводит в действие незамысловатый механизм. Ворота со скрипом опускаются. Густая коричневая пыль медленно вздымается клубами, тянется к непривычно, подло ясному небу.

Я выхожу на свободу.

Здесь другой воздух. Еще не свободный, но уже — почти... Слева море, бездны воды, проклятой воды, по которой много лет назад мы прибыли в это кошмарное место. Спереди и справа горы. Сизые, неимоверно высокие. Где-то за ними — настоящий мир. Мир живых людей, живого солнца. Где-то там осталась Гвиневер. Но она, наверное, давно уже умерла. Наш сын давно умер, и его дети, и его внуки тоже. Здесь, по эту сторону гор, нет времени. Здесь нет смерти, нет жизни, только умирание. Я когда-то слышал, что эти места называют Зимней Агонией. Зимы здесь, впрочем, тоже нет. Когда я впервые рассказал об этом Нерине, она засмеялась, но это был странный смех. Никогда больше она так не смеялась.

Я иду быстро, подняв голову, не сводя глаз с гор. Ни одному человеку не удавалось их перейти. И даже если случится чудо, даже если я дойду до них на этот раз, мне их не одолеть. Там страшный холод, и снег, и ветер, и нет воды, и не растёт даже чертополох. Я умру в этих горах. Но лучше там. Господи, лучше бы там. На свободе.

Что? Да, я тоже думал, что это глупости, чёртовы сентиментальные глупости. Первые десять лет.

Чем дальше, тем холоднее, тем свежее воздух, тем сильнее запах моря, хотя на самом деле я от него удаляюсь. Но еще даже близко нет того щемящего, почти вызывающего слезы чувства, когда начинает казаться, что да, да, ДА, я смог, слышишь, гребаная ты стерва, я всё-таки СМОГ! Восхитительное чувство — наверное, оно даже стоит того, чем я за него неизменно расплачива-

юсь. Иногда оно приходит позже, иногда раньше, но ни разу мне ещё не удалось достичь гор. Однажды подошёл почти вплотную. Странный случай, кстати — тогда я сильно болел, от кашля просто лёгкие разрывались. Сразу после того, как я бросился в море, хотел... да нет, не утопиться. Не даст она мне утопиться. Хотел вплавь добраться до людей. Разумеется, птички-сестрички вытащили меня, но к тому времени я успел основательно нахлебаться ледяной воды. Провалился с лихорадкой недели две. А потом, едва смог подняться, ушёл. И надо же, выдержал как никогда долго. Но все равно — не до гор.

Я никогда не выдерживаю до гор.

Я никогда не могу уйти.

Потому что рано или поздно, как бы я ни спешил, как бы ни держался, у меня на ладонях открываются стигматы.

Я останавливаюсь, круто оборачиваюсь, вскидываю голову. Они уже тут... Милые-милые, птички-сестрички... Мизариэль и Патозель, сволочные твари, чья внешность и нрав полностью отражают натуру их создательницы. Полуженщины-полуптицы с человеческими лицами, с торсом и руками первобытных людей, с мощными обвислыми крыльями за накачанными плечами. У них очень милые улыбки. Они всегда улыбаются. Когда тебя хватают за шкуру и пихают мордой в твоё собственное дерьмо, конечно, гораздо приятнее видеть на лице того, кто тебя унижает, ласковую и дружелюбную улыбку. Нет, правда. Они очень меня любят. Нерина очень меня любит. Просто любовь у них такая же, как они сами.

Зимняя Агония... Красиво, да?

Мизариэль и Патозель прячут надо мной пока ещё вдалеке: ведь я прошёл совсем мало. А они никогда не торопятся. Они дождутся, пока ладони у меня треснут ровно по линии жизни, изрыгая тёплую яркую кровь, они двинутся по алым следам, которые я оставлю на твёрдой серой земле. Они будут лететь, паря надо мной неспешно, задумчиво, словно стервятники, пока я не упаду без сознания, вконец обессилив от потери крови, а потом возьмут меня своими сильными мускулистыми руками и отнесут к нашей повелительнице — обратно. Она наложит заживляющее заклятие на мои раны, споёт мне песню про лорда Рэндала и вытрет мои взмокшие от пота виски.

Потом я отдохну немного. И все повторится сначала.

И сначала.

И сначала.

Так хочется добавить: до самой смерти, но смерти здесь нет. Одна только агония.

Если задуматься, это очень удобно. Мне кажется, она давно придумала этот способ — задолго до того, как корабль, на котором я плыл, прибило бурей к её берегам. Она убила всех, кроме меня. Чем-то я ей понравился. И никогда, ни одной минуты я не думал, что мне повезло — даже в самом начале. Ее дружелюбие и любезность меня не обманули. Я сбежал в тот же день и, помню, страшно удивлялся, что за мной не было погони. Только эти птицы, не пытавшиеся напасть, — просто спокойно парившие чуть в стороне, пока я, задыхаясь, мчался по скалистой пустоши к морю... В тот раз я прошёл совсем немного. Никогда мне не забыть ужаса, который охватил меня, когда из моих ладоней начала сочиться кровь — сама по себе... Я застыл, глядя на истекающие кровью руки, а птички-сестрички уже были рядышком, ласковые, улыбчивые — ну, нагулялся? Они отвели меня обратно; я был так шокирован, что и не думал сопротивляться. А кровотечение прекратилось, лишь только я ступил в замковые ворота. Теперь оно прекращается совсем быстро — иногда птички даже не успевают приземлиться. А я уже знаю. Она опять победила.

Рэндал, опять?!

Опять.

И опять, и опять — я иду по серой пустоши, сначала глядя прямо перед собой, потом низко пригнув голову под порывами ветра, тянущегося с гор. Я затылком чувствую их жёлтые глаза без зрачков, их ядовито-простодушные улыбки. О чём они говорят, когда остаются одни? Им-то это ещё не надоело? Им хоть что-нибудь в мире может надоест? Их хотя бы двое... Попросить, что ли, Нерину вылепить мне из тумана брата-близнеца? А впрочем, было уже. Она быстро начинает ревновать, а меня бесит её ревность. Фантом все равно умрёт страшной нарисованной смертью в камере пыток, я напьюсь со стариной Патриком, а она меня высечет. По причинным местам. А потом будет плакать, жалеть, говорить: бедный мой, бедный...

Стоп, что это я?! Я не вернусь! Надо думать так: я не вернусь. На этот раз всё у меня получится. Небо-то ясное, правда? Небо ясное... Птички-сестрички в ясном-преясном небе... Здесь никогда не бывает других птиц. Интересно, а чем питаются наши канареечки?

Я останавливаюсь снова, оборачиваюсь: птички уже ближе, а прошёл я даже больше, чем думал. Горы, правда, ещё далеко, но силуэт замковой стены уже подёрнулся сумраком. На таком расстоянии иллюзия не действует, во всяком случае, целиком, и я вижу Зимнюю Агонию такой, какова она на самом деле: заброшенный заплесневевший склеп, населённый полуразложившимися трупами. Здесь это не так пугает. Как ни крути, лучше быть на таком от неё расстоянии. Никак не ближе. Вырыть тут землянку, что ли?

Я чувствую влагу в ладонях. Уже?! Нет, это только пот... пока. Ну да, в самом деле. Землянка — это не то... Это конура для любимой собачки. Это не свобода. Свобода дальше. Ещё немного дальше. Там, где я начинаю почти верить: я смог... на этот раз я смог...

На этот раз я смог пройти столько же, сколько проходил обычно в последние несколько лет. Примерно треть расстояния до хребта. Один раз глотнул пронзительного, обжигающего горного воздуха. Стало холодно, свежо. Птички сохраняли дистанцию, но такая тактичность с их стороны была излишней.

Я поворачиваюсь лицом к замку, сажусь на землю, вытираю ладони о камни, не сводя взгляда с подёрнутого дымкой силуэта моей далёкой тюрьмы. Камни быстро становятся красными, ладони — грязными. От заражения крови я тоже не умру; пробовал. Я никогда не умру.

Я никогда не умру. Теперь это уже не пугает меня так, как раньше. Наверное, я привык к этой мысли. Нерина всё только смеётся: «Как говорили древние, трудно только первую тысячу лет...» А я ещё и сотни здесь не пробыл. Господи, сколько же моей крови выпила эта земля? Что могло бы вырасти на ней, если бы...

Мысль я закончить не успеваю: Мизариэль и Патоэль плавно пикируют на землю, пригибаются в прыжке, распрямляют стройные спины, идут ко мне, улыбаются. Прогулка окончена. Теперь, мальчик, умыться и — спать...

Спать...

Может, мне стало бы легче, если бы я сумел убить кого-нибудь из них. Но я и этого не могу.

— Что так по-оздно вернулся, лорд Рэндал, мой сын...

Голова раскалывается. Всегда она раскалывается, словно с перепоя. Тело подрагивает от иссушающей, испепеляющей слабости. Нет сил даже руку поднять, а уж тем более сказать: «Заткнись». Но придётся. Долго я этого не выдержу.

— Что так по-оздно вернулся, о мой паладин...

За... за-мол-чи-же.

— Я охотился, мать, постели мне постель, я уста-ал на охоте и креп-ко ус-ну-у...

— Заткнись же ты! — кричу я, стиснув веки: плотно-плотно, чтобы ни один луч проклятого мёртвого солнца, которого даже нет, не просочился сквозь этот заслон и не сжёт мне глаза.

Что-то мягкое касается моего лба. Батист. Уже успевший вымокнуть насквозь. Я осторожно прижимаю подрагивающие от усталости пальцы к ладоням, нащупываю вечно живые, вечно свежие шрамы, уже много лет заменяющие мне линию жизни. Не больно. Но пока еще холодно. Нехорошо мне что-то...

Пока меня тошнит, Нерина заботливо придерживает мою голову. Потом помогает лечь, оправляет задравшееся одеяло, поднимает с пола золочёный таз, придерживая его перед собой, как прачки держат корзины с бельём. Только на моей Рин зеленая парча, а не выцветший хлопок, и в руках у неё золото, а не пенька. Правда, в ёмкости отнюдь не пахнущее морозной свежестью бельё. Очень символично, кстати: парча и золочёный таз с блевотиной. Чертовски символично.

— Почему ты так не любишь эту песню?

— Она у меня уже в печёнках сидит!

— Мне кажется, очень подходит.

— Иди ты...

Она заливается грудным смехом, очень сексуальным. Первое время мне даже нравился этот смех. Разговоры у нас всегда одни и те же: из года в год. Почти ритуал: ничего не меняется. Наверное, это бесит меня больше всего. Все ещё. До сих пор.

Нерина отдаёт таз служанке, розовощёкой дурнушке с пухлыми губками и бородавкой над бровью (порой изобретательность моей девочки просто умилительна!), снова садится рядом со мной, скрывшись в тени балдахина, берёт мою руку тонкими холодными пальцами. Они всегда остаются холодными. Мне кажется, это та малая толика правды, которую она не может спрятать даже от себя.

— Рэндал, ну зачем ты?

— Что — зачем я? Что — зачем?

— Зачем ты уходишь?

— Я всегда уходил. И всегда буду.

— Зачем, зачем? — Она уже почти плачет. В такие минуты мне

её немного жаль. Но это только потому, что, пока кровь не заструится по сосудам в привычном объёме, на злость просто нет сил. — Ну что такого есть там? Что из того, что не могу дать тебе я?

Это тоже часть ритуала. Я давно ответил ей на этот вопрос и давно понял, что ответа она просто не слышит. Он выпадает из её сознания, из её памяти — он вне сферы её восприятия. И это, наверное, тоже можно понять. Я стараюсь...

Гвиневер? Да нет, я уже почти не думаю о ней. Как не думаю о земле, которую считал своей родиной. Вспоминается почему-то колодец во дворе дома, где я вырос. В детстве я любил спускаться в него днём, забравшись в кадку (младший брат всегда стоял наготове и вытаскивал меня по первому крику). Говорят, днём из колодца видны звёзды.

Я когда-то попробовал рассказать об этом Нерине. Она ужасно растрогалась и долго плакала. А я после этого не мог вспомнить о том колодце без отвращения. Странно, что я раньше не понимал, какая все это глупость.

Знать бы, что надо вспоминать. К чему надо хотеть вернуться.

— Я же даю тебе то, что никто никогда не даст, — шепчет она, прижимая мои пальцы к своей щеке. — Вечную молодость, вечную жизнь... Ты бы уже давно умер в том... в том мире.

— Я и так давно умер, — отвечаю я и, отняв руку, отворачиваюсь к стене. Нерина вздыхает (слезы сегодня будут? нет? из года в год она становится все плаксивее), сидит ещё немного, несмело гладит меня по голове, поднимается. Вот сейчас скажет... сейчас...

— Ничего. Когда-нибудь ты привыкнешь.

Все. Ритуал завершён. Теперь она даст мне выспаться. Этиечно безуспешные попытки побега отнимают чертовски много сил. Интересно, жаль ли ей меня хоть немного? Или ей на самом деле нравится наблюдать, как я тупоголовой мухой бьюсь о стекло, не замечая непреодолимой преграды? Она умеет черпать в этом одной ей ведомое наслаждение? Почему-то мне с трудом в это верится. Мне кажется, она была бы по-настоящему счастлива, если бы я просто любил ее, как она того хочет. Она ведь пыталась показать мне настоящую себя. Просто не учла, что нет человека, способного выдержать это и не сойти с ума.

Нерина не уходит; я слышу её дыхание. Вот ведь дрянь, отошла и села в углу, думает, что я не замечу. Ну ладно, к чёрту. Хотя я всё равно не могу заснуть в её присутствии, особенно если она сидит у меня за спиной, глядя мне в затылок глазами птичек-се-

стричек, улыбаясь мне в спину их сладкой безжалостной улыбкой. И мне остается только лежать, и смотреть в стену, и вспоминать, как давным-давно она пыталась открыть мне часть той правды, которой смертный вынести не может.

А ведь я сам упросил её. Меня снадало болезненное любопытство: хотелось знать, как она выглядит, как выглядит место, которое она называла моим новым домом и которое на самом деле было моей тюрьмой, кто приходит к ней вечерами, когда она закрывает восточную часть замка и оттуда до утра доносится странная, очень медленная музыка, словно идущая из-под земли... Она отпиралась долго, ломаясь и жеманясь, хотя я видел, что ее ужасно взволновала эта идея. До сих пор не понимаю, как можно прожить без малого две тысячи лет и быть такой наивной. Впрочем, это, наверное, моя вина. Не знаю, почему, но Нерина вообразила, будто я в самом деле люблю её. А я понял это слишком поздно. Ведь не могла же она принять за изъявление нежных чувств яростную страсть, с которой проходили наши первые ночи?... Как оказалось, могла. Глупо было с моей стороны не понимать этого: почти любая женщина воспринимает секс как форму объяснения в любви. И почти любой мужчина слишком эгоистичен, чтобы раскрыть ей глаза раньше времени.

Нерина сказала, что устроит бал в мою честь. Это звучало очень торжественно, подготовка была соответствующей. Суматоха, которую она подняла вокруг этого события, меня раздражала: не слишком приятно быть представленным высоким гостям в качестве новой любимой собачки. Впрочем, когда всё началось, мне было не до того.

Я помню, как вошёл в зал, но не помню, как спала пелена. Я словно пропустил момент, когда Нерина сняла иллюзию и меня опрокинуло в чадающий котел тошнотворного смрада, выплеснувшего мне в лицо реальность, о которой я успел забыть. Я увидел осыпавшиеся стены давно разрушенной крепости, изломанную прогнившую мебель, изъеденные молью портьеры, блёклые синие свечи в канделябрах из человеческих костей. Услышал запах затхлости, разложения — такой доносится из разрытой могилы. Увидел её слуг, гостей...

Увидел её саму.

К рассвету на моей голове не осталось ни одного темного волоска. Нерина тут же исправила ситуацию, и сейчас, глядя в зеркало (которое, я знаю, на самом деле затянато паутиной и заля-

пано мушиным помётом), я вижу человека, которому не дашь больше тридцати лет — если не заглядывать в глаза. У этого человека черные волосы. Я уже давно отвык считать его своим отражением.

Мы никогда не говорили о той ночи. Мне было проще считать её дурным сном. Вполне вероятно, она и была сном — ведь уже на следующий день вокруг меня снова оказались светлые стены, изящная меблировка, а рядом — под боком, под моей рукой — Нерина собственной персоной, свежая, душистая, прекрасная... Да только я так и не смог отделаться от чувства, что, обнимая её, я на самом деле обнимаю отлично загримированный набальзамированный труп. Думаю, она это понимала. И ненавидела себя за неосмотрительную романтическую глупость, толкнувшую её на этот опрометчивый шаг. Она хотела, чтобы я любил её такой, какая она есть. И думала, что я смогу это принять. Вот к чему приводит столь ожесточённое затворничество. Бедняжка совершенно не знает людей.

Я стараюсь дышать ровно: возможно, мне удастся убедить её, что я сплю. И в самом деле: Нерина встаёт, слишком громко шурша юбками, испуганно замирает. Я дышу ровно и глубоко: мне хочется, чтобы она поскорее ушла. Она попадает на уловку и неслышно выходит. Дверь не запирает. Зачем? Ей нет нужды применять силу. Заклятье удерживает меня надёжнее любых замков. Сколько уже раз я спрашивал её, как она додумалась до такого, а она только улыбается. Иногда говорит что-то бесстыдно-кокетливое вроде: «Ты не сможешь жить без меня». Однажды я ударил её, когда она это сказала. Сильно ударил — она отлетела чуть не к противоположной стене. Был период, когда я пытался превратить её жизнь в ад, но чем можно вывести из себя существо, живущее две тысячи лет? Она только улыбается, мочит розги в растворе крапивы и сечет ими иллюзию горничных, а иногда — меня (так хочется добавить: иллюзию меня). И нет из этого выхода — круг начинается и замыкается её улыбкой. «Ты не сможешь жить без меня».

Несколько сотен шагов к свободе — и всегда, при любых обстоятельствах, неумолимо, неизменно я начинаю умирать. Не знаю, не понимаю, почему...

Почему?

Почему?..

Странно... Я никогда раньше об этом не задумывался.

Почему?

— Рэндал, ты опять?

Нет, не опять. Я не верю в этот раз, что смогу дойти — как не верю никогда, но сегодня осмеливаюсь признаться себе в этом. В данный момент мною движет исследовательский интерес. Поэтому я не оборачиваюсь на крик Нерины (он доносится с нижней террасы), не думаю: «К чёрту!», не поднимаю воротник плаща, не перешучиваюсь с челядью. Я просто выхожу из замка, заложив руки за спину и глядя в землю. Пальцы правой руки стискивают ладонь левой, вжимаются в шрам. Он разойдется через несколько минут, самое большее — через несколько часов...

Почему?

Я привык воспринимать это как должное, как иррациональную логику магии, понять которую невозможно в принципе. Несколько сотен шагов — и на моих ладонях открываются стигматы. Но сколько сотен? Всегда ли равное количество? Нет, разумеется. В первые дни я едва успевал отойти от ворот. В иные — забирался очень далеко. Значит, не в расстоянии дело. В чем же?

Не знаю, чего я хотел добиться. Даже если у заклатья Нерины есть определённый механизм, вряд ли точное его знание поможет мне это заклятие разрушить. Но, чёрт подери, чем мне еще заниматься? Я же и так тут подыхаю от скуки. Пусть она примет это как одно из невинных развлечений, которым я время от времени придаюсь.

Значит, не расстояние, думаю я, а за спиной уже четверть мили, отделяющие меня от замковых стен, и птички-сестрички уже взмыли со своих жёрдочек в низкое небо... Сегодня не ясное, но это не важно. Всё это ерунда. Небо никогда не имеет значения. Но что же, если не расстояние? Время? Тоже нет: я иду всегда примерно с одинаковой скоростью. Или она привязала меня магией к какому-то предмету в замке, удаление от которого вызывает кровотечение?.. Нет, нет, это тоже расстояние, оно ведь всегда разное... Не предмет, не в замке, нет...

Не в замке?

Тогда где?

Я останавливаюсь, прислушиваюсь к гулкому биению сердца. Оно всегда бьётся немного сильнее, чем обычно, примерно на этом участке пути к горам: ничего я не могу поделаться со своим телом. Нерина говорит, что я романтик. Глупая сука. Хрен останешься романтиком, чёрт знает сколько лет проведя в украшен-

ном цветочками гробу без малейшей надежды вырваться. Я не романтик. Я идеалист. Я всегда беру в расчёт идеальные условия. Теорию, чёрт её подери. Чувствительные женские мозги плохо приспособлены для таких вещей: Гвиневер только вздыхала, когда я пытался ей объяснить, что нельзя сажать её любимые хризантемы в каменистую почву, даже если она перед этим освящена водой из источника Святого Лодвига. Она их все равно сажала, цветы не всходили, и Гвиневер считала, что святой Лодвиг на неё сердит. Женщины, даже любимые, почти всегда дуры в таких делах. Но я-то чётко знаю, что, пока я жив (то есть вечно), теоретически есть вероятность, что однажды стигматы не откроются. Иногда ведь они открываются чуть позже... почему бы этому «чуть позже» в один прекрасный день не растянуться до бесконечности?

Потому что... потому что. Нет, Нерина не глупая сука. Она весьма умна. Она сделала так, чтобы у меня не осталось ни малейшей лазейки. Почему? Где может находиться то, от чего я никогда, никогда, никогда не смогу убежать?

«Что так поздно вернулся, лорд Рэндал, мой сын...»

«Лучше поздно, чем никогда, ма», — вот как надо было ответить лорду Рэндалу из этой песенки, тогда и песенки бы не было и остался бы жив дурак.

Конечно. Лучше поздно, чем никогда.

Во мне, вот где это находится. Удивительно, как долго порой не замечаешь самой очевидной вещи.

Нерина привязала меня к самому себе. Это самый верный способ: от себя-то я сбежать не смогу, вне всяких теоретизирований. Что-то происходит со мной, когда я покидаю Зимнюю Агонию. Что-то, вызывающее стигматы. Что же?..

Я замираю, уже почти машинально проверяя, далеко ли птички-сестрички, и отшатываюсь, когда Мизариэль взмахивает крыльями прямо у меня над головой и тут же взмывает выше.

— Какого чёрта? — кричу я им и поднимаю ладони, пересечённые косыми линиями вечно свежих рубцов. Видите? Рано ещё, валите пока!

Но они не улетают, тревожно кружат над головой, словно коршуны, готовые напасть. Кажется, они чем-то взволнованы...

А ведь в самом деле. Так далеко я не заходил уже пару лет. Странно... Задумался, не заметил, как прибавил шагу. Замок почти утратил очертания, расплылся сплошной чёрной громадой,

зато с гор сошла дымка, уже видны контуры нижних пиков... Когда же я видел эти контуры в последний раз?.. И воздух совсем другой, морем больше не пахнет, стал острее, прохладнее... давно я им не дышал, да, это приятно... это почти как...

Ну вот. Не зря мои птички беспокоились. Долго им ждать не пришлось. Кровь потекла по пальцам, закапала в сухой песок, выедавая в нём маленькие тёмные кратеры. Почему? Почему? Что произошло — только что, секунду назад? Я почувствовал запах... увидел очертания скалы... подумал о перевале, о том, что я сделаю, когда доберусь до него... Когда — а не если.

Когда — а не если.

Я уже действительно думал, что на этот раз удалось, — я всегда так думаю. И всегда именно в этот момент мои ладони начинают кровоточить. В тот момент, когда я начинаю чувствовать себя свободным.

Вот оно.

— Ну что вы там возитесь?! — круто развернувшись, кричу я и яростно машу птичкам окровавленными ладонями. — Мне надо назад! Быстро!

Когда они снижаются, на их продолговатых улыбчивых лицах читается удивление. Обычно я иду, пока не потеряю сознание. Теперь же мне не терпится вернуться. Не хочется тратить лишние силы, не хочется потом долго их восстанавливать.

Они мне скоро понадобятся.

— Ну а где ты обедал, лорд Рэндал, мой сын?

Ну а где ты обедал, о мой паладин?

— У любимой моей. Постели мне постель,

Я устал на охоте и крепко усну...

Нерина думает, что очень хорошо играет на арфе. Я не раз говорил, что играет она паршиво, дергает струны, да и вообще у нее нет чувства ритма, хотя голос довольно приятный. Но когда она поёт эту песню — а она всегда поёт её после моего возвращения из очередного «загула», — я забываю даже о ее бездарности. Как правило. Сегодня я не слышу не только рваных аккордов, которыми она мучает арфу, но и до смерти надоевших слов, коими моя девочка терзает меня уже столько лет. Я думаю. Я стараюсь понять.

— Что ты ел за обедом, лорд Рэндал, мой сын, что ты...

— Это свобода, не правда ли? — спрашиваю я, и Нерина не-

медленно умолкает. В её взгляде замешательство: давно уже я не выдерживал до третьего куплета.

Я лежу на кровати, закинув руки за голову и глядя в потолок, она сидит на резной скамеечке чуть в стороне, положив руки на струны, уже не играя. Мне почти не интересно, что она ответит. Я просто решил на этот раз заткнуть её каким-нибудь другим способом.

— Что? — спрашивает Нерина, словно не понимая.

— Чувство свободы. Ощущение свободы. Ты на нём построила заклетье? Стигматы открываются, как только я понимаю, что свободен. Поэтому в самый первый раз это произошло так быстро. Я же тогда ещё не знал, какая ты дрянь. Думал, от тебя просто уйти.

— Перестань! — говорит она и чуть не плачет.

— Чего ты? — искренне удивляюсь я. — Разве это что-то меняет? Почему ты так долго мне не говорила?

— В самом деле, — с внезапной жестокостью в голосе произносит она и поднимается. — Это ничего не меняет. И ты это прекрасно знаешь. Чем дальше ты пройдёшь, тем вероятнее, что ты подумаешь... подумаешь, что сбежал от меня. И именно поэтому сбежать не сможешь.

— Ну да. — Я перекачиваюсь на бок и, подперев голову рукой с ещё розоватым после недавней вылазки шрамом, смотрю на Нерину с восхищением. — Так и есть. Ты просто умница.

У неё начинают дрожать губы, но плакать она явно не собирается.

— Я же.... я просто люблю тебя, — шепчет она, и в этом шёпоте столько ярости, сколько наберётся не во всяком крике.

— Это я уже понял.

— Почему тебе плохо со мной?

— Потому что ты вечно поёшь эту чёртову песню про лорда Рэндала.

— Хочешь, я никогда её не буду петь?

— Хочу.

— Ты же... — Её руки безвольно падают вдоль тела, отчаянно теребят складки несуществующей юбки. — Так было бы проще для нас обоих.

— Нерина, ответишь мне на один вопрос? Только правду.

— Какой?..

— Правду, Нерина!

— Ладно, ладно! Какой?

Я пристально смотрю ей в глаза: почему-то зелёные, хотя мне всегда нравились карие. У Гвиневер карие глаза. Были. Она никогда не опускала их, когда я на неё смотрел. Зелёные глаза Нерины с трудом выдерживают мой взгляд.

— Сколько лет я уже здесь?

Она круто разворачивается, хлопает дверью. Я ложусь на спину.

Чувство свободы. Пьянящее, легкое, головокружительное, как от вина; впрочем, от вина так никогда не бывает. Его начинаешь ценить, только когда долго его лишён. Мне кажется, в моём случае прошло достаточно времени. Я рад, что не знаю точно, сколько именно. Если бы я думал, что Нерина ответит мне, я бы никогда не спросил её об этом.

Вечером того же дня мы лежим в чёртовой шестиспальной постели. Я жалею, что не прибыл к берегам Зимней Агонии немощным восьмидесятилетним стариком. Тогда она, наверное, убила бы меня, а если нет, я, во всяком случае, не смог бы удовлетворять её ненасытную плоть. И, главное, никакой изобретательности. Уже столько лет, и всё одно и то же. Только к кровати иногда привлекает, и то пугливо так, смущённо, а потом извиняется. Это довольно-таки отвратительно.

— Разве у меня не красивое тело?

— Красивое, красивое.

— Я тебе совсем не нравлюсь.

— Ага.

— Ненавижу тебя!

— А говорила, любишь.

— Ненавижу!

— Так дай мне уйти.

— Никогда!

— Я спать хочу.

Вот такие постельные беседы. С Гвиневер мы вообще ни о чём не говорили, и это было замечательно. Гвиневер молчунья, за это я её и любил. Никто не умел так молчать, как она.

Я хотел бы вернуться к ней. В наш дом. Набрать горсть тяжёлой сырой земли иссечёнными руками. Может быть, съездить туда, где я родился. Заглянуть в колодец, крикнуть в него какую-нибудь глупость, послушать эхо. Внутрь уже не заберёшься: мой брат умер, а я больше никому не доверяю настолько, чтобы спускаться туда, вниз, и смотреть днём на звёзды.

Это — свобода?

Но разве об этом я думаю, когда у меня начинают кровоточить ладони?

Разве я вообще думаю в эти мгновения?

Нерина лежит рядом, теплая, душистая, податливая. Она очень хочет, чтобы её любили. Наверное, хочет любить меня, надо просто ей позволить. Если задуматься, разве мне так уж плохо здесь? Она действительно может дать мне всё. И Гвиневер, если очень попрошу, и колодец в доме моего отца. Я смогу потрогать их руками. Свобода — это право обладать тем, чем хочешь? Или возможность взять это самому? Когда я начинаю думать об этом не как о мечте — как о завтрашнем дне, как о времени, которое придёт очень быстро, — я становлюсь свободным? Да? Почему же сейчас, в эту минуту, когда я лежу с моей маленькой ведьмой в тёплой постели на измятых нами простынях, у меня не открываются стигматы?

— Отпусти меня, — говорю я одними губами, не глядя на неё, — отпусти.

— Не могу.

— Отпусти.

— Я не могу, Рэндал! Правда! Даже если бы хотела. Это заклятие нельзя снять. По крайней мере я не знаю, как это сделать.

— Ты просто умница. В такие минуты я тебя почти люблю.

— Ох, ты...

Она засыпает быстро, ткнувшись маленьким острым подбородком мне в плечо. Я осторожно глажу её длинные густые волосы. Такие же белые, как мои настоящие волосы, те, которых я давно не вижу. Может быть, мне не хотелось бы уйти так сильно, если бы я мог это сделать. Но я не могу — а потому не перестану пытаться. Муха бьётся о стекло, пока не погибает.

Или пока не исчезает стекло.

С донжона видно море.

Я стою на самом верху, у открытого люка, скрестив руки на груди, и смотрю на белые гребни, с неслышным здесь рёвом обрушивающиеся на прибрежные скалы. Птички-сестрички сидят на замковой стене невдалеке. Мизаризель чистит перья Патозель, та блаженно жмурится, не сводя с меня хищного улыбчивого взгляда. С тех пор как я пытался сброситься с этого донжона, они ни на минуту не оставляют меня одного. Но сегодня я просто вышел подышать морем. Спёртый воздух замка плохо на меня действует.

Нерина беспокоится. Я не сбегал уже больше месяца. Сначала она радовалась, теперь разволновалась не на шутку. Ну что ж, хоть какое-то обновление отношений. Я не напивался ни разу за этот месяц, не бил её, не позволял ей бить себя (у неё порой случаются истерики, и их безопаснее молча терпеть — скорее успокоится). Семейная идиллия, одним словом. Она ежедневно пристаёт ко мне с расспросами, ахает, вздыхает, читает вслух рыцарские романы, быстрее насыщается в постели и не подходит к арфе. И — надо отдать ей должное — не поёт про лорда Рэндала. Но это и не нужно. Дурацкая песенка засела у меня в голове, прокручиваясь снова и снова, будто нож в ране. Что так поздно вернулся, лорд Рэндал... Что так поздно?

Это всё, что мне осталось. Нерина права: выхода нет, и это даже не её вина. Скорее моя. Всё моё чёртово свободолюбие. Я не умею жить без этого чувства. Я ухожу снова и снова не потому, что в самом деле надеюсь сбежать из Зимней Агонии, а для того, чтобы ощутить его. Сначала я надеялся, что смогу просто заставить себя забыть об этом. Мне казалось, что это не так трудно. Я старался не думать, я уходил из замка с завязанными глазами, спасаясь от манящего зрелища далекого хребта, брёл ощупью, твердил в уме таблицу умножения, гнал от себя это чувство, лишь только его первые искры вспыхивали в моей душе. И только вытирал мокрые ладони. Не знаю, от чего.

Бесполезно. Глоток горного воздуха, лишний десяток шагов — и всё начинается снова. Круг замыкается. Я становлюсь свободным, и это снова отнимает у меня свободу. И так — до бесконечности.

Остаётся донжон и рваные клочья серой пены далеко внизу, под ногами. Крыша круглая, как колесо, как порочный круг моего заточения. Я меряю взглядом расстояние до земли, потом до птичек-сестричек. Нечего и мечтать: реакция у малышей отменная. Я не успею пролететь и половину пути. Эта свобода мне тоже не дана. Хотя она другая. Может быть, лучше той, первой, которую — пора признаться себе в этом — мне никогда не вернуть. Круглая башня — шаг за неё — кремневый пол. Стены заклития — шаг прочь — другая свобода. Что там, за теми воротами, — мне все равно. Что-то другое, этого достаточно. И ведь всего лишь шаг, чёрт подери, всего лишь шаг! Только не по кругу, не в круге этого чёртова донжона. В сторону, туда, где не будет опоры под ногой... И быстро, быстро — вниз, пока не успели подхватить...

Сбежать, пока не успели догнать и вернуть обратно. Но у птичек слишком хорошая реакция. Если я упаду, они ринутся ко мне мгновенно. Выручить меня могла бы разве что неожиданность, которая выиграет мне несколько секунд. Но что может удивить птичек-сестричек? Ха, разве что если бы я упал вверх, а не вниз... Не рухнул наземь — а раскинул руки и взлетел.

Замкнутый круг. Шаг за него... И — *взлететь*, а не падать.

— Что так по-оздно вернулся...

Я вздрагиваю, содрогаюсь всем телом, как будто меня ударил скат, хватаюсь за крышку люка в попытке удержать равновесие. Птички поднимают головы, тут же успокаиваются. Звуки арфы льются из окна подо мной, из-под моих ног, из-под земли, из могилы. Играет кто-то другой, Нерина поёт. В голосе тревога и насмешка; не знаю, чего больше. Не знаю, зачем она поёт. Я ведь ещё не уходил.

Я только собираюсь.

— А кидал ли собакам, лорд Рэндал, мой сын?

А кидал ли собакам, о мой паладин?

— Да, подошли они. Постели ж мне постель,

Я устал на охоте и крепко усну-у...

Шаг из замкнутого круга — и взлететь, а не падать.

Переброситься парой слов с привратником, выйти из замковых ворот, поднять воротник плаща, упрямо топтать истёртыми подошвами сухую землю, не сводя глаз с далеких горных вершин — и не думать о свободе, не думать, не думать, не думать!..

Остаться в этих стенах.

Расшнуровать воротник рубашки.

Молчать.

Слушать песню про лорда Рэндала, слушать, улыбаться, любить эту песню, любить ту, кто её поёт. Она ведь красивая. Песня и певича — они обе красивые. На самом деле.

— Я боюсь, ты отравлен, лорд Рэндал, мой сын,

Я боюсь, ты отравлен, о мой паладин...

— Да, отравлен я, мать. Постели ж мне постель.

Я устал на охоте и крепко усну...

Слушать.

И... нет, не думать о свободе.

Ощущать ее.

Здесь ведь дует ветер, правда? С моря. За горами мир, но он и за морем также. Здесь можно думать о Гвиневе. Можно думать о

местах, в которые хотел бы вернуться. О них можно думать где угодно. Место не делает свободным. Возможность вернуться тоже. В отличие от возможности не возвращаться — и ничего не терять при этом. Потому что на самом деле из колодца не видно звёзд. Так говорят. Но это неправда. Романтическая чушь, а я не романтик. Никогда им не был.

Гвиневер это всегда расстраивало.

Нерина плачет. Она говорит: чего я не могу дать тебе, Рэндал? А ты можешь дать всё, девочка. Всё. Беда в том, что мне ничего не нужно. Ни от тебя, ни от мира, который ты у меня украла.

Мокро в ладонях... У меня последнее время часто мокро в ладонях: издёргался совершенно. Измучила ты меня, Рин. Что, ты больше не поёшь? Уже допела? Спой ещё. Это ведь очень красивая песня. Она про меня. Я устал на охоте и крепко усну.

Птички-сестрички бросаются ко мне с каменных зубьев, словно ожившие горгульи, в панике трепещут крыльями, сгущая насыщенный солью воздух. Их железные руки впиваются мне в предплечья. В чём дело, родные? И не надейтесь, я не собираюсь прыгать с донжона. Я не умею летать. В отличие от вас. Давно хотел спросить: вы-то летать умеете, почему же вы отсюда не улетите? Я знаю, что держит здесь меня — что держит вас? Тоже заклятие? Или неумение осознать себя свободными? Осознайте, вы ещё можете. Вы ещё успеете... Это проще, чем кажется. Вы, главное, запомните: свобода — это не возможность пойти туда, куда вы хотите. Это возможность признать, что вам некуда и незачем идти. Потому что днём в колодце не видно звёзд. Может быть, видно ночью, но я никогда не проверял.

Топот внизу, под ногами, из-под земли, из могилы... Грохот крышки люка, паутина тонких белых волос, полные ужаса глаза. Зелёные. А мне всегда нравились карие.

Почему-то так мокро в ладонях.

— Что ты... сделал?... Рэндал, *что ты сделал?!*

Я беспомощно поднимаю руки, на которых повисли птички-сестрички. С ладоней что-то капает... с них что-то капает.

— Как ты... прекрати! Останови это! О боже, ты ведь истечёшь кровью!

Да? Но кого в этом винить, Рин? Это ты, а не я привязала стигматы к чувству свободы. Ты думала, его невозможно ощущать в этих стенах. Я тоже так думал. И до той поры нам ничто не угрожало. До той поры мы были почти счастливы. Ты и я.

А теперь мои ладони треснули, и из них быстро вытекает жизнь, которую ты так долго держала на цепи. Я не могу остановить её, не могу, правда же. Пусть уходит. Если ты можешь, останови.

— Боже, Рэндал... Боже, боже! Как же ты так, как же ты!.. Ну прекрати, прекрати, *пожалуйста!*

Ты опять плачешь? Перестань. Я ненавижу, когда ты плачешь. Лучше спой мне. Про лорда Рэндала. Про меня. Я устал.

И когда ты хватаешь вечно холодными пальцами мои руки, из которых по-прежнему течёт кровь, когда твои уродливые творения, так похожие на тебя саму, отступают, отворачиваются, взмывают в небо, когда внизу раздаётся истошное, умоляющее «Пшла-а!», вырывающееся из сухой глотки поломанной куклы, когда струны арфы рвутся где-то очень, очень далеко, мне на лоб падает первая капля дождя. Я хочу думать, что это дождь. Это моё право — решать, чьим слезам течь по моему лицу.

ДЭН ШОРИН

Печаль большого дракона

Дракон парил над городом, широко распахнув огромные крылья. Он был по-своему красив, а в больших драконьих глазах читалась грусть. Горожане попрятались по домам, видимо, не понимая, что стоит дракону всего лишь раз выплунуть огонь, и их уже ничего не спасет — от огненного безумия в деревянном городе нет защиты. К их счастью, дракон прилетел сюда не за этим.

— Привет, Глымартсморговоркл! — сложив руки рупором, выкрикнул я в небо.

У драконов хороший слух, посему мое приветствие не осталось незамеченным.

Привет. Не ожидал здесь тебя увидеть, — прозвучало у меня в голове.

Раздвоенный змеиный язык драконов не приспособлен для того, чтобы произносить человеческие слова. Посему наиболее разумные драконы пользуются безмолвной речью. Глымартсморговоркл являлся самым разумным из ныне существующих драконов, я даже подозревал, что по своей сути он гораздо ближе к людям, чем к собратьям драконам.

— А для чего же ты тогда покинул западные пастбища, старый разбойник? Только не говори мне, что у тамошних фермеров кончились овцы...

Я ищу здесь ее.

Драконы не понимают людских имен. Они не могут даже представить себе, что значит носить абстрактное имя, не включающее в себя черты характера самого человека, а также героические подвиги предков. Однако сейчас я прекрасно понимал, кого Глымартсморговоркл имеет в виду.

— Ты не найдешь леди Вирру в этом городе, — вздохнул я. — Ее здесь нет.

Она здесь, и я это знаю, и ты это знаешь. Драконье чутье не подводит. Да и что бы ты стал в таком случае делать в этой глуши, магистр?

— А ты уже знаешь? — удивился я.

Я стал магистром совсем недавно, и то, что Глымартсморговоркл об этом знал, наводило на некоторые размышления.

До западных пастбищ доходили слухи о том, что некий продавец магических жезлов, освободившись от проклятия, направился на юг в поисках своего предназначения. И как он одолел полторы дюжины магов, пытавшихся встать у него на пути. После чего его и посвятил в магистры некий маг воздуха.

— Слухи не остановишь, — медленно произнес я. — Они растекаются в эфире, переносясь за немыслимые сроки на огромные расстояния. Но ты зря сюда прилетел, Глымартсморговоркл. Нашего боевого товарища леди Вирры здесь нет. Тебе лучше вернуться к своим откормленным овечкам.

Разумеется. Как в добрые старые времена, я сделаю вид, что ты меня прогнал. А потом где-нибудь в укромном месте мы поделим полученное тобой от горожан вознаграждение. Только сначала я должен увидеть ее.

— Это разговор ни о чем, Глымартсморговоркл. Или ты уже не веришь мне? Леди Вирры в этом городе нет.

Дракон опустил на одну из башен, которая под его тяжестью подозрительно зашаталась.

Мое драконье чутье говорит мне, что она здесь. Зачем ты хочешь обмануть меня, друг?

Я устало мотнул головой. Наивно надеяться провести самого разумного из драконов. Просто я думал, что он поверит мне. Во имя старой дружбы.

— Хорошо. Ищи ее. Я буду ждать тебя на дороге, ведущей из города. Захвати меня на обратном пути.

Жди меня, друг. Мы еще покружим в облаках в царстве ветров и драконов. Как прежде, втроем.

Я тяжело вздохнул и отправился прочь из города. На душе было мутно.

Дракон приземлился передо мной спустя два часа, когда я уже отошел от города на несколько миль. Он в безмолвии изогнул шею и опустил голову практически до земли. Я без слов вскараб-

кался ему на загривок, и Глымартсморговоркл, мощно взмахнув крыльями, устремился в небеса. Только когда мы пролетели уже сотни миль, он наконец обратился ко мне безмолвной речью.

Прости, друг, я не поверил тебе.

— Тебе лучше было этого не видеть, Глымартсморговоркл. Леди Вирра умерла.

Да, ты был прав.

Мы разрезали небеса, как много сезонов тому назад. Вот только ощущения, что прошлое вернулось к нам, не возникало. Наверное, потому, что на спине Глымартсморговоркла не было нашей извечной спутницы леди Вирры. Я вспомнил миг, когда впервые вошел в ее дом в покинутом нами городе. Вошел и не сразу понял, что стоящая передо мной располневшая жена трактирщика, окруженная кучей галдящих детей, и есть моя маленькая Вирра, девушка, за один поцелуй которой в свое время я готов был отдать большую половину жизни. Ведь в молодости жизнь кажется бесконечной, а окружающие нас вещи — незбылемыми.

Мы летели среди облаков, я и мой единственный друг, которому было предначертано родиться драконом. И ему приходилось много сложнее, чем мне. Потому что только человек может предать мечту, и только другой человек способен его за это простить.

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

Там, на востоке

Зарницы полыхали в полнеба, призрачно-синие, настолько стремительные, что даже в миг вспышки в них невозможно поверить. И бесшумные. Это особенно страшно — тишина, затопившая мир в ту минуту, когда он рушится. Не весь, конечно, где-то люди и знать не узнают о приключившейся беде, но здесь тем, кто уцелеет, больше не жить.

Утром обнаружилось, что затворише породило разом два пузыря, пелена обняла ближний лес и холм, на котором стояла мельница. Теперь на очереди поля, а там и деревня. Возможно, с первого раза накроет не все дома, но уж её дом наверняка. И бежать некуда, путь на запад надёжно перекрыло затворише, а с иных сторон доброй земли нет, одни гнилые болота да горы на юге, неудобные сохе и враждебные чужакам. Им отныне всюду быть чужаками — дома оставаться нельзя. Значит, нужно проситься в рабство к горцам или гнить в болотах, откуда возвращаются немногие. Или всё же остаться дома, самому пойти навстречу затворишу, крича и грозя кулаками, а оно будет невозможно ждать, а когда коснёшься тонкой пелены, все будет враз кончено, лишь бледная молния метнётся от земли к небу: беззвучная и почти невидимая в солнечных лучах.

Поутру деревня зашевелилась разворошённым муравейником. Скот отгоняли подальше от новой границы, собирали скарб, готовясь к отъезду. Бежать некуда, но надо. Болота тоже не начинают вдруг, есть в мокром лесу сухие островки, не годные под пашню, но для домов вполне подходящие. Там можно приткнуться, а хлеб до поры сеять на старом пепелище у самых пузырей, авось они ещё сто лет с места не двинутся. Ведь нажрались, что им ещё, окаянным, надо?

Алина не собиралась никуда и не собиралась собираться. Ежели затворище завтра двинется, то её дом, и поле, и сливовый сад накроет наврядна, они теперь самые близкие к бесплотной жути пузырей, но это не имеет никакого значения. Её уже накрыло, когда ночью в единой вспышке сгорели мельница и дядька Мефодий, упрямо не желавший уходить с опасного холма. Теперь Алина осталась совсем одна. Покуда в семье хотя бы два человека — это семья, а одинокий человек — полное недоразумение. Рука с одним пальцем хуже, чем просто культя, потому что сильнее болит.

Родители Алины погибли три года назад, когда закрылся проход на запад. Затворище не любит воды, и долгие годы вдоль самого берега озера оставалась свободная тропа. Думали, что она так навсегда и останется, пуповинка, связывающая обречённое селение с остальной страной. Загадывали в случае несчастья бежать озером. А вот не сбылось. Сорок лет затворище копило силу, а потом разом сглотнуло озеро и последнюю дорогу к своим. Отец с матерью как раз поехали на материк, прикупить кой-что на ярмарке и навестить старших дочерей, выданных в деревни по ту сторону затворища. И добро бы отрезало их там, не позволив вернуться, а то убило на обратном пути. Каких-то сто шагов не успели доехать. Сестры небось надеются, что отец с матерью поспели к дому и поднесь живы. И она бы надеялась, что родители задержались в гостях и теперь мыкаются у свойственников, но пошла глянуть на дорогу: не едут ли? — и видела всё как есть.

В солнечном свете зарниц не разглядеть, и молния кажется просто маревом, в котором истаивают, сгорая, деревья, птицы, люди и даже камни, ежели они пришились в неудобном месте.

Алина стояла на пригорке, махала подъезжающим платком, когда воздух задрожал, по озерной глади прошлись десятки смерчков, и одинокая сосна, кривившаяся у самого берега, вспыхнула свечой и упала, расколота сверху донизу. Отец приподнялся, хлестнул жеребчика, верно, надеясь уйти, но синее пламя полыхнуло из-под самых лошадиных копыт, и лишь тележное колесо ещё долго катилось, вихляя по опустевшей дороге. Алина бежала, раздирая грудь криком, которого сама не слышала в убийственной тишине, и так бы, наверное, и ушла под затворище, но споткнулась на ровном месте, упала, вскочила, тут же снова повалилась на убитую дорогу, и ещё... а потом на запястье сомкнулись каменные пальцы. Дядька Мефодий тоже вы-

шел поглядеть, не возвращаются ли сестра с мужем. Мельник, даром что хромым, умел колдовским прищуром бычка с ног сбить. Так и догнал сдуревшую девчонку, притащил домой. Синяки с Алининой руки месяц сходили.

Судьба одинокой девчонки в деревне ясна как на ладони, но за дядькиной спиной — иное дело. Жили, конечно, врозь: девка хоть раз на мельнице переночевавшая, хуже порченной, а у мельника вся сила в поставках, ему надолго отлучаться нельзя, а то крылья перестанут ветер ловить. Однако и одного имени хватало. Мефодия деревенские пуше затворища боялись, и шутить с его племянкой никто бы не решился. С хозяйством тоже: работников Мефодий брал с уговором, чтобы Алинино поле и огородишко вспаханы были. Со всем остальным девчонка сама управлялась.

Так и выросла, минуя чужие похотливые руки и гулящую судьбу. Уже дважды к дядьке Мефодию сватов засылали, а он отказывал, как бы от своего имени, а на деле спросив племянницу, по душе ли ей жених. Теперь дядьки нет, осталась одна как перст, тот самый, что хуже культи, потому что сильнее болит.

Сразу сгинуть не позволила корова. Тварь безвинная, ей-то за что страдать? Корову подоить надо, в поле выгнать, вечером домой привести. Днём привычные дела тянутся, цепляясь друг за дружку. А ночью самая гибель к сердцу подступала. Алина до полуночи сидела на крыльце, не смея войти в дом, словно там петля под потолком ждёт, невидяще глядела в сторону леса. Хорошую чашобу даже пожар дотла выжечь не может, и сейчас над бывшим бором было беспокойно. Словно голубые огоньки пляшут над потухающим углём: вырвется, мелькнёт секундным пламенем и сгинет. Это ужравшееся затворище выбрало хоть и расколотое, но покуда живое дерево и слизнуло его синим языком. Еще неделю, а то и две будут этак ходить могильные огоньки по бывшим лесным угольям. Хороши огоньки... каждый в три чело-вечьих роста.

Огни гуляют в ближнем краю, а вдалеке всё мёртво. Скоро то же спокойствие придёт и сюда.

Тьма за горизонтом улыбнулась мгновенной вспышкой зарницы. Такое можно видеть чуть не всякую ночь: зверь, а то и человек заплутал в ночи и, не разобрав, куда его занесло, коснулся покрывала. Затворищу всё равно, когда глотать встречных, про-

сто ночью синее пламя легко увидеть, а днём его, поди, никто и не различит.

Второй всполох, ярче первого, взметнулся из-за окоёма, а следом засияло отовсюду, уже не синим, а слепяще-белым огнём, какого не увидишь даже в ту минуту, когда затворище окутывает новые земли.

Из деревни донесся крик, набатные удары деревянного била. Там, словно в пожаре, полуодетые люди выскакивают из домов, хватают что попало из не увезенного, бегут прочь, проклиная себя, что вернулись на единую ночь под обречённые крыши.

Алина сидела неподвижно, пусто глядела в светокипящую даль. Она не сразу поняла, что там творится небывалое: буйство света за горизонтом не просто усиливается, а приближается медленно и неуклонно, словно пешеход, которому некуда особо торопиться, но и незачем останавливаться. И вот уже не зарница, а перевёрнутая молния стрельнула в ночные небеса. И немедля засияло там, где на Алининой памяти всегда бывало темно, ведь западный краж ушёл под затворище больше сотни лет назад. Но теперь огненный нож, рассекающий затворище на две неравные части, достиг пологих вершин и неспешно начал спускаться в долину. Следующий пузырь алчно взвихрился каскадом молний, засиял и, оказавшись не в силах сожрать добычу, лопнул, озарив мир холодным пламенем.

Никто, кроме Алины, не видел этого действа, опустевшая деревня давно замолкла, даже собачонки не оставалось среди домов, перепуганные люди торопились сейчас непрогаченными тропами, стремясь достичь лесистых островков, где надеялись отыскать спасение. И даже если кто-то оглядывался на брошенное село, то видел сквозь ветви лишь грозящее голубое зарево и не мог различить, что же там происходит.

Когда уже под утро родились молнии на опушке знакомого леса, Алина медленно поднялась и сделала первый шаг навстречу тому, что двигалось сквозь затворище. Вчерашний пузырь, так и не успевший успокоиться, взорвался прежде, чем Алина вышла за околицу. Поле, холм, с которого начисто слизало дядькину мельницу, россыпь камней, вывезенных с пашни к лесу... Затем завалы разбитых, полусъеденных деревьев. Только что здесь пирило затворище, а теперь нет ничего, лишь бурелом, почерневший мох, жухлая трава и хрусткий колотый лед под босыми

ногами. Лед такой неожиданный в жаркую июльскую пору, когда ночи столь же теплы, что и дни.

Затем Алина увидела человека. Он медленно, словно на ощупь, пробирался меж раздробленных стволов, путался в обсосанных ветвях, карабкался на выворотни, хотя совсем близко оставался кусок почти свободной тропы. И все же человек шёл, а не бесцельно топтался на месте. Ни разу он не свернул в сторону, ни на миг не прекратил механически-замедленного движения. На человеке была обычная дорожная одежда, за спиной котомка, затянутая на горловине ремнём, в руке — вычурная можжевелевая палка с обожжённым концом. Ничто в его внешности не возмущало взгляд: просто путник, который только что прошёл сквозь затворище.

Алина кинулась навстречу и, лишь подойдя вплотную, поняла, почему так странно двигается незнакомец. Он был слеп, широко раскрытые глаза застлало льдом.

Рука незнакомца обожгла холодом: белая, твёрдая, словно костяная. Но Алина не отдёрнула, а плотнее сжала ладонь на стылом запястье и повела путника прочь от россыпей голубого нetaющего льда. Человек не дрогнул, не удивился и не воспротивился, он покорно пошёл следом, так что мгновенно пропало вспыхнувшее было воспоминание, как волок её, ухватив за руку, дядька Мефодий.

Назад, из замёрзшего леса, мимо мельничного холма, через нетронутые бедой поля, где всю колосится хлеб, к дому, отделённому от остальной деревни густым сливовым садом. В этом году сливы цвели на удивление, и теперь ветви гнутся от бремени ягод, едва успевших подернуться сизым налётом.словно иней ложится на жёсткую сливовую зелень.

Возле дома Алина усадила найденного человека на завалянку под нежаркие лучи только что взошедшего солнца, сама метнулась в дом затапливать печь. У хорошей хозяйки и среди лета клетка дров в печи сложена, только огонь поднеси к нащепленной растопке. Следом в бане под каменкой затрещали весёлым пламенем наколотые поленья. Нет жарче дров, чем от чёрной ольхи, а болото по ту сторону деревни все как есть чёрной ольхой поросше.

Алина выплеснула в котёл два ведра воды — пусть греется, притащила с кипения свежей, затем простучала пятками в подвал, нацедила кружку сливянки. Кружка была большая, глиняная...

отцова кружка. Потом из неё дядя Мефодий пил. Теперь посудина осиротела, да и сливянка стала ненужной. Бывало, на ярмарке здешняя сливянка дороже заморских вин ценилась, а вот уже три года как торговли нет, хочешь — сам пей, не хочешь — на землю выливай.

Сладкий хмель потёк по подбородку, путник пытался глотнуть и не смог. Ледяные струпья в волосах начали таять, и хотя взор по-прежнему застилало льдом, казалось, что мужчина плачет. Тело безвольно заваливалось набок, и ясно становилось, что сам путник ни в дом войти не сможет, ни в баньке погреться. Бабку Ванду бы сюда, лекарку, она бы всё справила как надо, а молодая девчонка чем поможет?

Алина обобрала лед с волос и одежды, попыталась растереть незнакомцу руки, но те оставались застывшими, словно самая кровь смёрзлась в венах. Всклипнув, Алина бросила свои жалкие попытки, еще раз сбегала в избу, подкинула дров в печь, хотя так топят только зимой, а если летом подкинуть лишку, то к утру в избе от жаркой духоты и жить нельзя будет. Сунулась в тёмную дверь бани. Поленья под каменной уже рассыпались жаром, чёрные булжники в центре угрюмо светились, вода в котле ходила, готовясь закипеть. Алина выгребла угли, остатки затушила, взвихрив золу, задвинула вьюшку под потолком и пошла за больным.

До бани его пришлось тащить чуть не волоком, хорошо хоть, застывшее тело сгибалось в суставах, словно путник всё ещё шёл сквозь затворище.

— Ой, что делаю! — отчаянно шептала Алина, стягивая исподнее с безвольного тела путника. — В баню с мужиком пошла!.. Этак только с мужем можно, а я-то!..

Со змеиным шипением взвился над камнями горький полынный пар. Духмяный пихтовый веник прошёл вдоль спины по беззащитно выступающим позвонкам. Путник лежал на полке ниц, одна рука свисала к полу, но тело уже не казалось мёртвым, в нём было заметно дыхание, лопатки медленно приподымались, а затем рывком опадали, и Алине чудилось, что в эту секунду из горла лежащего выскальзывает невидимая в банной полутьме льдинка. Стараясь не смотреть на мужское тело, Алина хлестала веником по спине, ягодицам, ногам... Особенно ноги пропарить: колючим веником по пяткам, тут всегда самая хворь собирается. Льняная рубаха, что оставалась на Алине, намокла и облепляла тело, мешая двигаться. В таком виде — хуже, чем голая.

— Ой, мамочки, что делаю! — Алина перевернула путника на спину, ладонью прикрыла ему лицо, чтобы губы не ошпарить, крутанула веником, нагоняя пар к горлу и груди, поросшей жёстким волосом. Неживая одеревенелость, так пугавшая в незнакомце, исчезла, дышал он уже без сипения и свиста, видать, ледяной ком в груди растаял наконец, и теперь перед Алиной лежал обычный человек, а не мёрзлая кукла, движущаяся благодаря неведомому и страшному колдовству. Веником по груди, по бокам — ох, осторожнее надо, сердце бы человеку не надорвать! — и снова ноги, по лодыжкам и пяткам, резко, с оттягом... Тёплой водой скатила лежащего, наклонилась, закинув расслабленную руку себе на плечо:

— Идём, идём... нельзя много, хватит уже... сердце сорвётся.

В предбаннике насухо вытерла больного жёстким льняным полотенцем — ой, что делаю! — попыталась нарядить его в сухое отцовское белье, не управилась с этим делом и, махнув рукой на всякое приличие, содрала с себя вымокшую рубаху и принялась вытираться сама. А повернувшись за одеждой, встретила оттаявший взгляд путника.

— Ты кто? — чуть слышно спросил он.

— Глаза бы отвернул бесстыжие! — страдальчески выдохнула Алина.

Всем телом ощущая свою наготу, она ухватила одежду, а облавившись в сарафан и повернувшись к путнику, увидела, что тот вновь сидит полузавалившись, из-под опущенных век слепо поблёскивают белки закаченных глаз.

— Алиной меня зовут, — сказала девушка, — Алиной. А ты вставай, нечего тебе тут голышом сидеть, у меня уже сил не хватает тебя ворочать.

Путник не отвечал, и Алине так пришлось вести его через проулок, как есть нагишом, потому что одеть его она так и не сумела. Хорошо хоть вымершая деревня ничего не могла подглядеть и не судачила о том, как славно девка на выданье проводит свой первый самостоятельный день.

Дома Алина уложила человека, которого уже язык не поворачивался называть незнакомцем, на застеленную лавку у самой печи, откуда начинало тянуть густым домашним теплом. По шею укутала одеялом, на минуту присела рядом, но тут же, как подстёгнутая, кинулась делать что-то по хозяйству. Даже минутное спокойствие оборачивалось своей противоположностью, грози-

ло смятением и бедой. Алина перестирала одежду гостя, развесила ее в проветренной бане — там и снаружи не увидать, и высохнет за час. Затворила тесто и, покуда печь держит жар, испекла пирог с гречневой кашей и жареным луком. Хотела сходить на холм, затеплить свечку на том месте, где скрипела Мефодьева мельница, но не решилась одна и поставила свечу на столе перед кружкой сливянки. Эх, дядька, как тебя сейчас не хватает...

Путник спал. Алина, пробегая по делам, порой приостанавливалась, касалась выпростанной из-под одеяла руки. Рука была живой, но холодной, словно где-то за сердцем ещё не мог растаять последний осколок льда.

Вот уже все дела переделаны. Изба чиста, хлев затворён, на столе — корчага парного молока и тёплый пирог, прикрытый рушником. Вечерний сумрак ещё не скоро, но поминальная свечка плачет все ярче, и нет сил быть одной.

Спящий повернулся на бок, открыл глаза. Несколько мгновений смотрел непонимающе, потом проговорил:

— Алина... А я боялся, что мне приснилось.

Алина, присевшая было на краю лавки, вскочила, придвинула отцову одежду:

— На вот, одевайся. Твоё еще, поди, не высохло. — А сама спешно убежала за печь, ненужно загромила ухватами.

— Тебя впрямь Алиной зовут? — донеслось из светёлки.

— Ну...

— А меня — Гэр.

«Господи, что за имя? Не бывает у людей таких имён. Собака пристойней рычит. Может, понасмешничать гость решил?»

— Кто ж тебя назвал так?

— Мать. — Путник, уже одетый, шагнул в кухню. Отцовский наряд сидел на нём мешковато, телом парень не вышел, а так — человек как человек. И в глазах нет насмешки, видать, и впрямь Гэром зовут.

— У нас таких имён не слыхано. Издалека идешь-то?

— Издалека. Я и сам не помню, сколько иду. И откуда — не помню.

— Говорят, по ту сторону земли море будет, а за ним снова земля, и люди живут. Ты, часом, не оттуда?

— Может быть. Море я переплывал, да и не одно. Было даже, что чуть не утонул, а вот выплыл.

— А куда идёшь?

— На восток.

— А что на том востоке-то? Ищешь что? — Алина никак не могла понять странных ответов.

— Не знаю, — тихо ответил Гэр. — Иду — и всё.

А что он мог ответить девушке, пробудившей его от ледяного беспамятства? Он давно привык не оглядываться и никогда не возвращался к пройденному. Где-то в прошлом осталась полузабытая родина, ненужные друзья, мать, тихое: «Не уходи...», полное безнадёжного отчаяния. И всё-таки он ушёл. Сила бóльшая, нежели он сам, вела его на восток. Порой он останавливался, но ненадолго и, едва появлялась возможность, снова пускался в путь. Он привык шагать напрямиком, не обходя препятствий, и преграды падали перед силой, что вела его в никуда. Пустыни, топи, враги, злое колдовство не могли его остановить, и если не желали уступить дороги, то рассыпались в прах.

Как-то тиран одной из далёких земель, полагавший себя непобедимым, велел бросить странного чужеземца в тюрьму, и на целый месяц поход Гэра замер. Владыка и думать забыл о случайной встрече и собственном небрежном приказе и, должно быть, изрядно удивился, когда стены подземного каземата раскололись и путник вышел на волю. А быть может, злодей не успел удивиться, поскольку замок его стоял поверх тюрьмы, расположенной в подвалах, и рухнул вместе с нею. Цитадели, выстроенные над тюрьмами, стоят не слишком прочно.

В другой раз каменный дракон, живущий в горах, отчего-то разъярился при виде крошечной фигурки, движущейся к перевалу. Чудище налетало, фыркая огнём, Гэр отмахивался палкой. Трижды он, сбитый ударом чешуйчатого хвоста, срывался в пропасть, но, очутившись на дне, вставал невредимый и вновь начинал карабкаться на обрыв. В конце концов дракон промахнулся и убился, врезавшись в скалу, рассыпался грудой базальтовых обломков, после чего Гэр смог продолжить путь. Он тогда свернул немного, чтобы взглянуть на драконью пещеру. Из норы тянуло зловонием, земля кругом была заляпана жидким навозом. Гэру стало противно, и он ушёл, предоставив другим возможность отыскивать золото среди куч дерьма. Хотя если бы путь его лежал сквозь пещерный лабиринт, он прошёл бы его, не моргнув глазом и ни разу не поморщившись.

Что может ответить вечный скиталец человеку, не знающему ночи, проведённой не под крышей родного дома?

— Должна же быть какая-то цель, — подсказала Алина. — Просто так ходить — всё равно что на месте топтаться. Даже мельница не просто так крыльями машет, а людям муку мелет.

— Может, и есть цель, — Гэр пожал плечами, — только пока я не вижу её. Стало быть, не дошёл. Хотя, сдаётся, вся моя цель — чтобы идти. Понимаешь? Чтобы не было в мире дорог непроезженных и непроходимых.

Алина кивнула, не то чтобы согласившись, но не возражая. Подошла к столу, разрежала пирог, разлила по кружкам молоко.

— Ужинать иди. — И только теперь заметила, что с первой минуты называет Гэра на «ты».

«Ой, что делаю...» — затухающим эхом прозвучало в душе.

Гэр, не чинясь, подсел к столу. Видно, привык за годы странствий встречать не только врагов и препятствия, но и добрых людей. Добрых людей на свете куда больше, чем дурных, просто они не так бросаются в глаза.

Пирог с рассыпучей гречневой кашей мало способствует болтовне, и ужин прошёл в торжественном молчании. Отправив в рот последнюю корочку, Гэр поблагодарил за угощение, похвалил умелую хозяйку и деликатно вышел, дав Алине возможность убрать со стола и чуток привести в порядок растрёпанные мысли. Как вести себя дальше, Алина не представляла, знала одно: не гнать же человека из дому на ночь глядя. Себе постелила в кухне, гостю на старом месте возле печки. Настоящие места, где хозяева спят, остались незастеленными. Кто его знает, какие нравы у них за морем, но ведь должен человек понять... И без того, пронюхают соседи, что в ее доме посторонний мужчина ночевал, пиши пропало — ославят на всю деревню.

Гэр сидел на завалинке, перебирал что-то в распушенном мешке. Алина присела рядом, глядя в сторону, спросила:

— Как же тебя сквозь затворище угораздило живым пройти? Другой только коснётся пузыря, его враз молнией сожжёт.

— Нету там никаких молний, — поправил Гэр. — Лёд это. Людей там в ледяную пыль перетирает. А прошел, как и всюду: оно меня морозит, а я иду себе потихоньку. Потом уж и не помню, как добирался. Если бы не ты, валялся бы сейчас под кустом и оттаивал целую неделю. Жив бы остался, а прочее уж и не знаю как. А ты небось удивляешься, с чего у меня память отшибло. Это не первый раз со мной такое. То есть морозили вот так впервые, а бьют до полусмерти чуть не во всякой стране. Редко где

счастливый край встретишь, всюду не понос, так золотуха. Бывает благодатная страна, ни огненных гор, ни колдовской напасти, так и там люди непременно сами себе язву сделают. Вот с ними труднее всего, а это ваше затворище пройти полбеды — ткнул да прошёл.

— А если бы не прошёл? — спросила Алина. — Лежал бы сейчас под пеленой, что мороженная туша на леднике, а оно бы тебя грызло.

— Значит, судьба. Должен был я до вашей деревни дойти. Не век же ледяной пакости дорогу затворять.

— Судьба, — согласилась Алина и вдруг принялась рассказывать, что от родителей слыхала и что самой видеть довелось: — Затворище, оно с севера приползло. Говорят, там всегда морозно было, вот и зародилось оно там. Когда зародилось и отчего, этого уже никто не скажет. А только стало людей с родных мест гнать. Кто уйти не хочет или не может, того пузырьём накроет, вот как дядьку моего. Старики рассказывают, что прежде наши и на полуночь ездили хлебом торговать. Город там стоял названием Северск, люди железом торговали. И сейчас кой у кого из наших ножи да серпы остались северской работы. Сносу им нет. А сам Северск так и сгинул ещё в незапамятные времена. Подошло затворище вплотную, народ и разбежался кто куда. А теперь оно к нам добралось, только нам бежать некуда. Мы, заозёрские, всегда на окраине жили, а теперь нас от остальной страны отгородило, так и пропадаем одни. А озеро было у нас доброе, я его хорошо помню. Рыбы много было, птицы. По весне, как затворище озеро накрыло, птицы летят стаями и горят одна за другой. Я уж и плакать не могла... Особенно лебедей жаль, лебедей у нас много водилось.

— Это там, что ли? — Гэр вскинул руку, указывая в вечерний сумрак.

— Ну да. Ты старым трактом прошёл, через лес, а озеро левее будет. Там дорога и по сей день не заросла, под пузырь уходит. — Алина поёжилась, вспомнив, как катилось по этой дороге одинокое колесо. «В ледяную пыль перетёрло», — прозвучали в душе только что слышанные слова.

— Схожу завтра к вашему озеру, посмотрю, что там случилось, — произнес Гэр как бы самому себе.

— Только пелены не касайся! — встревоженно сказала Али-

на. — Один раз с рук сошло, второй может и не сойти. Затворище небось зло на тебя, ты уж судьбу не искушай.

Гэр усмехнулся и ничего не ответил.

* * *

На удивление самой себе, Алина проспала эту ночь как убитая. Ткнулась носом в пуховую думку, и словно затворищем её накрыло: ни мыслей, ни сновидений. Если вдуматься, то так и должно быть. Две ночи без сна, где уж тут с боку на бок ворочаться, добраться бы до подушки.

Поднялась с зарёй, как сызмальства привыкла. Убралась с коровой, на огород сбежала. Июньская редька как раз в пору вошла, так Алина полную корзину надёргала. Мужчины редьку любят, особенно дядька уважал пареную с мёдом. Для него и сажено было. Ну да, может, и Гэр не откажется от деревенского угощения.

Гэр, переодетый уже в своё, стоял возле дома и, запрокинув голову, смотрел на небо.

— Дождя не будет, — сказал он. — Надо бы к озеру сходить, как обещался.

Алина подошла, коснулась рукава.

— Слышь, не трогай ты её. До того страшно вчера было. Да и не отдохнул ты как следует, слаб ещё. А ну как беда, что ж я делать буду?

— Не бойся ты. — Гэр улыбнулся успокаивающе. — Я только посмотрю — и назад. Мне ведь самому любопытно, что там пужиры поделявают, которые от остального затворища отрезаны. Может, они уже сами собой полопались.

«Полопаются они, как же!» — хотела сказать Алина, но промолчала. Нельзя женщине поперёк мужского дела становиться, самой же раскаиваться придется. Да и кто она такая, чтобы указывать вечному страннику?

Алина протянула руку и ещё раз осторожно погладила Гэра по рукаву.

— Возвращайся скорее.

Дневные зарницы непросто разглядеть, но Алина увидала их сразу, едва синее небо дрогнуло голубыми разводами. В эту минуту Алина была в поле на узкой полоске, засеянной горохом. Горох созрел, пора было косить, а потом ещё молотить самой. Дядьки нет, никто не пособит.

Когда небо пропороли ледяные стрелы, Алина бросила косу,

повалилась лицом в измятую гороховую солому и заревела в голос. Так и знала, что не остановится Гэр, войдёт в замороженный ад, откуда один раз едва живым вышел. Да за что же такое наказание, что за беда на её голову?!

Долго реветь не пришлось. Алина вскочила, размазала кулаком слёзы и, забыв на полосе косу, побежала к дому, затапливать ещё не успевшую выстыть баню, а оттуда к озеру, где в ту минуту лопался второй или уже третий пузырь. Алина старалась не представлять, каково сейчас Гэру: лишь бы был живой, а там вытащу.

С этой единственной мыслью Алина бросилась по следам ушедшего Гэра. Озеро встретило её прозрачным бесснежным льдом. Берег безжизненный и промёрзший за три года до самых глубин, был пуст. Пальцы ног мгновенно свело ломотной морозной болью, но Алина не остановилась. Здесь только что прошёл Гэр, и если не помочь ему, не вывести к теплу, то он будет лежать вмёрзший в ледяную глыбу, и даже если оклемается через неделю... Алине было страшно представлять эту небывалую пытку.

Гэр шёл ей навстречу. Белое лицо, волосы в бахrome инея, на губах недвижно застывшая улыбка. Алина кинулась к нему, ухватила за руку, повела. На этот раз глаза ещё не совсем отказали Гэру, он различил Алину, а может, просто ощутил её присутствие, потому что улыбка стала чуть шире, со щёк посыпался наросший лед.

— Ведь говорила тебе, говорила! Ну, ладно, приспичило тебе с затворищем схлестнуться, так один пузырь проткнул бы — и довольно! Зачем же столько враз?

Гэр не отвечал, да и не мог отвечать, но шёл, и Алина знала, что на этот раз он шагает не как заводной попрыгунчик, которого заставляет двигаться перекрученная жилка, а идёт к дому. Одно это сознание придавало Алине силы.

Ни секунды не колеблясь, она протащила Гэра напрямик в баньку, чуть ли не привычно стащила с него ломкую от мороза одежду. Плеснула горячий травяной настой на кучу каленых камней.

Бабы, когда в бане парятся, пользуют свои травы: волосы мыть — репейник и крапиву, квасную гущу, чтобы кожа белой была, а на каменку поддают настоем Melissa и душистого тимьяна. У мужиков травы свои: полынь для жилистости и злости в работе, донник от ломоты в суставах. Ну и пиво, само собой, мужики вообще без пива никуда. Женщины парятся берёзовым веником,

от которого в теле пышность родится, мужчинам больше по нраву дубовый, а пуще того — пихтовый.

Второй раз кряду очутилась Алина в топленной по-мужски бане, и на этот раз не ел горло горький пар и не смущала Гэрова нагота. Пусть хоть вся деревня смотрит да пересудами тешется, ей дела нет. Лишь бы не помер парень, отогрелся, а проснувшись, позвал её по имени, радостный, что она не во сне привиделась, а есть на самом деле.

А Гэр, как назло, в себя не приходил. Уже лёгкий первый пар сменился тяжёлым, угарным, не было сил махать веником, нагнетая жаркий дух к груди и ногам, а под распаренной кожей всё ещё чудился лёд.

— Эх, нельзя было на другой день снова к затворищу идти! Говорила же! Подождать не мог?.. И что теперь прикажешь делать?

Чуть не плача, Алина вывела Гэра из бани, уложила, крепко укутав, не на лавку, что же зря человеку жаться, а на постель, что тоже у печи стоит. Словно вчера пристроила рядом отцовы наряды, вернулась в баню, наскоро помылась сама и простирнула отмокшую, но всё ещё ледяную одежду. Развесила вокруг котла, медленно ступая непослушными ногами, вернулась в избу. Гэр лежал неподвижно, сиплое дыхание вырывалось из стылой груди. Руки казались холоднее снега. Не помогли любовно истопленная баня и пихтовый веник, осталась в груди натающая льдина, мутит сознание, давит сердце, пьёт жизнь.

Крепко зажмурившись, Алина скинула сарафан, скользнула под одеяло и всем телом прижалась к Гэру, стараясь хоть так передать частичку своего тепла. Гэр вздрогнул, потянулся к ней, и льдина в его груди взорвалась тысячей раскаленных осколков, пронзив Алину огнём и болью.

Потом они лежали рядом, грудь Гэра была горячей, а руки тёплыми. Он шептал что-то ласковое, не то в бреду, не то на самом деле, и Алина гладила ему лицо и плечи и твердила непрерывно:

— Хороший мой, славный, желанный мой...

Об одном только за всю ночь и пожалела: что за мать Гэру досталась, недодумка, не могла сыну получше имя выбрать? Может быть, западные красавицы и умеют нежно мурлыкнуть этакое, а ей каково? Вот и остаётся повторять: «Хороший, славный, любимый...»

Под утро Гэр уснул. Тогда Алина тихонько выбралась из постели, выгнала на луг корову (никуда она не денется, и без пасту-

ха вечером домой придёт), а сама отправилась к делянке. Что бы там ни было ночью, а день есть день, горох нужно убирать, да и брошенной косе не дело валяться под открытым небом.

Деревня осудит её за то, что случилось ночью, странствующий трубадур скривится, узнав про трезвомыслящее утро — и что с того? Она будет жить, как может.

Отмахав несколько проходов, Алина не выдержала и побежала к дому. Пospела как раз вовремя, Гэр уже проснулся и был в рас-терянности, не зная, искать ли ему хозяйку или что-то делать в пустом доме. Алина подбежала, спрятала лицо у него на груди, и все оказалось просто и понятно, утро было трезвомыслящим у обоих, через полчаса они дружно работали на поле, и лишь исто-ма, что порой накатывала тёплой волной, подсказывала Алине, что на самом деле она ждет ночи.

К полудню худо-бедно управились с косьюбой, Алина увязала скошенное в огромные снопы, которые пришлось на спинах тас-кать к гумну. У дядьки на мельнице была лошадь, да теперь нет ни дядьки, ни мельницы. Зато дорога есть на запад, широкая, словно двести лет назад. Значит, хлеб в цене поднимется, и сли-вянка на рынок пойдёт, как в добрые времена. Были бы руки, а хозяйство поправим. И лошадёнку заведём, и всё остальное, не хуже, чем у людей...

На гумне не выдержали и повалились в рыхлую прошлогод-нюю солому, а очнувшись от забытья, Алина первый раз замети-ла в лице Гэра тревогу. Гэр смотрел на восток, туда, где мутно си-нел непролазный болотистый лес. Предчувствие разлуки косну-лось души, но Алина отбросила дурные мысли, и день прошёл чисто и радостно.

К вечеру пустая деревня начала оживать, первые смельчаки выползли из болота. Алина и Гэр сидели в проулке возле дома и тихо разговаривали, когда с улицы раздался оклик:

— Алинка, ты тут жива?

Маруха, главная деревенская балаболка и сплетница, объяви-лась из-за угла и замерла, уставившись на Гэра.

— Ой, — сказала она. — Ой, это кто?

— Да вот, — сказала Алина. — Человек в гости зашёл.

— Я и сама вижу, что человек. А откуда? — Вопросы Маруха задавала простые и очевидные, но Алина понимала, что от ост-рого взгляда не укрылось ничего: ни домашняя одежда, которую Маруха не раз видывала, ни то, что парочка сидела предосуди-

тельно близко, прямо-таки прижавшись друг к дружке. Сегодня же всё будет разнесено по деревне, и на острова, к тем, кто поосторожничал и не вернулся, тоже будет дотащено. Ну и пусть, Алина и не думала скрываться. Она крепче прижалась к плечу Гэра, но на прямой вопрос ответила прямо:

— С материка пришёл. Там теперь дорога есть, отступило затворище.

— Да ну? — Новость разом затмила всё увиденное. — Врёшь поди.

— Сбегай да сама посмотри. И вдоль озера тропа свободна, и по старому тракту.

— Ой, что делается! — Маруха вскинулась и убежала глянуть на дорогу, а вернее, сообщить соседям непроверенную, но зато сногшибательную весть.

Алина вздохнула и склонила голову Гэру на грудь. Пойдет кто мимо, пусть смотрит и завидует. Пусть теперь Маруха ойкает да причитает, а у Алины все ясно.

Ночи она ждала как спасения. Первая ночь любящей пары исполнена страсти и смятения. Всё внове, всё небывало. Первая ночь как чудо, которому не суждено повториться, и никого не удивляет, что в сказках именно после первой ночи суженую уносит злой дух. А уже вторая ночь — это привыкание, срастание друг с другом, начало семейной жизни.

И всё же не сбылось. Не поспела ночь на выручку. Уже в сумерках, принеся Гэру вымытую, откатанную и высушенную одежду, Алина увидела, что он собирает мешок.

— Куда?.. — помертвелыми губами спросила Алина.

Глаза у Гэра были несчастными и виноватыми, но всё же он ответил:

— Я должен идти. Понимаешь? Должен.

— Зачем? Это твой дом, тут всё твоё.

— Я понимаю. Здесь ты и дом, который может стать нашим, и дела хватит на всю жизнь, ведь затворище не исчезло, а лишь отступило на север. Но я должен идти не на север, а на восток. Если бы я только мог быть как все люди! К несчастью, я не человек, а перекасти-поле, которое гонит западный ветер.

— Каждый человек до поры идёт неведомым путём, — попыталась возразить Алина, — но рано или поздно он должен прийти домой.

Гэр не слушал. Он подошёл к столу, со звоном высыпал что-то из сумки.

— В пути иногда попадают такие вещи. Мне они не нужны, а тебе могут пригодиться.

Алина подошла, послушно глянула. На столе кучкой лежали золотые монеты дальних стран, и серебряные монеты дальних стран, и жемчуг, холодный, как разлука. И Алина сдалась, произнесла покорно: «Я соберу тебя в дорогу...» — а самые главные слова так и не прозвучали.

Гэр ушел, и вторая ночь была пустой и холодной, словно затворило, вернувшись, накрыло её тяжелой лапой.

* * *

Дорога давалась трудно. Тяжелей обычного давил на плечи мешок, и палка, с которой было пройдено бессчётное число земель, слабо помогала ногам. На третий день вечером, развязав мешок, Гэр обнаружил, что под немудрящим припасом, собранным Алиной, под хлебом и фляжкой сладкого сливового вина, под просторной одеждой, в которой он провёл единственный день своей семейной жизни, лежат увязанные в тряпицу деньги. Не взяла Алина его подарка. И, возможно, тяжкий золотой груз пригибает его к земле. Деньги и цветные камушки Гэр высыпал прямо в грязь, но идти легче не стало. Впервые мысли его были обращены не в будущее, а к пройденному, и ноги не хотели идти на восток.

Гнилое болото, по которому он пробирался уже четвертый день, не только не собиралось кончаться, но становилось всё более мрачным и отвратительным. Топи сменялись завалами трухлявых стволов, даже звериных троп не встречалось на пути, тишина царила окрест, лишь комары пели зудящую песню, да с ленивым бульканьем всплывали из трясины пузыри. Человек ли, зверь — здесь не мог пройти никто, любого засосёт, укутает тиной, превратит в бурый кусок торфа. И всё же Гэр шёл, как привык ходить всегда — не сворачивая и не обходя препятствий.

Болото впереди вздыбилось холмом густой жижи, противоестественно и страшно растущим, целенаправленно двинувшимся навстречу путнику, сумевшему забрести в эти дебри. Гэр приостановился было, затем прежним ровным шагом пошёл навстречу тому, что учуяло его и теперь собиралось напасть. Что бы там ни копошилось, ему лучше уступить дорогу. Десяток безглазых голов

выметнулись из взгорбившейся грязи, потянулись к человеку. Гэр отмахнулся палкой, как когда-то от дракона; головы отшатнулись, а сзади громко и безвредно чавкнуло: монстр рассчитывал, что человек отступит хотя бы на шаг и угодит в угодливо подставленную главную пасть.

— Пусти, — сказал Гэр. — Я всё равно пройду.

Болотная гидра не слышала обращённых к ней слов, она была глуха, да и не умела она понимать таких вещей. Обычно, чтобы найти добычу, ей приходилось ползти в отвратительно сухие места, а потом неделями подкарауливать там неосторожную жертву. А тут пища пришла сама, и гидра не собиралась упускать её. Ложные головы насакивали на человека то справа, то слева, а основное тело неуклонно подползало к увязшим в густом месиве ногам. И вот после очередного шага зыбкая почва раздалась под ногой, Гэр провалился в затхлую тьму. Он не испугался и не потерял головы, за годы, что он провёл в пути, с ним случалось и не такое. Гэр продолжал идти вслепую, на ощупь прокладывая путь. Идти на восток. Гидра почувствовала, что проглоченная пища ещё не сдалась и скоро пробуравит её рыхлый бок и выйдет наружу. Рано или поздно так и должно будет случиться, но не прежде, чем она сама этого захочет.

Гидра начала медленно переливаться вокруг идущего. Чудовищная пара вместе продолжила путь на восток. Гидру эта дорога устраивала, она и сама поползла бы именно туда.

Тьма, зловоние, липкая едкая жижа... Никакой опоры, ничего определённого вокруг. Нечем дышать, саднит разъеденная кожа. Гэр пытался палкой нащупать дорогу, но и палка не встречала твердой преграды, а потом попросту делась куда-то вместе с ключьями поветшавшей одежды. Теперь оставалось одно — упрямо идти туда, где чудился восход, уже не думая о том, чтобы сокрушить преграду, но только пройти насквозь, ибо у всякого препятствия должна быть граница. И он прошёл, вывалившись к тусклому свету, который с трудом различили больные глаза.

Гэр упал на дно торфяной ямы, до половины залитой водой. Он понимал, что испытания не кончились, но не мог сдержать злорадного чувства по отношению к противнику. Что, съела? То есть, съела, конечно, но выплюнула невинного... почти...

Гэр поднялся на непослушные ноги, сделал шаг в сторону берега. Грязная вода взбурлила, какая-то тварюшка кинулась на

него, облепила бок, вцепилась беззубой пастью, стараясь оторвать кусок живого тела. Гэр ударил слабым кулаком:

— Пусти! Уж не тебе со мной тягаться!

Второе и третье болотное исчадия объявились рядом, потом их стало совсем много. Гэр, не обращая внимания на укусы, равнулся к берегу. Выйти хотя бы на подобие сухого, ощутить опору под ногами, а там он с ними разберётся. Главное, чтобы под ногами была земля, по которой можно идти.

Близкий берег вспух студенистой плотью гидры и опрокинул его обратно в яму.

* * *

Вечер. Алина вышла из дома, прикрыла дверь и села на пустую завалинку. Дверь была густо вымазана дёгтем — кто-то из прежних женихов постарался. Алина невидяще скользнула взглядом по позорной отметине. Что толку скоблить двери, всё равно заново вымажут.

Запах дёгтя, резкий и свежий, вызвал приступ дурноты, но Алина справилась с собой, не показав и вида, как ей нехорошо. Ничего, знала, на что шла, теперь привыкай и к позорной кличке, и к дёгтю на воротах, и к каторжной судьбе одинокой бабы.

Где-то теперь Гэр, куда идёт, какие преграды ломает? Ушёл на восход, ни разу не оглянувшись и не думая о том, что оставляет за спиной. Что поделаешь, здесь он увидел только дом, женщину и дело, достойное мужчины. Не разглядел главного — любви. И прошёл мимо, не поняв, что именно здесь нужно остановиться. Дорога, когда она не имеет конца, не имеет и смысла.

Новый приступ, сильнее первого, заставил ее скорчиться. Терпи, это только начало. Потом будущий ребёнок станет проситься на волю, а ее огрузневшая фигура будет бросаться в глаза всякому злопыхателю. Затворище отступило, народ теперь лет триста беды не будет знать, и на свободе беспощадные сельчане всласть потешатся над девкой, что недотрогу корчила да позором кончила. Таких не любят, к гулящей бабёнке, драному подолу, и то отношение лучше. А ей самой сына носить, самой рожать, одной на ноги ставить.

И когда-нибудь, вставши на ноги, он вырежет причудливую можжевелевую палку и, не взяв ничего, кроме драной одежды, уйдет на восток. А она не станет его удерживать и лишь об одном

будет молить судьбу, чтобы там, на востоке, он понял, где нужно остановиться и прекратить бессмысленное коловращение дорог.

Как-то сейчас Гэр, каково ему идти, когда вместо силы, что привела его сюда, у него осталась лишь привычка к дороге, не позволяющая понять ошибку и вернуться домой?..

* * *

Все складывалось удачно, как и должно быть. Если бы гидра умела испытывать чувства, она была бы довольна. Конечно, добыча попала на редкость живучая, но всё же её удалось проглотить, притащить к логову и оторгнуть полупереваренную, но еще живую. И теперь оставалось лишь следить, чтобы оно не ушибло кого-нибудь из детей или не уползло слишком далеко. Так что всё идёт хорошо, пусть малыши позабавятся и полакомятся всласть.

СОДЕРЖАНИЕ

БИТВЫ МАГОВ

Игорь Пронин	
КУКЛЫ ВСАДНИКА ЛОЙОДИ	7
Генри Лайон Олди	
КОНРАД ФОН ШМУЦ, ОБЕР-КВИЗИТОР БДИТЕЛЬНОГО ПРИКАЗА (<i>Из книги «Приют героев»</i>)	36
Дэн Шорин	
АМУЛЕТ	130

ЧЕСТЬ ВОИНА

Алексей Пехов	
ЦЕНА СВОБОДЫ	137
Вера Камша	
ДАННИК НЕБЕЛЬРИНГА	194
Андрей Уланов	
ЭЛЬФИЙСКАЯ ОБНОВКА	259

ДУХИ НИЖНЕГО ЦАРСТВА

Александр Зорич	
РАШ-РАШ	289
Роман Афанасьев	
ЗНАК ЧУДОВИЩА	318
Роберт Шекли	
ИСТОРИЯ ЗАНТИИ	359

КАК СТАТЬ ГЕРОЕМ

Леонид Кудрявцев	
КРЫСИНЫЙ КОРОЛЬ	373
Кирилл Бенедиктов	
КОТ ЭДИПА	483

Владимир Аренев	
В ЛЕСАХ ПОД ЧЕРНИГОВОМ	497
Святослав Логинов	
РУКА СУДЬБЫ	503
Алексей Бессонов	
БАРОН, ДРАКОН UND САМОГОН	509

ПРОКЛЯТИЕ ЛЮБВИ

Юлия Остапенко	
СТИГМАТЫ	525
Дэн Шорин	
ПЕЧАЛЬ БОЛЬШОГО ДРАКОНА	547
Святослав Логинов	
ТАМ, НА ВОСТОКЕ	550

ФЭНТЕЗИ-2005

Выпуск 2

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Н. Скибина*

Художественный редактор *А. Степнов*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *Л. Перовская*

В оформлении переплета использована работа художника *Хескока*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнс»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнс»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12

(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 22.07.2005.

Формат 84х108¹/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 29,8.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 2273.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства

на ОАО «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15

Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!

Книжный ряд: Рецензии на фантастические книги, обзоры жанров и грандиозных авторских вселенных.

Контакт: Интереснейшие беседы с писателями-фантастами, редакторами издательств и другими деятелями фантастической культуры.

Машина времени: Популярны статьи о средневековом быте, оружии, о передовых технологиях и науке завтрашнего дня.

Бестиарий: Чудовища и разумные расы фэнтези и научной фантастики.

А также: Рассказы известных авторов, Видеодром, Игровой клуб, Врата миров, В центре вселенных, Комната смеха и другие рубрики!

Часть тиража журнала комплектуется компакт-диском с оригинальными материалами.

www.mirf.ru

Вы первыми узнаете,
во что все будут играть завтра

Журнал «Страна Игр»

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

КАЖДОЕ
2
МЕДЬИ

192
СТРАНИЦЫ

DVD
85
ГЛАВ

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов —
знаменитый писатель-фантаст!

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эдмондом Гамилтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора стиле —
фантастический боевик!

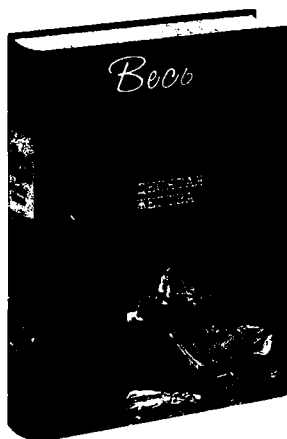
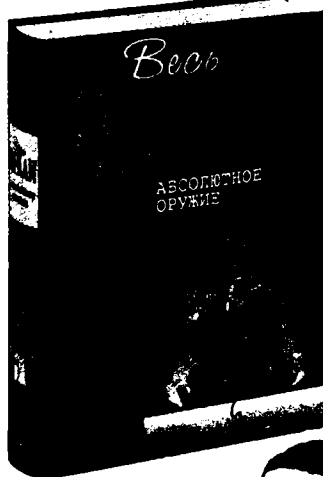
Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

Р О Б Е Р Т

ШЕКЛИ

В СЕРИИ

«ОТЦЫ-
ОСНОВАТЕЛИ»

Все произведения
знаменитого
американского
писателя
Роберта Шекли
в 6 томах!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«Цивилизация статуса»
«Лабиринт Минотавра»
«Обмен разумов»
«Белая смерть»

Знаете ли вы, как стать героем
и отстоять честь воина, преодолеть
проклятие любви, победить в битве
магов и обуздать духов
нижнего царства? Ведущие писатели,
работающие в жанре фэнтези,
в очередной раз представляют свои
новые произведения,
которые распахнут для вас двери
в иные миры
и экзотические королевства,
населенные
причудливыми существами.

ISBN 5-699-12544-2

9 785699 125449 >